МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ

Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.)

Издательский дом «Астраханский университет»
2010

ББК 63.4
А87

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия [Текст] : материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / сост. и отв. ред. Д. В. Васильев. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – 409 с.

Посвящены обсуждению основных проблем археологии Нижнего Поволжья и сопредельных регионов. Материалы, представленные в сборнике, охватывают значительный хронологический интервал: от каменного века до позднего средневековья.

Представляет интерес для археологов, этнографов, историков, краеведов, всех интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-9926-0420-7

© Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010
© Д. В. Васильев, составление, 2010
© Е. А. Пальцев, дизайн обложки, 2010

И.В. Горащук
(ООО «Универсальные технологии и разработки», г. Самара)

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ОХОТНИКОВ В НИЗОВЬЯХ ВОЛЖСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Типологический анализ материалов стоянок указанного региона выявил наличие двух групп мезолитического населения – же-калганской и истайской[1]. Более тщательное изучение материалов технологическим и трасологическим методом показало, что более правильно говорить о трех группах – же-калганской, истайской с серийными микролитами в каменном инвентаре и истайской с единичными микролитами в инвентаре[2].

Трасологические определения красноречиво свидетельствуют о том, что хозяйство мезолитических охотников было охотничьим. Охотники всех трех групп населения скорее всего использовали лук со стрелами[3]. Причем, стрелы были оснащены вкладышами[4]. Вкладыши всех трех групп населения были сходными. Все три группы населения использовали в этом качестве пластины со скошенным концом[5]. Же-калганские охотники пользовались еще параллелограммами, с «сероглазовской» ретушью, которая служила для выправдения профиля пластины.

Истайское население с традицией производства геометрических микролитов использовали зарзийские наконечники стрел на ранних этапах, и перешли к вкладышам типа параллелограмм на поздних этапах развития[6].

Истайское население с единичными микролитами в инвентаре использовало в качестве вкладышей, кроме пластин со скошенным концом низкие ассиметричные трапеции в качестве вкладышей в продольной позиции и средневысокие трапеции в поперечной позиции[7].

Неолитическое население пользовалось стрелами со средневысокими трапециями в поперечной позиции и традиционными параллелограммами в продольной.

В последние годы в историографии произошла серьезная переоценка вкладышевого вооружения. Если ранее считалось, что подобное оснащение стрел свидетельствует о охоте на мелкую дичь и пластинчатоклювых[8], то теперь. под влиянием неопровержимых свидетельств из зарубежных источников можно по – новому оценить этот потенциал.

Например, бизон из Вига был застрелен с двух попыток стрелами оснащенными вкладышами в продольной позиции[9].

В ребре красного оленя из Maglelyng Aamosen Sjaelland был обнаружен поперечнолезвийный наконечник. Такие наконечники обнаружены и в костях человека на стоянке Сен-Ойс-Марненской культуры во Франции. По мнению Дж. Кларка, это свидетельствует об эффективном применении подобного оружия не только на охоте, но и на войне[10].

Напомним, что поперечнолезвийным (transverse) наконечником автор называет трапецию, использованную в поперечной позиции.

---

[1] Васильев И. Б., Выборнов А. А., Комаров А. М. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 3–41.
[2] Горащук И. В. Каменные орудия мезолита – раннего неолита Северного Прикаспия : дис. … канд. ист. наук. С. 29.
[3] Там же. С. 51.
[4] Там же. С. 52.
[5] Там же. С. 167.
[6] Там же. С. 127.
[7] Там же. С. 147.
[8] Мелентьев А.Н. К вопросу о позднечетвертичных колебаниях Каспия и реконструкции природной среды // Природа и человек. М., 1988 С. 61–71.
[9] Clark J. G. D. Neolithic Bows from Somerset, England, and the Prehistory of Archery in North–West Europe // Proceedings of the Prehistoric society, 1963. Vol. 29. P. 50–99.
[10] Там же. P. 81–82.

Еще одним примером подобного рода является детальный анализ скелета утонувшего лося, атакованного первобытными охотниками. Он обнаружен при торфоразработках в Верхнем Ферлонге, около Блекпула в Ланкашире[1].

Кроме двух костяных наконечников типа зубчатых острий, выпущенных из лука, и застрявших в ногах животного, исследователи обнаружили многочисленные повреждения на ребрах животного от попаданий кремневых наконечников, а также повреждения, оставленные топориком типа транше в области лопатки[2].

Коллектив ученых реконструировал охоту следующим образом. Сначала были произведены выстрелы по ногам, чтобы затруднить бег животного, потом удар топором в область лопатки с целью обездвижить животное и его обстрел кремневыми наконечниками с целью повреждения внутренних органов[3].

Вывод однозначен – ни попадания зубчатых острий, ни удары топором не были смертельными. Смертельную рану нанесли животному стрелы, пронзившие сквозь ребра внутренние органы[4].

Приводя еще ряд интересных примеров подобного рода, таких, как застрявший в оленьей лопатке наконечник с куском древка из аренбургских слоев стоянки Stellmoore, исследователи делают заключение: – «стрелы с кремневыми наконечниками, выпущенные из луков обладали большой проникающей способностью»[5].

Кроме весьма редких прямых свидетельств – нахождение наконечников с вкладышами или наконечниками в костях и тушах животных, небезынтересны и косвенные свидетельства, например, рисунки сцен охоты.

Так, в урочище Кобустан в Азербайджане изображены сцены охот лучника с собакой на быков. Небезынтересно, что поздняя группа этих рисунков перекрыта слоями, без керамики, но содержащими большое количество как острий с притупленным краем и скошенным концом, так и треугольные вкладыши и небольшое количество сегментов и трапеций[6].

Аналогичные рисунки обнаружены в Средней Азии в навесе Зараут – Камар и гроте Шахты. На них воспроизведены сцены облавной охоты и охоты из засады на крупных животных[7].

Из западноевропейских рисунков подобного рода Дж. Кларк описывает широко известные наскальные изображения из Испании а так же саксонскую поздненеолитическую амфору с изображение охоты лучника с собакой на кабана[8].

Итак, на широких исторических примерах ясно, что пластинчатая микролитоидная мезо-неолитическая технология обеспечивала оснащение стрел для охоты на самых крупных животных своего времени.

С точки зрения физики процесса это абсолютно очевидно. Действительно, сам по себе вкладыш и наконечник из отжимной пластинки не мог никого убить, да и не был для этого предназначен.

Энергия пробоя определяется массой метательного снаряда (стрелы, а не наконечника) и квадратом его скорости. Предназначение наконечника в стабилизации полета стрелы, за счет чуть большей массы оснащенного им боевого конца, и главное – в регулировке энергии удара – проникновения. Последнее достигается конфигурацией рабочего конца.

Если очертание пера плавное, как у постсвидерских форм, то энергия удара тратиться постепенно. Такой наконечник будет легко проникать, но может пробить тело навылет.

Увеличение площади крайнего контактного участка наконечника имеет конкретный смысл – основная пробивная энергия стрелы тратиться практически мгновенно.

---

[1] Hallam J. S., Edwards B. J. N., Barnes B. and Stuart A. J. A Late Glacial elk with associated barbed points from High Furlong, Lancashire // Proceedings of the Prehistoric society. Vol. 39. Cambridge, 1973. P. 100–128.
[2] Там же. P. 115–120.
[3] Там же. P. 125–126.
[4] Там же. P. 126.
[5] Там же. P. 124.
[6] Бадер Н. О., Церетели Л. Д. Мезолит Кавказа // Археология СССР. М., 1989. Т. 2. С. 93–105.
[7] Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Археология СССР : в 20 т. Т. 2: Мезолит СССР. М., 1989. С. 149–173.
[8] Clark J. G. D. Neolithic Bows from Somerset, England, and the Prehistory of Archery in North–West Europe // Proceedings of the Prehistoric society, 1963. Vol. 29. P. 50–99.

Соответственно наконечник с боковым вкладышем типа параллелограмм совмещает в себе оба принципа.

Чтобы понять смысл манипуляций с формой боевого конца наконечника стрелы рассмотрим некоторые конструкции пуль для современного охотничьего оружия. учтем некоторые поправки. В отличие от наконечника стрелы пуля направляется по каналу ствола. Следовательно, она изначально не может быть с расширяющимся концом – она просто разорвет ствол.

Поэтому конструкционные особенности пуль современности направлены на деформации головной части пули в момент удара. Общий принцип поражения формулируется следующим образом: «Пуля не должна пробить тело животного и унести часть неизрасходованной энергии. С этой целью их делают экспансивными (полуоболочечными, с пустотой в головной части, составными и со смещенным центром тяжести)»[1].

Таких пуль существует великое множество – пуля Ширинского-Шихматова для охоты на медведя в берлоге и на копытных в открытой местности[2], пуля Якана («жакан» – из-за неправильного прочтения фамилии изобретателя, литовского инженера) для охоты на крупных опасных животных[3], пуля Блондо, изобретенная французским инженером Роланом Блондо для бойцов сопротивления в годы фашистской оккупации с целью поражения из ружей техники противника[4], знаменитая полуоболочечная «дум-дум», впервые примененная во времена англо-бурской войны и запрещенная к применению как бесчеловечный боеприпас Гаагской конвенцией в 1899 г.[5]

Принцип действия таких боеприпасов один: «При увеличении поперечного сечения пули после встречи с преградой в процессе экспансивного действия ее носовой части уменьшается скорость прохождения пули через ткани и усиливается ее поражающая способность»[6].

Однако, такие пули менее центрованы, и часто отклоняются от цели при попадании даже в незначительную преграду.

Остается добавить, что экспансивные пули эффективны на средних и дальних дистанциях, так как максимально используют энергию, на коротких дистанциях больший так называемый «взрывной» эффект дают более легкие пули[7].

Поставив в соответствие экспансивным пулям стрелы, оснащенные наконечниками типа «трапеция в поперечной позиции» отметим, что и те и другие сконструированы таким образом, чтобы удар был максимально сильным. У стрелы площадь контакта наконечника задана изначально максимальной, а у пули становиться таковой при контакте. Экспансивная пуля способна разворачиваться в 1,5–2,5 раза больше первоначального диаметра.

Трапеция в поперечной позиции – наконечник, обладающий страшным по силе ударом и отстреливать им мелкую дичь бессмысленно.

Такой наконечник эффективен на дальних и средних дистанциях. Из-за плохой центровки его следует применять в открытой местности – в степи и лесостепи, там, где встреча даже с небольшой преградой практически исключена. Действительно, максимальное распространение средневысокие и высокие формы трапеций находят в степи и лесостепи. В лесу экспансивными формами являются более устойчивые наконечники с биконической головкой.

Относительно параллелограмма, как бокового вкладыша, следует заметить, что он сочетает в себе экспансивные и неэкспансивные черты. Он имеет острие, поэтому экспансивный эффект снижен, но расширяется боевой конец гораздо круче чем у острийных постсвидерских форм наконечников стрел. Из чего следует, что стрельба таким наконечником эффективна со средней и близкой дистанции. То же и вкладыш типа асимметричной трапеции в продольной позиции.

На кого же охотились такими наконечниками? Остеологический материал на этих стоянках крайне скуден. Он включает мелкие кости кулана со стоянки Буровая 53, на которой

[1] Трофимов В. Н. Охотничьи боеприпасы : справочник. М., 1998. С. 95.
[2] Там же. С. 104–106.
[3] Там же. С. 116.
[4] Там же. С. 126.
[5] Там же. С. 146.
[6] Там же. С. 146–147.
[7] Там же. С. 175, 177.

встречены еще остатки раковин пресноводных моллюсков[1]. Также известны единичные кости кулана и лошади со стоянки Каиршак 5б[2], что подтверждает тезис И.Е. Кузминой о преобладании в ранее время охоты на кулана[3].

Наиболее полная характеристика образа жизни кулана сделана А.О. Соломатиным в 1973 г. на основании многолетних исследований животных в Бадхызском заповеднике[4]. Приведем суммарную характеристику этого вида.

При помощи кинокамеры скорость движения животного оценена в 85 км в час. Кулан превосходно преодолевает препятствия. Не редкость, что животные запрыгивают на полутораметровый отвесный склон, спрыгивают с 2,5 м высоты, свободно спускаются по склону с уклоном в 70 градусов. Это позволяет автору сделать вывод о том, что кулан не степное животное а представитель фауны пустынных и полупустынных нагорий и предгорий[5].

Животные этого вида обладают острым зрением и хорошей реакцией на движущиеся предметы.

Правда, зрение только верхнее, позволяющее кулану заметить идущего человека на расстоянии 500–1000 м. Однако, лежащего или притаившегося, сидящего человека он различает лишь вблизи. На этой особенности зрения основаны приемы охоты у хищников и человека. Как правило, его скрадывают во время пастьбы или у водоема.

Кулан – стадное животное. Численность стада зависит от времени года. Самые многочисленные стада существуют в зимний и летний период[6].

Одна из глав книги А.О. Соломатина полностью посвящена сезонным миграциям кулана. Как уже было сказано выше, этот вид – животные засушливых предгорий и нагорий, выходящее в степь лишь для летней пастьбы. Но на зиму стада вновь возвращаются в предгорья и увалы. Даже внутри наиболее благоприятного микрорайона – Бадхызского заповедника наблюдаются микромиграции от нескольких километров до нескольких десятков километров. В эти же предгорья приходят животные из Афганистана, преодолевая уже свыше 200 км. Дальние миграции кулана описывает П.С. Паллас. «Из пустынь Татарии в «Индию» т.е. Афганистан, как поясняет А.О. Соломатин. Маршруты миграции могут быть различными, но приуроченность их к южным предгорьям бесспорна.

С экологией промысловых животных должно быть увязано и хозяйство мезолитического населения. Степные копытные – животные мигрирующие. Поэтому круглогодичная добыча их возможна лишь при условии повторения этих миграций. Северный Прикаспий – место их летнего выпаса. Осуществление зимой пастбищного режима (тебеневки) невозможно на данной территории по географическим причинам. Прежде всего из за джута. Это почвенное оледенение после частых оттепелей, приводящее к массовым падежам скота.

Даже такие развитые скотоводы, как казахи Букеевской орды, вели строго сезонный образ жизни. На зимовки они уходили к морю, или Узеням[7]. И лишь весну и часть лета проводили в степи.

Тот же характер скотоводство носило в золотоордынский и средневековый периоды[8].

Таким образом, на протяжении всего исторического периода данная территория эксплуатировалась в качестве летних пастбищ. Общества, известные по археологическим источникам, по косвенным данным тоже обитали здесь лишь в летний период. Для мезолита эти косвенные данные выглядят следующим образом: незначительное количество находок на стоянках, свидетельствующее о их кратковременности, отсутствие постоянных жилищ, и очажных конструкций, отсутствие рубящих орудий на всех без исключения стоянках, промысел сезонно мигрирующих животных.

---

[1] Определения И. Е. Кузминой.
[2] Определения П. А. Косинцева.
[3] Кузмина И. Е. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 173–188.
[4] Соломатин А.О. Кулан. М., 1973.
[5] Там же. С. 15.
[6] Там же.
[7] Васильев И. Б., Иванов И. В. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 184.
[8] Там же. С. 175.

Все это справедливо как для стоянок внутренней части песков, так и для стоянок южной части песков – Азгир и Тюкей, так и для стоянок бассейна Узеней – Сарайдин и Миндали. Все они – близнецы стоянок типа Истай, как по количественным. так и по качественным характеристикам.

И это даже там, где в историческое время происходили зимовки населения, как например, на Узенях.

Разумеется, о прямых аналогиях речи быть не может, однако общие экологические законы жизни в аридном климате с четкой сезонной организацией должны соблюдаться.

Но на мезолитическом этапе развития данных о круглогодичном населении в Рын-песках и на их периферии нет. Поэтому нельзя говорить и о заселении этого региона. Картина, полученная по археологическим данным позволяет предполагать лишь включение Волго-Уральского междуречья в сферу хозяйственных интересов отдельных групп, имеющих зимнюю базу на сопредельных территориях.

Некоторую, хотя и весьма скудную информацию об образе жизни проливает топография стоянок. Да и то лишь при условии рассмотрения экологии промыслового вида вкупе с учетом описанных выше закономерностей в форме и степени износа вкладышей наконечников стрел.

Вспомним, что охота на кулана осуществляется лишь на пастбищах и водоемах. Причем, скрадывание на пасбищах носит индивидуальный характер и по мнению А.О. Соломатина чрезвычайно эффективно там, где стада многочисленны и ландшафт носит волнистый характер, как в степях Прикаспия, то охота у водоемов осуществляется чаще всего из засад[1].

Топография стоянок тоже двояка. Же-калганские памятники расположены в 200–300 м удалении от водоемов, тогда как истайские памятники обоих групп – на возвышенных дюнах, непосредственно у водоемов. Поэтому вполне логично полагать, что перед нами два различных варианта организации охот.

Истайская модель хозяйственного использования территории предусматривала неоднократное посещение одних и тех же мест – дюн у водоемов. Доказательство – «кустовое» расположение памятников. Следует объяснить, что понимается под термином «куст». Куст – это когда на одной и той же дюне расположены скопления археологического материала, соответствующее посещению различных в культурном плане коллективов в различное время. Таких кустов известно несколько: Истай, Шонай, Тюкей Сарайдин, Миндали.

Уникальность этой модели заселения в их расположении – на вершинах возвышенных дюн у водоемов. Больше на данной территории никто так не селился, что и понятно. Дюны – самые продуваемые места, доказательство – отсутствие культурных слоев, поскольку из-за дефляционных процессов отсутствовали условия их формирования. В то время, как для одновременных с истайскими памятниками слои, хотя бы и частично сохранившиеся присутствуют на же-калганских стоянках – Же–Калган и Каиршак 5б.

Во все другие времена люди предпочитали селиться в котловинах барханов, где есть защита от ветров. Поэтому с большой долей вероятности такое странное расположение истайских охотничьих лагерей можно объяснить лишь хозяйственной необходимостью – особенностями промысла. По всей вероятности, эти господствующие высоты позволяли издали заметить стадо и загодя подготовить засаду у водоема.

Же-калганское население, по всей вероятности, скрадывало пасущихся животных, вероятно, поэтому их стоянки отодвинуты от водоемов на 200–300 м и вплотную приближены к пастбищам, окружавшим водоем. Находясь в постоянном движении (вслед за стадом) они практически не посещали одну и ту же стоянку дважды. Способы следования за стадом могли быть более или менее жесткими. Коллектив мог следовать за одним конкретным табуном, а мог лишь посещать известные богатые пастбища, находя там желанную добычу.

Как бы ни был эффективен индивидуальный скрад животных, он всегда зависит от превратностей. Возможно, поэтому количество находок сильно варьирует от полутысячи (Каиршак 5), до полусотни (Буровая 53). Видимо, в этом выражается сильная зависимость от внешних факторов, каковыми является охотничья удача. Истайские памятники напротив, демонстрируют относительную стабильность по количественному составу орудий от 100 до 250 единиц. Что и понятно – стереотип охоты из засады представляется более стабильным.

[1] Соломатин А. О. Кулан. М., 1973.

Логика развития и износ стрелкового вооружения тоже не противоречат данной модели. Дело в том, что истайское население с традицией геометрических микролитов в инвентаре какое-то время пользовались неэкспансивными наконечниками стрел зарзийского типа, да и, заимствовав параллелограмм, они внесли некоторые изменения – заузили боевой конец. Таким образом, создается впечатление, что даже полуэкспансивный параллелограмм в чистом виде их не устраивал. Что говорит о более короткой дистанции стрельбы. Об этом же свидетельствует и износ наконечника. Боевой конец некоторых орудий, в особенности на стоянке Суек-тэ не просто разбит а буквально вдребезги раскрошен. Такое впечатление, что этим орудием выстрелили в упор и попали в кость

Иной характер износа у же-калганских параллелограммов. Он более слаб. Лишь изредка можно встретить микрорезцовый скол или фасетку с неконическим началом и ступенчатым окончанием. Все это свидетельствует о более значительной дистанции стрельбы. Что и понятно – при скраде она действительно длиннее, чем при охоте из засады.

Таким образом, на одной территории в разных экологических нишах сосуществуют разные группы населения. В непосредственной близости друг от друга они никогда не селились. Единственное исключение – стоянка же-калганского типа Истай 6 лишь подчеркивает правило. Дело в том, что более 50 процентов орудий здесь связано с охотой. Это обломки вкладышей параллелограммов, что абсолютно нехарактерно для иных истайских комплексов, где резко доминируют орудия переработки – вкладыши мясных ножей.

Поэтому можно говорить о четком соблюдении определенного статуса – незыблемости охотничьей территории соседнего племени. Это полностью соответствует картине, известной по этнографическим данным.

В.К. Мерц
(ПГУ им. С. Торайгырова,
г. Павлодар)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Одним из нерешенных вопросов в изучении раннеголоценовых комплексов Северного Казахстана, начавшегося в 70-х гг. прошлого столетия, является их генезис. Ранее исследователями памятников мезо-неолита региона В.Ф. Зайбертом и В.Н. Логвиным, не располагавших достаточной источниковой базой, такой вопрос напрямую не ставился. Они лишь проводили сравнительные аналогии и параллели по некоторым типам изделий с памятниками Восточного Прикаспия, Предуралья и Зауралья[1] со ссылкой на идеи, высказывавшиеся Г.Н. Матюшиным о происхождении мезолита Южного Урала[2]. А генезис неолитических комплексов региона связывали с местным мезолитом[3]. Такой подход, видимо, объясняется традиционными представлениями, сложившимися в науке того времени на основе идеи автохтонизма и качеством источников, представленных подъемными коллекциями, нестратифицированными памятниками, большинство материалов которых носило смешанный характер и не позволяло решать эту проблему. Лишь обнаружение в конце 80-х гг. и продолжительные исследования многослойной стоянки Шидерты 3 позволили вновь обратиться к этим вопросам и попытаться на них ответить[4]. В связи с этим хотелось бы еще раз[5] рассмотреть материалы позднемезолитического комплекса данного памятни-

[1] Зайберт В. Ф. Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3. С. 107–129; Логвин В. Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита – энеолита : автореф. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 10–11.

[2] Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976,

[3] Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992. С. 128–129.

[4] Мерц В. К. К вопросу о происхождении мезо-неолитических комплексов Северной Сары-Арки // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007». Актобе, 2007. С. 27–31; Он же. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008.

[5] Мерц В. К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : ЭКО, 2006. Вып. 2. С. 10–23.

ка, полученного из слоя 4, сравнить их с мезолитом Северного Прикаспия и затронуть проблему общего в их генезисе.

Материалы слоя 4 являются наиболее многочисленными и исследованными среди раннеголоценовых комплексов стоянки. Они представлены очень яркой и своеобразной индустрией, резко отличающейся от других комплексов стоянки, своим обликом. Все его изделия выполнены в основном из однородного сырья – желтого или светло-коричневого и вишневого яшмо-кварцита.

В разрезе памятника, расположенного на первой надпойменной террасе правого берега р. Шидерты, представлена серия погребенных почв, маркирующих основные палеоклиматические колебания голоцена. Слой 4 приурочен к верхней части светло-коричневого суглинка, залегающего между двумя нижними почвами – «***В***» и «***Г***». Строение террасы отражает различные этапы формирования ее отложений, представляющих 4 фазы: 1 – аквальная, связанная с образованием руслового аллювия; 2 – субаквальная, составляющая отложения пойменного аллювия; 3 – переходная, чередующаяся различными формами осадконакопления в раннем голоцене; 4 – субаэральная часть, включающая и делювиальные процессы.

Появление на террасе первых стоянок – слои 6 и 5 – связано с переходным периодом, в интервале между которыми сформировалась погребенная почва темно-коричневого цвета «***Г***». Образование перекрывающего ее светло-коричневого суглинка, в верхней части которого залегает слой 4, связано с завершением переходной стадии и началом субаэрального периода, приходящегося на рубеж бореала и атлантика. Темно-серый суглинок погребенной почвы «***В***», перекрывающий слой 4, связан с увлажнением в начале атлантической эпохи. К нему приурочены остатки ранненеолитической индустрии слоя 3 с керамикой[1]. На контакте светло-коричневого суглинка с погребенными почвами, где залегают материалы слоев 5 и 4, фиксируются мелкие песчаные линзы, образовавшиеся, вероятно, в условиях сравнительно прохладного и сухого климата конца бореала[2]. Комплексы очень сильно отличаются друг от друга и от индустрии вышележащего слоя 3 не только по сырью, но и по основным типологическим характеристикам, поэтому расчленять их не составляет труда. В тоже время наблюдается определенное сходство по параметрам заготовок и некоторым типам нуклеусов комплекса слоя 4 с материалами слоя 2а[3], размещенного в гумусированном суглинке над почвой «***В***», хотя между ними имеется значительный хронологический разрыв.

Индустрия слоя 4 представлена довольно большим количеством ядрищ (около 80), конической (рис. 1, *1*), карандашевидной, призматической и клиновидной формами с ровной фасетированной, или скошенной у клиновидных нуклеусов ударной площадкой. Их высота не превышает 3–4 см, однако это не говорит о том, что они предназначались только для получения микропластин, которых в этом слое действительно много, но много и средних пластин длиною до 6–7 см, есть и крупные, представленные сечениями такой же длины (рис. 1, 1, *2–4*). Из них состоит основная часть изделий на пластинах. Это орудия на целых неправильных, изогнутых заготовках, часто с отсеченной дистальной частью, или на медиальных сечениях. Чаще всего, это – скобели или боковые скребки с широкими ретушированными выемками по краю с вентральной и дорзальной стороны, или ровной регулярной ретушью по одному краю (рис. 1, *2–5*). Среди них встречаются изделия на медиальных и проксимальных сечениях средних размеров с регулярной вентральной ретушью по одному краю и пластины с подобной или чешуйчатой вентральной ретушью по двум краям (рис. 1, *11*), заполняющей большую часть поверхности брюшка, они также могли являться боковыми скребками.

Множество сечений пластин использовалось, видимо, в качестве вкладышей. Это – дистальные и проксимальные сечения пластинок с ретушью по одному краю и подструганной спинкой, напоминающие по форме асимметричные трапеции или острия (рис. 1, *9–10*), целые небольшие пластины с усеченной дистальной частью, вентральной и торцовой подтеской и ретушированным поперечным торцом (рис. 1, *28*). Среди изделий из пластин с вторичной обработкой преобладают крупные пластины, но многие заготовки не имеют ретуши, особенно единичны ре-

[1] Мерц В. К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Известия Национальной академии наук РК. 2004. № 1(242). С. 23–33. (Сер. общественных наук).
[2] Хотинский Н. А. Голоцен Северной Азии. М., 1977.
[3] Мерц В. К. Об изучении... С. 25–27.

туширование изделия среди микропластин, что может объясняться непродолжительностью или спецификой их использования.

Есть вкладыши и на более крупных пластинах с усеченной, диагонально скошенной, ретушированной дистальной частью и струганной спинкой (рис. 1, 1, *24, 25, 27*), и на медиальных сечениях (рис. 1, *26, 28*). Особенно нужно выделить длинную низкую трапецию (4,3 см) с регулярной притупливающей ретушью по нижнему, широкому краю и торцам, мелкой рабочей ретушью на верхнем крае (рис. 1, 1, *29*). Остальные экземпляры менее выразительны.

В целом, геометрические формы не очень многочисленны, но в этом комплексе они численно преобладают по сравнению с остальными. В частности, они представлены сегментовидным изделием асимметричной формы с торцовой выемкой (рис. 1, 1, *23*), высокими короткими трапециями (рис. 1,. 1, *37, 38*) средней длины (рис. 1, 1, *36, 41*) и низкими длинными (рис. 1, 1, *31–33, 42*). Две из них ретушированы по всему периметру с вентральной стороны (рис. 1,. 1, *42*), с вентральной и дорзальной стороны (рис. 1, 1, *41*). Имеются также крупные трапециевидные сечения с ретушированными торцами и частичной ретушью по краю, и их обломки (рис. 1, 1, *18, 22*), а также без вторичной обработки торцов (рис. 1, 1, *19, 20*). На одном экземпляре торец утончен с помощью нанесения струйчатой ретушью продольной подтески в виде струганной спинки, другой край изделия обломан (рис. 1, 1, *21*). Классическая симметричная трапеция только одна (рис. 1, 1, *35*), она тщательно обработана притупливающей ретушью по скошенным торцам. Обломки низких симметричных трапеций удлиненной формы имеют ретушированный, слегка скошенный торец и регулярную вентральную ретушь по одному краю (рис. 1, 1, *31*) или мелкую рабочую ретушь по краям (рис. 1, 1, *32, 33*). Найдено также одно небольшое изделие, напоминающее треугольник, выполненный на мелком сколе с притупленным краем (рис. 1, 1, *34*).

Довольно многочисленна в этом комплексе группа скребков из пластин и отщепов. Среди них много концевых и боковых форм, выполненных, как на проксимальных коротких сечениях с ударной площадкой, так и на дистальных и медиальных сечениях с боковой ретушью по краям. Количественно преобладают концевые скребки на сечениях крупных ножевидных и неправильных пластин, выполненных, в основном, на проксимальных и медиальных сечениях крупных заготовок шириною до 1,5–2 см. Имеются экземпляры только с концевым лезвием, с концевыми и боковыми лезвиями, с двумя боковыми лезвиями, а также архаичный экземпляр с двумя концевыми лезвиями. Немногочисленны скребки на отщепах средних размеров с крутым лезвием. Некоторые из них, видимо, также использовались с помощью искусственного черешка для установки, в который производилась специальная подправка. Все изделия на медиальных сечениях имеют аккуратное выпуклое лезвие высокой формы. Орудия на проксимальных сечениях – часто с прямым, поперечным или вогнутым лезвием высокой формы. Некоторые скребки выполнены на массивных, трапециевидных в сечении пластинах, обработанных по краям с дорзальной стороны широкой отжимной ретушью. Нужно отметить, что потом эта техника вновь появляется только в позднем неолите на изделиях из крупных массивных пластин. Подобным образом обрабатывались крупные проколки, сверла и развертки на концевых частях пластин или на ровных медиальных сечениях с вентральной подправкой рабочего края.

Путем выделения мелкой краевой ретуши острого рабочего края также делались проколки на дистальной части тонких пластин (рис. 1, 1, *7, 8*). На дистальных сечениях пластин и крупных сколах с ретушированными выемками изготавливались скобели. Имеются скобели и боковые скребки, выполненные на отщепах с боковой дорзальной и вентральной ретушью. Среди них интересно изделие на поперечном отщепе асимметричной формы, с массивным ударным бугорком, напоминающее фигурку животного. На поперечном крае и ударной площадке глубокими фасами сделаны выемки, а боковые грани, образующие выпуклую и вогнутую части, по краям обработаны ретушью, но следов использования не имеют[1]. Подобные образы хорошо представлены в мелкой пластике джейтунской культуры и других раннеземледельческих комплексах Средней Азии и Ближнего Востока[2].

[1] Мерц В. К. Индустрия четвертого… С. 17–19; Он же. Кремневая и галечная скульптура стоянки Шидерты 3 // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 18.

[2] Массон В. М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. Вып. 180. С. 57, рис. 13.

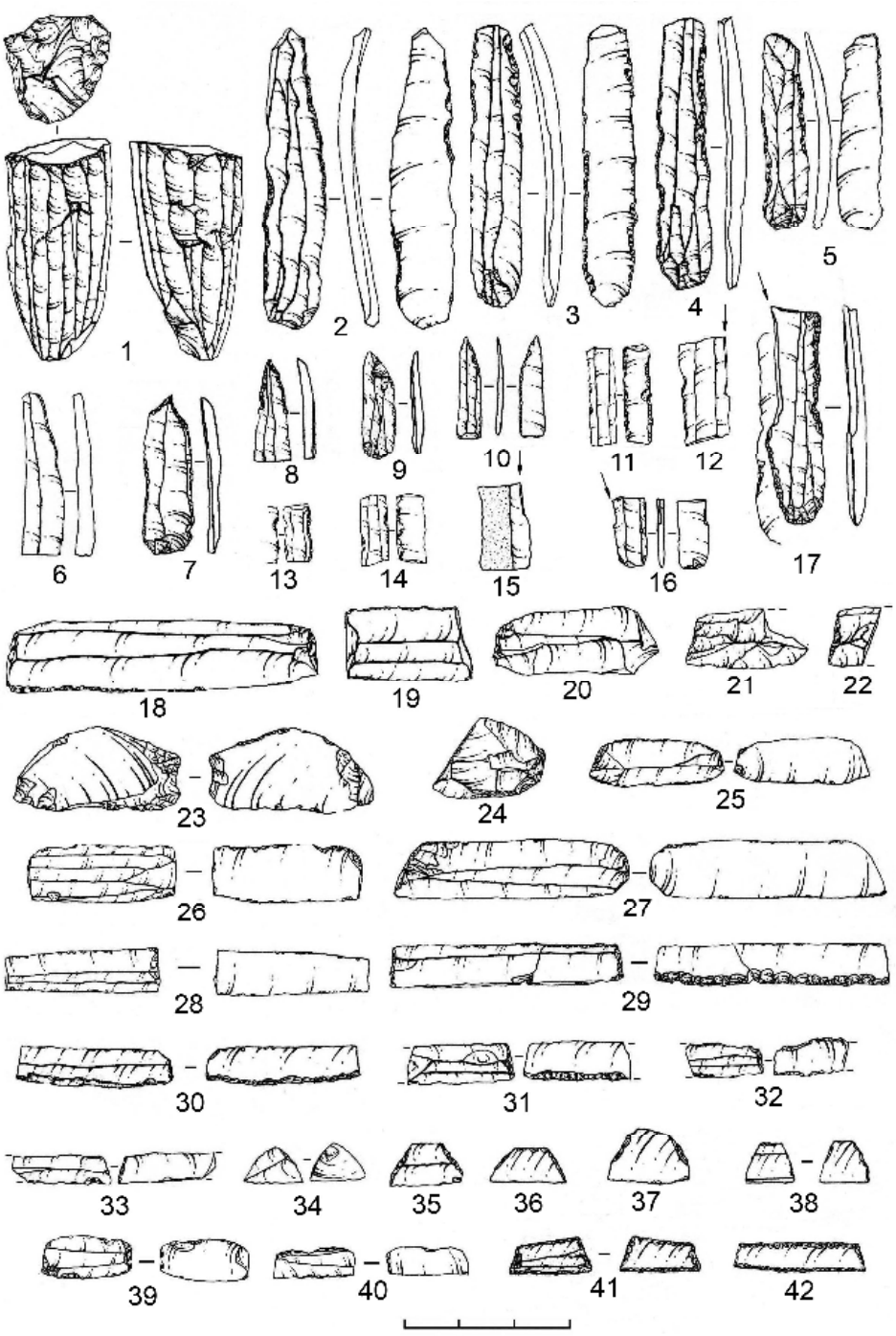


Рис. 1. Стоянка Шидерты 3, основные типы кремневых орудий
и геометрические микролиты комплекса слоя 4

Несколько чаще, чем в третьем культурном слое, здесь попадаются резцы на пластинах: угловые, одно – и двухфасеточные (рис. 1, 1, *12, 15, 16*). Но, в целом, обычных угловых резцов на пластинах в этой индустрии также очень мало, можно сказать, они единичны. Самым замечательным из них является резец на пластине средних размеров с дорзальной ретушью по краям и продольным угловым сколом (рис. 1, 1, *17*). В индустрии также хорошо представлены более крупные орудия из отщепов и пластин, среди которых необходимо обратить внимание на такие необычные изделия как нуклевидные резцы, являющиеся еще одним отличительным признаком данного комплекса. Они выполнены на крупных отщепах, у которых, по типу торцовых нуклеусов, перпендикулярными сколами с двух или трех сторон, обработаны боковые грани. Аналогов этому типу орудий в комплексах других регионов мы пока не знаем.

Кроме того, в комплексе хорошо представлены долотовидные орудия, выполненные на асимметричных отщепах с двусторонней обработкой и сильно забитой рабочей кромкой, расположенной в нижней или боковой части отщепа. Немногочисленные скребла выполнены на крупных сколах и отщепах, часто с вентральной подтеской. Это – орудия с пологим выпуклым лезвием по краю и ретушью с вентральной стороны; с высоким неровным боковым лезвием на крупном пластинчатом отщепе, рассеченном по диагонали; на крупном правильном отщепе с округлым, тщательно обработанным лезвием, которое, видимо, использовалось с помощью закрепления его в специальной рукояти.

Несмотря на богатство, разнообразие и широкую номенклатуру кремневого инвентаря, оригинальность некоторых его типов и самой индустрии в целом, в этом комплексе нет двусторонне обработанных орудий, в том числе наконечников стрел и копий. Возможно, они изготавливались из костей и могли не сохраниться, так как в этом слое кости вообще очень плохо сохраняются. Видимо, после его образования в условиях максимальной сухости, находки долгое время были на поверхности до начала образования почвенного слоя «*В*», поэтому многие их них покрыты патиной и глянцем. Не исключено также, что в качестве наконечников здесь могли использоваться какие-то формы острий, вкладышей и сечений пластин со скошенным ретушированным краем, выполненных на проксимальных сегментах (рис. 1, 1, *9, 10*) и другие формы. Скошенных острий, характерных для вышележащего слоя 3 эпохи раннего неолита[1], в индустрии данного слоя нет, что также говорит об их культурно-хронологических различиях. Кроме ретушеров, практически нет макролитов, костяных изделий, мало фаунистических остатков, нет остатков сооружений или ям.

И хоть краткое описание основных форм данного комплекса не отражает всей его полноты, мы видим, что он представлен достаточно большим количеством оригинальных типов, нехарактерных для других комплексов этого памятника, что позволяет считать его эталоном для индустрий подобного типа, по аналогии с которым возможно культурно-хронологическое определение комплексов других регионов.

Среди известных нам комплексов Северного и Центрального Казахстана, а также окружающих территорий, индустрия слоя 4 пока не имеет полных аналогий. Лишь расположенные рядом стоянки Шидерты 2 и 5, и находящаяся в 5 км южнее, на водоразделе правого берега р. Шидерты, родниковая стоянка Карабудур 3, содержат аналогичные материалы, в том числе и нуклевидные резцы[2] и составляют с ним одну культурно-хронологическую группу памятников. Некоторые параллели данному комплексу просматриваются в притобольских памятниках убаганской группы, отнесенных В.Ф. Зайбертом к мезолиту со стоянок Убаган III, V, Верхняя Алабуга, Камышное I[3], с которыми они могут составлять один культурно-хронологический этап.

В целом по типу и манере обработки трапеций и других вкладышей, данная индустрия сходна с мезолитическими комплексами истайской группы Северного Прикаспия[4], от которых его отличает отсутствие параллелограммов и сегментов, нехарактерных для памятников Северного Казахстана. По типу обработки и использованию нуклеусов и целых неправильных пластин она напоминает изделия джейтунской культуры, в которой отмечено большое количество скобелей на пластинах с боковыми ретушированными выемками[5], и некоторых синхронных им комплексов Восточного Прикаспия, сходных с индустрией Джейтуна. В частности, нижней части 4-го слоя грота Дам-Дам-Чешме[6], и, видимо, является пришлой с запада, юго-запада.

Из южно-уральских и зауральских комплексов наиболее близки материалам слоя 4 по внешнему облику, типу нуклеусов, параметрам пластинчатых заготовок и манере их обработки, на наш взгляд, мезолитические индустрии стоянок Давлеканово, Мысовая[7], Ташково IV, Юрю-

[1] Мерц В. К. Об изучении… С. 27–29.
[2] Мерц В. К. Стоянка каменного века Кара-Будур 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 51–54.
[3] Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М., К вопросу …, 1981. С. 110–119.
[4] Васильев И. Б., Выборнов А. А., Комаров А. М. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 18–25.
[5] Массон В. М. Поселение... Л., 1971. С. 30, таб. X–IX.
[6] Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА. 1966. № 2. С. 115, 119; Массон В. М. Поселение… 1971. С. 76.
[7] Матюшин Г. Н. Мезолит … С. 320, таб. 10, с. 352–354, таб. 42.

занская I и, может быть, Чебаркуль XVII. В последних, однако, нет геометрических микролитов[1]. Не касаясь вопросов их хронологии, так как во многих случаях она установлена гипотетически, нужно сказать, что сходство с материалами слоя 4 может иметь значение для определения возраста этих индустрий. Однако мы пока не нашли ему четко выраженных аналогов в датированных комплексах. Датировка же самого комплекса стоя 4 на основе хроностратиграфии, даты C^{14}, полученной из его слоя 7000±95 лет СОАН № 5490, калибровка которой дает дату 8005 лет, значительной развитости микролитической техники, отсутствия керамики свидетельствуют о его мезолитическом возрасте. В тоже время сходство данного комплекса с индустрией Джейтуна не исключает, что в дальнейшем могут быть найдены аналогичные комплексы, содержащие керамику, и он будет представлять самые ранние формы неолита. Такое пограничное положение индустрии дает возможность определить ее возраст рубежом мезолита и неолита, приходящегося, по нашему мнению, на конец VII начало VI тысячелетий до н.э., что и рассматривать его как переходный[2].

Учитывая оригинальность этого комплекса и отсутствие полных аналогий ему на других территориях, его также можно определить как тип индустрии, представляющий самостоятельную культуру. Если рассматривать его в рамках мезолитических комплексов, то им исчерпываются представления о мезолитических индустриях, известных сейчас на территории Северного и Центрального Казахстана.

Таким образом, сходство материалов слоя 4 стоянки Шидерты 3 с комплексами Юго-Восточного и Северного Прикаспия свидетельствует о том, что они вместе с мезолитическими комплексами Южного Урала и Северного Казахстана формировались под. влиянием культур Юго- Восточного Прикаспия. Это позволяет предположить существование в эпоху позднего мезолита на обширной территории северной части степной зоны Казахстана от Восточного и Северного Прикаспия до Южного Приуралья и Прииртышья единой культурной зоны, ареалы которой вновь формируются и в более поздние периоды[3].

И.Н. Наумов
(ВГТУ, г. Волгоград)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПОДОНЬЯ ОТ МЕЗОЛИТА ДО ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ОСНОВЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Предлагаемая в представленной хронологической шкале периодизация (см. таблицу) фиксирует, что древнейшим из рассматриваемых памятников нижневолжского региона является раннемезолитическая стоянка Ураков Бугор (^{14}C дата № 104).

Наиболее глубокие для неолитических памятников ^{14}C даты известны для стоянки Каиршак III в северо-прикаспийском Заволжье (см. даты № 95, 98, 102, 104), характеризующейся микролитическим кремневым инвентарем и прочерченной орнаментацией керамики. В степной части Нижнего Поволжья ко времени раннего неолита относятся и во многом сходные материалы нижнего горизонта многослойной Варфоломеевской стоянки (№ 93, 99).

Для Нижнего Дона известна архаичная (мезолитическая) дата из основания культурного слоя поселения Раздорское I, полученная по образцу, не связанному с культурными отложениями памятника (№ 105), ранний же неолит представлен, в первую очередь, нижними слоями Ракушечного Яра (№ 97, 101, 103) с пластинчатым кремневым инвентарем микролитического облика, разреженно-накольчатой и сменяющей ее отступающе-накольчатой и, реже, прочерченной, орнаментацией преимущественно плоскодонных, а также остродонных сосудов.

Развитый неолит представлен, в частности, материалами средних слоев Ракушечного Яра (№ 55, 57, 61, 70) и Варфоломеевской (№ 58, 64-66, 71-72, 74, 76, 79, 85 (из слоя 2 Б, где

[1] Древняя история Среднего Зауралья. Т. 1. Челябинск, 2000. С. 63–66, 70, 72.
[2] Мерц В. К. Индустрия четвертого… С. 11.
[3] Мерц В .К. К вопросу о происхождении мезонеолитических комплексов северной Сары-Арки // Материалы Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007». Актобе, 2007. С. 27–31.

появляется накольчатая керамика[1]), 86-87), в которых выявлены комплексы костей домашних животных (овцы, коровы, собаки, лошади)[2], а также Каиршак I (№ 81, 83), верха Каиршак III (№ 52, 62, 69, 83) и Каиршак IV (№ 63, 75) с преимущественно прочерченно-редконакольчатой орнаментацией посуды и пластинчатыми микроорудиями.

Шкала ^{14}С дат памятников Нижнего Поволжья и Подонья мезолито-, неолито-энеолитического и раннебронзового времени

Лабораторный индекс	Дата ВР	Дата ВС	ВС (Clb 68,5 %) (Clb 95 %)	Материал	Памятник (слой)	Эпоха, период
1) Bln-1177	4360±100	2410±100	…	Уголь	Ракушечный Яр (III)	Средняя бронза
2) Ле-5387	4830±90	2980±90	…	«	Ракушечный Яр (II)	Энеолит Ранняя бронза
3) Ле-5340	5060±230	3110±230	…	Кость	Ракушечный Яр (IV)	
4) ИГАН 2516	5180±100	3230±100	4225-3804	Кость человека	Вертолетное поле	
5) Ki-3596	5220±50	3270±50	4214-3991		Варфоломеевская (2А)	
6) Ki-3590	5270±50	3320±50	4226-4002	Уголь	«	
7) Ле-5327	5290±260	3340±260	…	«	Ракушечный Яр (II)	
8) Ki-3595	5390±60	3440±60	4334-4047		Варфоломеевская (2А)	
9) GrA-19260	5430±50	3480±50	4339-4253	Кость человека	Перегрузное	
10) Ki-3589	5430±60	3480±60	4351-4337		Варфоломеевская (2А)	
11) Ki-14643	5480±80	3530±80	4400-4240 4500-4210	Нагар на керамике	Джангар (1)	Переходный пережиточнонеолитическо- раннеэнеолитический период
12) ГИН-6177	5500±150	3550±150	4491-4161 (4326±165)		Тентек-Сор	
13) GrA-29178	5565±40	3615±40	4447-4360 …	Изделие из кости овцы	Хвалынский могильник I	
14) Ki-9024	5700±100	3750±100	4690-4450 4770-4350	Почва из очага	Кременная II	
15) OxA-4311	5790±85	3840±85	4763-4536 …	Кость человека	Хвалынский м-к II	
16) УПИ-120	5808±79	3858±79	4770-4576 …	«	Хвалынский м-к I	
17) Ki-14612	5810±80	3860±80	4730-4550 4810-4460	Нагар на керамике	Варфоломеевская (2А)	
18) GrA-26899	5840±40	3890±40	4779-4621 …	Кость животного	Хвалынский м-к I	
19) OxA-4312	5840±85	3890±85	4795-4586 …	Кость человека	Хвалынский м-к II	
20) Ki-14614	5870±90	3920±90	4810-4600 4950-4490	Нагар на керамике	Варфоломеевская (2А)	
21) Ле-2901	5890±70	3940±70	4862-4678 (4770±92)	Уголь	Джангар (1)	
22) Ki-955	5890±105	3940±105	4905-4626 (4764±138)		Ракушечный Яр (V)	

[1] Юдин А. И. Хронология Варфоломеевской стоянки // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, т. 1. Пенза, 2008; он же. Хронология неолита степного Поволжья в свете новых данных // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. М., 2008; Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья : монография. Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2008. С. 240, табл. 1 (продолж.), ^{14}С дата № 28.

[2] Белановская Т. Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб. : СПбГУ, 1995. С. 150–151, табл. 22; Юдин А. И. Хозяйство населения орловской неолитической культуры // Археологические записки. Вып. 3: Каменный век : сб. науч. ст. Ростов н/Д., 2003; Наумов И. Н. С^{14} хронология и факторы распространения навыков доместикации лошади на территории Восточной Европы // Происхождение и распространение колесничества : сб. науч. ст. Луганск, 2008. С. 11, табл. 1.

23) ИГАН-2401	5890±153	3940±153	4941-4555 …	Кость человека	Перегрузное	
24) УПИ-119	5903±72	3953±72	4902-4712 …	Кость человека	Хвалынский м-к I	
25) Ki-14443	5905±100	3955±100	4860-4670 5050-4500	Нагар на керамике	Кзыл-Хак	
26) OxA-4313	5920±80	3970±80	4906-4709 …	«	Хвалынский м-к II	
27) Ле-5479	5920±90	3970±90	…	Кость	Ракушечный Яр (V)	
28) ГИН-6226	6000±150	4050±150	…		Комбакте	
29) OxA-4314	6015±85	4065±85	5009-4794 …	Кость человека	Хвалынский м-к II	
30) Ле-6870	…	…	5250-4300 …		Рассыпная VI	
31) Ле-6223	6030±120	4080±120	5190-4735 5285-4620	Почва из очага	Кременная II	
32) OxA-4310	6040±80	4090±80	5047-4810 …	Кость человека	Хвалынский м-к II	
33) Ki-14637	6040±80	4090±80	5040-4800 5150-4770	Нагар на керамике	Варфоломеевская (2А)	
34) Bln-704	6070±100	4120±100	5102-4816 (4959±143)	Уголь	Ракушечный Яр (IX)	
35) УПИ-132	6085±193	4135±193	5220-4790 …	Кость человека	Хвалынский м-к I	
36) УПИ-558	6090±130	4140±130	…		Кзыл-Хак II	
37) Лу-2620	6090±160	4140±160	5508-5062 (5285±223)		Варфоломеевская (2Б)	Развитый неолит Поздний неолит
38) Ле-2564	6100±70	4150±70	5191-4939 (5065±126)	Уголь	Джангар (2)	
39) Ле-5482	6300±90	4350±90	…	Кость	Ракушечный Яр (IV)	
40) Ле-5582б	6320±35	4370±35	5316-5234 (5275±41)	Почва	Ракушечный Яр (V)	
41) Ki-9025	6380±100	4430±100	5430-5250 5490-5070	Почва из очага	Кременная II	
42) Ki-14443	6400±90	4450±90	5480-5300 5650-5050	Нагар на керамике	Кзыл-Хак	
43) Лу-2642	6400±230	4450±230	5200-4840 (5020±180)		Варфоломеевская (2Б)	
44) Ле-5582а	6440±35	4490±35	5412-5326 (5369±43)	Почва	Ракушечный Яр (V)	
45) Ле-6228	6450±160	4500±160	5610-5260 5705-5005	Почва из очага	Кременная II	
46) Ki-14613	6540±80	4590±80	5560-5460 5630-5340	Нагар на керамике	Варфоломеевская (2А)	
47) Ле-6222	6600±170	4650±170	5705-5370 5840-5150	Почва из очага	Кременная II	
48) Ki-14137	6630±80	4680±80	5630-5510 5720-5460	Нагар на керамике	Тентек-Сор I	
49) Ki-14101	6640±80	4690±80	5630-5480 5720-5470	«	«	
50) Ki-14642	6680±90	4730±90	5670-5510 5740-5470	«	Джангар (2)	
51) Ua-35227	6695±40	4745±40	5660-5550 5720-5520	«	Тентек-Сор I	
52) ГИН-5927	6720±80	4770±80	5648-5510 (5579±69)		Каиршак III	
53) Ki-14461	6730±80	4780±80	5720-5610 5750-5480	Нагар на керамике	Качкарстау	

54) Ле-6224	6770±170	4820±170	5835-5490 5990-5375	Почва из очага	Кременная II	
55) Ле-5481	6770±450	4820±450	6069-5217 (5643±426)	Кость	Ракушечный Яр (под V сл.)	
56) Ki-14641	6780±90	4830±90	5740-5610 5840-5510	Нагар на керамике	Джангар (2)	
57) Ki-6479	6825±100	4875±100	5872-5652 (5762±110)	«	Ракушечный Яр (XV, XIV- XV)	
58) Ki-14373	6860±90	4910±90	5810-5660 5920-5610	«	Варфоломеевская (2А)	
59) Ki-14371	6890±80	4940±80	5850-5700 5920-5630	«	«	
60) Ki-14444	6920±90	4970±90	5890-5710 5930-5640	«	Буровая 42	
61) Ki-6478	6930±100	4980±100	5870-5664 (5767±103)	«	Ракушечный Яр *(XV, XIV- XV)*	
62) ГИН-5905	6950±190	5000±190	5883-5561 (5722±161)		Каиршак III	
63) Ki-14440	6960±80	5010±80	5900-5730 6000-5710	Нагар на керамике	Каиршак IV	Развитый неолит
64) Ki-14375	6970±90	5020±90	5910-5740 6020-5700	Нагар на керамике	Варфоломеевская (2А)	
65) Ki-14369	6980±90	5030±90	6600-6440 6690-6380	«	Варфоломеевская (2Б)	
66) ГИН-6546	6980±200	5030±200	5973-5629 (5801±172)	Уголь	Варфоломеевская (3)	
67) Ki-14640	6990±90	5040±90	5920-5770 6030-5710	Нагар на керамике	Джангар (3)	
68) Ki-14445	7005±90	5055±90	5930-5790 6030-5710	«	Тентек-Сор III	
69) Ki-14634	7010±80	5060±80	5930-5800 6020-5720	Кость	Каиршак III	
70) Ki-6480	7040±100	5090±100	5952-5770 (5861±91)	Нагар на керамике	Ракушечный Яр (XV, XIV- XV)	
71) Ki-14370	7070±90	5120±90	6020-5840 6080-5730	«	Варфоломеевская (2Б)	
72) Ki-14110	7080±80	5130±80	6020-5870 6080-5770	«	Варфоломеевская (3)	
73) Ki-14639	7080±90	5130±90	6020-5840 6090-5740	«	Джангар (3)	
74) Ki-14372	7100±80	5150±80	6030-5880 6100-5780	«	Варфоломеевская (2А)	
75) Ki-14440	7105±80	5155±80	6030-5870 6110-5770	«	Каиршак IV	
76) Ki-14144	7120±90	5170±90	6070-5880 6210-5780	«	Варфоломеевская (3)	
77) Ле-6227	7130±170	5180±170	6205-5805 6375-5670	Почва из очага	Кременная II	
78) Ле-6221	7150±85	5200±85	6157-5897 6213-5813	«	«	
79) Ki-14143	7170±90	5220±90	6100-5970 6230-5840	Нагар на керамике	Варфоломеевская (3)	
80) Ле-1217	7180±70	5230±70	…	Уголь	Матвеев Курган I	
81) Ki-14132	7180±90	5230±90	6110-5980 6230-5870	Нагар на керамике	Каиршак I	
82) Ле-5344	7180±250	5230±250	…	Раковины	Ракушечный Яр (IX)	
83) Ki-14633	7190±80	5240±80	6100-5980 6230-5890	Кость	Каиршак III	

84) Ki-14094	7230±90	5280±90	6220-5990 6250-5890	Нагар на керамике	Каиршак I	
85) Ki-14368	7230±90	5280±90	6220-5990 6250-5890	Нагар на керамике (с накольчатой орнаментацией)	Варфоломеевская (2Б)	
86) Ki-14109	7250±80	5300±80	6220-6020 6250-5980	Нагар на керамике	Варфоломеевская (3)	
87) Ki-14374	7280±100	5330±80	6230-6020 6390-5980	«	Варфоломеевская (2Б)	
88) ИГАН-762	7460±200	5510±200	6431-6059 (6245±186)	Почва	Самсоновское (нижний горизонт)	Мезолит Ранний неолит
89) GrN-7199	7505±210	5555±210	6470-6060 (6265±205)	Уголь	Матвеев Курган I	
90) Ki-14632	7530±90	5580±90	6460-6330 6530-6210	Нагар на керамике	Каиршак III	
91) Ki-14500	7560±90	5610±90	6470-6330 6600-6220	«	Кугат IV	
92) Ле-6220	7600±110	5650±110	6590-6265 6645-6225	Почва из очага	Кременная II	
93) Ki-14142	7620±100	5670±100	6600-6380 6650-6230	Нагар на керамике	Варфоломеевская (3)	
94) Ле-6873	7640±120	5690±110	середина VII тыс. до н.э.	Уголь	Раздорская II	
95) Ki-14096	7680±90	5730±90	6600-6430 6700-6430	Нагар на керамике	Каиршак III	
96) Ki-14501	7680±100	5730±100	6600-6440 6690-6380	«	Кугат IV	
97) Ki-6475	7690±110	5740±110	6591-6387 (6489±102)	«	Ракушечный Яр (XX)	
8) Ki-14095	7740±70	5790±70	6640-6470 6700-6430	«	Каиршак III	
99) Ki-14108	7760±100	5810±100	6690-6460 7050-6400	«	Варфоломеевская (3)	
00) Ki-14471	7780±90	5830±90	6690-6470 7050-6400	«	«	
101) Ki-6477	7860±130	5910±130	6879-6497 (6688±191)	«	Ракушечный Яр (XX)	
02) Ki-14097	7890±90	5940±90	6840-6640 7100-6500	«	Каиршак III	
103) Ki-6476	7930±140	5980±140	6989-6613 (6801±188)	«	Ракушечный Яр (XX)	
104) Ki-14133	7950±90	6000±90	7040-6740 7080-6590	Нагар на керамике (с прочерченной орнаментацией)	Каиршак III	
105) ИГАН-722	8470±310	7520±310		Уголь	Раздорское I (основание культурного слоя)	
106) Ле-4819	10480±680	9530±680		Кость	Ураков Бугор	

Поздний неолит характеризуется в Нижнем Поволжье материалами верхних горизонтов Варфоломеевской (см. даты № 37, 43, 46) и Джангара (№ 11, 21, 38), а верхний рубеж переходного неолито-энеолитического периода маркируется, прежде всего, датировкой овально-накольчатой керамики пережиточно-неолитической стоянки Тентек-Сор (№ 12). Это время характеризуется сокращением количества пластинчатых орудий, поздними формами геометрических микролитов (высокими трапециями со струганой спинкой), появлением двусторонне обработанных орудий и вытеснением прочерченно-редконакольчатой орнаментации керамики отступающе-накольчатой, и, позже, распространением овально-накольчатой орнаментации,

профилировкой сосудов и появлением наплывов на внутренней стороне венчиков. На Нижнем Дону им, в целом, соответствуют материалы средних слоев поселения Ракушечный Яр (см. № 22, 27, 34, 39–40, 44).

Таким образом, согласно современной абсолютной хронологии (по некалиброванным радиоуглеродным определениям), ранненеолитические памятники в Нижнем Поволжье и Подонье приходят на смену мезолитическим не позднее начала VI тыс. до н.э. В целом, неолитические культуры развиваются в нижневолжско-донском регионе в VI – первой половине IV тыс. до н.э., с конца V – рубежа V–IV тыс. до н.э. сосуществуя с памятниками энеолитических культур (Хвалынский могильник I–II и др.: см., в частности, даты № 13, 15–16, 19, 24, 26, 29, 32, 35).

При этом, калиброванные значения приведенных в ниже представленной таблице ^{14}C дат дают не менее чем полутысячелетнее, а нередко даже почти тысячелетнее удревнение этой периодизации (см., например, даты № 16, 24, 37–38, 40, 44, 57, 103–104).

Нужно также отметить, что при всей условности и чрезслойных «скачках» некоторых из приведенной серии ^{14}C дат (№ 1 и 2, 7; 37, 43 и 46, 58, 64, 74), они, в целом, отражают реальную колонку и тенденции развития, в частности, периоды сосуществования (см. № 11–36; 94–104 и др.), различных культур региона в мезолито-ранненеолитическое, неолито-энеолитическое и энеолито-раннебронзовое время.

А.В. Цыбрий, В.В. Цыбрий
(НП «Южархеология», г. Ростов-на-Дону)

РАННИЙ НЕОЛИТ НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ – ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Ранний неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья характеризуется материалами нескольких памятников. Это стоянки матвеево-курганской культуры (Крижевская, 1992), нижние слои поселения Ракушечный Яр (Белановская, 1995), стоянка Раздорская 2, слои 4,5 поселения Нижнесеребряковского, архаичный комплекс стоянки Усть-Быстрая (Цыбрий В, 2008).

Два последних памятника относятся к кругу древностей донецкой неолитической культуры. Преемственность ранних и более поздних «донецких» слоев свидетельствует о довольно длительном периоде обитания. Но важно, что территориально памятники тяготеют все же к Подонцовью – они расположены в низовьях р. С. Донец, при ее впадении в р. Дон.

Наиболее ранние материалы в долине Нижнего Дона представлены комплексом стоянки Раздорская 2. Полученная серия радиоуглеродных дат позволяет отнести время существования памятника к рубежу VIII и VII тыс. до н.э (Aleksandrovsky at al., 2009). Для стоянки характерно сочетание различных категорий инвентаря – кремневых, сланцевых и костяных изделий, орудий из створок раковин. Комплекс в целом уникален с точки зрения типологического разнообразия инвентаря. Помимо традиционных для мезо-неолитического периода типов кремневых изделий – пластин с ретушью, скребков, скошенных острий, трапеций, много разнообразных сверл, скобелей, проверток, разверток, рубящих изделий. Из сланцев и аргиллитов изготавливались шлифованные орудия – топоры, тесла, стамески, плитки-подкладки, грузила, из песчаника – песты, грузила, абразивы. Среди большого количества костяных изделий – иглы, проколки, лощила, наконечники стрел, гарпуны, предметы неутилитарного назначения –»амулеты». Многие каменные и костяные изделия орнаментированы. Керамической посуды нет, найдены разнообразные поделки из обожженной глины. Серией представлены желобчатые абразивы, в т.ч. так называемые «утюжки». Хозяйство поселенцев ориентировано на освоение биоресурсов долины большой реки, при подчиненном значении охоты и, возможно, скотоводства.

Следующий этап развития – ранненеолитические слои (нижняя свита) поселения Ракушечный Яр. Из большой серии радиоуглеродных дат совокупность наиболее древних показывает, что формирование ранних слоев приходится на середину VII тыс. до н.э (Aleksandrovsky at al., 2009). Многие элементы свидетельствуют о преемственности в развитии по отношению к более ранней стоянке Разорская 2. Это и идентичная топография поселений, освоение одних и тех же видов хозяйственной деятельности, ориентированных на преимущественное использование речных ресурсов, серьезные параллели в инвентаре (сходство кремневой и сланцевой ин-

дустрий, костяных изделий). Керамика нижних слоев Ракушечного Яра выглядит довольно развитой, во всяком случае, наиболее архаичные формы отсутствуют.

Материалы Раздорской 2 убедительно показывают, что развитие в раннем неолите происходит на местной основе, и в этом их исключительная важность. Действительно, уже на примере Раздорской 2 мы наблюдаем вполне сформировавшуюся, развитую систему освоения разнообразных ресурсов большой реки, и мы конечно, вправе предполагать наличие периода становления подобной модели жизнеобеспечения. Хронологически, этот период становления относится уже к мезолитическому времени (руководствуясь формальными критериями можно и Раздорскую 2 относить к мезолиту), а в содержательном плане подобное стадиальное размежевание выглядит натянуто.

Видимо, на основе Раздорской 2, можно ставить вопрос о выделении ранней (докерамической) фазы Ракушечноярской культуры, предполагая возможное наличие и мезолитического этапа.

Учитывая выше сказанное, с большей долей вероятности следует считать, что появление керамики у поселенцев Ракушечного Яра носило заимствованный характер, т.е. традиции керамического производства были восприняты автохтонным населением, длительное время сохраняющего традиционные черты образа жизни.

Материалы матвеево-курганской ранненеолитической культуры имеют черты сходства как с Раздорской 2, так и с Ракушечным Яром, но выглядят они более обособленными, причиной чего могут быть пока не вполне понятные особенности культурогенеза, а также известные различия природно-географической обстановки – ландшафты долины Дона и Северо-Восточного Приазовья различаются по многим качественным параметрам.

Таким образом, для раннего неолита указанной территории характерно:

- значительная древность этого этапа (начало относится к рубежу VIII и VII тыс. до н.э.);
- культурное разнообразие – известны памятники 3-х культур – донецкой (Усть-Быстрая, Нижнесеребряковское), ракушечноярской (Раздорская 2, Ракушечный Яр), матвеево-курганской (Матвеев Курган 1,2, Грунтовский, 1,2, ряд других);
- территориальная группировка культурно близких памятников – донецкая культура – низовья С. Донца, ракушечноярская культура – бассейн Нижнего Дона, матвеево-курганская – СВ Приазовье;
- преемственность развития, документированная стратиграфически для Донецкой культуры, и зафиксированная как стратиграфически, так и радиоуглеродными датами для Ракушечноярской культуры, ранний (докерамический) этап которой представлен стоянкой Раздорская 2;
- яркой особенностью развития Ракушечноярской культуры является длительное сохранение традиционных способов хозяйства и соответствующих категорий инвентаря связанных со специализированным освоением речной экосистемы;
- высокий уровень развития духовной культуры ракушечноярского населения, о котором свидетельствуют находки замечательных образцов первобытного искусства (Цыбрий, Кияшко, 2003).

А.И. Юдин
(Комитет по охране культурного наследия Саратовской области, г. Саратов)

ПРИКАСПИЙСКАЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Энеолитическая эпоха Нижнего Поволжья привлекла внимание исследователей с 70-х годов прошлого века, когда стали известны первые памятники с каменным инвентарем в южной части региона – Северном Прикаспии. Тогда же был впервые предложен термин «прикаспийская» культура для материалов со сборов на дюнных стоянках, которые интерпретировались как неолитические, но сопоставлялись со Средним Стогом II[1].

[1] Мелентьев А. Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 11–13.

В дальнейшем, после многолетних работ самарских археологов под руководством И.Б.Васильева в том же регионе термин наполнился новым содержанием, и название прикаспийская культура закрепилось за раннеэнеолитическими стоянками с характерной воротничковой керамикой[1].

Всего в Северном Прикаспии стало известно более 20 пунктов нахождений прикаспийских материалов, но только на одном – Курпеже-Молла был обнаружен сохранившийся культурный слой (рис. 1, *11*). Находки на остальных памятниках этого региона – Кок-Мурун, Шонай, Восточная 3, Буровая 40, 41 и 42, Исекей, Кошалак – типологически аналогичны находкам Курпеже-Моллы (рис. 1, *12–16*).

В 80-х годах прошлого века прикаспийские памятники с хорошо сохранившимся культурным слоем стали известны и севернее, в степной зоне Заволжья и Волго-Уральского междуречья. По большей части они располагаются вдоль борта Прикаспийской низменности, как на бессточных реках, так и на притоках Волги и Урала.

Сейчас материалы прикаспийской культуры известны на поселениях Орошаемое, Резвое, Передовое (р. Б.Узень), Кумыска (р.Торгун) и Варфоломеевка (р. М.Узень)[2] (рис. 1, *1–5*). Две стоянки с прикаспийским инвентарем – Озинки 1 и Озинки 2 – исследовались в верховьях р.Б.Чалыкла[3] и на р.Деркул – Кузнецово 1[4] (рис. 1, *1–8*). Судя по материалам сборов на ряде других стоянок по р. Деркул, стоянка Кузнецово 1 не единственный прикаспийский памятник в этом районе.

Разрозненные, но характерные материалы прикаспийской культуры стали известны и на ряде стоянок Заволжья, еще не подвергавшихся раскопкам, но среди подъемного материала которых широко представлены пластинчатые кварцитовые макроорудия в сочетании с небольшими предметами из кремня (Новостепное, Еремеевка 1 и 2, Чалыкла 1, Титово) (рис. 1, *18-21*). Коллекции последних немногочисленны, но также указывают на насыщенность региона памятниками прикаспийской культуры.

Еще три пункта маркируют границы прикаспийской культуры. Выразительный фрагмент прикаспийской керамики найден на размытом водами Волгоградского водохранилища Скатовском поселении (рис. 1, *9*). Это самая северная находка прикаспийской культуры по левому берегу Волги. В глубинном Заволжье прикаспийская культура поднялась на север до истоков р. Б.Узень. Здесь на Кушумской стоянке (рис. 1, *10*) собрана коллекция крупных кварцитовых орудий на пластинах, происхождение которых вероятнее всего связывать с прикаспийской культурой[5].

Северные степные районы Саратовской области в энеолитическом плане исследованы очень слабо, поэтому, пока нельзя с точностью указать границу между прикаспийской и самарской культурами. Скорее всего, это будет естественная граница степи и лесостепи в энеолитическое время. Однако наиболее вероятным представляется, что четкой границы и не было, а просто по мере приближения к лесостепи в керамических комплексах будет просто возрастать количество северных признаков. Проявление этих признаков хорошо видно на примере одного из самых ярких памятников самарской культуры – Съезженском могильнике, где представлена самарская керамика, местная неолитическая и смешанная.

---

[1] Барынкин П. П., Васильев И. Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985; Васильев И. Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981.

[2] Юдин А. И. Новые энеолитиские памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. С. 44–50; Юдин А. И. Разведки и раскопки в Саратовском Поволжье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3. С. 130, 135; Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. С. 170–171.

[3] Лопатин В. А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 135–146.

[4] Малов Н. М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 72.

[5] Сайгин Ф.И., Юдин А.И. Каменные орудия Кушумской стоянки // СА. 1991. № 4. С. 192-205.

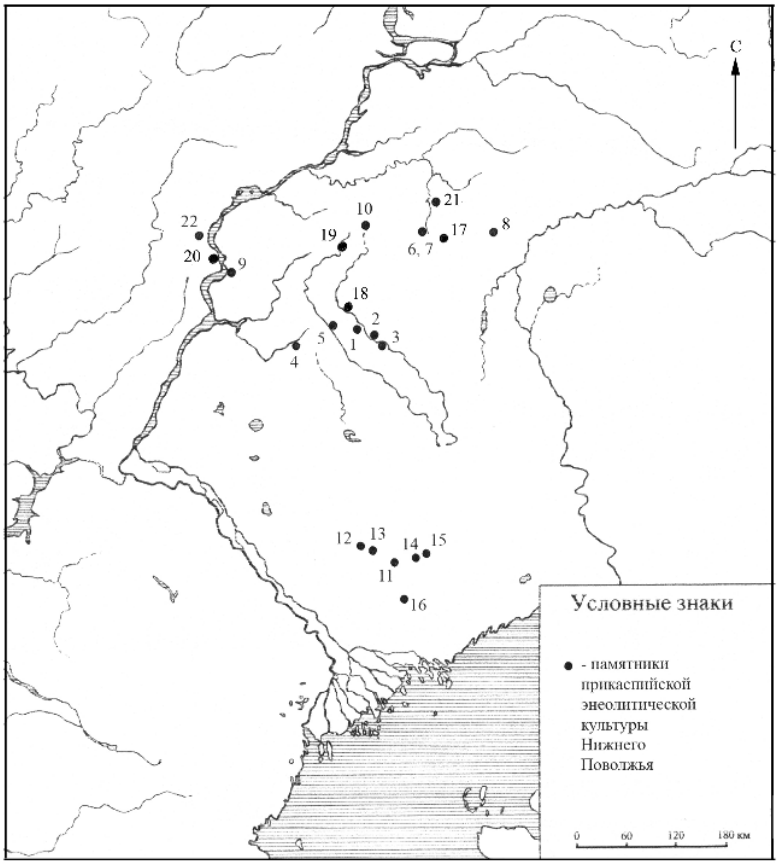


Рис. 1. Памятники прикаспийской энеолитической культуры Нижнего Поволжья. 1 – Орошаемое; 2 – Резвое; 3 – Передовое; 4 – Кумыска; 5 – Варфоломеевская; 6 – Озинки I; 7 – Озинки II; 8 – Кузнецово 1; 9 – Скатовское; 10 – Кушумская; 11 – Курпеже-Молла; 12 – Истай; 13 – Кок-Мурун; 14 – Кошалак; 15 – Шонай; 16 – Исекей; 17 – Чалыкла 1; 18 – Новостепное; 19 – Еремеевка 1 и 2; 20 – Урочище Мартышкино; 21 – Лебяжий Дол; 22 – Сосновка

Еще один пункт с прикаспийскими находками – стоянка Лебяжий Дол (рис. 1, *21*) – занимает крайнее северо-восточное положение относительно остальных памятников и находится уже в бассейне р. Б.Иргиз[1]. Памятники на р.Деркул очерчивают восточную границу культуры.

В самом южном регионе Нижнего Поволжья – полупустынях и пустынях Северного Прикаспия – памятники прикаспийской культуры с сохранившимся культурным слоем, как уже было сказано, скорее исключение (Курпеже-Молла), чем правило, но коллекции с развеянных стоянок достаточно представительны.

На Правобережье Волги известны только отдельные фрагменты воротничковой керамики на многослойных поселениях – Урочище Мартышкино[2], Сосновка[3] (рис. 1, *21, 22*), но несомненно, что именно по Волго-Донскому водоразделу будет проходить граница между нею и другими культурами мариупольской культурно-исторической области.

К настоящему времени известно почти 40 пунктов с находками прикаспийских материалов на всей территории культуры (степное Заволжье, Волго-Уральское междуречье и Северный Прикаспий). На девяти из них сохранился культурный слой, который подвергался исследованиям. Из них три стоянки однослойные (Орошаемое, Озинки 2 и Курпеже-Молла), на

[1] Юдин А. И. Новые памятники энеолита-бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 29–33.

[2] Лопатин В. А. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 62.

[3] Браташова С. А. Мегалиты Сосновки // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 75.

Варфоломеевке и Кумыске керамика отчленяется без проблем от неолитической, а еще на четырехх энеолитические находки легко отделяются от материалов эпохи поздней бронзы (Резвое, Озинки 1, Кузнецово 1, Передовое), Эти девять опорных памятников вместе с материалами остальных стоянок и местонахождений позволяют охарактеризовать прикаспийскую культуру.

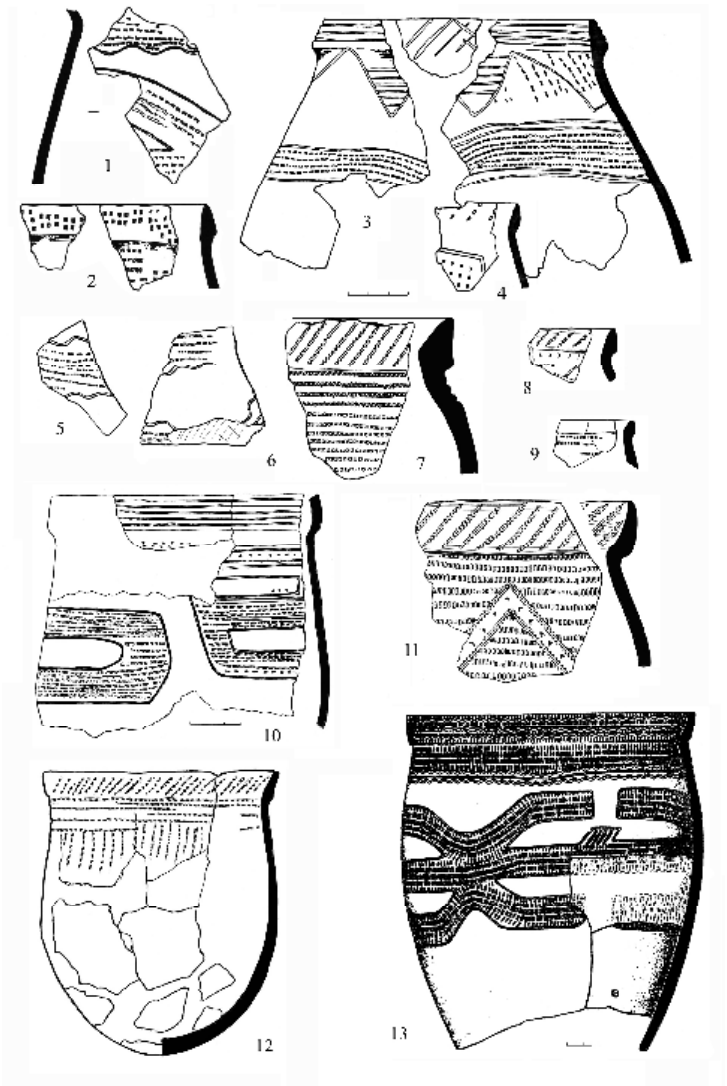


Рис. 2. Керамика прикаспийской культуры Нижнего Поволжья.
1, 2 – Варфоломеевская; 3, 4 – Кумыска; 5, 6 – Резвое; 7 – Скатовское;
8–11 – Орошаемое; 12 – Озинки II; 13 – Курпеже-Молла

Характеристика материальных комплексов прикаспийской культуры достаточно подробно изложена в ряде работ, поэтому стоит остановиться только на основных, наиболее характерных чертах.

Прикаспийская керамика, как и в других культурах мариупольской области на большей части сосудов имеет воротничок по венчику, который выражен в различной степени и, иногда, внутренний желобок или ребро (рис. 2). Воротничковая и безворотничковая керамика обязательно имеют примесь толченой раковины в тесте глины. Сосуды небольших размеров, округлодонные. Крупные сосуды полностью не реконструируются, но, судя по фрагментам днищ, были плоскодонные. Орнаментирована керамика сочетанием прочерка и гребенки, которые зачастую образуют сложные геометрические фигуры (рис. 2, *10, 13*).

В качестве сырья для каменных орудий чаще всего использовался кварцит (сливной песчаник). Именно в прикаспийское время начинается его широкое использование и доля кварцитовых орудий на некоторых стоянках достигает 50–85 %. При изготовлении орудий как из кварцита, так и кремня преимущественно использовалась пластинчатая техника расщепления

камня. Типологически набор орудий из разных пород камня идентичен, различаются только их размеры, обусловленные пластическими свойствами кварцита и кремня.

В прикаспийских комплексах из каменных изделий обычно встречаются крупные ножевидные пластины и продольные сколы с притупляющей краевой ретушью, скребки различных типов на пластинах, продольных сколах и отщепах, ножи на пластинах и отщепах, разнообразные по форме наконечники стрел (рис. 3, *1–55*).

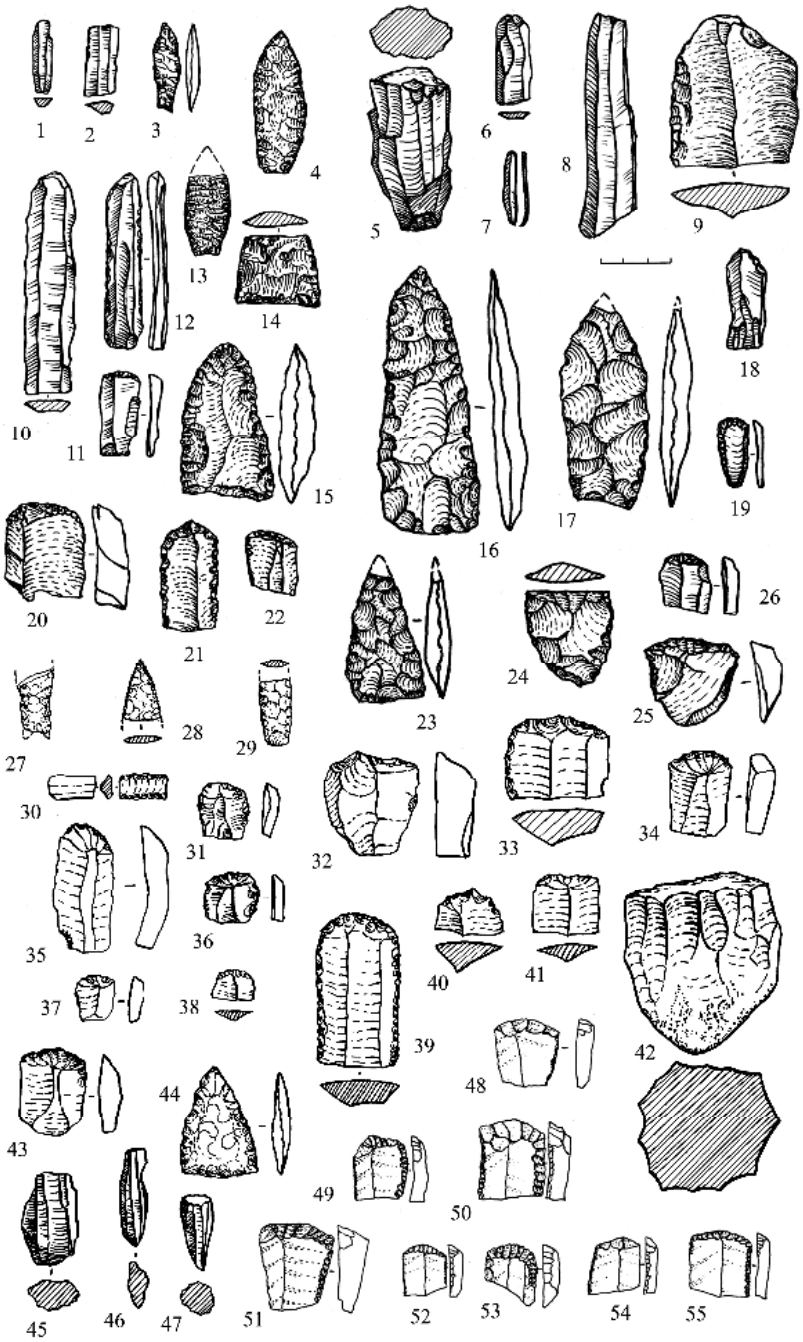


Рис. 3. Каменные изделия прикаспийской культуры Нижнего Поволжья.
1–4, 10–15, 20–22 – Озинки I; 5–9, 16–19, 23–26 – Озинки II; 27–41 – Орошаемое;
42–47 – Резвое; 48–55 – Курпеже-Молла

Для населения прикаспийской культуры степной зоны характерны долговременные поселения. На поселении Орошаемое исследовался культурный слой мощностью до 1,2 м, на стоянке Кузнецово 1 – до 0,8 м в котловане жилища, на стоянке Озинки II – 0,6 м, Культурные слои данных памятников не содержали материалов иных энеолитических культур.

В культурных слоях встречены многочисленные кости животных. В верхнем слое Варфоломеевки, где залегали совместно поздние орловские и прикаспийские материалы встречены кости овцы. Возможно, предполагать существование производящего хозяйства и на других прикаспийских памятниках, поскольку оно известно и в других культурах мариупольского круга.

Погребальные прикаспийские памятники пока не известны. В северной части Нижнего Поволжья к настоящему времени исследован только один могильник мариупольского времени – Липовый овраг. Керамика там отсутствовала, а по погребальному обряду и инвентарю он отнесен к самарской культуре[1]. Можно только предполагать, что прикаспийский погребальный обряд будет близок самарскому, учитывая принадлежность обеих культур к мариупольской области.

Если вопрос о самом существовании прикаспийской культуры после открытия серии памятников с хорошо сохранившимся культурным слоем в степном Заволжье и Волго-Уральском междуречье перестал быть актуальным (существует тока зрения о принадлежности прикаспийских памятников к самарской культуре), то хронологическое положение прикаспийской культуры относительно хвалынской долгое время оставалось неясным: абсолютных дат для прикаспийских памятников не было. Однако стратиграфия поселения Кумыска показывала хронологический приоритет прикаспийской культуры. Это весьма показательно, если учитывать, что ни в Прикаспии, ни в степном Волго-Уралье нет следов контактов между поздним неолитическим и хвалынским населением, тогда как сосуществование позднего неолитического и прикаспийского населения подтверждается материалами верхнего слоя Варфоломеевки. На Кумыске прикаспийская керамика залегала совместно и выше неолитической, а по технико-типологическим параметрам наблюдается много общих признаков.

О хронологическом смыкании прикаспийской культуры с поздними неолитическими памятниками в какой-то мере свидетельствует воротничковая керамика (Истай, Же-калган), орнаментированная в технике отступающего накола. Исследователи также отмечают сосуществование позднеенеолитических тентексорских и прикаспийских древностей в Северном Прикаспии по результатам полученных в последнее время радиоуглеродных определений.

Надо сразу отметить, что всякая культура должна иметь достаточно длительный период развития, в процессе которого происходит эволюция культурных признаков. Относительно прикаспийской культуры мы пока можем проследить эволюцию в развитии керамики, но и этого факта уже вполне достаточно, если говорить о существовании самостоятельной культуры.

Если на ранних памятниках встречается керамика с наколами – явной неолитической реминисценцией, то на трех стоянках (Кумыска, Озинки 2, Скатовка) встречена керамика с оттисками веревочки, что подтверждает возможность разделения памятников прикаспийской культуры на два хронологических этапа, подобно самарской. Поздний (третий) этап культуры, как сейчас представляется по имеющимся материалам, будет представлен памятниками типа Кумыски (керамика 2-ой группы[2]). Керамика этой группы залегала в верхней части энеолитического слоя и пока не находит близких аналогий на других памятниках Нижнего Поволжья. На этом поселении, одном из немногих стратифицированных, прослежено следующее залегание керамики: поздняя орловская совместно с прикаспийской, затем прикаспийская и несколько выше залегала хвалынская керамика. Наличие же на этом памятнике вышележащего слоя с керамикой ямно-репинского типа, а еще выше волго-донской катакомбной культуры, позволяет предполагать в какой-то мере достаточную непрерывность существования поселения на протяжении длительного хронологического отрезка – от позднего неолита до средней бронзы включительно[3].

---

[1] Васильев И. Б. Могильник мариупольского времени на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 3–19.

[2] Юдин А. И. Многослойное поселение Кумяска на р. Торгун //Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3. С. 135–136.

[3] Если немного отвлечься от эпохи энеолита, то стоит заметить, что данная местность и на протяжении остальных исторических эпох являлась притягательным местом для устройства поселений. Верхняя часть культурных напластований относится к ивановской культуре финальной бронзы. Этот слой в свою очередь был прорезан хозяйственными ямами населенного пункта Шан-Гирай (по сведениям местного населения именно из этого татарского поселка поставлялся кумыс даже в Санкт-Петербург в XIX веке). В настоящее время здесь располагается с. Кумыска Палласовского района Волгоградской области с широко известным противотуберкулезным санаторием «Палласовский». Причем следует отметить, что в плане каких-либо физико-географических особенностей данный участок течения р. Торгун никак не вы-

Отмеченная стратиграфия этого памятника, когда прикаспийские материалы предшествовали хвалынским, нашла свое подтверждение в радиоуглеродных датах. Все даты прикаспийской керамики, полученные с двух стоянок – Курпеже-молла и Буровая- 40, 41 и 42 – в целом несомненно более ранние, чем хвалынские из того же региона (табл. 1, № 13–20 и 21–25)[1], хотя часть дат и смыкается. Последнее находит подтверждение на поселенческих памятниках, где встречается керамика обеих культур, а также гибридная.

Таблица 1

Радиоуглеродная хронология памятников Нижнего Поволжья позднего неолита – энеолита

№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C		Культура
			BP	BC/AD	
1	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14612	5810 ± 80	1σ 4730-4550 BC 2σ 4810-4460 BC	орловская
2	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14614	5870 ± 90	1σ 4810-4600 BC 2σ 4950-4490 BC	орловская
3	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14613	6540 ± 80	1σ 5560-5460 BC 2σ 5630-5340 BC	орловская
4	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14373	6860 ± 90	1σ 5810-5660 BC 2σ 5920-5610 BC	орловская
5	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14371	6890 ± 80	1σ 5850-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	орловская
6	Варфоломеевка, слой 2А	Ki – 14375	6970 ± 90	1σ 5910-5740 BC 2σ 6020-5700 BC	орловская
7	Тентек-сор, III	Ki -14445	7005±90	1σ 5930-5790 BC 2σ 6030-5710 BC	тентексорская
8	Качкарстау	Ki – 14461	6730±80	1σ 5720-5610BC 2σ 5750-5480 BC	тентексорская
9	Тентек-сор,	Ki -14101	6640±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5470 BC	тентексорская
10	Тентек-сор,	Ki -14137	6630±80	1σ 5630-5510 BC 2σ 5720-5460 BC	тентексорская
11	Кызылхак	Ki -14443	6400±90	1σ 5480-5300 BC 2σ 5650-5050 BC	тентексорская
12	Кызылхак	Ki -14443	5905±100	1σ 4860-4670 BC 2σ 5050-4500 BC	тентексорская
13	Буровая 41	Ki -14616	6880±80	1σ 5840-5700 BC 2σ 5920-5630 BC	прикаспийская
14	Буровая 41	Ki -14618	6790±80	1σ 5740-5620 BC 2σ 5840-5530 BC	прикаспийская
15	Курпеже-молла	Ki -14831	6050±80	1σ 5050-4840 BC 2σ 5150-4770 BC	прикаспийская
16	Курпеже-молла	Ki -14832	6020±80	1σ 5000-4790 BC 2σ 5080-4710 BC	прикаспийская
17	Буровая 42	Ki – 14615	6920 ± 90	1σ 5890-5710 BC 2σ 5930-5640 BC	прикаспийская
18	Буровая 40	Ki – 14616	6880 ± 80	1σ 5840-5700 BC 2σ	прикаспийская

деляется из окружающей местности. Все это косвенным образом указывает что на протяжении какого-то времени (в энеолитическую эпоху) здесь были достаточно комфортные условия существования (в отличие от современной засушливой полупустыни), что и обусловило неоднократное заселение данного участка левого берега р. Торгун.

[1] Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 192.

				5920-5630 BC	
19	Буровая 40	Ki –14618	6790 ± 80	1σ 5740-5620 BC 2σ 5840-5530 BC	прикаспийская
20	Каиршак VI	Ki – 14908	6070±80	1σ 5070-4840 BC 2σ 5300-4700 BC	хвалынская
21	Каиршак VI	Ki – 14909	5920±80	1σ 4860-4690 BC 2σ 5000-4580 BC	хвалынская
22	Каиршак VI	Ki – 14910	5780±80	1σ 4720-4530 BC 2σ 4810-4450 BC	хвалынская
23	Кара-худук	Ki -14907	5980±90	1σ 4960-4770 BC 2σ 5250-4600 BC	хвалынская
24	Кара-худук	Ki -14911	5820±80	1σ 4730-4580 BC 2σ 4850-4490 BC	хвалынская
25	Кара-худук	Ki -14912	5950±80	1σ 4860-4770 BC 2σ 5040-4680 BC	хвалынская

Новые радиоуглеродные определения хорошо подтверждают стратиграфические колонки, полученные на Варфоломеевке и Кумыске. Даты слоя 2А занимают промежуток от, как минимум, второй четверти VI тыс. до второй четверти V тыс. до н.э. Причем из шести дат три занимают конец первой четверти – середину VI тыс. до н.э. (табл. 1, № 1–6). Это хорошо согласуется со временем стоянки Тентексор, которая и ранее синхронизировалась со слоем 2А как по радиоуглероду, так и типологически (табл. 1, № 7–12).

При подобном датировании слоя 2А верхний (1) нео-энеолитический слой Варфоломеевки, содержащий раннеэнеолитическую керамику прикаспийской культуры, может быть датирован второй половиной VI тыс. до н.э., что подтверждается датировкой керамики с памятников Северного Прикаспия. В этом случае устраняется противоречие между радиоуглеродными датами и данными стратиграфии: нижневолжский неолит сменяется прикаспийской раннеэнеолитической культурой[1].

Основные культурные признаки прикаспийских памятников начинают формироваться в недрах неолитической орловской культуры, что хорошо отразилось в материалах слоя 2А Варфоломеевской стоянки и было детально рассмотрено ранее[2].

Обнаруженные параллели в поздней орловской и ранней прикаспийской культурах нельзя объяснить сосуществованием на определенном хронологическом отрезке и простым взаимовлиянием. Ранний энеолит Нижнего Поволжья несомненно формировался на местной поздненеолитической основе.

На севере племена прикаспийской культуры соприкасались с самарской культурой лесостепного Поволжья и Волго-Уралья. Обе культуры включаются в мариупольскую область культур воротничковой керамики.

В сложении самарской культуры принимали участие северное (камское) неолитическое население, местное лесостепное и южное степное неолитическое[3]. В основу прикаспийской культуры также легли два-три компонента. В первую очередь это местное поздненеолитическое население орловской культуры. Лесостепной компонент выражен значительно слабее, но тем не менее прослеживается в орнаментации керамики гребенкой и шагающей гребенкой, которые в данном случае могут иметь только северное происхождение. Что касается третьего, лесного компонента, то он проявляется опосредовано, через лесостепное население.

[1] На поселении Кумыска недавно также получены две даты – по прикаспийской и хвалынской керамике. Хотя они и представляются в целом значительно омоложенными (более чем на полутысячу лет) относительно приводимых А.А.Выборновым, тем не менее, показательно, что и в этом случае подтверждаются данные стратиграфии – прикаспийский сосуд оказался древнее хвалынского опять же более чем на пятьсот лет.

[2] Юдин А. И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 83–105.

[3] Васильев И. Б. Некоторые проблемы исследования самарской энеолитической культуры в лесостепном Волго-Уралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 73.

А.Л. Александровский, А.В. Долгих
(ИГ РАН, г. Москва)

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Почвенно-археологические исследования, проведенные в последнее время на многочисленных курганных могильниках степей юга Европейской России, позволили получить новые более детальные схемы изменения климата и ландшафтов в голоцене[1]. В целом изменения почв степи были невелики и редко превышали уровень подтипа[2]. Исследования в прилегающих лесостепных и лесных регионах Предкавказья показали более контрастные изменения почв и ландшафтов[3]. Также имеются признаки региональных различий в эволюции среды, например, разной была история почв и климата Прикаспия и Причерноморья[4]. Кроме того остается еще много вопросов, как о характере относительно кратковременных, так и основных климатических изменений в голоцене.

Для целей реконструкции истории климата и ландшафтом кроме подкурганных почв могут быть использованы почвы, погребенные под культурными отложениями древних поселений. Также интересными и важными объектами исследования, и для целей естественных наук, и для археологии, представляются культурные слои и курганные насыпи, процессы почвенной трансформации которых в условиях относительно сухого климата степной зоны весьма специфичны, как это показано для городских отложений[5].

Основные ландшафтно-климатические периоды наиболее четко выражены в предгорьях и местами на подгорной равнине (бассейны рек Кубани и Терека), в пределах которых имели место смещения границы лес/степь[6]. Выделяется степная черноземная стадия 10000–3500 лет назад и последующая лесная стадия развития серых лесных почв.

В сходном направлении изменялись черноземы (бассейны Кубани, Кумы, Терека). Почвы под курганами 5000–3800-летнего возраста значительно менее мощные, выщелоченные и гумусированные, чем современные. Начиная с поздней бронзы и особенно во время так называемого малого ледникового периода XIII–XIX вв. в результате увлажнения климата черноземы приобрели современный вид.

В сухой степи Ставрополья с каштановыми, светло-каштановыми почвами и солонцами, данные основные периоды выражены слабее, но четко выявляются резкие кратковременные изменения (Ипатово). Почвы 4500–5000 л.н. были менее гумусированными и выщелоченными, чем современные; 4100–3900 л.н. – имели признаки аридного почвообразования; 3800–700 л.н. – происходило постепенное колебательное накопление гумуса, выщелачивание карбонатов и гипса. АТ период в основном выделяется как засушливый. Однако в середине IV тыс. до н.э. имела место стадия повышенной увлажненности климата[7]. Ее длительность по нашим данным составляет около 300 лет.

Изучение пойменных погребенных почв (Ставрополье) свидетельствует об интенсивном развитии процессов накопления аллювия и погребения почв, имевших место около 8000,

---

[1] Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН. 1997; Демкин В. А., Гугалинская Л. А., Алексеев А. О. и др. Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы. М. : НИА-Природа, 2007.

[2] Иванов И. В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М : Наука, 1992.

[3] Александровский А. Л. История почв и климата на Юге России // II Городцовские чтения. М. : ГИМ, 2005. С. 79–86.

[4] Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М. : Наука, 2005.

[5] Долгих А. В. Формирование педолитоседиментов и почвенно-геохимической среды древних городов Европейской России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010.

[6] Александровский А. Л. История почв и климата на Юге России // II Городцовские чтения. М. : ГИМ, 2005. С. 79–86.

[7] Кременецкий К. В., Беттгер Т. Б., Климанов В. А., Тарасов А. Г., Юнге Ф. История растительности и климата Бузулукского бора в позднеледниковье и голоцене и ее палеогеографическое значение // Известия РАН. 1998. № 4. С. 60–74. (Сер. Геогр.).

4500 и 500 лет назад. Эти периоды совпадают с пиками похолодания климата[1]. В эти же периоды повышалась увлажненность климата. С периодом похолодания около 4500 лет назад связано появление клиновидных нарушений (языковатость), которые существовали в почвах степи еще долгое время[2].

На Маныче эволюция почв была менее контрастной. По нашему мнению территория Калмыкии является переходной от северокавказского к казахстанско-среднеазиатскому региону с иной схемой климатических изменений[3]. Для Средней Азии характерна иная направленность климатических изменений: влажный климат, многочисленные озера и мощные гумусированные почвы в Кызылкумах в среднем голоцене; высыхание озер и аридные почвы в позднем голоцене[4].

Палеопочвы городов Таманского полуострова. Для анализа эволюции почв и истории климата сухой степи в эпоху бронзы и раннего железа большой интерес представляют результаты исследования почвы, погребенной под культурным слоем Фанагории.

Фанагория расположена на берегу Таманского залива к западу от пос. Сенной. Здесь выделяются две террасы 5–10 и 20–25 м. Верхняя терраса в цоколе под культурным слоем сложена киммерийскими (третичными) отложениями, морского происхождения, представленными преимущественно песками, иногда глинами[5]. На территории города отложения террас перекрыты мощным культурным слоем. К югу от фанагорийской песчаной террасы протягивается цепь грязевых и гидровулканов.

Почвы Фанагории. Почвы района исследований относятся к черноземам южным мицелярно-карбонатным, характеризующимся мощным прогумусированным горизонтом, при невысоком содержании гумуса, наличием карбонатов в нижней части профиля. Супесчаные почвы на поверхности террасы, окружающей Фанагорию – серогумусовые (дерновые).

Погребенная почва Фанагории VI в. до н.э. залегает под культурным слоем 5 м. Профиль почвы нарушен ямами и подрезками, но местами сохранился целиком. Строение профиля почвы следующее: Гумусовый горизонт А1, 0–30(35) см, буровато-серая супесь, с глубины 20 см редкие тонкие псевдофибры 2–3 мм – Переходный горизонт АВ, 30(35)–45 см, супесь сероватобуроватая. Тонкая псевдофибра на глубине 28–30 см – Псевдофибровый иллювиальный горизонт В1ff, 45-140 см, светло-бурая супесь, псевдофибры в верхней части более тонкие, ниже их толщина до 1,5 см. Имеются кротовины оконтуренные псевдофибрами или пересечены ими – Горизонт ВС 140–210 см. Бурая супесь, внизу песок, много кротовин. Почва имеет гумусовый горизонт 40 см, ярко выражен мощный иллювиальный полосчатый (псевдофибровый – Bff) горизонт, карбонаты отсутствуют. Почва может быть отнесена к серым псевдофибровым. В профиле палеопочвы видны ходы степных грызунов-землероев (кротовины). В пределах полосчатого иллювиального горизонта, они оконтурены толстыми, 0,5–1 см, псевдофибрами (рис. 1). Выделяются молодые кротовины, например, расположенная в верхней части иллювиального горизонта. Она пересекает одну из верхних псевдофибр и оконтурена слабой псевдофиброй.

На поверхности слоя за 1200 лет сформировался чернозем: $A1_1$ 0–20 см, темно-серый суглинок, не вскипает – $A1_2$ 20–45 см, тот же суглинок, вскипает от HCl – АВ 45–100 см, серобурый суглинок – Вса 100-150 см, серовато-бурый суглинок, кротовины и червеходы – КС 150–200 см. Пятнисто-слоистый суглинок, внизу слой пожара.

Фоновые почвы изучены в стенке небольшого карьера: А1 0–35(45) см, серо-бурая супесь – АВ 30–45 см, серовато-бурый супесчаный – В1 35(45) – 200 см, бурая супесь, кротовины в верхней части – Сса 200–380 см, светлый песок. С глубины 300 см ракушки, бурное вскипание. Гумусовый горизонт той же мощности, что и у погребенной почвы, но отсутствуют псевдофибры. Однако видны многочиленные ходы степных грызунов-землероев и червеходы со-

[1] Климанов В. А. Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене : автореф. дис. … д-ра геогр. наук. М., 1996.

[2] Иванов И. В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М : Наука, 1992.

[3] Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М. : Наука, 2005.

[4] Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Степанов И. Н. О древних почвах в песках Кызылкумов (оз. Лявлякан) // Почвоведение. 1969. № 9.

[5] Трифонов В. Г., Караханян А .С. Геодинамика и история цивилизаций. М. : Наука, 2004.

временной степной антропогенной стадии развития почвы. Можно полагать, что в результате роющей деятельности почвенной фауны псевдофибры были разрушены. Почва может быть отнесена к серогумусовым.

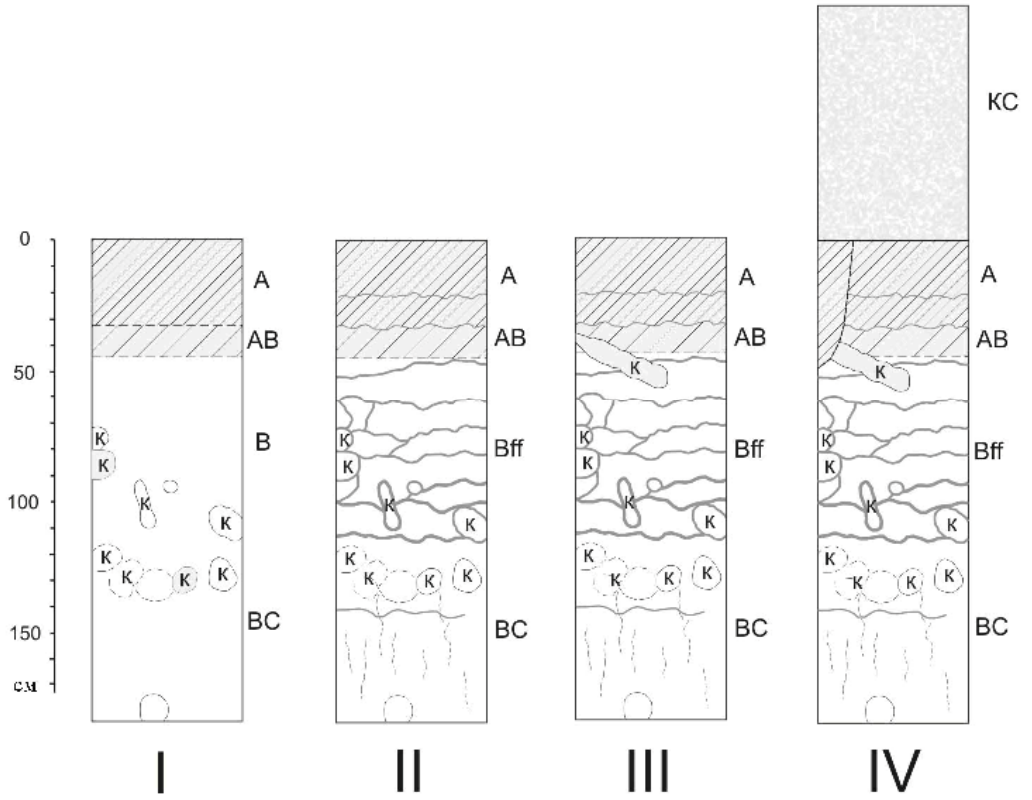


Рис. 1. Стадии формирования профиля погребенной почвы: I – время средней бронзы, степь; II – время поздней бронзы, широколиственный лес; III – время переходное от бронзы к РЖВ, лес, периодически остепнение; IV – почва после погребения под культурным слоем. К – кротовины (ходы степных грызунов-землероев)

Погребенная почва Фанагории имеет супесчаный состав близкий к песчаному (разрез 1), местами (разрез 2) супесь подстилается суглинком с прослоями глины (табл. 1). В отличие от типичных для Тамани черноземов, песчано-супесчаные почвы бескарбонатны, малогумусны (табл. 2). По сравнению с почвой, образовавшейся на поверхности культурного слоя, и погребенная, и фоновые почвы на песках содержат в несколько раз меньше гумуса (0,5 %) и фосфора (0,05 %). Карбонаты имеются только в суглинистых прослоях (разрез 2, табл. 2).

Под культурным слоем *Гермонассы* (с. Тамань) и *Танаиса* (низовья Дона) почвы были погребены в VI в. до н.э. и III в. до н.э., соответственно. Они представлены черноземами, сходным с фоновыми черноземами, типичными для региона суглинистыми почвами степного генезиса.

Стадии формирования почв и история ландшафтов. Погребенная почва Фанагории, серая псевдофибровая. По мнению большинства исследователей песчано-супесчаные почвы с полосчатым псевдофибровым горизонтом формируются только под лесом[1]. В классификациях мира данные почвы относятся к лювисолям с полосчатым иллювиальным горизонтом, и также характеризуются как почвы лесного генезиса (псевдофибры называются ламеллами). Мощность полосчатых псевдофибровых горизонтов в почвах лесной и степной зоны обычно составляет около 1 м.

[1] Гаель А.Г., Трушковский А.А. Возраст и классификация почв на эоловых песках степной зоны // Изв. АН СССР. Сер. геогр. №4, 1962. С. 28-42; Гаель А.Г., Смирнова Л.Ф. Пески и песчаные почвы. М.: ГЕОС, 1999.

Таблица 1

Гранулометрический состав палеопочв, содержание фракций, в %

№	Горизонт, глубина, см	Фракции, мм							Название состава почвы
		1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001	*<0,01*	
	№	2	3	4	5	6	7	*8*	9
Разрез 1									
1	A1 0-15	2,16	78,48	6,84	2,01	3,18	7,33	*12,52*	Супесь
2	AB 30-45	2,02	79,14	7,09	1,93	2,25	7,57	*11,75*	Супесь
3а	B1ff 53-60	2,25	80,40	6,86	2,42	1,88	6,19	*10,49*	Супесь (к песку)
Разрез 2									
1	AE 0-20	2,69	75,19	8,76	1,60	3,78	7,98	*13,36*	Супесь
2	IIB2 40-80	2,36	46,67	18,77	2,90	4,76	16,44	*24,10*	Суглинок легкий
3	IIB_3ca 80-110	1,23	33,61	27,65	3,98	6,21	27,32	*37,51*	Суглинок средний
4	Dca 110-130	0,35	15,22	30,18	7,79	12,57	33,68	*54,04*	Глина легкая (к тяжелому суглинку)

Таблица 2

Результаты почвенных анализов

Горизонт, глубина в см	pH_{H2O}	Гумус, %	P_2O_5, %	$CaCO_3$, %
Раскоп ВГ-1. Почва на культурном слое (суглинистая)				
A1 0-20	-	3,86	**1,33***	1,09
BC 100-150	-	2,04	**1,35**	5,20
ВГ-1. Разрез 1. Погребенная супесчаная почва				
$A1_1$ 0-15	7.7	0,50	0,04	0,0
$A1_2$ 23-30	-	0,36	0,04	0,0
B1 45-60	9,05	0,29	0,04	0,0
B1 75-85	-	0,24	0,04	0,0
$B1_{псевдофибра}$ 100	-	0,22	0,05	0,0
BC 130-140	8,8	0,35	0,08	0,20
C 200-210	9,0	0,17	0,04	0,20
ВГ-1. Разрез 2 Восточный. Погребенная почва с суглинистым прослоем				
AE 0-20	9,1	0,31	0,03	0,18
IIB2 40-80	9,0	0,50	0,08	0,20
IIB3ca 80-110	9,25	0,31	0,07	0,61
Dca 110-130	9,7	0,24	0,07	4,11
Фоновая почва (супесчаная)				
A1 5-25	-	0,73	0,06	0,0
Чернозем южный у Сенного (по Антипову-Каратаеву, Филипповой, 1932)				
0-20	-	2,76**	-	0,0
20-35	-	1,87	-	0,0
40-50	-	1,18	-	1,88
90-100	-	1,04	-	3,97
150-170	-	0,62	-	7,74

* Выделены повышенные концентрации

** В данном профиле содержание гумуса было определено по Кнопу.

Образование псевдофибров, в отличие от ортзандов, не связано с гидроморфизмом почв. Это сцементированные гидроксидом железа минеральные прослои, формирующиеся в результате иллювиальных процессов. Наоборот, при возрастании почвенного гидроморфизма

псевдофибры уничтожаются[1]. Как видно на почвенно-геоморфологических профилях, они хорошо развиты даже на высоких песчаных дюнах, но в понижениях между дюнами, при появлении грунтовых вод, исчезают[2].

Формирование иллювиальных горизонтов с подобными, хорошо развитыми псевдофибрами занимает большое время. Это свидетельствует о большой продолжительности лесной стадии формирования почвы, до ее погребения под культурным слоем Фанагории в VI веке до н.э. Вместе с тем, наличие в иллювиальном полосчатом горизонте палеокротовин (ходов степных грызунов-землероев), свидетельствует о двухстадийном формировании почвы (рис. 1).

Прямые данные, позволяющие датировать выявленные в палеопочве Фанагории степную и лесную стадии развития ландшафтов, пока отсутствуют. Вместе с тем, их можно сопоставить с периодами изменения климата на Тамани, выделенными по историческим данным[3]. Эти периоды соответствуют результатам палеопочвенных исследований в степях юга России и на Северо-Западном Кавказе[4].

По данным изучения палеопочвы Фанагории и по литературным данным время около VIII–VII вв. до н.э. было относительно засушливым. Имеющиеся данные по первым векам до н.э. и первым векам н.э. также свидетельствуют о засушливости климата[5]. Наоборот, значительно влажнее было в середине I тыс. до н.э. Менее ясны условия климата конца II – начала I тысячелетий до н.э. По некоторым данным в это время увлажненность климата была пониженной (так называемая «киммерийская» эпоха[6]). Также следует отметить, что ко времени около 2800 л.н. некоторые исследователи относят период резкого похолодания и увлажнения климата глобального характера[7]. В это время происходят перестройки в климате и растительности в Европе и многих других регионах.

Для предшествующего времени выделяются два периода: повышенной увлажненности, 3600–3200 л.н., соответствующий поздней бронзе, и период аридизации климата, относящийся к средней бронзе. Особенно сухим климат был около 4000 л.н.

Следовательно, стадию образования кротовин (степную) следует относить ко времени средней бронзы (ранее 3600 л.н.), а стадию формирования иллювиального горизонта – к поздней бронзе. Не вполне ясным остается характер ландшафта района Фанагории в киммерийское время. Вероятно, это было время существенных колебаний климата. Однако лесная растительность в это время на фанагорийской террасе очевидно существенно не деградировала. Иначе мы видели бы следы разрушения иллювиального полосчатого горизонта почвы Фанагории под воздействием степного почвообразования и, в первую очередь, в результате роющей деятельности почвенной фауны. Можно отметить единственную выявленную нами кротовину, которая нарушила псевдофибры иллювиального горизонта палеопочвы, что количественно не идет ни в какое сравнение с кротовинами, образовавшимися до псевдофибр.

---

[1] Грачева Р. Г. Запись природной среды в гидроморфных почвах // Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий / отв. ред. В. О. Таргульян, С. В. Горячкин. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 106–127.

[2] Гаель А. Г., Трушковский А. А. Возраст и классификация почв на эоловых песках степной зоны // Изв. АН СССР. 1962. № 4. С. 28–42. (Сер. геогр.).

[3] Горлов Ю. В. Климатические изменения на Таманском полуострове во второй половине голоцена // Древности Боспора. 12. М. : Ин-т археологии РАН, 2008. С. 162–186.

[4] Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997; Песочина Л. С. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв : мат-лы IV Всероссийской Конференции. Пущино, 2003. С. 145–151; Александровский А.Л. История почв и климата на Юге России // II Городцовские чтения. М. : ГИМ, 2005. С. 79–86.

[5] Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 1997; Песочина Л.С. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв. Материалы IV Всероссийской Конференции. Пущино, 2003. С. 145-151.

[6] Александровский А.Л. История почв и климата на Юге России // II Городцовские чтения. М.: ГИМ, 2005. С. 79-86.

[7] van Geel, B., van der Plicht, J., Kilian, M.R., Klaver, E.R., Kouwenberg, J.H.M., Renssen, H., Reynaud-Farrera, I. and Waterbolk, H.T., 1998. The sharp rise of delta 14C ca. 800 cal BC: possible causes, related climatic teleconnections and the impact on human environments. Radiocarbon 40: 535-550.

Все это позволяет предполагать, что Фанагория возникла на месте леса. Анализ угольков из нижней части культурного слоя и с поверхности погребенной почвы показывает, что это были широколиственные леса, представленные в основном дубом. Также в древостое участвовали клен, ясень, бук и граб. Хвойные породы, отсутствовали. С возникновением Фанагории началась антропогенная стадия развития ландшафтов региона, характеризовавшаяся сведением лесов, распространением степной флоры и фауны и стиранием псевдофибровых горизонтов под воздействием степных грызунов-землероев. Историю почв и ландшафтов можно представить следующим образом (табл. 3).

Развитие почвенно-растительного покрова в районе Фанагории и Гермонассы протекало по-разному (табл. 4), что определялось не только разной историей городов, но и различиями литологии.

Таблица 3

Стадии развития почв и ландшафтов в районе Фанагории

Стадии развития почв	Стадии изменения ландшафтов
1200–0 л.н. Чернозем южный на культурном слое. Окончательное стирание псевдофибр в почвах на песках вокруг города	Антропогенная степь. Колебания климата, чередование периодов запустения и освоения территории человеком
2300–1200 л.н. Мощный карбонатный культурный слой, стирание псевдофибр (фон)	Антропогенная степь, климат засушливый
2700–2300 л.н. Накопление культурного слоя в городе, стирание псевдофибр в почвах рядом с городом	Начало сведения лесов и формирования антропогенной степи в окрестностях города, климат влажный
3000–2700 л.н. Продолжение псевдофибровой стадии, появление единичных кротовин	Широколиственный лес, возможно кратковременное остепнение («киммерийское время», климат менее влажный)
3600–3000 л.н. Формирование иллювиального горизонта палеопочвы (Серая псевдофибровая)	Широколиственный лес на песках (на лессах – черноземы), влажный климат
>3600 л.н. Ходы степных грызунов-землероев (кротовины) в палеопочве Фанагории	Степи, в условиях сухого климата

Таблица 4

Стадии изменений почв и растительности в пределах античных городов и их округи

<table>
<tr><td colspan="2">Фанагория</td><td colspan="2">Гермонасса*</td></tr>
<tr><td>Город</td><td>Округа</td><td>Город</td><td>Округа</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Чернозем
Антропогенная степь
(1200**)</td><td>Серогумусовая почва
Антропогенная степь</td><td>Слаборазвитая почва
Ландшафт города/
степь</td><td>Чернозем
Степь</td></tr>
<tr><td>Ландшафт города
(2550)</td><td>Антропогенная степь</td><td>Ландшафт города</td><td>Чернозем
Степь</td></tr>
<tr><td colspan="4">Возникновение городов</td></tr>
<tr><td colspan="2">Серая псевдофибровая почва
Лес широколиственный (3600)</td><td colspan="2" rowspan="2">Чернозем
Степь (>2550)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Серогумусовая почва
Степь (>3600)</td></tr>
</table>

*Сходные этапы, однако, несколько отличающиеся по возрасту, характерны и для Танаиса

**Время начала этапа, лет назад

Развитие почв и растительности на лессах было более монотонным, чем на супесчано-песчаных породах. Этому способствовали климатические условия западной части Таманского полуострова. Количество атмосферных осадков около 350 мм в год в условиях Тамани является предельным для произрастания лесов на легких породах. Поэтому в периоды пониженной увлажненности климата, например, во время средней бронзы (ранее 3600 лет назад), леса исчезали и на этих породах. В периоды повышенной увлажненности леса занимали большие площади на легких породах и местами могли выходить и на суглинки. В целом же на суглинках для выщелачивания почв необходимо значительно большее количество осадков. Это хорошо видно в

предгорьях Северо-Западного Кавказа, где переход между серыми лесными почвами и черноземами соответствует уровню осадков 500–600 мм в год.

Строение и свойства педолитоседиментов (культурных слоев) городов степной зоны. ПЛС городов юга Европейской России формируются в условиях теплого и сухого климата степных ландшафтов. В процессе строительства, и в античное и средневековое время, и в современный период, используются сырцовый и обожженный кирпич, камень. Это приводит к образованию урбо-минерального слоя различной мощности. Поскольку органический материал не поступал в таких масштабах, как в городах лесной зоны, а также в связи с интенсивной деструкцией органического вещества, урбо-органический слой здесь не образуется[1].

ПЛС *Фанагории* изучены в центральной части города (раскоп Верхний Город, площадь 550 м^2). Культурные отложения мощностью до 5,5 м археологами датируются VI в. до н.э. – IX в. н.э. Соответственно, продолжительность антропогенной седиментации составила около 1500 лет. На культурном слое за 1100–1200 лет под степной растительностью сформировалась хорошо развитая почва – чернозем. Под культурным слоем погребена полигенетичная супесчаная почва (рис. 2).

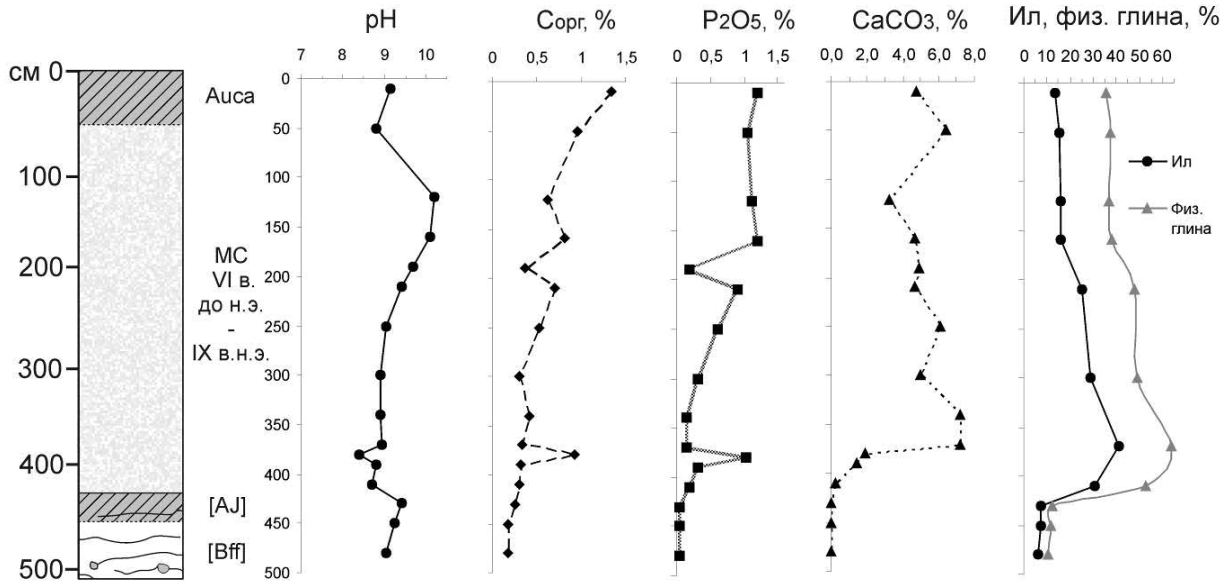


Рис. 2. Фанагория, раскоп Верхний Город. Строение и свойства педолитоседиментов

ПЛС представляют собой слоистую светло-бурую суглинистую массу с пятнами и прослоями палевого, светло-серого и темно-серого материала того же состава. В нижней части профиля отмечены признаки сооружений из сырцового кирпича. Следы разрушенных построек видны во всем профиле культурных отложений. Встречаются прослои золы, античная керамика, кости животных, фрагменты штукатурки, местами со следами краски.

Карбонаты присутствуют повсеместно, но распределяются по профилю ПЛС неравномерно. Содержание органического углерода невысокое (до 1 %) и увеличивается в черноземе (2,27 %), сформированном на городских отложениях. Содержание фосфора по сравнению с исходными почвами повышено (до 1,2 %), но заметно ниже по сравнению с ПЛС Великого Новгорода, и сравнимо с Москвой и Ярославлем.

Культурные отложения *Гермонассы* начали накапливаться с VI в. до н.э, но отличие от Фанагории, Гермонасса (впоследствии Тмутаракань, Матрега, Тамань) функционирует с незначительными перерывами и по сей день. Мощность городских ПЛС, сформированных за 2600 лет, составляет около 10 м, из них к античному времени и средневековью относится по 5 м. Под городскими отложениями Гермонассы залегает чернозем, сформировавшийся на лессе, на поверхности ПЛС – слаборазвитый чернозем (рис. 3).

[1] Долгих А. В. Формирование педолитоседиментов и почвенно-геохимической среды древних городов Европейской России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010.

Хотя исходные почвы Гермонассы и Фанагории разные, ПЛС этих городов сходны по строению и свойствам. Причем по морфологическим и аналитическим данным средневековые слои не отличаются от античных. В ПЛС Гермонассы содержание органического вещества также невысокое ($C_{орг}$ – до 1,2 %), pH щелочной и сильнощелочной (8,1–9,5), карбонатов до 5,7 %, P_2O_5 до 1,2 %. Гранулометрический состав, как и для ПЛС Фанагории – суглинистый.

Почвы и культурный слой *Танаиса*, расположенного на высокой цокольной террасе Дона, сложенной известняками миоцена и перекрытыми лессом, имеют много общего с таковыми Гермонассы и Фанагории. Палеопочва, как и дневные почвы, сформировавшиеся в течение VI–XX вв., являются черноземами. ПЛС Танаиса относятся к урбо-минеральным, они каменистые, среднесуглинистые, малогумусные ($C_{орг}$ до 1,5 %), щелочные (pH до 8,4). Содержание карбонатов (до 7,75 %) и фосфора (2,65 %) высокое. Однако мощность их невысока (2–2,5 м). Это связано с практикой повторного использования в строительстве камня, в изобилии здесь встречающегося, и слабым поступлением мелкозема, характерным для городов, строившихся из сырцового кирпича. В черноземе на поверхности слоя Сорг 3,7 %; pH 7,7; P_2O_5 – 2,9 %.

Таким образом, в древних городах степной зоны в течение античного времени и средних веков сформировались мощные культурные слои, легко и среднесуглинистые, в основном карбонатные, щелочные. Активно ощелачиваются и погребенные под ними почвы. В общем, погребенная почва, ПЛС и почва на поверхности формируются под воздействием взаимосвязанных процессов педогенеза и диагенеза и могут рассматриваться, как единая педолитогенная толща. В отличие от урбо-органических ПЛС лесной зоны, в степи развиты урбо-минеральные слои с признаками лессовидности, в максимальной степени выражены процессы деструкции органического вещества и ощелачивания.

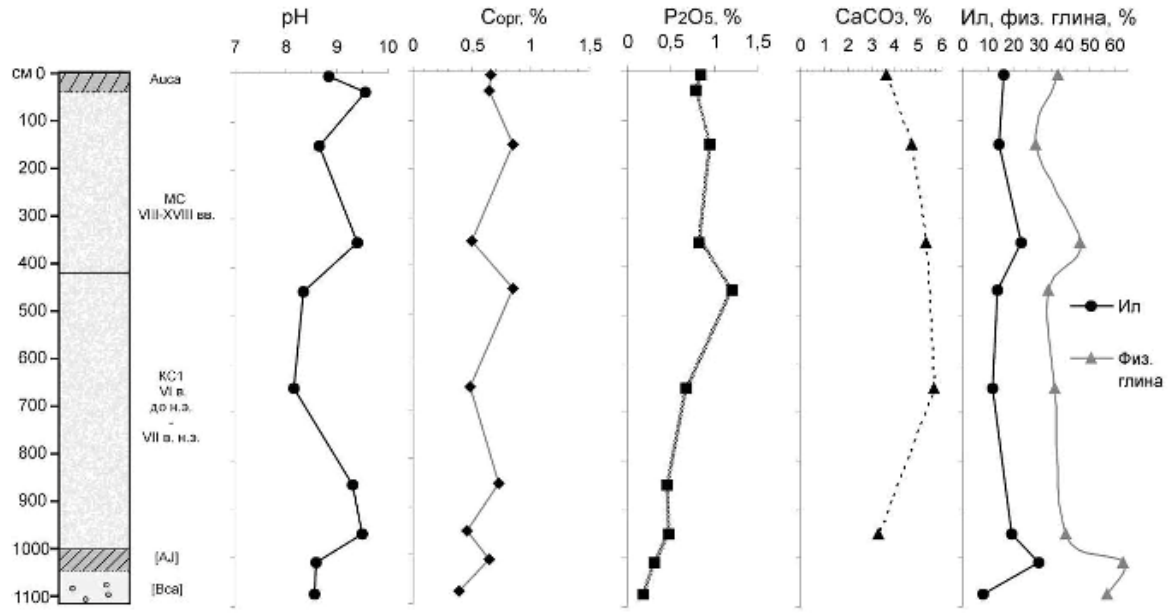


Рис. 3. Гермонасса. Строение и свойства ПЛС

В городах степной зоны выявляется ксероморфная линия развития ПЛС. Развитие «догородских» нейтрально-щелочных почв степи сменилось формированием щелочных и сильнощелочных ПЛС, которое шло в течение античного времени, в средние века и вплоть до наших дней. Проведенные исследования показывают, что в условиях сильнощелочной среды многие элементы (тяжелые металлы и др.) становятся подвижными и частично выносятся за пределы культурного слоя[1]. Здесь же в степной зоне в заброшенных городах прослеживается еще одна линия развития ПЛС, выражающаяся в образовании почв на поверхности педолитоседиментов, под сукцессиями естественной растительностью. Так на культурном слое Фанагории в течение

[1] Долгих А. В. Формирование педолитоседиментов и почвенно-геохимической среды древних городов Европейской России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010.

более 1000 лет запустения восстановились и степная растительность и почвы, по степени развития и многим морфо-аналитическим характеристикам сходные с черноземами Таманского полуострова. Вместе с тем, черноземы Фанагории наследуют от культурного слоя и загрязненность тяжелыми металлами, и повышенное содержание фосфора и по этим показателям будут отличаться от фоновых еще долгое время.

Е.И. Александровская
(Институт географии РАН, г. Москва)

АНТРОПОХИМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА (на примере курганов южнорусских степей)

Антропохимия – это наука о роли химической среды в жизни человека и человеческих цивилизаций. При антропохимических реконструкциях используются данные, полученные различными методами. Изучается химический состав: 1) почв и отложений разного возраста, как компонентов природной среды прошлого, 2) культурных слоев, различных предметов из археологических раскопок, в частности красок, заполнений сосудов, характеризующих антропогенную среду, с которой непосредственно соприкасался древний человек и, наконец, 3) самого древнего человека. Кроме данных, полученных по собственным материалам, используются литературные материалы по химическому составу воды, воздуха, пищи и других источников поступления элементов и их соединений.

Выяснить содержание того или иного элемента в организме людей, живших в различных географических регионах в разные исторические периоды, можно исследуя микроэлементный состав костной ткани людей. Микроэлементный состав костной ткани из археологических раскопок несет в себе большую информацию. Он отражает микроэлементный состав самой кости, а также крови на момент гибели организма. Это связано с тем, что, биологическая функция костной системы обусловлена ее способностью быстро отдавать в кровь свои соединения, и тем способствовать поддержанию гомеостаза внутренней среды.

Применение рентген-флюоресцентного анализа костных останков позволяет исследовать уникальные объекты, так как после проведения анализа кость остается совершенно неповрежденной и ее можно вернуть в саркофаг или место хранения коллекции. Предлагаемый анализ костных остатков дает сведения о большом числе микроэлементов, которые раньше не рассматривались или рассматривались только с точки зрения палеодиет[1]. Они не рассматривались как возможный источник информации о характере занятий и образе жизни конкретного человека. Также они не анализировались как индикатор связанных с этими причинами постоянных избыточных поступлений того или иного элемента или его дефицита, что могло привести не только к изменению в самой костной ткани, но также повлиять на общее здоровье и даже характер поведения человека[2].

Так, например, фосфор входит в состав костей и зубов, но, главное в состав некоторых белковых веществ, которые являются необходимым компонентом нервной и мозговой тканей. Фосфорный голод может привести к ослаблению умственной деятельности человека.

Бром является элементом, постоянно присутствующим в животном организме. Почти во всех органах и тканях содержание брома близко к таковому в крови, за исключением гипофиза. Повышенные количества брома оказывают тормозящее действие на центральную нервную систему животных и человека, поэтому бромистые соли издавна применялись, как лекарство. При постоянном повышенном поступлении брома в организм человека развиваются: ослабление умственных способностей, главным образом памяти, апатия, безучастие к событиям, сонливость, слабость зрения и слуха, шаткая походка, психическая подавленность.

Токсичность свинца широко известна. Кроме нервной системы свинец поражает костный мозг, сосуды и другие органы. В то же время существуют интересные данные о том, как

[1] Добровольская М. В. Минеральный состав скелета человека: основные химические соединения и микроэлементы (по материалам древних погребений) // Вопросы антропологии. 1986. № 77.
[2] Александровская Е .И, Александровский А. Л., Антропохимия. М., 2007.

конкретно свинец влияет на нервную систему млекопитающих. Было установлено, что при добавке свинца в пищу и питье изменялась двигательная активность мышей[1]. Она характеризовалась возрастанием числа вставаний и горизонтальных перемещений (подобные проявления беспокойства и увеличения двигательной активности, вызванные воздействиями свинца, могут быть причиной миграций, как у животных, так и у людей).

Селен в небольших количествах укрепляет органы зрения и является хорошим антиоксидантом, т.е. замедляет процессы старения. При избыточном его поступлении обнаруживаются поражения печени, почек, кожи, суставов. Кроме того, может наступить отравление, которое выражается в потере аппетита, депрессии, сонливости, головных болях.

Ртуть накапливается в костях, печени почках, а также в костях и мозге. Весьма незначительные количества ртути в организме усиливают фагоцитарную активность лейкоцитов крови и повышают интенсивность теплообмена, т.е. влияют положительно. Кроме того, и это нам кажется чрезвычайно важным, поступления ртути в организм на первых этапах вызывает повышение выделения норадреналина[2]. Через норадреналин идет основной путь образования адреналина, существляющего в экстремальных условиях мобилизацию всех функций и сил организма для борьбы. При этом агрессивные, активные эмоции связаны, в основном, с норадреналином[3]. Агрессию не следует смешивать с деструктивным насилием. Позитивная агрессивность есть завоевание внешней среды. Кроме того, норадреналин связан и с возбуждением удовольствия, т.к. центр агрессии и центр удовольствия соседствуют в гипоталамусе. Существуют данные об участии ртути в передаче наследственной информации. Может быть, это свойство еще более важное, чем предыдущее. Избыточное поступление ртути в организм чрезвычайно опасно. Депо ртути в организме являются кости, костный мозг, печень, селезенка, почки. Больше всего ртуть накапливается в мозгу и при отравлении ее концентрация в нем может повышаться в 20-30 раз по сравнению с нормой.

Симптомами отравления не очень большими дозами ртути являются – снижение работоспособности, повышение утомляемости и легкая нервная возбудимость. Затем наступает ослабление памяти, чувство беспокойства и неуверенности в себе, раздражительность, головные боли. Возникают бредовые состояния. В тяжелых случаях отравления развивается токсическая энцефалопатия[4]. Такие случаи нередки при контакте с ртутью и в производстве и в быту. Также не исключено избыточное поступление ртути в организмы людей в результате действия природных факторов. В ртутнорудных регионах подобные воздействия могли быть не только причиной отравлений и изменений в поведении людей, но и причиной наследственных изменений.

Практически все элементы принимают участие в жизни людей. Вредность или полезность этих элементов во многих случаях определяется количеством и формой поступления их в организм человека. Причины и пути попадания некоторых химических элементов в организмы людей мы рассмотрим ниже.

Существует мнение, что геохимическая среда обитания влияет на человека в основном через воду и рационы питания. Иными словами, через питьевую воду и биосферу. Не отрицая важнейшую роль в химическом составе человеческого организма гидросферы и биосферы, не следует упускать из внимания и воздушную среду (состав газов, осадков, пыли и др.), которая также как и вода и пища (наряду с другими факторами) влияла и влияет на жизнь, здоровье и поведение людей. Химические компоненты воздушной среды могут поступать в организм человека через поверхность кожи, однако, основной путь их поступления – дыхательная система.

Человек вовлекал и вовлекает химические вещества в ландшафтный круговорот через пищу, воду и воздух, а также в результате своей деятельности. Эта деятельность развивалась с возрастанием способности человека выделять себя из внешнего мира, целенаправленно управ-

---

[1] Ogilvie D. M., Martin A. H. Aggression and open-field activity of lead-foxposed mice // Archives of Environment, Contamination and Toxicology, 1982. Vol. 11, № 2.

[2] Большая медицинская энциклопедия. М., 1963–1971. Т. 1–31,; Бондарев Л. Г. Ландшафты, металлы и человек. М. : Мысль, 1976; Трахтенберг В. А. Хроническое воздействие ртути на организм. Киев : Здоров'я, 1969; Вредные химические вещества. Неорганические соединения элементов I-IV групп : справочник / В. А. Филов (ред.). Л. : Химия, 1988.

[3] Большая медицинская энциклопедия. М., 1963–1971. Т. 1–31.

[4] Трахтенберг В. А. Хроническое воздействие ртути на организм. Киев : Здоров'я, 1969.

лять предметами и собственным поведением. Археологически это представлено сменой технологий и способов жизнедеятельности[1]. Освоение огня явилось одним из важнейших этапов на пути развития человечества. Огонь был огромной технической и социальной силой. Использование огня, в какой-то мере локально изменило миграцию углерода, калия, кальция и других макроэлементов. Эти элементы и их соединения, с дымом костров, могли попадать в организмы людей и влиять на их здоровье и поведение.

Так, например, высокое содержание марганца в золе древних очагов и печей связано с тем, что многие деревья накапливают марганец в древесине. При сжигании растений, накопивших марганец, он частично улетает с дымом (при вдыхании которого марганец попадает в организм), частично накапливается в золе печей. Марганец в живых организмах обладает кумулятивным действием. При хроническом избыточном поступлении Mn характерным считается своеобразное изменение психической деятельности: снижение активности, сужение круга интересов, снижение памяти, ослабление ассоциативных процессов, нарастание психической астении. Отличительной чертой отравления марганцем является своеобразное расстройство психики: больные эйфоричны, благодушны, реже апатичны[2].

Переход к использованию металла в различных районах земного шара совершался в разное время. У многих народов металлургия началась с плавки меди. Известно, что при выплавке меди из медных или полиметаллических руд и даже при переплавке медных предметов, цинк улетучивается вместе с металлургическими газами, однако при соприкосновении с холодным воздухом может конденсироваться и опускаться на землю. То же самое происходит и со свинцом. Таким образом, при древних металлургических производствах и цинк, и свинец могли попадать в организмы людей с дымом металлургических производств.

Бронзовый век характеризовался высоким подъемом культуры не только в пределах территорий, на которых происходило развитие цивилизаций. Для выявления следов воздействия на человека загрязнений связанных с металлургиией нами были проанализированы кости представителей разных групп древнего населения Северного Кавказа (табл. 1).

Таблица 1

Микроэлементы в костных остатках ($n \cdot 10^{-5}$). Ранняя бронза, мужчины, майкопская культура

Объект	Ni	Cu	Zn	Mn	Hg	Se	As	Br	Pb	Sr	Rb	Zr	Y	Ga
Кларк кости	*0.7*	*1.8*	*14*	*10*	*0.04*	*0.5*	*0.1*	*0.7*	*1.9*	*8.5*	*0.2*	*0.2*	*1*	-
18-19 лет	**2.4**	**2.8**	**35.4**	1.2	0.02	0.1	0.04	**5.8**	0.1	**90**	0.5	**1.7**	0.3	0.6
19-22 лет	**2.0**	**3.0**	11.1	**39.6**	0.03	1.0	0.01	**2.5**	0.6	**72**	**1.0**	**2.2**	**2.9**	0.6
35-45 лет	**2.9**	**3.4**	13.2	**30.9**	0.02	0.1	0.01	**2.4**	1.4	**81**	0.1	**1.0**	**5.4**	0.1

Общим для химического состава представленных в таблице костных остатков трех мужчин, представителей майкопской культуры является повышенное содержание никеля, меди, цинка, стронция, брома, циркония. Возможно, это связано с гидрохимическими особенностями региона, т.е. с составом питьевой воды, возможно – со структурой питания.

Повышенное содержание никеля во всех изучаемых объектах неплохо коррелирует с повышенным содержанием цинка и в меньшей степени меди. Скорее всего, это связано со структурой питания. Так как некоторые продукты питания, например горох и овес, содержат все три элемента в повышенных количествах. Цинком богаты грибы, особенно ядовитые. Однако не исключено, что совместное повышение количества меди, цинка и циркония в организме человека 18-19 лет могло быть связано с его причастностью к металлургии.

Под влиянием раскопок Ура и других древних городов Ирака распространилось мнение, что металлургическое и химическое производства могло зародиться в Месопотамии. Там нашли не только большое число металлических изделий, относящихся к IV тысячелетию до н.э., но и многочисленные письменные документы на глиняных дощечках, говорящие о производствах, в том числе металлургии. Также считают, что в создании майкопской культуры в IV тыся-

[1] Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. : «Пер Се», 2001.
[2] Большая медицинская энциклопедия. М., 1963–1971. Т. 1–31.

челетии до н.э. участвовали выходцы из Месопотамии. Об этом свидетельствует не только появление металлургии, земледелия и скотоводства, но также высококачественной керамики, изготовлявшейся на гончарном круге [7].

Средний бронзовый век (4,3–3,6 тыс. лет назад) характерен еще более мощным развитием горнометаллургического производства в пределах сохраняющейся Циркумпонтийской провинции. Количество медных предметов и изделий из мышьяковых бронз в провинции возрастает в среднем в 8–10 раз, что, несомненно, связано с расширением добычи медной и мышьяковой руды. Одной из ярках культур средней бронзы, также владевшей бронзовой металлургией, является катакомбная. Человек того времени имел дело с различными химическими веществами, например, с ритуальными красками. В изученном тлене из погребения древнего человека обнаружено высокое содержание меди, мышьяка и цинка, что может быть связано с использованием бронзовых предметов. Кроме того, большое количество в тлене этих элементов, а также ртути, могло быть связано с ритуальными красками, использовавшимися древними людьми при захоронениях (табл. 2).

Красный цвет данных красок лишь отчасти объясняется повышенным содержанием Fe_2O_3, но в первую очередь связан с присутствием киновари, о чем говорит высокое содержание ртути. Большое количество цинка может быть связано с примесью сфалерита или более редкого минерала – цинкита. Последний имеет оранжево-желтый до красного цвет. Цвет сфалерита может быть бурый, коричневый, реже желтый или красный.

Таблица 2

Содержание микроэлементов в тлене и ритуальных красках из погребений древних людей Предкавказья, мг/кг

Разрез, проба, век	Ni	Cu	As	Zn	Hg	Pb	Br
Тлен со дна погреб. камеры	3.4	**78.0**	**5.9**	**500**	**28.0**	0.7	0.9
Краска со дна погр. камеры	1.6	20.1	2.3	50	**11.2**	7.4	0.4
Краска со дна погр. камеры	3.4	38.5	**4.7**	**300**	**4.3**	0.9	0.5
Краска со дна погр. камеры	1.6	**61.3**	**3.5**	**300**	**52.0**	0.8	0.4

Ритуальные краски, использовавшиеся в погребальных обрядах в то время, могли быть и другого состава. Красные и оранжево-бурые краски, часто встречающиеся в погребениях, в археологии носят название «охры». В большинстве случаев их основу составляют оксиды железа (табл. 3а). Повышенное содержание цинка в некоторых из них, скорее всего, вызвано примесями сфалерита или цинкита.

Таблица 3а

Макроэлементы в охрах Северного Кавказа (оксиды, %)

Разрез, проба, век	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	K_2O	Na_2O	MnO	SO_2	P_2O_5
Кларк	*75*	*10*	*5*	*1,5*	*1,1*	*1,7*	*1,1*	*0.1*	*0.1*	*1.5*
Охра с лицевых костей черепа	31.07	12.67	**40.56**	3.24	1.1	1.3	1.23	0.06	0.1	0.5
Охра за спиной	43.87	11.98	**38.08**	2.89	1.1	1.3	0.94	0.07	0.3	0.9
Охра из скопления у рук	19.04	13.08	**72.01**	3.45	1.4	0.9	1.43	0.05	0.4	0.6
Охра из-под черепа	42.05	13.23	**12.0**	4.32	1.1	1.1	1.51	0.2	0.15	0.9
Охра со дна погребальной камеры	15.76	13.76	**74.98**	4.01	1.1	0.8	1.79	0.04	0.6	0.9

В некоторые «охрах» найден аурипигмент – минерал мышьяка, в других – примесь киновари, а в третьих – оксид свинца (табл. 3б). В отдельных случаях в погребениях бронзового века встречается почти чистая киноварь. Например, в погребении майкопского времени из Новосвободной (раскопки Веселовского, 1898 г.), или в кенотафе средней бронзы из Зунда-Толги (раскопки Шишлиной, 1997 г.) (табл. 4). В пигменте из Новосвободной обнаружена почти чистая киноварь: 65 % составляет ртуть и 31,3 % – сера. Очень высоко содержание этих элементов и в пигменте из могильника Зунда-Толга (46 и 21,7 % соответственно).

Таблица 3б

Микроэлементы в охрах Северного Кавказа, мг/кг

Разрез, проба, век	Ni	Cu	Zn	Hg	As	Pb	Br	Sr
Охра с лицевых костей черепа	0.6	14.7	30	0.2	**6.4**	**39.7**	0.7	**2378**
Охра из скопления у рук	0.4	11.2	20	**3.2**	0.9	**28.4**	0.5	114
Охра за спиной	0.3	17.1	40	**2.7**	2.1	**41.0**	0.7	123
Охра из-под черепа	7.9	39.0	**230**	0.3	2.1	**21.0**	0.7	476
Охра со дна погребальной камеры	1.0	12.5	40	0.2	0.7	0.6	0.8	439

Таблица 4

Содержание элементов в пигментах из курганов эпохи бронзы

Объект	Содержание оксидов и элементов в %										
	SiO_2	Al_2O_3	FeO	CaO	P_2O_5	S	Cl	Hg	As	Au	Pb
Казанская	17.1	14.9	**57.0**	3.2	**2.1**	**8.8**	0.18	0.35	0.0	0.0	0.0
Новосвободная 1898 г.	*1.3*	0.7	0.3	0.07	0.0	**31.3**	0.45	**64.8**	0.0	0.46	0.49
Зунда-Толга, 7/1	16.8	5.5	3.4	0.4	0.0	**21.7**	1.0	**46.2**	0.0	0.0	0.0

В погребениях были обнаружены и другие вещества (табл. 5). Вероятно, они могли использоваться не только при совершении захоронений, но и в быту.

Таблица 5

Определяющие элементы и реконструкция вещества из погребений Сев. Кавказа. Макроэлементы (оксиды, %), микроэлементы (мг/кг)

Объект	SO_2	CaO	P_2O_5	Cu	Zn	Hg	As	Pb	Br	Sr	Предполагаемое вещество
Желтый пигмент	**42.4**	3.66	1.09	8.9	20	0.1	**2.3**	0.9	0.6	341	Сера
Белое вещество	0.17	2.01	0.51	45.8	**210**	**21.0**	**2.5**	0.9	0.8	546	Тлен (+ лекарство или яд)
Желтая масса	**3.80**	**31.5**	**40.1**	53.1	**330**	**0.2**	0.9	3.2	**7.80**	876	Наркотик из грибов с высоким содержанием **селена**
Желтая масса	**5.12**	11.4	**39.6**	**187**	**600**	**5.7**	**4.0**	0.8	0.6	**1120**	Лекарство или яд
Белое вещество	0.7	**47.2**	0.52	87.9	**250**	**28.4**	2.0	0.9	0.9	211	Мел (+лекарство или яд)

Таблица 6а

Макроэлементы в заполнениях сосудов и других объектах из могильников Барханчак 11 и Айгурский 2 (оксиды в %)

Разрез, проба	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	K_2O	Na_2O	MnO	SO_2	P_2O_5
Барх11, к3 п6	**64.51**	15.04	8.27	2.97	3.43	3.2	0.56	0.15	0.16	0.23
Айг2, к22 п7 дно	**39.88**	12.87	**9.69**	10.76	3.24	2.63	0.67	0.19	0.22	**42.9**
К22 п7, верх	26.5	11.23	3.21	5.11	5.81	9.5	0.9	0.2	0.16	1.5
К22 п4, дно	26.26	6.25	3.48	22.63	1.85	1.2	1.09	0.44	1.58	**25.9**
К22 п5, дно	11.54	2.64	1.29	34.54	0.89	0.7	1.44	0.1	1.29	**42.5**
К22 п5, верх	**59.8**	8.95	3.02	3.56	0.77	1.5	0.98	0.2	0.19	0.7
К26 п5, дно	**48.6**	10.31	4.01	21.4	7.43	4.9	1.76	0.06	0.2	0.8
К26 п5, верх	**36.02**	0.35	4.21	11.37	1.23	1.46	0.04	0.05	23.8	**9.11**
К25 п8, содерж. желудка погребенного человека	21.01	8.76	5.93	**68.4**	3.45	4.87	1.12	0.1	0.45	1.9

Интересные данные получены при исследовании химического состава сосудов, найденных в погребениях из курганов бронзового века Предкавказья (табл. 6). Для реконструкции содержимого сосудов предложен фосфатный метод[1]. Нами с той же целью предложено использовать анализ макро- и микроэлементов[2].

Результаты определений следующие.

К. 22 п. 7 дно – повышенное содержание фосфора, железа и брома.

Большое количество фосфора железа и брома содержится в мясных продуктах, т.к. фосфор железо и бром постоянно присутствуют в животных организмах;

К. 22 п. 7 верхняя часть – повышенное содержание свинца. Возможно, наверху была свинцовая пробка;

К. 22 п. 4 дно – повышено содержание фосфора, меди, цинка, мышьяка, брома и стронция. Одновременное повышение этих элементов свойственно грибам. В этом сосуде было быть наркотическое средство, приготовленное из грибов;

К. 22 п. 4 верхняя часть – кроме вышеперечисленных элементов, увеличено содержание свинца. Скорее всего, наверху была или свинцовая пробка;

К. 22 п. 5 дно – высокое содержание фосфора, меди, цинка и стронция говорит о возможности нахождения в сосуде каши из овса;

К. 22 п. 5 верх при низком содержании элементов, находящихся внизу сосуда, высокое содержание мышьяка. Может быть, сверху был насыпан какой – либо минерал мышьяка, например аурипигмент, как краска или как яд, чтобы никто не пытался достать содержимое сосуда;

К. 26 п. 5 дно – несколько повышенное содержание цинка меди и кальция, совместно с калием, магнием и натрием может говорить о нахождении в сосуде раковин (измельченных) моллюсков;

К. 26 п. 5 верх – необычное для верхней части сосуда повышение содержания фосфора могло быть связано с запечатыванием сосуда ржаным или каким-либо другим тестом;

К. 25 п. 8 (заполнение желудка погребенного человека) – характеризуется очень высокой концентрацией кальция, а также повышенным содержанием меди и цинка. Хотя по содержанию микроэлементов данный объект сходен с заполнениями сосудов из К. 22 п. 4 и п. 5, но в нем очень мало фосфора. Вероятно, это связано с тем, что часть элементов уже всосалась из желудка в кровь, а часть начала выводиться из организма.

Таблица 6б

Содержание микроэлементов в мг/кг

Разрез, проба	Ni	Cu	Zn	Hg	As	Pb	Br	Sr
Барханчак 11, к3 п6	5.3	48.1	130	0.1	**7.9**	9.6	0.7	238
Айг2, к22 п7 дно	5.4	59.0	300	0.2	0.8	13.1	**2.4**	431
К22 п7 верх	7.5	37.3	250	0.2	1.0	**47.3**	0.8	623
К22 п4 дно	**20.1**	**134.8**	**1300**	0.1	**4.8**	16.1	**5.6**	**2189**
К22 п4 верх	**9.8**	**140.1**	**2150**	0.2	**4.2**	**36.9**	**6.9**	**2766**
К22 п5 дно	7.5	**110.6**	**1100**	0.1	0.8	11.0	0.9	**979**
К22 п5 верх	2.5	54.2	200	0.3	**3.6**	0.9	0.8	653
К26 п5 дно	7.5	27.0	300	0.1	0.7	0.8	0.6	287
К26 п5 верх	2.0	12.9	90	0.1	0.8	0.9	0.9	231
К25 п8 содерж. желудка погребенного человека	3.7	**137.4**	**1300**	0.1	1.6	*0.3*	0.7	**988**

[1] Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пущино, 1997.

[2] Александровский А.Л., Александровская Е.И. Определение содержимого сосудов из погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы–раннего железного века в Калмыкии. М.-Элиста: Изд-во ГИМ, 1999.

Таблица 7

Микроэлементы в костях (в n·10^{-5}). Катакомбная культура. Ипатово

Проба	Ni	Cu	Zn	Mn	Hg	Se	As	Br	Pb
Кларк кости	*0.7*	*1.8*	*14*	*10*	*0.04*	*0.5*	*0.1*	*0.7*	*1.9*
Мужчины									
п.13	1.0	1.7	29.1	10	0.02	0.1	0.01	**2.6**	0.9
п.162	1.6	2.2	23.4	18.7	0.04	0.5	0.07	0.9	0.6
п.186	**3.8**	3.0	62.3	**159.4**	0.02	**8.0**	0.01	1.5	5.0
Женщины									
п.32	1.8	2.9	**33.8**	**46.5**	0.07	0.5	0.07	**2.6**	0.3
п.122	1.7	2.7	**26.3**	6.0	0.04	**6.0**	0.07	1.7	0.3
п.169	**2.6**	3.4	18.5	**121.2**	0.02	**4.0**	0.10	1.6	2.5
п.164/1	2.3	3.8	**93.4**	0.9	**0.14**	**1.0**	0.03	**2.7**	0.4
п.164/ 2	1.6	2.6	28.1	8.4	0.08	0.6	0.12	**2.2**	0.2
п.165 45-55	**3.7**	3.7	**51.7**	**70.8**	0.02	**4.0**	0.03	**2.6**	1.8
п.167 45-55	1.2	4.7	**39.4**	15.3	0.09	**3.0**	0.01	1.8	1.5
п.168 25-35	**7.1**	**654**	**39.6**	**132.9**	**25.2**	0.1	**4.46**	**18.7**	0.1

Далеко не все люди бронзового века были как-то связаны с бронзовыми предметами. Во многих регионах орудиями в основном или исключительно продолжали оставаться каменные, костяные и другие небронзовые. Большой интерес также представляют данные исследования костей, которые свидетельствуют о контакте людей бронзового века с иными химическими веществами, не связанными с металлургией (табл. 7).

Как следует из этой таблицы, в костной ткани одной из женщин отмечено повышение содержания мышьяка. Данные определений состава пищевых продуктов показывают, что накопление этого элемента может быть связано с усиленным употреблением проса или грибов.
Повышение содержания селена в костных останках из погребений катакомбной культуры также обнаруживается преимущественно у женщин (табл. 7). Если рассматривать историю изучения токсичности этого элемента, то следует обратиться к запискам Марко Поло, в которых было описано заболевание, вызывающее гибель парнокопытных животных от ядовитых трав. В настоящее время установлено, что эти ядовитые травы, в основном астрагаловые, – концентраторы селена. Животные могут адаптироваться к повышенным содержаниям селена в кормах, однако люди, использующие в пищу мясо этих животных, могут в свою очередь получать отравления[1]. Однако наиболее важным концентратором селена являются грибы. Трудно предположить, что мясо животных, насыщенное селеном ели только женщины. Но можно предположить преимущественное употребление грибов женщинами. Вероятно, особенно важным является тот факт, что повышение содержания селена отмечается только у представителей катакомбной культуры. Может быть, из грибов в то время изготавливались наркотические вещества, свойственные индоариям.

Таким образом, уже в бронзовом веке избыточное поступление в организмы людей токсичных элементов, влияющих не только на здоровье, но и на поведенческие реакции, могло быть очень значительным. Причем, это было связано не только с производственной деятельностью, но и с развитыми тогда ритуально-религиозными обычаями, которые уже в это время были связаны с вредными для человека веществами.

[1] Большая медицинская энциклопедия. М., 1963–1971. Т. 1–31; Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М. : «Пер Се», 2001.

М.А. Балабанова
(ВолГУ, г. Волгоград)

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Степи Восточной Европы в эпоху бронзы являлись центром формирования ряда уникальных культурных феноменов. Бронзовый век – динамичная эпоха развития скотоводческого хозяйства в степях Евразии, демографического роста населения, эпоха, когда на основе местных и пришлых племен начинают формироваться гигантские по своим масштабам культурно-исторические общности, сменявшие друг друга на протяжении всей эпохи: ямная, катакомбная, срубная культурно-историческая общности.

Для средней бронзы, на основе научных разработок, характерно угасание карпато-балканского очага культурогенеза и активизацией кавказского центра. Кульминацией эпохи становится появление катакомбного обряда. Вопрос о происхождении катакомбной культуры до сих пор окончательно не решен. Несмотря на появление, новой культурной традиции, данные археологии свидетельствуют о возможности сосуществования представителей ямной и катакомбной культур.

В Волго-Донском междуречье и Нижнем Поволжье культура эпохи средней бронзы изначально была настолько специфична, что, как считает А.В.Кияшко, «катакомбизации» погребального обряда не произошло, а начиная с раннедонецкой стадии местные племена все более втягиваются в орбиту культурогенеза эпохи поздней бронзы. Взаимопроникновение ощущается лишь на материале среднедонской и манычской катакомбных культур в особенностях погребального обряда, характеризующиеся материковыми заплечиковыми ямами положение умершего скорченно на левом боку, ориентировка в восточный сектор, стремление к индивидуальной курганной насыпи[1].

Антропологические данные могут послужить хорошим подспорьем в решении вопросов происхождения и раннего этапа истории древних народов эпохи бронзы. Как показывают результаты даже наиболее ранних работ, население исследуемой эпохи характеризуется внутригрупповой гетерогенностью.

Так, первые материалы по антропологии эпохи бронзы Нижнего Поволжья, изученные Г.Ф. Дебецом, определяются брахикефальным европеоидным расовым типом, который, по его мнению, является одним из вариантов протоевропеоидной расы[2].

Черепа же из могильников левобережья Нижнего Дона долихокранные по пропорциям, с высоким и узким лицом, на котором высокие орбиты. Автор, Л.Г.Вуич, придерживается мнения, что исследованная ею серия принадлежала носителям средиземноморского антропологического типа[3].

Морфологический тип Калиновского могильника описанный, В.В. Гинзбургом, определяется как грацильный с долихомезокранной формой черепной коробки с несколько покатым лбом, среднеразвитым надпереносьем. Его можно отнести к протосредиземноморскому типу, и он ближе к синхронным черепам из более западных районов Волго-Донского междуречья. Одним из признаков сближающим эти черепа автор считает наличие искусственной деформации. Типологическая диагностика этого могильника свидетельствует о полиморфизме группы (три черепа средиземноморского и два андроновского типов). По мнению В.В. Гинзбурга, группа, обитавшая в Волгоградском Заволжье, исследованная им, была ближе к населению прикавказских степей, а в Саратовском, группа, исследованная Г.Ф. Дебецом – ближе к населению Западного Казахстана. Наличие черепов средиземнорского типа говорит о несомненных связях с

[1] Кияшко А. В. Динамика культурных изменений на территории восточноевропейских степей в эпоху бронзы // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 61.
[2] Дебец Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. 1936. № 1; Дебец Г. Ф. Палеопнтропология СССР : тр. Института этнографии АН СССР. М. – Л., 1948. Т. 6.
[3] Вуич Л. Г. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // МИА. 1958. №62.

населением Передней Азией, а наличие черепов андроновского типа – о связи с западным Казахстаном[1].

Довольно массовый материал по эпохе бронзы изучила Б.Ф. Фирштейн[2]. В серию был включен материал из могильников Волгоградской и Саратовской областей, и Калмыкии, собранный Заволжским отрядом Сталинградской экспедиции под руководством И.В. Синицына в 1951–1955 гг.

Черепа катакомбной культуры она также определяет как европеоидные с вариантами: средиземноморский, протоевропеоидный, андроновский и близкие к ним типы[3].

Материал могильника Старица, расположенного на севере Астраханской области, на правом берегу Волги, был проанализирован А.В. Шевченко (1973). Пригодными для измерения и последующего исследования были 16 черепов катакомбной культуры. Искусственная деформация башенного типа была отмечена на трех черепах взрослых и нескольких детских. Серия была морфологически неоднородна, и исследователь выделил внутри нее два краниотипа: мезобрахикраный с черепной коробкой сфеноидной формы и долихокранный, в основе своей более матуризованный, с гораздо большим, чем у первого продольным диаметром, но меньшими размерами поперечного диаметра и наименьшей шириной лба, с более сильной профилировкой лица на уровне точки назион. В сравнении с черепами ямной культуры из этого же могильника, они характеризуется большей высотой лица и черепной коробки (от пориона), более узким носом и умеренной горизонтальной профилировкой лицевого отдела[4].

Еще одна серия, опубликованная А.В. Шевченко, была им собрана из могильников Волгоградской и Астраханской областей в процессе археологических раскопок 50–60 гг. К сожалению, она не столь многочисленная как вскрытые погребения из-за плохой сохранности костной ткани, поэтому катакомбная культура была представлена 4 мужскими и 3 женскими черепами. На основании различий в строении мозгового черепа, автор выделяет внутри серии два краниологических типа: брахикранный, с умеренно длинной, широкой или очень широкой черепной коробкой, очень широким, покатым лбом и несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица на уровне назиона и долихокранный краниологический тип с крайне длинной, умеренно- или среднешироко черепной коробкой овоидной формы. Серия женских черепов на фоне мужских выглядит довольно однородной и имеют ряд антропологических особенностей: очень большая высота черепа от порионов, наименьшая ширина лба на границе больших и очень больших величин, узкое, невысокое лицо, что не характерно для мужской части[5].

Более комплексное исследование антропологических серий эпохи бронзы, в том числе и катакомбной культуры, было осуществлено в 1986 г. А.В. Шевченко. Катакомбная культура представлена несколькими черепными сериями с территории между Волгой и Доном и сравнительным материалом из Украины. Все опубликованные искусственно деформированные черепа происходят с территории Волго-Донского междуречья. Этой проблеме он уделяет особое внимание, решая вопрос происхождения обряда и влияние деформирующей конструкции на краниологические признаки. В искусственно деформированных сериях, по мнению автора, не представлен каспийский антропологический тип, который представлен на не деформированных материалах Калмыкии. Наибольшее сходство с калмыцкой серией обнаруживает по средним данным серия из Нижнего Поволжья. В донецкой серии преобладают черепа гиперморфных краниологических типов европеоидной расы. Все недеформированные черепа Волго-Донского междуречья были сгруппированы по могильникам, которые демонстрируют полиморфность внутригрупповой структуры, кроме новочеркасской. Серия из могильников Калмыкии самая узколицая и испытывает сходство с сериями «катакомбников» Левобережья Дона. Серии из

[1] Гинзбург В. В. Этногенетические связи населения Сталинградского Заволжья (антропологические материалы Калининского могильника) // МИА. 1959. № 60. Т. 1.

[2] Фирштейн Б. В. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. Киев, 1967.

[3] Там же. С. 139–140.

[4] Шевченко А. В. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // Советская этнография. 1973. № 6. С. 100–102.

[5] Шевченко А. В. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974. С. 125–131.

Поволжья и правого берега Дона отличаются от них более крупными размерами мозговой капсулы и лица[1].

Таким образом, можно констатировать, что в эпоху средней бронзы население, проживающее на территории нынешней Волгоградской области, и в, частности, в Волго-Донском междуречье, относилось к европеоидной расе, преобладал долихо-мезокранный краниотип, причем с уклоном в сторону долихоидности. Кроме этого, имелись группы, у которых преобладал тип широкоголовых европеоидов с незначительным уплощением лицевого профиля на уровне глазниц. Часть населения катакомбной культуры, возможно определенные ее племена практиковали обычай искусственной деформации головы.

Такова, в общих чертах, степень изученности антропологического состава катакомбных памятников Нижнего Поволжья и сопредельных территорий. Интерес исследователей к проблемам катакомбной культуры не ослабевает по мере накопления источников. Публикации новых материалов, их последующая оценка и интерпретация ставят новые задачи и открывают не известные доныне перспективы и возможности исследовательской деятельности. Ввод в научный оборот новых палеоантропологических материалов является в настоящий момент одной из важных этапов научного познания катакомбных древностей.

Материал и методика исследования. Предметом данного исследования является краниологический материал, полученный в результате разновременных археологических раскопок курганных могильников с территории Волго-Донского междуречья. Он исследовался по традиционной программе, принятой в отечественной науке. Программа включает в себя систему краниологических признаков с высоким таксономическим весом.

На индивидуальном уровне определялся пол, возраст, измерение и описание краниологических признаков[2].

Цифровой материал обработан компьютерными статистическими программами специально адаптированными для антропологических исследований (пакет программ Б.А. Козинцева и В.Е. Дерябина).

Общая характеристика серий и внутригрупповой анализ. В результате проделанной исследовательской и реставрационной работы удалось подготовить к последующему анализу серию из 75 черепов, возрастом старше 18–20 лет. Она включает 53 мужских черепа (32 недеформированных и 21 деформированных) и 22 женских черепов (10 недеформированных и 12 деформированных) (табл. 1).

Усредненная характеристика мужских недеформированных и деформированных черепов катакомбной культуры имеет некоторые различия (табл. 1). Так недеформированная серия представляет собой тип долихокранных европеоидов с длинной, среднешироко и высокой черепной коробкой, хотя вариации по размерам продольного и поперечного диаметров очень большие: 166 и 207мм и 127–150. У деформированной серии мозговая коробка короткая и узкая по пропорциям мезокранная. Размах вариаций по первым двум тотальным размерам тоже большая: 162 и 187; 129 и 148. Доля длиннологовых европеоидов выше в серии недеформированных черепов. В деформированной серии преобладает мезокранный тип. Высота свода в обеих группах большая, но в деформированной находится в пределах очень больших величин. Значение величин общеростовой, условного трансверсального сечения и объема демонстрируют большую массивность и гиперморфность недеформированных черепов.

Основание черепа в обеих сериях одинаково длинное и несколько более широкое в не деформированной серии. Строение лобной и затылочной костей, видимо, напрямую связано с действием деформирующей конструкции. Хорды длиннее на деформированных черепах, а дуги на не деформированных. Кроме этого, у лобной и затылочной костей в деформированной серии высота изгиба снижена и сами кости значительно уплощенные. Что касается размеров хорд и дуг теменной кости, то они мало отличаются в обеих группах. Такие различия в строении мозгового отдела черепа напрямую связаны с изменениями, которые претерпевает этот отдел черепа под влиянием деформирующей лобно-затылочной высокой башенного типа деформации. Рельеф на череп сильно развит, особенно надпереносье и надбровные дуги.

[1] Шевченко А. В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.

[2] Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Таблица 1

Средние значения и указатели краниологических серий из могильников Волго-Донского междуречья

Признак и № по Мартину и другим	мужчины						женщины					
	Деформированные			Недеформированные			Деформированные			Недеформированные		
	n	X	s	n	X	s	n	X	s	n	X	s
1.Продольный диаметр	20	177,9	6,7	31	185,9	8,2	12	171,8	5,3	10	181,7	5,4
8.Поперечный диаметр	20	137.4	5,4	32	140,2	5,7	12	135,4	2,9	9	134,8	6,7
8:1Черепной указатель	20	77.3	3,9	31	75,5	4,9	12	77,7	5,9	9	74,5	4,7
17.Высотный д-р базион-брегма	13	145,7	8,1	20	138,9	5.4	9	144,6	9,2	2	132,5	
17:1Высотно продольный указатель	13	82.2	5,7	20	74,9	4,7	9	83,3	4,8	2	72,9	
17:8 Высотно-поперечный указатель	13	107,2	6,1	20	99,4	5,5	9	107,3	6,0	2	98,3	
ОРВ.Обще-ростовая величина	13	267,1	7,6	20	271,1	7,5	9	267,8	8,3	2	262,2	
М2.Условное трансверсальное сечение	20	244,4	14,5	31	260,1	14,1	12	232,5	7,3	9	244,9	12,7
М3.Условный трансверсальный объем	13	1760,1	149.3	20	1805,4	136,5	9	1691,2	144,8	2	1622,4	
5.Длинна основания черепа	13	109,2	6,9	20	108,7	7,4	9	107,4	5,8	2	97,5	
20.Ушная высота	16	123,3	6,1	21	117,1	5,0	9	119,5	6,1	6	114,7	6,1
9.Наименьшая шир.лба	19	95,5	5,9	28	99,3	5,1	11	93,5	7,2	8	92,2	5,2
УПИЛ.Угол поперечного изгиба лба	17	137.0	7.0	24	134,9	5,0	11	135,8	5,7	7	133,8	5,7
11.Ширина основания черепа	18	123.4	8,3	23	127,6	6,1	10	120,8	6,2	5	119,2	4,2
УИЛ. Угол изгиба лба	20	146.3	7,2	28	133,1	5,2	10	142,8	5,1	5	132,7	4,8
УИЗ. Угол изгиба затылка	18	135,3	8,2	25	122,9	6,9	8	133,6	4,5	4	121,2	8,2
45.Скуловой диаметр	18	135.9	6,2	23	137,3	7,0	10	129,9	5,70	5	125,6	5,9
40.Длина основания лица	12	105.5	8.9	20	104,0	8,2	7	100,3	5,9	2	99,5	
40:5.Указатель выступания лица	12	94.2	10.7	20	95,6	3,7	7	94,5	3,4	2	102,3	
48.Верхняя высота лица	20	70,6	5,8	28	71,1	4,5	9	67,1	3,8	5	65,8	6,1
43.Верхняя ширина лица	18	108,7	5,2	28	110,8	3,7	10	105,3	5,5	6	101,3	3,8
46.Средняя ширина лица	14	99,3	5,4	24	97,6	5,6	8	95,5	3,7	3	90,0	4,0
55.Высота носа	19	52,6	4,3	28	52,0	3,1	9	50,2	3,2	5	47,2	6,1
54.Ширина носа	16	25,9	1,8	26	25,3	1,7	9	25,2	2,5	5	23,4	3,0
54:55.Носовой указатель	16	49.2	4,5	26	49,0	4,4	9	50,4	7,2	4	53,0	3,8
51. Ширина орбиты	18	43.6	3.0	25	44,0	2,0	9	42,1	3,1	4	40,4	2,0
52.Высота орбиты	19	33,7	2,6	25	33,0	2,3	10	32,5	2,7	4	33,6	2,1
52:51.Орбитный указатель	18	77.6	8.1	24	74,9	4,2	9	76,4	5,1	4	83,3	2,2
77.Назомалярный угол	18	135,6	2,9	27	135,7	8,1	10	137,1	4,8	6	134,9	3,2
<Zm'. Зигомаксилярный угол	13	126,5	5.1	23	129,1	4,0	8	124,4	6,2	3	124,6	6,3
SC Симотическая ширина	17	8.2	1,8	27	8,6	1,8	10	8,0	2,4	5	7,8	2,3
SS Симотическая высота	16	4,5	1,2	25	5,2	1,4	9	4,0	1,4	4	4,0	1,2
SS:SCСимотический указатель	16	56,8	13.8	25	61,4	16,7	9	55,6	19,7	4	56,7	5,5

DSДакр высота	14	21,8	4.0	14	22,2	2,8	8	19,1	2,6	1	20	
DCДакр ширина	13	12,7	2.6	14	14,3	2.1	8	11,8	1,9	1	13,5	
DS:DC.Дакриальный указатель	13	59.8	14, 8	14	65,7	11, 7	8	63,6	16, 0	1	67,5	
FC.Глубина клыковой ямки	18	4,8	2,0	24	5,4	2,7	8	4,4	1,5	5	4,6	1,8
32.Угол профиля лба от назиона	17	76.3	7,7	20	80,4	5,2	9	80,0	8,0	2	88,5	
72. Общий лицевой угол	16	86.6	4.8	19	86,7	3,5	9	87,3	3,6	2	83	
75-1.Угол выступания носа	17	30,7	6.1	22	31,1	7,4	8	29,8	3,6	2	28,5	

Строение лицевого отдела черепа тоже имеет различие, которое связано только с его шириной, более узкое в деформированной группе и одинаково средневысокое в обеих группах. Горизонтальная профилировка лица резкая, но с тенденцией к большей клиногнатности в деформированной серии. По показателям носовой области и орбит обе группы мало отличаются. Нос одинаково мезоморфного строения и мезоринных пропорций, а орбиты широкие и средневысокие мезоконхнных пропорций. В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладает антропинная форма, более 80,0 %.

Переносье и носовые кости имеют свою специфику: среднеширокие и высокие на деформированных черепах и среднеширокие и очень высокие на не деформированных с одинаково резким выступанием костной основы носа к линии профиля.

Для анализа антропологических особенностей женской части населения катакомбной культурно-исторической общности по материалам могильников с территории Волгоградской области удалось восстановить только 12 черепов с деформацией и 10 без деформации. Все они были плохой сохранности, поэтому не на всех черепах удалось восстановить лицевой скелет (табл. 1).

Таблица 2

Значения I–IV главных компонент мужской серии катакомбной культуры

№ по Мартину и др.	I	II	III	IV
1	**0,800**	-0,376	-0,100	-0,250
8	0,439	**0,669**	0,021	0,146
8:1	-0,361	**0,751**	0,108	0,261
17	-0,367	-0,102	0,449	-0,011
ORV	**0,794**	-0,098	0,090	-0,181
9	**0,584**	0,274	**0,516**	0,142
UPIL	-0,313	0,383	-0,226	0,089
11	**0,548**	0,440	0,149	**0,527**
UIL	**-0,675**	-0,290	0,432	0,234
UIZ	**-0,738**	-0,099	0,303	0,221
45	0,420	-0,139	-0,402	0,473
48	0,384	-0,295	0,240	**0,527**
54	-0,160	-0,064	0,265	0,286
51	0,395	-0,280	-0,104	**0,634**
52	-0,116	-0,085	0,110	0,265
77	-0,096	**0,696**	-0,204	0,103
zm	0,099	0,399	0,159	-0,451
SC	0,029	0,402	**0,751**	-0,153
SS	0,338	-0,150	**0,652**	-0,198
MC	0,234	0,266	**0,593**	0,119
MS	0,326	-0,467	0,246	-0,150
32	0,402	**0,667**	-0,191	-0,220
72	-0,082	0,063	0,239	-0,180
75–1	0,181	-0,422	0,205	-0,035
Собственные числа	4,484	3,622	2,766	2,044
% дисперсии	18,682	15,093	11,524	8,518

В среднем женский тип как и различия деформированной и недеформированной частей можно определить теми же сочетаниями, что и мужской. Мозговая коробка на деформированных черепах характеризуется мезоморфным строением поперечного и продольного размеров и мезокранными пропорциями по указателю с очень высоким сводом. На недеформированных черепах – длинная среднеширокая и долихокранных пропорций и высоким сводом. Основание черепа мало отличается и находится в пределах длинных и среднеширокого размеров. Лобная кость очень широкая на деформированных черепах и среднеширокая на недеформированных с резкой профилировкой на уровне перегиба и сильно наклонная на деформированных черепах. Различия в строении лобной кости касаются длины дуги и хорды, они длиннее на деформированных черепах и средней длины на не деформированных черепах. Размеры хорд и дуг теменной и затылочной костей мало отличаются в группах деформированных и недеформированных черепов. Теменная кость по длине дуги и хорды средних размеров. Затылочная кость широкая с длинными дугами и хордами в обеих группах.

Лицевой скелет в деформированной группе широкий и средневысокий, а в не деформированной среднеширокий и высокий. Горизонтальная профилировка в обеих группах одинаково резкая, а вертикальная ортогнатная. Существенные различия в женских группах наблюдается по строению носа и глазниц. Более грацильное строение низкое и узкое строение глазниц и носа на недеформированных черепах. На деформированных черепах, нос мезоморфный, а глазницы средневысокие и широкие. Переносье и носовые кости, как и в мужских сериях среднеширокие и высокие нос выводят к линии профиля резко.

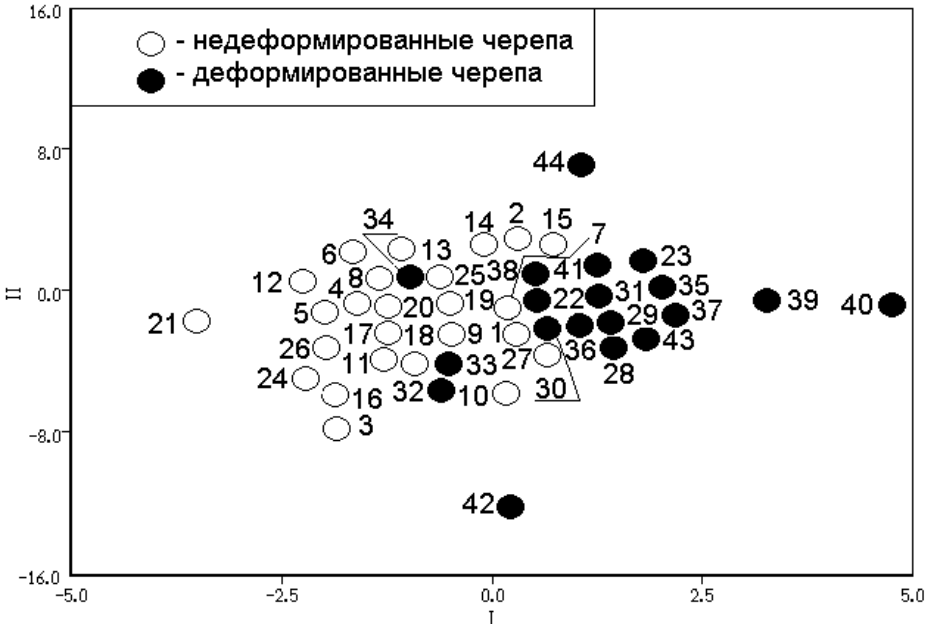


Рис. 1. Результат многомерного неметрического шкалирования матрицы внутригрупповых корреляций мужской серии: 1. Абганерово-III, кург. 12 погр. 4; 2. Авиловский-II, кург. 20, погр. 6; 3. Бердия, кург. 1, погр. 9; 4. Большой Терновой кург. 1, погр. 4; 5. Дмитриевка, кург. 3, погр. 2; 6. Майеровский кург. 1, погр. 10; 7. Майеровский кург. 1, погр. 6; 8. Орешкин кург. 21, погр. 1; 9.Орешкин кург. 2, погр. 1; 10. Первомайский-VII, кург. 42, погр. 2; 11. Первомайский-VII, кург.12, погр.8; 12.Первомайский-VII, кург. 39, погр. 9; 13. Первомайский-VII, кург. 39, погр. 11; 14. Аксай-I, кург. 15, погр. 17; 15. Перегрузное-I, кург. 29, погр. 5; 16. Перегрузное-I, кург. 6, погр. 1; 17. Перегрузное-I, кург. 7, погр. 1; 18. Перегрузное-I, кург. 29, погр. 3; 19.Усть-Погожее-I, кург. 4, погр. 7; 20. Аксай-I. Кург. 15, погр. 15; 21. Хлебный, один. кург. погр. 3; 22. Водянское, один. Кург. погр. 8; 23. Абганерово-V, кург. 1, погр. 7; 24. Барановка, кург. 20, погр. 1; 25. Веселый-IV, кур. 3, погр. 6; 26. Скворин, кург. 4, погр. 1; 27. Абганерово-III, кург. 12, погр. 16; 28. Абганерово-III, кург. 12, погр. 7; 29. Авиловский-II, кург. 32, погр. 8; 30. Авиловский-II, кург. 32, погр. 2; 31. Аксай-I, кург. 6, погр. 3; 32. Дмитриевка, кург. 9, погр. 9; 33. Кондраши, кург. 1, погр. 2; 34. Кондраши, кург. 1, погр. 1; 35. Орешкин, кург. 17, погр. 1; 36. Орешкин, кург. 3, погр. 1; 37. Орешкин кург. 3, погр. 2; 38. Орешкин кург. 3, погр. 4; 39. Орешкин, кург. 4, погр. 2; 40. Первомайский-VII, кург. 1, погр. 9; 41. Первомайский-VII, кург. 40, погр. 4; 42. Писаревка кург. 2, погр. 6; 43. Попов-I, кург. 7, погр. 5; 44. Попов-I, кург. 7, погр. 1.

Таким образом, обе суммарные серии деформированных и недеформированных черепов характеризуются сочетаниями, различия между которыми, скорее всего, связаны с изменениями, которые претерпевает мозговой отдел черепа под действием деформирующей конструкции и преобладанием то или иного типа в серии. Для недеформированной серии характерен тип длинноголовых европеоидов с гиперморфными чертами, а для деформированной мезоморфный более грацильный европеоидный тип.

Чтобы выяснить уровень внутригруппового полиморфизма катакомбных серий проводился анализ главных компонент (табл. 2, рис. 1).

Для анализа была использована программа признаков с высоким внутригрупповым полиморфизмом: 1, 8, 8:1,17, ОРВ, 9, УПИЛ, 11 УИЛ, УИЗ, 45, 48, 54, 51, 52, 77, <zm', SC, SS, MC, MS, 32, 72, 75–1. На первые 4 главные компоненты приходится больше половины внутригрупповой изменчивости, и которые ниже и рассматриваются.

Первая главная компонента является очень важной переменной, так как выделяет на положительном полюсе своей изменчивости массивный тип без следов искусственной деформации с длинной черепной коробкой широким лбом и основанием, и на отрицательном – короткоголовый тип с деформацией в сочетании с узким лбом и основанием. При этом массивный недеформированный тип сильнее всего представлен на черепах из погребения 3 могильника Хлебный, 9 кургана 39 могильника Первомайский-VII, погребения 4 кургана 1 могильника Большой Терновой и др. У них самый длинный по абсолютным значениям череп и самое большое значение по общеростовой величине. Грацильный деформировапнный тип представлен на черепах из могильников Первомайский-VII курган 1, погребение 9, Орешкин курган 4 погребение 2 и курган 3 погребение 2 и др.

Вторая главная компонента выделяет короткоголовый брахикранный по пропорциям краниотип, у которого прямой лоб и умеренно профилированное лицо на уровне глазниц и длинноголовый тип по пропорциям долихокранный с наклонным лбом и резкой профилировкой лица. Первому варианту соответствуют сочетания на черепах из погребений 17 кургана 15 могильника Аксай-I, 11 кургана 39 могильника Первомайский-VII, 6 кургана 3 могильника Веселый-IV и др. Второй вариант встречается на черепах из погребений 3 кургана 29 могильника Перегрузное-I, 3 могильника Хлебный, 16 кургана 12 могильника Абганерово-III и др.

Оба выше описанных типа в полном наборе встречаются среди недеформированных черепов.

Высокие и только положительные нагрузки по третьей главной компоненте выпадают на ширину лба и область переносья и носовых костей (9, SC, SS, MC). Поэтому широкий лоб сочетается с широким переносьем, широкими и высокими носовыми костями, а узкий лоб с узким переносьем и узкими и относительно низкими носовыми костями. С максимально выраженными широтными размерами лба переносья и носовых костей оказался череп из погребений: 1 кургана 7 могильника Попов-I, 7 кургана 12 могильника Абганерово-III, 6 кургана 3 могильника Веселый-IV и др. Альтернативный набор признаков встречается на черепах из погребений: 4 кургана 12 Абганерово-III, 6 кургана 20 могильника Авиловский-II, 5 кургана 29 могильника Перегрузное-I и др.

Четвертая главная компонента тоже имеет высокие положительные нагрузки с тремя признаками: 11, 48, 51. Данная переменная разграничивает высоколицый тип с широким основанием и орбитой от низколицего с узким основанием и глазницей. На положительном полюсе изменчивости IV ГК будут черепа из могильника Дмитриевка курган 9 погребение 9 и курган 3 погребение 2 и др. Отрицательный полюс изменчивости заняли черепа из Скворина курган 2 погребение 1, Аксай-I.

Таким образом, анализ внутригрупповой структуры мужской части серии показал полиморфность. Прежде всего, выделяются два крайних варианта: массивный длинноголовый без деформации и грацильный короткоголовый с деформацией. Кроме этого выделяется широкоголовый вариант по пропорциям мозговой коробки брахикранный с не большим уплощением лицевого горизонтального профиля на уровне глазниц и длиннологового по пропорциям мозговой коробки долихокранного с резкой горизонтальной профилировкой. Различия, прежде всего, связанные с искажением мозговой коробки искусственно деформирующей конструкцией отчетливо видны на четырехпольном графике многомерного неметрического шкалирования матрицы внутригрупповых корреляций (рис. 1).

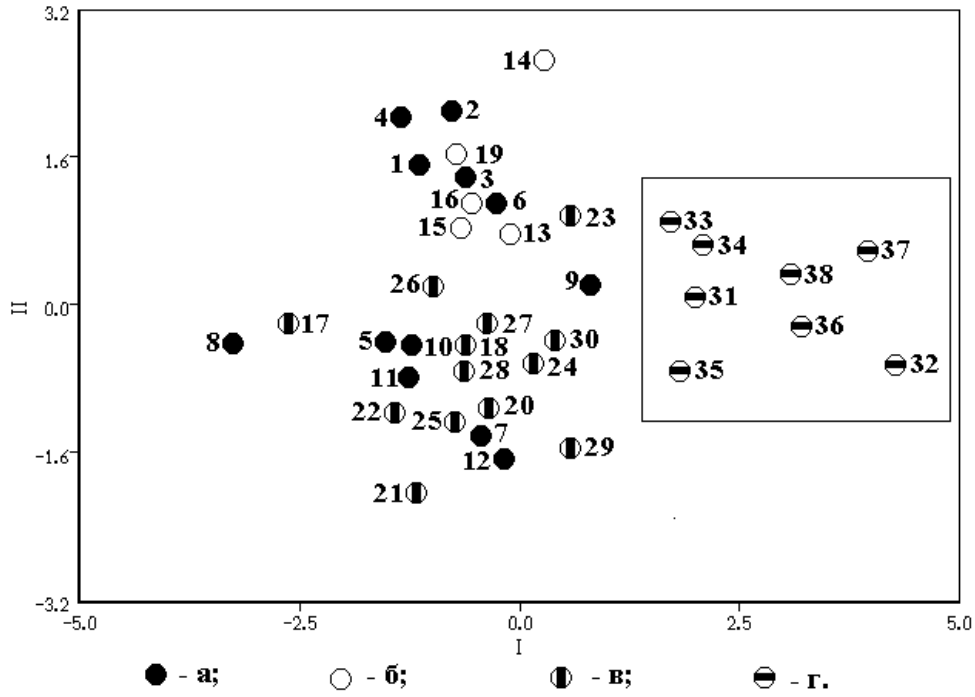


Рис. 2. Положение мужских групп ранней и средней бронзы из могильников Восточно-европейских степей в плоскостях I и II канонических векторов (а – серии ямной культуры; б – серии ямно-катакомбного этапа; в – недеформированные серии катакомбной культуры; г – деформированные серии катакомбной культуры). Серии ямной культуры: 1. Чограй-3; 2. Чограй-1; 3. Чограй-2; 4. Кривая Лука; 5. Молочной; 6. Эвдык-1; 7. Бережновка; 8. Волгоградско-астраханская гр.; 9.суммарная (Балабанова); 10. Подонья (сумм.); 11. Ингулецкая гр.; 12. Херсонская гр. серии ямно-катакомбного этапа: 13. суммарная; 14. Кривая Лука; 15. Восточный Маныч-1; 16. Восточный Маныч-3. недеформированные серии катакомбной культуры: 17. Вогоградско-астраханская гр.; 18. Ростовская гр.; 19. Новочеркасская гр.; 20. Алитуб; 21. Крепь; 22. Ясырев; 23. Заливский; 24. Элиста-Архара; 25.Чограй-1 и2; 26. Кривая Лука; 27. Орешкин; 28. Первомайский; 29. Перегрузное-I; 30. суммарная (Балабанова); деформированные серии катакомбной культуры: 31. Чограй-1; 32. Чограй-2; 33. Чограй-3; 34. Нижнее Подонье; 35. Нижнее Поволжье; 36. Абганерово; 37. Орешкин; 38. суммарная (Балабанова)

Межгрупповой анализ и основные выводы. Для определения генетических корней у исследуемой группы проводился канонический анализ с синхронными группами и группами ямной и ямно-катакомбной культурно-исторических общностей (рис. 2). Множественный дискриминантный анализ позволил выделить значимые закономерности в межгрупповой изменчивости рассматриваемых серий. Главной тенденцией в разграничении серий по краниотипам являлось наличие или отсутствие комплекса деформации. Другой, не менее важной закономерностью является культурная принадлежность: ямные серии характеризуются широкой и короткой, а катакомбные длинной и узкой черепной коробкой. Соответственно, обе группы занимают разное положение на графике, демонстрирующем положение групп в плоскостях I и II канонических векторов (суммарная дисперсия более 60 %). Только некоторые серии ямной культуры с территории Украины тяготеют к сериям катакомбной культуры. Серии переходного этапа, ямно-катакомбного, больше тяготеют к ямному массиву.

Таким образом, отсюда вытекает основной вывод о том, что ямное и катакомбное население не является генетически родственным, а значит, истоки формирования катакомбного антропологического пласта следует искать среди других древних народов.

Несмотря на то, что серии катакомбного времени отчетливо выделяются на фоне серий ямной культуры, сами по себе они также неоднородны. Доказательство тому – наличие внутри серий катакомбного недеформированного населения нескольких краниотипов – узколицего и широколицего с резкой профилировкой лицевых структур в горизонтальном профиле и хорошо

диагностирующийся тип с небольшим уплощением на верхнем лицевом уровне. Второй тип представлен и на черепах ямного и ямно-катакомбного времени.

Возможно, эта закономерность в межгрупповой изменчивости свидетельствует о существование двух компонентов, из которых мог формироваться антропологический краниотип катакомбного населения: пришлый средиземноморский и местный протоевропеоидный.

П.А. Бардакова
(ВОКМ, г. Волгоград),
научный руководитель:
проф., д.и.н. А.В. Кияшко

КЛАССИФИКАЦИЯ ОДНОЙ ИЗ КАТЕГОРИЙ КАТАКОМБНОЙ КЕРАМИКИ

Из массива керамики эпохи средней бронзы выделяются особые категории керамики, связанные с культовой деятельностью и религиозными представлениями древних. Среди культовых сосудов свиты катакомбных культур существуют категории как внутрикультурные, имеющие локальное распространение, так и распространенные на территории нескольких катакомбных культур. Известный пример такого надкультурного явления представляют собой курильницы. Однако существуют и другие категории керамики, использовавшиеся во всем катакомбном мире.

Одна из таких категорий – так называемые катакомбные амфорки, выделенные С.Н. Братченко (V отдел)[1]. Подобные сосуды не раз попадали в поле зрения исследователей, которые включали их в классификации керамики различных культур, но редко становились предметом отдельного изучения.

Мы рассматриваем амфорки как категорию культовой керамики, обладающую рядом характерных черт, прежде всего в орнаментации, а также в форме сосудов. Амфорки имеют небольшой размер (7–19 см) и ряд общих черт в орнаментации: единая техника нанесения; орнамент в большинстве случаев – прочерченные линии и вдавления; разбиение орнамента по горизонтали прочерченными линиями; разбиение орнамента по вертикали в области ручек другим видом орнамента; повторяющиеся треугольники, зигзаги, ромбы. Отличительная особенность большинства амфорок, во многом маркирующая принадлежность сосуда к этой категории – наличие ушек.

Сосуды с ушками явление довольно распространенное и известное для ряда территорий и культур. Особенно широко распространено это явление на Балканах, причем такая конструктивная особенность характерна для сосудов балканских культур от энеолита до раннего железного века. Более географически и хронологически близким примером бытования подобных форм является усатовская культура.

Такой конструктивный элемент мог использоваться утилитарно – для продевания веревочек и подвешивания сосуда, но более вероятным представляется использование ушек, связанное с функцией сосуда в погребальном обряде. Ушки представляют собой как бы часть орнамента, отличающего амфорки. Культовое назначение ушек объясняет их небольшой размер, вариации в их исполнении (налепы с глухими отверстиями, налепы без отверстий), а также отсутствие в некоторых случаях. Возможно ушки предназначались для крепления амулетов, как в случае с ушками сейминско-турбинских кельтов и копий[2].

Предположение о сугубо культовом использовании сосудов и ушек в частности подтверждают находки сосудов аналогичных форм в катакомбное время в Поднепровье, где их изготавливали из перемолотых раковин моллюсков с примесью песка и древесного угля, и из материалов ингульской культуры, где подобные сосуды делали из измельченных костей (предположительно человеческого черепа) с незначительной примесью глины. К сожалению, состав тес-

[1] Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
[2] Бочкарев В. С. О функциональном назанчении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. СПб., 2004. С. 385–408.

та сосудов не позволил их сохранить. Однако, существование таких специфических аналогов, использование которых в быту было невозможно, подтверждает культовую природу амфорок[1].

Следует отметить, что на данном этапе исследования классификация не может претендовать на полноту, носит предварительный характер и будет дополнена новыми типами. При разделении на типы во внимание принимается особенности формы, форма ушек и характер орнамента.

Бытование катакомбных амфорок можно разделить на три периода: позднеямный-раннекатакомбный, донецкий и манычский. Однако их бытование не ограничивается катакомбным временем.

Первый этап характеризуется большим многообразием типов. Большая часть амфорок этого периода происходят из Южного Побужья. Однако распространение амфорки получили и в других регионах. Известна серия амфорок из Приманычья и Нижнего Подонья. Для амфорок позднеямного-раннекатакомбного времени характерно отсутствие специфической формы, они представляют собой горшки разных пропорций, от прочего массива керамики их отличают только ушки.

Сосуды того времени можно разделить на несколько типов

1. **Сосуды вытянутых пропорций**

1. Плоскодонные. Сосуды с короткой отогнутой шейкой, округлобоким туловом и нешироким донцем. Орнаментированы отпечатками шнура по горлу и плечикам, ушки направлены вверх. (Отрадный 1/5, Привольное 1/4).

2. Сосуды с короткой шейкой, покатыми плечиками, конусообразным туловом и плоским донцем. Ушки довольно крупного размера с вертикальными отверстиями направлены вверх, орнамент отсутствует. (х. Бугский 1/9, Каменка 29/9).

3. Сосуды с короткой отогнутой шейкой, покатыми плечиками, округлыми боками и маленьким донцем. На плечиках по четыре округлых в сечении налепа, направленных вверх. Орнамент в одном случае состоит из расчесов и линий отпечатков шнура, в другом сосуд не орнаментирован. (п. Бугский 6/3, Курд-Джилга п.4).

4. Сосуды с короткой отогнутой шейкой, покатыми плечиками и округлым дном. Ушки с вертикальными или горизонтальными отверстиями, орнамент состоит из расчесов и горизонтального валика. (Новая Одесса IV 2/13, Новопетровка I 1/9).

2. **Сосуды стройных пропорций.**

1. Сосуды с широкой отогнутой шейкой, покатыми узкими плечиками, коническим туловом и широким донцем. Ушки с вертикальными отверстиями, орнамент нанесен оттисками шнура в виде зигзагов, горизонтальных линий и «елочки». (Новая Одесса IV 3/12, Новый 114/9).

2. Сосуды с короткой отогнутой шейкой, крутыми плечиками и округлыми боками. Ушки в одном случае отбиты, в других выполнены в виде вертикальных валиков. Орнаментированы расчесами или бессистемными оттисками шнура. (Старогорожено 3/14, Новый 79/3, ВМЛБ-II 81-6).

3. Сосуды с короткой прямой шейкой, крутыми плечика, ассиметричными боками. У одного сосуда донце острое, у другого узкое, выделенное. Ушки крупные, с вертикальными отверстиями. Орнамент бессистемный, нанесен отпечатками шнура на верхнюю часть сосуда. (Новогригорьевка-74г. 1/27, Ковалевка-VII 4/2).

4. Сосуды с короткой отогнутой шейкой, яйцевидным туловом и округлым дном. Ушки с вертикальными или горизонтальными отверстиями. Орнамент представляет собой бессистемные расчесы по всему тулову. (Отрадный 22/8, Константиновка 13/1).

3. **Сосуды приземистых пропорций.**

1. Сосуд с широким выделенным венчиком, узкими плечиками, слабо округлыми боками и плоским донцем. Ушки с вертикальными отверстиями, орнамент выполнен отпечатками шнура, образующими горизонтальные линии и треугольники вершинами вниз (Новопетровка-II 3/4, х. Бугский 4/8).

2. Сосуд с короткой слегка отогнутой шейкой, округлыми боками и широким донцем. Отверстия в ушках горизонтальные, крупные. Сосуд покрыт накольчатым орнаментом. (Новогригорьевка-57 г. 2/5).

[1] Маслихова Л. И. «Амфорки» среднедонской катакомбной культуры // РА. 2006. № 4. С. 142–144.

На **втором этапе** вырабатывается ряд типичных форм и система орнаментации, позволяющие воспринимать амфорки как единую категорию керамики. Все многообразие форм можно разделить на три типа

1. **Кувшинообразные сосуды.**

1. Сосуд с высокой, слегка расширяющейся шейкой, крутыми широкими плечиками, округлыми боками и выделенным донцем. (Сватово 13/6).

2. Сосуд с высокой прямой шейкой, широкими плечиками, округлыми боками и небольшим донцем. Шесть ушек, расположенных по три. (Новый 115/12).

3. Сосуд с высокой, слегка расширяющейся шейкой и шаровидным туловом. Ушки с вертикальными отверстиями расположены у дна. Тулово сосуда покрыто прочерченным орнаментом (Семикаракоры 1/2).

4. Сосуд с высокой стянутой шейкой, широкими плечиками, округлыми боками и уплощенным дном. Четыре ушка с вертикальными отверстиями направлены вверх, орнамент прочерченный, композиция состоит из треугольников, ромбов и разделительных горизонтальных линий. (Ерзовка 6/1).

2. **Биконические сосуды.** У трех сосудов короткая слегка отогнутая шейка, у одного высокая раструбовидная. Тулово биконическое, дно плоское. Ушки располагаются на сгибе тулова, имеют вертикальные отверстия. Вся внешняя поверхность сосудов покрыта прочерченным орнаментом. (Николаевка 11/7, Луговской 4/1, Чир II 2/4, Ерзовка 7/3).

3. **Горшковидные сосуды.**

А. Сосуды с узкой шейкой, округлобоким туловом с наибольшей шириной в верхней трети сосуда и выделенным донцем. У двух сосудов по четыре коротких вертикальных валика с отверстиями, у одного две пары ушек, между парными ушками налепы почти до дна. Орнамент прочерченный и накольчатый, покрывает всю внешнюю поверхность сосуда, в одном случае включая дно (Кастырский VIII 3/10, Великая Знаменка 17/5, Бурлацкое 3/4).

Б. Сосуды приземистых пропорций с отогнутым венчиком, широким устьем, ушки сильно выступающие, с вертикальными отверстиями. Орнамент нанесен тесьмой или шнуром, состоит из треугольников и горизонтальных линий. (Берданосовка 4/15, Мариуполь – случайная находка).

В. Сосуды с прямой шейкой и шаровидным туловом. Орнамент нанесен на плечики и участки около ушек. Один сосуд имеет четыре ушка, другой два с двойными проколами. (Вовчанск-II 1/7, Заможное 13–3).

Г. Сосуд с короткой расширяющейся шейкой, крутыми плечиками, округлыми боками и маленьким выделенным донцем. На плечиках четыре небольших ушка с вертикальными отверстиями. Орнаментирован прочерченной волнистой линией по шейке, каннелюрами по плечикам и волнистым валиком по всему тулову. (Далекое 5/12).

На **третьем этапе**, приходящемся на манычское время, происходит изменение характера орнамента и формы сосудов. Все известные датируемые этим периодом сосуды относятся к кувшинообразным. Выделяются следующие варианты типов, каждый из которых представлен одним сосудом.

1. Сосуд с высокой, слегка расширяющейся шейкой, крутыми плечиками и плоским дном. Ушки расположены горизонтально и имеют удлиненную форму, орнамент в виде прочерченных линий, между которыми нанесены насечки и зигзаг, покрывает место перехода шейки в плечики и плечиков в тулово. (Ежовка 5/2).

2. Сосуд с высокой расширяющейся шейкой, покатыми плечиками и широким дном. Интересной особенностью является наличие некоторых рельефных конструктивных элементов – бордюра на краю шейки, горизонтальных линий на плечиках. На переходе плечиков в тулово симметрично расположены четыре пары коротких вертикальных валиков. На этом же уровне расположены подковообразные отпечатки шнура. (Тузлов 1/10).

3. Сосуд с высокой прямой шейкой, шаровидным туловом и широким донцем. Четыре маленьких ушка направлены вверх, орнамент покрывает плечики и заходит на тулово. (Доброжеланный-I 1/9).

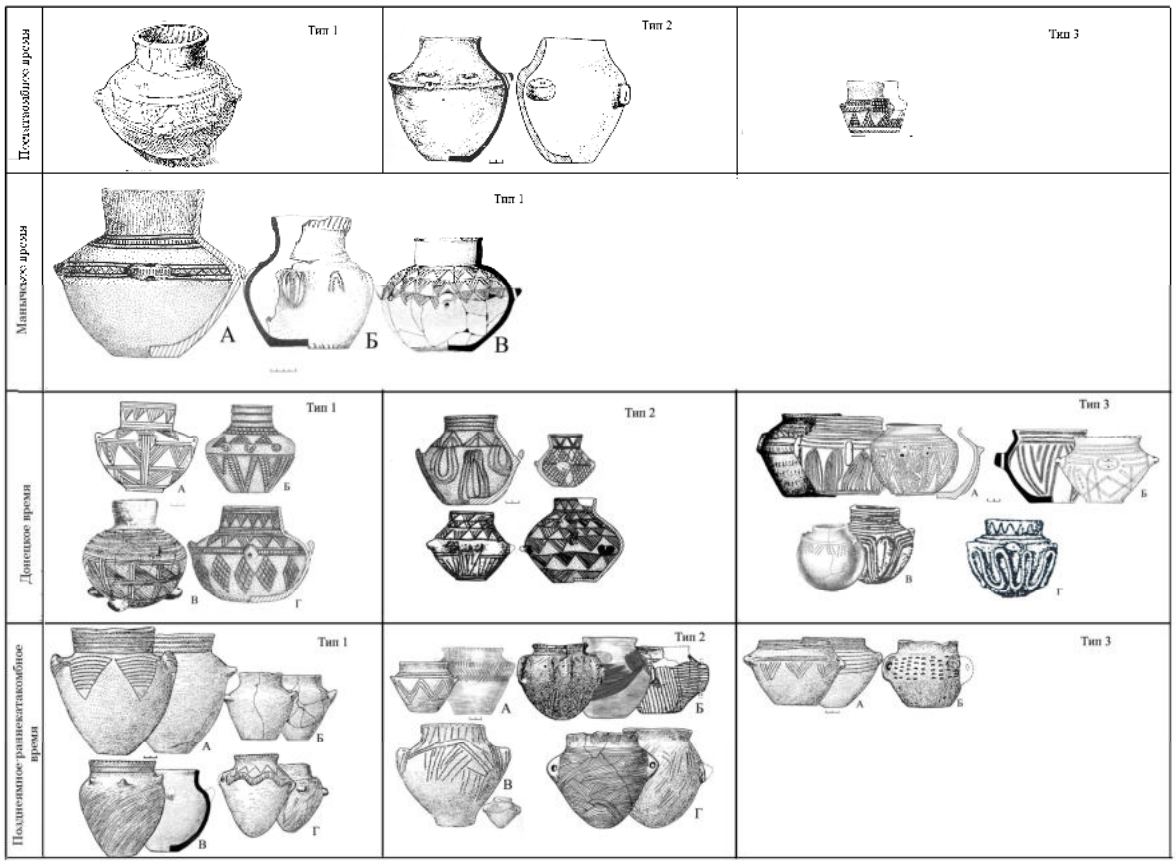


Рис. 1. Классификация амфорок катакомбного времени

В посткатакомбное время традиция изготовления сосудов с ушками продолжает существовать, хотя формы сосудов и техника орнаментации претерпевают значительные изменения.

1. Кувшинообразный сосуд с высоким прямым горлом, шаровидным туловом и маленьким донцем. Прочерченный и накольчатый орнамент покрывает нижнюю часть плечиков сосуда. (ЛБВМ 10/1).

2. Корчагообразные сосуды стройных пропорций с коротким горлом, узкими покатыми плечиками, налепами/выступами в районе плечиков. (Великодолинское 1/13, Рядовы Могилы 7/6).

3. Сосуд с широким высоким горлом и четырьмя налепами, покрытый прочерченным орнаментом. (Сватово 4/6).

Таким образом, периодизация развития и анализ форм сосудов позволяют сделать ряд выводов о специфике керамической категории. Амфорки появляются в погребениях позднеямной культуры, причем изначально распространены на широкой территории, но с наибольшей частотой встречаются на западе степей Юго-Востока Европы. Не касаясь в этой работе вопросов происхождения сосудов с ушками, можно отметить, что первые амфорки появляются как результат внешнего влияния – использование ушек нехарактерно для собственно ямной керамики. Однако форма сосуда получила дальнейшее распространение и развитие в катакомбное время. В донецкое время амфорки становятся частью катакомбного погребального обряда. Именно в донецкое время вырабатывается специфический набор форм и орнамент, отличающий амфорки от остальной керамики. Использование амфорок в погребальном обряде не имело массового характера, но территория их распространения охватывает большую часть катакомбного мира. Возможно редкая встречаемость сосудов связана с тем, что их функцию в обряде выполняли не сохранившиеся до нашего времени предметы. В манычское время, когда в катакомбной общности происходят значительные изменения, касающиеся в том числе и погребального обряда, амфорки тоже претерпевают изменения. Происходит определенная унификация – все сосуды этого времени кувшинообразные и становятся более крупными, относительно амфорок предыдущего периода. При этом орнамент из сплошного, сложного, ритмичного и ком-

позиционно выверенного становится более простым, покрывает только некоторые зоны сосуда. Бытование близких форм продолжается и в период, когда на смену катакомбной общности приходит ряд других культур. Некоторые сосуды по форме уже чужды катакомбным традициям, но сохраняют ушки, другие – подражание бытовавшим ранее формам. Орнамент упрощается, исчезает или теряет системность.

А.В. Борисов
(ИФХБПП РАН, г. Пущино),
Р.А. Мимоход
(ИА РАН, г. Москва)

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ СЛОЖЕНИЯ ЛОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из самых трудных вопросов в изучении любой археологической культуры является проблема ее происхождения. Она заключается даже не столько в сложности выявления основных культурообразующих компонентов, сколько в реконструкции реальных событий, приведших к ее появлению, за которым стояли вполне конкретные взаимоотношения между древними коллективами людей. Еще сложнее ответить на вопрос, почему именно в данный период времени происходит переоформление подобных взаимоотношений. Наконец, даже выяснив общую первопричину, как, например, с миграциями, далеко не всегда удается понять, как действовал ее механизм в реальности, почему приходили в движении те или иные социумы. Классический пример – это общеизвестная связанность миграционных процессов с ухудшением палеоэкологической обстановки.

Традиционно считается, что в степной зоне основным фактором, приводящим к миграциях крупных коллективов людей, является аридизация климата. Однако, фактическое проявление аридизации представляет собой весьма неоднозначный процесс. Это сложный комплекс природных явлений вызывающих не менее сложные изменения в социально-экономической сфере древних обществ. Решать подобные проблемы можно только при комплексном подходе с широким привлечением естественнонаучных дисциплин. В качестве хорошего примера остановимся на процессах, приведших к появлению в Восточном Предкавказье в финале средней бронзы лолинской культуры[1]. Причем, после краткой характеристики археологических и антропологических данных по этому вопросу, основной акцент будет сделан именно на реконструкции соответствующих процессов по данным палеоэкологии, которая напрямую выведет к созданию модели локального культурогенеза в данном регионе в финале среднего бронзового века.

Лолинская культура является одной из составляющих блока посткатакомбных культурных образований, который занимал территорию степной – лесостепной зон на юге Восточной Европы[2]. Время его существования определяется по серии калиброванных радиоуглеродных дат в пределах XXII–XVIII вв. до н.э.[3] Погребальный обряд и инвентарь лолинской культуры охарактеризованы и разработана ее трехэтапная периодизация[4].

Анализ археологических данных позволяет реконструировать генезис лолинской культуры. В ее инвентарно-обрядовом комплексе выделяется два основных компонента, которые отчетливо прослеживаются на раннем этапе.

Первый из них связан с восточноманычской катакомбной культурой (ВМКК), памятники которой в Восточном Предкавказье предшествовали появлению Лолы. ВМКК являлась той местной подосновой, на которой сформировалась лолинская культура. Посткатакомбный ха-

[1] Мимоход Р. А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4. С. 143–154.
[2] Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005. С. 70–74.
[3] Мимоход Р. А. Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 253–257.
[4] Мимоход Р. А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4. С. 143–154.

рактер Лолы, в смысле генетической связи с местными катакомбными памятниками, является очевидным. Пережиточные катакомбные традиции в ранних лолинских комплексах выражены вполне отчетливо. В обряде, в первую очередь, к ним относятся сохранение подбойной конструкции могилы, южные и юго-западные ориентировки костяков. Однако удельный вес этих признаков в лолинской культуре существенно уступает новым чертам обряда. Хорошо прослеживается местный катакомбный компонент на раннем этапе и в керамическом комплексе. Здесь представлены кувшины, округлобокие сосуды с раздутым туловом и даже реплика реповидного сосуда. Сохраняет связь с предшествующим катакомбным субстратом и лолинский металлокомплекс, прежде всего, в формах металлических орудий[1].

Второй компонент, хорошо фиксируемый в лолинской культуре, связан с культурами средней бронзы Северо-восточного Кавказа. В обряде он проявляется, прежде всего, в повсеместном распространении адоративной позиции костяка, при которой кисти согнутых рук находятся у лица или груди. Для предшествующей ВМКК эта поза совершенно не характерна, зато она широко была распространена в культурах Северо-восточного Кавказа на протяжении всего бронзового века. Адоративное положение скелетов зафиксировано в гинчинской, присулакской и великентской культурах. В инвентаре лучше всего восточнокавказский компонент прослеживается в гарнитуре украшений. Фигурные роговые пряжки ранней и средней Лолы находят ближайшие аналогии в гинчинских и присулакских памятниках. С Кавказом следует связывать появление в раннелолинских погребениях спиральных бронзовых пронизей, скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями, фигурных волютообразных и секировидных подвесок, металлических пуговиц, фаянсовых бус с тремя выступами. Не вызывают сомнения кавказские истоки лолинского сурьмяного литья[2].

При наличии в ранней Лоле двух выраженных компонентов, чье взаимодействие привело к появлению новых типов посуды, фаянсовых, металлических украшений и специфических черт обряда, определивших наглядный образ новой культуры, логично предположить, что в ее сложении принимало участие, по крайней мере, две группы населения: местное восточноманычское катакомбное и пришлое с Северо-восточного Кавказа.

Независимо подтвердить подобный сценарий можно только антропологическими исследованиями. Краниологические данные черепов лолинской культуры свидетельствуют, о генетической связи с предшествующими популяциями восточноманычской катакомбной культуры[3], но в то же время детальный сравнительный анализ показал существенное морфологическое отличие серий Лолы и ВМКК и сходство лолинской группы с краниометрическими данным черепов средней бронзы Северо-Восточного Кавказа[4]. Антропологические данные полностью совпали с археологическими и подтвердили участие восточнокавказских групп, наряду с предкавказскими катакомбными, в сложении лолинской культуры.

Таким образом, мы имеем достоверные данные о передвижении групп населения Северо-восточного Кавказа в степь, которое привело к качественным культурным переменам в степной зоне.

Описываемые события происходили в середине суббореального периода голоцена, сопровождавшегося резкой аридизацией климата в южнорусских степях и смещением природных зон. Эти явления, в тот или иной мере затронувшие всю Восточную Европу, достаточно хорошо освещены в литературе и в настоящее время признаются практически всеми. Результаты исследования палеопочв финала средней бронзы в прикаспийских степях показали, в этот период имело место резкое усиление аридизации, которое закончилось самой масштабной эколо-

---

[1] Гак Е. И., Мимоход Р. А. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007. С. 89–96.

[2] Гак Е. И., Калмыков А. А., Мимоход Р. А. Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополья // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, 2008.

[3] Герасимова М. М., Калмыков А. А. Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // Вестник антропологии. М., 2007. Вып. 15, ч. 2. С. 246–255.

[4] Хохлов А. А., Мимоход Р. А. Краниология населения Степного Предкавказья и Поволжья посткатакомбное время // Вестник антропологии. М., 2008. Вып. 16. С. 44–70.

гической катастрофой за последние 6000 лет[1]. Характерно, что пик аридизации хронологически совпал с появлением в Прикаспии поскатакомбных культурных формирований[2]. Очевидно, что возникновение лолинской культуры находится в причинно-следственной связи с резким изменением палеоклимата. В таком случае, раз уж по данным археологии и краниологии фиксируется направление передвижения населения с Северо-восточного Кавказа в степь, то понятно, что резкое ухудшение климата пагубно сказалось на образе жизни и системе хозяйства кавказских культур СБВ. Но парадокс ситуации заключается в том, что люди уходили в пустынную степь Прикаспия, где в этот период весь комплекс признаков аридизации проявлялся наиболее отчетливо. Так как же конкретно аридизация могла обусловить рассматриваемые миграционные процессы?

Для ответа на этот вопрос следует вначале определиться с категориями «аридизация» и «гумидизация». Как правило, под этими терминами понимается некое довольно абстрактное изменение климата в сторону засушливости или, напротив, увеличения влагообеспеченности. Однако до настоящего времени нет четкого представления о конкретных механизмах проявления того и другого процесса, а их влияния на свойства почв рассматриваются в слишком обобщенном виде. Хотя, очевидно, что проявление аридности в условиях континентального климата в значительной мере зависит от внутригодового хода осадков, и в первую очередь влагообеспеченности зимнего периода и условий снеготаяния. Для сухо- и пустынно-степной зоны именно условия этих двух периодов определяют количество продуктивной влаги, поступившей в почву, продуктивность фитоценозов и, в конечном итоге, морфологические и химические свойства почв.

Что касается жизни и хозяйствования древнего населения степной зоны, то, очевидно, что и в данном случае характеристики именно холодного периода года являлись определяющими. Это ни в коей мере не умаляет важность благоприятных условий теплого времени года, так как экстремальные засухи и суховеи, пересыхание водных источников и т.д. могли приводить к весьма тяжелым последствиям для населения. Однако, представляется, что уклад жизни и хозяйственная деятельность древних племен, обитавших в условиях аридного климата, была в большей мере адаптирована к неблагоприятным условиям летнего периода, а общий вектор развития общества был направлен на выработку механизмов выживания в этих неблагоприятных условиях жаркого климата. Да и по степени фатальности последствий все же представляется, что экстремально снежная и холодная зима несла с собой гораздо большую угрозу обществу, чем экстремально жаркое и сухое лето.

И в первую очередь это относится к обществам древних животноводов. Выживание в условиях сухого и жаркого лета и сокращения продуктивности пастбищ возможно при увеличении мобильности населения и переориентировке на меридиональный характер кочевания. В случае с комплексным хозяйством дело обстоит сложнее. Но и здесь, усиление засушливости климата приводит лишь к сокращению урожая, и только в исключительных случаях – к значительной его потере. В то время как, лишившись зимних пастбищ в результате высокого снежного покрова, образования ледяной корки и экстремально низких температур, общество рискует полностью потерять стадо, что ставит его на грань реальной гибели.

При увеличении нормы осадков в зимний период на фоне понижения температур среднегодовая сумма осадков может и не изменяться, либо изменения будут весьма незначительны, но при этом в почвенных свойствах налицо будут все признаки аридизации, так как быстрое таяние снега при достаточно глубоко промерзшей почве приводит к высоким потерям продуктивной влаги. В результате в почве не создается влагозапас, что в условиях резко испарительного водного режима теплого времени года приводит к угнетению роста растений и трансформации почвенных свойств по типу прогрессирующей аридизации (подтягивание к поверхности солей, карбонатов, гипса, снижение запасов гумуса и мощности гумусового горизонта, и тд.).

К сожалению, в распоряжении почвоведения в настоящее время нет достаточно надежных палеопочвенных инструментов, позволяющих реконструировать внутригодовой ход осадков в далекие исторические периоды. Как правило, в свойствах почв в интегрированной форме

[1] Демкин В. А., Демкина Т. С., Борисова М. А., Шишлина Н. И. Палеопочвы и природная среда Южных Ергеней в конце IV–III тыс. до н.э. // Почвоведение. 2002. № 6. С. 343–352.

[2] Борисов А. В., Мимоход Р. А., Демкин В .А. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009.

отражаются усредненные значения климата как фактора почвообразования, что позволяет лишь с самых общих позиций судить о степени его аридности или гумидности в ту или иную историческую эпоху.

Одним из немногих исключений в этом случае являются слитые почвы, довольно широко распространенные в Центральном Предкавказье. Необходимым условием развития слитогенеза в почвах этого ряда является наличие многолетнего контрастного хода увлажненности и хотя бы двух контрастных сезонов года – влажного и сухого, при этом 60–70 % осадков выпадает в теплый период[1]. Исследования погребенных почв второй половины III тыс. до н.э. в зоне слитых почв показали, что в этот период почвы региона несли в себе признаки хорошо выраженной аридизации климата, что проявлялось в большем содержании солей, карбонатов, гипса и сильной выраженности солонцового процесса[2]. В современном почвенном покрове Центрального Предкавказья почвы с такими признаками не выявлены; их ареалы расположены севернее, на юго-востоке Русской равнины, где широко распространены солонцовые комплексы. Последние же развиваются в условиях менее контрастного внутригодового хода осадков, когда сумма осадков холодного периода близка к значениям влагообеспеченности теплого времени года, или даже превосходит их. На основании этих наблюдений было высказано предположение о том, что в Центральном Предкавказье вторая половина третьего тысячелетия до н.э. сопровождалась увеличением доли осадков, выпадающих в холодный период года на фоне общих аридных палеоэкологических условий[3]. Представляется, что данная реконструкция природных событий в определенной мере применима и для горных регионов.

Литературные сведения о палеоклимате Северного Кавказа весьма ограничены. В таких случаях традиционно принято опираться на глобальные периодизации голоцена, среди которых наиболее известны схемы Блитта-Сернандера и Шнитникова, которые зачастую противоречиво описывают тот или иной период голоцена. Это несоответствие можно разрешить, если вспомнить, что периодизация Блитта-Сернандера основана на палеоботанических данных, в большей мере отражает условия теплого времени года. Другая же схема, предложенная А.В. Шнитниковым, основана на данных о самых низких положениях морен ледников при их очередных наступлениях, колебании уровней озер, ледовитости морей и т.д, – иными словами отражает условия зимнего сезона в 1850-летнем цикле[4]. В соответствии со схемой А.В. Шнитникова середина суббореала должна соответствовать периоду наиболее низких зимних температур и максимуму осадков в холодное время года.

Таким образом, на основе сводных графиков изменения климатической обстановки голоцена Восточной Европы (рис. 1) можно заключить, что посткатакомбные культурно-исторические формирования существовали во время пика аридизации климата в суббореальном периоде. Это хорошо заметно на все графиках, построенных на анализе данных палинологии. Что касается данных палеопочвенных исследований, то здесь обращает на себя внимание полная идентичность получаемых выводов с палинологическими наблюдениями. На этом основании мы вправе сделать вывод, что палеопочвенные реконструкции раскрывают особенности именно теплого периода года.

Но для этого же самого периода природные индикаторы, отражающие особенности холодного времени года (опускание границы ледников, количество осадков зимнего периода, трансгрессии морей) показывают обратную картину – усиление влагообеспеченности и суровости зимнего периода.

---

[1] Хитров Н. Б. Генезис, диагностика, свойства и функционирование глинистых набухающих почв Центрального Предкавказья. М., , 2005.

[2] Борисов А. В., Ковда И. В., Белинский А. Б., Ляхов С. В., Демкин В .А. Слитые почвы Центрального Предкавказья в третьем тысячелетии до н.э. // Почвоведение. 2008. С. 556–567.

[3] Там же.

[4] Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. // Записки географического общества Союза ССР. М.,1957.

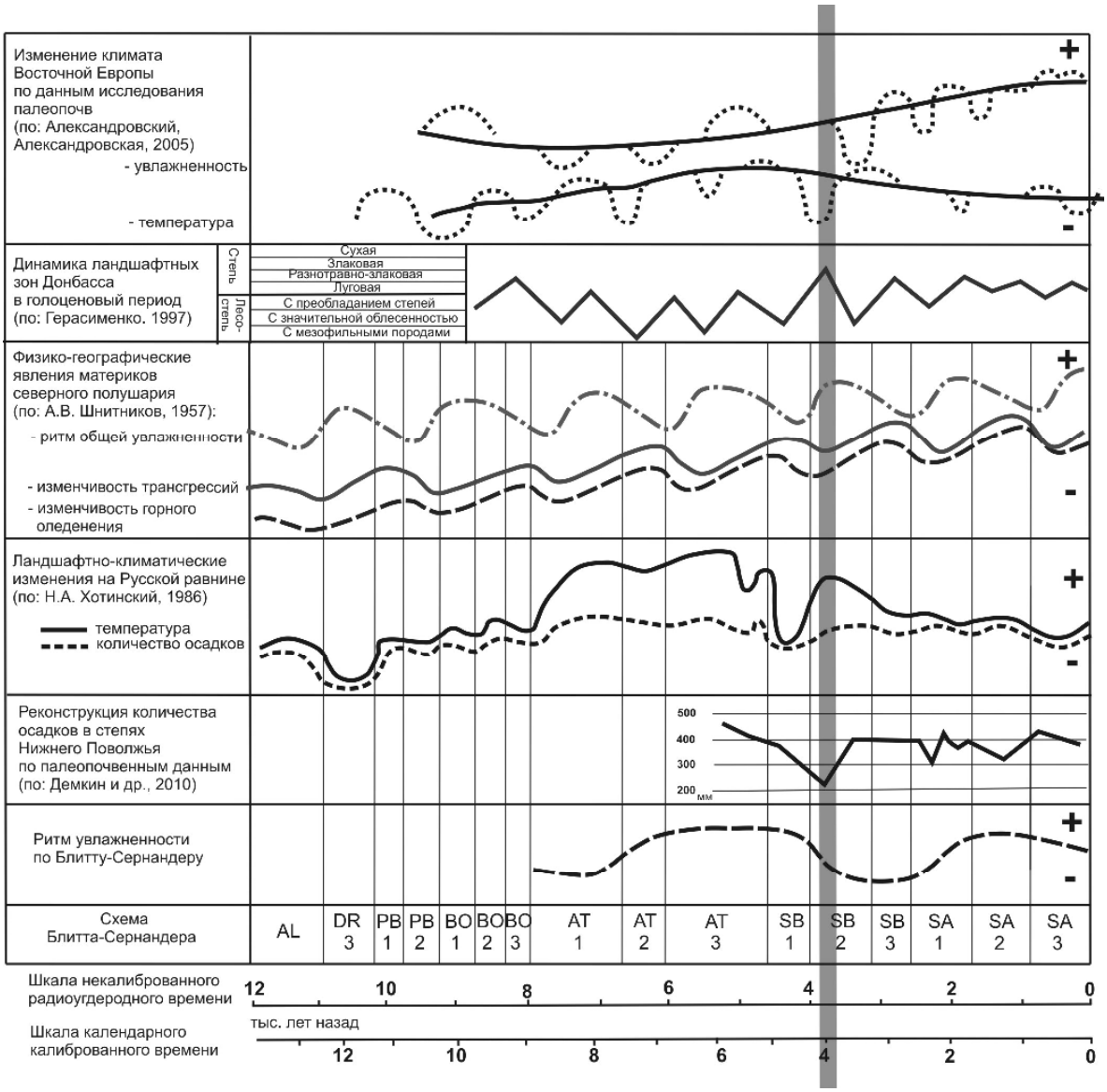


Рис. 1. Динамика климата голоцена и хронологическая позиция посткатакомбного культурного пласта (показана цветом)

Этот вывод подтверждают и имеющиеся археологические данные для горных районов Кавказа, свидетельствующие о резком похолодании и аридизации климата среднего этапа суббореального периода, что вызывает уход куро-араксского населения в предгорья. На третьем этапе суббореального периода в условиях холодного и несколько более влажного климата отмечается активное освоение предгорий и равнин Центрального Кавказа, в то время как горные районы оказываются незаселенными[1].

Суммируя вышесказанное, можно представить следующий сценарий развития событий. В конце третьего тысячелетия до н.э. на Кавказе одновременно происходило иссушение в течение летнего периода и усиление суровости и снежности зимнего периода года. При комплексном ведении хозяйства в таких ситуациях население спускается в предгорья и равнины, не изменяя, в широком плане, географическую среду обитания. Но если достаточно крупные коллективы людей уходят из гор в степь, то можно предполагать, что к этому времени в обществе уже изменился хозяйственный уклад, и возросла доля животноводства. Иными словами, в обществе уже произошли качественные перестройки производящей сферы, позволяющие выживать в условиях

[1] Ростунов В. Л. Эпоха энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа. Владикавказ, 2007. Т 1: Расселение древних обществ на Центральном Кавказе в эпоху энеолита – средней бронзы и роль географической среды в миграционном процессе.

степи, где животноводство является основой экономики. Летние засухи в этом случае не критичны, так как в летний период года стада перегонялись на высокогорные субальпийские луга со стабильно высокой продуктивностью пастбищ. Вероятно, такой тип животноводства широко использовался в первой половине суббореала. Но усиление суровости зим и мощный снеговой покров приводили к тому, что содержание скота в зимний период было невозможно. В поисках зимних пастбищ население или его часть уходило в степь, где резкая аридизация не приводила к столь серьезным изменениям природной обстановки. Выгорание степи в летний период здесь явление обычное, последствия которого полностью стираются позднеосенним обильным ростом травы, обеспечивающим достаточно высокую кормовую базу для скота в зимний период. Но, в отличие от горных регионов, высота снежного покрова здесь всегда меньше, что позволяет скоту добывать корм на протяжении практически всего холодного времени года.

Предположительно, к пику аридизации, который хорошо фиксируется по погребенным почвам раннелолинских курганов, на Северо-восточном Кавказе уже существовали отдельные коллективы, среди которых наметился отход от комплексного ведения хозяйства в сторону преимущественного животноводства. По всей видимости, их наличие могло быть обусловлено тесными связями со степным скотоводческим населением, которые отчетливо фиксируются в культурах СБВ Северо-восточного Кавказа, особенно, присулакской и гинчинской, где, помимо прочего, известен и курганный обряд захоронения[1]. Вследствие этого в недрах комплексного хозяйства, характерного, в целом, для Кавказа, периодически возникали новации, основанные на общении с соседним пастушеским миром степи, которые выражались в появлении конкретных групп с выраженной скотоводческой направленностью хозяйства. Вероятно тогда же в этих группах населения сложился вариант экономической модели с резко выраженным преобладанием в стаде мелкого рогатого скота. Экономика именно этих коллективов оказалась наиболее адаптированной для сухого и малоснежного климата Северного Кавказа первой половины суббореала, и именно эти коллективы в наибольшей мере пострадали от увеличения снежности и морозности зим последующего периода, создавших серьезные проблемы для содержания скота. Стал ощущаться резкий недостаток зимних пастбищ, чреватый потерей стада – основного источника существования. В такой ситуации часть населения региона вынуждена была выйти в открытую прикаспийскую степь, где условия для зимнего содержания скота были более благоприятными.

Как уже отмечалось, в новых условиях переоформляется не только материальная культура, но идеология и социальная структура. В этой связи коснемся еще двух сюжетов, напрямую связанных со скотоводческой направленностью хозяйства носителей лолинской культуры. Показательна серьезная трансформация семантики такой социально и культурно значимой категории инвентаря как фигурные поясные пряжки. В лолинской культуре их морфология приобретает ярко выраженную мужскую символику, да и встречаются они исключительно в захоронениях взрослых мужчин, в отличие от Кавказа, где фигурные пряжки известны в женских и детских погребениях. Такой явно повышенный статус мужчины-лидера характерен именно для скотоводческих подвижных коллективов. Его роль особенно возрастает во время проникновения на чужые территории, где пришлые группы вступают в контакт с местными, взаимоотношения с которыми могут иметь разносторонний характер: от добрососедских до военной конфронтации. В подобных условиях необходимо строгое централизованное управление, которое осуществляется исключительно мужчинами-патриархами.

Второй любопытный момент, связанный с идеологической сферой, – это явно повышенный семиотический статус, который приобретают кости мелкого рогатого скота в захоро-

[1] Гаджиев М. Г. Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28; Гаджиев М. Г. Северо-восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987. С. 69–73; Гаджиев М. Г. Северный Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала, 2000. С. 64–72; Магомедов Р. Г. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в Древнем Дагестане. Махачкала, 1987. С. 22–35; Атаев Г. Д. Процессы этнокультурного развития Северо-восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, 2008. С. 14–17.

нениях лолинской культуры. Погребенные зачастую сопровождаются лопатками МРС. Кости крупного рогатого скота, которые нередко встречаются в комплексах ВМКК, в Лоле фактически неизвестны. Вполне возможно, что эта ситуация отражает изменение в посткатакомбный период состава стада, где полностью доминирует мелкий рогатый скот. Как следствие, главенствующая роль овцы в скотоводческом хозяйстве лолинской культуры закрепляется в ритуале.

Таким образом, взаимодействие пришлых восточнокавказских групп с местными восточноманычскими коллективами, обусловленное резким ухудшением палеоэкологической обстановки и приведшее (по данным краниологии) к серьезному изменению состава населения Северо-западного Прикаспия, раскрывает основные механизмы сложения лолинской культуры, скотоводческое хозяйство которой могло иметь ярко выраженную специализацию по разведению мелкого рогатого скота, зародившуюся еще на Кавказе и окончательно сложившуюся в условиях аридного климата степи.

В заключении отметим, что подобные маршруты выпаса скота практикуются и в настоящее время, являясь основой успешного животноводства в предгорной зоне. В эпоху средней бронзы подобный сценарий (выход кавказского населения в степь), видимо, реализовывался неоднократно. По сути – это одно из конкретных воплощений модели функционирования кавказского очага культурогенеза. В посткатакомбный период мы наблюдаем завершающую его фазу, вызванную резким обострением палеоэкологической ситуации, которая привела к очень серьезным трансформациям на юге Восточной Европы, конечным результатом которой явилось формирование предпосылок для появления свиты культур начала поздней бронзы и зарождения следующего волго-уральского очага. Появление лолинской культуры в Предкавказье – это всего лишь фрагмент регионального культурогенеза, механизмы которого мы постарались предметно раскрыть с учетом данных палеоэкологии.

Мы вполне осознаем, что доказательная база в данном случае далеко не безупречна, и настаивать на безусловной достоверности предложенного выше сценария нет достаточных оснований. Справедливость приведенных заключений покажут дальнейшие работы в этом направлении. Но ответить на вопрос, почему на пике аридизации люди уходят из относительно комфортного Кавказа в пустынно-степную зону Прикаспия, нельзя без понимания всей сложности и многогранности конкретных проявлений природного процесса, известного как аридизация.

А.А. Гольева
(ИГ РАН, г. Москва),
О.С. Хохлова
(ИФХБПП РАН, г. Пущино),
Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева, Г.Т. Обыденнова
(БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА МУРАДЫМОВО В БАШКИРИИ

В 2007–2008 годах на месте раскопок поселения бронзового века Мурадымово (53°58'44,8» сш и 55°30'58,8» вд) были проведены почвенные исследования, изучены стенки раскопов и обнажения берега речки. Обобщение полученных данных позволило сделать выводы, объясняющие специфику хозяйственного использования вскрытых котловин двух раскопов, диагностировать оборонительный вал и определить методику его возведения, а так же осветить ландшафтно-экологическую проблематику вокруг поселения.

Изучались восточная и южная стенки раскопов 8 и 9 (жилищные котловины), две врезки в толщу предполагаемого вала (западная – раскоп 6 и восточная – раскоп 4) и фоновый разрез, расположенный в обнажении обрывистого берега небольшой речки.

Морфологическая характеристика исследованных объектов. *Раскоп 8, Южная стенка.*Культурный слой с одним жилищем без последующих перестроек. Отсутствие верхнего горизонта у погребенной почвы под культурным слоем указывает, что жилище создавалось на срезанной почве. Иными словами, это была землянка или полуземлянка.

*Раскоп 9, квадрат 8Б (восточная стенка).*Согласно морфологическим особенностям стенки раскопа, выделяется несколько этапов строительства, т.е. можно говорить о серии жи-

лищ на одном месте. Самое первое жилище было создано на лугово-черноземной почве. Со временем постройки перестраивались, для чего использовались материалы с различными органо-минеральными добавками, в итоге сформировалась мощная толща культурного слоя, состоящая из нескольких различных по цвету прослоев. Погребенная почва местами нарушена. Но при этом признаки глубокой врезки, как для раскопа 8, отсутствуют. То есть, с самого начала жилище или возводилось на поверхности почвы, или же срезка поверхности была минимальна. В современное время почва распахивалась, что способствовало заселению участка землероями.

*Вал. Раскоп 6, западная стенка.*Хорошо выраженный мощный гумусовый горизонт погребенной почвы указывает, что вал был насыпан на обсохшую поверхность луговой почвы. Со временем по ходам корней осели карбонаты, создав специфические конкреции в виде тонких трубочек. Вначале для создания насыпи вала сгребался близлежащий и сформированный ранее культурный слой поселения, что сформировало сероватую толщу над погребенной почвой. Был период интенсивного обживания участка землероями.

Раскоп 4, восточная стенка. Облик этой стенки вала отличается от описанной в раскопе 6. Исходно, здесь было озеро, формировались озерные отложения – сапропель (до 135–137 см). Далее сменился тип водного режима с застойного на проточный, и на этом месте текла речка или ручей, формировались водные наносы – аллювий. Непосредственно насыпь вала создавалась в 2 этапа – первый слой – использовался бурый материковый пестроцвет. Выше – до современной дернины идет золистый светло-серый материал культурного слоя поселения.

Фон. Для фона выбран берег речушки с лугово-черноземными почвами и карбонатами по трещинам и мощными белесоватыми линзами сразу под дерниной.

Химические свойства изученных объектов.Для определения генезиса и характеристик исследуемых объектов, была проведена серия анализов. Полученные свойства отражены на рисунке в виде серии сравнительных диаграмм.

На диаграммах значения валового фосфора показаны на вспомогательной оси. Это сделано с целью более наглядной подачи материала, поскольку фосфора, как правило, даже в культурных слоях не более 1–2 %, в то время как остальных компонентов может быть гораздо больше. Использование вспомогательной оси позволяет увидеть тренд распределения элемента и корреляцию его с распределением других компонентов.

Фоновый разрез. Содержание и распределение органического углерода типично для черноземно-луговых почв – максимальное в верхней части профиля с последующим резким падением в пределах верхних 50 см.

Валового фосфора немного. Наибольшие значения характерны для травянистой подстилки а затем убывают с глубиной. Вся минеральная толща почвы содержит ровное малое количество фосфора, что типично для природных значений. То есть, по характеру содержания и распределения валового фосфора разрез адекватно отражает природный фон и может быть использован как сравнительный эталон при разделении природных и антропогенных слоев: значения для валового фосфора, превышающие 0,22–0,23 %, связаны с деятельностью человека и могут интерпретироваться как культурные слои. Значения ниже этих величин отражают природный генезис слоя.

Карбонаты кальция формируют горизонт, начиная с 40 см и ниже. Выше карбонатов мало, что типично для почв данной природной зоны. Незначительное увеличение количества карбонатов кальция в самом верхнем горизонте имеет биогенную природу – корни растений за счет всасывания, обогащают карбонатами растения. И после отмирания, разлагаясь, растения возвращают кальций в почву. В целом, общее количественное и качественное распределение карбонатов соответствует природным нормам. Можно отметить несколько растянутый карбонатный профиль, что может быть связано как с относительно высокой влажностью и миграцией солей вниз по профилю, так и с жесткими грунтовыми водами, капиллярная кайма которых подтягивает карбонаты, обогащая ими всю толщу капиллярного смачивания.

По содержанию гипса выделяется резкий пик на глубине 10–20 см, где количество гипса максимально. Морфологически этот слой выделяется как белесое включение в гумусированную толщу. Ниже гипса существенно меньше и глубже 70 см его практически нет. Лишь в самой нижней части профиля выявлено незначительное повышение значений, но почти в 50 раз меньшее, чем вверху. Малые количества гипса при залегании его в нижней части профиля ха-

рактерно для луговых почв, формирующихся в условиях гумидного климата. Выявленный аналитически и морфологически гипс в верхней части профиля абсолютно не типичен для этих почв и указывает на вторичное засоление. При этом малые величины гипса в нижней части профиля не позволяют считать, что засоление идет снизу вверх за счет подтягивания и испарения грунтовых вод. Тонкослоистый характер отложений гипса имеет горизонтальный рисунок и делает возможным предположить, что загипсовывание происходит за счет горизонтального стока концентрированных солевых растворов с более высоких позиций рельефа.

В целом, фоновый разрез соответствует требованиям, предъявляемым к подобным разрезам, и по большинству параметров может использоваться в качестве сравнительного репера для работы с антропогенно преобразованными толщами. Единственным отличием этого разреза от типичных фоновых почв региона является вторичное засоление гипсом. Вероятнее всего, данный процесс современен и связан с привносом солей с более высоких элементов рельефа.

Раскоп 9, квадрат 8Б. Органического вещества много по всему профилю. Максимальные количества органики – в верхних 10 см, что нормально для лугово-черноземных почв. При общем тренде уменьшения количества органики с глубиной, выделяются прослои с более высоким содержанием вещества. В верхней части профиля это, очевидно, связано с этапами создания и обживания поселения, привносом людьми органического материала. В нижней части, с глубины 86 см, повышенное количество органики четко маркирует древнюю поверхность почвы, начальный период обживания территории. Таким образом, вся толща, залегающая выше, (т.е., верхние 86 см) созданы искусственно человеком в процессе бытования.

С этой глубиной 86 см коррелирует и содержание валового фосфора. Выше, т.е. в толще культурных слоев, фосфора много. Непосредственно слой 86-96см содержит фосфора в сопоставимых количествах с поверхностным горизонтом фонового разреза. Фиксируется последующее убывание количества элемента с глубиной. Выявленный пилообразный характер распределения валового фосфора в толще культурного слоя отражает этапы активизации и затухания хозяйственной и бытовой активности на участке в период функционирования поселения.

Наиболее интересно содержание и распределение гипса. В полевых условиях вся верхняя часть раскопов, т.е. культурные слои котлованов жилищ, выглядят как белесовато-сероватый золистый материал. Эта толща сейчас относительно однородна, спрессована и включает разнообразные артефакты. Согласно данным анализов, вся толща создана из смеси гипса и органики, частично карбонатов, при абсолютном преобладании гипса. На рисунке хорошо видно, что огромные количества гипса фиксируются, начиная с 5–10 см от поверхности и практически до уровня погребенной почвы. На современной поверхности гипса мало, что не удивительно, учитывая хорошую растворимость этой соли. Наибольшая концентрация гипса наблюдается в верхней части культурного слоя, ниже его несколько меньше. Сравнивая содержания гипса и карбонатов, можно сделать предположение о смене цементирующего материала при создании кирпича-сырца для жилищ. Если вначале в смеси преобладали карбонаты, то затем – гипсы. Создается впечатление, что на заключительных этапах обживания, гипсы использовались при строительстве практически без карбонатной составляющей.

Таким образом, культурный слой раскопа 9 сформировался за счет привноса значительных объемов различных солей в качестве цементирующего строительного материала для создания кирпичей-сырцов. Согласно аналитическим данным, на первых этапах в основном использовались карбонаты кальция, или известняк. Затем произошла замена цементирующего материала в пользу гипса (сульфата кальция). На современном этапе фиксируется процесс постепенного растворения этих солей, обогащения ими почвенных растворов с последующим выносом солей за пределы поселенческой территории.

Раскоп 8, южная стенка. Этот раскоп был специально изучен, поскольку здесь были выявлены остатки единственного жилища, в отличие от наслаивающейся серии жилищ раскопа 9. Следовательно, возможные принципиальные расхождения в аналитическом материале могут быть объяснены только этим фактом.

Представляется интересным, что образцах из этого раскопа содержание органического углерода постепенно убывает с глубиной, нет характерной пилообразной динамики. То есть, серия пиков по органическому веществу в толще культурного слоя связана с серией наслаивающихся жилищ.

Валового фосфора, как и ожидалось, значительно больше нормы в толще культурного слоя. Переходным от антропогенных к природным горизонтам можно считать границу в 60 см. Выше нее – культурный слой, ниже – почвообразующая порода. Интересно, что в отличие от колонок из раскопа 9, здесь распределение фосфора относительно ровное, без резких пиков, да и в целом, фосфора относительно немного. Подобные небольшие величины валового фосфора больше характерны для растительной органики, чем для животной.

Содержание карбонатов велико, начиная с поверхности. Четко виден тренд увеличения количества карбонатов кальция с глубиной.

Принципиальным различием от предыдущей серии колонок является содержание и распределение гипса. Можно уверенно говорить, что здесь гипс не использовался в качестве строительного материала.

Таким образом, единственным существенным отличием образцов из раскопа 8 от образцов из раскопа 9 является отсутствие гипса в составе культурного слоя. Для создания жилища здесь использовались только карбонаты (известняк).

Поскольку оба раскопа расположены в непосредственной близости друг от друга, т.е. на одной породе, в единых геоморфологических и природно-климатических условиях, имеют единую геологическую и природную историю развития, то выявленные диаметрально противоположные значения по содержанию гипса однозначно связаны с хозяйственной деятельностью человека: гипс был искусственно принесен людьми для создания жилищ.

Вал. Раскоп 6. Западная стенка. Органического вещества много на поверхности, далее наблюдается убывание с глубиной до отметок около 90 см. Морфологически погребенная поверхность определена на глубине 91 см. Содержание органического углерода на этой глубине не типично для погребенной поверхности – наблюдается увеличение органики с глубиной, т.е. фиксируется тренд обратный ожидаемому. И максимальные значения органического вещества выявлены на глубине 102–110 см. Обнаруженный аномальный характер распределения органики может быть вызван несколькими причинами: неточное определение погребенной поверхности в полевых условиях; при создании вала вначале на дерновый слой насыпали гумусированную землю, а потом минеральную массу. В этом случае насыпной гумус имеет темный цвет и может диагностироваться как бывшая поверхность. Возможен также вариант, что данный участок длительное время использовался для прогона скота, например, на водопой, что привело к вытаптыванию, деградации растительности, минерализации верхнего слоя гумусового варианта. На сегодняшний день нельзя отдать предпочтение какой-либо из версий.

По техническим причинам, валовый фосфор сделан лишь до глубины 77 см. Согласно полученным данным, вся толща является культурным слоем.

Карбонатов много, начиная с поверхности. Характер распределения карбонатов в толще культурного слоя неровный. Очевидно, это связано с примесями разнообразного материала при создании вала. Максимальные количества карбонатов отмечены на морфологически фиксируемой границе между насыпью и погребенной поверхностью. Скопление и осаждение карбонатов на границе сред различной плотности часто встречается, например, в курганах, где карбонаты из более рыхлой насыпной толщи со временем мигрируют вниз, диагенетически осаждаясь на более плотной поверхности исходной погребенной почвы. Таким образом, выявленный аналитически слой накопления карбонатов точно указывает на исходный уровень погребенной поверхности.

Содержание и распределение гипса аналогично таковому для колонок из раскопа 9. Вся толща вала аномально обогащена гипсом. При этом сразу под насыпью содержание гипса практически исчезает, лишь слабо увеличиваясь на глубине 150 см. Данное распределение, бесспорно, указывает, что гипс не поступал снизу с капиллярной каймой или при повышении уровня грунтовых или текучих вод. Гипс поступил сверху, т.е. был искусственно принесен людьми при создании вала.

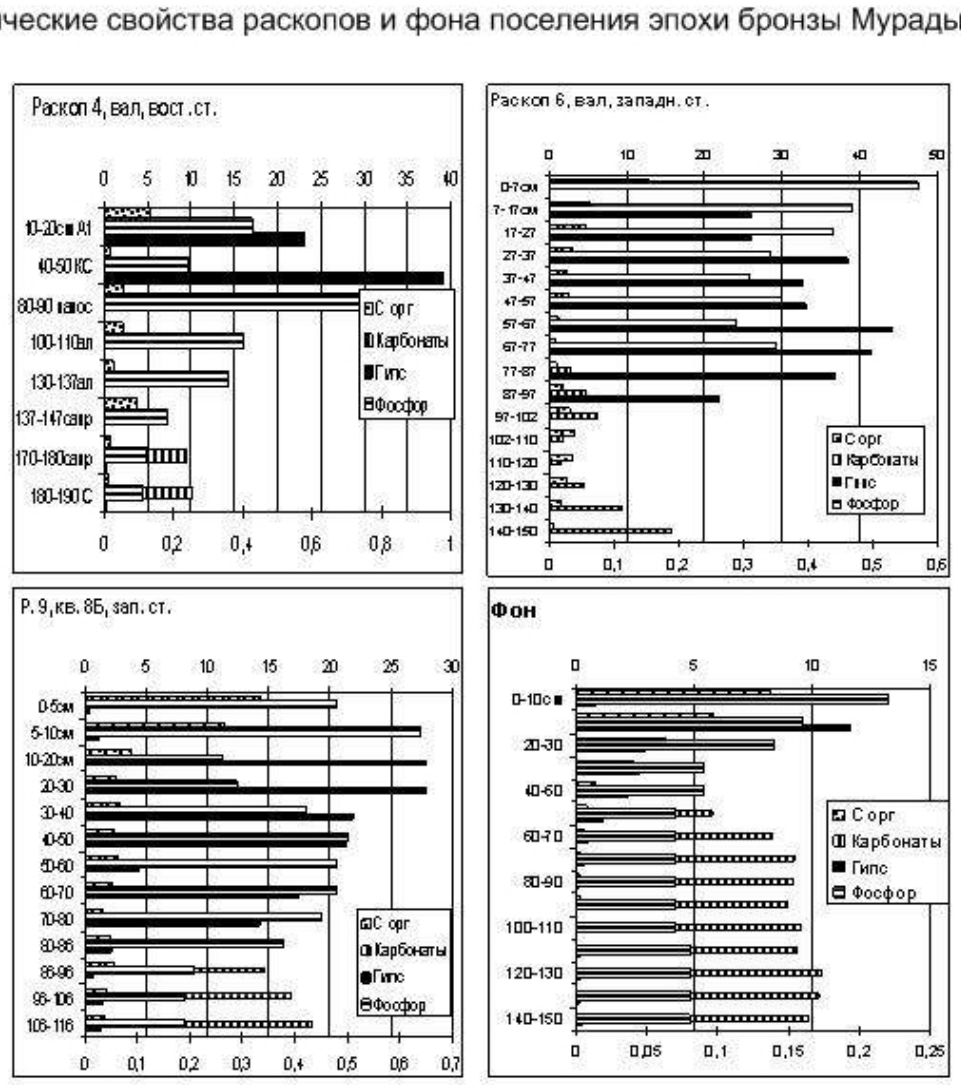


Рис. Раскоп 4. Восточная стенка

Выявленные морфологические особенности восточной стенки, т.е. присутствие не только аллювиальных отложений, но и сапропелевых (озерных) нашло отражение в специфике химических свойств. Слой сапропеля обогащен органикой, при этом фосфора мало. Т.е. озеро на данном месте существовало в доантропогенный период. Когда пришли люди, вместо озера текла речка (или ручей). В пользу этого предположения указывает тот факт, что в аллювии содержание фосфора уже выше нормы, т.е., берег использовался для хозяйственных целей. Карбонатов нет только в верхнем слое сапропеля. Следовательно, воды озера были не жесткими, в отличие от вод речки. Вероятно, в воду речки (ручья) сносились растворы карбонатов, используемых при создании жилищ, делая воду жесткой, известковой.

Гипса мало как в озерных, так и в речных отложениях. Это убедительно доказывает, что исходно эти ландшафты (всего водосбора озера и речки) не содержали гипса. В то же время, верхняя толща, а именно непосредственно насыпь вала, является практически мелкокристаллической гипсовой породой. То есть, насыпь вала повсеместно создавали из той же смеси органики и гипса, что и стены жилищ.

Заключение. На основании полученного массива данных можно уверенно говорить об искусственном генезисе верхней гипсоносной толщи на участках раскопов. Иными словами, люди для создания жилищ использовали «кирпичи», сделанные из смеси гипса и органики. Не исключается добавление карбонатных пород в состав смеси, но в большинстве случаев эта примесь не доминировала, возможно, имела случайный характер.

В пользу данного предположения указывают различия по содержанию гипса в колонках из раскопов 9 и 8. Раскоп 8 вскрыл только однократное создание жилища и образцы из колонки практически не содержат гипса. Раскоп 9 вскрыл последовательную серию жилищ, создаваемых друг на друге по мере разрушения. Этот раскоп везде в верхней части состоит практически из чистого гипса.

Другим различием между жилищами раскопов 9 и 8 является обнаруженный факт, что во всех колонках раскопа 9 морфологически и аналитически четко определяется погребенная почва, в то время как ни в одной стенке раскопа 8 погребенная почва не выявлена – она была срезана. То есть эти жилища не только возводились с использованием различного материала, но и строились принципиально по-разному – на поверхности почвы (жилища раскопа 9) или в виде землянки (полуземлянки) (жилища раскопа 8). Возможно, различия в строительстве связаны с хронологической последовательностью или они имели разную функциональную нагрузку. Второе предположение кажется более вероятным, учитывая различия по содержанию валового фосфора и гипса. Или же различия во времени между постройками должны быть существенными, поскольку даже самые первые из жилищ раскопа 9 не были углублены в землю, то есть они строились по-другому с самого начала. Но это предположение требует дополнительных исследований.

Можно предположить, что различия по содержанию карбонатов и гипса между раскопами 8 и 9 отражают различия не только в количестве жилищ, но и строительной технологии. Вначале (?) – раскоп 8, где в качестве связующего материала при строительстве использовали карбонатные породы (нижнюю часть окрестных почв). Впоследствии (?) жителями были обнаружены выходы гипсов в карстовых воронках. Связующие и цементирующие свойства гипсов выше, чем у карбонатов, поэтому следующие жилища строились из гипсового материала. Объемы перемещенной породы огромны, что кардинально изменило общую направленность развития не только поселенческого ландшафта, но и прилегающих территорий.

Также из гипсовых «кирпичей» был создан вал. Анализ сапропелевой и аллювиальной толщи под валом убедительно показал, что исходные ландшафты всего региона водосбора не содержали гипса или иных солей.

Поселение Мурадымово расположено в гумидной зоне, т.е. здесь часты дожди, особенно летние. Гипсы относятся к водорастворимым породам, что вело и ведет как к разрушению строений с течением времени, так и к загипсовыванию окрестных мест.

Безусловно, как в процессе строительства жилищ, так и в период их эксплуатации, значительные количества гипса, карбонатов и других сопутствующих солей вымывались вниз по профилю, обогащая и засоляя грунтовые воды. Не исключено, что именно значительная минерализация воды (изменение ее вкуса в сторону горько-соленой) привела к опустению территории, уходу людей.

Итак, с высокой долей уверенности можно предположить, что причиной запустения участка стала рукотворная экологическая катастрофа – резкое засоление грунтовых вод, что сделало невозможным проживание на данной местности. Данный вывод, безусловно, нуждается в дополнительных исследованиях с целью детализации, корректировки, уточнения.

В.А. Демкин, А.В. Борисов, Т.С. Демкина,
Т.Э. Хомутова,С.Н. Удальцов, Н.Н. Каширская
(ИФХБПП РАН, г. Пущино)

ДИНАМИКА УВЛАЖНЕННОСТИ КЛИМАТА В СТЕПЯХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ, РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ[1]

Существенный вклад в решение проблемы развития природной среды и климата степей Евразии во второй половине голоцена в первую очередь обязан широкомасштабным почвенно-археологическим исследованиям грунтовых памятников эпох бронзы, раннего железа и средне-

[1] *Исследования проводились при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.*

вековья (IV тыс. до н.э. – XIV в. н.э.). Как известно, в палеопочвах, погребенных под культурными слоями поселений, курганными насыпями, оборонительными валами и пр., до настоящего времени сохранились многие признаки и свойства, в той или иной степени характеризующие климатические, литологические, геоморфологические, геохимические, биологические, гидрологические условия почвообразования в прошлые эпохи[1].

Исследованная территория нижневолжских степей включает Среднерусскую, Приволжскую, Ергенинскую возвышенности и Прикаспийскую низменность в пределах Волгоградской, Ростовской областей и Республики Калмыкия. Климат региона умеренно континентальный. С северо-запада на юго-восток количество атмосферных осадков уменьшается с 400 до 250-300 мм/год, а среднегодовая температура возрастает с $5,4^0$ до $8,1^0$С. В почвенно-географическом отношении регион входит в зоны сухих и пустынных степей с темно-каштановыми и каштановыми, светло-каштановыми и бурыми полупустынными почвами соответственно.

Объектами изучения послужили палеопочвы археологических памятников (курганов) эпох позднего энеолита (IV тыс. до н.э.), бронзы (конец IV-II тыс. до н.э.), раннего железа (V в. до н.э. – IV в. н.э.) и средневековья (XIII–XIV вв. н.э.). Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета, Института археологии РАН и Государственного Исторического музея в течение 1981–2009 гг. под руководством А.С. Скрипкина, И.В. Сергацкова, В.М. Клепикова, А.В. Лукашова, В.А. Кригера, В.В. Дворниченко, А.Н. Дьяченко, Н.И. Шишлиной. С использованием почвенно-археологического методического подхода исследовано около 350 памятников в составе нескольких десятков могильников (Перекопка, Линево, Авиловский, Ветютнев, Абганерово-2,3,4, Аксай-1,2,3, Перегрузное, Манджикины, Му-Шарет, Зунда-Толга, Цаган-Нур, Озерки, Белокаменка, Бережновка, Бахтияровка, Маляевка, Колобовка, Красная Деревня, Эльтон, Венгеловка, Ченин, Приозерное, Неткачево, Ольховка-1,2, Гусевка, Зензеватка, Недоступов, Племхоз, Ремонтное и др.), включающих от 3–5 до нескольких десятков курганов, относящихся, как правило, к различным культурно-хронологическим этапам развития древних и средневековых обществ.

Результаты изучения нескольких десятков подкурганных педохронорядов дают основания считать, что эволюция почв Нижнего Поволжья с эпохи позднего энеолита (IV тыс. до н.э.) до развитого средневековья (XIV в. н.э.) была однонаправленной и метахронной. В масштабе исторического времени климат являлся ведущим фактором почвообразования, причем вековая динамика атмосферной увлажненности в Волго-Донском междуречье (сухостепная зона) и в Заволжье (пустынно-степная зона) была однотипной и синхронной. Она находила отражение в морфолого-химических, магнитных и микробиологических свойствах палеопочв, в состоянии ландшафтов и почвенного покрова, в особенностях их пространственно-временной организации и функционирования в течение той или иной археологической эпохи. Поэтому применение комплекса различных почвенных характеристик существенно повышает детальность и достоверность природно-климатических реконструкций. Именно такой подход использован нами для реконструкции динамики атмосферной увлажненности в нижневолжских степях за последние 60 веков. С использованием таких показателей, как таксономическая принадлежность разновозрастных палеопочв, их морфолого-стратиграфические особенности, степень засоленности, гумусированности, солонцеватости, состояние микробных сообществ и др., возможна оценка нормы атмосферных осадков в прошлые исторические эпохи по сравнению с современной. При реконструкции увлажненности климата принимался в расчет и тот факт, что в настоящее время разница в среднегодовом количестве осадков в сухих степях Волго-Донского междуречья и в пустынно-степной зоне Заволжья составляет 50–70 мм (табл. 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в IV тыс. до н.э. палеопочвы упомянутых выше природных регионов нижневолжских степей развивались в условиях повышенной

[1] Иванов И. В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М. : Наука, 1992; Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997; Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М. : Наука, 2005; Демкин В. А., Гугалинская Л. А., Алексеев А. О. и др. Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы. М. : НИА «Природа», 2007; Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Каширская Н. Н., Стретович И .В., Демкин В. А. Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны // Почвоведение. 2010. № 2. С. 213–220.

атмосферной увлажненности с нормой осадков более 400 и 350 мм/год соответственно (табл. 1). Климатическая обстановка, наиболее близкая современной, имела место в конце IV – 1-й половине III тыс. до н.э. Вместе с тем, около 5000 лет назад началась постепенная аридизация климата, продолжавшаяся на протяжении тысячелетия и достигшая максимума на рубеже III-II тыс. до н.э. За это время среднегодовая норма атмосферных осадков снизилась не менее чем на 100–150 мм и достигла уровня 200–250 мм/год и менее. В конечном счете около 4000 лет назад в степях Нижнего Поволжья возник самый масштабный палеоэкологический кризис за последние 6000 лет. Мы полагаем, что резкая аридизация климата в конце III тыс. до н.э. имела глобальный характер. Она зафиксирована в различных регионах степей и пустынь Евразии, в частности, на Ближнем Востоке[1], в Верхней Фракии (Болгария)[2], в Северном Причерноморье[3], в Приазовье[4], на юге Русской равнины и в Предкавказье[5], в Средней Азии[6].

В XVIII–XVII вв. до н.э. в Нижнем Поволжье началось смягчение климатических условий с увеличением количества атмосферных осадков до 350–400 мм/год. Пик этого увлажнения пришелся, вероятно, на середину II тыс. до н.э. и повлек за собой значительные эволюционные преобразования почв со сдвигом ландшафтных рубежей к югу. Очередной засушливый этап имел место в конце II – 1-й трети I тыс. до н.э.

Палеопочвенные исследования курганов ранне-, средне- и позднесарматского времени показали, что на протяжении II в. до н.э. – IV в. н.э. в палеопочвах сухих и пустынных степей Нижнего Поволжья происходили циклические изменения морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойств. Масштабы выявленных изменений не приводили к эволюционным преобразованиям почв на типовом (подтиповом) таксономическом уровне. Однако они свидетельствует об определенной динамике среднегодового количества атмосферных осадков в пределах ±30–50 мм.

Следует отметить, что особенности и направленность изменений каждого из перечисленных выше показателей отражают одни и те же закономерности динамики климатических условий. Использование комплекса палеопочвенных, микробиологических, магнитных данных обеспечило достаточно высокую степень достоверности проведенных реконструкций динамики природных условий. Время существования сарматской культурно-исторической общности в климатическом отношении можно рассматривать как эпоху чередования микроплювиальных и микроаридных периодов продолжительностью 100–200 лет (табл. 1). В частности, как в сухих (Волго-Донское междуречье), так и пустынных (Заволжье) степях относительно влажными условиями характеризовались I в. до н.э., I и IV вв. н.э., а наиболее засушливыми – 2-я пол. II – 1-я пол. III вв. н.э. Промежуточная и близкая ситуация по степени увлажненности имела место в 1-й пол. II в. н.э. и во 2-й пол. III в. н.э. Установленная нами периодизация и хронология динамики климатических условий нижневолжских степей в сарматское время в целом согласуется с закономерностями развития природных процессов в других регионах степей и пустынь Евразии. В частности, по результатам палеогеографических и почвенно-археологических исследований микроплювиалы в I–II и/или в конце III–IV вв. н.э. зафиксированы на Ближнем Востоке[7], в Приазовье[8], в Южном

---

[1] Глушко Е. В. Историко-географические исследования ландшафтов Западного Ирака по космическим снимкам // Известия ВГО. 1990. Т. 122, вып. 3. С. 255–262; Weiss T. J., Courty M.-A. The genesis and collapse of third millennium North Mesopotamia civilization // Science. 1993. Vol. 261. P. 995–1004.

[2] Балабина В. И., Мишина Т. Н. Телль Юнаците в эпоху ранней бронзы: колебания климата и динамика хозяйственной деятельности // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. Т. 3. С. 321–325.

[3] Герасименко Н. П. Изменения природной среды в степной зоне Украины в течение среднего и позднего периодов эпохи бронзы // Эволюция почвенного покрова. Пущино, 2009. С. 187–189.

[4] Песочина Л. С. Реконструкция закономерностей динамики климата в степях Приазовья по палеопочвенным данным // Изменения климата, почвы и окружающая среда. Белгород. 2009. С. 96–104.

[5] Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М. : Наука, 2005.

[6] Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М.: Наука, 1975.

[7] Enzel Y., Bookman, R., Sharon, D., Gvirtzman, H., Dayan, U., Ziv, B., Stein, M. Late Holocene climates of the Near East deduced from Dead Sea level variations and modern winter rainfall // Quaternary Research. 2003. Vol. 60. P. 263–273.

[8] Песочина Л. С. Развитие почв и природной среды Нижнего Дона во второй половине голоцена : автореф. дис. … канд. биол. Наук. М., 2004.

Приуралье[1], в Зауралье[2]. Установлено[3], что в бассейне Аральского моря во II–III вв. н.э. заметно усилилась засушливость климата. В связи с этим можно полагать, что динамика увлажненности климата в волго-уральских степях была синхронной, а следовательно, в Нижнем Поволжье, как и в Южном Приуралье[4], савроматский гумидный период (VI–V вв. до н.э.) сменился раннесарматским аридным (IV–III вв. до н.э.) со снижением среднегодовой нормы атмосферных осадков примерно на 50–70 мм (табл. 1).

Таблица 1

Реконструкция увлажненности климата в сухих и пустынных степях Нижнего Поволжья в эпохи позднего энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (IV тыс. до н.э. – XIV в. н.э.)

Археологические культуры	Время	Волго-Донское междуречье, сухостепная зона	Заволжье, пустынно-степная зона
		Количество атмосферных осадков, мм/год	
Поздний энеолит			
Новоданиловская	Конец V-1-я четв. IV тыс. до н.э.	>400	>350
Эпоха бронзы			
Ямная	XXXI–XXVIII вв. до н.э.	350-370	280-300
Раннекатакомбная	XXV–XXIII вв. до н.э.	300-350	250-300
Поздне- и посткатакомбные	XXII–XIX вв. до н.э.	200-250	<200
Покровская, срубная	XVIII–XIII вв. до н.э.	300-400	250-350
Эпоха раннего железа			
Савроматская	VI–V вв. до н.э.	~400	330-350
Раннесарматская	2-я пол. IV–III вв. до н.э.	300-350	250-280
	2-я пол. II–I в. до н.э.	~400	330-350
Среднесарматская	I в. н.э.	380–400	300-330
	1-я пол. II в. н.э.	350–380	~300
Позднесарматская	2-я пол. II – 1-я пол. III вв. н.э.	330–350	250-280
	2-я пол. III в. н.э.	350–380	~300
	Конец III–IV вв. н.э.	380–400	300-330
Средневековье			
Хазары, печенеги, половцы и др.	VIII–XI вв. н.э.	300-350	250-280
Золотая Орда	XIII–XIV вв. н.э.	420-450	350-400
Современность		350–370	280-300

Характерной особенностью средневековых палеопочв XIII–XIV вв. н.э. на всех исследованных объектах нижневолжских степей является существенное отличие их свойств как от предшествующего времени, так и от современных фоновых. В это время активизировались процессы гумусообразования, рассоления и рассолонцевания почв, произошла перестройка карбонатного профиля, резкие преобразования претерпели почвенные микробные сообщества. Заслуживают внимания выявленные факты формирования каштановых палеопочв на месте сарматских и современных ареалов

[1] Рысков Я. Г., Демкин В. А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997.

[2] Плеханова Л. Н., Демкин В. А. Палеопочвы курганов раннего железного века степного Зауралья // Почвоведение. 2008. С. 5–16.

[3] Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Изменения климата и ландшафтов междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (по археологическим и палеогеографическим данным) // Аральский кризис. М., 1991. С. 66–75; Маев Е. Г., Маева С. А., Карпычев Ю. А. Аральское море в голоцене // Аральский кризис. М., 1991. С. 76–86.

[4] Рысков Я. Г., Демкин В. А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997; Демкин В. А., Ельцов М. В., Борисов А. В., Алексеев А. О., Алексеева В. А. Палеопочвы и природные условия левобережного Илека в эпохи бронзы и раннего железа // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2003. Вып. 2. С. 212–219.

светло-каштановых почв[1]. Эти данные дают основания считать, что в эпоху развитого средневековья произошли довольно существенные изменения климата в сторону его гумидизации. Судя по свойствам палеопочв можно полагать, что норма атмосферных осадков в золотоордынское время превышала современную на 70–100 мм и составляла в Волго-Донском междуречье 420–450 мм/год, а в Заволжье – 350–400 мм/год (табл. 1). Увеличение атмосферной увлажненности повлекло за собой региональную миграцию природных рубежей к югу, в частности, экспансию сухостепных ландшафтов в пределы пустынно-степных. На основании палеопочвенных данных мы можем говорить о существовании в южнорусских степях «средневекового климатического оптимума», пик которого приходился на XIII век. Благоприятная почвенно-ландшафтная и климатическая обстановка, сложившаяся в золотоордынское время, в определенной мере способствовала существенному изменению этнополитической ситуации в регионе, появлению многочисленных городищ, переходу средневековых кочевников к полуоседлому образу жизни. Ранее уже были высказаны предположения[2] о значительной гумидизации климата всей евразийской степи во время татаро-монгольского нашествия и существования Золотой Орды. Кроме того, результаты палинологических[3] и палеопочвенных[4] исследований археологических памятников свидетельствуют об увеличении количества атмосферных осадков в рассматриваемую историческую эпоху в Северном Причерноморье и Предкавказье. Однако уже в конце XIV–XV вв. н.э. наступила очередная аридизация климата[5], которая, по-видимому, в основном и обусловила заметные изменения многих свойств почв Нижнего Поволжья в постзолотоордынское время (снижение содержания гумуса, увеличение засоленности и др.).

Особо необходимо остановиться на возникшей в ходе наших исследований дискуссионной проблеме, решение которой имеет важное значение как для почвоведения, так и археологии. Она связана с хроноинтервалом существования полтавкинской культуры Нижнего Поволжья, который, по мнению ряда исследователей, относится к 1-й четверти III тыс. до н.э.[6], то есть удревнен почти на тысячелетие по сравнению с прежней хронологией. В свете палеопочвенных данных такая точка зрения вызывает у нас определенные сомнения. Попытаемся их обосновать. Изучение многочисленных подкурганных педохронорядов, приуроченных к различным природным районам и включающих палеопочвы ямного, катакомбного, посткатакомбного, покровского, срубного времени, позволило нам разработать достаточно детальную и обоснованную репрезентативным фактическим материалом концепцию развития почв и климата нижневолжских степей в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.)[7]. Коротко остановимся на ее сути.

---

[1] Демкин В. А., Якимов А. С., Алексеев А. О., Каширская Н. Н., Ельцов М. В. Палеопочвы и природные условия степей Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Почвоведение. 2006. № 2. С. 133–144.

[2] Гаель А. Г., Гумилев Л. Н. Разновозрастные почвы на песках Дона и передвижение народов за исторический период // Известия АН СССР. 1966. № 1. С. 11–20. (Сер. Геогр.); Глушко Е. В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4. С. 30–37; Хотинский Н. А. Взаимоотношение леса и степи по данным изучения палеогеографии голоцена // Эволюция и возраст почв СССР. Пущино, 1986. С. 46–53.

[3] Герасименко Н. П. Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины : автореф. дис. … д-ра геогр. наук. Киев, 2004.

[4] Александровский А. Л. Изменения почв и природной среды на юге России в голоцене // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. 2002. № 1–2. С. 109–119.

[5] Адаменко В. Н., Масанова М. Д., Четвериков А. Ф. Индикация изменений климата. Л. : Гидрометеоиздат, 1982; Демкин В. А., Ельцов М. В., Алексеев А. О., Алексеева Т. В., Демкина Т. С., Борисов А. В. Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. 2004. № 12. С. 1486–1497; Колебания климата за последнее тысячелетие / под ред. Е. П. Борисенкова. Л. : Гидрометеоиздат, 1988; Рысков Я. Г., Демкин В. А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997; Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1957.

[6] Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009.

[7] Борисов А. В., Демкина Т. С., Демкин В. А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.). М. : Наука, 2006; Демкин В. А., Борисов А. В., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Пампура Т. В. Эволюция почв и динамика климата степей нижнего Поволжья в IV–II тыс. до н.э. // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. С. 175–184; Демкин В. А., Борисов А. В., Удальцов С. Н. Палеопочвы и климат юго-востока Среднерусской возвышенности в эпохи средней и поздней бронзы (XXV–XV вв. до н.э.) // Почвоведение. 2010. № 1. С. 7–17; Демкин В. А., Гугалинская Л. А., Алексеев А. О. и др. Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы. М. : НИА «Природа», 2007;

На протяжении IV–III тыс. до н.э. эволюция почв Нижнего Поволжья происходила на уровне подтипов от темно-каштановых к каштановым, от каштановых к светло-каштановым со сдвигом границ почвенных подзон к северу. Смещение границ природных зон (подзон), вероятно, происходило лишь в пограничной полосе шириной в несколько десятков километров. В каждом из исследованных природных регионов (Среднерусская, Приволжская, Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность) отчетливо прослеживается усиление аридизации климата во второй половине III тыс. до н.э. Увеличение засушливости вызвало интенсификацию процесса дефляции, обусловило значительное засоление, дегумификацию и окарбоначивание палеопочв. Это привело к опустыниванию ландшафтов и формированию в конце III тыс. до н.э. на водоразделах и высоких речных террасах, древнеморской прикаспийской равнине каштановидных полупустынных палеопочв. Особо следует подчеркнуть, что во всех исследованных природных районах (юг Приволжской возвышенности, Северные и Южные Ергени, Сарпинская низменность, террасы Волги и Волго-Ахтубы, Эльтонская и Бессточная равнины Северного Прикаспия) эти почвы имели идентичные морфолого-стратиграфические и химические свойства и признаки. Для них были характерны отсутствие признаков солонцеватости и текстурной дифференциации профиля, монотонность окраски, маломощный гумусовый горизонт с содержанием гумуса менее 2 %, поверхностная карбонатность, отсутствие сегрегационных форм карбонатных аккумуляций, значительная засоленность профиля, низкие значения магнитной восприимчивости. По сравнению с предшествующим временем в каштановидных палеопочвах запасы карбонатов в слое 0–50 см возросли в 1,5–2 раза, легкорастворимых солей и гипса в верхней двухметровой толще – в 2,5–3 раза. По организации профиля и морфолого-химическим свойствам они были весьма близки современным бурым полупустынным почвам, развитым в настоящее время на буграх Бэра в низовьях Волги. Следует отметить, что подобного облика палеопочвы, названные «лессовидными»[1], были обнаружены под курганами возрастом около 4000 лет в сухостепной зоне Северного Причерноморья. Изменение условий почвообразования отразилось и на состоянии микробных сообществ палеопочв. На протяжении III тыс. до н.э. биомасса активных микроорганизмов снизилась в десятки раз. В эколого-трофической структуре микробных сообществ отмечен сдвиг в сторону увеличения олиготрофности. Каштановидные палеопочвы отличаются наиболее богатым филогенетическим разнообразием микробных сообществ, определяемым с помощью генетических методов. Они имеют черты как предшествующих, так и последующих периодов развития, что свидетельствует о сукцессии микробных сообществ в результате изменения климатических условий. Таким образом, в результате аридизации климата во 2-й половине III тыс. до н.э. произошла конвергенция почвенного покрова с преобразованием темно-каштановых, каштановых, светло-каштановых почв и солонцов в каштановидные полупустынные почвы, которые в хроноинтервале 4200–3900 лет назад занимали доминирующее положение в регионе. В первой половине II тыс. до н.э. наступила очередная смена условий почвообразования, вызванная ростом степени атмосферной увлажненности. Она обусловила дивергенцию почвенного покрова со вторичным формированием к середине II тыс. до н.э. ареалов зональных каштановых почв и солонцов на месте каштановидных. Гумидизация климата обусловила увеличение содержания гумуса и мощности гумусового горизонта почв, активизацию микробных сообществ, интенсификацию нисходящей миграции легкорастворимых солей и гипса, перестройку карбонатного профиля. Следовательно, в эпохи средней и поздней бронзы (~ 4300–3500 лет назад) в степях Нижнего Поволжья произошли весьма существенные, быстрые и обратимые эволюционные преобразования почв на таксономическом уровня типа.

Учитывая выше изложенное, перейдем к рассмотрению основной проблемы. Прежде всего необходимо обратить внимание на следующие важные факты: каштановидные палеопочвы во всех исследованных природных районах нижневолжских степей ***всегда*** обнаруживались ***только*** под курганами, сооружение которых датируется последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. (поздне- и посткатакомбные культурные образования, около 15 памятников), а

Демкин В. А., Ельцов М. В., Алексеев А. О., Алексеева Т. В., Демкина Т. С., Борисов А. В. Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. 2004. № 12. С. 1486–1497.

[1] Герасименко Н. П. Изменения природной среды в степной зоне Украины в течение среднего и позднего периодов эпохи бронзы // Эволюция почвенного покрова. Пущино, 2009. С. 187–189.

также под курганами полтавкинской (**!!!**) культуры (более 25 памятников). Как уже отмечалось, главной причиной формирования каштановидных палеопочв явилась катастрофическая аридизация климата в конце III тыс. до н.э., имевшая глобальное распространение в степях и пустынях Евразии и обусловившая возникновение палеоэкологического кризиса. На территории Нижнего Поволжья она выявлена не только по материалам наших палеопочвенных исследований, но и по данным палинологического изучения среднеголоценовых болотных отложений[1], фитолитного анализа подкурганных палеопочв катакомбного времени[2]. Следовательно, если время существования полтавкинской культуры в 1-й четверти III тыс. до н.э. соответствует действительности, то следует признать, что в этот период также имели место резкая аридизация климата и палеоэкологический кризис. Однако наличие подобной природной ситуации в степях Восточной Европы в целом и в Нижнем Поволжье в частности не подтверждается данными как наших исследований, так и исследованиями других авторов. Напротив, климатические условия конца IV – 1-й четверти III тыс. до н.э. в рассматриваемом регионе были близки современным или даже несколько влажнее[3]. Подкурганные палеопочвы памятников этого и более позднего времени (середина – 3-я четверть III до н.э.) на территории Нижнего Поволжья представляли собой аналоги современных зональных каштановых или бурых почв различной степени солонцеватости и засоленности. Какова же хронологическая позиция полтавкинской культуры в свете почвенно-климатических реконструкций? С одной стороны ответ казался бы однозначным – не ранее последней четверти III тыс. до н.э. Однако здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Практически все исследованные нами полтавкинские памятники расположены в Заволжье, которое как в настоящее время, так и в прошлом было более засушливым по сравнению с Волго-Донским междуречьем (табл. 1). Поэтому можно полагать, что аридизация климата могла найти отражение в состоянии почв и ландшафтов полупустынного Заволжья быстрее и на 100–150 лет раньше, чем в волго-донских степях. Но и таком случае полтавкинская культура, на наш взгляд, должна была появиться не ранее XXIV в. до н.э.

В заключение хотелось бы отметить, что авторы данной статьи безусловно относят себя к дилетантам в области археологии и не претендуют (в отличие от г-на А.Т.Фоменко) на ломку или пересмотр сложившейся в последнее время хронологии культур бронзового века. Основная цель наших рассуждений состояла в обосновании возможности более широкого использования данных о развитии природной среды в этноархеологических исследованиях, в частности, принимать их во внимание при решении культурно-хронологических проблем развития древних обществ.

---

[1] Кременецкий К. В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ : тр. Государственного Исторического музея. М., 1997. Вып. 97. С. 30–45.

[2] Гольева А. А. Взаимодействие человека и природы в северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке : тр. Государственного Исторического музея. М., 2000. Вып. 120. С. 10–29; Бобров А. А. Фитолиты степных растений Ики-Бурульского района Калмыкии: первые результаты // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М. – Элиста, 2002. С. 167–186.

[3] Спиридонова Е. А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М. : Наука, 1991; Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М. : Интеллект, 1995; Кременецкий К. В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ : тр. Государственного Исторического музея. М., 1997. Вып. 97. С. 30–45; Александровский А. Л., Александровская Е. И. Эволюция почв и географическая среда. М. : Наука, 2005; Хохлова О. С., Хохлов А. А. Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Новосергиевском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2005. Вып. 7. С. 50–69; Борисов А. В., Демкина Т. С., Демкин В. А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.). М. : Наука, 2006; Демкин В. А., Борисов А. В., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Пампура Т. В. Эволюция почв и динамика климата степей нижнего Поволжья в IV–II тыс. до н.э. // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. С. 175–184.

Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, Н.Н. Каширская
(ИФХБПП РАН, г. Пущино)
Е.В. Демкина
(ИМ РАН, г. Москва)

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПАЛЕОПОЧВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИЗМЕНЧИВОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ЗА ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ[1]

Проведенные микробиологические исследования подкурганных палеопочв сухих и пустынных степей Нижнего Поволжья показали[2], что в них до настоящего времени сохраняются микробные сообщества, существовавшие во время сооружения археологических памятников. Это подтверждено выявленными закономерностями распределения численности микроорганизмов различных трофических групп в курганных насыпях, погребенных и современных почвах[3], данными определения возраста микробной фракции с использованием метода ^{14}C атомной масс-спектрометрии[4]. Сохранению микроорганизмов прошлых эпох способствовали их адаптационные механизмы выживания (анабиоз, переход бактерий в наноформы и др.) в неблагоприятных экологических условиях[5]. С применением электронной микроскопии установлено, что в гор. А1 подкурганной каштановой почвы 77 % клеток относятся к наноформам (их объемы не превышают 0,09 мкм^3), а в современном аналоге – 63 %[6]. Цитологические исследования искусственно образованных наноклеток позволили предполагать, что их формирование представляет универсальную ответную реакцию организма на неблагоприятные условия и стресс-факторы[7]. Бактериальные сообщества, выжившие в условиях природной консервации, привлекают особое внимание в связи с наличием у них эффективных механизмов, обеспечивающих длительное сохранение их жизнеспособности. Длительно переживающие сообщества отличаются высокой степенью гетерогенности, что проявляется в несоответствии потенциальной биологической активности, определяемой прямым методом дифференцированного подсчета «живых» и «мертвых» бактериальных клеток (краситель DAPI) и реально выявляемой при их культивировании в стандартных условиях на питательных средах. Согласно современным представлениям, микробные популяции представляют собой сложную, дифференцированную систему, которая характеризуется функциональной специализацией клеток. Координация деятельности таких клеток требует наличия регуляторных (коммуникативных) связей[8], осуществляемых с помощью сигнальных молекул. Показана возможность стимулировать прорастание законсервированного длитель-

[1] *Исследования проводились при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты 09-04-00233, 09-04-00699) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.*

[2] Демкина Т. С., Борисов А. В., Демкин В. А. Микробиологические исследования подкурганных палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение. 2004. № 7. С. 853–859; Демкина Т. С., Борисов А. В., Демкин В. А. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. 2000. № 9. С. 1117–1126.

[3] Демкина Т. С., Борисов А. В., Ельцов М. В., Демкин В. А. Сравнительная характеристика микробных сообществ курганных насыпей, подкурганных и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение. 2007. № 6. С. 738–748.

[4] Demkina T. S., Khomutova T. E., Kashirskaya N. N. and et al. Age and activation of microbial communities in soils under burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science. 2008. Vol. 41, № 13. P. 1439–1447.

[5] Бухарин О. В., Гинцбург А. Л., Романова Ю. М., Эль-Регистан Г. И. Механизмы выживания бактерий. М. : Медицина, 2005; Вайнштейн М. Б., Кудряшова Е. Б. О нанобактериях // Микробиология. 2000. Т. 69, № 2. С. 163–174.

[6] Каширская Н. Н. Микробная биомасса подкурганных палеопочв степной зоны Нижнего Поволжья : автореф. дис. … канд. биол. наук. Воронеж, 2006.

[7] Вайнштейн М. Б., Кудряшова Е. Б. О нанобактериях // Микробиология. 2000. Т. 69 (№ 2). С. 163–174.

[8] Олескин А. В., Ботвинко И. В., Цавкелова Е. А. Колониальная организация и межклеточная коммуникация у микроорганизмов // Микробиология. 2000. Т. 69, № 3. С. 309–327.

но покоящегося микробного пула на 2–3 порядка при выделении его из образцов подкурганных палеопочв с помощью β-индолил-3-уксусной кислоты (ИУК) как сигнального вещества[1].

Установлены закономерности временной изменчивости суммарной, живой и активной биомассы микробных сообществ разновозрастных погребенных и современных каштановых почв и солонцов.

Суммарная микробная биомасса (С-МБ) включает максимальное число микробных клеток на разных стадиях их жизненного цикла, в том числе некультивируемые формы, мертвые клетки и др.[2] Показано, что в современных каштановых почвах и солонцах Северных Ергеней средневзвешенное значение С-МБ (гор. А1, В1, В2) составляет 943 и 1995 мкг С/г почвы. В аналогичных почвах Приволжской возвышенности – 2434–4558 (в разные годы) и 2241 мкг С/г почвы соответственно. В каштановой палеопочве и палеосолонце Северных Ергеней, погребенных около 2000 лет назад, С-МБ составила 879 и 1673 мкг С/г почвы, что незначительно меньше, чем в фоновых аналогах. В каштановой почве Приволжской возвышенности в хроносрезы ~300, ~750, ~1800, ~1950, ~4000, ~4800, и ~5000 лет назад С-МБ изменялась от 930 до 2183 мкг С/г почвы в зависимости от палеоклиматических условий. В солонце Приволжской возвышенности, погребенном под валом Анны Иоанновны ~300 лет назад, С-МБ несколько больше таковой современной почвы и составила 2357 мкг С/г почвы.

Живую микробную биомассу в почвах оценивали по содержанию фосфолипидов (ФЛ), так как они являются обязательным компонентом мембран живых клеток независимо от их физиологического состояния[3]. В современных каштановых почвах и солонцах Северных Ергеней содержание ФЛ составило 52 и 43 мкг/г почвы (средневзвешенное значение в гор.А1, В1, В2) соответственно. В аналогичных почвах Приволжской возвышенности – 54–197 (в разные годы) и 42 мкг/г почвы. В подкурганных палеопочвах Северных Ергеней, погребенных ~2000 лет назад, содержание ФЛ в каштановой почве и солонце было близким и составило 33 и 31 мкг/г почвы соответственно. В полеокаштановых почвах, погребенных под курганами (~750, ~1800, ~1950, ~4000, ~4800, и ~5000 лет назад) и валом Анны Иоанновны (~300 лет назад), средневзвешенное содержание ФЛ составило 94–174 и 43 мкг/г почвы. В палеосолонце (~300 лет назад) – 60 мкг/г почвы, что больше, чем в современном аналоге.

Активная биомасса представляет собой часть микробного сообщества, клетки которой метаболически активны, либо способны переходить в активное состояние при добавлении в почву глюкозы. Оценку проводили методом субстрат-индуцированного дыхания[4]. В современной каштановой почве Приволжской возвышенности средневзвешенное значение (гор.А1, В1, В2) величины активной биомассы (С-СИД) составляет 124–220 (в разные годы) мкг С/г почвы. В погребенных палеопочвах значения этой величины резко снижаются от 44 до 0,4 мкг С/г почвы в различные исторические отрезки времени.

Полученные данные показывают, что в палеопочвах сохраняются микробные сообщества. Их суммарная биомасса составляет 20–93 % от микробной биомассы современных аналогов, в некоторых палеопочвах до 105 %. Во всех почвах присутствует определенный пул жизнеспособных микроорганизмов (оцененный по содержанию фосфолипидов), и он сопоставим с таковым современной почвы (составляет 48–142 % от уровня современного). Биомасса микроорга-

[1] Demkina T. S., Khomutova T. E., Kashirskaya N. N. and et al. Age and activation of microbial communities in soils under burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science. 2008. Vol. 41, № 13. P. 1439–1447.

[2] Хомутова Т. Э., Демкина Т. С., Демкин В. А. Оценка суммарной и активной микробной биомассы разновозрастных подкурганных палеопочв // Микробиология. 2004. Т. 73, № 2. С. 241–247; Khomutova T. E., Demkina T. S., Borisov A.V., Kashirskaya N. N., Yeltsov M. V., Demkin V. A. An assessment of changes in properties of steppe kurgan paleosoils in relation to prevailing climates over recent millennia // Quaternary Research. 2007. Vol. 67, № 3. P. 328–336.

[3] Findlay R. H. The use of phospholipids fatty acids to determine microbial community structure // Molecular Microbial Ecology Manual. 1996. Vol. 4.1.4. P. 1–17; Frostegard A., Tunlid A., Baath E. Microbial biomass measured as total lipid phosphate in soils of different organic content // Journal of Microbiological Methods. 1991. Vol. 14. P. 151–163.

[4] Anderson J.P.E., Domsch K.H. A physiological method for the quantitative measurement of microbial biomass in soils // Soil Biol. Biochem. 1978. V. 10. N 3. P. 215-221.

низмов в микробном сообществе палеопочв, способных давать отклик на внесение глюкозы, колеблется от ничтожно малых величин (0,2 %) до 20–36 % от уровня современного аналога.

В результате погребения почв микробное сообщество оказывается в нехарактерных для него условиях. При этом значительная его часть, преодолевая стрессовые условия окружающей среды (неблагоприятный гидротермический режим, прекращение поступления растительного опада и т.д.), переходит в покоящееся состояние. Остается открытым вопрос о сохранении мицелия микроскопических грибов в этих условиях и его структуре. Известно, что темноокрашенный мицелий способен обитать в экстремальных условиях. Пигменты типа меланинов определяют устойчивость грибного мицелия против лизиса, высыхания, смягчают воздействие неблагоприятных температурных условий, а также обеспечивают сохранность клеточных структур в процессе длительного углеродного голодания.

Биомасса грибных гиф в современной каштановой почве достигала 72 мкг/г почвы (средневзвешенная величина в гор. A1+B1+B2), доля темноокрашенного мицелия составляла 88 %. В погребенных почвах большая биомасса грибного мицелия установлена для почвы эпохи бронзы (~4500 л.н.), где она составила 36 мкг/г почвы. При этом доля темноокрашенного мицелия – 98 %. В палеопочве, погребенной ~2000 л.н., биомасса грибных гиф была несколько меньше (31 мкг/г почвы), в его структуре выявлены только пигментированные гифы (100 %).

Следовательно, в подкурганных палеопочвах степной зоны сохраняется грибной мицелий на уровне 43–50 % от его содержания в современных аналогах. При этом в его структуре увеличивается доля темноокрашенного мицелия до 98–100 % как более устойчивого к неблагоприятным условиям обитания.

Поскольку в почвах засушливых регионов значительная часть микробных сообществ находится в покоящемся состоянии, их разнообразие было оценено с помощью генетических методов[1]. Разнообразие микробного сообщества оценивалось в условных единицах разнообразия («риботип» микроорганизма, т.е. определенная последовательность анализируемого участка гена).

Проведено сравнение бактериального разнообразия сообществ в профиле (гор. A1, B1 и B2) подкурганных и современной светло-каштановых почв. Вследствие высокого разнообразия сообществ, анализировали число и характер риботипов (общие и специфические бактериальные риботипы). Общее число риботипов в современной почве достигало 118, в палеопочвах их число варьировало от 70 до 108. Из каждой палеопочвы до современности дошло от 36 до 68 риботипов, что составляет от 46 до 63 % разнообразия палеомикробных сообществ. В микробном сообществе современной почвы доля таких, условно говоря «древних» бактериальных риботипов, относящихся к соответствующему времени погребения, колеблется от 33 до 57 %. Можно полагать, что изменение палеоэкологических условий в прошлые эпохи вызывало определенную перестройку структуры почвенных микробных сообществ, но при этом сохранялась определенная часть исходного разнообразия, которая дополнялась новыми группами микроорганизмов[2].

Изложенные доказательства консервации в подкурганных палеопочвах микробных сообществ прошлых исторических эпох дают основания использовать различные микробиологические параметры в качестве индикаторов динамики климата, в частности, степени его увлажненности. Известно, что почвенные микроорганизмы являются неотъемлемой составной частью почвы. Практически все процессы, протекающие в ней, в той или иной степени связаны с жизнедеятельностью микроорганизмов. Поэтому характеристика микробного сообщества относится к числу важнейших диагностических показателей, отражающих условия почвообразования. Вековая динамика состояния микробных сообществ изучена на примере нескольких хронорядов подкурганных палеопочв в различных природных районах Нижнего Поволжья[3]. Показано,

[1] Tiedje J.M., Asuming-Brempong S., Nuesslein K., et al. Opening the black box of microbial diversity // Applied Soil Ecology. 1999. V. 13. P. 109-122.

[2] Демкин В. А., Гугалинская Л. А., Алексеев А. О. и др. Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы. М. : НИА «Природа», 2007,

[3] Демкин В. А., Гугалинская Л. А., Алексеев А. О. и др. Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы. М. : НИА «Природа», 2007; Демкин В. А., Демкина Т. С., Борисов А. В. и др. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение. 2004. № 3. С. 271–283; Демкина Т. С., Борисов А. В., Демкин В. А. Микробиологические исследования подкурганных палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение. 2004. № 7. С. 853–859.

что изменчивость микробных сообществ в отдельные исторические периоды была значительной, в другие – сравнительно небольшой.

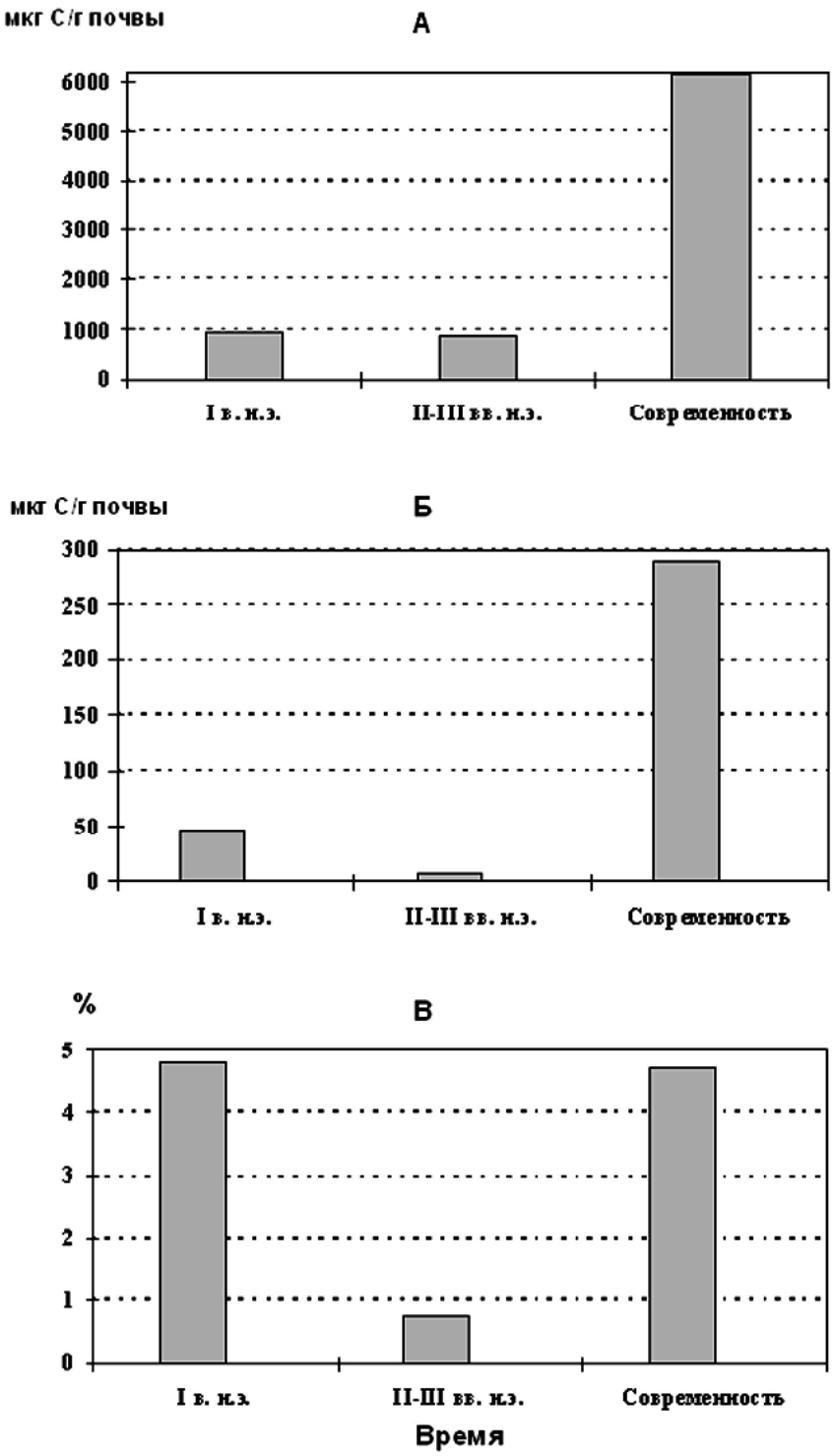


Рис. 1. Биомасса (А – суммарная, Б – активная) микроорганизмов и доля активных микроорганизмов в суммарной микробной биомассе (В) подкурганных и современной каштановых почв (гор. А1). Курганный могильник «Авиловский»

Нами установлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику микробного сообщества в степных палеопочвах в аридные и гумидные климатические

периоды[1]. К их числу относятся: (1) активная биомасса микроорганизмов (С-СИД); ее доля от (2) суммарной микробной биомассы (С-МБ) и (3) С орг почвы; (4) эколого-трофическая структура (ЭТС) микробного сообщества (ПА:НА:БС), характеризующаяся соотношением микроорганизмов (в %), растущих на почвенном агаре и использующих элементы питания из рассеянного состояния (ПА), на нитритном агаре и потребляющие гумус (НА), на богатой органической среде и разлагающие растительные остатки (БС); (5) соотношение численности микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество – растительные остатки (БС) и труднодоступное – гумус (НА): БС/НА; (6) индекс олиготрофности (ПА/БС·100), который характеризует способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния зольные элементы питания[2], то есть, чем выше его значение, тем к более бедным условиям питания приспособлены почвенные микроорганизмы и, наоборот, чем ниже, – тем к более богатым условиям, связанным с большим поступлением в почву растительных остатков. Количественные характеристики состояния микробных сообществ, такие как значительная биомасса активных микроорганизмов и их высокая доля от С-МБ и С орг почвы, преобладание в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности дают основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы. Известно, что в засушливых областях, к каковым относится и исследованная территория Нижнего Поволжья, увеличение растительной массы прежде всего обусловлено повышением атмосферных осадков в тот или иной исторический период. Усиление же аридизации климата в масштабе исторического времени, напротив, приводит к снижению пяти первых показателей и увеличению шестого.

В качестве примера рассмотрим результаты микробиологических исследований хронорядa подкурганных палеопочв, погребенных в I, II–III и III–IV вв. н.э. на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей в сухо- и пустынно-степной зонах. Так, в каштановых палеопочвах в I в. н.э. биомасса активных микроорганизмов (С-СИД) была в 7–32 раза, а доля С-СИД/С орг в 12–23 раза выше, чем во II–III вв. н.э. (табл. 1). При этом в эколого-трофической структуре микробных сообществ рассматриваемых палеопочв зафиксированы несущественные отличия, что указывает на незначительные изменения климата в сторону аридизации. Установлено, что в палеопочвах могильника «Авиловский» (Приволжская возвышенность) суммарная микробная биомасса и активная существенно ниже, чем в современном аналоге (рис. 1). При сравнении же двух палеопочв, погребенных в I и во II-III вв. н.э., выявилось следующее.

Суммарная микробная биомасса достоверно не различалась. Активная биомасса и ее доля в суммарной биомассе в этих палеопочвах существенно отличаются, что указывает на различные физиологическое состояние микроорганизмов и структуру микробных сообществ. Заметно более высокие значения этих показателей в среднесарматской палеопочве свидетельствуют о большей увлажненности климата в I в. Выявленная закономерность прослеживается и в палеопочвах курганного могильника «Перегрузное» (Северные Ергени) (рис. 2). Доля активной биомассы в микробном сообществе гор. А1 каштановой палеопочвы I в. сопоставима с таковой в современной почве и существенно превышает этот показатель в почве, погребенной во II-III вв. Выявленные различия в состоянии микробных сообществ подкурганных почв были обусловлены сменой относительно гумидных условий почвообразования более аридными, которая приходилась скорее всего на середину II в.

[1] Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Борисов А. В., Демкин В. А. Микробиологические исследования подкурганных палеопочв в долине реки Иловли // Материалы по археологии Волго-Донских степей, Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. Вып. 2. С. 87–95.

[2] Никитин Д. И., Никитина Э. С. Процессы самоочищения окружающей среды и паразиты бактерий (род Bdellovibrio). М., 1978.

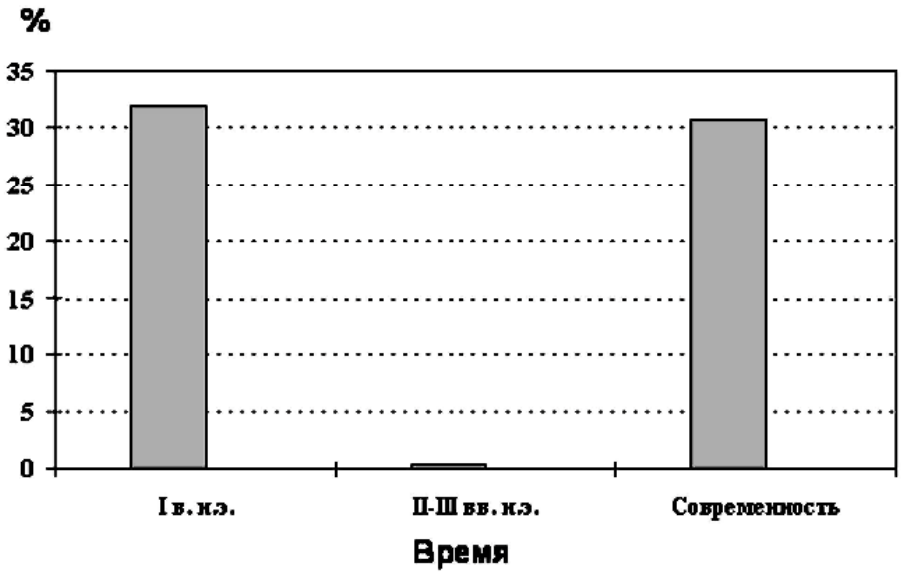


Рис. 2. Доля активных микроорганизмов (С-СИД) в суммарной микробной биомассе (С-МБ) подкурганных и современной каштановых почв (гор. А1). Курганный могильник «Перегрузное»

Таблица 1

Характеристика микробных сообществ (гор. А1) подкурганных и современных почв Нижнего Поволжья

Время	С-СИД, мкг С/г почвы	СЧ* микроорганизмов, млн КОЕ/г почвы	ЭТС, % ПА:НА:БС	БС/НА	Индекс олиготрофности	С-СИД/ С орг, %
Каштановые почвы (Приволжская возвышенность, «Авиловский»)						
I в. н.э.	45.9	68.96	56 : 4 : 40	11	143	0.6
II-III вв. н.э.	6.5	50.58	58 : 3 : 39	11	146	0.05
Современность	657.9	42.80	55 : 4 : 41	9	135	4.2
Каштановые почвы (Северные Ергени, «Перегрузное»)						
I в. н.э.	63.2	62.87	65 : 4 : 31	7	208	0.7
II-III вв. н.э.	2.0	68.40	64 : 5 : 31	6	206	0.03
Современность	497.2	61.76	59 : 2 : 39	21	155	3.2
Светло-каштановые почвы (Северные Ергени, «Абганерово»)						
II-III вв. н.э.	21.4	16.30	58 : 6 : 36	6	157	0.5
III-IV вв. н.э.	32.6	8.91	35 : 19 : 46	2	75	0.7
Современность	1310.8	159.76	42 : 14 : 44	3	95	9.0

* – СЧ – суммарная численность

В светло-каштановых палеопочвах (табл. 1) к концу III–IV вв. н.э. по сравнению со II–III вв. н.э. отмечено возрастание в 1,5 раза С-СИД и в 1,4 раза С-СИД/С орг. За это время в эколого-трофической структуре на 10 % увеличилась доля микроорганизмов, использующих растительные остатки, и на 23 % уменьшилась доля микроорганизмов, довольствующихся низкими концентрациями элементов питания из рассеянного состояния. Индекс олиготрофности, напротив, снизился в 2 раза. Известно, чем ниже его значение, тем в более богатых условиях по легкодоступному органическому субстрату обитают микроорганизмы, и наоборот, чем выше эта величина, тем к более бедным условиям приспособлены микробные сообщества. Следовательно, в конце III – начале IV вв. н.э. произошла заметная гумидизация климата. Таким образом, в хроноинтервале I–IV вв. н.э. закономерности развития почвенных микробных сообществ были обусловлены

динамикой атмосферных осадков, сменой сравнительно влажных условий (I – первая половина II вв.) засушливыми (вторая половина II – первая половина III вв.), а затем вновь влажными (конец III – IV вв.). Изменение количества атмосферных осадков в рассматриваемые хроноинтервалы, реконструированное по результатам исследований морфологических и химических свойств подкурганных палеопочв сарматского времени[1], составляло 30–50 мм/год.

Необходимо отметить, что особенности изменчивости микробиологических параметров в исследованных палеопочвах оказались синхронными и однонаправленными, хотя они были приурочены к различным почвенно-географическим зонам (сухо- и пустынно-степная), природным районам (Приволжская, Ергенинская возвышенности), элементам рельефа (водоразделы, речные террасы). Крайне важной представляется согласованность палеоэкологических выводов, полученных на основе микробиологических данных, с природными реконструкциями, проведенными путем традиционного морфолого-химического анализа палеопочв. Более того, микробиологические данные заметно детализировали и уточнили эти реконструкции. Причем по сравнению с параметрами солевого, гумусового, карбонатного профилей палеопочв микробиологические показатели оказались заметно более чувствительными к изменениям атмосферной увлажненности.

А.П. Захариков
(НАО, г. Саратов)

ПОСЕЛЕНИЕ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ «СУХОЙ ЛОГ 1» В ОБЛИВСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2007 г. отрядом НПО «Наследие Дона» под руководством В.Г. Бездудного и автора проводились спасательные раскопки поселения «Сухой Лог 1». Памятник расположен на землях Обливского района Ростовской области в 4,1 км к юго-юго-западу от х. Александровский и в 2,8 км к северо-северо-востоку от восточной окраины х. Леонов, на правобережье р. Чир. Поселение приурочено к мысовидной площадке между отрогами балки Сухой Лог, давшей название поселению. Дневная поверхность задернована. Мощность культурных напластований 140–160 см.

Генерализованная стратиграфическая колонка выглядит следующим образом:

1. Дерновый слой – темно-серая коричневатая гумусированная супесь – мощность 10–20 см;

2. Темно-серая супесь, в верхней своей части слой прогумусирован почти до черноты, к низу заметно осветляется. Контакт с вышележащим дерном довольно четкий, в верхней части имеются лишь редкие неглубокие клинья затечного гумуса – мощность значительно варьирует от 30 см до 100 см; слой наибольшую мощность имел в западной и центральной части раскопа, к краям мыса надпойменной террасы, напротив, имел тенденцию к выклиниванию.

3. Темно-серая слабогумусированная супесь. Контакт с вышележащим слоем плавный – мощность 35–85 см;

4. Материк – желтовато-серая (палевая) легкая плотная супесь. Кровля материка в центральной части раскопа имеет ярко выраженное понижение, с уклоном в восточном направлении (по направлению водотока балки), и, очевидно, связано с особенностями геологической истории балки.

Во всех слоях отмечена развитая норная сеть, не нарушающая общей стратиграфической картины.

Произведенные наблюдения демонстрируют относительную простоту стратиграфической картины раскопа. Для нее в целом характерна слабая расчлененность вмещающих отложений и, вследствие этого, стратиграфическая невыраженность культурного слоя (слоев). Находки культурных остатков связаны, прежде всего, со слоем темно-серой слабогумусированной супеси (слой 3) и нижней частью темно-серой супеси (слой 2), имеющими довольно плавный контакт друг с другом. В других горизонтах находок значительно меньше. Невысокая насыщенность культурного слоя, отсутствие жилых и хозяйственных сооружений свидетельствуют,

[1] Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О. и др. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I-IV вв. н.э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009.

по-видимому, о непродолжительном времени и не интенсивном характере функционирования поселения.

Послойная характеристика культурных остатков. Слой 1 – дерновый слой

Всего обнаружено 15 фрагментов глиняных сосудов; из них – 14 фрагментов лепных сосудов (13 стенок и 1 донце) и 1 фрагмент ручки амфоры (VIII–X вв.)

Подавляющее большинство форм сосудов – это непрофилированные сосуды баночной формы. Некоторые фрагменты керамики небольшого размера отнесены к непрофилированной посуде условно, т. к. форму сосуда по ним установить невозможно.

Амфорная ручка округло-овальная в сечении, и на поверхности, и внутри имеет кирпично-красный цвет; в тесте наблюдаются вкрапления крупного песка.

Слой 2 – темно-серая супесь

Лепная керамика представлена в основном фрагментами глиняных сосудов, двухцветных в изломе (1-я группа): с внутренней стороны цвет черепка темно-серый до черного, снаружи поверхность светлая – от светло-серого и песочного до красно-кирпичного. Примеси в тесте или отсутствуют полностью, или представлены мелкими включениями дресвы. Характерной особенностью подавляющего числа фрагментов является присутствие в тесте мельчайших блесток (слюда, тальк?). Чаще всего и внутренняя, и наружняя поверхности грубо заглажены; единичные фрагменты имеют расчесы на одной или обеих поверхностях.

Несколькими предметами представлена другая группа лепной керамики (2-я группа), выделяющаяся по сплошному цвету черепка в изломе и примесям в тесте: 2 венчика и 6 стенок желто-песочного и 3 стенки красно-кирпичного цвета с вкраплениями шамота и иногда дресвы в тесте.

Всего обнаружено 252 фрагмента лепных глиняных сосудов; из них – 34 венчика (14 с орнаментом); 7 донцев и 3 орнаментированные стенки (Рис. 1).

Преобладают обломки непрофилированных (баночных) сосудов – 70 %. Слабопрофилированные и округлобокие – 15 %, биконические – 15 %.

Из 7-ми обнаруженных донцев 5 фрагментов имеют выраженную закраину при переходе нижней части тулова к дну.

Сосуды украшены орнаментом почти исключительно в верхней трети (из 17-ми орнаментированных фрагментов 14 – венцы). Орнаментация довольно разнообразна: параллельные наклонные прочерченные линии; глубокие треугольные вдавления; ногтевые вдавления; наклонные оттиски широкой лопаточки; оттиски «веревочки»; косые оттиски штампа по срезу венчика. Обращает на себя внимание орнамент в виде меандра, в верхней части сосуда под венчиком, выполненный штампом в стиле шнурового оттиска. Два фрагмента украшены горизонтальными налепными валиками с ногтевыми вдавлениями.

Слой 3 – темно-серая слабогумусированная супесь

Всего обнаружено 362 фрагмента лепных глиняных сосудов; из них – 66 венчиков (21 с орнаментом), 22 донца и 6 орнаментированных стенок. Преобладают обломки непрофилированных (баночных) сосудов – 70 %. Слабопрофилированные и округлобокие – 25 %, биконические – 5 %.

Подавляющее большинство обломков посуды, как и в слое 2, слабообожженная керамика 1-й группы, с блестками в тесте.

4-мя предметами (3 венца и 1 стенка) представлена 2-я группа лепной керамики.

В орнаментации сосудов представлены:

- глубокие наклонные вдавления лопаточки и штампа, в том числе треугольного,
- ногтевые вдавления,
- оттиски «веревочки»,
- налепные валики с ногтевыми вдавлениями.

Орнаментальные мотивы:

- расположенный под венчиком широкий орнаментальный фриз, ограниченный сверху и снизу горизонтальными оттиснутыми «веревочкой» линиями. Фриз заполнен косыми, оттиснутыми «веревочкой» треугольниками,
- однорядная горизонтальная «елочка» под коротким слегка отогнутым венчиком,
- сложный мотив из горизонтальных, вертикальных и наклонных линий, выполненных «веревочкой», заполненных «веревочкой» треугольников и коротких, часто поставленных оттисков «веревочного» штампа,
- наклонные оттиски крупнозубчатого штампа по срезу венчика.

Рис. 1. Поселение «Сухой Лог-1», фрагменты глиняных сосудов
(1-8, 12,13, 17 – слой 2, 9-11, 14-16, 18-24 – слой 3).

Кроме того, в слое 3 обнаружено 8 каменных предметов:

2 кремневых отщепа (кремень серый, пятнистый, местами буроватый), грубо оббитая кремневая нуклевидная форма, нуклеус из зеленовато-серого мелкозернистого кварцита грубый двуплощадочный встречного скалывания (негативы снятий короткие, широкие, неправильных очертаний с заломами, ударные площадки гладкие, тыльная сторона имеет грубую обивку), 2 массивных кварцитовых отщепа (кварцит темно-серый мелкозернистый), обломок кварцита, абразивный камень (песчаник).

Таким образом, культурный слой свидетельствует о вероятно непродолжительном и неинтенсивном функционировании поселения.

Расположение памятника на мысу первой надпойменной террасы балки Сухой Лог, на значительном удалении от р. Чир может служить аргументом в пользу сезонного характера поселения – в период конец весны – начало лета, когда балка была водоточной. Полученные в процессе раскопок материалы относятся к эпохе бронзы. Исключение составляют единичные находки гончарной и амфорной керамики и отходов производства железа в верхних пластах раскопа, относящиеся, по-видимому, к раннему средневековью. Материалы поселения содержат как бабинские (КМК) формы керамики, так и керамику раннесрубного облика, что позволяет рассматривать памятник как комплекс финала средней бронзы, включающий и традиционную посуду, и инновационные элементы, более характерные для этапа сложения срубной культуры.

Керамический комплекс поселения Сухой Лог 1, несомненно, может быть привлечен в качестве источниковой базы для решения вопросов формирования срубной культуры в Волго-Донском междуречье.

Н.М. Малов
(СГУ, г. Саратов),
О.В. Сергеева
(ЭКМ, г. Энгельс)

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

История изучения и историография вопроса о поселениях среднего бронзового века в Нижнем Поволжье восходят к Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Более 100 лет тому назад археологи СУАК впервые открыли и начали исследовать на обширной территории Саратовской губернии бытовые памятники этого периода.

В последние два десятилетия источниковедческая база по поселениям средней бронзы существенно возросла, как и интерес исследователей к их осмыслению. Однако бытовые памятники данного обширного региона до сих пор не стали предметом монографических или диссертационных исследований. В результате тщательного изучения музейных коллекций, отчетов и публикаций впервые собран и систематизирован максимально доступный источниковедческий материал.

Всего в Нижнем Поволжье (Волго-Уральское и Волго-Донское междуречья) нами учтено 106 (37 в Заволжье и 69 в Правобережье) бытовых памятников среднего бронзового века. Они неоднородны в культурном и хронологическом отношении, содержат полтавкинские, вольские и катакомбные (волго-донская, среднедонская, донецкая, манычская) керамические материалы. Многие памятники многослойные, поскольку заселялись в неолите-бронзе. Поэтому, часть селищ средней бронзы перекрыта материалами позднебронзового века. Также учтены поселения, в культурных слоях которых встречены отдельные или единичные фрагменты керамики средней бронзы. Поселения с материалами средней бронзы преимущественно занимают край высокой речной террасы и старицы (78,3 %). Из них мысовое положение имеют 26,5 %, на песчаных дюнах 20,4 %. Одно поселение Новопривольное IV находится на краю второй надпойменной террасы.

Нижнее Поволжье расположено в трех географических зонах: лесостепной, степной и полупустынной. Пограничье между степью лесостепью проводится по границе сплошного распространения обыкновенных черноземов. Северная граница полупустыни проходит в среднем течении Узеней, по Торгуну, спускается вдоль Волги до широты Волгограда и далее на юго-восток.

Основная масса бытовых памятников концентрируется в обширной степной зоне Нижнего Поволжья – 71,6 %, хорошо освоенной племенами среднего бронзового века для ведения скотоводческого хозяйства и оседлого проживания. Все поселения (16,9 %) достаточно плотно заселенной лесостепной зоны располагаются в северо-западном правобережье Волги. При этом именно здесь исследованы долговременные бытовые памятники с самыми мощными культурными слоями и остатками построек, содержащими керамику эпохи средней бронзы. В зоне полупустыни Северного Прикаспия выявлены небольшие по размерам и кратковременные стоянки, приуроченные к барханным грядам вдоль высохших озер – соров. Здесь из сборов происходят фрагменты от двух, трех, максимум – десяти сосудов или отдельные находки катакомбной – полтавкинской керамики (11,3 %).

Бытовые памятники разделены на три типа: городища, поселения и стоянки, местонахождения и отдельные находки (Таблица 1). Городища (Алексеевское, Утес Степана Разина, Хлопковское, Терновское) многослойные (8,5 %), имеющие, в том числе и слой средней бронзы, вытянуты цепочкой вдоль правого берега Волги. Они занимают удобные мысовые участки, являющиеся хорошими естественными укреплениями. Одно городище расположено на р. Хопер – Никольевка. К поселениям и стоянкам отнесены памятники, имеющие культурный слой и позволяющие говорить об оседлости оставившего их населения. Они могут быть как относительно однослойные (Еланский ручей, Сосновка – I, Старицкое и др.), так и многослойные (Кумыска, Мартышкино и др.).

Наиболее распространенным видом памятников являются местонахождения, где в результате разведок или раскопок встречено небольшое количество фрагментов керамики катакомбной эпохи. Однако они являются «условным типом», т.к. при раскопках на них может выявиться культурный слой.

Таблица 1

Тип памятника	лесостепь, %	степь, %			полупустыня, %	Всего, (%)
		правый берег	левый берег	всего		
Городища	11,1	17,6	-	11,8	-	11 (8,5 %)
поселения, стоянки	27,7	25,4	28	26,3	41,6	30 (28,3 %)
местонахождения, отдельные находки	61,1	56,8	72	61,8	58,3	65 (63,2 %)
Всего, (%)	18 (16,9 %)	51	25	76 (71,6 %)	12 (11,3 %)	106 (100 %)

Картирование типов по географическим зонам показало, что, несмотря на различное количество, их процентное соотношение примерно одинаково для всех природных зон. Вместе с тем, значительный процент поселений средней бронзы в северной полупустыне (41,6 %) отмечен на р. Торгун, приуроченной к южному пограничью степи. Вероятно природная обстановка здесь в это время были благоприятной. Примерно равное процентное соотношение типов внутри отдельных географических зон. Несколько различные проценты для правого и левого берегов Волги в рамках степной зоны получены из-за отсутствия в Заволжье древних городищ в целом.

Бытовые памятники картированы согласно культурной принадлежности и хронологической позиции встреченной на них керамики: вольская, полтавкинская и катакомбных культур. При этом необходимо учитывать фрагментарный характер керамики и отсутствие других категорий датирующего инвентаря, что затрудняло атрибуцию материала и придало определенную предварительность полученным выводам. Особенно это касается начального периода средней бронзы, когда были сильны интеграционные и надкультурные связи. Нами использована пятиэтапная схема периодизации А.В. Кияшко, согласно которой к начальному периоду средней бронзы отнесены памятники с керамикой полтавкинской культуры, датируемые раннекатакомбным и раннедонецким периодом, а также памятники с ранней катакомбной керамикой. Кроме того, для начального периода учтены поселения с керамикой вольского культурного типа.

Первые два вида поселений начального периода рассматриваются совместно ввиду их малочисленности и сложности отчленения раннедонецких и полтавкинских форм керамики

(Кияшко, 2002). Они составляют 23,5 % от общего числа поселений. Как правило, сосуды здесь с уступчиком, иногда подчеркнутым волнистым валиком, несколько утолщенный и скошенный внутрь срез венчика, орнаментированы зубчатым штампом, шагающей гребенкой, оттисками веревки и ногтевыми защипами.

Керамика начального периода встречена небольшим количеством фрагментов на многослойных поселениях. (Старая Яблонка, Хлопковское городище, Сосновка I и др.). В Правобережье ранние поселения расположены в основном по берегу Волги и ее притоку Терешке. Здесь на раскапываемых долговременных поселениях найдены фрагменты нескольких хронологических периодов и культур. В Заволжье они заходят далеко в степь, располагаясь в степной и полупустынной зонах. Процентное соотношение согласно двух берегов примерно одинаково (52 % – ПБ; 48 % – ЛБ).

К начальному периоду нами также отнесены памятники с керамикой вольского типа. Всего их семь (6,6 % от общего числа; 22,5 % от числа ранних), из которых пять находится на правом берегу Волги. В том числе Вольское городище – единственный памятник с чистым культурным слоем и два в Заволжье. Они располагаются непосредственно на Волге, кроме поселения Осиновский овраг (р. Б. Караман).

Основное число поселений содержит материалы волго-донской катакомбной культуры, которая к концу эпохи средней бронзы на территории волго-донского междуречья была в основном ассимилирована пришлыми племенами среднедонской и манычской катакомбных культур. В то же время считается, что она сохранилась практически в неизменном виде на территории степного Заволжья, где материалы этих культур отсутствуют в погребениях (Кияшко, 2006).

Среднедонскую катакомбную керамику маркируют, прежде всего, валиковые и многоваликовые фрагменты. Их картирование показало, что они встречаются как в Правобережье, так и в Заволжье. Всего выявлено 42 таких памятника, что составило 39,6 % от общего числа (из них 78,5 % – ПБ; 21,4 % – ЛБ). Они рассредоточены по всей степной зоне Нижнего Поволжья, с наибольшей плотностью на побережье Волги и близ ее поймы. В Прикаспии подобной керамики нет, поскольку среднедонские катакомбные племена сюда не проникали.

Присутствие «манычских катакомбников» по поселенческим материалам проявляется менее всего и только в южных регионах, от пограничья степи – полупустыни и до пустыни включительно. Например, фрагменты манычских реповидных сосудов найдены на пяти поселениях (4,7 % от общего числа), из которых четыре расположены на правом берегу Волги и одна случайная находка в районе станции Досанг в Прикаспии.

Культурные слой раскапывавшихся поселений содержат массовый остеологический материал, что свидетельствует о сугубо скотоводческом хозяйстве племен эпохи средней бронзы. Изучение костного комплекса домашних копытных селища катакомбной культуры Сосновка I показывает, что тогда животноводство в Нижнем Поволжье базировалось на содержании крупного и мелкого рогатого скота (П.А. Косинцев, Н.М. Малов).

Д.В. Марыксин, А.П. Крыгин
(ЗКО ЦИА, г. Уральск)

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

В 2008 г. экспедиция Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии вела раскопки на территории Теректинского района в 8 км от пос. Подстепное, на памятнике «Кресты». Он расположен на левом берегу р. Урал, в пойме реки Барбастау, впадающей в 1-ю в 5 км южнее пос. Подстепное, в пойме 2-х названных рек. Среди местного населения он известен как «Кресты» и является излюбленным местом рыбалки. Он представляет собой возвышенность высотой до 4 м над уровнем поймы и до 5 м над уровнем протоки р. Барбастау. При съемке плана могильника в 1987 г. было обнаружено 22 кургана и две западины, но, несомненно, количество памятников не исчерпывается этим числом, т.к. при земляных работах на воз-

вышенности уже в гумусном слое обнаруживались обломки керамики, кости животных и другие археологические находки[1].

Археологические исследования на данном объекте были проведены в конце 1980-х – начале 1990-х гг. экспедицией Уральского педагогического института под руководством Г.А. Кушаева, которые показали, что комплекс содержит все этапы бронзового века – древнеямной, катакомбной и срубной культур[2]. Он является уникальным для Западного Казахстана.

В 2008 году были проведены раскопки одной из западин, располагающихся по восточному склону возвышенности. Линза западины была разделена на 8 квадратов со сторонами 2х2 м (рис. 1, 1). Нумерация раскопочных квадратов – с юга на север – А, В, с запада на восток – IV–I.

В раскопе обнаружено большое количество фрагментов керамики, которая относится к разным этапам бронзового века.

Стратиграфия: *Дерн,* темно-серый гумус, мощностью 25–30 см. Буровато-коричневый суглинок, плотный и очень вязкий, мощностью 30–40 см. *Материк*, тяжелая, очень вязкая и плотная глина буровато-желтого цвета.

В раскопе обнаружен следующий археозоологический материал[3]:

Квадрат А II. Глубина 20–40 см: небольшой фрагмент трубчатой кости (видовая принадлежность не выявлена), коренной зуб лошади; небольшой фрагмент правой раковины палеогенового двустворчатого моллюска.

Квадрат А III. Глубина 40–60 см: 5 мелких фрагментов трубчатых костей, один мелкий фрагмент левой ветви нижней челюсти. Видовая принадлежность не определена, но судя по толщине костей они принадлежат крупным животным – корове или лошади.

Квадрат В I. Глубина 0–20 см: небольшой фрагмент нижней части лучевой кости овцы без эпифиза. Судя по характеру разрушения нижнего конца кости из нее, вероятно, добывался мозг.

Квадрат В II. Глубина 20–40 см: найдены два обломка коренного зуба верхней челюсти лошади. Судя по характеру свежего цвета совпадающих поверхностей обломков, они образовались при раскапывании. Также обнаружены два обломка тазовой кости, шесть обломков трубчатых костей, две фаланги I, две фаланги II и одна сезамовидная кость коровы минимально от одной особи.

Квадрат В III. Глубина 40–60 см: два мелких фрагмента ребер, 9 мелких фрагментов трубчатых костей минимально от двух особей овцы. Также найдена центральная кость заплюсны коровы. Обнаружены 3 правые узкие раковины моллюсков (минимально от трех особе) и 3 правые широкие раковины моллюсков палеогенового возраста.

Квадрат В IV. Глубина 60–80 см: обнаружены два фрагмента лопатки овцы, фрагмент верхней части берцовой кости овцы, четыре фрагмента трубчатых костей овцы. Найден один фрагмент левой широкой раковины палеогенового двустворчатого моллюска.

Обнаруженные двустворчатые моллюски палеогенового времени относятся к коренным горным породам, так как в историческое время они на территории области не обитали. В памятниках археологии они оказались в процессе раскопок почво-грунтов.

В квадрате В III на глубине 196 м обнаружено погребение (верхняя часть погребенного) (рис. 2). С целью открытия погребенного полностью раскоп был увеличен на два квадрата на запад (рис. 1, 2). Погребение по всей видимости являлось грунтовым, так как курганная насыпь отсутствовала. Границы могильной ямы из-за особенностей аллювиального грунта выявить не удалось. Погребенный располагался скорченно на левом боку в позе адорации. У погребенного были перебиты лучевые кости ног. У головы погребенного находился сосуд горшковидной формы с уплощенным венчиком, короткой, слегка отогнутой наружу шейкой, высоким прямым плечом, ребром при переходе к усеченно-коническому тулову. Высота сосуда – 14 см, диаметр устья – 14 см, диаметр плеча -15 см, толщина стенок венчика – 0,8 см. Черепок слоится в изломе, имеет черный цвет. С внешней стороны на сосуд нанесено покрытие серого цвета. Орнамент нанесен зубчатым штампом по плечу сосуда в виде наклонных линий пересекающихся

[1] Кушаев Г. А. Отчет об археологических исследованиях. Уральск, 1987 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. МОН РК. № 2164. С. 6.

[2] Кушаев Г. А. Научный отчет 1991 г. о результатах раскопок памятников могильника «Кресты» (могильник и поселение) // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. МОН РК. С. 10.

[3] Определения произведены археозоологом А. А. Джубановым.

под прямым углом, тем самым линии образуют геометрические фигуры в виде ромбов. Дно сосуда повреждено (рис. 3, 2).

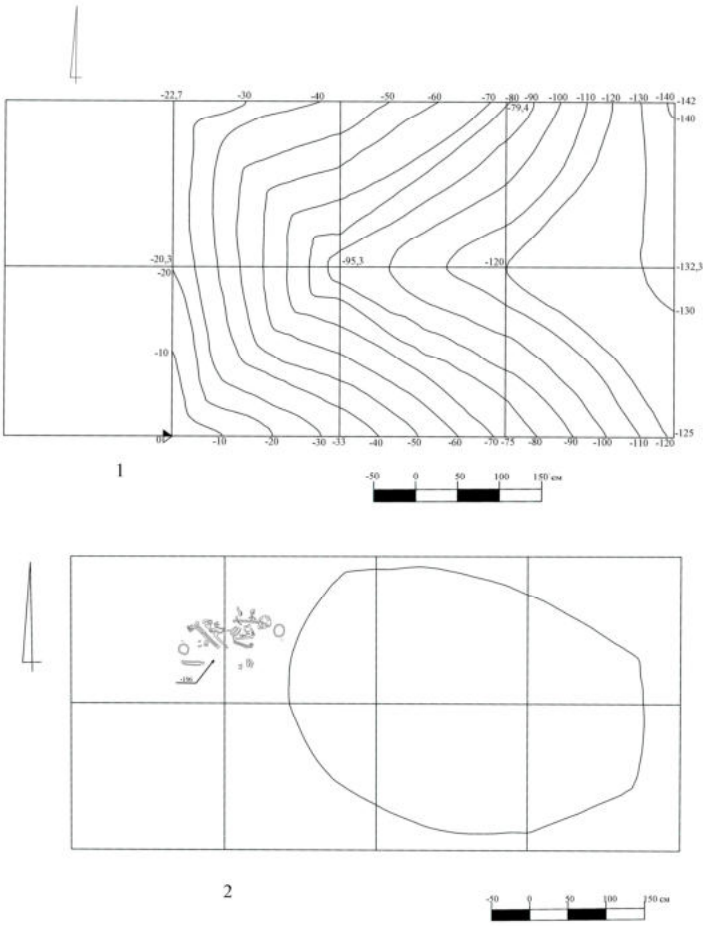


Рис. 1. Комплекс Кресты. 1 – топографический план раскопа 2008 г. 2 – план раскопа 2008 г.

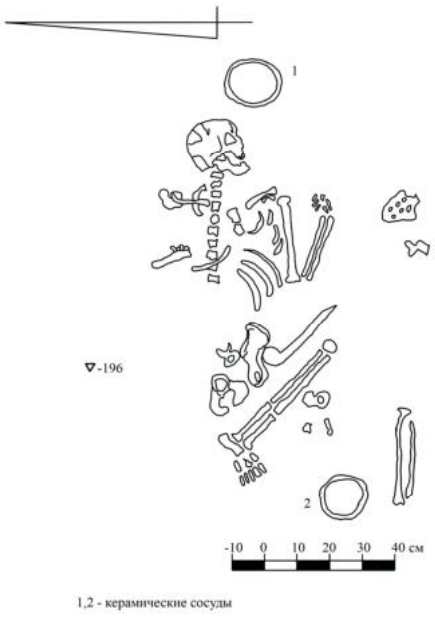


Рис. 2. План погребения

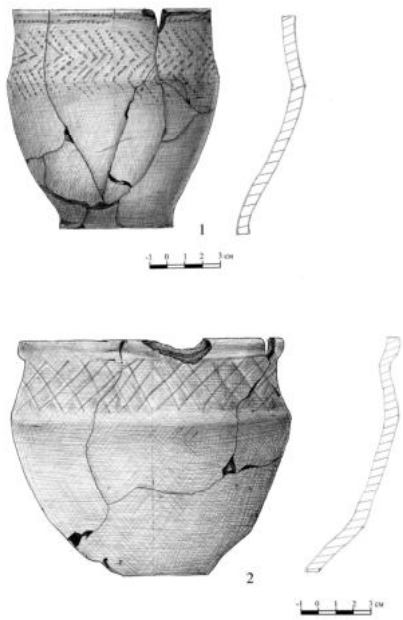


Рис. 3. Сосуды из погребения

Второй сосуд располагался в ногах погребенного. Сосуд горшковидной формы, венчик уплощен, плечо высокое, ниже ребра стенки сосуда плавно сужаются ко дну, образуя усеченно-коническое тулово дно плоское, сосуд ассиметричен. Высота – 12 см, диаметр устья – 10,5 см, диаметр плеча – 11,5 см, диаметр дна – 5,5 см, толщина стенок венчика – 0,8 см. Орнамент нанесен гребенчатым штампом, по венчику в виде одинарной горизонтальной линии по всей окружности сосуда, по плечику и ребру, орнамент нанесен в виде наклонных линий, местами линии пересекаются, образуя орнамент, напоминающий горизонтальную елочку. Черепок плотный в изломе черный, слоится (рис. 3, 1). Обнаруженное погребение относится к срубной культуре позднего бронзового века. Об этом свидетельствует и обряд, и керамика. Поза адорации на левом боку с восточной ориентировкой характерна для этой культуры. Если исходить из классификации срубных древностей, предложенной недавно В. В. Отрощенко, то речь идет о березовско-маевской срубной культуре, для которой характерна именно ориентировка в восточном секторе, в отличие от покровско-мосоловской срубной культуры, где господствует северная ориентировка костяков[1]. Сосуды ассиметричные, один из них остроребериый, второй имеет плавный профиль, что укладывается в стандарты срубного гончарства с точки зрения морфологии. Орнамент выглядит достаточно архаично, поскольку присутствует елка, а также сетка, восходящая к перкетному орнаменту. Прослеживается наследие позднекатакомбной системы орнаментации Волго-Донской культуры по А. В. Кияшко[2].

Таким образом, обнаруженное в 2008 г. погребение в комплексе Кресты относится к ранним этапам срубной культуре и датируется XVII–XV вв. до н.э. Сама западина устроена в более позднее время о чем говорит обнаруженная на дне западины цепочка. Уникальность данного памятника как показали раскопки последних 20 лет проявляется в том, что он является пока единственным, отражающим материальную и духовную культуру племен бронзового века степного Приуралья, начиная со 2-й половины III тысячелетия и заканчивая началом I-го тысячелетия до н.э.

Н.В. Панасюк
(ИА РАН, г. Москва)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ НАБОРЫ ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ. РОЛЬ КУРИЛЬНИЦ В ОБРЯДЕ

Общепризнанно, что территория степного Предкавказья в эпоху средней бронзы являлась зоной преимущественного распространения восточноманычской и западноманычской катакомбных культур[3]. Памятники именно этих культур, где в захоронениях обнаружено наибольшее количество курильниц, находятся в центре внимания при исследовании роли ритуальных чаш в погребальной практике.

Для погребений восточноманычской катакомбной культуры характерны как основные, так и впускные погребения, причем впускные погребения зачастую сопровождаются досыпками. Основная форма могильного сооружения – катакомба с различной конфигурацией сопряжения с входной шахтой (чаще всего параллельная, так называемая Н-катакомба); довольно много обычных, прямоугольных или квадратных, и приталенных ям, по форме напоминающих повозку или днище курильницы. Для ВМКК известны как индивидуальные, так и коллективные погребения (чаще всего взрослых и детей), кенотафы, а также могилы с вторичными погребениями и расчлененными костяками, так называемые «пакеты». Стандартное положение тела – на левом боку, по длинной оси камеры, лицом к выходу из катакомбы, со средней степенью

[1] Отрощенко В. В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003. С. 73–75.

[2] Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. Автор выражает признательность кандидату исторических наук В. В. Ткачеву за консультацию по данному вопросу.

[3] Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002; Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. М, 2007; Андреева М .В. Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников) : дис. … канд. ист. наук. М, 2008.

скорченности ног в тазобедренном суставе и сильно притянутыми к тазу костями голени. Стандартное положение рук – вытянутых или согнутых в локтях – кистями в области бедер – коленей. Изредка встречается положение вытянутой левой руки параллельно телу, а согнутой правой на локте левой или на тазе. С поздними этапами развития культуры связывается появление переходных к адоративной позиции форм: одна рука протянута к тазу, другая согнута в локте, кисть перед лицом или одна рука согнута под острым углом, кисть перед лицом, вторая согнута под прямым углом, кисть находится у локтя первой руки. Преобладающая ориентировка погребенных – в южный и восточный сектор кургана, на позднем этапе постепенно сменяется на северную и северо-восточную. Специфичной чертой ВМКК является обычай искусственной деформации головы.

Практически во всех погребениях ВМКК встречаются подстилки из коричневатого или черного волокнистого вещества и иногда – из камыша и золы. Дно катакомб часто посыпали охрой, мелом или известью. В составе погребального инвентаря – плоскодонные глиняные сосуды с выпуклыми боками и прямой шейкой, богато и пышно орнаментированные; реповидные сосуды; жаровни или курильницы, заполненные углями и краской; бронзовые листовидные ножи, шилья, бронзовые височные кольца, костяные кольца и пронизки, кремневые треугольные наконечники стрел с выемкой в основании, каменные полированные топоры-молоты и т.п.

Курильницы составляют существенную группу в погребальном инвентаре[1]. Следует отметить, что в тех погребениях, где они не обнаружены, зачастую встречаются жаровни, т.е. фрагменты стенок или донца сосуда, содержащих угольки и золу. В базе данных зафиксировано только три случая одновременного помещения в погребение курильницы и жаровни[2]. Общепринято, что жаровни выполняли ту же функцию, что и курильницы, появляющиеся на более позднем этапе.

Исследование роли курильницы в погребальном обряде следует проводить комплексно, в рамках анализа всего погребального инвентаря, помещавшегося в могилу или жертвенник, расположения чаши относительно погребенного и других артефактов. Ритуальные чаши входят в состав погребальных комплексов, которые могут быть образованы одним захоронением, группой могил и жертвенников в одном кургане и даже несколькими такими группами в рамках целого могильника.

Своеобразной особенностью погребальной практики восточноманычской катакомбной культуры является обычай устраивать в курганах жертвенники и кенотафы. Можно предполагать, что для устройства поминальных жертвенников был выработан специальный ритуал, в котором курильница играет центральную роль. Бывают случаи, когда одно погребение сопровождается несколькими жертвенниками[3]. Эти комплексы можно подразделить на две группы по составу инвентаря. В первую группу включены жертвенники, представляющие собой яму, обычно овальной или подпрямоугольной формы, куда помещалась курильница и кости животных, чаще всего крупного рогатого скота, – это захоронения черепов и отрубленных конечностей, т.е. шкур животных. В том случае, когда таких жертвенников, связанных с одним погребением, несколько – один жертвенник обязательно содержит курильницу, а остальные могут включать только шкуры или даже только черепа быков. Другая группа близка по обрядовым характеристикам и составу инвентаря к кенотафам, что зачастую затрудняет ее идентификацию. В данном случае речь идет о ямах, куда помещалась курильница в сопровождении сосудов, украшений, каменных пестов и т.п. К жертвенным комплексам, вероятно, следует относить и находки курильниц или (что чаще) их обломков или фрагментированных частей (80 % случаев) в насыпи кургана. Обращает на себя внимание тот факт, что для курильниц в жертвенниках, в отличие от чаш, помещенных непосредственно в могильные ямы, характерна намеренная порча. Так, например, из 21 жертвенного комплекса первой группы в 12 были помещены половинки курильниц или их фрагменты, либо курильницы были намеренно разбиты уже в яме. Следует заметить, что в Калмыкии и ранее неоднократно отмечались случаи, когда в жертвенниках были помещены лишь половинки или только фрагменты курильниц, причем они состав-

[1] Андреева М. В. Восточноманычская… С. 409.
[2] Веселая Роща 3 10/4; Зунда-Толга 1/1; Расшеватский 1 21/2.
[3] Кермен-Толга 1/2 – 4 жертвенника, 2 из них с курильницами; Ергени 6/2 – 2 жертвенника; Манджикины-1 14/1 – 2 жертвенника.

ляли весь инвентарь жертвенного места[1]. Традиция преднамеренной порчи курильниц более ярко выражена на поздней стадии развития культуры: если ранние типы представлены в равной степени целыми и разбитыми экземплярами, то поздние чаши чаще обнаруживаются во фрагментированном состоянии, при этом был поврежден и другой инвентарь.

На основании обработанного материала нельзя увидеть различий в морфологических и орнаментальных характеристиках чаш из жертвенников и погребений. Они сходны между собой, однако практически никогда погребения, сопровождаемые жертвенником с курильницей, не содержат курильницы в самой могиле. Пожалуй, единственный известный нам случай обратной ситуации зафиксирован в кургане 3 могильника Чилгир, где жертвенник с курильницей сопровождает могилу с типологически близкой ей ритуальной чашей. Однако, в данном случае жертвенник был сооружен непосредственно над погребением и был обнаружен в заполнении могильной ямы, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что вторая курильница не находилась там же, а после разрушения перекрытия не опустилась на дно могилы. Подобные случаи встречались неоднократно.

Курильницы в погребальном комплексе находятся как изолированно, так и в сочетании с другими предметами. Они могут располагаться на ножках, либо перевернутыми, либо на боку. Хотя, скорее всего, положение курильниц на боку следует интерпретировать не как изначальное, а в качестве результата осыпания перекрытий и деятельности грызунов. В отдельных случаях курильница выступает в роли своеобразной крышки на другом сосуде (например, Шарахалсун 8/4). В большинстве же случаев чаши стоят на ножках. Характерно, что тогда, когда курильницы перевернуты вверх дном, они по большей части располагаются в районе черепа погребенного.

Локализация курильниц в могиле в той или иной степени связывается с костяком, существуют определенные тенденции связи и с иным погребальным инвентарем[2]. Чаще всего ритуальная чаша входит в инвентарь, сопровождающий непосредственно погребенного. Значительный процент составляют случаи, когда курильницы являются единственными предметами в погребениях. При этом ритуальные чаши были обнаружены рядом с костяками. Однако существуют ситуации, когда курильница располагалась не в камере, а во входной яме. Подобный вариант обряда зафиксирован только в пяти случаях, причем все они отличаются друг от друга. Отмечено два случая помещения курильницы вместе с костями животных (шкура) на перекрытии входной ямы могилы, в одном случае подобный жертвенник был сооружен на возвышении на дне входной ямы. В четвертом случае курильница помещалась во входной яме непосредственно у входа в камеру, а в последнем варианте само захоронение вместе с погребальным инвентарем было совершено во входной яме, а камера оставалась пустой.

В камерах курильницы также дают большое разнообразие расположения относительно погребенного. Здесь выделяется ряд наиболее характерных зон размещения – в районе черепа, у таза, у колен или ниже ступней[3]. Причем степень использования этих зон изменяется от раннего к позднему этапу развития ВМКК. Самые распространенные зоны – это район черепа и район ступней погребенного. Здесь частота встречаемости курильниц практически одинакова. Причем в курильницы чаще обнаружены в районе черепа в мужских погребениях, а в районе нижних конечностей – в женских. Что касается промежуточных зон (район груди, спины, таза, коленей), здесь картина иная. При отдельном анализе ранних и поздних типов чаш становится очевидно, что на раннем этапе довольно часто использовалась зона груди и спины, что совсем нехарактерно для позднего периода. В отношении зоны таза наблюдается обратная ситуация: на позднем этапе это распространенная традиция – помещать курильницу за тазом, а в ранних могилах чаши встречены в этой зоне в единичных случаях и в перевернутом виде. Третья по частоте встречаемости зона помещения курильницы относительно костяка – это район коленей. Здесь примерно равноценно представлены и ранние, и поздние типы чаш, однако, существует интересная закономерность. Ранние типы чаще встречаются либо непосредственно перед коленной чашечкой, либо ниже ее, около костей голени. Поздние же типы, наоборот, больше тя-

[1] Например: Архаринский, к. 30 и 31; Восточный Маныч (правый берег) к.14; Элистинский, к. 5, к. 25.
[2] Панасюк Н. В. Местоположение курильниц в погребальных комплексах ВМКК // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 80–86.
[3] Панасюк Н. В. Местоположение… Рис. 3.

готеют к бедренным костям погребенного. Характерно, что именно в этой зоне не отмечено ни одного случая помещения перевернутой курильницы.

Вообще, обычай ставить курильницу в погребение в перевернутом виде достаточно распространен в катакомбных захоронениях. Характерно, что подобный вариант обряда наблюдается только в камерах катакомб – не известно подобных случаев в жертвенниках (там, вероятно, аналогом является помещение разбитых частей чаши), нехарактерно это и для кенотафов, где курильница чаще всего является центральным стержнем, вокруг которого расставлялся весь остальной инвентарь. Обрядовые действия, связанные с помещением перевернутой ритуальной чаши, по-видимому, содержит в себе особенности отношения к погребенному – следует говорить об особой категории умерших, для которой существовал подобный вариант погребальной практики. Важно также отметить, что для данных погребений наблюдается традиция помещения лишь керамической посуды – металлические изделия в этих погребениях встречаются редко.

Решение вопроса о роли курильницы в погребальном обряде непосредственно связано с проблемой выделения типичных и экстраординарных наборов погребального инвентаря (рис. 1). Причем в данной ситуации важно определить, что являлось престижным и ординарным для конкретной культуры, а возможно, даже определенного района в рамках одной культуры, т.к. уровень богатства могильников отличается в существенной степени. Уже упоминалось о том, что в четверти погребений с курильницами ритуальная чаша является единственным предметом, иногда лишь сопровождающимся пятнами или комками охры. Наибольшая концентрация подобных захоронений наблюдается в могильниках, компактно расположенных на берегу Чографского водохранилища (ВМ 1, 2, 3, левый берег, правый берег и т.п.). Характерно, что для данных могильников вообще свойственны довольно скромные наборы погребального инвентаря – находки престижных и экстраординарных вещей единичны. Особенно ярко это проявляется при сравнении этих могильников, например, с могильником Ергени, где обнаружено большое количество богатых захоронений[1]. Кстати, в этом могильнике курильница – одна из редких находок[2]. Остальная часть выборки представляет собой захоронения с разнообразным по степени наполнения ассортиментом погребального инвентаря.

Наиболее типичным набором, сопровождающим умершего вместе с курильницей, является сочетание керамических сосудов с бронзовыми ножами и шильями. Для восточноманычской катакомбной культуры подобный набор представляется ординарным. При сопоставлении выборки погребений с курильницами с основным массивом погребений ВМКК очевидно, что керамический сосуд и бронзовый нож – наиболее распространенная находка[3]. Степень частоты встречаемости видов керамики различна: самая типичная категория – чугунковидный сосуд практически неорнаментированный либо с упрощенным декором. В меньшей степени характерны высокошейные сосуды, чаще всего без орнамента, и сосуды с ручкой с выделенным орнаментированным плечиком и богато украшенной шейкой, которые могут быть положены в захоронение изолированно или в сочетании с чугунковидным сосудом. К довольно редким находкам следует отнести случаи обнаружения реповидных сосудов (7 % погребений), глиняных мисок и воронок (5 % погребений).

Металлические изделия довольно часто встречаются в погребениях с курильницами, но категории вещей сильно различаются в разных могильниках. Самой распространенной находкой, как уже упоминалось, являются ножи. В 52 % погребений они сопровождаются также шильями, в отдельных случаях встречены крюки. Единичны случаи захоронения производственного набора орудий, включающего помимо ножей и шильев тесло, долото, каменные орудия. Уникальны для территории ВМКК сочетания курильниц с наборами бронзовых украшений: медальоны, подвески, височные кольца встречаются в 1,5–4 % погребений выборки. Более распространенным и, видимо, рядовым украшением для этого населения были мелкие бронзовые бусы, обнаруженные в некоторых захоронениях в значительном количестве (иногда более

[1] Андреева М. В. Восточноманычская… Граф. 32–40.
[2] Там же. Граф. 30.
[3] Андреева М. В. Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии : сб. к 75-летию А. А. Формозова. М, 2004. Таб. 2.

сотни) – в данном случае они, вероятно, использовались в качестве украшения одежды или погребального покрывала.

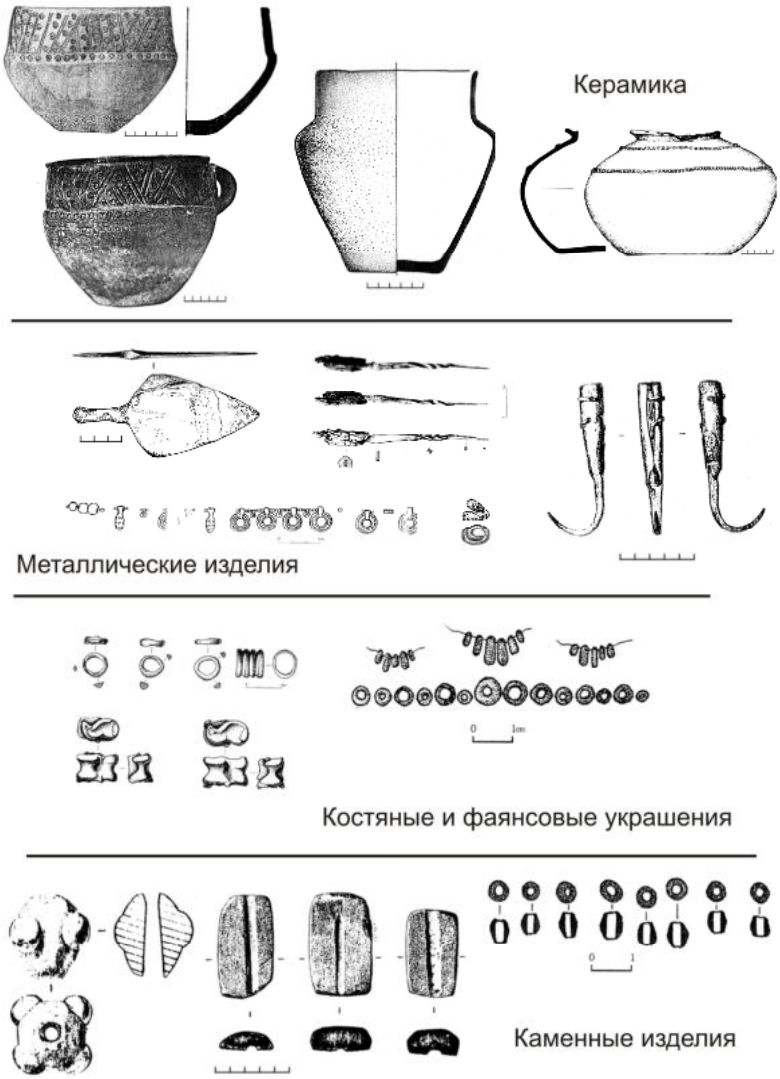


Рис. 1. Основные категории погребального инвентаря восточноманычской катакомбной культуры

В большей степени характерны для данной территории находки костяных украшений. В тех погребениях, где они обнаружены, они чаще всего представляют собой наборы из костяных колец, пронизок и нарезок-трубочек. Зачастую подобные наборы дополняются бусами из фаянса. К довольно редким находкам можно отнести каменные бусы, которые также часто входят в ожерелья с костяными и фаянсовыми изделиями. Характерной чертой детских погребений является нахождение в них бараньих астрагалов, причем число их сильно варьирует – от 1 до 56. В данном случае, вероятно, можно говорить о специфичной категории инвентаря, появление которой в погребальном наборе связано с возрастными характеристиками умершего.

Реже всего в погребениях с курильницами встречены каменные орудия, оружие и другой каменный инвентарь. Единственный случай находки каменной булавы – в могильнике Восточный Маныч (правый берег) 11/27 – она входила в престижный набор из бронзовых орудий, само погребение было обильно посыпано охрой. То есть здесь речь идет об экстраординарном захоронении, что, в целом, нехарактерно для восточноманычских погребений с курильницами. Каменные орудия труда представлены, в основном, выпрямителями древков для стрел и кремневыми отщепами. Они входят, как уже указывалось, в сложные производственные наборы с металлом, украшениями, керамическими и деревянными сосудами.

Таким образом, курильница, являясь составной частью сложных погребальных наборов, довольно часто использовалась в захоронениях ВМКК. Наборы, включающие ритуальные чаши, на данной территории не представляются социально престижными – скорее следует говорить об ординарности подобных захоронений. Показательно, что на соседней территории западноманычской катакомбной культуры количество курильниц практически в половину меньше, а сопоставление с другими категориями инвентаря, составляющими ассортимент погребальных наборов, свидетельствует об их значительно большем богатстве и разнообразии. Т.е. курильница, которая на территории ВМКК была, несомненно, широко распространенной и рядовой категорией посуды, становится индикатором более высокого социального статуса для окружающего населения.

Е.В. Перерва
(ВАГС, г. Волгоград)

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (по материалам могильников Перекопки[1])

В процессе археологических раскопок курганов у с. Перекопка были извлечены костные останки 47 индивидов. Культурная принадлежность антропологических материалов, оказавшихся доступных для исследования, достаточно обширна. Три погребения катакомбной культурой, два индивида относятся археологами к среднедонской катакомбной культуре, мужчина из погребения 2 могильника Перекопка V принадлежит по всей вероятности к культуре многоваликовой керамики. Остальной массив изучаемой группы относится к эпохе поздней бронзы. Из них 5 индивидов извлечены из погребений покровской культуры и 35 – из погребений срубной культурно-исторической общности. Весь материал изучался по хорошо известным антропологическим методикам[2].

Патологический анализ антропологического материала осуществлялся по методикам, разработанным зарубежными и российскими учеными[3].

Анализ материала. Исследование антропологического материала проводился по хронологическому признаку. Самыми древними комплексами из курганных могильников Перекопки, являются погребения, датирующиеся эпохой ***средней бронзы***. К сожалению, подробный анализ антропологических материалов данных погребений сделать, практически, невозможно, так как костные останки представлены мелкими фрагментами черепной коробки и посткраниального скелета. Возраст индивидов от 20 до 35 лет, пол установить не удалось.

Среднедонская катакомбная культура представлена антропологическими материалами трех человек. Костные останки в плохой сохранности, в основном сохранились мелкие фрагменты черепа и посткрана. Во всех трех случаях индивиды возрастом от 30 до 35 лет. Стоит обратить внимание на фрагменты черепной капсулы мужчины из погребения 7 одиночного кургана Перекопка V. У него на внутренней поверхности лобной кости, по обеим сторонам от лобного синуса выявлены незначительные по размеру (от 3 до 5 мм в объеме) образования, вероятно, маркирующие внутренний лобный гиперостоз.

Культура многоваликовой керамики. Заключительный этап эпохи средней бронзы представлен одним индивидом из погребения 2 одиночного кургана Перекопка V. Костные останки также фрагментированы. Удалось установить, что это был мужчина возрастом около 20 лет.

---

[1] *Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 10-06-00159-а*

[2] Алексеев В. П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964; Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1966; Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1968; Ubelaker D. H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analesis, Interpretation. Chicago : Adline Publishing company, 1978; Балабанова М.А. Методика палеоантропологических исследований : уч.-метод. пос. Волгоград : ВолГУ, 1998

[3] The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998; Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147; Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические исследования. М., 1995.

Покровская культура эпохи поздней бронзы представлена 7 индивидами. Из них три были мужчинами и три женщинами. В одном случае (погребение 3 курган 4 могильника Перекопка II) удалось установить приблизительный возраст индивида – 25–35 лет.

Анализ возрастных особенностей данной группы показал, что, практически, все индивиды относятся к возрастной группе adultus. Только возраст женщины из погребения 5 кургана 4 могильника Перекопка II на момент смерти составил около 40–45 лет.

Для мужчин и женщин покровской культуры характерно широкое распространение зубного камня светлого цвета. Практически у всех молодых индивидов отмечается сильная стертость зубов, которая не совпадает со степенью облитерации черепных швов. Также важно указать на дегенеративные изменения нижнечелюстного сустава в виде краевых разрастаний и изношенности суставных площадок. Изношенность зубочелюстного аппарата в молодом возрасте может свидетельствовать об использовании его в трудовой деятельности, а также может быть следствием доминирования в рационе растительной диеты.

Из зубочелюстных отклонений следует отметить интерпроксимальные желобки, выявленные у мужчины 25–30 лет из погребения 5 кургана 2 могильника Перекопка II. Присутствие данного дефекта на коронках человека может маркировать использование твердой зубочистки в качестве гигиены ротовой полости.

В выборке зафиксировано только одно травматическое повреждение, имеющее благоприятный исход. Оно представлено овальной вмятиной, образовавшейся, вероятно, в результате нанесенного спереди удара тупым предметом. Дефект выявлен у молодого мужчины 20–25 лет из погребения 2 кургана 1 могильника Перекопка II.

Еще одной характерной особенностью исследуемой выборки являются посмертные изменения на костях верхних и нижних конечностей в виде расчесов.

Срубная культурно-историческая общность. Костные останки, датирующиеся развитым этапом эпохи поздней бронзы, представлены 35 индивидами. Среди них 11 мужчин, 5 женщин, 17 костяков принадлежали детям и подросткам, в двух случаях пол не определен. Возраст этих индивидов старше 25 лет.

Таблица 1

Половозрастные особенности срубников из курганных могильников Перекопки

	Все	Мужчины	Женщины
Infantilis 1	11(31 %)	0(0 %)	0(0 %)
Infantilis 2	5(14 %)	0(0 %)	0(0 %)
Uvenis	2(6 %)	0(0 %)	1(20 %)
Adultus	9(26 %)	8(73 %)	1(20 %)
Maturus	7(20 %)	3(27 %)	2(40 %)
Senilis	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)
Средний возраст смерти		28,75	34,7

Из половозрастных особенностей следует отметить, двукратное доминирование мужских над женскими костяками и высокий процент детских захоронений (табл. 1). Из 17 детских костяков 11 относятся к младшей возрастной группе Infantilis 1, что составляет 65 % от общей численности. Пять детей укладываются в категорию Infantilis 2 и один костяк – юношеский.

В целом, для половозрелого населения из захоронений поздней бронзы, курганных комплексов Перекопки, характерен высокий процент молодого населения 25–35 летнего возраста. Следует отметить, что чаще молодыми умирали мужчины, а не женщины, показатель, как среднего возраста смерти у мужчин он составил 28,7 лет, а у женщин 34,7 лет (табл. 1).

Для представителей срубной культурно-исторической общности характерны невысокие частоты встречаемости различного рода аномалий черепа и костей посткраниального скелета (табл. 2). Обратить внимание следует только на широкое распространение на костях взрослого и детского населения маркеров высокого внутричерепного давления, которые проявляются в виде пальцевидных вдавлений на внутренней поверхности черепа и разветвленного сосудистого рисунка (табл. 2). По мнению профессора Д.Г. Рохлина повышенное внутричерепное давление может возникать как следствие воспалительных и опухолевых заболеваний головы. Внут-

ричерепное давление связано с постоянными сильнейшими головными болями и может вызывать потерю зрения[1].

Таблица 2

Частота встречаемости эпигенетических признаков в гендерных группах, а также в сериях половозрелых и неполовозрелых индивидуумов

Аномалии зубов и черепа				
зубы	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N, %	N, %	N, %	N, %
s	15	10	5	16
Диастемы	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)
Краудинг	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)
Гиподонтия 3-го моляра	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)
Метопический шов	1(7 %)	1(10 %)	0(0 %)	0(0 %)
Остеомы	2(13 %)	2(20 %)	0(0 %)	0(0 %)
Шовные кости	1(7 %)	0(0 %)	1(20 %)	1(6 %)
Родничковые кости	1(7 %)	0(0 %)	1(20 %)	1(6 %)
Пальцевидные вдавления	4 (27 %)	3(30 %)	1(20 %)	9(56 %)

Анализ встречаемости зубочелюстных патологий позволил установить отсутствие у представителей поздней бронзы в различных гендерных и возрастных группах кариеса, а также различных видов острых воспалительных процессов в виде абсцессов (табл. 3).

Таблица 3

Характер распространения зубочелюстных патологий у срубного населения могильников Перекопки

Зубочелюстные патологии				
	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N, %	N, %	N, %	N, %
s	15	10	5	16
Кариес	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)
Абсцесс	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)	0(0 %)
Зубной камень	14(93 %)	10(100 %)	4(80 %)	7(44 %)
Эмалевая гипоплазия	2(13 %)	2(20 %)	0(0 %)	1(6 %)
Потеря зуба	1(7 %)	0(0 %)	1(20 %)	0(0 %)
Пародонтоз	6(40 %)	4(40 %)	2(40 %)	0(0 %)
Слом коронки, сколы эмали	5(33 %)	4(40 %)	1(20 %)	0(0 %)
Патологическая стертость зубов	13(87 %)	8(80 %)	4(80 %)	0(0 %)

Достаточно часто на зубных коронках выявляются минерализованные отложения светлого или светло-серого цвета. Данная патология зубной системы характерна как для взрослого населения эпохи поздней бронзы, так и для детей. Данный показатель достигает 44 %. Яркой особенностью исследуемой группы является высокий процент патологической стертости зубов, сколов эмали на коронках, которые коррелируются с поражениями нижнечелюстного сустава. Изношенность суставов нижней челюсти и сильная стертость зубов могут быть следствием использования зубочелюстной системы в трудовой или хозяйственной деятельности.

Маркеры железодефицитной анемии Cribra orbitalia или поротического гиперостоза встречаются на материалах взрослого населения срубной культурно-исторической общности достаточно редко. Имеется всего одно наблюдение, оно зафиксировано у женщины из погребения 2 кургана 2 могильника Перекопка III. Чаще маркеры недостаточности железа в организме выявляется у детей (4 наблюдения), что составляет 25 %. Причем, поротический гиперостоз у незрелого населения из могильников Перекопки, сопровождается порозом костной ткани и воспалением надкостницы (табл. 4).

[1] Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох: нормальные и патологические изменения. М. – Л. : Наука, 1960. С. 135.

Признаки воспалительного процесса или инфекций отмечены только на материалах детской группы (всего 6 случаев): три на черепной коробке и три на костях посткраниального скелета (табл. 4).

Таблица 4

Частоты встречаемости некоторых индикаторов специфического стресса.

Некоторые маркеры специфических и неспецифических патологий				
	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	S/ N / %	S/ N / %	S/ N / %	S/ N / %
VIP	15/8(53 %)	10/7(70 %)	5/1(20 %)	16/0(0 %)
Cribra orbitalia	15/1(7 %)	10/0(0 %)	5/1(20 %)	16/4(25 %)
Пороз костей черепа	15/0(0 %)	10/0(0 %)	5/0(0 %)	16/6(38 %)
Воспалит процессы (череп)	15/1(7 %)	10/0(0 %)	5/1(20 %)	16/3(19 %)
Воспалит процессы (посткран)	17/0(0 %)	11/0(0 %)	5/1(20 %)	15/3(20 %)
Артроз	17/7(41 %)	11/5(45 %)	5/1(20 %)	15/0(0 %)
Артрит	17/2(12 %)	11/2(18 %)	5/0(0 %)	15/0(0 %)
Посмертные изменения	17/6(35 %)	11/5(45 %)	5/1(20 %)	15/4(26,7 %)

Обращает на себя внимание то, что в исследуемой группе была зафиксирована такая патология, как внутренний лобный гиперостоз. Он отмечен у мужчины 35 лет из погребения 3 кургана 1 могильника Перекопка I. На антропологических материалах эта патология проявляется на эндокране в лобной области в виде костных образований овальной формы, продуцирующихся из ткани внутренней пластинки. Считается, что это заболевание передается по наследству и преимущественно по женской линии[1]. Достаточно подробное описание этиологии и схематическое представление степени выраженности данной патологии находится в работе I. Hershkovits[2]. Впервые этот признак был описан анатомом Morgagni (1719, 1761), при обследовании престарелой женщины, страдавшей ожирением и имеющей мужеподобное строение тела. На ее черепе было замечено утолщение внутренней пластинки лобной кости. Вследствие этого данная патология получила название синдрома Morgagni, затем синдрома Stewart-Morel или синдром краниопатии[3]. Данный признак был также зафиксирован у больных акромегалией и у беременных женщин[4]. Этиологию этой патологии исследователи связывают с разными причинами: Richter (1939) – с гормональными изменениями в организме женщины; Calame (1951) – с ожирением, расстройствами половой системы и диабетом; Bennet (1971) – с гиперпаратиреоидизмом[5]. Есть предположение, что недостаток женского полового гормона у женщин и избыток его у мужчин провоцирует проявление данного маркера[6].

Достаточно часто на черепах представителей срубной культуры выявляются признаки васкуляризации костной ткани по типу «апельсиновой корки» (табл. 4). Из 8 зафиксированных случаев только один зафиксирован на черепной коробке женщины, все остальные наблюдались у мужчин. Данный маркер принято отождествлять с последствием холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную по-

[1] The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998. P. 419; Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 110.

[2] Hershkovitz I., Greenwald Ch., Rothschild B. M., Latier B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective // American Jornal of Anthropology. 1999. №. 109. P. 303–325.

[3] The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998. P. 419.

[4] Ibid.

[5] Цит. по: Hershkovitz I., Greenwald Ch., Rothschild B. M., Latier B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective // American Jornal of Anthropology. 1999. №. 109. P. 322–323.

[6] Бужилова А. П., Козловская М. В. Были ли скифы тучными? (Антропологический анализ кремированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 36–37.

году или в холодную погоду с повышенной влажностью[1]. Такая направленность в распределении признака, прежде всего, объясняется образом жизни и различиями социальной роли мужчин и женщин в жизни.

Травматические повреждения на костях представителей эпохи поздней бронзы из могильников Перекопки, встречаются достаточно редко. В основном, такого рода дефекты можно охарактеризовать как бытовые (табл. 5).

Таблица 5

Показатели травматизма у срубников Перекопки

	Суммарная серия Взрослое население			Мужчины			Женщины		
Локализация повреждений	S	N	%	S	n	%	S	n	%
Свод черепа	15	2	13 %	10	0	0 %	5	0	0 %
Лицевые травмы	15	2	13 %	10	1	10 %	5	1	20 %
Посткраниальный скелет	17	3	18 %	11	2	18 %	5	1	20 %

У трех индивидов зрелого возраста выявлены повреждения на костях посткраниального скелета.

Анализ патологий опорно-двигательной системы показал, что для представителей эпохи поздней бронзы из подкурганных захоронений у с. Перекопки характерны достаточно высокие показатели встречаемости деформирующих артрозов и заболеваний позвоночника (табл. 4).

Характер поражения позвоночного столба у представителей эпохи поздней бронзы своеобразен. Чаще всего патологические отклонения, такие как спондилез, выявляются в области шейного и поясничного отдела позвоночника, а хрящевые грыжи и признаки остеохондроза на поясничных позвонках. При сравнении гендерных зависимостей распределения заболеваний позвоночника выделить каких-либо различий не удалось. Деформирующие артрозы чаще отмечаются у мужчин, чем у женщин.

Очень важен факт половой направленности в распределении признаков изношенности костно-суставного аппарата. Низкие показатели болезней опорно-двигательной системы в женских группах сопоставимы с естественными процессами старения, мирным образом жизни и ведением домашнего хозяйства. Особенности и характер распределения физической нагрузки и патологий опорно-двигательной системы у мужского населения маркируют специфику профессиональной и хозяйственной деятельности мужчин, на которых выпадали основные тяготы жизни в виде тяжелого физического труда, занятия ремеслом и войной.

Еще одной особенностью, зафиксированной на антропологических материалах эпохи поздней бронзы, является большой процент встречаемости посмертных изменений на костях скелета. Как уже было выше отмечено, аналогичные повреждения целостности костной ткани выявлены на материалах покровской культуры. При определении данных посмертных изменений использовалась методика, предложенная М.А. Балабановой и Е.В. Перервой[2].

Из 35 исследованных костяков срубной культуры могильников Перекопки на 21 были зафиксированы посмертные дефекты (табл. 4). В четырех случаях изменения, выявленные на костях посткраниального скелета, дополняются повреждениями черепной коробки. Системность в расположении дефектов не наблюдается. Повреждена в основном верхняя компакта кости. «Расчесы» и «погрызы» иногда затрагивают всю окружность длинных костей. Следы зубов животных чаще всего наблюдаются в местах прикрепления основных мышц. Наиболее обширные поражения располагаются на бедренных и больших берцовых костях, в местах прикрепления крупных мышц.

[1] Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях. // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 104–105; Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М. : Научный Мир, 2003. С. 52–53.

[2] Балабанова М. А., Перерва Е. В. Палеоантропологические материалы с посмертными изменениями: возможности интерпретации результатов исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии : сб. ст. М. : Изд-во «Параллели», 2008. Вып. 6. С. 247–264.

Нет сомнений, что эти деструкции – результат деятельности мелких животных при полном или частичном поедании мягких тканей. В настоящий момент есть только два упоминания о таких нарушениях в научной литературе. Так, в энциклопедии по остеологи человека[1] дается характеристика подобных изменений костей, определенных как нарушения, связанные с деятельностью крупных грызунов и мелких хищников. Аналогичные повреждения были зафиксированы на материалах катакомбной культуры могильника Ольховка I[2].

В результате исследования антропологических материалов, полученных при раскопках курганов у с. Перекопка Клетского района Волгоградской области, можно сделать следующие выводы.

Плохая сохранность костного материала, датирующегося эпохой средней бронзы, не позволила провести полноценный антропологический анализ. В некоторых случаях удалось лишь определить пол и возраст погребенных.

Антропологические материалы погребений поздней бронзы обнаруживают некоторое сходство, которое проявляется в одинаковых частотах встречаемости заболеваний зубов и патологий зубочелюстного аппарата. Отсутствие кариеса, высокий процент зубного камня и пародонтоза, сильная стертость передних зубов, изношенность нижнечелюстного сустава в одинаковой степени характерны для представителей покровской и срубной культуры. Вероятнее всего, диета, насыщенная продуктами растительного происхождения, образ жизни, а также хозяйственная деятельность, предполагавшая использование зубов в качестве вспомогательного инструмента, были специфическими особенностями населения, оставившего исследуемые погребальные комплексы.

Вполне допустимо, что представители покровской культуры вели более агрессивный образ жизни. На это указывают травматические повреждения на черепах мужчин и женщин. Население срубного времени, было, скорее всего, более миролюбивым, так как кроме нескольких случаев интерперсонального насилия и травм случайного характера, маркеров агрессивного образа жизни у них не обнаружено.

Низкие частоты встречаемости признаков распространения инфекций в виде периоститов и воспалительных процессов указывает на относительно благоприятный уровень адаптации группы.

Патологии опорно-двигательной системы, которые доминируют в мужской группе, маркируют эту часть населения как наиболее активную, что подтверждается и наличием у них завышенных частот маркеров интенсивного воздействия низких температур. Скорее всего, как и в большинстве традиционных обществ, на мужчин в эпоху поздней бронзы приходились основные тяготы повседневной жизни в виде ведения хозяйства и участие в войне.

Необходимо отметить одну из особенностей захоронений эпохи поздней бронзы у села Перекопка – это наличие фактов кремации. Такие случаи были зафиксированы в погребении 7 кургана 1 могильника Перекопка I и в погребении 2 кургана 1 могильника Перекопка III, относящихся к срубной культуре.

На костных останках 37 индивидов были выявлены признаки воздействия на них зубов или когтей мелких животных. Два таких случая обнаружено у представителей покровской культуры и 21 случай – у представителей срубной культуры. При анализе данных воздействий на костный материал пришлось столкнуться с теми же проблемами, которые возникли при интерпретации аналогичных повреждений, зафиксированных у представителей катакомбной культуры из погребений курганного могильника Ольховка I в Ольховском районе Волгоградской области[3]. Основная версия возникновения повреждений на костях человека у представителей эпохи средней бронзы археологического комплекса Ольховка I и поздней бронзы, у по-

[1] White Tim D. Human Osteology. San Diego, California, 1991. P. 363–365.

[2] Балабанова М. А., Перерва Е. В. Новые антропологические данные к изучению погребальных обрядов древнего и средневекового населения северной части Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. 3. С. 268–270.

[3] Балабанова М. А., Перерва Е. В. Палеоантропологические материалы с посмертными изменениями: возможности интерпретации результатов исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии : сб. ст. М. : Изд-во «Параллели», 2008. Вып. 6. С. 261.

гребенных в могильниках близ села Перекопка, является воздействие зубов животных, вследствие вторичности погребений.

Для представителей культур поздней бронзы характерны такие критерии, как доминирование в погребениях молодого населения возрастом 25–35 лет, крайняя изношенность зубочелюстной системы, низкие показатели травматизма, в особенности насильственного характера и наличие на подавляющем большинстве костных останков представителей этих культур, признаков воздействия на них зубов мелких млекопитающих.

Интерпроксимальные желобки, выявленные на материалах покровской культуры, являются одними из самых ранних свидетельств использования зубочисток в качестве личной гигиены ротовой полости на территории Нижнего Поволжья.

В заключении следует отметить, что проведенное палеопатологическое исследование костных останков из подкурганных погребений могильников Перекопки, датированных эпохой бронзы, в настоящее время имеет новаторское значение. Подобных исследований по синхронным материалам, практически, нет, за исключением работ по анализу антропологических материалов из могильников Авиловский I и II[1] и костяков, полученных в результате археологических работ на севере Волгоградской области[2]. Поэтому приведенное выше исследование позволяет ввести в научный оборот новые данные по палеопатологии населения катакомбной и срубной культуры Нижнего Поволжья.

Л.С. Песочина
(ИФХБПП РАН, г. Пущино)

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ, РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ[3]

В жизни древнего населения природная среда всегда играла важную роль, определяя особенности хозяйственной деятельности и миграционные процессы. Важнейшими палеоэкологическими компонентами являлись почвы и климат. Динамика климата обуславливала преобразования почвенно-ландшафтной обстановки, степень изменения параметров которой определяла комфортность природных условий для проживания человека.

В степной зоне главными лимитирующимися факторами развития земледелия и скотоводства являлись дефицит атмосферной влаги, а также засоление и осолонцевание почв.

Аридизация климата ухудшала качество земель и снижала продуктивность фитоценозов, что способствовало переходу древнего населения от оседлого образа жизни к кочевому скотоводству.

Увеличение атмосферной увлажненности обеспечивало существенный рост биомассы растительного покрова, возрастание продуктивности пастбищ.

В связи со значимостью природной среды в жизни человека проблема истории ее развития и отдельных компонентов занимает одно из ведущих мест в естественно-научных дисциплинах.

Для реконструкции изменчивости климата в прошлом используются различные природные объекты: органогенные отложения, современные и ископаемые деревья, донные и ледовые отложения, уровень закрытых и открытых водоемов; почвы, погребенные под отложениями разного генезиса. Информация, получаемая при исследовании этих объектов, весьма различна. Наиболее информационно-емкими являются почвы археологических памятников.

Реконструкция климата по палеопочвенным материалам получила развитие относительно недавно. Однако почвы, погребенные под разновозрастными археологическими памятниками, проявили себя как уникальные объекты для восстановления истории развития ланд-

[1] Перерва Е. В. Антропологические материалы из могильников Авиловский I и II // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 107–134.

[2] Перерва Е. В. Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов, полученных в результате охранных археологических работ в зоне строительства магистрального газопровода Починки-Изобильное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 3. С. 293–336.

[3] *Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №08-04-00976)*

шафтов и природной обстановки прошлого. Являясь продуктом интегрального взаимодействия природных факторов, палеопочвы фиксируют в своем профиле как состояние почв, так и природных условий времени их погребения. Поэтому не случайно в последние десятилетия они вызывают особый интерес исследователей как индикаторы состояния и динамики природных условий в различные периоды голоцена.

В качестве индикаторных почвенных параметров используются такие, как засоленность, карбонатность, солонцеватость, состав гумуса, изотопный состав педогенных карбонатов и органического вещества, фитолиты, активность палеомикробоценозов, магнитная восприимчивость. Индикатором состояния палеоэкологических условий служит и почвенный профиль в целом, который интегрально отражает существующий на данный момент комплекс внешних факторов и историю их развития в виде соответственно актуальных и реликтовых признаков.

В данной работе реконструкция изменчивости природных условий осуществлялась на базе палеопочвенных исследований. Археологические раскопки проводились в Неклиновском, Мясниковском и Багаевском районах Ростовской области сотрудниками Таганрогского музея (П.А. Ларенок и Е.И. Беспалый) и Института археологии РАН (В.Я. Зельдина). Объектами изучения послужили палеопочвы разновозрастных археологических памятников, в том числе курганов эпох бронзы (вторая половина III–II тыс. до н.э.), раннего железа (IV в. до н.э. – I в. н.э.) и средневековья (VIII–XII вв. н.э.).

Одним из важных результатов изучения почв археологических памятников было установление цикличности развития почвообразовательных процессов в голоцене и разработка концептуальной модели разнопериодной динамики природных условий на юге Русской равнины, базирующейся как на собственных данных, так и на литературном материале (рис. 1).

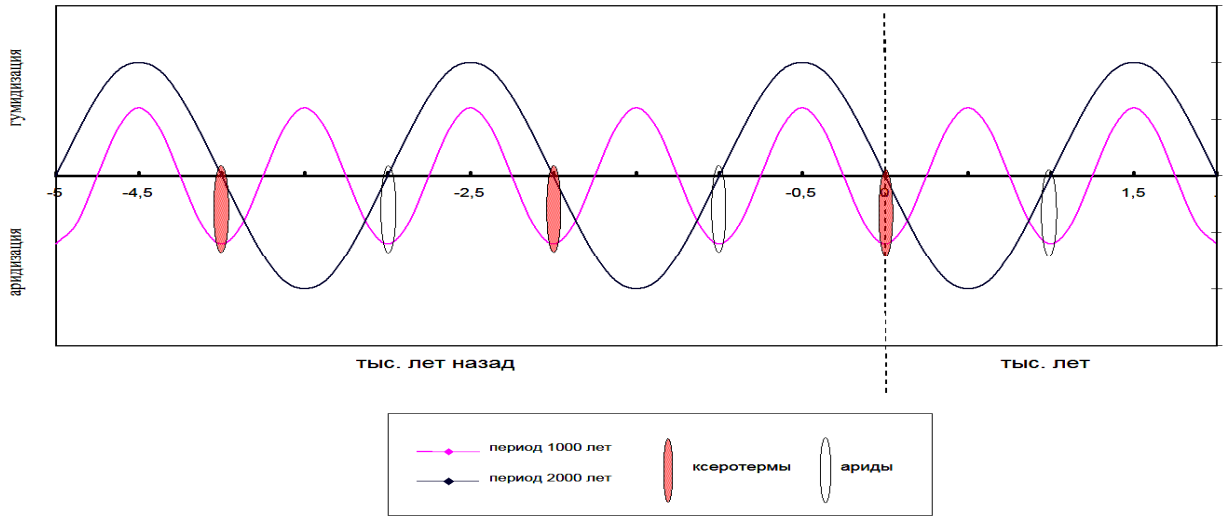


Рис. Закономерности циклической изменчивости
природных условия юга Русской равнины во второй половине голоцена

Основным фактором стадийности педогенеза явились климатические флуктуации. Чередование аридных и гумидных фаз вызывало смену подтипа черноземообразования и цикличность изменчивости многих процессов.

Для установления временных интервалов ритмичности почвообразования были выявлены экстремумы. Определение экстремумов осуществлялось с учетом степени развития признаков зонального почвообразования. Оптимумы – хроносрезы с наиболее благоприятными условиями для протекания зонального почвообразования. Кризисы – периоды с максимальным проявлением признаков деградации зонального почвообразования. Определен репер или точка отсчета в педохроноряде. Таким хроносрезом послужила скифская почва (середина 1-го тысячелетия до нашей эры).

Выявлены 2000 – и 1000 – летние временные интервалы в цикличности педогенеза на территории Приазовья. Оптимум имеет ярко выраженный 2000 – летний ритм. Его рубежи

фиксируются в середине 3-го тысячелетия до н. э., в середине 1-го тысячелетия до н. э., в XIV–XV вв. н. э. и свидетельствуют о наиболее благоприятных условиях для гумусообразования за последние 5000 лет. Почвы этих хроносрезов характеризуются максимальным содержанием гумуса, высокой биогенностью, прекрасной агрегацией, отсутствием легкорастворимых солей и поглощенного натрия в почвенном поглощающем комплексе. По палеогеографическим данным эти периоды фиксировались как высокообводненные, отмечалось резкое похолодание (имели место подвижки ледников, высокий уровень бессточных водоемов и т.д.). Они соответствуют, как правило, пониженной солнечной активности[1]; Греческий минимум около 2500 лет назад; минимум Шперера – 500 лет назад. Зональным типом растительнности в эти периоды были злаково-разнотравные степи[2].

Почвы в которых, обнаруживались максимальные проявления деградации признаков зонального почвообразования, фиксировались с периодичностью около 1000 лет. В эти хроносрезы общее количество гумуса сокращалось, формировались малогумусированные почвы с ореховато-призмовидной структурой, наличием легкорастворимых солей, гипса в профиле, развитием процессов осолонцевания. Преобладали ксерофитные злаковые степи[3].

Согласно полученным данным во второй половине голоцена имели место два 2-х тысячелетних цикла и пять тысячелетних. Циклы разной длительности накладывались друг на друга, формируя сложную «траекторию» пульсации с многочисленными резонансными взаимовлияниями и деформациями. Отмечены периоды как усиления их совместного влияния (оптимумы, ксеротермы), так и ослабление (ариды).

В середине III тысячелетия до н.э., в середине I тысячелетия до н.э., в XIV–XV вв. н.э. периоды оптимумов обоих циклов совпадали, что усиливало их проявление.

Выявляются два варианта взаимодействия кризисных экстремумов 1000-летней цикличности с циклом в 2000 лет: а) тренды направленности обоих циклов совпадают**;** и б**)** тренды развития имеют разную направленность.

В итоге фиксируются пять аридных стадий, две из которых дожны были быть более мягкими (рубеж третьего-четвертого тысячелетия до н.э., рубеж первого-второго тысячелетия до н.э., рубеж первого-второго тысячелетия н.э.). Максимумы ксеротермов имели место 4 тыс.лет назад, 2 тыс лет назад и настоящее время.

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка вероятных масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена[4]. Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в Низовьях Дона составляла 380–500 мм. Минимальное их количество (380–400 мм), соответствующее подзоне современных южных черноземов, приходилось на аридную фазу. В IV в.до н.э. количество осадков достигало 450–500 мм, что характерно для подзоны обыкновенных черноземов.

Проведенные климатические реконструкции на базе палеопочвенных исследований подтверждаются данными, полученными с использованием палеогеографических материалов, в частности, с динамикой уровней морских бассейнов, изменчивостью спорово-пыльцевых спектров органогенных отложений болот и культурных слоев стоянок древнего человека, изменчивостью ландшафтов[5].

---

[1] Эдди Дж. История об исчезнувших солнечных пятнах // Успехи физических наук. 1978. Т. 125, вып. 2. С. 315–329.

[2] Кременецкий К. В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ : тр. ГИН. М., 1997. Вып. 97. С. 30–45.

[3] Там же.

[4] Песочина Л. С. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв. Пущино, 2003. С. 145–151.

[5] Варущенко С. В., Варущенко А. И., Клиге Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М. : Наука, 1987; Герасименко Н. П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 3–64; Кременецкий К. В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ : тр. ГИН. М., 1997. Вып. 97. С. 30–45.

Согласно данным С.И Варущенко с соавторами[1] в течение большей части бронзовой эпохи Каспийское море находилось в стадии регрессии (Махачкалинская, 5300-3600 лет назад), уровень моря опускался до отметок -39 – -42,5 м. При этом отмечалось два пика, прерываемые в интервале времени 4250+-150 кратковременной трангрессивной фазой, уровень моря достигал -18–22 м. Конец средней – начало поздней бронзы охарактеризовались подъемом уровня моря до -21 м. Трансгрессивная (туралинская) фаза просуществовала до XI в. до н.э. Сменившая ее Александрбайская регрессивная стадия достигала -37 м и просуществовала до V в. до н.э. Последовавшая Улучанская трансгрессивная стадия имела два пика (в V–IV вв.до н.э. и I–IV вв. н.э.). Уровень моря находился на отметке –22 м и лишь в II–I вв. до н.э. резко снизился до -32 м. С середины V до начала XIV вв. н.э. Каспийское море находилось в регрессивном состоянии (дербенская регрессия), минимальные отметки которой достигали -34 м. С начала XIV в. н.э. начался подъем уровня, максимум его приходится на конец XVIII в. – начало XIX в. н.э. (до -26 м).

Данные К.В. Кременецкого по спорово-пыльцевым спектрам органогенных слоев болот Липиги, Харабулук, Побочное, стоянок Раздорская, Самсоновская выявили следующую изменчивость растительности и климата: период времени 5–4,5 тыс лет назад характеризовался увлажненностью территории, происходило расширение площади сосновых лесов на террасах и широколиственных долинных лесов; 4,5–3,5 тыс. лет назад – произошло снижение доли пыльцы деревьев, рост кривой пыльцы маревых и падение сложноцветных. При этом максимальное распространение маревых и минимальное содержание пыльцы древесных пород отмечается в слое катакомбной культуры (около 3,8–3,7 тыс. лет назад). В это время сократилась площадь пойменных лесов. Период характеризовался иссушением климата. 3,5–3,2 (2,8) тыс. лет назад в составе спектров травянистой растительности слоя срубной культуры сильно сокращается доля маревых и возрастает доля сложноцветных, повышается доля пыльцы древесных пород в общем составе спектра. Это свидетельствует о мезофитизации растительности и об улучшении условий увлажненности территории. В палиноспектрах скифо-сарматского (около 2,4–2,2 тыс. лет назад) и салтовского культурных слоев (около 1,1–1,0 тыс. лет назад) господствует пыльца маревых, что указывает на аридизацию климата в эти хроноинтервалы. При этом максимум маревых отмечается в конце скифо-сарматского периода и в начале салтовского. В субатлантическом периоде голоцена фаза увеличения площади широколиственных и березовых лесов приходится на интервал времени 2,0–1,5 тыс. лет назад и 900 и 600 лет назад.

Согласно Н.П. Герасименко[2] суббореальный период голоцена на территории Донбасса характеризовался наиболее контрастными изменениями природной среды, проявляющимися в чередовании стадий увлажнения и резкого иссушения климата. Начало суббореального периода было отрезком увлажнения и похолодания климата. Резкое ухудшение природных условий, прежде всего иссушение, континентальность установлены около 3,8–3,7 тыс. лет назад. Сократилась роль широколиственных пород, уменьшились массивы боровых лесов на террасах, возросла доля ксероморфных семейств. Резко изменилась среда в эпоху срубной культуры (3300–2900 лет назад). Наступивший период характеризовался увлажнением, смягчением континентальности. Наибольшее увлажнение выявляется 3,2–3,1 тыс. лет назад. Облик растительности приближался к лесостепному, но с преобладанием открытых степных ландшафтов. На рубеже 3,0–2,9 тыс. лет назад вновь произошло снижение увлажненности климата, нарастание континентальности, максимально проявившееся 2800–2700 лет назад. Начало субатлантического периода (2,6–2,5 – 2,2–2,1 тыс. лет назад) характеризовалось относительно влажным и прохладным климатом. На отрезке 2,2–2,0 тыс. лет назад на территории Донбасса произошла резкая перестройка зональных степных ценозов, возросла роль ксерофитных маревых группировок, фиксирующее потепление и иссушение климата. Конец среднесубатлантического времени (1,2–1,0 тыс. лет назад) характеризовался теплым и сухим климатом, сменившимся в последующем более прохладным и влажным

Закономерности изменчивости климата, выявленные нами в Нижнедонских степях, в целом согласуются с палеоклиматическими данными, полученными для соседних регионов

[1] Варущенко С. В., Варущенко А. И., Клиге Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М. : Наука, 1987.

[2] Герасименко Н. П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 3–64.

степной зоны. Вместе с тем, отмечается некоторая асинхронность в увлажненности более восточных территорий (Ергени) в скифо-раннесарматское время. Для Нижнего Дона и Северного Причерноморья этот этап характеризуется наиболее благоприятными условиями, аридизация здесь фиксируется только со II в. до н.э. На Ергенях засушливость климата начинает проявляться уже с V–IV вв. до н.э.[1] (Демкин В.А.и др., 1998).

Заключение. Полученные материалы позволили выявить следующую картину изменчивости увлажненности климата на территории Волго-Донских степей в позднем голоцене. Середина третьего и первого тысячелетия до н.э., а также XIV–XV вв. н.э. характеризовались резонансным взаимовлиянием экстремумов увлажненности 2000 и 1000 цикличности. Относительно влажный и прохладный климат в эти хроноинтервалы способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. Скифский экстремум увлажненности сменился в III в. до н.э. – I в.н.э. резкой аридизацией, степень которой была сравнима с суббореальным ксеротермом, фиксируемым около 4000 лет назад. Среднесарматское время явилось переходным от аридных условий к более гумидным, при этом значительные изменения природной обстановки зафиксированы уже в конце I в.н.э. Сухой климат раннего средневековья сменился экстремальной увлажненностью его финальной части (XIV–XV вв.н.э.).

Аридизация климата активизировала развитие в почвах региона процессов засоления, осолонцевания, карбонатизации, а также минерализации и пептизации гумуса. Признаки аридного педогенеза зафиксированы в почвах 4000–3700, 2200–2000 лет назад и 1200–1000 лет назад.

Л.Н. Плеханова
(ИФХБПП РАН, г. Пущино,
ЧелГУ, г. Челябинск)

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛАНДШАФТЫ В ПОЧВАХ НЕУКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕБЯЖЬЕ VI

Почвенно-археологические исследования поселений в России ведутся нечасто. Почвоведов интересуют вопросы химизма культурных слоев, их образования, и конечно, возможности использования «датированных» археологическими находками субстратов для решения вопросов генезиса почв. В современном почвоведении признано, что древнее антропогенного воздействие, будь то окультуривание почв, строительство поселений, пастьба в большинстве случаев ведет к деградации окружающих ландшафтов.

При разрушении археологических памятников путем раскопок без проведения почвенных исследований к настоящему времени в большинстве случаев происходит потеря палеоландшафтной информации. Никому не нужно доказывать необходимость описания, например, керамического комплекса памятника. Описанием палеопочв памятника, не меньшей, чем керамика значимости, но в ряде регионов являющееся пионерным, с отсутствие или слабой разработанности шкал, археолог часто пренебрегает. Редкими являются случаи проведения морфологических палеопочвенных исследований, и еще более редкими – получения физико-химических характеристик почв и наносов на древних памятниках. Одним из таких редких случаев является приводимая ниже работа, посвященная палеоурбаноземам небольшого неукрепленного поселения, расположенного на надпойменной террасе р. Зингейка в степной зоне Челябинской области. На месте древних поселений Зауралья шел процесс почвообразования (в среднем сформировалось 12–15 см почвы), поэтому с поверхности памятники обнаружить сложно. Мощность природно-антропогенных наносов поселений Зауралья двойственной природы (литогенная основа и археологические остатки) колеблется от 20 до 150 см[2]. Наносы представляют собой «зольный» культурный слой (иногда подразделяющийся на зольный, прокаленный и углистый) в верхней части охваченный процессами почвообразования.

[1] Демкин В. А., Дергачева М. И., Борисов А. В., Рысков Я. Г., Олейник С. А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. 1998. № 2. С. 148–157.
[2] Плеханова Л. Н., Демкин В. А., Зданович Г. Б. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена. М. : Наука, 2007.

На поселении Лебяжье (автор раскопок археолог Петрова Л.Ю.) развитие черноземно-луговой среднесуглинистой почвы прервано поселением людей и формированием легкосуглинистого культурного слоя с вариабельной мощностью 25–50 см. Под культурным слоем сохранились погребенные гор. [А], [$АВ_{СА}$] древней почвы (в разрезе Леб-5). Второй фиксируемый этап почвообразования отражен в росте гумусированного горизонта А1 над культурным слоем. Древнее нарушение почвообразования в виде наличия культурного слоя способствует плоскостной эрозии при современной антропогенной нагрузке. Вследствие этого А1 редуцирован, имеет мощность до 12–15 см. Введение заповедного режима на участке в виде роста мощной дернины не отразилось (как, например, в Аркаимской долине, где на поселении Каменный Брод за 12 лет сформировалась дернина мощностью 9 см).

Особенностями культурных слоев является легкий гранулометрический состав, пониженная плотность, морфологическая неоднородность. Культурный слой характеризуется увеличением содержания гумуса и фосфора (табл. 1), высокой карбонатностью, щелочностью, слабой засоленностью, низкими значениями магнитной восприимчивости.

Фоновые почвы поселения Лебяжье (табл. 1, разрезы микроповышения и микропонижения), находясь на окраине поселения, не содержат артефактов и не имеют сформированного типичного культурного слоя. Но древнее антропогенное воздействие здесь было существенным. Оно выражается в формировании комплексности с возникновением микрорельефа. Комплексность почвенно-растительного покрова, свойственная первым надпойменным террасам региона, формируется независимо от присутствия культурного слоя. Существует несколько причин возникновения комплексности почвенного покрова: наличие микрорельефа, взаимодействие факторов слабой дренированности, тяжелого гранулометрического состава почвообразующих пород, их засоленности, аридности климата, жизнедеятельность роющих животных, первоначальная неоднороодность поверхностного засоления пород, пространственная вариабельность свойств почвообразующих пород, деятельность ветра; антропогенный фактор. В процессе развития территории действие одних факторов может усиливаться, других – исчезать. Поэтому целесообразно различать факторы возникновения и условия существования комплексности почвенного покрова.

Таблица 1

Химический состав почв поселения Лебяжье VI

Горизонт, см	pH водн	Гумус	$CaCO_3$	P_2O_5	ЕКО	Обм. кат.		Тип химизма (водн. выт)	$\eta*10^{-5}$ ед. СИ
		%		мг-экв/100г		K^+	Na^+		
						% от ЕКО			
Поселение поздней бронзы. Жилищная впадина. Разрез Лебяжье-5-00.									
$А_Д$, 0-3	8,00	10,56	-	-	-	-	-	-	175
А1, 3-11	8,40	9,55	4,6	6,1	-	-	-	HCO_3-Mg- Ca	130
КС, 11-24	9,00	3,94	10,8	8,2	-	-	-	HCO_3-Ca-Cl	87
[А], 0-13	8,80	2,31	6,0	8,7	25,64	15	2	Cl-SO_4-Mg-Na	155
[$АВ_{СА}$] 16-26	9,05	1,68	20,6	10,7	34,13	9	12	Cl-SO_4-Mg-Na	102
[А], 26-36	9,15	1,22	17,1	8,7	27,53	10	18	Cl-SO_4-Na	128
В, 46-56	9,30	0,75	19,5	6,0	-	-	-	Cl-SO_4-Na	125
ВС, 66-76	9,50	-	13,0	2,4	-	-	-	Cl-SO_4-Na	126
Фоновое микроповышение. Разрез Лебяжье-7-00									
$А_Д$, 0–3	7,00	10,08	-	3,6	22,35	9	1	-	187
А1, 10–20	7,05	9,77	-	2,0	20,64	5	1	-	135
[А1], 20–25	7,20	2,56	1,1	0,7	23,98	3	1	-	187
[АВ], 30–40	7,75	2,05	1,1	0,7	41,48	3	1	-	116
[$В_{СА}$], 50–70	9,27	0,49	16,4	2,0	-	-	-	HCO_3-Mg	95
ВС, 90–100	9,10	-	12,8	1,3	-	-	-	HCO_3-Mg	68
ВС, 130–140	9,10	-	11,3	1,3	-	-	-	-	87
Фоновое микропонижение. Разрез Лебяжье-8-00									
А1А2, 0–3	8,00	4,93	-	2,8	15,16	10	5	-	220
$АВ_{SL}$, 5–12	9,20	3,13	3,2	1,4	24,23	5	22	HCO_3-Na	150
$В_{СА}$, 20–30	9,25	0,65	20,8	2,0	25,16	3	21	SO_4-Cl-Na	102
ВС, 70–80	9,15	-	13,4	1,7	-	-	-	SO_4-Cl-Na	273
ВС, 100–120	9,15	-	8,2	0,7	-	-	-	-	145

Инверсионная комплексность, описанная нами[1], почти всегда приурочена к ближайшим окрестностям (100–500 м) древних поселений.

Между почвенно-растительным покровом и микрорельефом в степной зоне известны определенные соотношения сообществ и микрорельефа: в увлажненных понижениях формируются лугово-черноземные почвы под луговой растительностью, а микроповышениям свойственны меньшая увлажненность, ксероморфизм, при близких соленых грунтовых водах – фитильный солончаковый эффект, соответственно, более разреженная растительность. Обычно луговые растительные сообщества располагаются в хорошо увлажненных, как правило, пониженных участках рельефа. В описываемых нами соотношениях данные сообщества занимают как раз противоположные в микрорельефе участки – они располагаются на микроповышениях рельефа.

Под явлением инверсии растительного покрова и рельефа мы понимаем соотношения, обратные типичным: луговые сообщества на черноземно-луговых почвах находятся на мезомикроповышениях, а полынно-типчаковые сообщества на солонцах осолоделых и солончаках расположены в микропонижениях.

Геморфологически явления инверсии почвенно-растительного покрова и мезо-микро рельефа приурочены к первым надпойменным террасам рек с близким уровнем грунтовых вод, комплексным черноземно-луговым с солонцами почвенным покровом, и высоким уровнем антропогенной нагрузки, в частности, с перевыпасом крупного рогатого скота. Впервые подобные участки мы описали на территории Самарской области (Кинельский район), недалеко от с. Красносамарское. Совместно с археологами проводились исследования почвенно-растительного покрова в районе археологических памятников (курганов и поселения) эпохи средней бронзы, расположенных в долине реки Самары на второй террасе, общей здесь для рек Волги и Самары. Сходным при расположении данных сообществ с обратными соотношениями, является их расположение в окрестностях памятников эпохи бронзы: укрепленного городища Аландское в Оренбургской области, укрепленных (Аркаим) и неукрепленных (Лебяжье) поселений в Челябинской области.

Характерными чертами почв микропонижений является небольшая мощность гор. А (до 10 см), его малая гумусированность (5 %) по сравнению с почвами микроповышений (табл. 1), для которых средняя мощность гумусового горизонта составляет 40–80 см, а количество гумуса в верхней части достигает 10 % и плавно убывает с глубиной. В результате антропогенного воздействия произошла быстрая деградация растительного покрова. Солончаки и солоди подверглись дефляции. Причем современные колебания микрорельефа в окрестностях поселения Лебяжье составляют до 30 см. Причиной разрушения верхних горизонтов солонцеватых почв и солонцов является их непрочная пылеватая и пластинчато-плитчатая структура, облегченный гранулометрический состав. Устойчивыми против деградации оказались черноземно-луговые почвы, которые сегодня находятся на микроповышениях, покрытых луговой растительностью, способствующей сохранению поверхностных горизонтов почвы.

Объяснением сложившихся инверсионных соотношений микрорельефа и почвенно-растительных группировок служит антропогенное воздействие, вызвавшее быструю дефляцию почв. Оно было наложено на формировавшуюся в течении нескольких тысячелетий неоднородность, а именно, комплексность почвенного покрова с обычной приуроченностью почвенно-растительного покрова к элементам микрорельефа.

---

[1] Плеханова Л. Н., Иванов И. В. Инверсионные соотношения почвенно-растительного покрова и микрорельефа в степной зоне // Степи Северной Евразии. Оренбург. 2000. С. 311–312; Плеханова Л. Н. Прямые и обратные соотношения почвенно-растительного покрова и микрорельефа в степной зоне // Геоэкологические проблемы почвоведения и оценки земель. Т. 1. Томск. 2002. С. 172–178; Плеханова Л. Н., Демкин В. А., Зданович Г. Б. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена. М. : Наука. 2007.

Выявленные нами впервые[1] обратные соотношения современных черноземно-солонцовых-солончаковых комплексов низких надпойменных террас малых рек с характерным развитием черноземов на микроповышениях и солончаков на микропонижениях, сформировались в результате действия как природных факторов, так и антропогенного влияния в древности и в настоящее время. Их возможно рассматривать как показатель антропогенной нагрузки на ландшафт общества разных эпох. Образование комплексности началось не позднее середины II тыс. до н.э. и связано с пастбищной дигрессией окрестностей древних поселений. Аридизация климата в I тысячелетии до н.э. способствовала дальнейшему развитию комплексности почвенно-растительного покрова, но наиболее резко она обозначилась в последние десятилетия (с середины XX в.н.э.), при увеличении пастбищной нагрузки на степные ландшафты, что и позволило их неоднократно зафиксировать на первых надпойменных террасах рек в различных регионах степного пояса Евразии.

Таким образом, в почвах и наносах небольшого неукрепленного поселения Лебяжье VI, древнее антропогенное воздействие к настоящему времени фиксируется в виде формирования культурного слоя, и, соответственно, палеоурбаноземов с встроенным культурным горизонтом, а также в формировании обратной, или инверсионной комплексности почвенно-растительного покрова и микрорельефа. Данная комплексность отражает древнее воздействие, давшее толчок к своему формированию, а также неоднократно возникшие условия (избыточного давления на ландшафт, и ответных реакций деградированных ландшафтов, путем продуктивности регулировавших деятельность общества[2], способствовавшие поддержанию сложившихся инверсий.

Л.Н. Плеханова,
(ИФХБПП РАН, г. Пущино;
ЧелГУ, г. Челябинск),
Я.В. Рафикова
(НМ РБ, г. Уфа)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОПОЧВ ПОСЕЛЕНИЯ НОВО-БАЙРАМГУЛОВСКОЕ (БАКШАЙ) НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРСКОГО ЗАУРАЛЬЯ[3]

Комплексное изучение археологических объектов с привлечением методов естественных дисциплин заметно дополняет существующие представления о духовной и хозяйственной жизни древних народов, о роли природной среды в сложении того или иного хозяйственно-культурного типа. Накопление данных о физико-химических свойствах культурных слоев Зауралья, сделает возможным описание разнообразия природно-антропогенных отложений, в настоящее время классифицируемых как культурные слои (далее КС).

Накопленный сегодня полевой экспериментальный материал, круг и полнота решаемых вопросов, уровень теоретического обобщения данных дали основание говорить о формировании на стыке наук нового научного направления. Было предложено называть его *археологическим почвоведением* или *педоархеологией*[4]. Основными объектами естественнонаучных иссле-

[1] Плеханова Л. Н. Прямые и обратные соотношения почвенно-растительного покрова и микрорельефа в степной зоне // Геоэкологические проблемы почвоведения и оценки земель. Т. 1. Томск. 2002. С. 172–178; Плеханова Л. Н. Инверсионные соотношения как показатель антропогенной изменчивости почвенно-растительного покрова и микрорельефа в степной зоне. // Устойчивость почв к естественным и антропогенным воздействия. М., 2002. С. 70–71; Плеханова Л. Н. Деградация почв степного Зауралья в местах древних антропогенных нарушений. // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. М. : Наука . 2006. С. 552–564; Плеханова Л. Н. Почвы заповедника Аркаим в свете антропогенных преобразований // Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследования. М., Сб. науч. трудов / Серия: Труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск : Изд-во «Крокус», 2006. С. 133–166.

[2] Плеханова Л. Н. Этноэкологическая роль почвенного покрова // Тезисы конференции «Биосферные функции почвенного покрова», посвященной 100-летию со дня рождения В. А. Ковды. Пущино, 2005. С. 77–78.

[3] *Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ и РГНФ.*

[4] Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология. Пущино: ПНЦ РАН, 1997; Демкин В. А., Рысков Я. Г., Губин С. В. Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // Известия АН СССР. 1989. № 6. С. 40–51. (сСр. геогр.).

дований на археологических памятниках являются погребенные почвы, дневные почвы, сформировавшиеся на курганных насыпях и культурных слоях, исходные и вторичные новообразования, почвенно-грунтовая масса, используемая как материал для сооружения курганов, жилищ, крепостных стен и т.д. Изучение палеопочв археологических памятников позволяет решать вопросы: 1) природной эволюции почв – восстановление вековой динамики, скорости и направленности почвенных процессов, изменения природных условий за историческое время; 2) истории – реконструкции облика археологических стоянок, технологии их строительства; 3) экологии – определение скорости восстановления нарушенных систем с момента ухода населения с поселений до сегодняшнего времени. Поселенческие памятники исследованы мало, вместе с тем, только поселенческие памятники могут быть использованы при рассмотрении распределения артефактов в почвенной толще, интеграции культурного слоя в природную среду, роста природно-антропогенных наносов, и, в конечном счете, при индикации антропогенных воздействий на окружающую среду[1].

Рассмотрение разновозрастных КС дает возможность проследить жизнь общества и природные процессы в их динамике, изменение слоя под влиянием зональных климатических условий, оценить время восстановления почвами своих прежних свойств и функций, преобразованных деятельностью человека, то есть оценить регенеративные свойства почв, как компонента экосистем. В настоящее время сложилось представление, что КС необходимо рассматривать как результат производственной деятельности человека, результат процесса преобразования почв вследствие этой деятельности и наложения на него естественных процессов. Культурный слой – это, прежде всего, порода, хотя и имеющая двойственную природно-антропогенную основу. Он состоит из артефактов и заполнителя. Заполнитель культурного слоя обычно формируется из материала исходной почвы или породы с примесью остатков строительного и бытового мусора.

Памятник «поселение Ново-Байрамгуловское (Бакшай)» расположен в лесо-степной зоне провинции Зауральского пенеплена в подзоне предгорной лесостепи, на административной территории республики Башкирия между городами Уральск и Белорецк, в 2,4 км от с. Ново-Байрамгулово, в 1 км от обелиска Европа-Азия, в 1,4 км от деревни Гадельшина, вблизи ручья Бакшай. Почва сформировалась на суглинках, подстилаемых делювиально-пролювиальными отложениями. Фоновый разрез расположен в 100 м от памятника под разнотравно-луговой ассоциацией. Площадь проективного покрытия растениями 85–90 %. В месте разреза доминируют льнянка сор 2 , на стадии цветения, бедренец сор 1, цветение, мятлик сор 2, вегетация (обилие указано по шкале Друде). Часто встречаются кротовины. Присутствуют растения нарушенных местообитаний, такие как полынь, льнянка, чертополох, растения зарастающего луга (пастбищные) – репешок, пырей. Кроме того, в видовом составе отмечены растения-рудералы: одуванчик, полынь обыкновенная, коротколепестник. В данном местообитании происходит сукцессионная смена видов от старопахотного сообщества через пастбищное к луговому разнообразному. Таким образом, местообитание, возможно, определить как старопахотный луг.

Разрезы почв поселения характеризуют антропогенно-преобразованные почвы, включающие в себя горизонт «культурный слой» различной мощности. Фоновой почвой является суглинистый языковатый чернозем луговый (рабочее название), вероятно, с несколькими циклами засоления-рассоления в профиле, реликты которых визуально не видны, но при подсыхании стенки профиля фиксируются в виде выступающих солей. В пределах поселения сформировались антропогенно-преобразованные почвы представленные палеоурбаноземами с различной степенью трансформации, с новыми горизонтами, встроенными в систему горизонтов естественных почв.

Палеоурбаноземы поселения «Ново-Байрамгуловское (Бакшай)» характеризуются следующими особенностями.

---

[1] Ахтырцев Б. П. О влиянии первобытного человека на почвенный покров в местах стоянок // География и плодородие почв. Воронеж : ВорГУ, 1973. С. 15–25; Плеханова Л. Н., Демкин В. А. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Почвоведение. 2005. № 9. С. 1102–1111; Плеханова Л. Н., Демкин В. А., Зданович Г. Б. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена. М. : Наука, 2007.

1. Границы КС/погребенная почва фиксируются хорошо во всех случаях. Глубже 50-см в разрезах сохранилась нижняя часть погребенной почвы, представленная горизонтом [A/B], тонкие языки-трещины которого, без сомнений, являются реликтом эпохи с континентальным климатом, имевшей место до строительства поселения, т.е. более 3500 лет назад, что наглядно демонстрируется на разрезе 2. В фоновой почве (разрез 1) фиксируются глубокие языки-трещины одной генерации шириной около 10 см, глубиной до 100 см, с размытыми краями, что является свидетельством изменения климата в сторону резкой континентальности. После появления на территории племен эпохи бронзы в почвах фиксируются лишь небольшие тонкие языки-трещины (шириной до 3 см и глубиной до 5 см), заполненные материалом КС (например, в разрезах 2, 4), глубоких клиновидных структур с зольным заполнением не зафиксировано, что свидетельствует о смягчении климатических условий по сравнению с ранним и средним голоценом.

2. Неясным остается вопрос с морфологическим горизонтом [A1], зафиксированном в разрезах 2–6. Поскольку горизонт лежит выше культурных слоев, он не может являться верхней частью древней почвы, существовавшей до поселения, да и во время эксплуатации территории поселения данный горизонт должен был быть разрушен. То есть, данный горизонт формировался после того, как люди покинули поселение. Но лежит он довольно глубоко (25–40 см), и, в таком случае, отражает аномально быстрое осадконакопление в пределах локальной территории. В его толще впоследствии в несколько этапов сформировались солонцы, а данный горизонт остался нижней частью былого A1, образовавшегося после того, как племена ушли. Вызывает вопросы время существования поселения и визуальная гумусированность горизонта – если поселение существовало около 3–4 тыс. л.н., то мощность и гумусированность горизонта визуально высоки. Вероятно тогда, что поселение было более ранним, необходимо датирование. К тому же, если возраст КС около 3–4 тысяч лет, тогда здесь могут играть роль региональные особенности именно башкирского Зауралья, не описанные ранее. Но существует вероятность какой-либо иной причины сохранения такой мощности и прокраски данного горизонта. В любом случае, необходимы численные характеристики химических свойств, и сравнение их с аналоговыми почвами.

3. Культурные слои разнообразны. Описаны темный, светло-серый и черный культурные слои с разными свойствами и происхождением в результате различной антропогенной деятельности. Выявление химических особенностей слоев, а также их залегания в плане поселения возможно, позволят выявить либо этапы заселения памятника, либо различное хозяйственное использование участков поселения.

4. Зафиксированы и описаны солонцовые структуры двух генераций, с различными размерами столбчатых отдельностей [AB_{SL1}]и [AB_{SL2}] (с трещинами и отдельностями соответственно через 7–10 см и тонкостолбчатый солонец с отдельностями шириной 3–5 см и длиной до 5–7 см). Данный факт является важнейшим при рассмотрении истории формирования засоленных почв региона, и ключевым, поскольку в разрезах 2, 7 и 9 (впервые в Зауральском регионе) четко зафиксированы солонцы двух генераций, морфологически впоследствии слившиеся в один на большинстве исследованных до этого памятниках. Для степной зоны в целом данный факт фиксировался в Самарской долине (раскопки 1999 гг.) Л.Н. Плехановой и И.В. Ивановым, но описан как единичный, и не вполне характерный. Для памятников окрестностей городища Аркаим подобные структуры не зафиксированы однозначно, но с большой долей вероятности, также были представлены, поскольку погребенные солонцы описаны автором неоднократно.

5. Привлекает внимание остаточная зернистость и копролитность в горизонтах AB. Можно предполагать, что промачиваемость почв памятника застойными водами из канавы антропогенного происхождения, после которой все равно сохраняются особенности остаточно-зернистой структуры, позволит выявить недостающие детали в картине их происхождения в регионе.

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов
(ДОКМ, г. Донецк)

ПОГРЕБЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КОМСОМОЛЬСКОГО (АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ): НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

Среди погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья немало таких, которые словно символизируют основные вехи социальной истории степных племен. Это, например, захоронения из Натальино II, 7/1, Саратовская обл.[1] и Быково, 1/5, Волгоградская обл.[2] Они содержали стрелы и булавы, что является ярким свидетельством в пользу гипотезы о развитии раннесрубного общества данной территории по военному пути политогенеза[3].

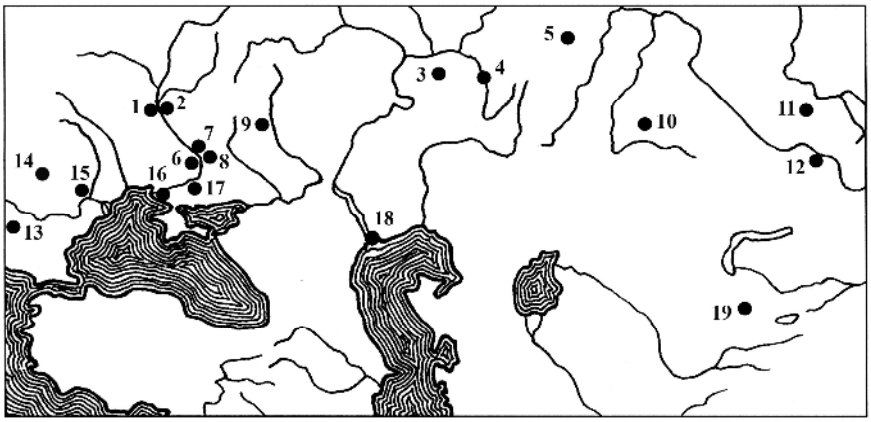


Рис. 1. Карта распространения бритв и матриц для их отливки: 1 – Головуров; 2 – Деревянное; 3 – Дербедени; 4 – Уфа; 5 – Шадринск; 6 – Волошское; 7 – Лобойковка; 8 – Вязовка; 9 – Терешково; 10 – Саргары; 11 – Алтай; 12 – Прииск Степанова; 13 – Фурен; 14 – Чинку; 15 – Бэлень; 16 – Кардашинка; 17 – Высокое; 18 – Комсомольское; 19 – Шамши

На фоне более поздних срубных погребений выделяется грунтовый кенотаф (п. 16), исследованный близ Комсомольского, Астраханская обл. (рис. 2, *1*). Здесь в прямоугольной яме размерами около 0,95 х 0,75 м, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, находились бронзовые клепаный сосуд, нож, бритва, шило, бусина, золотая височная подвеска, каменные пест и диск, а так же фрагменты деревянных предметов неясного назначения[4]. Этот комплекс уже привлекал внимание исследователей[5], но стоит рассмотреть его более детально. Из артефактов, выявленных в кенотафе, коснемся прежде всего бритвы (рис. 2, *2*) (по типологии Е.Н. Черныха, это – нож типа Н-42[6]; ниже мы будем говорить именно о бритвах этого типа, аб-

[1] Малов Н. М. Погребения с булавами и втоками Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 16–18.
[2] Смирнов К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. 1957. Т. 27. С. 210.
[3] Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004. С. 74–75.
[4] Boroffka N., Sava E. Zu den steinernen «Zeptern/Stossel-Zeptern», «Miniatursaulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens // Archaologische mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin, 1998. Bd. 30. S. 84, abb. 47.
[5] См., например: Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001. С. 161–162; Бандрівський М. Клепані «казани» і дволезі сокири: щодо витоків релігійних уявлень на заході українського лісостепу в пізній період епохи бронзи // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2007. Вип. 11. С. 44.
[6] Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976. С. 122.

страгируясь от других, бытовавших в эпоху поздней бронзы[1]). Стоит напомнить, что данные изделия были впервые трактованы как бритвы В.А. Городцовым[2].

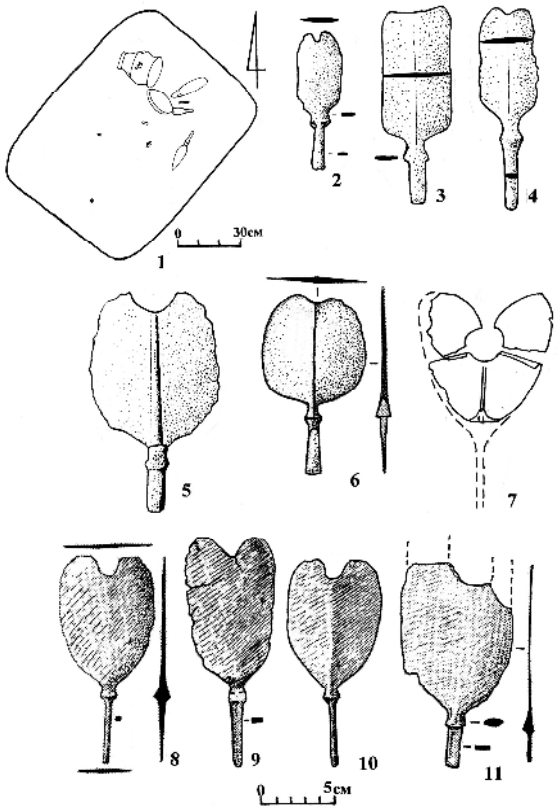


Рис. 2. Погребение из Комсомольского (1) и бритвы: 2 – Комсомольское; 3 – Высокое; 4 – Дербедени; 5 – Лобойковка; 6 – Терешково; 7 – Бэлень; 8 – Саргары; 9 – прииск Степанова; 10 – Алтай; 11 – Шамши (1, 2 – по: Boroffka, Sava, 1998; 3 – по: Отрощенко, 2001; 4 – по: Дергачев, Бочкарев, 2002; 5, 7 – по: Leskov, 1981; 6 – по: Пряхин, Синюк, Матвеев, 1981; 8-11 – по: Аванесова, 1991)

На территории степи и лесостепи Восточной Европы бритвы, подобные комсомольской (но не идентичные ей), выявлены в кладах из Лобойковки, Днепропетровская обл.[3] (рис. 2, *5*), Терешково, Воронежская обл.[4] (рис. 2, *6*), Дербеденей, Татарстан[5] (рис. 2, *4*) и инвентаря погребения из Високого, 6/1, Запорожская обл.[6] (рис. 2, *3*). Матрицы для отливки близких изделий выявлены в Вязовке, Днепропетровская обл.[7] (рис. 3, *9*), а так же, вероятно, Головурове, Киев-

[1] См., например: Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982. С. 119; Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. С. 28–32.

[2] См.: Дмитриев П. А. Литейная форма из Шадринского музея // Труды Секции археологии РАНИОН. 1930. Т. 5. С. 60.

[3] Leskov A. M. Jung- und spatbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Schwarzmeergebiet (Depots mit einheimischen Formen) // Prahistorishe bronzefunde. Münhen : C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung, 1981. Taf. 3, A, 48; Клочко В. І. «Лобойківська металургія» (до роблеми східного кордону Східнотшинецької культури) // «Trzciniec» system kulturowy czy interkulturowy process? Poznan, 1998. Рис. 12, 4.

[4] Пряхин А. Д., Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье // СА. 1981. № 1. Рис. 1, 3.

[5] Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002. Табл. 104, В, *2*.

[6] Отрощенко В. В. Проблеми періодизації... Мал. 32, *2*.

[7] Лесков А .М., О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967. 7, 15.

ская обл.[1] (рис. 3, *4, 5*), Деревянном, Киевская обл.[2] (рис. 3, *6*), Волошском, Днепропетровская обл.[3] (рис. 3, *7*). В Башкирском краеведческом музее (г. Уфа) хранится матрица для отливки бритвы[4] (рис. 3, *1*). По мнению Е.Н. Черныха, данная бритва может быть отнесена к «дербеденевскому типу»[5].

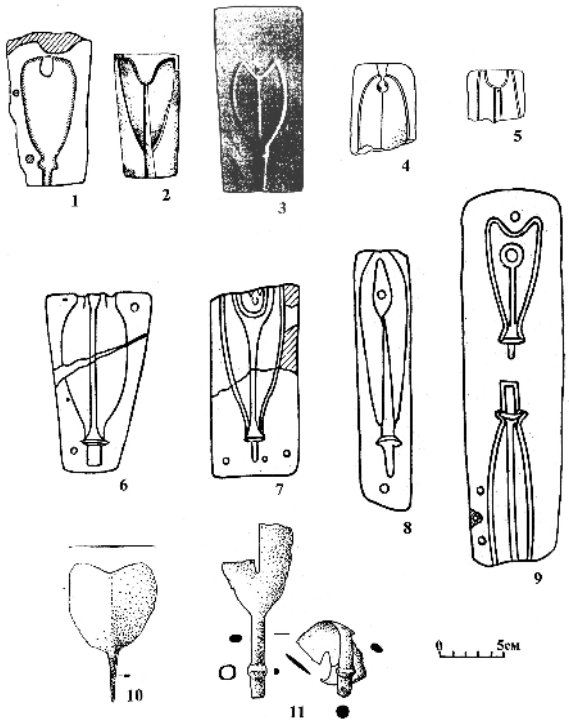


Рис. 3. Матрицы для отливки бритв (включая предположительные) и бритвы: 1 – Уфимский музей; 2 – Фурен; 3 – Шадринский музей; 4, 5 – Головуров; 6 – Деревянное; 7 – Волошское; 8 – Кардашинка; 9 – Вязовка; 10 – Гессельберг; 11 – Чинку (1 – по: Обыденнов, 1991; 2 – по: Николов, 1974; 3 – по: Дмитриев, 1930; 4, 5 – по: Шарафутдінова, 1973; 6–9 – по: Лесков, 1967; 10 – по: Hansen, 1994; 11 – по: Soroceanu, 1996). 1, 6–10 – масштаб неизвестен

Рассматриваемые бритвы появляются на юге Восточной Европы в III периоде по периодизации В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева[6] (ниже мы используем именно ее). Ни один из содержавших данные предметы комплексов не датируется раннесрубным временем. Показательно и то, что среди многочисленных матриц, выявленных на поселениях Мосоловка, Воронежская обл. (II период) и Усово Озеро, Донецкая обл. (II-III периоды) нет ни одной с негативом бритвы[7]. Традиция производства интересующих нас бритв угасла к белозерскому времени. Находок данных изделий в комплексах белозерской культуры нам не известно, хотя среди матриц Кар-

[1] Шарафутдінова І. М. Бронзоливарна майстерня в с. Головурів на Київщині // Археологія. 1973. Вип. 12. Рис. 1, 3; 2, 4б.
[2] Лесков А .М. О северопричерноморском очаге… Рис. 12, *5*.
[3] Там же. Рис. 7, 4.
[4] Обыденнов М. Ф. Поселения древних скотоводов Южного Урала. Саратов, 1991. Рис. 51, 1.
[5] Черных Е. Н. Древняя металлообработка ... С. 122.
[6] Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы… Рис. 1.
[7] Березанская С. С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990. С. 60; Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1996. Кн. 2. С. 18–49.

дашинской мастерской имеется одна, похоже, предназначавшаяся для производства бритв[1] (рис. 3, *8*). Во всяком случае, так считают некоторые авторы[2].

Бритвы, имеющие определенное сходство с восточноевропейскими, использовались в позднем бронзовом веке и на Балканах, о чем свидетельствует поврежденный артефакт из клада культуры Ноуа, найденного в Бэлень, Румыния[3] (рис. 2, *7*), и матрица из Фурена, Болгария[4] (рис. 3, *2*). В связи с последней уместно вспомнить литейную форму, обнаруженную на поселении Костешты VII, Молдова, относящемся к памятникам раннего фракийского гальштата (X–IX вв. до н.э.). На матрице можно видеть негатив, который, возможно, предназначался для отливки бритвы, напоминающей фуренскую[5]. Не исключено, что фрагментом бритвы, близкой восточноевропейским, является артефакт с поселения лужицкой культуры Ветшна, Польша[6].

Стоит также упомянуть бритву, входившую в состав клада из Чинку, Румыния[7] (рис. 3, *11*), датируемую периодом НаА1[8]. По конфигурации лезвия она довольно близка рассматриваемым, хотя может быть синхронизирована с раннебелозерским горизонтом[9]. Обратим внимание на то, что данный артефакт был согнут в основании черешка, как и бритва из Бэлень. Возможно, это совпадение не является случайным, и мы в обоих случаях сталкиваемся с какими-то знаковыми манипуляции.

Бритвы известны и в археологических культурах эпохи поздней бронзы Центральной Европы. Они происходят из кладов, погребальных комплексов и случайных находок. Для данных артефактов характерно многообразие типов, но морфологически центральноевропейские образцы несопоставимы с рассматриваемыми[10]. Единственное известное нам исключение – бритва из Гессельберга, Германия[11] (рис. 3, *10*).

Находки бритв, значительно более близких восточноевропейским, известны далеко на востоке – в Азии. Это – т.н. «бритвы типа III», по Н.А. Аванесовой[12]. Одна из них обнаружена в ограбленном погребении № 14 могильника Саргары II, Казахстан (рис. 2, *8*), где вместе с ней выявлены 5 сосудов и «кинжал-копье»[13].

Другое изделие входило в состав Шамшинского клада, Киргизстан[14] (рис. 2, *11*). Третье найдено на т.н. «прииске Степанова» близ Усть-Каменогорска, Казахстан[15] (рис. 2, *9*). Данное изделие, возможно, также происходит из клада, поскольку было обнаружено вместе с бронзо-

---

[1] Лесков А. М. О северопричерноморском очаге... Рис. 2, 6.

[2] См., например: Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9. С. 73; Аванесова Н. А. Культура… С. 31.

[3] Dragomir I. Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni in sudul Moldovei // Danubius. Istorie-etnografie. Galaţi. 1967. Vol. 1. Fig. 6, 11.

[4] Николов Б. Находки от края на бронзовата епоха във Врачанско // Археология. 1974. Кн. 1. С. 47.

[5] Дергачев В. А. Новые находки металлических предметов эпохи поздней бронзы на территории Молдавии // Археологические исследования в Молдавии (1977–1978). Кишинев, 1982. Рис. 3, 8.

[6] Крушельницька Л. І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної та Центральної Європи (рубіж епохи бронзи і заліза). Київ : Наукова думка, 1985. Рис. 18, 10.

[7] Petrescu-Dimboiţa M. Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977. P. 89, pl. 131, 9; Soroceanu T. Der Bronzedepotfund von Cincu/Grob-Schenk, Siebenbürgen // Eurasia Antiqua. 1996 (1997). Bd. 2, Kat. 88. S. 249, 270; abb. 4, 10.

[8] Petrescu-Dimboiţa M. Depozitele… P. 23–24, 80.

[9] Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы… Рис. 1.

[10] Hansen S. Studen zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbechen // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archajlogie. Bonn : Kommission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1994. Bd. 21, Teil 1. S. 97–115, abb. 61; Bouzek J. The Agean, Anatolia and Europe: cultural interrelations in the second millennium B.C. // Studies in Mediterranean Arhaeologi. Göteborg, Prag, 1985. № 29. P. 217–218, fig 103.

[11] Hansen S. Studen...Abb. 61, 18.

[12] Аванесова Н. А. Культура… С. 30–31.

[13] Зданович С. Я., Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Хабдулина М. К. Работы в Целиноградской области // АО-1975. М., 1976. С. 520; Аванесова Н. А. Культура… С. 30, рис. 25, 25; 35, 11.

[14] Кожумбердиев И., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 146.

[15] Аванесова Н. А. Культура… С. 30, 31.

вым теслом. Наконец, последняя из известных нам азиатских бритв найдена на Алтае (более точной привязки нет)[1] (рис. 2, *10*).

В музее г. Шадринска, Курганская обл. хранится матрица для отливки бритвы[2] (рис. 3, *3*). Этот артефакт свидетельствует о том, что рассматриваемые изделия производились и в Азии.

Если опираться на разработки В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева (а мы полагаем, что построения этих авторов достаточно надежно аргументированы), то следует признать, что восточноевропейские клады, содержавшие бритвы, являются более ранними, чем саргаринско-алексеевская культура[3] и Шамшинский клад, который синхронен последней[4]. Отсюда, в свою очередь, правомерно допущение, что азиатские бритвы интересующего нас типа производны от восточноевропейских. В целом же, мы сталкиваемся с распространением на огромной территории (рис. 1) и в разных археологических культурах типологически и функционально сходных изделий и стоящих за ними представлений.

Возвращаясь к погребению из Комсомольского, попытаемся уточнить его хронологическую позицию. По мнению В.В. Отрощенко, этот комплекс – один из самых поздних в рамках выделяемой исследователем т.н. «бережновско-маевской срубной культуры», и его следует датировать рубежом XIII и XII вв. до н.э.[5]. На наш взгляд, с этим не вполне можно согласиться (во всяком случае, – если придерживаться хронологической схемы В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева). Стоит обратить внимание на то, что бритва из Комсомольского (как, впрочем, и из Высокого) по конфигурации и отсутствию кольцевого упора довольно близка бритве из Дербеденевского клада. А его следует синхронизировать с памятниками сабатиновской культуры I этапа[6], а не II, с которым синхронизирует поздние памятники т.н. «бережновско-маевской срубной культуры» В.В. Отрощенко.

Бритвы в культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Азии относятся к очень редким категориям находок. Так, упомянутое захоронение из Высокого – пока единственное на территории Украины, где присутствовала бритва. Оно составляет лишь 0,04 % в массиве из 2500 учтенных нами позднесрубных захоронений этой территории. Показательны и следующие данные. Нами было учтено 42 клада бронзовых изделий с юга Восточной Европы, относящиеся к III и IV периодам схемы В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева. И лишь 3 из них содержали бритвы. К тому же, упомянутые клады включали более 900 предметов (точное число назвать невозможно как из-за того, что не все бывшие в кладах вещи стали достоянием науки, так и в силу противоречивости информации о части кладов в разных публикациях). Удельный вес бритв среди них – менее 0,3 %. Столь же редки и матрицы для отливки бритв. Не приводя конкретные цифры, отметим, что данные матрицы отсутствовали в большинстве крупных наборов литейных форм (Высшетарасовка 2, Красные Маяки, Андровка, Новокиевка, Малые Копани, Новоалександровка, Завадовка, Златополь, Днепрокаменка и др.). Из отмеченного следует однозначный вывод, что рассматриваемые бритвы в культурах Восточной Европы и Азии эпохи поздней бронзы не являлись утилитарными предметами повседневного обихода, но имели очень высокий семиотический статус и использовались лишь в определенных ситуациях. Погребение из Комсомольского как раз и позволяет несколько продвинуться в понимании этой проблемы.

Прежде всего подчеркнем, что данный комплекс, действительно, как об этом писали рассматривавшие его авторы, скорее всего, является именно кенотафом, а не кладом. Дело в том, что клады эпохи поздней бронзы, судя по тем редким случаям, когда известны все данные об обстоятельствах их обнаружения, находились в небольших ямах округлой формы или сосудах (изредка – бронзовых котлах), причем в первом случае входившие в них предметы размещались компактно[7]. Они не были разложены на относительно большом пространстве, как это

[1] Там же. С. 30.
[2] Дмитриев П. А. Литейная форма… Табл. 2, рис. 2.
[3] Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы… Рис. 1.
[4] Кожумбердиев И., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад… С. 150–152.
[5] Отрощенко В. В. Проблеми періодизації… С. 161–162.
[6] Дергачев В. А., Бочкарев В. С. металлические серпы… Рис. 1.
[7] См., например: Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 70, 197; Лесков А. М. О северопричерноморском очаге... С. 165; Сокольский Н. И. Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144; Никитин В. И., Черняков И. Т. Курлозский клад эпохи поздней бронзы // СА. 1981. № 2. С. 151; Обыденнов М. Ф.

имело место в комплексе из Комсомольского. Ориентировка ямы последнего также вполне соответствует характерной для срубных памятников данной территории. Близ юго-восточной стенки могилы находился нож. Изделия данной категории в погребениях срубной культуры являлись предметами для резки мяса[1]. По нашим наблюдениям, в тех случаях, когда в захоронениях с ножами были костяки, ножи чаще всего лежали перед ними, т.е., как и в нашем случае, у юго-восточной (при северной ориентировке – у восточной) стенки.

Несколько артефактов располагались на некотором отдалении от украшений и ножа, образовывая целостную группу в северо-восточной части ямы (рис. 2, *1*). Среди них наиболее уникален металлический сосуд. Он имеет в высоту около 13,5 см, а потому именовать его котлом, как это делают некоторые исследователи[2], не вполне корректно, поскольку известные к настоящему времени клепаные котлы эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Балкан демонстрируют значительно большую высоту: от, примерно, 30 до 105 см[3].

Рядом с сосудом лежали каменный пест, бронзовое шило и бритва. Что интересно и, очевидно, не случайно, все перечисленные предметы размещались вокруг каменного диска, причем, пест, шило и нож были направлены в его сторону длинной осью. Словом, перед нами, если использовать терминологию семиотики, – некий «текст», где каждый предмет являлся знаком, имеющим определенную семантику.

В работе Н. Бороффки и Е.И. Саввы было убедительно показано, что часто имеющая место корелляция пестов и каменных дисков (семантически тождественны ступкам) в контексте культовых комплексов свидетельствует о ритуальном использовании данных предметов[4]. Вместе с тем, гипотеза Е.И. Саввы, согласно которой этот набор связан с металлургическими культами, базирующаяся на том, что песты иногда встречаются вместе с матрицами[5], представляется нам несколько абсолютизированной. Судить о характере использования песта можно только на основании трасологических данных. Они же свидетельствуют о том, что эти изделия могли иметь самое разнообразное функциональное назначение. Среди пестов есть такие, которые, действительно, применялись в процессе подготовки сырья для производства металла[6]. Но,

---

Сведения… С. 106; Клочко В. І. «Лобойківська металургія»… С. 227; Ильюков Л. С. Клад бронзовых серпов из дельты Дона // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 123–124.

[1] Цимиданов В. В. Социальная структура… С. 53.

[2] См., например: Отрощенко В. В. Проблеми періодизації... С. 161; Отрощенко В. В., Тупчієнко М .П. Бронзові клепані казани та донецький гірничо-металургійний центр // Проблеми гірничої археології (матеріали II-го міжнародного Картамиського польового семінару). Алчевськ, 2005. С. 176; Бандрівський М., Клепані «казани»... С. 44.

[3] См., например: Филипченко В. А. Бронзовые котлы Астраханского музея // СА. 1962. № 1. С. 276; Членова Н. Л. «Киммерийский» котел из Башкирии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 133; Каталог археологических коллекций / сост. Б. А. Раев. Новочеркасск, 1979. Табл. 17, 17; Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. Киев, 1979. С. 26; Тереножкин А. И. Ягорлыцкий котел // СА. 1982. № 2. С. 219; Клочко В. Лубенський скарб // Пам'ятки України: історія та культура. 2003. № 4. С. 32; Демиденко С. В. К вопросу о происхождении клепаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. Рис. 2, 2; 5, 1–3; Отрощенко В. В., Тупчієнко М. П. Бронзові клепані казани... С. 176; Бандрівський М. Клепані «казани»... С. 38, 39; Горбенко К. В., Гребенников Ю. С., Смирнов А. И. Степная Троя Николаевщины. Николаев : Изд-во Ирины Гудым, 2009. С. 11.

[4] Boroffka N., Sava E. Zu den steinernen… S. 113.

[5] Савва Е. И. К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья // Известия АН Молдавской ССР. 1987. № 1. С. 68. (Сер. общественных наук).

[6] Зданович С. Я., Коробкова Г. Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 62; Кравец Д. П. Два горнометаллургических орудия из Старого Каравана (Северский Донец) // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1993. С. 183; Килейников В. В., Екимов Ю. Г. Каменные, керамические и костяные орудия с поселения Садовое VI // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж, 1996. С. 157; Пряхин А. Д. Мосоловское поселение… С. 83; Килейников В. В. Функциональный анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 119; Аванесова Н. А. Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканда // У истоков цивилизации : сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2004. С. 409; Коробкова Г. Ф., Вино-

кроме того, песты могли использоваться как кузнечные гладилки-молотки[1], точила[2], отбойники[3], орудия для измельчения отощителей в керамическом производстве[4], дробления зерна[5], растирания краски (обычно, – охры)[6]. Наконец, встречаются полифункциональные орудия. В частности, пест из п. 1 кургана 1 могильника Селезни-2, Тамбовская обл. (доно-волжская абашевская культура) сначала использовался для растирания охры, а потом – как кузнечный молоток[7].

Показательными в данной связи являются результаты трасологических исследований А.Н. Усачука. Им были изучены три «песта»[8] эпохи бронзы.

Первый «пест» хранится в коллекции М.Л. Швецова (г. Донецк). Место находки изделия неизвестно (предположительно – территория Донецкой области). Артефакт изготовлен из песчаника с большим содержанием кварца и слюды. Он имеет грибовидное навершие, округлое поперечное сечение и три боковых выступа[9]. Трасологический анализ показал, что орудие изготовлено техникой пикетажа и шлифовки. Особенно тщательно обрабатывались участки грибовидного навершия и выступов. Поверхность артефакта хорошо заглажена. Торец грибовидного навершия имеет микроутраты поверхности, которые завальцованы. На нижнем торце видны следы небольшой забитости[10]. Заметим, что эта легкая забитость не характерна для рабочих поверхностей пестов, применявшихся в процессе дробления и растирания твердых материалов[11]. Очевидно, рассматриваемый «пест» использовали для дробления и растирания мягких материалов (зерно, тра-

---

градов Н. Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2004. 2. С. 60. (Сер. 1: Исторические науки).

[1] Зданович С. Я., Коробкова Г. Ф. Новые данные… С. 63; Пряхин А. Д. Мосоловское поселение… С. 89.

[2] Субботин Л. В. Орудия труда, оружия и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Материалы по археологии Украины. Одеса, 2003. Вып. 1. С. 84; Коробкова Г. Ф., Виноградов Н. Б. Каменные и костяные орудия… С. 60.

[3] Килейников В. В. Функциональный анализ… С. 123.

[4] Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург, 1992. С. 74.

[5] Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческих обществ юга СССР. Л., 1987. С. 192; табл. 14–18, 20–30, 34–37 и др.; Субботин Л. В. Орудия труда… С. 84; Коробкова Г. Ф. Хозяйственно-производственная деятельность населения Алтын-депе (по данным комплексного изучения каменных орудий) // Орудия труда и проблема жизнеобеспечения населения Евразии. СПб., 2004. С. 110; Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб., 2005. С. 172.

[6] Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы… Табл. 14–18 и др.; Субботин Л. В. Орудия труда… С. 80; Коробкова Г. Ф., Виноградов Н. Б. Каменные и костяные орудия… С. 60; Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение… С. 172. Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы… Табл. 14–18 и др.; Субботин Л. В. Орудия труда… С. 80; Коробкова Г. Ф., Виноградов Н. Б. Каменные и костяные орудия… С. 60; Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение… С. 172.

[7] Килейников В. В. Функциональная оценка каменных орудий кургана 1 группы Селезни-2 // Пряхин А. Д., Моисеев Н. Б., Беседин В. И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж : ВорГУ, 1998. С. 40–41.

[8] Здесь и ниже мы берем слово «пест» в кавычки, поскольку, строго говоря, все три изделия использовались не только как песты.

[9] Изделие уже было опубликовано. См.: Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 1. С. 22; рис. 11, 10. Правда, М. Л. Швецов ошибочно писал о четырех выступах, но это – не принципиально. Более важно другое. Данный пест относится как раз к серии тех, которые, по мнению Е. И. Саввы, являются атрибутами металлургических культов. Типологически артефакт может быть отнесен к эпохе поздней бронзы.

[10] На обоих торцах зафиксированы также немногочисленные следы современной забитости, возникшие после находки песта. Данные следы (слабые, светлые, свежие) исключены нами из анализа.

[11] Ср. Килейников В. В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. Воронеж : Изд-во ВорГУ, 1984. С. 113; Зданович С. Я., Коробкова Г. Ф. Новые данные… С. 62; Абдулганеев М. Т., Кунгурова Н. Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С 193; Коробкова Г. Ф., Виноградов Н. Б. Каменные и костяные орудия… С. 60; Горащук И. В., Колев Ю. И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара : Самар. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 90–91; Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка… С. 209 и др.

вы). В районе нижнего торца орудия видны разновеликие небольшие сколы и один довольно обширный скол. Все эти сколы затерты и залощены. Отсюда видно, что орудием продолжали работать и после частичной утраты рабочего торца. Продолжительность эксплуатации торца значительна, поскольку, кроме затертостей и залощенности сколов, орудие несет следы сильной завальцонности грибовидного навершия и интенсивной сглаженности всех выступов. Подобная сработанность возможна от длительного во времени контакта орудия с кожей рук.

Второй изученный трасологически «пест» еще более интересен, поскольку происходит из погребения срубной культуры (могильник Зинцева Балка на окраине г. Мариуполь, Донецкая обл., к. 4, п. 7[1]). Данный артефакт выявлен в захоронении женщины 17–19 лет (определение А.А. Хохлова). Он изготовлен из гранита. «Пест» имеет форму вытянутого и сужающегося к одному из торцов четырехгранника (грани сильно скруглены). Поверхность орудия сильно заглажена и залощена, но при этом узкий торец залощен слабее, чем остальная часть поверхности. На нем видны следы легкой затертости. Широкий торец имеет несколько выпуклую поверхность, на которой заметны малочисленные слабовыраженные следы забитости. Вместе с тем, и этот торец залощен. Еще более залощены боковые грани. На них есть сколы. Все они, кроме одного, завальцованы и залощены. Орудие использовалось при работе с мягким материалом. Сколы и забитость связаны с использованием изделия как песта, затертость торцов – с применением его как растиральника, а сильная залощенность – с большой продолжительностью использования орудия. Интересно, что в работе использовался не только широкий торец, но и узкий. Последний, правда, – непродолжительное время.

Третий «пест» (материал – диорит) был найден во время разведки на поселении Вишневый Сад (Амвросиевский р-н Донецкой обл.)[2]. На памятнике выявлен материал, начиная от эпохи палеолита и заканчивая средневековьем, в т.ч. – фрагменты сосудов бабинской и срубной культур[3]. Изделие имеет круглое поперечное сечение и торцы разной величины. Поверхность, исключая торцы, хорошо заполирована. Это говорит о том, что орудие изготовлялось очень тщательно. Большие затраты труда на его изготовление и сырье (в Приазовье диорит встречается нечасто) свидетельствуют в пользу первоначального ритуального применения изделия. Но определенном этапе оно стало использоваться иначе. Оба торца опоясаны широкими участками сбитых кромок. Это – следы применения изделия в качестве отбойника и отбойника-ретушера.

Трасологический анализ песта из Комсомольского не проводился. Но размещение изделия рядом с сосудом позволяет допускать его использование при изготовлении жидкого продукта. Уже высказана гипотеза о связи пестов из погребений эпохи поздней бронзы с производством священного напитка – сомы[4]. Показательно, что на поселении Тоголок-21, Туркменистан, датируемом второй половиной II тыс. до н.э., было выявлено множество пестов и «терок», применявшихся для приготовления культовых напитков из эфедры и мака[5]. Ранее один из авторов предлагаемой статьи выдвинул предположение, согласно которому известные в срубной культуре погребальные комплексы с пестами и растиральниками являются захоронением служителей культа[6]. Погребение из Комсомольского – еще одно из этой серии и – наиболее яркое.

В состав рассматриваемого «текста» входило шило. Его семантика в данном контексте не ясна. Но имеются и другие захоронения служителей культа с этими предметами. Так, шило выявлено в погребении из Орехово, 9/1, Днепропетровская обл.[7]. Здесь же найдена деревянная чаша, маркирующая погребения служителей культа[8]. Сошлемся также на п. 3 кургана Розкопа-

[1] Раскопки А. Н. Усачука, 2006 г.

[2] Разведки А. В. Колесника, 1982 г. Авторы благодарят своего коллегу за разрешение использовать материалы с данного памятника.

[3] Вероятно, к одной из этих двух культур и относится рассматриваемый артефакт.

[4] Дремов И. И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов : Научная книга, 2003. Вып. 5. С. 77.

[5] Сарианиди В. И. Колыбель пророка // Наука в СССР. 1988. № 5. С. 120–122; Сарианиди В. И. Протозороастрийский храм в Каракумах // Природа. 1988. № 11. С. 117–118.

[6] Цимиданов В. В. Социальная структура… С. 57.

[7] Телегін Д. Я., Терпиловський Р. В., Козловський А. Я., Пустовалов С. Ж. Оріхівські кургани на Дніпропетровщині // Археологія. 1984. Вип. 47. С. 50–52.

[8] Цимиданов В. В. Социальная структура… С. 75–77.

на Могила, Донецкая обл., где шило лежало в кучке астрагалов[1]. Последние являются знаком статуса служителя культа[2]. Эти и другие комплексы свидетельствуют о том, что присутствие в рассматриваемом «тексте» шила не должно вызывать недоумение. Не ясно, почему в его состав входила бритва. Данная проблема заслуживает отдельного изучения. Пока же отметим, что бритвы выявлены в погребениях «вождей-жрецов» майкопской культуры[3] и «царей-жрецов» в культурах бронзового века Скандинавии[4]. Конечно, все это – слишком далекие параллели, но они, во всяком случае, свидетельствуют в пользу принадлежности бритв к атрибутам носителей ритуальной функции. Очевидно, бритье в определенных ситуациях являлось сакральной операцией, о чем уже писалось[5]. В этом нет ничего удивительного, учитывая высокий семиотический статус волос (а, соответственно, и манипуляций с ними), зафиксированный у самых разных народов Земли[6]. В частности, древние греки порой приносили срезанные волосы в жертву богам, а у римлян вырывание человеком своих волос во время похорон не только являлось проявлением скорби, но и означало символическое жертвоприношением усопшему[7]. В фольклоре иранских народов (и не только у них) расхожим является мотив вызова на помощь дива путем сжигания клочка его волос, заблаговременно врученного положительному герою[8].

У индоиранцев высокую знаковую нагрузку носила и борода. Это видно из того, что боги арийского пантеона непременно изображались бородатыми – Индра[9], Агни[10], Пушан[11] и др. Интересен и один из эпизодов Нартовского эпоса осетин. В нем повествуется о том, как Уархагу – родоначальнику нартов перед свадьбой побрили бороду[12].

Уместно сослаться и на данные по другим индоевропейским народам. Так, борода являлась атрибутом многих богов, например, – Зевса, Одина[13], Тора[14]. Баварцы представляли ветер в виде старика с белой бородой[15]. Олицетворением больших рек в мифологии древних греков были бородатые старцы, льющие из больших сосудов водные потоки[16]. В данной связи стоит добавить, что водяной в немецком фольклоре (в русском, впрочем, – тоже) так же предстает в виде длиннобородого старца[17]. В верованиях русских и немцев борода являлась атрибутом и других мифологических существ, например, домового[18]. В фольклоре чехов фигурируют бородатые чародеи[19].

В средневековой Западной Европе борода ассоциировалась, среди прочего, с мудростью, благочестием, духовной силой. Манипуляции с ней несли высокую знаковую нагрузку. В частности, важным моментом в жизни молодого человека считалась первая бритье бороды. Миряне брили бороды, становясь монахами. Вместе с тем, борода была непременным атрибутом отшельников и затворников. С другой стороны, обривание бороды являлось символом печали[20].

---

[1] Цимиданов В. В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. Донецк, 2001. № 10. С. 228.
[2] Там же. С. 228.
[3] Латынин Б. А. Молоточковидные булавки… С. 74.
[4] Клейн Л. С. Бронзовый век Европы. Размышления над книгой К. Кристенсена и Т. Ларсона // РА. 2009. № 2. С. 171.
[5] Латынин Б. А. Молоточковидные булавки… С. 74.
[6] Ревуненкова Е. В. Представления о волосах (опыт сравнительно-типологического анализа) // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.
[7] Констебл Д. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 171.
[8] Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. С. 42–43.
[9] Топоров В. Н. Индра // Мифологический словарь. М., 1991. С. 246.
[10] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М., 1995. Т. 2. С. 5.
[11] Топоров В. Н. Пушан // Мифологический словарь. М., 1991. С. 456.
[12] Калоев Б. А. Уархаг // Мифологический словарь. М., 1991. С. 559.
[13] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения… С. 386.
[14] Там же. С. 335.
[15] Там же. С. 366.
[16] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения… С. 104.
[17] Там же. С. 106.
[18] Там же. С. 44–45.
[19] Там же. С. 359.
[20] Констебл Д. Бороды… С. 171

Отголоски представлений о сакральности бороды попали и в художественную литературу. Вспомним хотя бы Черномора из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», сила которого заключалась в бороде[1].

Учитывая приведенные выше факты, связанные с волосами и бородой, правомерно допустить, что у носителей срубной культуры бритье бороды или волос на голове имело место во время каких-то культовых действий.

Подводя итог рассмотрению кенотафа из Комсомольского, можно с достаточными на то основаниями предположить, что он, скорее всего, был связан с человеком, имевшим отношение к отправлению ритуальной функции. Любопытен факт присутствия в составе погребального инвентаря бусины и височной подвески. Набор из двух и более категорий украшений в срубной культуре попадал лишь в могилы женщин или (что встречается в единичных случаях) мужчин, «сменивших» свой пол на женский[2]. Подчеркнутая неординарность рассмотренного комплекса свидетельствует о большой роли служителей культа в жизни позднесрубного общества Нижнего Поволжья.

В.В. Рогудеев
(ГАУК РО «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОЛЕСНИЧЕСТВА В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

Начало эпохи поздней бронзы отмечено почти, что внезапным появлением в степи ярких погребальных комплексов воинов-колесничих.

Поэтому большой интерес вызывает вопрос о месте и времени появления колесниц и прослойки воинов-колесничих. Это в свою очередь определяет более пристальное внимание на памятники нашего региона предшествующего времени (катакомбного)[3].

Данная работа в определенной мере является продолжением статьи «Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества»[4]. Основной вывод – при анализе комплексов с повозками позднекатакомбного времени нельзя говорить о воинах-колесничих, но подобные погребения явно отражают социальную градацию общества.

По скупым археологическим остаткам можно приблизительно восстановить конструкцию повозок и колес. При этом остается совершенно не известной система и форма упряжи катакомбного времени. Также довольно редко повозки сопровождаются костями (черепа и кости ног) тягловых животных. При рассмотрении материалов Ближнего Востока можно констатировать, что археологические данные так же скупы и основная информация получена по разным изображениям и моделям.

Обратимся к этнографии. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (статья Рабочий скот)[5] кратко описано распространенное в Южной России шейное парное ярмо, которое представляется в виде вытянутого четырехугольника с двумя «пряслами», гораздо реже представлена лобная запряжка.

Очень важно следующее замечание – в Западной Европе употребляют для упряжи род хомута, но такая запряжка очень сложна, в силу чего и не может найти широкого распространения.

---

[1] Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Правда, 1981. Т. 3. С. 41.

[2] Цимиданов В. В. Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. № 5. С. 199.

[3] В последние годы вышли специализированные сборники, посвященные колесничеству в целом и упряжи в частности (псалиям): Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк. 2004; Происхождение и распространение колесничества. Луганск. 2008; Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург – Самара – Донецк. 2010.

[4] Рогудеев В. В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колестничества.// Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 71–90.

[5] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона Рабочий скот.

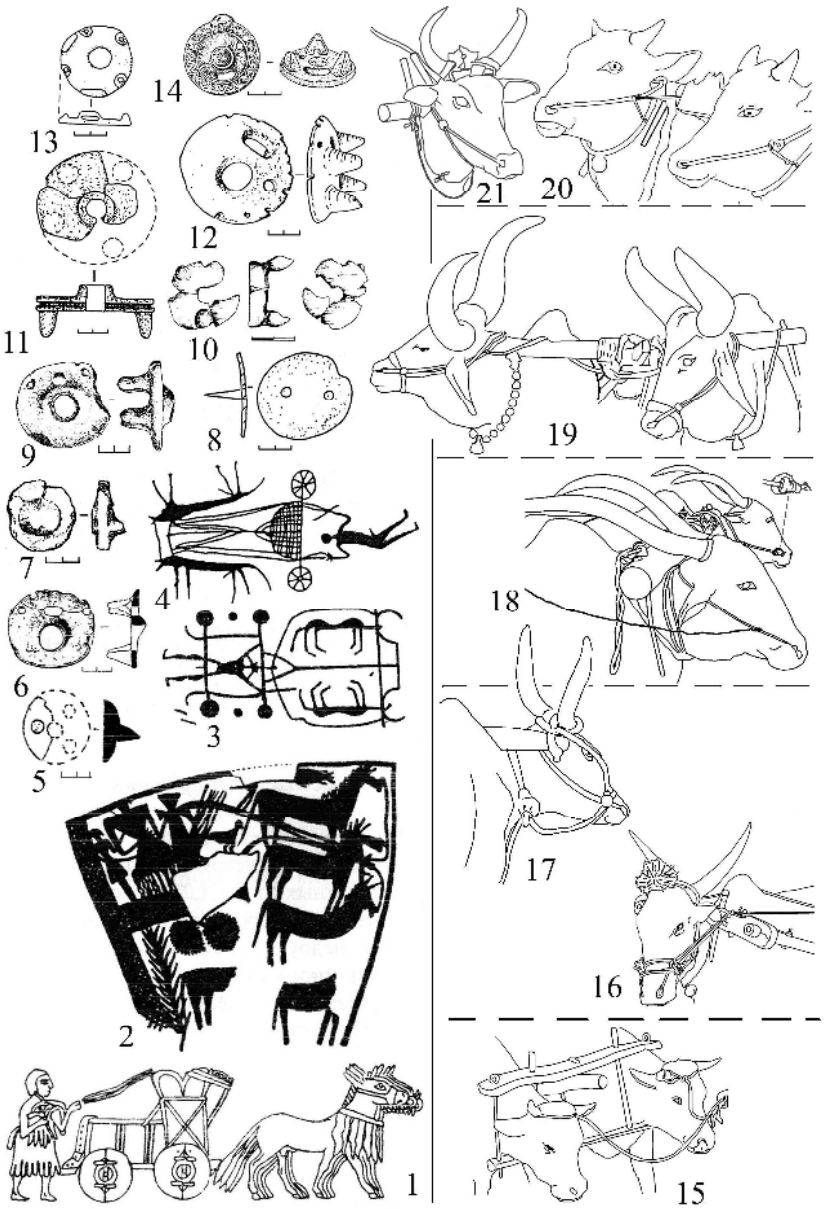


Рис. 1. 1 – штандарт из Ура (2-я половина 3 тыс. до н.э.); 2 – роспись сосуда из Хафадже, Месопотамия (середина 3 тыс. до н.э.); 3 – Армения, Сисианский района; 4 – Памир, Акджилга; 5 – пос. Утес Степана Разина; 6 – пос. Каменка, Крым; 7 – пос. Суруш; 8 – Каменный Амбар-5 к.2, п.8; 9 – Потапово к.3, п.4 (псалий 1); 10 – Танаберген к.7, п.23; 11 – Зардчахалифа; 12 – Трахтемиров (Средн. Днепр); 13 – Румыния, Бард; 14 – Микены, IV шахтовая гробница, круг А; 15 – Украина; 16–19 – Индия; 20 – Индонезия; 21 – Таиланд (15-21 – прорисовка по фотографиям)

Действительно бычья упряжь проста или откровенно примитивна. Это замечание объясняет – почему именно простая упряжь с рамочным ярмом сохраняется неизменной с эпохи ранней бронзы до XX века. Это в свою очередь заставляет более внимательно рассмотреть бычью упряжь разных регионов, сохранившуюся до XX века.

Следующее описание в словаре В. Даля: «Упряжь воловья: ярмо с занозами (затычками), прихваченное притыкою к войю (дышлу), и налыгач на рога; возжей нет, волы знают соб (направо, левый вол) и сабе (правый вол, налево); местами волов запрягают постромками, за рога, без войя; буйволам иногда продевают больницу в носовой хрящ, для вожжей. Парная уп-

ряжь, ярмо, и по одной вожже, взятой за больницу, за кляпыш, продетый в носовой хрящ»[1]. Кляпыш – завертка, застежка[2] (как для старой палатки – т.е. короткая палочка на шнурке).

Рассмотрим изобразительные материалы. Использованы фотографии и рисунки быков в упряжи. Я разделил бычью упряжь на две большие группы.

1. Вожжи идут к рогам быков (рис.1, *15*). Они привязываются или к основанию рогов (на голову), или к кончикам рогов.

2. Система с носовой тягой (рис.1, *16-17*) – шнур пропущен через носовой хрящ (см. описание В. Даля). Вожжи идут к этой носовой тяге. Кольцо в носу быка, это только разновидность этой системы.

В этой системе носовая тяга соединялась: а – с недоуздком (рис. 1, *16, 17, 19*); б – с ошейником (рис. 1, *18, 20, 21*), реже шнур носовой тяги завязывался вокруг рогов быка. Это было необходимо для того, чтобы ограничить свободный ход шнура носовой тяги. С одной стороны это ускоряло поворот головы быка, с другой – позволяло меньше травмировать нос животного.

Носовая тяга соединялась с недоуздком просто узлом (рис. 1, *16*) или посредством «бляшки», которая одновременно стопорила ход носовой тяги и соединяла ее с недоуздком (рис. 1, *17, 19*). Эта система для нас наиболее интересна, так как именно она явилась прототипом конской упряжи.

Не менее интересно соединение носовой тяги с ошейником. Носовая тяга соединялась с ошейником коротким шнурком. Свободный ход носовой тяги ограничивал стопорный узел, который упирался в петлю этого шнура (рис. 1, *20*). В другом случае стопорный узел упирался прямо в ноздрю быка. Площадь узла увеличивала стопорная шайба (рис. 1, *18*). Также отмечены случаи, когда носовая тяга соединялась с ошейником посредством цилиндрической бусины-трубки (рис. 1, *21*). Бусина стопорила скользящий узел. Таким же стопором выступал и «кляпыш».

В этой системе упряжь делится на одиночную и парную.

Одиночная упряжь (рис. 1, *16, 17*) – основной принцип, наличие двух вожжей. Наиболее интересна, с носовой тягой и недоуздком. Носовая тяга связана с недоуздком с двух сторон головы быка (узлами или «бляшками»). Далее носовая тяга становится вожжей. Иногда, она параллельно сопровождается и шнуром от недоуздка (рис. 1, *16*). Порой, одиночная упряжь с двумя вожжами используется и в парной запряжке (рис. 1, *17*).

Парная упряжь (рис. 1, *18–21*) – делится на две группы: а – внутреннее, б – внешнее расположение вожжей.

Внутренняя система расположения вожжей, наиболее распространенная и в наши дни (рис. 1, *15, 19–21*). С внутренней стороны упряжи к носовой тяге (или рогам) быка подвязана только одна вожжа. Например, для поворота направо тянут вожжу левого быка, он поворачивает и постепенно заставляет повернуться и правого быка. Соответственно налево – поворачивают правого вола. При внутренней системе каждый бык занимает свое определенное место. Эта система удобна, когда повозка занята грузом и возница сидит на дышле, уже между быками.

Внешняя система (рис. 1, *18*), с наружной стороны упряжи к носовой тяге также подвязано по одной вожже. Но с внутренней стороны носовые тяги двух быков связаны одним шнуром. То есть упряжь как бы закольцована. Для поворота направо тянут вожжу правого быка, а шнур, соединяющий носовые тяги, заставляет быстрее повернуться и левого быка. Вероятно, влияние одиночной системы упряжи. Иногда упряжь с 1 вожжей использовалась в одиночной упряжи.

Вернемся из этнографии в археологию. В целом в археологическом материале, кроме находок носовых колец со скелетами быков, остатки ранней узды отсутствуют. Другое дело разного рода изображения.

При рассмотрении колесниц Переднего Востока (рис. 1, *1–2*) видим, что используется «парная» упряжь с внутренней системой вожжей. Часто показан недоуздок, вместо носовой тяги – кольцо, к нему же идет вожжа. В целом, видно – для военных четырехколесных колесниц образцом послужили грузовые повозки, со всеми недостатками. При внутренней системе вожжей «медленное» управление животными, а при четырехколесной повозке без поворотного приспособления движение было только прямым – таранным.

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Терра, 1994. Т. 4. С. 505.
[2] Там же. Т. 2. С. 123–124.

Примерно в это же время появляется и упряжь с внешней системой вожжей. Так в Сисианском районе Армении, среди наскальных изображений есть рисунок телеги (рис. 1, *3*) запряженной быками, с внешней системой вожжей. Только шнур соединяет не носовые тяги, а рога быков. У телеги сзади продольные брусья загнуты как полозья саней, такую же особенность имеет повозка из катакомбного погребения, низовья р. Сал, м-к Балабинский-1 к. 10, богатое погребение 14[1].

Также шнур, соединяющий головы коней, показан на более позднем изображении колесницы Памира (рис. 1, *4*).

В большинстве степных комплексов средней бронзы с повозками (или колесами) нет костей тягловых животных, что затрудняет не только поиски возможных остатков упряжи, но и ставит вопрос – какие животные запрягались. В некоторых комплексах с повозками представлены черепа и кости ног быков. Поэтому важно погребение предкавказской культуры – Новый, к. 106, большая катакомба п. 14[2]. Во входном колодце парами – черепа и кости ног 2 коней и 2 быков. В это время известны разные лошади, так из катакомбного поселения Матвеевка I получены кости лошадей: малорослых и рослых; тонконогих, полутонконогих и средненогих[3].

В целом кони хорошо были известны не только в степи[4], но и на Ближнем Востоке[5], и в Средней Азии (БМАК)[6].

Изредка в степи встречаются комплексы с двухколесными повозками: 1- Элистинский 5/8, модель фургона 2-колесной повозки, 2 – в Лолинском 4/4 представлены остатки рамы с 2 очень маленькими колесами [7], 3 – Марьевка (Тягунова Могила) 11/27 остатки двухколесной повозки с гробовиной, 4 – Большой Ипатовский курган п.32, остатки закавказской двухколесной повозки[8].

К моменту появления в степи боевых колесниц, колесный транспорт и бычья упряжь с уздою прошли долгий путь развития и затруднительно выделить какой-нибудь маленький район, который может претендовать на единый центр изобретения колесниц и конской упряжи (узды). При рассмотрении развитой бычьей упряжи разных систем (вожжи на рога и узда с носовой тягой, соответственно с недоуздком и ошейником) можно с уверенностью говорить, что для упряжи коней можно было использовать преимущественно систему с носовой тягой и недоуздком, в которой носовая тяга переместилась в рот лошади и стала удилами. Этому способствовали особенности черепа лошади, между передними и задними (коренными) зубами есть пустой участок как раз для удил. Также лошади не являются жвачными животными – меньше вероятность перетереть мягкие удила. И особое внимание надо обратить на применение в бычьей узде стопорного узла и стопорной шайбы или «кляпыша», а также соединительно-стопорных «бляшек» и цилиндрических бусин.

Приведем небольшую подборку архаичных псалиев, от Средней Азии и Урала до Греции (Микен) (рис. 1, *5–14*). Подборка по нашему мнению, отражает разнообразные попытки улучшить известную узду с недоуздком.

---

[1] Рогудеев В. В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колестничества // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 84.

[2] Там же. С. 17.

[3] Журавлев О. П., Сычева Л. В. Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I. // СА. 1989. № 2. С. 151.

[4] Рогудеев В. В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колестничества.// Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 86.; Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения Южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4. С. 81.

[5] Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тыс. до н.э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 192.

[6] Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 37–39.

[7] Рогудеев В. В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колестничества // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 86.

[8] Избицер Е. В. Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы // Материалы по исследованию историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. 9. С. 125–130.

Маленькие псалии в виде простых шайб с шипами и 1 центральным отверстием (Танаберген к.7, п.23) (рис. 1, *10*). Круглый псалий с двумя шипами, но без центрального отверстия (Каменный Амбар-5 к.2, п.8) (рис. 1, *8*). Возможно, такие псалии крепились (вшивались) между ремнями недоуздка. Аналогичен им псалий (или заготовка) из пос. Суруш (рис. 1, *7*). Эти псалии ближе всего к небольшим стопорным шайбам, которые выполняли только функцию стопора, без соединения.

Псалий с шипами из Зардчахалифа более крупный с 1 центральным отверстием и желобком по торцу щитка (рис. 1, *11*). Видимо по этому желобку проходил шнур, которым псалий крепился к недоуздку.

Маленькие круглые псалии из Микен (рис. 1, *14*) без центрального отверстия, но отверстия есть по краю диска и в одном из шипов. Вероятно, псалий был «накладной», поверх недоуздка. Такими же были псалии с 2 отверстиями.

Остальные псалии, тоже небольших размеров, уже выполняли стопорно-соединительные функции. Центральное отверстие для удил и боковые отверстия для крепления недоуздка.

Время появления костяных псалиев можно определить по двум находкам.

1. Псалий из поселения Каменка в Восточном Крыму [1]. По словам исследователя, поселение раньше имело оборонительный вал, срытый в поздние годы. Наиболее ранними являлись жилища 1, 2 и 6. Из этих комплексов получен материал характерный для средней бронзы (катакомбной культуры): выпрямители стрел, обломки каменных топоров и керамика близкая по форме и орнаменту катакомбной посуде. Именно из жилища 1 происходит псалий (рис. 1, *6*).

2. Городище утес Степана Разина на правом берегу р. Волга, саратовская область[2]. Маленький обломок круглого псалия (рис. 1, *5*) вместе с катакомбной керамикой, в основном среднедонской катакомбной культуры. Возможно, он относится к ранним образцам с 1 центральным отверстием.

По материалу они связаны с позднекатакомбным (или финальнокатакомбным) временем. Материальные предпосылки для появления колесниц уже были. Катакомбное население хорошо знало коней, использовало двухколесные повозки.

Следует обратить внимание, что псалии происходят с укрепленных поселений. Каменке близка по материалу Ливенцовская крепость на Дону с многочисленными следами боевых действий. В Поволжье следует обратить внимание на памятники с вольско-лбищенской керамикой[3]. Пункты с такой керамикой, как правило, находятся на высоких естественно защищенных мысах. На Среднем Дону так же представлены поселения расположенные на высоких естественно защищенных мысах[4]. А.Д. Пряхин также отмечал распространение подобных поселений дальше на запад[5]. Все это отражает проявление военной агрессии на огромном пространстве катакомбной общности и соседних культур.

Вопрос, что могло способствовать агрессии на столь большой территории. Следует заметить, что в позднекатакомбное время резко ухудшается климат. Ухудшение климата (достаточно и многолетней засухи) заставляло искать новые пастбища, вероятно часть людей уходили со скотом дальше обычного, за пределы родовых участков. Потрава чужих пастбищ приводила к насилию и убийствам. Борьба за пастбища могла проходить и внутри племени, такие ситуации наблюдались, например, у казахов в XIX в.[6]. Более сильные и многолюдные семейные группы захватывали лучшие летние пастбища, творя насилие над более слабыми семьями. Это могло вызвать даже распад старых родо-племенных образований.

Можно предположить, что ухудшение климата привело к росту агрессии и быстрому распаду катакомбной общности изнутри. Вероятно, короткое время была ситуация – война всех

[1] Рыбалова В. Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. Вып 16. С. 19–20, 22.
[2] Василенко А. И. О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 141–141, рис. 5.
[3] Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших дней до наших дней (бронзовый век). Самара, 2000. С. 65–84.
[4] Пряхин А. Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982. С. 90–144.
[5] Там же. С. 126–127.
[6] Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 256–257.

против всех. С этим периодом, финальнокатакомбным, и следует связывать появление архаичных кованых копий и быстрое развитие, и распространение колесничества в степи. В результате сложились новые группировки, часть населения вообще должна была покинуть степь, оказывая давление на соседние территории. Мы уже писали о южном влиянии[1], так же было высказано предположение, что позднекатакомбное население могло совершать походы в Переднюю Азию. Возможно отражение таких передвижений – некоторые погребальные комплексы Муганской равнины на юго-востоке Азербайджана[2]. Отдельные детали сближают их с предкавказскими комплексами.

Примечательно, что комплексам воинов-колесничих, сосредоточенных в основном в лесостепи, «противостоят», но уже в лесной зоне, комплексы с оружием сеймо-турбинского круга. Показателен пример, архаичные псалии из Трахтемирова (рис. 1, *12*), Средний Днепр, а в лесной зоне комплексы среднеднепровской культуры уже с литыми копьями (Стрелица п.53 на р. Сож)[3].

К западу от Дона засухи случаются реже и здесь быстрее наступила стабилизация, сложилась культура КМК-Бабино и редки находки псалиев. В Волго-Уральском регионе засухи проявляются сильнее и длятся дольше и именно здесь больше всего комплексов колесничих, сильнее проявляется индивидуальный аристократизм в культуре. Волго-Уральский очаг культуро-генезиса, тезис В.С. Бочкарева[4], оказывается, прежде всего, очагом военного напряжения. И в этом районе происходит дальнейшее развитие упряжи. Следует отметить – по сравнению с архаичными псалиями, более поздние – с добавочной планкой распространены на меньшей территории.

Именно война явилась огромным стимулом для широкого использования коней в упряжке и преобразования бычьей узды в конскую. Военная необходимость заставила превратить двухколесные повозки в колесницы. В свое время шумеры для военных нужд использовали бычью упряжь с внутренней системой вожжей и неповоротливые четырехколесные повозки. Они только заменили быков на ослов и онагров. Эту взаимосвязь войны и колесниц уже отмечали исследователи[5]. Катакомбные погребальные комплексы четко показывают, что общество уже достигло социальной градации и имело предпосылки для выделения прослойки (или сословия) колесничих.

В заключении хочется сказать, что вычленение в археологическом материале деталей бычьей узды только предстоит. Это могут быть, прежде всего, стопорные шайбы, крупные костяные цилиндрические бусины с залощенным внутренним каналом и «кляпыши» в виде коротких стержней или пластин.

А.В. Файферт
(ГАУК РО «Донское Наследие», г. Ростов-на-Дону)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КУРГАННЫХ КОМПЛЕКСОВ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ (по материалам Нижнего Подонья)

К настоящему времени накоплен объем курганных раскопок позволяющий достаточно полную стратиграфическую колонку эволюции погребального обряда в эпоху энеолита – раннего бронзового века Нижнего Дона. Наиболее яркую и полную информацию дает стратиграфия следующих курганов: к. 9 могильника «Тузлуки», к. 121 могильника «Новый», к.5 могильника «Койсуг», к.1 могильника «Пустошкин I». Анализ данных памятников показывает, что раннеямные погребения непосредственно следуют после погребений константиновской культуры и

[1] Рогудеев В. В. Южный импульс в конце эпохи поздней бронзы (предварительное сообщение) // Археологические записки. Ростов н/Д., 2002. Вып.2. С. 142.
[2] Махмудов Ф. Р. оглу, Нариманов И. Г. оглу, Ахундов Т. И. оглу. Некоторые памятники эпохи бронзы Муганской равнины // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Европы. СПб., 2003. С. 147–148.
[3] Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967. Рис. 27.
[4] Бочкарев В. С. Культурогенезис и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010. С. 52–53.
[5] Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 177.

поздних энеолитических (?) комплексов с западной ориентировкой Койсугского могильника, а возможно, и синхронны им. К сожалению, исключительно малая инвентарность не позволяет проследить эволюцию, преемственность или различие материальной культуры. Что касается проблемы взаимосвязи репинской и раннеямной культур, то, в отношении изучаемого региона, по мнению автора, пока нет оснований для разделения этих понятий, в то время как для Среднего Дона эти они имеют вполне различное содержание.

Вопрос о времени, месте и путях перехода от ямного к катакомбному погребальному обряду и материальному комплексу пока далек от своего разрешения. Одна из главных тому причин – слабая разработанность подходов к изучению ранних катакомб, несмотря на обилие материала.

На Нижнем Дону, особенно на Правобережье, даже поверхностное сравнение материальной культуры не оставляет сомнений в непосредственном и практически одномоментном переходе от классического ямного обряда к Т-образным катакомбам и подбоям, а сами позднеямные памятники носят отпечаток «предкатакомбности». Если исходить из следующих положений: несомненная преемственность ямных и катакомбных погребальных традиций и материальной культуры (т. е. катакомбная культура возникала не на пустом месте), длительность и постепенность эволюции обрядности, – то складывается картина, в которой, при внимательном рассмотрении, характерные признаки катакомбных традиций прослеживаются (сответственно и формируются) еще в памятниках древнеямной культуры, являясь не привнесенными чужеродными элеметами, а составной частью культуры носителей ямных традиций. Последние, в отличие от катакомбных, не столь ярко представлены в исследованных памятниках. Представляется безосновательным суждение о том, что ямные племена были более отсталыми, пользовавшимися архаичной керамикой, в сравнении с носителями прогрессивных традиций катакомбной культуры (с ямной обычно сопоставляют позднекатакомбную керамику). Не находит подтверждения в источниках тезис о том, что коллективные захоронения, есть не составная часть культуры древнеямных племен, а элемент привнесенный культурной диффузией зарождающейся где-то в Предкавказье яркой катакомбной культуры в поздние комплексы ямной культуры. Таким образом, предлагаемый подход может объяснить наличие в ранних ямных погребениях роговых булавок – очевидно, предшественников молоточковидных – а также наличия в раннеямном погребении 5 кургана 1 могильника «Пустошкин I» сосуда-жаровни. Наличие молоточковидных булавок и жаровен в ямных погребениях, надо полагать, есть их собственный культурный признак.

Возможно, чтобы снивелировать различия в видении эпохальной принадлежности и путей эволюции ямных памятников исследователями различных территорий, необходимо принять тезис, что ямная культура, предыдущие и последующие памятники составляют единую генетическую и культурную систему степей Предкавказья.

М.Ю. Федосов
(ВГПУ, г. Волгоград;
ООО «Кубаньохранкультура», г. Краснодар)

СООТНОШЕНИЕ СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ И КРИВОЛУКСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ

Финальный этап среднедонской катакомбной культуры в первую очередь связывается с господством прочерченной орнаментальной техники[1]. Валиковая орнаментация сохраняется, но ее значимость в декоре уменьшается. Увеличивается доля сосудов с высоким прямым горлом, причем территориально их распространение тяготеет к среднедонскому правобережью. С этим этапом связана также небольшая серия биконических сосудов с коротким прямым горлом. В обрядовой сфере распад катакомбной обрядности, ранее выраженный в виде тенденции к упрощению, существенно ускоряется, что проявляется в существенном преобладании ямных конструкций. Смена идеологической основы обрядности также четко иллюстрируется распространением левобочного положения умершего с северной ориентировкой на большей части территории расселения катакомбных племен. Вдобавок, положение костяка, характерное для раннебабинских памятников, зафиксировано в Павловском I к. 25 п.4[2], Больших Копенах I к. 2 п. 4.

Этот, по-видимому, весьма краткосрочный этап, на мой взгляд, можно соотнести с ранним этапом днепро-донской бабинской культуры, ранними криволукскими и лолинскими древностями. В металлургической сфере поздний и финальный этапы маркируются «приталенными» костромскими ножами. В территориальном плане ареал культуры «съеживается» до бассейна Среднего Дона в узком смысле этого термина. В южной части Волго-Донского междуречья, в бассейне Медведицы, на Правобережье Волги распространяются памятники криволукской группы, на Нижний Дон – носители бабинских культурных традиций. Район современного Цимлянского водохранилища, бассейны Чира, Белой Калитвы становится активной контактной зоной этих культурных образований, что вполне согласуется с выводами Р.А. Мимохода[3]. В курганах они везде перекрывают среднедонские погребения (Линево курган 7, Павловский I курган 42, Первомайский VII курган 15, Чир II курган 3, Перекопка V, Ясеневый II курган 3, Рестумов II курган 3, Нижняя Баранниковка курган 5, Красная Заря курган 6 и др.), однако все имеющиеся случаи стратиграфии касаются комплексов с признаками раннего и развитого этапов культуры, но никак не поздних и тем более финальных. Исследованные поселения с керамикой среднедонской и бабинской культур не имеют выраженной стратиграфической колонки[4].

---

[1] Матвеев Ю. П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж : ВорГУ, 1998. С. 8–21; Матвеев Ю. П. Среднедонская катакомбная культура в свите культур среднебронзового века // АВЕЛ. Воронеж, 2005. Вып. 19. С. 98; Кузьмина О. В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : мат-лы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Европы». Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2001. С. 157; Литвиненко Р. А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : мат-лы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Европы». Самара : Самар. гос. пед. ун-т, 2001. табл. 1; Кияшко А. В. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 6. С. 105; Федосов М. Ю. К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : мат-лы II Междунар. Нижневолж. археологич. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. С. 27.

[2] Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2007. С. 123, рис. 61, 6.

[3] Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований (к постановке проблемы) // Материали та дослідження з археології Східної України. Луганск : Вид-во СНУ, 2005. Т. 3. С. 70–74.

[4] Санжаров С. Н. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней-поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск : Вид-во СНУ им. В. Даля, 2004; Санжаров С. Н. Финальнокатакомбная керамика Проказинского поселения // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганск : Вид-во СНУ им., В. Даля, 2005. С. 183–186; Лапушина Балка // Освещая прошлое. Ростов н/Д. : НП «Южархеология», 2009. С. 66–67.

Казалось бы, сравнительный анализ керамической традиции указанных образований будет способствовать решению вопроса об их хронологическом соотношении. Однако, определенный свет на проблему керамического комплекса криволукской культурной группы на текущий момент проливают только сосуд из погребения Жареный Бугор к. 3 п. 1[1], верхняя часть из насыпи кургана 1 могильника Рунталь[2], сосуд из погребения Вшивый V к. 1 п. 7. Поселения с находками валиковой керамики на Правобережье Нижней Волги в равной мере расположены в ареале среднедонской катакомбной культуры, а наличие на них венчиков высокошейных раструбных сосудов[3] скорее подтверждает их катакомбную принадлежность, нежели криволукскую. Фрагменты керамики, морфологически близкие сосуду из Жареного Бугра и с аналогичной системой орнаментации, происходят с верхних слоев эпохи средней бронзы поселений Заволжья[4]. Сосуд из Вшивого V к. 1 п. 7 демонстрирует черты керамической традиции позднего этапа среднедонской катакомбной культуры – вытянутые пропорции, спрямленное горло, покрытый «птичками» из ногтевых вдавлений валик, а также пережиточные черты волго-донской культуры – широкое для керамики среднедонской катакомбной культуры устье, «елочно-гребенчатый» пояс на плечиках, схожий с Рунталевским образцом. Декор сосуда выполнен крайне небрежно. Еще одну придонную часть сосуда (жаровню?) такого облика из погребения Паницкое VI к. 4 п. 3 Р.А. Мимоход атрибутирует криволукской культурной группой[5], основываясь на аналогиях в бабинской культуре. Я нахожу такой вывод несколько преждевременным, учитывая вышеприведенные примеры комплексов со стопроцентной принадлежностью к среднедонской катакомбной культуре, в том числе из могильников, расположенных в непосредственной близости к исследованному им могильнику. К этому стоит добавить, что подобные сюжеты известны на всем протяжении бытования среднедонской катакомбной культуры – и в шнуровом (Ольховатка II к. 3 п. 1 (Матвеев, 1979, с. 101, рис. 2, *1*), Караяшник к. 13 п. 1[6], Власовский I к. 9 п. 1[7] и др.), и в валиковом, и в прочерченном исполнении (грунтовый могильник Ксизово р. 1 п. 1, 3, 4[8], Зареченский к. 19 п. 3[9] и др.). Они зафиксированы даже на павловско-усть-курдюмской керамике[10]. Тем более сам Р.А. Мимоход ниже совершенно справедливо пишет, что «посткатакомбная обрядность Поволжья… не предполагала помещение керамической посуды… в могилу. Большая часть сосудов, которая попадает в криволукские комплексы, имеет инокультурные черты»[11]. Сам комплекс занимает верхнюю позицию в стратиграфической колонке погребений эпохи средней бронзы кургана.

---

[1] Монахов С. Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1. С. 241–243, рис. 2.

[2] Жемков А. И., Лопатин В. А. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. Саратов : Научная книга, 2007. Вып. 5. С. 102, 118, рис. 4, 4; Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье : мат-лы охранных археологических исследований. М. : Таус, 2009. Т. 10. С. 34.

[3] Лапшин А. С. К вопросу о городищах средней бронзы Нижнего Поволжья // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 6. С. 254–263.

[4] Юдин А. И. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 6. С. 126–141. Их, похоже, и стоит ассоциировать с поселенческими памятниками криволукской культурной группы.

[5] Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье : мат-лы охранных археологических исследований. М. : Таус, 2009. Т. 10. С. 31.

[6] Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2007. С. 144, рис. 82, *5*.

[7] Синюк А. Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доно-волжской степи. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 1989. С. 41, рис. 5, 10.

[8] Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2007. С. 156, рис. 153, 2; с. 157, рис. 154, *2, 6*.

[9] Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2007. С. 91, рис. 29, 2.

[10] Синюк А. Т., Березуцкий В. Д. Погребения эпохи бронзы Второго и Третьего Власовских могильников // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 1996. С. 99, рис. 9, 1, 2.

[11] Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье : мат-лы охранных археологических исследований. М. : Таус, 2009. Т. 10. С. 32.

Без полномасштабных археологических работ сложно судить о том, носители какой именно культуры финала средней бронзы создали укрепления на ряде поселений волжского Правобережья – поздней (финальной) среднедонской, вольско-лбищенской, или криволукской, однако гипотеза о сосуществовании на определенном, пусть и непродолжительном, этапе раннебабинских, криволукских и финальносреднедонских памятников нам кажется наиболее убедительной. Против нее могут быть приведены два основных возражения.

Первое – это отсутствие серьезного диапазона перекрытия имеющихся радиоуглеродных дат. Однако, выборка имеющихся дат по среднедонской катакомбной культуре очень мала и охватывает преимущественно памятники развитого этапа, за исключением комплекса Паницкое VI к. 2 п. 1 с чертами воронежской культуры[1]. Дата комплекса Паницкое VI к. 4 п. 3 с неясной культурной атрибуцией может трактоваться как в одну, так и в другую сторону.

Второе – отсутствие в погребениях среднедонской катакомбной культуры, даже финального этапа, костяных пряжек. Приводимые С.И. Берестневым случаи обнаружения костяных пряжек в позднекатакомбных захоронениях Северного Причерноморья и Крыма[2] на деле соотносятся с подбойными погребениями раннего этапа бабинской культуры. На это совершенно справедливо указывает С.Н. Санжаров[3]. Одновременно он пытается вывести генезис ранних бабинских пряжек с одним отверстием из костяных колец позднедонецких и позднекатакомбных памятников Северо-Восточного Приазовья, смешивая при этом различные типы колец из этих памятников. Круглые костяные предметы из погребений Белояровка к. 5 п. 10 и к.5 п. 11 найдены за черепом умершего[4], в последнем случае довольно далеко от скелета. Данных трасологического анализа предметов автор не приводит. То же замечание справедливо и в отношении колец из Берданосовки к. 17 п. 4 и Другого к. 1 п. 11[5]. Ссылка на пряжку из Мокрого Волчика к.3 п. 2 аргументом не может быть в виду совершенно иной морфологии предмета[6]. В пользу именно такой трактовки изделия говорит факт ее нахождения у пояса умершего, однако сама вещь значительно отличается по форме от подобных изделий бабинской культуры и криволукской группы. Похожее изделие и заготовка были найдены также в комплексе Ясеневый II к. 2 п. 22 под астрагалами у лицевой части черепа. Еще один округлый костяной предмет, который можно интерпретировать как пряжку, происходит из погребения Большенаполовский IX к. 1 п. 5, где находился в районе таза[7]. Наконец, в среднедонской катакомбной культуре костяные кольца встречаются крайне редко[8] и, за одним-двумя исключениями (Сидоры к. 28 п. 1, Каменский I к. 17 п. 2), ограничиваются ранним этапом. Костяные пряжки характерных форм – примета последующей эпохи, нового идеологического фона, который не вписывался в обрядовые установки катакомбного населения, пусть даже на стадии дезинтеграции. По этой причине они, видимо, не использовались в погребальном обряде.

---

[1] Нельзя не отметить заслугу Р.А. Мимохода в получении первых радиоуглеродных дат по среднедонской катакомбной культуре и криволукской группе: Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье : мат-лы охранных археологических исследований. М. : Таус, 2009. Т. 10.

[2] Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы. Харьков : ПФ «Амет», 2001. С. 70.

[3] Санжаров С. Н. К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материали та дослідження з археології Східної України. Луганск : Вид-во СНУ им. В. Даля, 2003. Вып. 1. С. 242.

[4] Что показательно, женщины, в то время как костяные пряжки являются атрибутом мужских погребений.

[5] Санжаров С. Н. К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материали та дослідження з археології Східної України. Луганск : Вид-во СНУ им. В. Даля, 2003. Вып. 1. С. 241.

[6] Прокофьев Р. В. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов н/Д. : Донское археологическое общество, 2002. Вып. 2. С. 119, рис. 10, 3.

[7] Рогудеев В. В. Исследования курганов в Боковском и Сальском районах Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2008–2009 гг. Азов : Изд-во Азов. музея заповедника, 2010. Вып. 24. С. 80, 81. К сожалению, трасологического анализа большенаполовского образца не проводилось. Что интересно, все три могильника расположены сравнительно недалеко друг от друга (Чертковский и Боковский районы на севере Ростовской области).

[8] Они зафиксированы всего в 4 погребениях Доно-Донецкого междуречья и двух – Волго-Донского (Сидоры к. 28 п. 1, Каменский I к. 17 п. 2 (Чекменев, 2008, с. 192)). В керамическом комплексе ряда из них донецкие черты выражены очень сильно (Попов к. 7 п. 5, Новоплатоновский к.5 п. 2, к. 6 п. 2, Кастырский VIII к. 3 п. 8).

Финальный этап существования среднедонской катакомбной культуры был краткосрочным. В Волго-Донском междуречье ее также ненадолго сменяют преимущественно доноволжские абашевские памятники на севере, поздние криволукские на юге[1], в Доно-Донецком – днепро-донские бабинские второго и третьего(?)[2] этапов, а затем – ранние покровские древности. Точка зрения С.И. Берестнева о синхронизации поздних среднедонских древностей и древностей новокумакского горизонта[3], поддержанная мной ранее[4], при переносе ее на более широкий круг источников показала свою несостоятельность. В то же время однозначное утверждение об отсутствии периода сосуществования памятников финального этапа среднедонской катакомбной культуры с ранними криволукскими и бабинскими при допущении этого факта для ранних воронежских, вольско-лбищенских и доно-волжских абашевских[5] также на данный момент выглядит достаточно спорным.

А.В. Харламов
(ВГПУ, г. Волгоград)

ПАМЯТНИКИ МАНЫЧСКОГО КРУГА В ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Междуречье Волги и Дона было одним из важных регионов катакомбного мира. Хотя он и не являлся его центром, здесь тоже зарождались и развивались разные традиции, сюда же волны миграции и опыт заимствования, приносили новые формы обрядов и ритуалов, дошедшие до современности в виде погребальных памятников.

Первые комплексы манычского облика были исследованы в Волго-Донском междуречье в 1962 г. В. П. Шиловым (курганный могильник Цаца). В 1964 г. он же открыл манычские комплексы при раскопках курганного могильника Жутово I. В последующем шло постепенное накопление материалов, манычские комплексы были исследованы В.И. Мамонтовым (курганный могильник Жутово I 1974, Громославка I 1987, Антонов 1992), И.В. Сергацковым (Барановка 1987). Однако эти древности, по-прежнему, продолжали оставаться единичными, и не составляли большого удельного веса среди комплексов других катакомбных культур в Волго-Донском регионе.

К настоящему времени ситуация изменилась, это произошло во многом благодаря раскопкам проведенным в течение последних десятилетий. В ходе полевых археологических исследований, А.Н. Дьяченко (Абганерово 1996, Аксай I-III 2005, 2006), В.М. Клепикова (Перегрузное I 2005, Зензеватка I 2008), Е.П. Мыськова (Ковалевка 2006), и других археологов, на территории с Волго-Донского междуречья, было открыто значительное количество новых погребений с характерными чертами обряда и наборами манычской керамики (см. рис. 1). Кроме того, проведены они были уже на более высоком методическом уровне, что позволило сохранить много важной информации.

---

[1] Существенное пополнение источниковой базы криволукских памятников в последние годы позволяет говорить о существовании собственно криволукских типов пряжек, и выстроить хронологическую колонку эволюции этой категории инвентаря (Мимоход, 2009, с. 34), сопоставленную с бабинскими аналогичными изделиями. Эта колонка должна стать базой для внутренней периодизации этого образования.

[2] В частности, маркируется пряжкой с двумя отверстиями из бабинского погребения 1 одиночного кургана Старая Калитва (Березуцкий, Гринев, 2008, с. 103, рис. 40, 8, 9).

[3] Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы. Харьков : ПФ «Амет», 2001. С. 47.

[4] Федосов М. Ю. Памятники среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье // АВЕС. Саратов : Научная книга, 2007. Вып. 5. С. 15–33; Федосов М. Ю. К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : мат-лы II Междунар. Нижневолж. археологич. Конф.. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. С. 28–32.

[5] Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье : мат-лы охранных археологических исследований. М. : Таус, 2009. Т. 10.

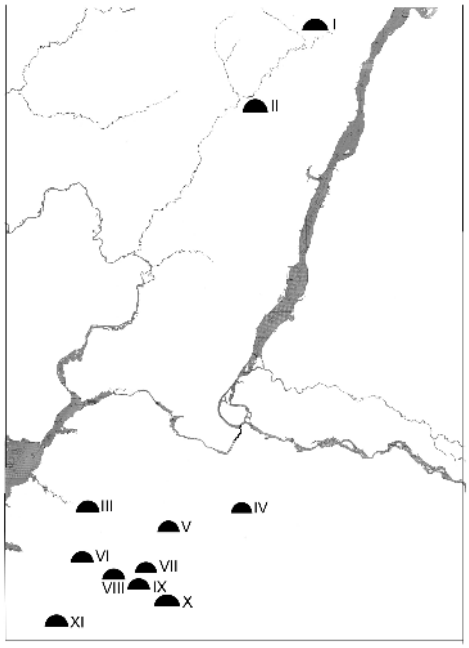


Рис. 1. Карта-схема расположения могильников с комплексами манычского типа на территории Волго-Донского междуречья: I – Барановка; II – Зензеватка I; III – Громославка; IV – Абганерово; V – Цаца; VI – Антонов; VII – Аксай; VIII – Жутово; IX – Ковалевка; X – Перегрузное; XI – Гремячий II

Погребальный обряд сложная система, из многих составляющих, где каждая из частей сама по себе обладает семантикой, но именно в комплексе является тем культурным образованием, которое отражает миропонимание и мировоззрение древнего человека. Понять философию погребального обряда, его смысл и истинную цель непростая задача для ученого. До нас дошла только последняя часть цикла ритуальных погребальных действий, по сути дела мы фиксируем уже свершившийся обряд, не имея возможности проследить весь процесс предпохоронных действий. Поэтому каждый из доступных нам элементов, будь то форма могильной конструкции или наличие напутственной пищи, должен быть непременно учтен при анализе обряда.

Однако, в нашем случае не стоит задачи решения проблемы семантики обряда. Для нас погребение это факт присутствия на данной территории представителя той или иной общности. Подробный анализ инвентаря, обращение к нюансам – способ проследить генетическую связь. Именно с этих позиций мы перейдем к детальному рассмотрению всех звеньев погребального обряда тех комплексов, которыми мы располагаем.

Первая группа погребений – погребения в ямах и в ямах с подбоем. В большинстве случаев это простые подпрямоугольные ямы.

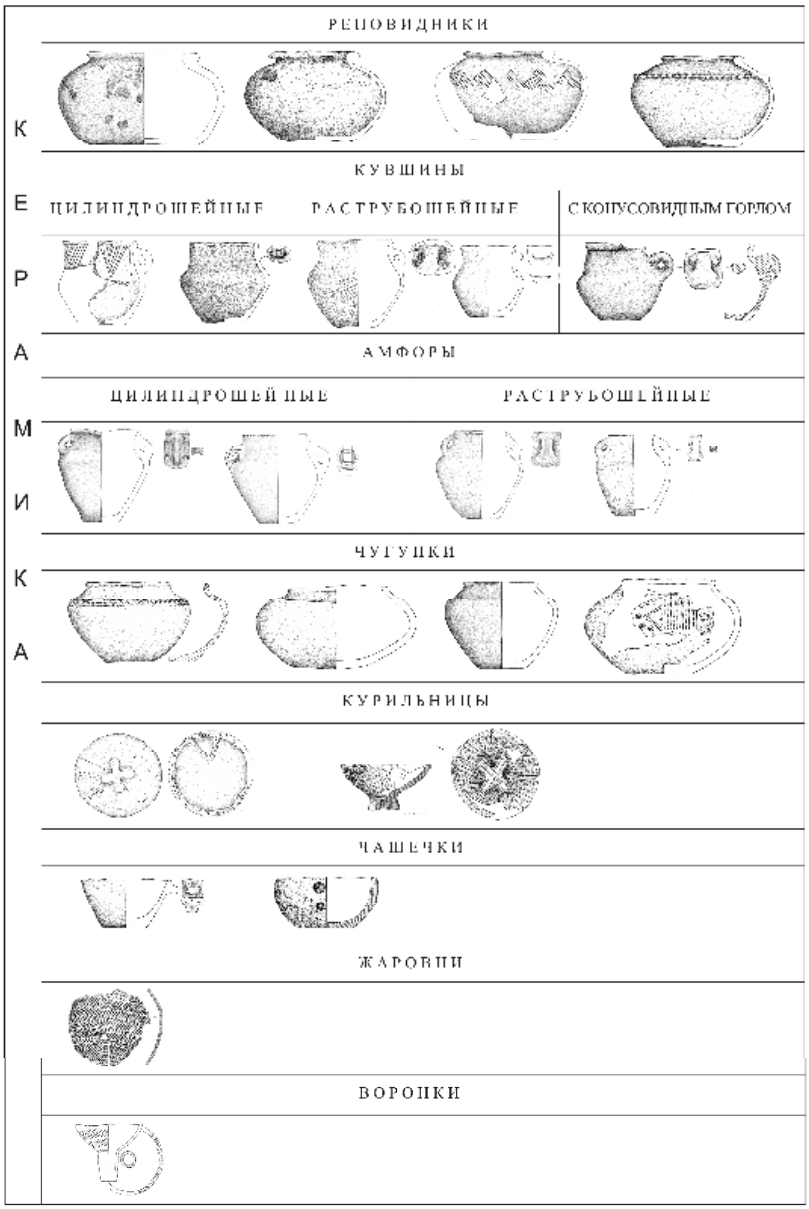
Это впускные погребения, как правило, в южные сектора кургана. (Только до погребение выбивается из этой серии – это комплекс Аксай I 2005 К15 П15 впущенный в СВ сектор). В таких погребениях костяки лежат скорченно на левом боку. В ориентировках наибольшая встречаемость у юго-восточного направления. Такую ориентировку имеют костяки в половине погребений данной группы. Два погребения ориентированы на СВ, одно на В и так же одно на СЗ.

Вторая группа – погребения в катакомбах. Катакомбные могилы имели Н-видную конструкцию, вход в камеру был устроен в восточной стенке. Исключением является только одно погребение из Абганерово III 1996 К12 П5. Погребения впущены в ЮЗ и ЮВ сектора кургана. Поза является наиболее устойчивым элементом и полностью соответствует канонам Восточного Маныча – все погребенные лежат скорченно на левом боку. Преобладает южная и юго-восточная ориентировка. Присутствует и В, но единично.

Необходимо отметить, что выделение этих групп не подразумевает под собой хронологическое разделение. В подобной ситуации, единственной доступным способом компенсации от потери такой информации, на мой взгляд, будет то, что большее внимание необходимо уделять другим составляющим погребального обряда, а именно ориентировке и позе костяка и погребальному инвентарю.

Таблица 1

Керамический комплекс погребений манычского типа в Волго-Донском Междуречье



Третья группа – комплексы, которые можно определить как ритуальные тризны (это находящиеся в насыпи керамические наборы или отдельные сосуды).

К сожалению, остается еще и большая группа, где могильные сооружения не прослежены совсем. Не везде зафиксированы и положения погребенных: часть погребений была разрушена животными, другие более поздними впускными погребениями. Однако, в общем картина не отличается от представленной ранее.

Наиболее массовой категорией погребального инвентаря является керамика (см. табл. 1). Серии ее ограничены, но мы можем достоверно говорить о том, что в междуречье представлены все основные формы керамики характерные для Восточного Маныча. Технология сохраняется, хотя некоторые сосуды носят оттенок некоторой грубоватости. Как правило, керамика светлого цвета, имеет гладкую поверхность. Орнаментация традиционно отсутствует, лишь на некоторых сосудах можно встретить элементы украшения. Использовалась как орнаментация прочерченными линиями (здесь нужно отметить мотив треугольников), так и нанесение шнурового орнамента.

Также целая группа сосудов (в основном реповидников) имеет налепные валики, орнаментированные вдавлениями или насечками.

В керамике можно выделить следующие отделы:

Реповидники. Горшки имеют приземистую форму и характерный отогнутый венчик – воротничок. Встречаются как крупные сосуды до 35 см в диаметре, так совсем небольшие около 15 см. Реповидники часто имеют обозначенные выше валики и, кроме того, на них встречаются специфические черные, похожие на смоляные, следы от подтеков. За частую, они стекали по сосуду не только с верхней части вниз, но и наоборот, т.е. в момент нахождения его вверх дном. Природа этих образований не понятна, но видимо действия связанные с их появлением носили ритуальный характер.

Реповидники являются одной из самых ярких керамических форм среди сосудов восточноманычской культуры. Их делает такими непохожесть на другие сосуды и необычность пропорций, оригинальность оформления венчика. Происхождение реповидных сосудов дискуссионный вопрос. В.Л. Державин, считает, что прототипы реповидных сосудов появились еще энеолитическое время[1]. Происхождение реповидных сосудов С.Н. Братченко связывает с сосудами в катакомбах преддонецкого и раннедонецкого времени[2]. В.Я. Стеганцева приводит данные о бытовании реповидных форм в додинастическом Египте, Уре, Уруке, Анатолии. Реповидники, таким образом, широко распространенное культурное явление[3].

Кувшины. Являются самой многочисленной группой в керамике. Их отличительные черты: стройные пропорции и высокое горло, часто ободковидный или скругленный, иногда слегка отогнутый венчик. Средняя высота кувшинов 15–20 см, хотя и встречаются и довольно большие. Однако, несмотря на похожесть кувшинов у них все же есть существенные различия.

Тип 1. Цилиндрошейные кувшины. Для них характерно высокое цилиндрическое горло, с прямым уплощенным или скругленным венчиком. (Только два сосуда имеют уплощенный отогнутый венчик). Подавляющее большинство (10 из 14) имеют петлевидную ручку.

Тип 2. Раструбошейные кувшины. Критерием их выделения является высокое горло расширяющиеся раструбом. В подборке 4 сосуда. 3 сосуда имеют ручки, на одном трапециевидный упор. Венчики скругленные. Дно плоское.

Тип 3. Кувшины с горлом усеченно-конусовидного вида. Горло таких сосудов сужается усеченным конусом, хотя уплощенный венчик может быть и отогнутым. Так же есть сосуды со скругленными венчиками. На одном из сосудов (Гремячий II К1 П7) помимо ручки есть так же три сосцевидных налепа.

Амфоры, отличительной чертой этого отдела является наличие двух ручек. Морфологически, по своим формам и пропорциям амфоры сходны с кувшинами.

Тип 1. Цилиндрошейные амфоры, 5 сосудов. Орнаментация отсутствует. Ручки простые, и лишь у амфоры из комплекса Гремячий II К1 П1 оформлены желобком.

Тип 2. Раструбошейные амфоры. К этому типу принадлежат 2 сосуда. Они довольно крупные, высотой около 20 см. Первый сосуд (Аксай I К15 П11) резко профилирован, плечико ярко выражено, места прикрепления ручек оформлены сосцевидными налепами. На внешней стороне сделаны два желобка. Вторая амфора имеет насечки по венчику и на ручке.

Чугунки. Их отличительной чертой является наличие в месте перехода тулова в горловину характерного уступа, венчик скруглен и немного отогнут наружу. Сосуды небольших размеров, максимальный диаметр тулова колеблется в пределах 15–20 см. Дно плоское. Цвет, как правило, красноватого оттенка. В нашем случае подобный цвет имели все сосуды. В отличие от аналогичных сосудов в классическом варианте, эта группа имеет довольно аморфный вид, и, кроме того малочисленна. (В погребениях на Восточном Маныче, по данным М.В. Андреевой керамика подобного вида встречается в 35,4 % от всех комплексов с посудой[4]). Стандартную форму, хотя и с несколько высокими пропорциями, имеет сосуд из комплекса Перегрузное I 2002 К29 П3. Два сосуда (из Жутово I 1974 К80 П3 и Абганерово III 1996 К12 П5) ор-

[1] Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.
[2] Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бонзы. Киев, 1976.
[3] Археолог: детектив и мыслитель : сб. ст., посвященный 77-летию Л. С. Клейна. СПб., 2004.
[4] Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008.

наментированы, причем, для традиционно не украшенной орнаментами манычской керамикой, довольно богато.

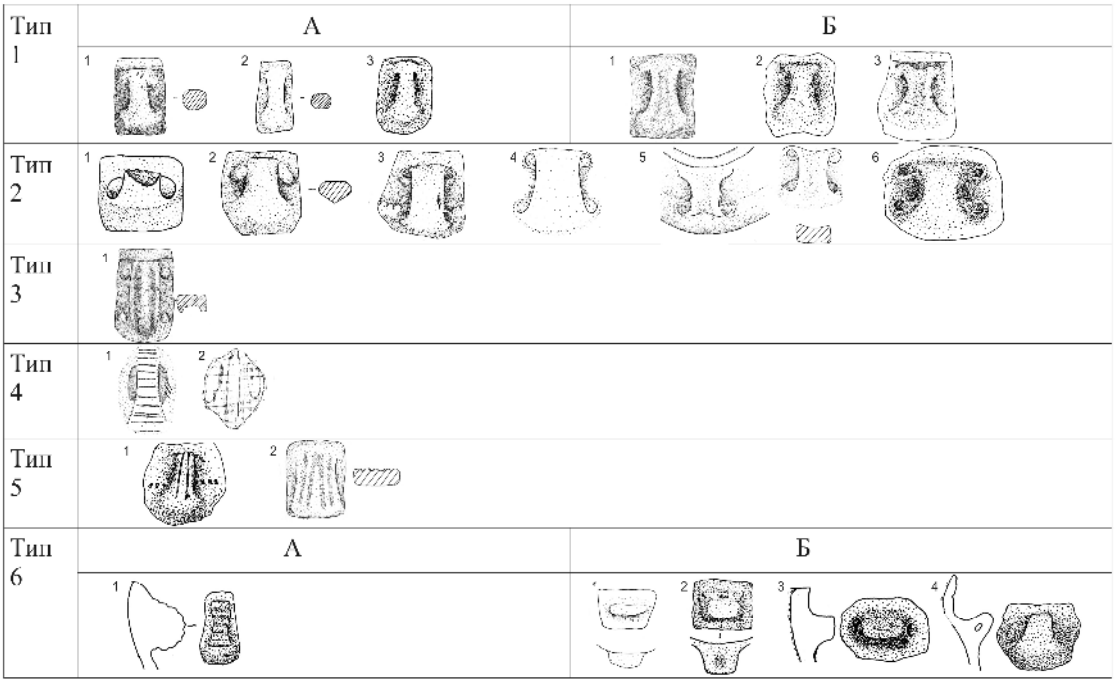
Курильницы – чаши, название получили по своему утилитарному назначению. Курильницы использовали в ритуальных целях, нередко исследователи находят в них остатки угольков. Видимо это была специальная посуда для окуривания. К сожалению две из четырех курильниц сохранились фрагментарно. Все курильницы орнаментированы, но разные по стилю.

Чашечки Представлены двумя небольшого размера чашечками около 7 см в диаметре, одна имеет трапециевидный налеп, стенка другой оформлена двумя располагающимися вертикально вдавлениями.

Жаровни. Еще одна категория ритуальных вещей. Жаровни это помещавшиеся в погребение фрагменты стенок больших сосудов, на которых помещались горящие угли для окуривания погребения.

Таблица 2

Типология ручек сосудов из погребений манычского типа в Волго-Донском Междуречье



Изделия из бронзы.

Ножи. В данной категории вещей всего два экземпляра, причем форму оного из них определить нельзя ввиду плохой сохранности. Второй нож имел узкую листовидную форму, черенок изготовлен путем загиба боковых сторон пластинки к центральной части.

Шилья. Один экземпляр.

Украшения: **бусы, подвески.** Инвентарь, редко встречающийся в манычских погребениях Волгодонья. В основном это мелкие цилиндрические бусы. Единственно представлена биконическая бусина.

Кости животных. Остатки жертвенной пищи хотя и редко, но встречаются. Это кости МЛР. В одном из погребений находился целый череп барана.

В привычную традиционную схему классификации инвентаря мне хотелось бы включит еще один элемент: типологию ручек кувшинов, амфор и других сосудов, а так же других элементов, таких как налепы.

Создание классификации ручек на материале Волго-Донского междуречья будет первым этапом большой работы по изучению связей степной керамики с Кавказом, ее морфологии и хронологии. В основу деления будет положена форма ручки в разрезе и дополнительные атрибуты (см. табл. 2).

Первый тип:

А) простые петлевидные ручки, в разрезе имеющие округлый или подквадратный вид;

Б) простые петлевидные ручки, оформленные по внешней стороне желобком, в разрезе читающимся как углубление. Ручки первого типа А и Б встречаются на различных сосудах. Чаще всего это кувшины и амфоры. Но простую петлевидную ручку мог иметь и реповидник.

Второй тип: петлевидные ручки, оформленные в местах прикрепления пальцевыми вдавлениями. Наиболее распространенный тип атрибуции ручек в Волго-Донском регионе. Подобное оформление присуще ручкам сосудов с Маныча, существуют и непосредственные кавказские аналоги, с некоторыми из которых автору посчастливилось ознакомиться лично. Данный тип характерен для оформления ручек кувшинов.

Третий тип: ручки оформленные по местам прикрепления сосцевидными налепами. Такая ручка в междуречье пока представлена единственным экземпляром (амфора из комплекса Аксай I 2005 К15 П11), по мимо уже обозначенного выше атрибута она имеет и сложный вид в разрезе, требующий поиска аналогов. Ручки же с сосцевидными налепами известны, возможно, что это некая зооморфная стилизация.

Четвертый тип: псевдо шаровидные ручки. Широко распространенный южнее тип представлен в изучаемом регионе лишь двумя экземплярами, причем один из них отнесен в данную группу довольно условно, из-за неудовлетворительного качества рисунка.

Второй является лишь подражанием идее шаровидных ручек, плохо сохранившей форму, и лишь некоторые детали, которые можно заметить при непосредственном рассмотрении данной амфоры, позволяют отнести имеющиеся на ней ручки к данному типу.

Пятый тип: ручки со сложным оформлением внешней стороны выполненной несколькими прочерченными линиями или желобками. В разрезе ручки уплощенной формы, желобки и углубления прекрасно прослеживаются.

Шестой тип: псевдо-ручки.

А) Глухие псевдо ручки сегментного вида (без отверстия); Один случай, однако подобные ручки встречаются довольно широко.

Б) Простые трапециевидные налепы и трапециевидные налепы с отверстием. Отверстия довольно маленькие. Утилитарного значения подобные ручки иметь не могли и видимо использовались в ритуальных целях для подвешивания определенных дополнительных атрибутов из органического материала, естественно не сохранившихся.

Вопрос значения и происхождения ручек мало изученный. Однозначно говорить о Кавказе, как месте где рождались традиции, позднее пришедшие в степь пока безосновательно. Данное предположение требует проверки, и в первую очередь тщательной работы с первоисточником – коллекциями керамического и инвентаря других видов. Пока же мы можем говорить лишь о наличии неких параллелей, на большом культурном пространстве катакомбного времени.

Подведем итоги: не все ручки имели утилитарное значение и не могли использоваться для переноски сосудов или их подвешивания. Некоторые ручки и вовсе имеют стилизованный вид, даже не имея технологически необходимых, для того, что бы быть ручкой в полном смысле этого слова, отверстий.

За ручки могли подвешиваться некие вещи из органического материала возможно выполнявшие роль оберегов – украшений[1]. Таковыми являлись не все ручки, на некоторых сосудах ручки вполне пригодны для использования их по назначению. Сложнее интерпретировать трапециевидные налепы-упоры. Непосредственного применения найти подобным атрибутам сложно. Скорее всего, это лишь воплощение идее ручки, стилизация объекта, сохранявшая смысл, но потерявшая конкретную форму.

Рассмотрев памятники манычского типа в Волго-Донском междуречье, мы можем задаться вопросом, почему и как они оказались в отдалении от основной группы памятников, которые локализуются в долине реки Маныч и на Ергенинской возвышенности. Очевидным является то, что при определенном расширении ареала племен носителей манычской традиции, ее

[1] Археолог: детектив и мыслитель : сб. ст., посвященный 77-летию Л. С. Клейна. СПб., 2004.

центром и культурообразующим ядром продолжал оставаться Восточный Маныч, а регион взятый нами для исследования был периферийным.

Довольно правдоподобной представляется версия о миграции с Восточного Маныча в регион Волго-Донского междуречья.

Миграции имеют важность и значимость как двигатель развития культуры, как один способов собственного развития, а так же освоения духовных и материальных достижений соседей. Миграция это и прямой ретранслятор собственных традиций, технологий. Переселенцы приносили в чужую среду вместе с собой и вещи своей материальной культуры и свои верования.

Учитывая специфику хозяйственной деятельности людей середины бронзового века, объяснение появления представителей Манычской культуры в междуречье ни сколько не противоречит логике. Напротив, сам образ кочевой жизни подталкивал к постоянным перемещениям вслед за стадами, делал необходимым и взаимоотношения со своими соседями. Во многих случаях в результате подобных процессов происходили изменения как у переселенцев так и у местных обитателей.

В обряде в целом нельзя выделить каких-то особенно отличающихся от классических групп. Там где достоверно прослежены могильные сооружения и положения костяков можно говорить, о преобладании катакомбной конструкции, в ориентировках – довольно стабильны восточное и южное направления.

Совсем по другому обстоит дело с напутственным инвентарем. Количество его намного меньшее, чем в аналогичных случаях на Маныче, нет и привычного разнообразия. Говоря проще – погребения в Междуречье беднее. Это одно из первых влияний переселения. Отрыв от центра изменил структуру погребального обряда, сделав его в какой-то степени более простым. Практически единичны находки такой распространенной формы керамики как чугунковидные сосуды. Переходя к вопросу о степени проникновения и взаимовлиянием с населением носителем Волго-Донской традиции, мы можем отметить появление среди керамического материала появление сосудов явно сделанных на месте, т.е. не импортированных с Маныча. Вообще, вся Манычская керамика, в формах и технологии, является в общем-то довольно стандартизированной. Некоторые сосуды и вовсе смотрятся так, как будто они сделаны были одним мастером.

Местные сосуды отличаются более грубыми или видоизмененными формами, худшим качеством керамики. На многих сосудах появляется орнаментация.

В миграционном процессе поучаствовали и носители Западноманычской традиции. Их количество несравненно мало относительно количества восточноманычских погребений. Практически говорить можно лишь о единичных зафиксированных случаях. В целом это вполне согласуется с картиной современного представления культурных отношений между Восточным и Западным (Нижним) Манычем.

Ко всему перечисленному необходимо так же добавить, что миграционный процесс Восточноманычских племен в Волго-Донское междуречье не носил уникальный характер. Не имея возможности передвигаться на занятые территории, носители восточноманычской традиции двинулись в обход, как бы обтекая монолитную Западноманычскую группу. Междуречье было выбрано как один из свободных регионов, на ряду с регионом Нижнего Подонья где так же оказались выходцы с Восточного Маныча. (Высочино, Новобатайск)[1]. В этих группах много похожего, но в тоже время, даже на первый взгляд они существенно разнятся. В первую очередь в составе инвентаря, его количество соотношение и состав неодинаковы, как между двумя периферийными группами, так и по отношению этих групп к классическому варианту Восточного Маныча.

[1] Беспалов Е. И. Лукьяшко С. И. Древнее население Междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов н/Д., 2008.

Т.В. Цыбрий
(НП «Южархеология», г. Ростов-на-Дону)

КОМПЛЕКС СООРУЖЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЯГОДИНКА 2 НА НИЖНЕМ ДОНУ

В 2005 г., в результате проведенного обследования трассы магистрального газопровода, А.В. Цыбрием было открыто многослойное поселение «Ягодинка 2». Памятник расположен в 1 км к ЮЗ от х. Ягодинка, Октябрьского района Ростовской области. Поселение занимает мысовидный участок первой надпойменной террасы левого берега реки Кадамовки, относящейся к системе правых притоков низовий р. Дон. Вероятные размеры поселения, судя по рельефу и распространению подъемных материалов, около 40000 м². В 2006 и 2007 гг. были проведены раскопки памятника отрядом ЗАО «Ростспецархеология» и РРОО «Донское археологическое общество» под руководством В.В. Цыбрия и Т.В. Цыбрий на площади 11346 м².

Стратиграфический разрез памятника представляет собой типичный для степной зоны почвенный профиль, визуально слабо расчлененный, плавно осветляющийся к низу, вследствие уменьшения гумусовой составляющей. Вмещающие культурные остатки отложения представлены серым гумусированным суглинком мощностью до 0,8 м. В цветовом или структурном отношении культурные слои памятника в профиле не выражены – относительно редкие и разновременные находки, как правило, равномерно распространены в толще вмещающих отложений. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что многие материалы были перемещены вследствие действия природных и антропогенных факторов. Исключением являются компактные скопления находок, маркирующие, несомненно, древнюю поверхность обитания. В профилях зафиксированы котлованы сооружений, оставленных поселенцами в различные периоды существования памятника. С уровня кровли серого гумусированного суглинка были впущены углубленные сооружения, относящиеся к финальной бронзе (белозерское время). На этой же глубине зафиксированы синхронные сооружениям скопления находок.

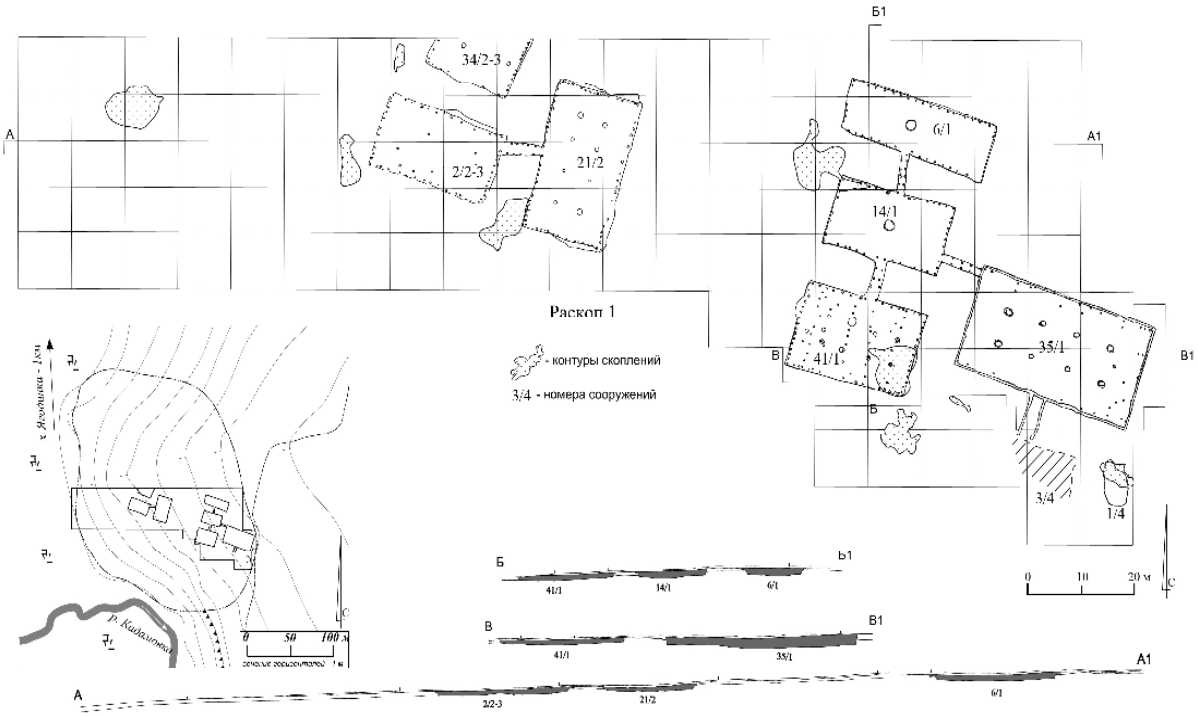


Рис. 1. Поселение Ягодинка 2. Топографический план, план сооружений финальной бронзы, разрезы

Структуру поселка эпохи финальной бронзы, характеризуют комплексы связанных крытыми коридорами больших прямоугольных сооружений полуземляночного типа, крупные скопления костей животных и иных культурных остатков (обломки посуды, камни, зола, комки жженого глинистого грунта (обмазка?)).

Было вскрыто семь больших углубленных сооружений, небольшая полуземлянка со следами кратковременного обитания и остатки плохо сохранившейся наземной конструкции. Большие сооружения образуют два комплекса строений – в восточной и в центральной части раскопа.

Четыре сооружения, расположенные в восточной части, ориентированы длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1). Три из них параллельны друг другу и находятся на одной линии, четвертое несколько восточнее. Все углубленные сооружения относятся к типу полуземлянок с глубиной котлована от 0,5 до 1,8 м. Сооружения № 6/1 и № 14/1 похожи по форме, размерам и конструктивным особенностям. Размеры сооружения № 6/1 28,9 х 10,6 м, сооружения № 14/1 22,3 х 12,4 м. В центре обоих сооружений, прослежено по одной хозяйственной яме, диметром около 2 м и глубиной до 1,5 м. По периметру стен сооружений прослежены столбовые ямы диаметром 30–35 см и глубиной от 15 до 40 см. Сооружение № 41/1 близко вышеописанным по форме и размерам (23,0 х 15, 5 м), но отличается тем, что в нем столбовые ямы выявлены не только по периметру, но и по всей площади котлована.

Сооружение № 35/1, самое большое из всех, его размеры 34,2 х 18,7 м, общая площадь составляет 639,5 м², глубина – до 2 м. Здесь нет столбового ряда – по периметру сооружения вырыта узкая (0,4 м) канава, местами с подбоем под стену, в которой находились остатки бревен или плах выполнявших, вероятно, роль несущей основы для стен. В центре сооружения вдоль длинной оси в две линии расположены восемь больших однотипных ям подпрямоугольной в плане формы, глубиной около 1,5 м, с пестрым заполнением. Все сооружения этого комплекса последовательно соединены друг с другом углубленными, крытыми, судя по наличию столбовых ям, коридорами. Средняя ширина проходов 1,5 м, протяженность около 6,5 м. Единственный общий для всего комплекса вход шириной до 3,7 м прослежен в сооружении 35/1. На уровне древней дневной поверхности к входу примыкала глинобитная площадка, точную форму и размеры которой установить не удалось.

К востоку от входа и наземной конструкции было выявлено сооружение 1/4, полуземляночного типа. Размеры его 8,12 х 4,64 м. Сооружения второго комплекса, расположены в центральной части раскопа (рис.1). Самое большое сооружение № 21/2 (27,5 х 16 м), ориентировано по линии север-юг, и соединено коридором с перпендикулярно расположенным сооружением № 2/2-3 (23,5 х 13 м). Параллельно сооружению № 21/2 расположено сооружение № 34/2-3, раскопанное частично.

В сооружениях обоих комплексов, за исключением небольшой полуземлянки 1/4, прослежены хорошо сохранившиеся глиняные полы. Пока вышеописанные постройки на основании радиоуглеродных дат, полученных для сооружения 35/1, могут датироваться XII-XI вв. до н.э., а связанная с ними керамика, имеет черты, характерные для посуды памятников белозерского времени (рис. 2).

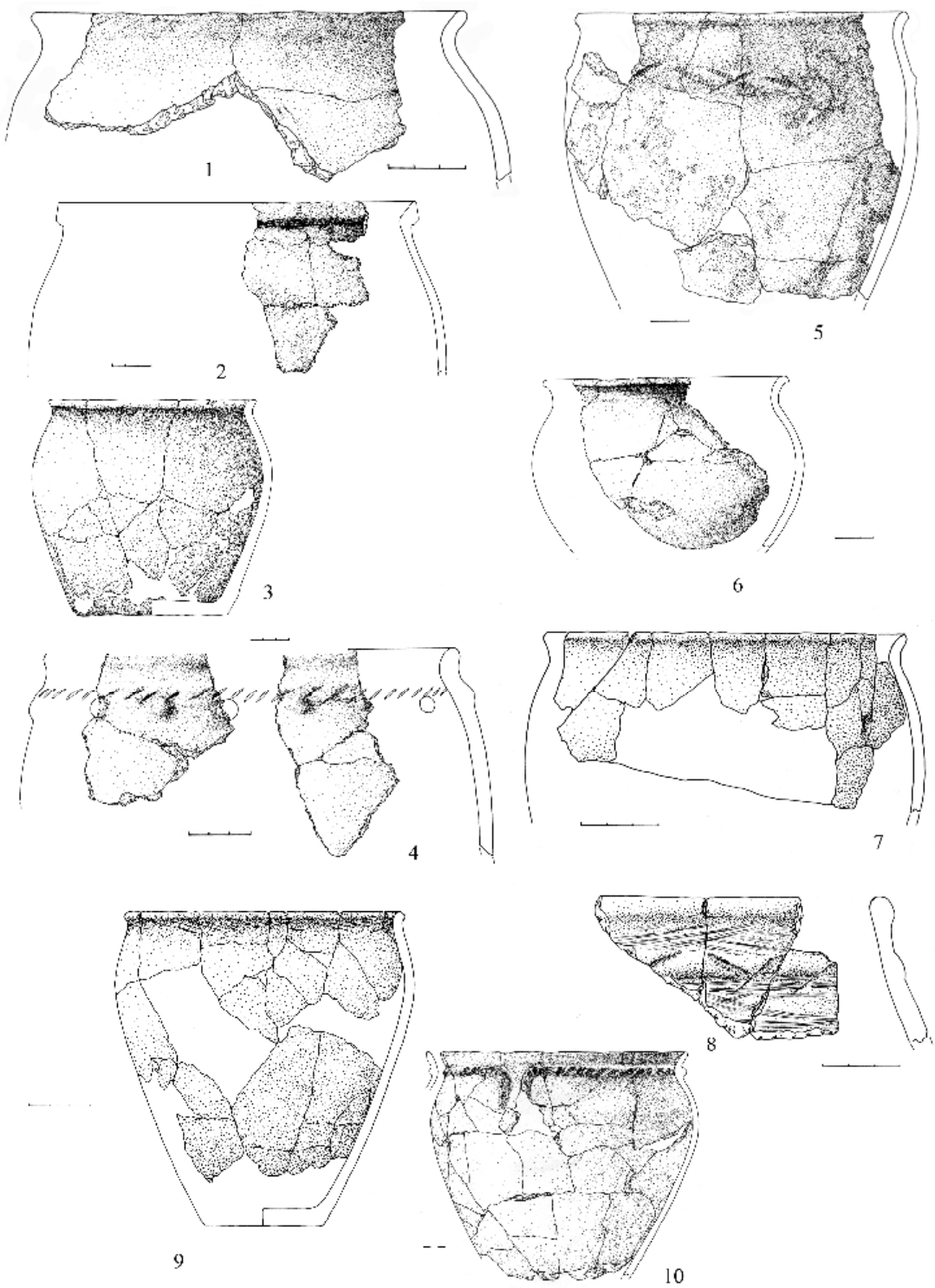


Рис.2 Керамический комплекс из сооружений на поселении Ягодинка 2.
№1-3 сооружение 6/1, №4 сооружение 14/1, №5 - 7 сооружение 35/1, №8-сооружение 41/1,
№9 сооружение 21/2, №10 скопление 1 из сооружения 1/4

Уникальная конструкция не имеет прямых аналогий ни на Дону, ни на смежных территориях. Она вызывает много вопросов: каково назначение построек, как осуществлялось и осуществлялось ли вообще перекрытие гигантских котлованов, почему в широких масштабах использовано дерево, а не привычный для поздней бронзы камень, в изобилии представленный на месте, для чего вырыты ряды больших ям в некоторых помещениях, каковы формы социальной организации населения, реализовавшего столь масштабный строительный замысел?

В.П. Глебов
(АНИБ, г. Ростов-на-Дону)

КУРИЛЬНИЦЫ РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ II–I ВВ. ДО Н.Э.

Курильницы – небольшие ритуальные сосудики, часто с углями, сажей или мелом внутри, являются одним из характерных элементов материальной культуры сарматов. Еще в 70-х годах прошлого столетия К.Ф. Смирнов обобщил весь известный в то время материал из регионов Азиатской Сарматии, разработал типологию и хронологию курильниц[1]. Помимо этого, разными исследователями уделялось внимание курильницам отдельных сарматских культур и регионов[2]. Данная статья посвящена курильницам раннесарматской культуры Нижнего Подонья.

В настоящее время в раннесарматских древностях Нижнего Подонья мною учтено 38 курильниц, из них 36 происходят из 28 погребений (около 5,5 % от общего количества нижнедонских раннесарматских комплексов II–I вв. до н.э.), а 2 найдены в насыпях курганов (Подгорненский VI, к. 1, Федосеевка II, к. 7). Большинство курильниц встречено в женских захоронениях, в мужских и детских – только по одному случаю. В могилах курильницы располагались преимущественно в ногах – около 60–70 % (чаще всего в области стоп, меньше – у колен или бедер), значительно реже – в районе пояса или возле черепа/плеча. В одном случае фрагменты курильницы были найдены в заполнении неограбленного погребения вместе с кувшином, лепным сосудом и бусами (Озерский III 3–3) – вероятно, все эти вещи располагались на перекрытии. В четырех погребениях были встречены наборы из двух курильниц (Подгорненский V 6–3, Подгорненский VI 1–8, Сагванский I 7–11, Донской (Новочеркасская ГРЭС) 2–12, в последнем погребении, парном, было две пары курильниц), в одном погребении (Ливенцовский VII 22–7) – три курильницы.

По форме тулова, размерам и деталям оформления выделено пять типов курильниц.

Тип 1 (рис. 1, *1–11*), 13 экз. Курильницы с туловом чашевидной формы различных пропорций, высота 3,6–7,2 см, но в большинстве случаев – около 5 см. Стенки обычно выпуклые, расширяющиеся кверху, венчик уплощенный, с оттянутыми краями. Большинство сосудиков открытых форм, лишь у курильницы из п. 1 к. 4 мог. Назаров II тулово усеченно-сферической формы; этот сосудик, единственный из курильниц типа 1, имеет отверстие в верхней части тулова.

Внутри типа по характеру дна выделяется три варианта (два экземпляра фрагментированы, вариант не определяется): 1 – округлодонные курильницы, 7 экз. (рис. 1, *1–6*); 2 – плоскодонные курильницы, 4 экз. (рис. 1, *7–9*), с долей условности к этому варианту отнесена курильница из п. 7 к. 22 мог. Ливенцовский VII с прямыми стенками и туловом усеченно-конической формы; 3 – курильницы на невысокой ножке, 2 экз., в одном случае ножка полая, в другом сплошная (рис. 1, *10–11*).

Курильницы этого типа часто орнаментированы по срезу венчика прочерченными линиями или наколами, образующими, как правило, зигзагообразный декор.

Тип 2 (рис. 1, *12–20;* 2, *1–4*), 16 экз. Курильницы небольших размеров с туловом подцилиндрической формы, обычно невысоких пропорций, высота 3,6–6 см, но в большинстве случаев 4–5 см. Стенки прямые или чуть выпуклые, дно плоское или слегка скругленное, венчик уплощенный, реже скругленный, иногда венчик и дно оформлены выступающими валиками или закраинами. Около половины курильниц этого типа имеют отверстие в средней или

[1] Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 166–167.

[2] Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. С. 29–30; Костенко В. И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н.э. Днепропетровск, 1983. С. 49, 57; Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 30; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 99; Максименко В. Е. Сарматы на Нижнем Дону (археология и проблемы этнической истории). Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6. С. 137–138; Глухов А. А. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология. 2000. № 2. С. 9–39; Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. Волгоград, 2002. С. 54, 59; Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. С. 37–38.

верхней части тулова, обычно одно, лишь курильница из Сагванского I 5–8 снабжена двумя отверстиями, расположенными диаметрально.

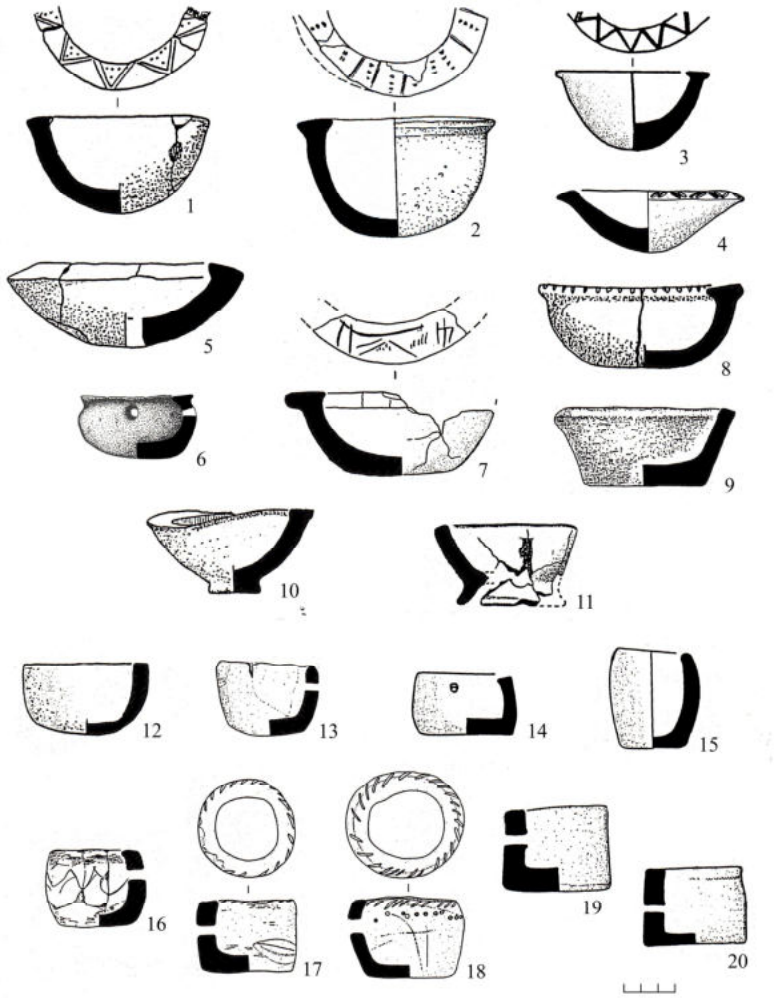


Рис. 1. Курильницы раннесарматской культуры Нижнего Подонья.
1 – Подгорненский V 1-1, 2 – Большеорловский IV 1-7, 3 – Сагванский I 17-9, 4 – Балабинский I 27-12, 5 – Подгорненский VI 1-8, 6 – Назаров II 4-1, 7 – Подгорненский VI, к. 1, насыпь, 8 – Подгорненский V 1-5, 9 – Ливенцовский VII 22-7, 10 – Подгорненский I 1-10, 11 – Подгорненский V 1-6, 12 – Подгорненский I 1-11, 13 – Подгорненский VI 1-8, 14 – Сагванский I 5-8, 15 – Сагванский I 5-11, 16 – Подгорненский IV 1-16, 17 – Подгорненский IV 31-1, 18 – Подгорненский IV 30-3, 19, 20 – Донской (Новочеркасская ГРЭС) 2-12

Внутри типа выделяется три варианта по форме тулова и характеру дна: 1 – курильницы со слегка выпуклыми стенками и скругленным дном, 2 экз. (рис. 1, *12–13*); 2 – курильницы с прямыми или слегка выпуклыми стенками и плоским дном, 8 экз. (рис. 1, *14–20*); 3 – курильницы с прямыми или слегка выпуклыми стенками, плоским дном, венчик и дно выделены выступающими валиками (изредка – только венчик), 6 экз. (рис. 2, *1–4*).

Часть курильниц этого типа орнаментирована прочерченными линиями, косыми насечками или наколами. Чаще всего орнаментирован срез или край венчика, в одном случае (Сагванский I 7–11) – придонный валик. Орнамент на тулове отмечен лишь дважды: на сосудике из п. 3 к. 30 мог. Подгорненский IV верхняя часть тулова орнаментирована рядом округлых наколов, на курильнице из п. 1 к. 16 мог. Подгорненский IV средняя часть тулова декорирована процарапанной зигзагообразной линией.

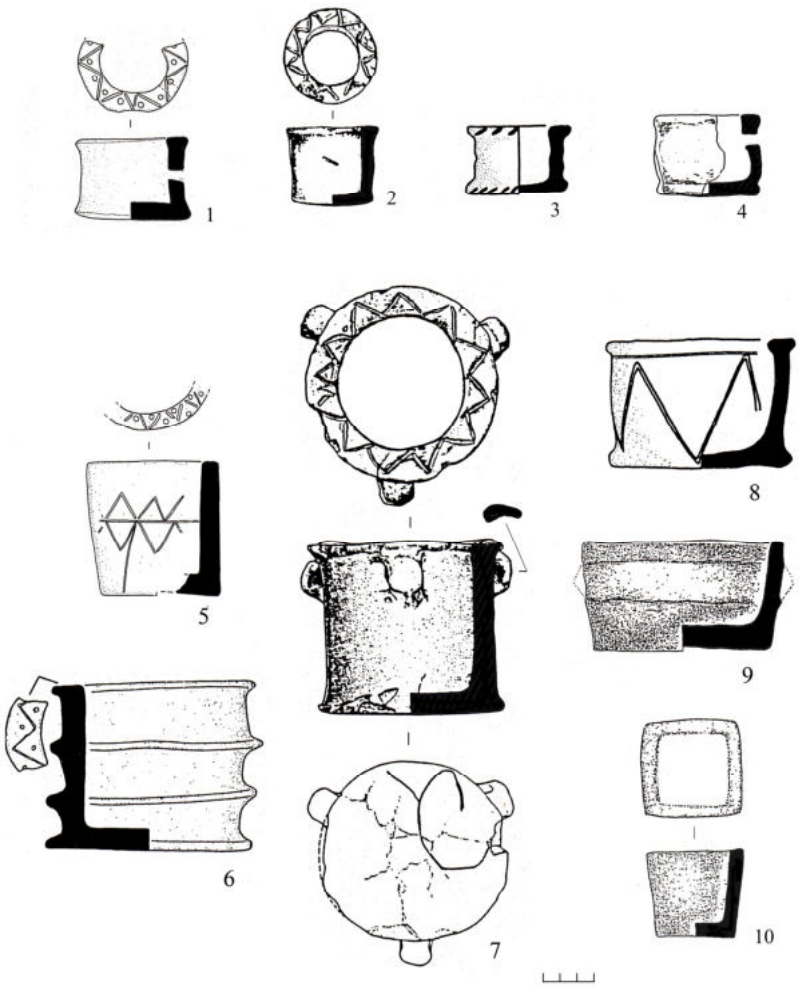


Рис. 2. Курильницы раннесарматской культуры Нижнего Подонья:
1 – Кулешовка 7-14, 2 – Федосеевка II 7-сит. 1 (насыпь), 3 – Сагванский I 7-11,
4 – Подгорненский V 6-3, 5 – Алитуб 19-5, 6 – Донской (Новочеркасская ГРЭС) 2-12,
7 – Федосеевка II 1-3, 8 – Сагванский I 7-11, 9, 10 – Ливенцовский VII 22-7

Тип 3 (рис. 2, *5–8*), 7 экз. Курильницы крупных размеров с туловом подцилиндрической формы, высота 7,7–10,2 см. Стенки прямые, иногда незначительно выпуклые или расширяющиеся кверху, дно плоское или слегка вогнутое, часто оформлено выступающей закраиной, венчик обычно уплощенный с оттянутыми краями. Один экземпляр (Федосеевка II 1–3) снабжен тремя псевдопетельчатыми ручками, находящимися под венчиком, на дне этой курильницы процарапан тамгообразный знак.

Внутри типа выделяется два варианта по оформлению тулова: 1 – курильницы с прямыми или слегка расширяющимися кверху стенками, прямым венчиком и невыделенным дном, 2 экз. (рис. 2, *5*); 2 – курильницы с прямыми или чуть выпуклыми стенками, венчик уплощенный, дно и венчик с выступающими закраинами, 5 экз. (рис. 2, *6–9*).

Курильницы этого типа часто декорированы горизонтальными валиками по тулову или орнаментированы по срезу венчика и тулову прочерченными зигзагообразными линиями и наколами.

Тип 4 (рис. 2, *9*), 1 экз. Курильница с туловом подцилиндрической формы низких пропорций с несколько расширяющимися кверху стенками и валиком чуть выше середины тулова (отслоился в древности), дно слегка вогнутое, венчик уплощенный. Размеры: высота 6,5 см, диаметр 12,3 см. Без орнамента.

Тип 5 (рис. 2, *10*), 1 экз. Курильница с туловом кубической формы. Стенки прямые, незначительно расширяются кверху, венчик уплощенный, дно плоское. Размеры: 5,2 х 6 х 6 см. Без орнамента.

Рассмотрим хронологию курильниц различных типов.

Большинство чашевидных курильниц (тип 1) происходит из комплексов начала раннесарматской культуры Нижнего Подонья. В более поздних памятниках находки курильниц типа 1 редки (Сагванский I 17-9, Большеорловский IV 1-7), в среднесарматское время чашевидные курильницы уже не встречаются.

Небольшие цилиндрические курильницы (тип 2) являются наиболее распространенной разновидностью курильниц ранне- и среднесарматского времени. В Нижнем Подонье они бытуют на протяжении всего раннесарматского периода (II–I вв. до н.э.), продолжают встречаться и в среднесарматскую эпоху.

Крупные цилиндрические курильницы (тип 3) в памятниках раннего горизонта раннесарматской культуры пока не известны. Вероятно, их появление следует относить к развитому или финальному этапам раннесарматского периода. Широчайшее распространение такие курильницы получают в среднесарматское время[1].

Итак, в течение II–I вв. до н.э. в раннесарматской культуре происходила постепенная смена курильниц чашевидных (открытых) форм (тип 1) на подцилиндрические (тип 2). К концу этого периода появляются крупные подцилиндрические курильницы (тип 3), в большинстве с валиками по тулову и выделенными выступающими закраинами дном и венчиком.

Прочие типы курильниц в нижнедонской раннесарматской культуре представлены единичными экземплярами, но широко известны в других регионах или в другое время. Приземистая подцилиндрическая курильница с валиком (тип 4) из п. 7 к. 22 мог. Ливенцовский VII в Нижнем Подонье единственная, однако в более восточных сарматских регионах подобные сосудики не редкость. М.Г. Мошкова выделяет их в тип III своей классификации курильниц, считает наиболее характерными для Южного Приуралья и датирует в пределах III–II вв. до н.э.[2].

Кубическая курильница (тип 5) из того же комплекса также единственная находка в раннесарматских древностях Нижнего Подонья. Как известно, кубические курильницы широко бытуют в позднесарматское время[3] и даже считаются одним из диагностирующих признаков позднесарматской культуры. Тем не менее, среди курильниц раннесарматского времени Нижнего Поволжья присутствует небольшая серия кубических сосудиков, входивших в наборы с крупными цилиндрическими курильницами[4]. Очевидно, что, при несомненном преобладании цилиндрических и чашевидных форм, традиция кубических курильниц существует уже в раннесарматское время.

Наборы курильниц (рис. 3). Как известно, традиция помещать в могилу наборы из двух курильниц зарождается в раннесарматское время и получает широкочайшее распространение в среднесарматскую эпоху[5]. По мнению А.А. Глухова, парные курильницы являются «маркирующей среднесарматские погребения категорией инвентаря» – среди погребений с курильницами этого периода около 50 % захоронений содержат парные сосудики[6]. В среднесарматское время такие наборы чаще всего состоят из большой и малой курильниц подцилиндрической формы, находящихся рядом, или же малый сосудик внутри большого.

[1] Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград, 2005. С. 30–31.
[2] Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. С. 29.
[3] Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 30.
[4] Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. Рис. 37, 3; Глухов А. А., Скрипкин А. С. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3. С. 139. Рис. 5, 10, 13.
[5] Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 99.
[6] Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград, 2005. С. 30.

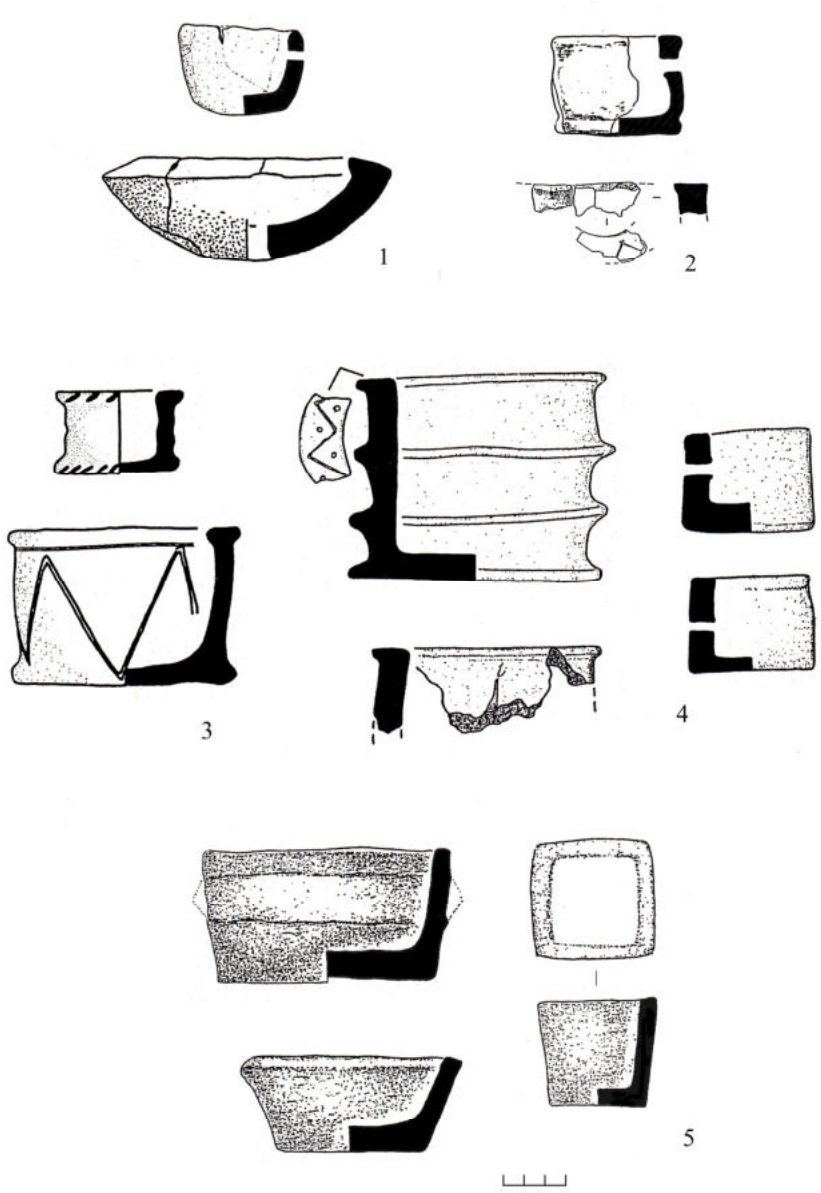


Рис. 3. Наборы курильниц.
1 – Подгорненский VI 1-8, 2 – Подгорненский V 6-3, 3 – Сагванский I 7-11,
4 – Донской (Новочеркасская ГРЭС) 2-12, 5 – Ливенцовский VII 22-7

В раннесарматское время также фиксируются случаи помещения в могилу двух и более курильниц, хотя и не столь часто (5 погребений из 28, содержащих курильницы, т.е. около 18 %). Парные курильницы известны уже в погребениях раннего горизонта нижнедонской раннесарматской культуры – в п. 8 к. 1 мог. Подгорненский VI найдены курильницы типов 1 и 2, маленькая цилиндрическая находилась внутри чашевидной круглодонной (рис. 3, *1*).

Еще в одном из ранних комплексов (Подгорненский V 6–3) также встречены две курильницы (рис. 3, *2*), правда, они находились не рядом, а довольно далеко друг от друга: маленькая цилиндрическая у правого бедра погребенной, фрагменты большой (чашевидной?) – у правой стопы. В погребениях развитой раннесарматской культуры: Сагванский I 7–11 (рис. 3, *3*), Донской (Новочеркасская ГРЭС) 2–12 (рис. 3, *4*) содержались наборы из большой и малой курильниц подцилиндрической формы (типы 2 и 3), причем в парном погребении из Донского наборы курильниц сопровождали обоих погребенных – мужчину и женщину.

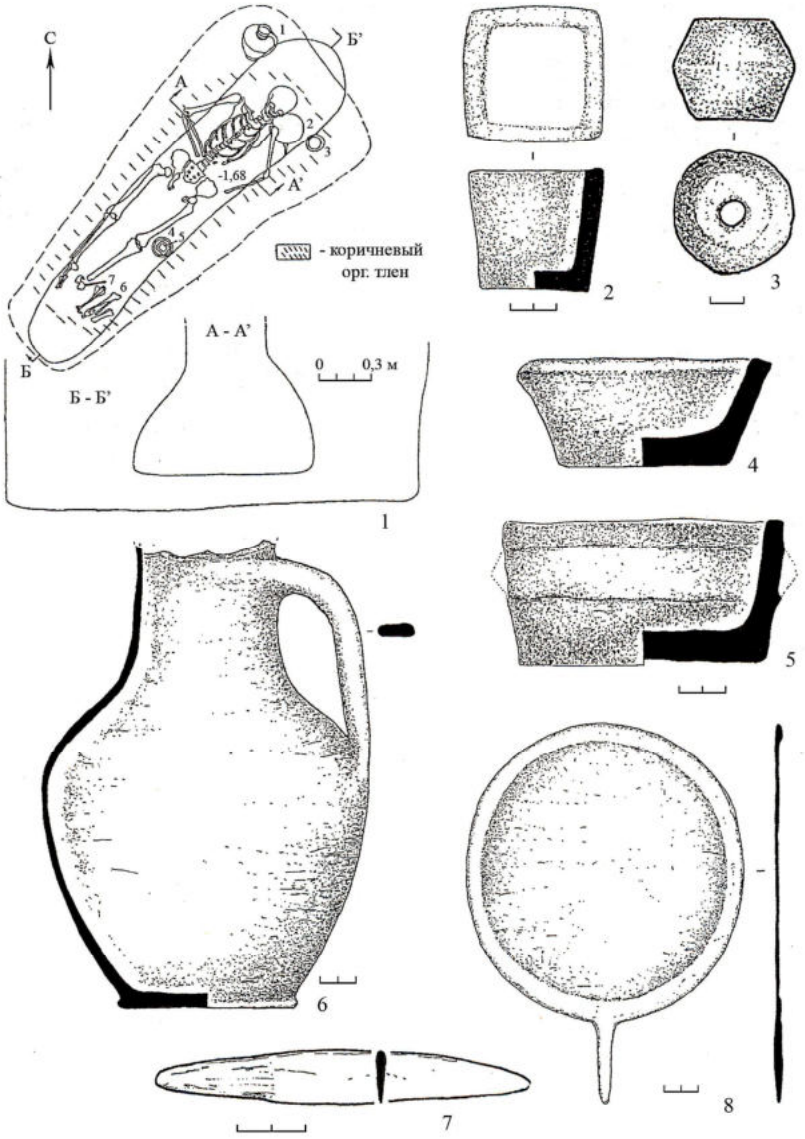


Рис. 4. Ливенцовский VII, к. 7, п. 4 (по Ильюков, 2003):
1 – план и разрезы погребения (1-кувшин, 2-зеркало, 3-5-курильницы, 6-кж, 7-нож), 2,4,5 – курильницы, 3 – пряслице, 6 – красноглиняный кувшин, 7 – железный нож, 8 – бронзовое зеркало

Особого внимания заслуживает набор курильниц из п. 7 к. 22 мог. Ливенцовский VII (рис. 3, *5*), состоящий из трех курильниц: одна из которых (чашевидная усеченно-конической формы) стояла у черепа слева, две – у левого колена, причем маленькая кубическая находилась внутри большой подцилиндрической (рис. 4)[1]. Любопытно, что этот нестандартный набор, составленный из курильниц редких или нетипичных для Нижнего Подонья форм, происходит из погребения не совсем сарматского облика. Могила камерной конструкции ориентирована по линии СВ – ЮЗ, длинные стенки удлиненно-подовальной входной ямы резко расширяются книзу, образуя камеру (широкую в изголовье, зауженную в ногах погребенного) прямо под входной ямой, а не с какой-либо стороны, как у классических катакомб или подбоев, погребенная женщина лежит черепом к СВ. Подобные погребальные конструкции очень редки в сармат-

[1] Ильюков Л. С. Сарматские погребения из кургана 22 Ливенцовского VII могильника // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 278.

ских культурах (см., например, катакомбы типа VI–1[1]), зато такие могилы («сводчатые ямы» по терминологии Б.А. Литвинского) имели широкое распространение в Средней Азии[2], где, кстати, прослеживается более раннее, чем в Сарматии, появление кубических курильниц[3]. Однако прямая связь между ливенцовским комплексом и среднеазиатскими погребения в «сводчатых ямах» вряд ли возможна, хотя бы потому, что среднеазиатские могильники как будто датируются более поздним временем – первыми веками н.э.[4]

Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева
(ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы)

ПАРАЛЛЕЛИ В ИСКУССТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ И ГОРНОГО АЛТАЯ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

В последние годы в археологии раннего железного века сделано немало важнейших открытий, давших уникальный материал для реконструкции процессов, происходивших в горно-долинной и степной зоне Евразии в 1 тыс. до н.э. Среди них такие памятники как Аржан 2, Берел, Филипповские и Ак-Алахинские курганы, Шиликты, Олон-Курин-Гол, Кичигино и другие.

Основу данной работы составляют материалы из Филипповских курганов Южного Приуралья и могильников пазырыкской культуры Горного Алтая.

Яркие находки из Оренбуржья особенно привлекают внимание своей художественной стороной – образами, сюжетами, воплощением. Предметы выделяются своей необыкновенной декоративностью. Изображение того или иного животного, образ которого использован для оформления, и само изделие (все его поле) заполнено ажурными витиеватыми орнаментальными мотивами.

Можно предположить, что здесь в некоторых случаях использованы не абстрактные, исключительно декоративные орнаментальные элементы. Все изделие, оформленное с применением стилизованных содержательных мотивов, образующих композицию, представляет собой целостное воплощение определенного сюжета. Вероятно, по способу выражения содержания их можно сопоставить с так называемыми «загадочными картинками». Но в данном случае мы имеем дело с иной, более сложной, «зашифрованной» формой его передачи[5].

Наиболее часто встречающийся образ в оформлении изделий из Филипповских курганов – олень. Несмотря на разнообразие вариантов художественного воплощения и стилизацию, можно отметить несколько выразительных элементов: оформление кончиков роговых отростков головками грифонов, декоративность в оформлении изображения животного.

Как уже отмечалось исследователями, использование образа грифона в передаче рогов оленя находит несомненные параллели в искусстве населения пазырыкской культуры Горного Алтая[6]. Такие же соответствия находят некоторые другие элементы, например, оформление «жемчужинами» основания рогов – «пеньков». Этот признак присутствует на изображениях оленей из Алтая и Восточного Казахстана, как более раннего времени – аржано-майемерского (Шиликты, курган № 5[7]), так и периода расцвета скифо-сакской эпохи – в материалах пазырыкской культуры (Уландрык IV, курган № 1[8]; Берел, курганы № 1^1, 10^2, 11^3).

---

[1] Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 175. Рис. 1.

[2] Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. С. 57–58. Табл. 28, 38 и др.

[3] Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 174–175; Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 94.

[4] Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. С. 132–133.

[5] Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб., 2001. Кат. 40, 43, 47, 70.

[6] Королькова Е. Ф. Филипповские курганы и звериный стиль. // Золотые олени Евразии : каталог выставки. СПб., 2001. С. 64–66.

[7] Черников С. С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965. 189 с.

[8] Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.

Нетипичной представляется манера передачи оленя в лежачей позе с ногами, вытянутыми вперед, что в целом несвойственно для этого вида животных. Принято считать, что более привычное изображение оленя – с подогнутыми под туловище ногами, которое передает состояние «жертвенного» зверя, его определенный статус. Это и более естественно для копытных. Другие положения травоядного, характерные для «звериного стиля», – с вывернутым крупом, «на цыпочках». Изображение животного с вытянутыми вперед конечностями более свойственно, вероятно, хищникам.

Несоответствие наблюдается и в манере передачи головы оленей – часто она показана неестественно удлиненной, гипертрофированной. Некоторым изображениям оленей из Филипповских курганов свойственны черты волка. Возможно, это свидетельствует об определенной семантической наполненности образа – целенаправленном придании самцам-оленям хищных признаков, соединение в одном образе изобразительных свойств хищных и травоядных животных. Об этом свидетельствуют голова с чертами волка, вытянутые вперед передние и задние конечности, оформление рогов головками орлиных грифонов.

Эти изображения находят некоторые параллели в искусстве племен Алтая и в целом восточных регионов скифского мира, где известны образы синкретических существ, соединяющих признаки казалось бы несовместимых зверей-антагонистов: кошачьих хищников и волков с рогами оленей. Исследователи объясняют их как выражение оппозиции этих животных «средствами мифологического решения», как иллюстрацию этой оппозиции уже в снятом виде[4].

Не отвергая это мнение, хотелось бы отметить некоторые параллели в искусстве ранних кочевников восточной части Евразийского пояса степей. Известны оленные камни с изображениями хищных животных, сочетающихся с графическими образами оленей, устремленных вверх. Существует мнение, что сами оленные камни, сооруженные в ритуальных целях, предназначены для передачи жертвенных даров в верхний мир и переправки душ на обетованные небесные пастбища. С жертвенной пищей, возможно, связано изображение рогатого с шариками на концах хищника, заглатывающего ногу копытного на одном из котлов Юго-Восточного Казахстана (Семиречье). Шарики на кончиках рогов имеют хищники на гривне из кургана 2 мог. Пазырык, из Сибирской коллекции Петра I. Несомненно, часть из таких элементов является следствием трансформации спиралевидно завитого окончания рога (в плоскостном варианте) в круг. В других случаях этот изобразительный признак, возможно, указывает на сакральный характер изображаемых персонажей или в целом сюжетов, связанных с идеей жертвоприношения. Об этом косвенно свидетельствуют данные Ю.А. Зуева, который упоминает об обычае смазывания рогов быка или нанизывания на их кончики масляных шариков древними огузами в ритуалах, связанных с охотой или случкой животных[5]. Вероятно, в образах «многоприродных» существ не столь прямолинейно воплощение идеи жертвы как залога возрождения к новой жизни, идеи круговорота жизни и смерти. Можно предположить в них изображения своего рода «перевозчиков» или проводников душ и жертвенных даров на небо. В этом плане они соотносятся в некоторой степени с традицией населения пазырыкской культуры преобразовывать сопогребенных лошадей в иные, фантастические, образы. Отметим также довольно существенный признак – параметры: олени из Филипповки соразмерны с войлочными фигурами лебедей из пазырыкского кургана, располагавшихся по углам повозки (!), а также с массивной деревян-

[1] Сорокин С. С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГосЭрмитажа. Л., 1969. Т. 10. С. 207–227.

[2] Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Чотбаев А., Онгар А., Киясбек Г., Толегенов Е. Некоторые итоги работ на некрополе Берел // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 168–174.

[3] Самашев З. Некрополь Берел // Археология Казахстана. Алматы, 2006. С. 122–140; Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы : Общественный фонд «Берел», 2004; Базарбаева Г. К изучению декора конского снаряжения в культуре древних скотоводов Казахского Алтая // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Р. Г. Кузеева. Уфа, 2009. С. 76–78.

[4] Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск, 2008. С. 61.

[5] Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 45.

ной скульптурой орлиноголового, крылатого, рогатого тигрогрифона из берельского кургана. Что также может указывать на их сущность проводника в потусторонний мир или посредника между мирами. Возможно, эти скульптуры представляют собой своеобразные модели изображаемых животных, трансформированных в иную (за исключением лебедей) сущность.

Вероятно, восточные направления связей демонстрирует оковка закраины сосуда с изображением кошачьего хищника, держащего в раскрытой пасти голову оленя или оковка закраины в виде хищника с головой барана в пасти[1]. Именно такое художественное воплощение сцены терзания, когда голова травоядного животного находится в пасти хищника, наиболее характерно для изобразительных памятников восточной части скифо-сакского мира, в том числе – пазырыкской культуры.

В материалах могильника пазырыкской культуры Берел, исследуемого в Восточном Казахстане, есть предметы декора конского снаряжения, выполненные в виде головы кошачьего хищника, к которому примыкают три спиралевидных завитка, выполненных в виде головок орлиных грифонов. Возможно, этот мотив связан с более ранними изображениями, известными в том регионе, например, сюжетом Сегнерова колеса из протом горных козлов, выявленного на местонахождении Майемер[2]. Изображения как на седельном декоре из 1 Туэктинского кургана отличаются тем, что в них четко выражена идея вращения. Такие композиции, выполненные в виде триквестров и свастик, видимо, имеют восточные корни, что подтверждается, помимо майемерского наскального изображения, бляхой из Уйгарака.

Таким образом, даже по некоторым отрывочным данным можно установить немногочисленные, но довольно четко обозначенные восточные направления связей создателей филлиповских курганов. Это соотносится с выводами исследователей о связях Филипповки с Алтаем и Ордосом, о возможном притоке волны кочевников на Южный Урал в 5 в. до н.э.[3]

Л.С. Ильюков
(ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

ТАЙНИК ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «САЗОНКИН БУГОР»

В 1963 г. в курганном могильнике «Сазонкин бугор», расположенном в Черноярском районе Астраханской области, был исследован курган 2, возведенный над савроматским погребением. В большой подпрямоугольной могиле между двумя погребенными (мужчиной и женщиной) в дне могилы была вырыта ямка с расширявшимися ко дну стенками. Ее диаметр по верху 50 см, ее северо-восточная стенка была расширена, размер ямки по дну 78 х 60 см. Глубина ямки до 63 см. Ямка оказалась перекрытой правой плечевой костью мужчины и левым предплечьем женщины, кости были не потревожены. Эта ямка, содержавшая золотые вещи, была определена как тайник, устроенный в дне могилы[4].

У входа в тайник была найдена гладкая золотая гривна с одним утолщенным концом, второй конец был обломан[5]. Остальные вещи находились у дна в глубине ямки. Здесь обнаружены ожерелье из золотых, янтарных и сердоликовых бус, золотые бляшки и височные подвески-серьги[6].

Описание бус было суммарным. Только относительно золотых бус отмечено, что они имели биконическую форму и были спаяны из двух полых половинок. Судя по фотографии, в тайнике их было 29 шт.[7] Судя по фотографии, в состав ожерелья входили 5 бочонковидных

[1] Золотые олени Евразии : каталог выставки. СПб., 2001. Кат. 70, 89.
[2] Самашев З. С., Франкфор А.-П., Ермолаева А. С., Жумабекова Г. С., Гий Э., Сунгагай С., Жетибаев Ж. М., Омаров Г. К. Исследование культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 174–202.
[3] Переводчикова Е. В., Таиров А. Д. Звериный стиль Филипповского кургана 1 в контексте искусства кочевников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 92–94.
[4] Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // Советская археология. М., 1965. № 3. С. 147. Рис. 3.
[5] Там же. Рис. 8, 4.
[6] Там же. С. 147. Рис. 8, 1–3.
[7] Там же. С. 151. Рис. 8, 1.

сердоликовых бус разного диаметра и две янтарные (?)[1]. Там же найдено 29 полусферических бляшек с парой симметрично отверстий, проткнутых изнутри у края бляшки, которые вероятно были нашиты на ткань[2].

Кроме того, в тайнике были обнаружены две одинаковые золотые подвески-серьги. Каждая из них состояла состоит из двух всадников, «стоявших на колеснице», сделанной в виде прямоугольной рамки, выполненной в виде четырех полос, спаянных по углам. Пятая продольная полоса соединяется с поперечными полосами и делила рамку пополам. На концы поперечных полос, выступающих по сторонам, были надеты четыре пластинчатых круглых колесика со отверстием-ступицей в центре. К пластинчатой прямоугольной рамке напаяны петли (по пять вдоль продольных сторон и по две вдоль поперечных), на коротких цепочках свисали желудеобразные подвески. Каждый желудь состоял из двух полых половинок и сверху имел петель для прикрепления к цепочке. На поперечных полосках помещались две всадника. Фигурки коней и всадников полые, составлены из двух половинок. Поверхность их украшена параллельными полосками, состоявшими из напаянной зерни, сгруппированных по три вместе. Ноги лошадей имеют копыта. Всадники изображены в кафтанах и капюшонах. У двух их них сбоку был подвешен горит[3].

Наличие нашивных бляшек свидетельствует, что в тайнике находилась ткань, к которой пришивались бляшки. По-видимому, в тайнике находился предмет сделанный из органики, украшенный полусферическими бляшками. Кроме того, он имел ожерелье из бус и пару изящных сережек. Иными словами, в тайнике, вероятно, находиться культовый предмет – «кукла-манекен», украшенная золотыми нашивками, бусами и серьгами. По-видимому, во время погребального обряда это «женское божество» по каким-то причинам лишилось своей сакральной силы, один конец ее золотой гривны был обломан. Не являлась ли эта «кукла-манекен» символом материального воплощения того «божественного персонажа», который у кочевников-савроматов имел «женские черты». Особое отношение у савроматов к женщине отмечали не только Геродот, но и Псевдо-Гиппократ[4].

Этот погребальный комплекс относится к первой половине V в. до н.э.[5] или к V в. до н.э.[6]

В.М. Клепиков, В.И. Моисеев
(ВолГУ, г. Волгоград)

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ДОНСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

В июле 2005 г. экспедиция Волгоградского государственного университета продолжила раскопки **курганного могильника Аксай-I** в 4 км к ЮЗ от центра с. Аксай Октябрьского района Волгоградской области. К раннесарматскому времени отнесен курган № 19, под насыпью которого располагались два, видимо, синхронных погребения.

Курган № 19. Высота кургана – 0,46 м, диаметр – 20 м (рис. 1.1).

В насыпи были обнаружены разрозненные кости мелкого рогатого скота.

Погребение № 1. Могильная яма, располагавшаяся в центре кургана, имела прямоугольную форму, ориентирована по линии С-Ю (рис. 1.2). Размеры ямы по дну – 2,15 х 1,65 м. Глубина могильной ямы от 0 – 1,36 м.

Погребение ограблено. В могильном заполнении встречены разрозненные кости двух мужчин возрастом 45-50 лет и 50-60 лет. Костные останки людей представлены фрагментами черепов и тазовых костей, а также обломками длинных костей рук и ног. В различных частях могильного заполнения обнаружены следующие предметы:

---

[1] Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // Советская археология. М., 1965. № 3. С. 147. Рис. 8, 1.
[2] Там же. С. 151. Рис. 8, 2.
[3] Там же. С. 151, 152. Рис. 8, 1.
[4] Мошкова М. Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.154.
[5] Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. 1965. С. 153.
[6] Соколов П. М. Савроматская археологическая культура Нижнего Поволжья: проблема хронологии и периодизации : автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2010.

1. Фрагмент венчика толстостенного лепного сероглиняного горшка с обильной примесью толченой ракушки в тесте (рис. 1.7).

2. Лопатка КРС.

3. Фрагменты лепного тонкостенного керамического сосуда. В процессе реставрации удалось восстановить форму изделия. Это небольшой горшочек с округлым туловом, высокой шейкой и слегка оттянутым наружу венчиком (рис. 1.5). Поверхность красновато-коричневого цвета, тесто в изломе черное, с примесью шамота. Высота сосуда – 5,7 см, диаметр тулова – 5,9 см, диаметр устья – 3,9 см, толщина стенки – 0,4 см.

4. Фрагменты железного однолезвийного ножа (рис. 1.4). Рукоять не сохранилась; длина лезвия – 9,5-10 см, толщина сечения лезвия – 0,3 см.

5. Крупный фрагмент железной овальной пряжки с прикрепленным подвижным язычком (рис. 1.6). Сечение рамки и язычка прямоугольное. Диаметр пряжки – 4 см, длина обломка язычка – 2 см, толщина сечения рамки – 0,3 см.

Погребение № 2. Могильная яма узкой прямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии С-Ю, располагалась на расстоянии 3,1 м к западу от ЦР (рис. 1.3). Размеры ямы по дну – 1,75 х 0,8 м. Глубина могильного сооружения от 0 – 1,36 м.

На дне могильной ямы вытянуто на спине лежал скелет подростка 11–12 лет, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, плечевая кость левой руки и левая сторона грудной клетки отсутствовали. Кости предплечья левой руки находились у левого крыла таза под глиняным сосудом.

1. В верхних слоях могильного заполнения ямы обнаружено беспорядочное скопление костей МРС: длинные кости ног, лопатка, обломок нижней челюсти с зубами и ребра. Несколько небольших костных фрагментов принадлежали КРС.

2. Среди костей животных найден мелкий осколок бронзового пластинчатого предмета.

3. Слева от черепа человека, чуть выше дна ямы обнаружен обломок бронзового зеркала с валиком по краю (рис. 1.9). Вероятный диаметр зеркала – 16-18 см, ширина валика – 1,5 см.

4. Около нижней челюсти погребенного найдены 2 бусины. Одна овальной формы из глухого темного стекла с волнистыми прорезными линиями на поверхности, заполненными светлой пастой. Ее диаметр – 1,2 см (рис. 1.11а). Вторая имела треугольную форму, изготовлена из прозрачного желтоватого стекла. Высота этой бусины – 1,5 см (рис. 1.11б).

5. Около левого крыла таза стоял лепной сероглиняный кувшин с вертикальной, несколько скошенной в сторону ручкой (рис. 1.8). Верхняя часть ручки оформлена в виде упора. Сосуд имел грушевидное тулово с высоким открытым горлом. Под горловиной прочерчена горизонтальная двойная полоса, от которой к низу отходят вертикальные расчесы. Тесто в изломе пористое, с примесью песка и шамота. Высота сосуда – 13 см, диаметр тулова – 12 см, диаметр устья – 9,6 см, диаметр дна – 6,2 см, высота ручки – 6,4 см, ширина ручки – 2 см, толщина стенки – 0,6 см.

6. Около левой голени обнаружен обломок пряслица, изготовленного на куске белого мелкозернистого песчаника (рис. 1.10). Высота обломка – 2,1 см.

Курганный могильник Перегрузное I располагается на вершине межбалочного водораздела, протянувшегося от восточной окраины с. Перегрузное Октябрьского района Волгоградской области в юго-восточную сторону. В 2007 г. в могильнике Перегрузное I было исследовано 2 кургана. Один из них возведен в раннесарматское время.

Курган № 39. Высота кургана – 0,32 м, диаметр насыпи по линии С-Ю – 30 м, по линии – 27 м (рис. 2.1).

Погребение 1 обнаружено на расстоянии 5,1 м к СЗ от ЦР. Могильная яма имела подбойную конструкцию (рис. 2.2). Подбой имел узкую овальную входную яму, ориентированную по линии ССВ-ЮЮЗ. Длина входной ямы – 2 м, ширина – 0,55 м. Вдоль длиной западной стенки входной ямы на глубине 1,11 м от 0 зафиксирована ступенька шириной 0,4 м, круто спускающаяся ко дну камеры подбоя. Высота ступеньки 0,58 м. Подбойная камера имела овальную форму и была устроена в восточной стенке входной ямы. Длина подбоя – 2 м, ширина – 0,54 м, глубина – 1,51 м от 0. Высота свода подбоя 0,46 м.

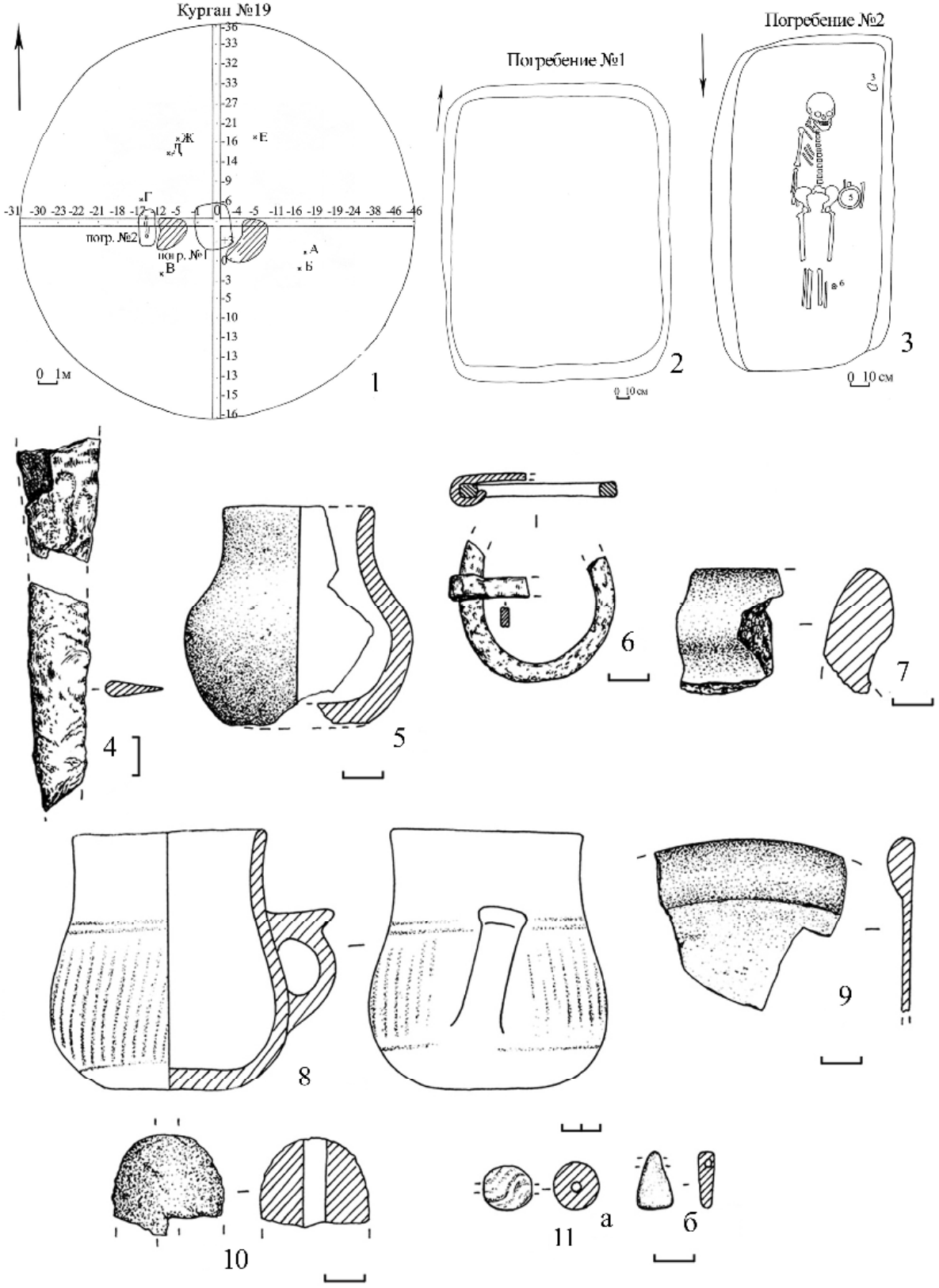


Рис. 1. 1- план кургана №19; 2- план погр. №1; 3- план погр. №2. Вещи из погр. №1: 4- фр-т железного ножа; 5- фр-т сосуда; 6- железная пряжка; 7- фр-т венчика сосуда. Вещи из погр. №2: 8- лепной сосуд; 9- фр-т бронзового зеркала; 10- пряслице; 11- бусы.

На дне могильной ямы обнаружен костяк подростка в возрасте 12-13 лет, уложенный вытянуто на спине и ориентированный головой и позвоночным столбом к ЮЮЗ. Малая берцовая кость правой ноги сдвинута к северу. Мелкие кости стоп не сохранились.

1. С внешней стороны кисти правой руки обнаружена фрагментированная железная пряжка. Диаметр рамки пряжки – 3,3 см, язычок прямой, с легким прогибом. Длина язычка – 3,6 см, (рис. 2.9).

2. С внешней стороны левой бедренной кости найден железный нож с обломанным кончиком и длинным черешком. Длина ножа – 9,6 см, длина черешка – 2,9 см. Ширина спинки ножа – 0,5 см (рис. 2.8).

3. Вдоль левой берцовой кости обнаружены кости барана: левая передняя нога с лопаткой в сочленении и ребро.

4. На лопатке барана найдена костяная ложечка, выточенная из левой лопатки взрослой особи МРС. Длина ложечки 11,8 см (рис. 2.7).

Погребение 2 обнаружено на уровне материка в центре кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована длиной осью по линии С-Ю. В заполнении могильной ямы встречались мелкие угли, разрозненные фрагменты костей взрослого мужчины. Ширина ямы 1,38 м, длина – 2,35 м, глубина 2,75 м от 0 (рис. 2.3).

На глубине 1,75-1,86 м от 0 зафиксированы круговые заплечики шириной от 16 до 26 см. Размеры ямы по дну ниже заплечиков: длина 2,2 м, ширина 0,97 м.

С уровня заплечиков до дна ямы в заполнении по всей площади ямы встречались крупные фрагменты деревянных плах, обожженные полностью и частично. Возможно, перекрытие было подожжено, перекрыто насыпью и впоследствии обвалилось.

1. В заполнении могильной ямы, в центральной части, на глубине 0,99 м от 0 найден глиняный лепной сероглиняный горшок. Горло невысокое, венчик незначительно отогнут наружу. Высота горшка 16-16,8 см, диаметр горла по венчику – 10,5 см, диаметр горла – 9,6 см, наибольший диаметр тулова – 15,5 см, диаметр дна – 7,3 см, толщина стенки сосуда – 0,65 см. Черепок в изломе коричневый, с обильной примесью шамота. Внешняя поверхность сосуда коричневая со следа нагара (рис. 2.10).

2. В юго-западном углу ямы, в заполнении, на глубине 1,63 м от 0 обнаружен фрагмент бронзового зеркала с валиком, украшенным волнообразными вдавлениями. Валик образован путем загиба краев зеркала внутрь и проковкой края. Реконструируемый диаметр зеркала – 10 см, толщина валика – 0,5 см (рис. 2.14).

3. В заполнении могильной ямы, на глубине 1,61 м от 0, в юго-восточном углу найдена костная ложечка, выточенная из лопатки животного. Длина ложечки 9,8 см. На конце «ручки» оставлен направленный вниз «упорчик», выточенный из метаподии сустава (рис. 2.13).

4. На дне ямы у восточной стенки, в центральной части ямы найдены кости МРС: правая передняя лопатка и кости ног. Некоторые фрагменты костей частично кальцинированы.

Погребение 3 обнаружено на расстоянии 2,6 м к В от ЦР в подпрямоугольной яме, ориентированной длиной осью по линии С-Ю. На глубине 1,11–1,14 м от 0 вдоль длинных стенок зафиксированы заплечики шириной 0,08–0,14 м. Длина ямы – 1,85 м, ширина – 0,7 м, глубина ямы – 1,61 м от 0. Южный угол ямы прорезал северный угол ямы погребений 5 и 6 (рис. 2.5).

На дне могильной ямы обнаружен костяк мужчины в возрасте около 20 лет, уложенный вытянуто на спине, головой и позвоночным столбом ориентированный на Ю. Голова погребенного неестественно вывернута влево и лицевыми костями обращена на З. Руки вытянуты вдоль туловища: левая под левым крылом таза, кисть под головкой бедра, правая незначительно проходит под крылом таза. Ноги вытянуты и разведены в стороны. Кости стоп направлены к северу. В заполнении могильной ямы встречались мелкие фрагменты деревянных плах. Вещей в погребении не обнаружено.

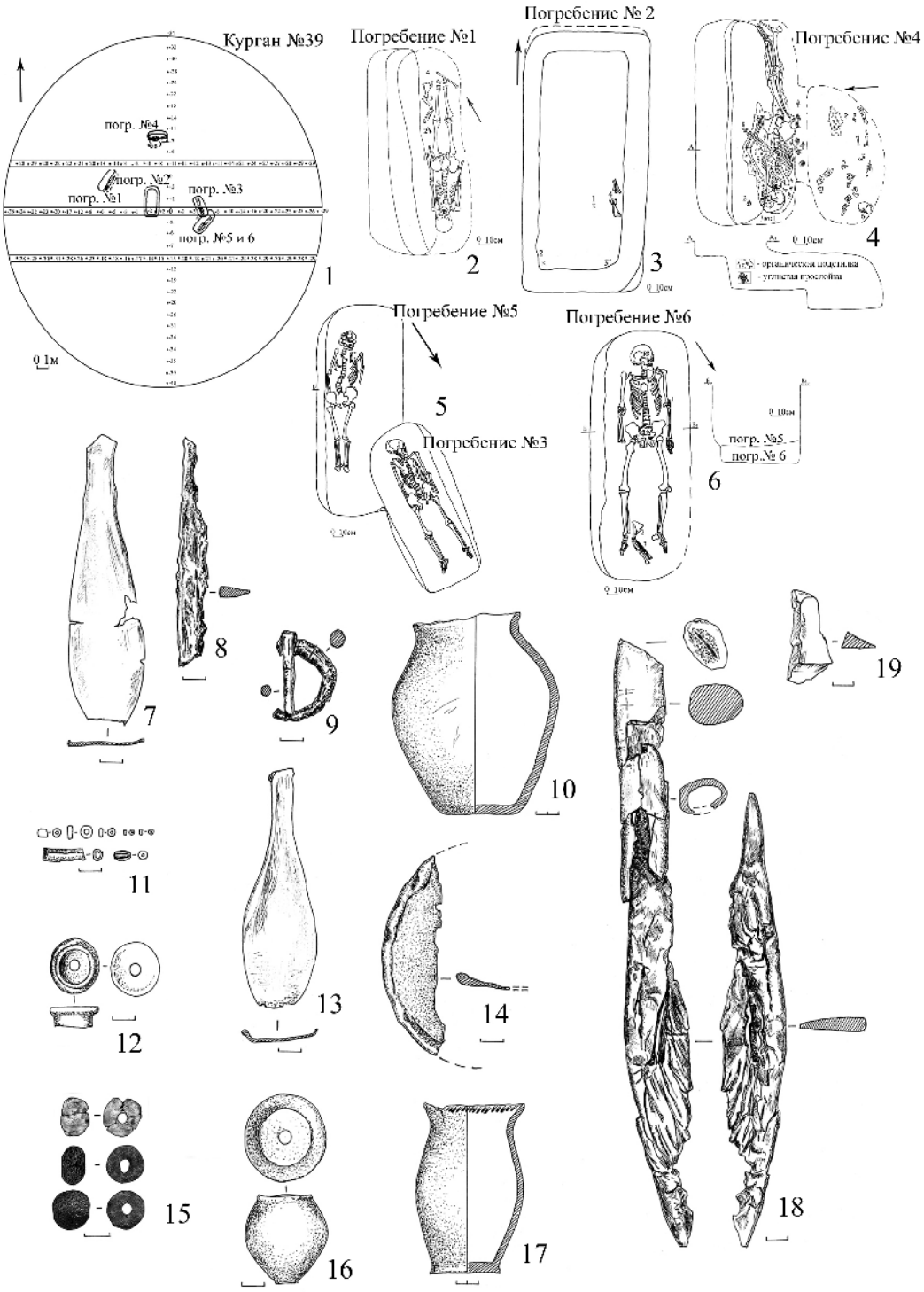


Рис. 2. 1- план кургана №39; 2- план погр. №1; 3- план погр. №2; 4- план погр. №4; 5- план погр. №3 и 5; 6- план погр. №6. Вещи из погр. №1: 7- костяная ложечка; 8- железный нож; 9- железная пряжка. Вещи из погр. №2: 10- лепной горшок; 13- костяная ложечка; 14- фр-т бронзового зеркала. Вещи из погр. №4: 11- бусы; 12- керамическое «навершие»; 15- бусы; 16- глиняное пряслице; 17- лепной горшок. Вещи из погр. №6: 18- железный нож; 19- кремневый отщеп.

Погребение 4. Могильное пятно зафиксировано на расстоянии 6,2 м к С от ЦР. Могильная яма представляла собой подбой, длиной осью по линии З-В. Входная яма подбоя имела узкую подпрямоугольную форму, отделенную от камеры ступенькой высотой 0,26 м, круто спускающей ко дну подбоя. Погребальная камера была устроена в длинной южной стенке входной ямы. Длина подбоя – 1,68 м, ширина – 0, 55 м. Высота свода подбоя – 0,3 м (рис. 2.4).

На дне камеры был обнаружен костяк женщины 20–25 лет, уложенный вытянуто на левом боку и ориентированный головой и позвоночным столбом на З. Череп погребенной лежал на левой височной кости, лицевыми костями обращенный к С. Руки уложены перед телом. Левая рука согнута в локте под тупым углом и кистью направлена к тазу. Правая рука вытянута, согнута в локте под тупым углом над левой рукой и находилась значительно выше дна ямы. Ноги вытянуты, правая выше левой и немного выведена вперед.

1. У западной торцевой стенки на расстоянии 6 см от черепа погребенной на дне ямы найдена низка бус: среди бус обнаружена бронзовая пронизка длиной 1,65 см и диаметром 0,5 см, свернутая трубочкой из плоского листа; 78 мелких округлых и округло-цилиндрических бус из синего прозрачного стекла диаметром от 0,3 до 0,62 см; 2 аналогичные бусины из светлого прозрачного стекла диаметром 0,35 см; мелкий бисер в количестве 18 шт. диаметром 0,2 см (15 белых, 2 серых, 1 коричневая); одна удлиненно-овальная из черно-коричневой стеклянной пасты длиной 0,75 см, диаметром 0,4 см (рис. 2.11).

2. В 5 см к С от лица погребенной найдено глиняное яйцевидное пряслице с усеченным основанием. Высота пряслица – 3,8 см, наибольший диаметр – 3,65 см, диаметр основания – 2,2 см, диаметр отверстия – 0,6 см (рис. 2.16).

3. Рядом с бусами находился округлый керамический предмет с отверстием, напоминающий навершие-шляпку. Высота предмета – 0,8 см, диаметр верхней расширяющейся части – 2,14 см, диаметр нижнего основания – 1,7 см, высота основания – 0,48 см. В верхнем уплощенном, слегка вогнутом «своде» предмета, имеется круглое сквозное отверстие диаметром 0,47 см. (рис. 2.12).

4. Над шейными позвонками найдены 3 крупные округлые стеклянные бусины: одна из прозрачного темно-синего стекла диаметром 1,42 см; одна из черной глухой пасты диаметром 1,4 см; одна из прозрачного стекла грязно-зеленого цвета, покрытая белым перламутром диаметром 0,96 см (рис. 2.15).

По всему дну погребальной камеры отмечена органическая подстилка серо-зеленого цвета.

В центральной части южной длиной стенки подбоя, за спиной погребенной обнаружен еще один подбой меньших размеров, отделенный от большой камеры ступенькой высотой 0,17 м. Камера имела овальную форму и была ориентирована параллельно камере большого подбоя. Длина подбоя – 1,15 м, ширина – 0,64 м, глубина – 1,39 м от 0. Высота свода подбоя – 0,46 м от дна камеры. На ступеньке, продолжающей дно камеры №1 и отделяющей камеру №1 от камеры № 2 зафиксирована сплошная посыпка угольками от сожженной травы или мелких веточек. По дну камеры № 2 прослежена подстилка органического тлена серого цвета. На дне камеры № 2 в центральной части обнаружен костяк ребенка в возрасте около полугода, уложенный вытянуто на спине и ориентированный головой к З. Костяк плохой сохранности, большинство костей истлели.

5. Слева от ребенка лежали несколько кусочков мела.

6. У западной стенки камеры, на дне, за головой ребенка стоял лепной сероглиняный горшочек вытянутых пропорций. Широкий венчик отогнут наружу и украшен мелкими косыми насечками по внешнему краю. Высота горшка – 14,3 см, диаметр горла по венчику – 9,5 см, наибольший диаметр тулова – 9,9 см. Дно незначительно выделено расширением у основания. Диаметр слегка вогнутого дна – 6,3 см. Черепок в изломе серый, тесто очень рыхлое с обильной примесью крупного песка и мелкотолченого шамота. Внешняя поверхность закопчена (рис. 2.17).

Погребение 5 обнаружено на уровне материка на расстоянии 2,77 м к ЮВ от ЦР. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длиной осью по ССВ-ЮЮЗ. Длина могильной ямы 2,34 м, ширина 0,94 м (рис. 2.5). Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,21–1,37 м от 0. Северный угол ямы прорезала яма погребения № 3. На дне могильной ямы вдоль длиной восточной стенки обнаружен костяк женщины 30-40 лет, уложенный вытянуто на спине и ориентированный головой и позвоночным столбом к ЮЮЗ. Руки погребенной вытянуты вдоль туловища, предплечье и кисть правой руки проходит под тазом, ноги вытянуты. Вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 6. После снятия погребения № 5 в границах той же могильной ямы, ниже уровня погребения № 5, было обнаружено погребение № 6 на глубине – 1,6 м от 0 (рис. 2.6). На дне обнаружен костяк мужчины 35–45 лет, уложенный вытянуто на спине, головой и позво-

ночным столбом ориентированный на ЮЮЗ. Череп погребенного слегка повернут влево и лицевыми костями обращен к СВ.

1. На левой плечевой кости обнаружен кремневый отщеп (рис. 2.19).

2. У правой стопы, с внутренней стороны, на дне ямы лежали кости левой передней ноги нога МРС с лопаткой в сочленении.

3. Рядом с костями МРС найден железный нож с горбатой спинкой и костяной рукоятью. Длина ножа с рукоятью – 28,5 см. Длина железной части ножа – 20 см. Ширина спинки – 0,5 см. Рукоять выточена из цельной кости, незначительно уплощена с боков. Длина рукояти – 11,7 см (рис. 2.18).

Одной из особенностей данного памятника является кольцевое расположение могил вокруг центрального погребения № 2. Интерес представляет разнообразие вариантов погребальных конструкций: яма с заплечиками (погр. № 2), подбой (погр. № 1), двойной подбой (погр. № 4), прямоугольная яма (погр. № 3, 6), подзахоронение в существующую могилу (погр. № 5). Вещевой материал раннесарматских погребений достаточно типичен, он позволяет датировать весь погребальный комплекс II–I вв. до н.э.

В 2009 году исследование курганного могильника Перегрузное I было продолжено. Объектами раскопок стали курганы № 40–44, располагавшиеся на пахотном поле, в восточной части могильника (рис. 2,3).

Самым ранним в исследованной группе оказался курган № 41, в котором находились 3 раннесарматских погребения.

Курган № 41. Высота кургана 0,3 м; диаметр по линии С-Ю – 26 м, по линии З-В – 24 м. (рис. 3.1).

В насыпи найдены мелкие невыразительные фрагменты сероглиняной лепной керамики с примесью шамота в тесте, а в 2,3 м на ЮЗ от ЦР на глубине 0,3 м от 0 обнаружены остатки небольшого кострища овальной формы, в золистом заполнении которого встречены угольки и мелкие кальцинированные кости животного.

В кургане обнаружено 3 погребения.

Погребение № 1. Могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное продольной осью по линии С-Ю, выявлено на расстоянии 0,75 м к СВ от ЦР. Стенки могильного сооружения имели неровные очертания, углы были закруглены. В процессе выборки заполнения на глубине 1,57–1,63 м от 0 вдоль длинных сторон ямы обнаружены частично сохранившиеся заплечики шириной около 20 см. В противоположной стороне прослежены лишь небольшие выступы в северо-восточной и юго-восточной частях стенки. В заполнении встречены остатки деревянного перекрытия, лежавшего ранее на заплечиках. Дно могильной ямы выявлено на глубине 2,15–2,2 м от 0. Параметры могильного сооружения по дну: длина – 2,15 м, ширина – 0,8 м.

На дне могильной ямы вытянуто на спине лежал скелет мужчины 30–35 лет, черепом ориентированный на юг. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища, ноги лежали параллельно (рис. 3.2).

1. Около восточной стенки, в заполнении могильной ямы, на глубине 1,38 м от 0 обнаружен позвонок крупного животного.

2. Вдоль западной стенки ямы, около левого бедра погребенного находились кости передней ноги овцы, лежащие в сочленении.

Погребение № 2. Могильное пятно выявлено на расстоянии 3 м к востоку от ЦР. В процессе раскопок в северной части могильного сооружения выявлена подковообразная ступенька шириной 0,3–0,4 м. Ниже уровня ступеньки могильная яма приобрела правильную подпрямоугольную форму с ориентацией продольной осью по линии С-Ю. Глубина могильной ямы – 0,8 м, длина – 2,1 м, ширина – 0,9 м.

На дне могильной ямы, вытянуто на спине лежал костяк ребенка 7–8 лет (скелет I). Черепом и позвоночным столбом погребенный ориентирован на юг. У скелета отсутствовали кости ступней обеих ног, локтевая и лучевая кости правой руки, а также фаланги пальцев рук (рис. 3.3).

К востоку от правой плечевой кости скелета I, на ступеньке, зафиксированы плохо сохранившиеся останки грудного ребенка возрастом 1–6 месяцев (скелет II). Вероятная ориентировка данного костяка – южная. (рис. 3.3). Инвентарь отсутствовал.

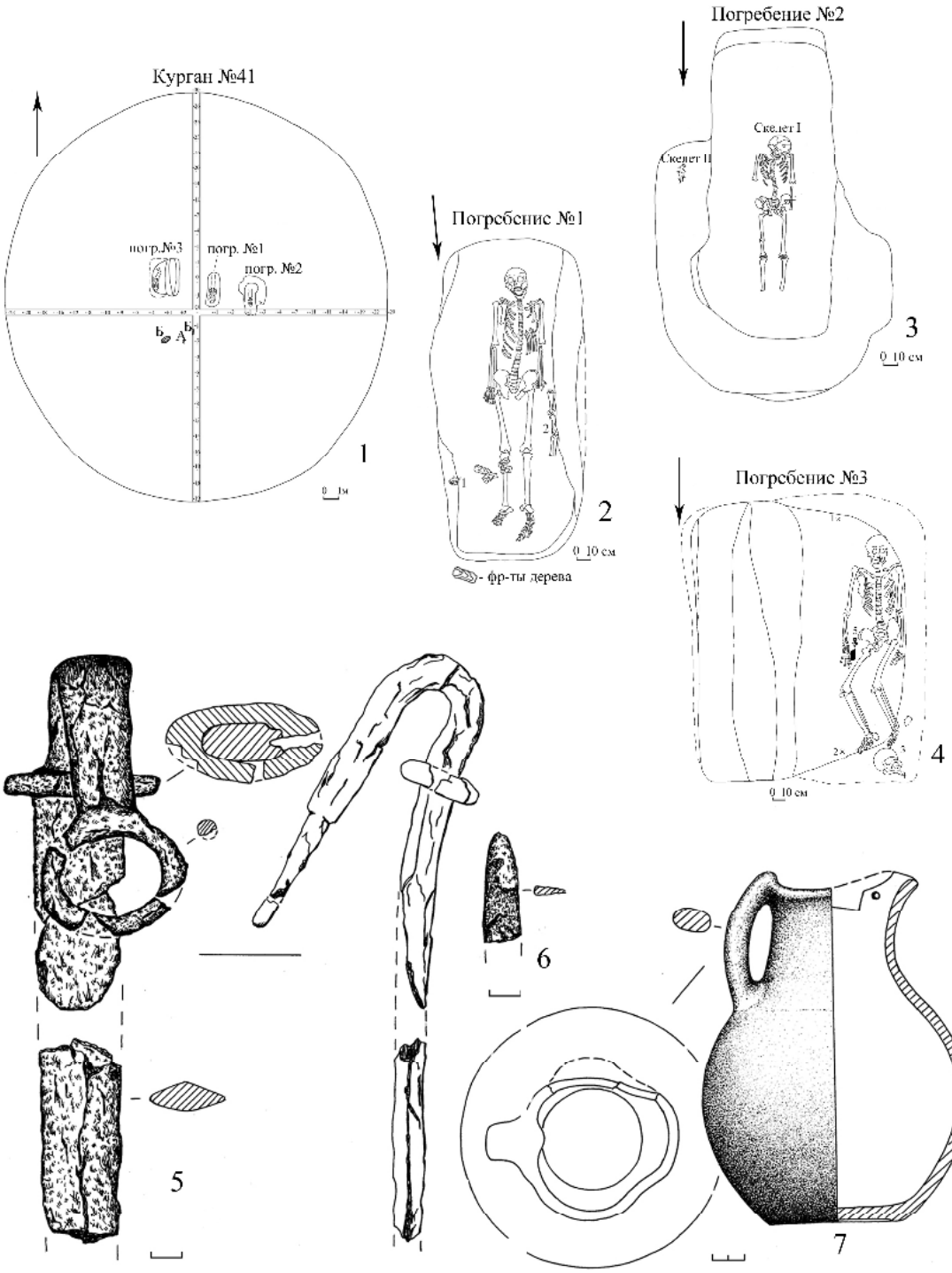


Рис. 3. 1- план кургана №41; 2- план погр. №1; 3- план погр. №2; 4- план погр. №3. Вещи из погр. №3: 5- железный меч; 6- фр-т железного ножа; 7- эйнохоя.

Погребение № 3. Могильное пятно прямоугольной формы, ориентированное продольной осью по линии С-Ю, выявлено на расстоянии 1,8 м к СЗ от ЦР. Могильное сооружение имеет подбойную конструкцию в западной стороне входной ямы. На глубине 2,07 м от 0 обнаружена ступенька вдоль восточной стенки входной ямы шириной 0,35 м. К западу от нее, на глубине 2,37 м располагалась вторая ступенька шириной 0,27 м. Параметры входной ямы на уровне первой ступеньки: длина – 2,25 м, ширина – 0,9 м. Дно погребальной камеры находилось на 15–20 см ниже уровня второй ступеньки. Камера в плане имела подпрямоугольную

форму, продольной осью ориентирована параллельно оси входной ямы. Ее длина составляла 2,4 м, ширина – 1,1 м. Максимальная высота свода – 1,4 м.

В процессе раскопок в грунтовом заполнении на уровне второй ступеньки обнаружены остатки деревянного заклада входа в камеру. Заклад был сооружен из тонких бревен диаметром 5–7 см.

На дне подбоя лежал скелет мужчины 45–55 лет. Погребенный покоился вытянуто на спине, головой на юг. Ноги, слегка согнутые в коленях, развернуты коленями ко входу (рис. 3.4).

Погребальный инвентарь:

1. 2 небольших фрагмента лепной сероглиняной керамики с примесью шамота в тесте обнаружены в заполнении подбоя у южной стенки, на глубине 1,88 м от 0. Толщина фрагментов – 0,7 см.

2. Обломок однолезвийного железного ножа найден в заполнении подбоя у северной стенки, на глубине 1,7 м от 0. Длина фрагмента – 3,5 см, ширина лезвия – 1,1 см (рис. 3.6).

3. В ногах погребенного стояла сероглиняный гончарный кувшин (эйнохоя). Сосуд имел вертикальную ручку, округлое тулово, зауженную шейку и резко отогнутый наружу венчик. Устье оформлено в виде трех сливов. Фрагмент горловины отсутствовал, края слома были заглажены. Высота кувшина – 23 см, диаметр тулова – 17,2 см, диаметр устья – 10,3 см, диаметр дна – 9 см (рис. 3.7).

4. Рядом с кувшином обнаружена кость передней ноги и фрагмент лопатки барана.

5. Между правым предплечьем и тазом погребенного расчищены плохо сохранившиеся остатки железного меча с кольцевым навершием и прямым перекрестием. Рукоять меча была преднамеренно согнута. В процессе реставрации часть изделия восстановлена (рис. 3.5). Длина восстановленной части меча – 29 см, ширина лезвия у основания – 3 см, длина рукояти – 10 см, ширина перекрестия – 5,1 см, диаметр навершия – 4,5 см.

Публикуемые погребения дополняют внушительный список раннесарматских памятников донского левобережья.[1] Погребальный обряд демонстрирует традиционную планиграфию погребений по кольцу вокруг центрального захоронения, либо расположенных в ряд. Еще одной особенностью представляется наличие разных форм ям (узкие прямоугольные со ступенькой и без нее, подбойные конструкции, ямы с заплечиками) под одной насыпью. Погребенные представлены широким поло-возрастным спектром. Вещевой инвентарь небогат и традиционен для ранних сарматов: лепная керамика, обломки зеркал с валиком по краю, бусы широкого временного диапазона, пряслица, костяные ложечки. Однако, наличие в составе инвентаря меча с кольцевым навершием и сероглиняной посуды кубанского и северокавказского облика позволяет отнести эти погребения к последнему этапу раннесарматской культуры, определив их в границах II–I вв. до н.э. Именно в это время в волго-донских степях фиксируется новый миграционный импульс с востока, античные авторы начинают вместо общей этикетки «сарматы» оперировать многочисленными конкретными этнонимами, а количество погребений на указанной территории резко увеличивается.

О.В. Кокуркина
(ВолГУ, г. Волгоград)

ДИАГОНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В IV–III вв. до н.э.

Наиболее ранние диагональные погребения были найдены на территории Южного Приуралья, датирующиеся VI–V вв. до н.э. Практиковался рассматриваемый тип погребений и в более позднее время – в IV–III вв. до н.э. Ареал распространения диагонального обряда погребения в это время значительно расширился. Подобные погребения, датирующиеся IV–III вв. до н.э., были раскопаны в Поволжье, Поддонье. Именно о диагональных погребениях IV–III вв. до н.э. найденных в Поволжье и Подонье пойдет речь в данной работе.

Прежде чем перейти к рассмотрению диагональных погребений указанного времени, обратим внимание на диагональные погребения более раннего времени, датирующиеся VI–V вв. до н.э.

[1]Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. М., 2010. С. 23.

Изменение условий существования древних кочевых народов, предопределяло формирование новых погребальных обрядов[1]. Именно с VI в. до н.э. в Приуралье фиксируются новые черты погребального обряда, появляются новые типы погребального инвентаря. Все это, как считают историки, могло свидетельствовать в пользу миграции на данную территорию номадов с территории Приаралья[2]. В более позднее время Б.Ф. Железчиков, автор этой гипотезы, несколько более осторожно высказывался на эту тему, и считал вопрос о родине племен Южного Приуралья пока не решенным[3].

Рис. 1. Карта распространения курганных могильников, в которых были найдены ранних диагональных погребений. 1. Приозерный; 2. Аландское III, 3. Три Мара, 4. Челкар, 5.. Тара-Бутак, 6. Пятимары, 7. Покровка, 8. Четыре Мара. 9. Вороная. 10. Жарсуат I, 11. Алебастрово II, 12. Высочино VII, 13. Житков II, 14. Аксеновский, 15. Березовка, 16. Цаган-Усн VIII, 17. I Кардаиловский, 18. Леканды, 19. Альмухаметово, 20. Новорский, 21. Эльтон, 22. Мошков, 23. Цаган-Ташу-Толга, 24. Близнецы, 25. Мечетсай, 26. Ново-Мурапталово, 27. Барановка, 28. Лебедевка. 29. Кос-Оба, 30. Новоузенск, 31. Кривая Лука, 32. Крепинский

Но, тем не менее, остается неоспоримым факт, что к концу VI – началу V вв. до н.э. вся восточная часть Южного Приуралья оказалась заселенной кочевниками, которые в это время начали практиковать, наряду с другими типами погребения, и диагональный обряд захоронения умерших.

Многие признаки этого погребального обряда и погребального инвентаря находят аналогии у сакских племен Южного Приаралья. Так же было отмечено учеными морфологическое сходство кочевников Южного Урала VI–V вв. до н.э. с сако-усуньскими группами Казахстана и особенно с саками Приаралья VII–V вв. до н.э.[4]

---

[1] Мышкин В. Н. Проблемы взаимосвязи социальной структуры и погребальной обрядности в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. С. 275.

[2] Железчиков Б. Ф. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 60; Железчиков Б. Ф. Степи восточной Евразии в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 59.

[3] Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград, 1994. С. 6.

[4] Юсупов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа, 1991. С. 4–5; Яблонский Л. Т. Арало-Уральские этногенетические параллели в исторической ретроспек-

Эти восточные параллели могут объясняться как появлением культуры ранних кочевников Южного Приуралья в «готовом» сложившимся виде[1] так и процессом диффузии, который обычно интенсивно проходил в контактной зоне[2]. Освоение степей Южного Приуралья в тоже время могло носить характер спорадических, внутрирегиональных перемещений, в которые периодически могли включаться и инородные кочевые элементы приаральского, казахского и лесостепного (Волго-Уральского) происхождения[3].

Эти миграционные процессы, носившие волнообразный характер и нашли свое отражение в синкретизме диагонального обряда погребения. Этот синкретизм возник на основе гетерогенности самих мигрантов, которая накладывалась на местные культурные и идеологические традиции.[4] При миграции кочующий народ сохраняет свои традиции духовной культуры, и уже на новом месте происходит дальнейшее развитие обрядов, материальной культуры, с учетом новых и сохраненных старых традиций. Как правило, могут быть сохранены принципы технологии домашней посуды, изготавливаемой без гончарного круга, орнамент, погребальный обряд, различные ритуалы.

Многие признаки погребального обряда кочевников с территории Южного Приуралья схожи с признаками погребального обряда номадов раннесакского времени в Приаралье[5]. К таким признакам относятся следующие: форма могильной ямы была широкопрямоугольной, дно устлано камышом, хорой или лубом[6]. Аналогичными признаками характеризовались и погребения номадов Южного Приуралья датирующиеся VI–V вв. до н.э.[7] Указанные признаки были свойственны и для диагональных погребений происходящих с территории Южного Приуралья и датирующиеся указанным временем (табл. 1, 2).

Таблица 1

Характеристика погребального сооружения (%)

	место в кургане		форма ямы			ориентировка могил. ямы						
	осн.	впуск.	квадр.	шир. прямоуг.	сред. прямоуг.	св-юз	сз-юв	ссв-ююз	сзз-ювв	с-ю	в-з	всв-зюз
VI–V вв. до н.э.	61	39	13	27	7	0	7	0	0	0	27	13

Таблица 2

Сооружения в погребальной яме (%)

	подстилка						
	тростник	мел	кожа	дерев. плашки	перекрыт. из дерева	обкладка из дерева	яма с камнями
VI–V вв. до н.э.	0	20	13	7	20	7	13

В диагональных погребениях в это время превалировала подстилка в погребении из кожи, посыпка из мела. В диагональных погребениях уже более позднего времени – IV-III вв. до н.э. наиболее часто встречается в погребениях подстилка из камыша, второе место по встре-

тиве // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Ч.1 Уфа. 1997. С. 62; Яблонский Л. Т. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С. 161.

[1] Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х. Указ соч. С. 5–6.

[2] Мошкова М. Г. Проблема миграции в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С. 69.

[3] Яблонский Л. Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе изучения // Региональные особенности раннесарматской культуры. Волгоград, 2007. С. 26.

[4] Яблонский Л. Т. Главные миграционные процессы на территории Южного Приаралья в раннем железном веке // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 69.

[5] Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильника). М., 1996. С. 18.

[6] Там же. С. 19, 21.

[7] Мошкова М. Г. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА № 153. С.70.

чаемости занимает меловая посыпка. В этих погребениях остается высокий процент применения деревянных перекрытий погребальных камер.

Таблица 3

Ориентировка погребенных, %

	Ю	З	СВ	ЮЮЗ	ЮЗ	С	СЗ	ЮВ	ЮЮВ
VI–V вв. до н.э.	7	27	20	7	27	7	0	0	0

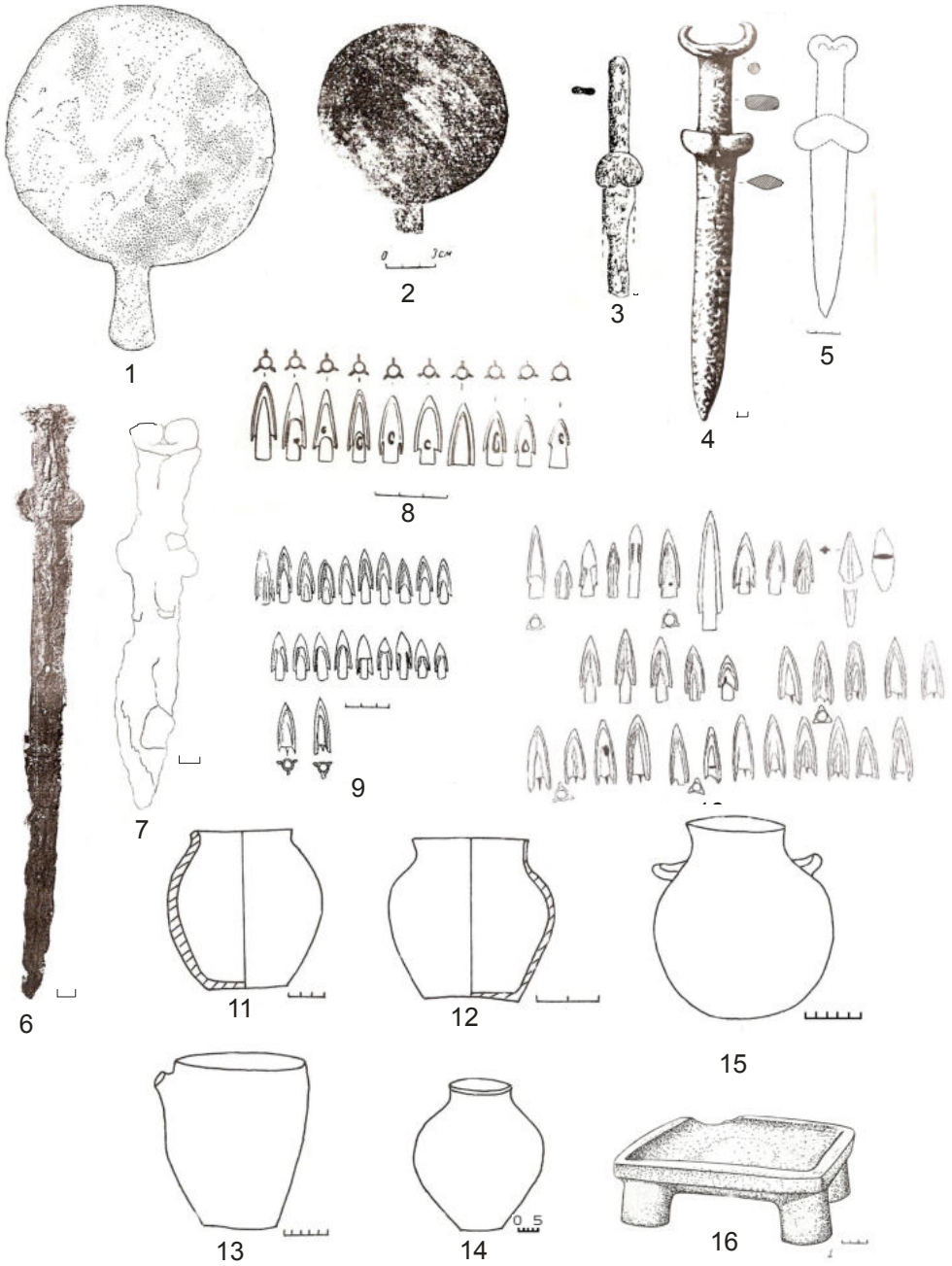


Рис. 2. 1. Аландское III 4/2; 2,14 Тара-Бутак 2/3; 3. Большемихайловка 2/1; 4, 11. Приозерный 3/1; 5,9 Три Мара 4/2; 6, 15. Четыре Мара 5/1; 7, 10 Четыре Мара 5/2; 8. Приозерный 3/1; 12. Биш-Уба I 1/1; 13. Челкар 5/1, 16. Березовка 1/1

В присаракамышских могильниках абсолютно преобладают захоронения на спине в вытянутом положении[1], что также находит прямые параллели с диагональными погребениями VI–V вв до н.э. (и конечно в более позднее время также) что в сочетании с другим важным признаком, как ориентировка погребенных (у саков Южного Приаралья превалировала З ориентировка) позволяет провести аналогии с ранними диагональными погребениями (табл. 3).

Для более позднего времени для погребенных по диагонали ориентировка погребенных была уже в фактически одинаковом процентном соотношении – одновременно с З, ЮЗ ориентировкой номады стали практиковать В, ЮВ, ЮЮВ ориентировки. Так в диагональных погребениях IV–III вв. до н.э. ЮВ встречается в 19 % погребений, а ЮЮВ ориентировка составила 11 % погребений.

Западная ориентировка преобладала у погребенных савроматского времени на территории Южного Приуралья[2].

Сходство признаков погребального обряда племен Южного Приаралья и у кочевников практиковавших диагональный обряд погребения дает возможность предположить о преемственной связи данных племен, которая предположительно возникла в результате процесса диффузии или инфильтрации.

Под инфильтрацией понимается проникновение отдельных групп пришлого населения в массу местного без серьезных изменений основных элементов аборигенной культуры[3]. Именно на территории Южного Приаралья были найдены древние диагональные погребения (Тагискен Южная группа, к. 54, к. 61), датирующихся V в. до н.э. Хотя сейчас и ставится под сомнение атрибуция этих погребений как диагональных.

Эту тесную связь ранних кочевников Южного Урала с юго-восточными районами, особенно с сако-массагетским миром Приаралья поддержал ряд ученых[4]. Погребальный инвентарь из ранних диагональных погребений (гончарная керамика, сосуды с носиком сливом, бронзовые зеркала с бортиком и ушком-петелькой на обороте, жертвенники на четырех ножках, черешковые наконечники стрел) имеют среднеазиатское происхождение (рис. 2).

Эти данные, как представляется, свидетельствуют о каких-либо передвижениях, миграции с территории Южного Приаралья, что повлияло на синкретичный характер кочевой культуры на территории Приуралья, что ярко демонстрируют диагональные погребения.

С помощью картографирования памятников удалось отметить следующие тенденции для распространения ранних диагональных погребений (рис. 1) – могильники в которых они были найдены, располагались друг от друга на достаточно удаленном расстоянии. Что свидетельствует о формировании диагонального обряда погребения на территории Приуралья.

Если бы этот обряд погребения был привнесен в уже сложившемся виде, то, возможно, их расположение было бы более компактным, можно было бы наблюдать «очаговое» скопление памятников, в которых были встречены погребения с погребением умерших по диагонали могильной ямы. Диагональные погребения, датирующиеся IV–III вв. до н.э. в результате картографирования позволили прийти к следующим выводам – во многих случаях они были зафиксированы на близком расстоянии от могильников, в которых были зафиксированы диагональные погребения более раннего времени, что позволяет предположить, что погребения из указанных могильников могли быть связаны генетически.

IV в. до н.э. охарактеризовался массовой миграцией кочевых племен с территории Южного Приуралья в Заволжье, вплоть до Нижнего Дона. Сравнительный анализ двух групп воинских погребений из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья конца IV–II вв. до н.э. показал, что средний коэффициент сходства по всем совокупностям этих двух групп составляет 72,5 %[5].

---

[1] Яблонский Л. Т. Указ. соч. С. 26.

[2] Смирнов К. Ф. Проблемы происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 3. С. 9.

[3] Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в VI–III вв. до н.э. Волгоград. 2002. С. 126.

[4] Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА № 177. 1971. С. 200; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 39.

[5] Мошкова М. Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К. Ф. Смирнова // Донские древностиАзов, 1997. . Вып. 5. С. 72.

Многие признаки погребального обряда диагональных погребений датирующиеся IV-III вв. до н.э. с территории Поволжья и Подонья находят прямые аналогии на территории Южного Приуралья.

Помимо этого, в этих погребениях фиксировались и отличительные от южноприуральских признаки погребального обряда «диагональников», свойственные именно для поволжского региона (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика погребального сооружения, %

	Место в кургане		Форма ямы							
	Осн.	Впуск.	Квадр.	Широкие прямоуг.	Сред. прямоуг.	св-юз	сз-юз	ссв-ююз	сзз-ювв	с-ю
Поволжье	53	47	18	18	45	27	18	9	9	0
Юж. Приуралье	58	42	17	22	39	6	6	6	11	28

Сохраняется прежняя вариабельность форм могильных ям в обоих регионах. На увеличение форм могильных ям в Поволжье повлияло пришлое население с территории Приуралья. Памятники Южного Приуралья савроматского времени характеризовались разнообразием форм могильных ям[1].

Применения в сооружении могильных ям деревянных перекрытий и обкладки из деревянных плах погребальной камеры указывают на южноуральские корни. Однако исчезает практика посыпать дно могилы мелом, и использовать в виде подстилке кожу (табл. 5).

Таблица 5

Сооружения в погребальной яме, %

	Подстилка					
	Тростник	Мел	Кожа	Дерев. плашки	Перекрыт. из дерева	Обкладка из дерева
Поволжье	9	0	0	9	18	9
Юж. Поволжье	6	6	6	6	22	12

Определенно можно сказать об изменениях в ориентировке погребенных (табл. 6).

Таблица 6

Ориентировка погребенных, %

	Ю	З	ЮВ	ЮЮЗ	В	ЮЗ	СЗ	ЮЮВ
Поволжье	18	18	18	18	9	0	0	0
Юж. Поволжье	11	6	6	6	0	6	17	22

Преобладающая в Южном Приуралье в диагональных погребениях Ю, ЮЮВ ориентировка меняется в сторону увеличения З, ЮЮЗ ориентировок погребенных, хотя и Ю ориентировка, по прежнему, практикуется в погребальном обряде кочевников. Отмечаются изменения в составе жертвенной пищи (табл. 7).

Таблица 7

Жертвенная пища, %

	Овца	КРС	Лошадь	Баран	Дик. живот.
Поволжье	9	27	18	18	9
Юж. Поволжье	11	0	6	11	6

[1] Железчиков Б. Ф. Сравнительная характеристика данных погребального обряда Южного приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э. // Научные школы ВолГУ. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 21.

Приведенные данные свидетельствуют о преобладании в Поволжье костей крупного рогато скота, тогда как для Южного Приуралья отмечается превалирование костей овцы.

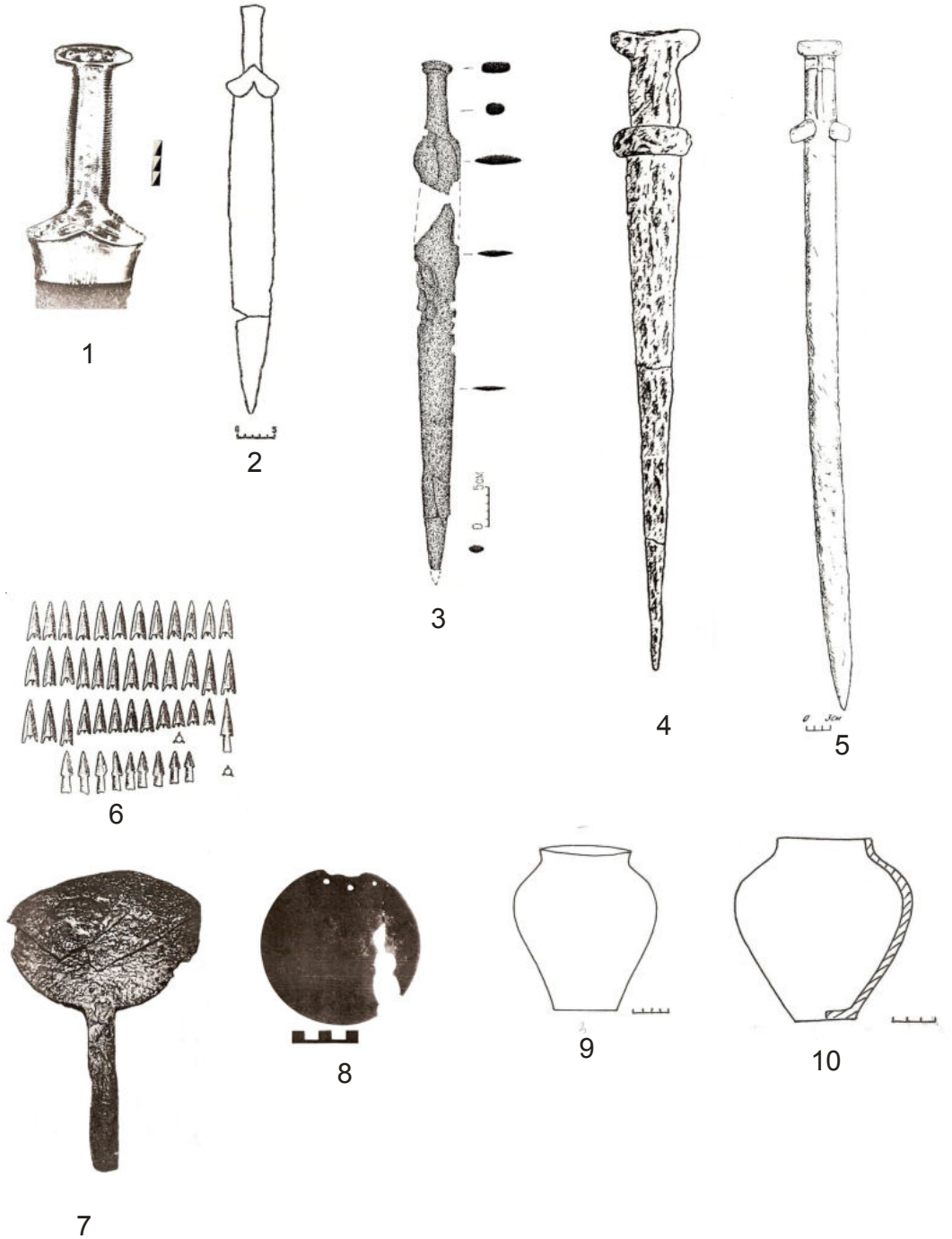


Рис. 3. 1. Житков II 3/2; 2. Аксеновский I 6/1; 3. Цаган-Ташу-Толга 2/2, 4, 6, 8, 10. Эльтон 10/9; 5. Барановка 27/1; 7, 9 Высочино VII 17/3

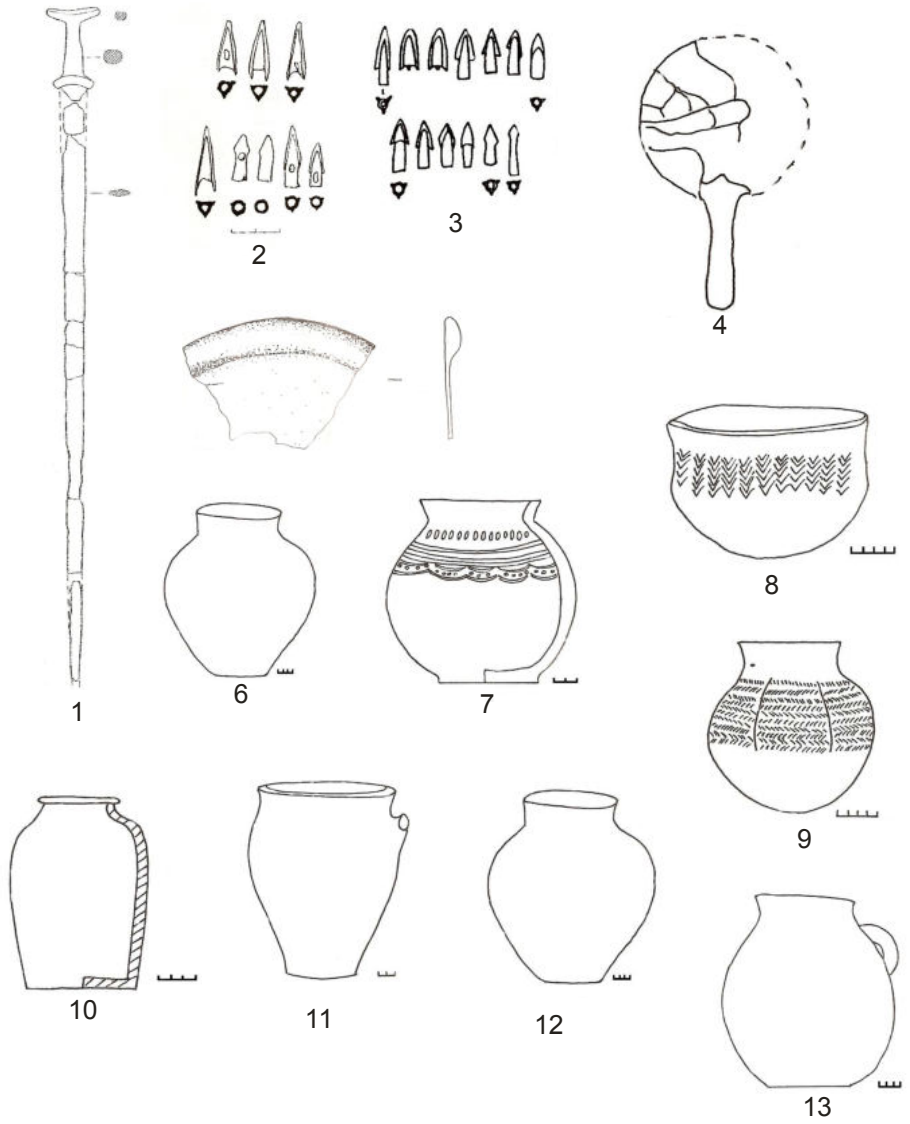


Рис. 4. 1,7 Березовка 1/1; 2,11 Медведка 8/1; 3. Алебастрово II 2/1; 4, 10 Жарсуат I 3/3; 5. Мошков 2/4; 6,12 Яковлевский 1/1; 8. Альмухаметово 14/2; 9. Мечетсайский 8/3; 13. Новоорский I 9/2

Важно отметить увеличение в ставе погребального инвентаря диагональных погребений Поволжья оружия (табл. 8).

Таблица 8

Оружие в погребении, %

					Расп. меча		Расп. нак. стрел		
	Меч	Н. стрел.	Колчан	Копье	У бедра слева	Вдоль лев. руки	В ногах	У руки слева	У руки справа
Поволжье	45	45	18	36	27	18	9	27	0
Юж. Повол-жье	6	33	6	6	0	0	11	0	6

Скорее всего, данные погребения принадлежали воинской знати. Именно передвижение на новые территории воинских групп дружинного характера, как правило, предшествовало

массовым миграциям, что и наблюдается в конце IV – на рубеже IV–III вв. до н.э.[1] К этому же выводу пришел и А.С. Скрипкин[2].

Анализ погребального инвентаря также указывает на заимствование и привнесение его с южноуральского региона. Керамика круглодонная с включением талька в тесто, мечи с изогнутым перекрестием и серповидным навершием, некоторые типы бронзовых наконечников стрел находят прямые аналогии в комплексах Приуралья (рис. 3, 4).

Таким образом, сравнительный анализ диагональных погребений с Приуралья и Поволжья указывает на сходство между ними, и на формирование погребального обряда синкретичного характера, что явно свидетельствует в пользу факта миграции (диффузии) номадов с южноуральского региона в Поволжье и Подонье.

Данные миграции из Южного Приуралья для IV в. до н.э. носили локальный характер и их можно расценивать как достаточно мирное проникновение небольших групп номадов на территорию родственных племен, которые в конечном итоге закончились массовой региональной миграцией из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье[3].

Помимо распространения диагональных погребений в Поволжье, Подонье, на этих территориях фиксируются и другие новые формы погребальных сооружений, а именно дромосные и простые прямоугольные ямы с южной ориентировкой костяков и катакомбы, не характерные для местного населения[4].

С помощью картографирования можно отметить миграционный путь кочевников практиковавших диагональный обряд погребения (рис. 1). Основное направление миграции шло на запад, в сторону Нижнего Поволжья и Дона. Диагональные погребения были открыты на Илеке (Близнецы, Мечет-Сай, Жарсуат), зафиксированы на Узенях (Кос-Оба) на левобережье и правобережье Волги (Эльтон, Кривая Лука, Барановка), на Дону (Житков II, Высочино VII).

Таким образом, сравнивая диагональные погребения Приуралья и Поволжья можно констатировать удельный вес признаков погребального обряда, погребального инвентаря южноуральского происхождения. Мигрировав на территорию Нижнего Поволжья, номады сохранили многие приуральские традиции, и приобрели новые черты, что придало диагональным погребениям IV–III вв. до н.э. Поволжья и Подонья синкретичный характер. И хотелось отметить важность миграций, которые как бы являлись отправной точкой первоначально в формировании диагонального обряда погребении на территории Южного Приуралья, а в дальнейшем в IV–III вв. до н.э. в результате продвижении номадов, практиковавших этот обряд погребения в Поволжье, распространения его на обширной территории степей Евразии.

[1] Мошкова М. Г. Спорные вопросы сарматской археологии // МИАР. М., 2006. № 7: Древности скифской эпохи. С. 220.

[2] Скрипкин А. С. Проблемы истории этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. // НАВ. Волгоград, 2009. № 10. С. 175.

[3] Мошкова М. Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С. 73.

[4] Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С. 28.

Л.А. Краева
(ОГПУ, г. Оренбург)

ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В VI–V вв. до н.э.[1]

Керамика ранних кочевников VI–V вв. до н.э. является малоизученной категорией погребального инвентаря, технологии ее изготовления до недавних пор уделялось мало внимания[2].

В предлагаемой статье рассматривается гончарная технология керамики савроматской культуры VI–V вв. до н.э. из Южного Приуралья.

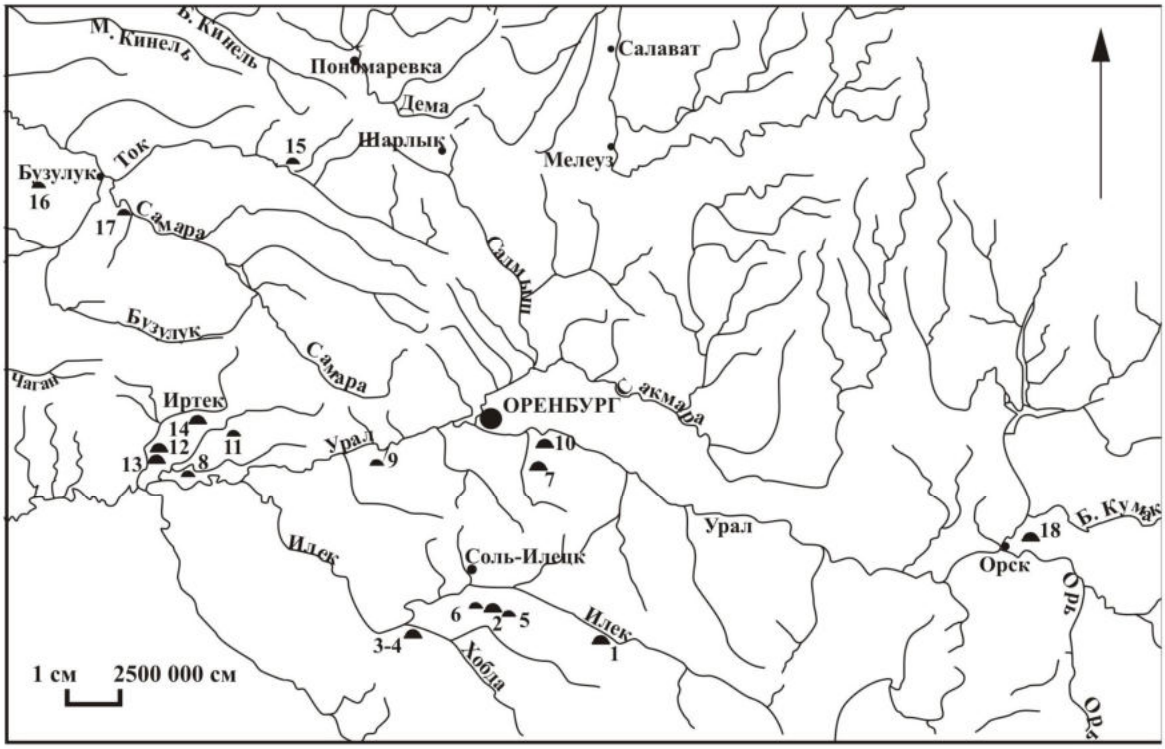


Рис. 1. Карта памятников ранних кочевников Южного Приуралья VI–V вв. до н.э.

Исследование керамики проводилось в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства по методике А.А. Бобринского[3].

Для технологического анализа керамики савроматского периода был привлечен 41 сосуд из 18 могильников Южного Приуралья (табл. 1).

---

[1] *Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-81102 а/У.*

[2] Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. М., 1960. С. 444–452; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 108–127; Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. М., 1964. № 3. С. 45–63; Очир-Горяева М. А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 81–92; Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004; Иванова Н. В., Мышкин В. Н. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V-I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 379–390; Краева Л. А. Технологический анализ керамики РЖВ из Западного Оренбуржья // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск, 1999. С. 123–124; Краева Л. А. Технико-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. С. 332–358; Краева Л. А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008.

[3] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978; Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999 С. 5–110.

Таблица 1

Количество исследованных по ступеням гончарного производства сосудов савроматской культуры

географическая группа	№	могильник	общее кол-во исслед. сосудов	ступени 1-3	ступень 4	ступень 5	ступень 6	ступень 7	ступень 8	ступени 9-10	ступень 12
1	1	Акоба 2	1	1	1				1	1	1
	2	Мечет-Сай	2	2	2				2	2	2
	3	Покр. 1	1	1	1				1	1	1
	4	Покр. 2	2	2	2				2	2	2
	5	Пятимары 1	1	1	1				1	1	1
	6	Тара-Бутак	2	2	2				2	2	2
		всего	**9**	**9**	**9**				**9**	**9**	**9**
2	7	Бердянка 5	1	1	1		1		1	1	1
	8	Красный Яр	1	1	1				1	1	1
	9	Пятилетка	1	1	1			1	1	1	1
	10	Чкалов-ский	1	1	1				1	1	1
		всего	**4**	**4**	**4**				**4**	**4**	**4**
3	11	Барышни-ков	4	4	4				4	4	4
	12	Болдырево 1	1	1	1			1		1	1
	13	Болдырево 4	2	2	2	2	2	2	2	2	2
	14	Шумаево 2	1	1	1	1		1	1	1	1
		всего	**8**	**8**	**8**	**3**	**3**	**5**	**8**	**8**	**8**
5	15	Иванов-ская дюна	1	1	1				1	1	1
	16	Липовка	4	4	4				4	4	4
	17	Медведка	2	2	2	1	1	1	2	2	2
		всего	**7**	**7**	**7**	**1**	**1**	**1**	**7**	**7**	**7**
7	18	Новый Кумак	13	13	13				13	13	13
		всего	**13**	**13**	**13**				**13**	**13**	**13**
Итого			**41**	**41**	**41**	**4**	**4**	**6**	**40**	**41**	**41**

Все курганные могильники, материалы которых использованы в работе, разделены автором на условные географические локальные группы по их приуроченности к бассейнам рек, так как для кочевников важное значение при разграничении кочевий играли естественные природные преграды[1]. Рассматриваемая савроматская керамика представлена пятью локальными группами: 1) Илекская; 2) Уральская; 3) Иртеко-Кинделинская; 4) Самаро-Бузулукская; 5) Орско-Кумакская (рис. 1)[2].

[1] Дубман Э. Л. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. Самара, 2005. С. 140–168.

[2] Нумерация памятников на карте соответствует нумерации таблицы.

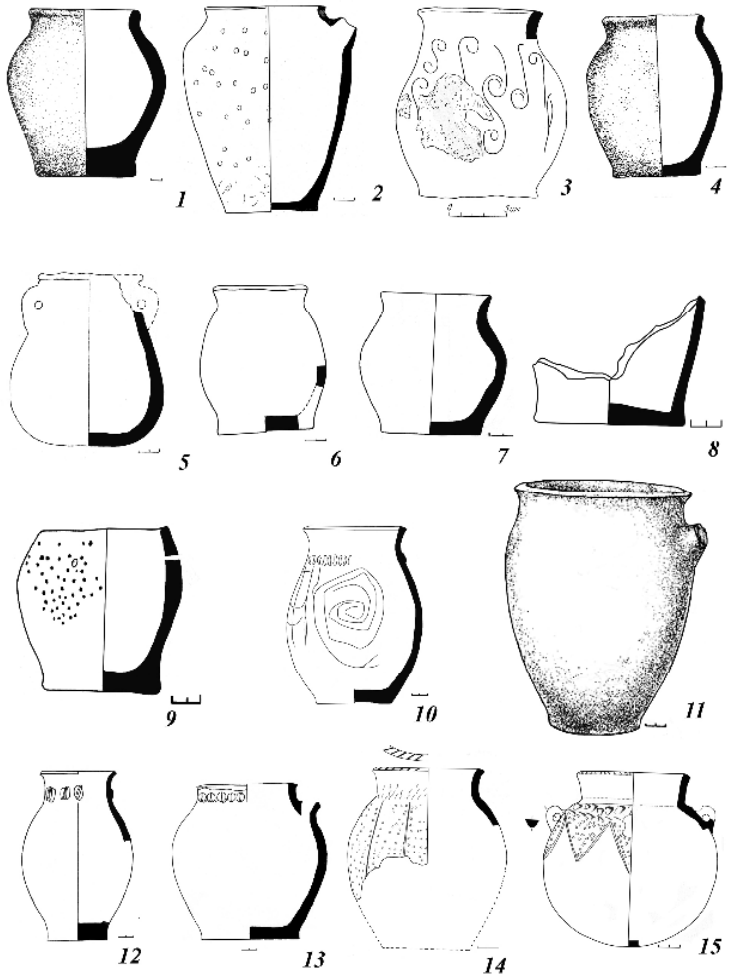


Рис. 2. Керамика ранних кочевников Южного Приуралья VI-V вв. до н.э. 1 – Шумаево 2 к. 2; 2 – Липовка к. 9 п. 4; 3 – Липовка к. 10 п. 2; 4 – Покровка 1 к. 2 п. 5; 5 – Болдырево 1 к. 6; 6 – Чкаловский к. 4 п. 2; 7 – Болдырево 4 к. 3 п. 6; 8 – Болдырево 4 к. 2 п. 3; 9 – Медведка к. 7 п. 2; 10 – Липовка к. 3 п. 1; 11 – Медведка к. 8; 12 – Барышников к. 4 п. 2; 13 – Барышников к. 1 п. 2; 14 – Новый Кумак к. 11 п. 2 с. 2; 15 – Новый Кумак к. 19 п. 2а

Изучение технологии позволило выделить информацию по всем ступеням гончарного производства с разной степенью информативности, которая зависела от сохранности сосудов и возможности их изучения.

Подготовительная стадия.

Ступень 1–2 – отбор и добыча исходного сырья.

Гончары VI–V вв. до н.э. в качестве основного исходного сырья для изготовления посуды использовали пластичные материалы: 1) глины (79 %); 2) концентраты (4 %); 3) ил (2 %); 4) глиноподобное сырье (15 %).

Глины являлись самой распространенной группой исходного пластичного сырья (далее ИПС). Наиболее массовой была традиция отбора ожелезненных «тощих» глин (41 %). Кроме нее зафиксированы также навыки использования ожелезненной «жирной»(30 %), слабоожелезненной «тощей» (2 %) и «жирной» (2 %), неожелезненной «тощей» (2 %) и «жирной» (2 %) глин, глиняных концентратов (4 %).

Использование ожелезненных «тощих» глин зафиксировано во всех локальных географических группах. В качестве естественных примесей эти глины обычно содержали: «пылевидный» цветной окатанный и слабоокатанный песок, единичные включения обломочного бурого железняка неправильной аморфной формы.

Использование ожелезненных «жирных» глин характерно в основном для Орско-Кумакской группы, где они составляли 54 %. В качестве естественных примесей эти глины содержали: единичные включения обломочного бурого железняка неправильной аморфной формы, редкие включения оолитового известняка и охры.

Изготовление сосудов из слабоожелезненных «жирных» глин, а также из неожелезненной «тощей» и «жирной» глин было зафиксировано только в Орско-Кумакской группе. В составе этих глин фиксировался: обломочный бурый железняк, окатанный и слабоокатанный кварцевый песок.

Концентраты были представлены в виде смесей неожелезненных и ожелезненных глин. Они встречены только в двух памятниках разных локальных групп Иртеко-Кинделинской (КМ Шумаево II к. 2) и Самаро-Бузулукской (КМ Липовка к. 9 п. 4).

Для изготовления одного сосуда (КМ Шумаево II к. 2) (рис. 2, *1*) смешивались ожелезненная «тощая» и неожелезненная «жирная» глины.

Для изготовления другого сосуда (КМ Липовка к. 9 п. 4) (рис. 2, *2*) при составлении концентрата наоборот использовались ожелезненная «жирная» и неожелезненная «тощая» глины.

Ил был использован для изготовления всего одного сосуда (КМ Липовка к. 10 п. 2) (рис. 2, *3*). В его состав входили: естественные примеси кварцевого окатанного прозрачного “пылевидного” песка с размерами отдельных песчинок до 0,3 мм, единичные включения раковины с разрушенной структурой размерами 0,5–1,5 мм, значительная концентрация органики водного происхождения в виде нитевидных водорослей, остатки животной органики, представленной фрагментами частей насекомых и костей рыб.

Использование *глиноподобного сырья* было зафиксировано для изготовления 6 сосудов в Илекской (Тара-Бутак, Покровка I, Покровка II) и Иртеко-Кинделинской (Болдырево I, Болдырево IV) локальных группах (рис. 2, *4, 5*). Качественный состав этого сырья от ила отличался незначительным количеством органики водного характера и отсутствием органики животного происхождения.

В разных памятниках состав глиноподобного сырья отличался по естественным примесям.

В качестве непластичного исходного сырья было зафиксировано использование следующих искусственных добавок: шамот, песок, дресва, органические добавки (навоз, выжимка из навоза, органические растворы и неясная органика).

Ступень 3 – обработка исходного сырья.

В основном для смешивания с искусственными примесями глины, глиноподобное сырье и ил брались во влажном состоянии, на что указывает отсутствие признаков сухого состояния[1]. Исключение составляет один сосуд (КМ Липовка к. 9 п. 4) (рис. 2, *2*), сырье которого представляло собой глиняный концентрат, составленный из ожелезненной «жирной» и неожелезненной «тощей» глины, которые смешивались *в сухом состоянии*.

Следов специального отмучивания сырья не было обнаружено. Видимо, перед употреблением сырье не подвергалось специальной долговременной обработке, а могло только очищаться от очень грубых примесей, которые мешали процессу лепки.

На этой ступени гончарного производства производилась также подготовка искусственных примесей. Черепки сосудов и горные породы дробили, в результате чего получались шамот и дресва. В исследованной керамике крупность шамота и дресвы колеблется от 0,2 мм до 5 мм, встречаются единичные включения размерами до 1 см. Вероятно, в процессе подготовки минеральные примеси калибровали либо через сита, либо «на глаз» без использования специальных приспособлений, отделяя пыль и наиболее крупные включения, обычно размерами больше 5 мм. На дресву дробили песчаник.

Навоз использовался во влажном состоянии. При составлении формовочной массы пяти сосудов, которые происходят из КМ Новый Кумак (к. 11 п. 2 с. 1, 2, 3; к. 17 п. 1; к. 19 п. 2а), использовали выжимку, так называемый «наземный сок». Эту примесь готовили путем выжимания жидкой составляющей навоза под прессом или через материал[2].

[1]Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 33.

[2] Васильева И. Н., Салугина Н. П. Не боги горшки обжигают. Самара, 1997. С. 16.

Рецепты изготовления органических растворов пока остаются неизвестными. В исследованной керамике использование в качестве добавок органических растворов зафиксировано в формовочных массах 10 сосудов в виде: 1) рыхлого бурого вещества и коричневого налета в пустотах размерами до 8 мм; 2) черного маслянистого налета в аморфных пустотах размерами 0,5–3 мм и единичных остатков игольчатых частиц растительности длиной 0,9–5 мм.

Ступень 4 – составление формовочной массы.

Зафиксировано использование одной группы простых рецептов – ИПС+органические добавки (ОД) (12 %) и трех групп сложных – ИПС+шамот+органические добавки (66 %); ИПС+дресва+органические добавки (15 %); ИПС+песок+органические добавки (7 %).

Наиболее широко была представлена традиция составления формовочных масс по рецепту ИПС+шамот+органические добавки.

Шамот являлся самой распространенной примесью, он встречен в рецептах формовочных масс двадцати семи сосудов. Концентрация шамота варьировала от 1:2 до единичной. Но преобладала все же более низкая концентрация 1:5.

Дресва вводилась в концентрации 1 : 3 и 1 : 4/5, песок – 1 : 2. Эти примеси особенно характерны для Орско-Кумакской группы. Дресва была также зафиксирована в формовочной массе одного сосуда из Уральской группы (КМ Чкаловский к. 4 п. 2) (рис. 2, *6*).

По составу шамота прослежено, что традиция добавления в качестве примесей шамота была устойчивой, то есть передавались из поколения в поколение.

Корреляция ИПС и искусственно введенных примесей показала, что дресва и песок вводились только в «жирные» глины. Носители традиции изготовления керамики по рецепту *ипс+навоз* использовали в качестве исходного пластичного сырья в основном ожелезненные «тощие» глины. Гончары, делающие посуду из глиноподобного сырья и ила, добавляли к ним только шамот и органические добавки.

Созидательная стадия.

В связи с тем, что конструирование сосудов в ходе объективных причин была изучена только у трех сосудов (Болдырево IV к. 3 п. 6; Болдырево IV к. 2 п. 3; Медведка к. 7 п. 2), информация по ступеням 5 и 6 является неполной.

Ступень 5 – конструирование начина сосуда.

Выявлены две программы конструирования начинов: 1) донно-емкостная; 2) емкостная.

Начины, выполненные по донно-емкостной программе разделялись на монолитные и составные. Монолитный начин выявлен в одном случае, он был выполнен из комка глины (Болдырево IV к. 3 п. 6) (рис. 2, *7*). Составные начины зафиксированы дважды (Болдырево IV к. 2 п. 3; Медведка к. 7 п. 2) (рис. 2, *8, 9*), изготавливались они из лоскутов путем двухслойного наложения.

О существовании емкостной программы конструирования начина можно судить только по наличию косвенных признаков, т.к. они не были доступны для технологического изучения. Среди савроматской керамики выявлен один такой сосуд (КМ Шумаево I к. 2), дно которого имело характерную вогнутость с внешней стороны и следы примазывания в придонной части, что позволяет предположить использование емкостной программы при конструировании этого начина (рис. 2, *1*).

Ступень 6 – конструирование полого тела производилось лоскутным налепом (КМ Болдырево IV к. 3 п. 6; КМ Болдырево I к. 2 п. 3; КМ Медведка к. 7 п. 2; КМ Бердянка V к. 4 п. 3). В качестве «строительных элементов» зафиксировано использование лоскутов-лепешечек. В конструировании полых тел трех сосудов (Бердянка V к. 4 п. 3, Болдырево IV к. 2 п. 3, Медведка к. 7 п. 2) прослежена двухслойность наложения лоскутов. Полое тело сосуда из КМ Болдырево IV к. 3 п. 6 изготавливалось зональным лоскутным налепом.

Ступень 7 – придание сосуду формы

Гончарами использовались четыре приема формообразования: 1) выдавливание пальцами, 2) формы-модели 3) скульптурная лепка на плоскости, 4) выбивание колотушкой.

Выдавливание пальцами как прием формообразования использовался при изготовлении всех сосудов.

Первоначальная форма сосудам придавалась уже в процессе конструирования способом скульптурной лепки на плоскости или с помощью формы-модели. В качестве формы-модели зафиксировано использование формы-основы.

Следует заметить, что такой прием формообразования как выбивание колотушкой использовался не часто, а если и использовался, то сила нанесения ударов этим инструментом была небольшой, т.к. большинство сосудов имеют толстые стенки, а в изломах сосудов, конструирование которых изучалось, видна незначительная деформация течения формовочной массы.

Следы от форм-моделей на поверхностях сосудов из-за тщательной обработки поверхностей не прослеживались. Учитывая плоскодонность форм сосудов, резкий переход от дна к стенкам, а также одинаковую толщину стенок, можно предположить, что большинство сосудов изготавливались способом скульптурной лепки на плоскости.

Более достоверное использование форм-моделей прослежено только в двух случаях (КМ Болдырево I и IV). Применение их можно фиксировать только по косвенным признакам.

Так, сосуд из КМ Болдырево I (к. 6) (рис. 2, *5*) имел грушевидную форму тулова, его плоское дно плавно переходило в очень толстые стенки (1–1,5 см), изготавливался он из влажного ила с большим содержанием органики, а поэтому без помощи формы-модели из этого материала такую форму сосуда очень трудно воссоздать.

Сосуд из КМ Болдырево IV (к. 2 п. 3) (рис. 2, *8*) изнутри, по стыку стенки и днища, имел кольцевое углубление. Внешняя поверхность днища была плоской, а внутренняя имела вид выпуклой линзы, стенки сосуда были почти прямые и сильно выбиты колотушкой. Все эти отмеченные признаки часто образуются в результате формовки на форме-основе[1].

К сожалению, в связи с небольшой изученностью способов конструирования, трудно говорить о распространенности того или иного приема формообразования.

Ступень 8 – механическая обработка поверхностей

Гончары использовали при обработке поверхности простое ручное заглаживание. В качестве инструмента для заглаживания выступали: 1) пальцы гончара (23 %); 2) ткань (28 %); 3) кожа (6 %); 4) твердый предмет (6 %). Следы от заглаживания на поверхности 37 % сосудов не идентифицированы, видимо, обработка производилась каким-то мягким материалом, от которого не остается четких следов. Чаще всего заглаживание осуществлялось пальцами гончара или тканью. Внутренняя поверхность обрабатывалась, главным образом, только заглаживанием пальцами.

Закрепительная стадия.

Ступень 9–10 – придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости его стенок.

Все исследованные сосуды испытали кратковременное воздействие температур калення. Изломы черепков были трехслойные, с толщиной краевых осветленных слоев 1–3 мм.

Поверхности всех сосудов имели пятнистую окраску, а также различную степень прокаленности стенок, что позволяет предположить их обжиг в кострищах.

Ступень 11 – конструирование скульптурных и служебных частей емкостей.

Конструирование скульптурных и служебных частей у сосудов изучалось только по наблюдениям за внешними следами крепления, а также экспериментальным путем.

Все ручки сосудов формовались вручную и прикреплялись к поверхности путем простого примазывания дополнительными порциями глины.

Как показал проведенный эксперимент по изготовлению сосудов с трубчатыми носиками-сливами, для их изготовления могла быть использована твердая основа в виде округлой палки, вокруг которой и происходило налепливание порций глины.

Ступень 12 – орнаментация поверхностей.

Выделены следующие способы нанесения орнамента: 1) накалывание (21 %); 2) прочерчивание (32 %); 3) вдавление (32 %); 4) “защипывание” (11 %); 5) расписывание (4 %). Самыми распространенными способами орнаментации было прочерчивание и вдавление. Поверхность одного сосуда могла украшаться сразу несколькими способами. Выявлены следующие сочетания: 1) прочерчивание+вдавление; 2) прочерчивание+»защипывание»; 3) прочерчивание+вдавление+накалывание; 4) вдавление+расписывание.

В качестве орнаментиров для нанесения орнаментации в 40 % случаев служили пальцы гончара. Орнамент в таких случаях представлял собой вдавления либо одного пальца с ногтем

[1] Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск, 1992. С. 64–65.

гончара, либо пары пальцев (указательный и большой) с «защипом» дополнительной порции глины (рис. 2, *10, 12–13*).

Таким образом, по изученному материалу выявлена информация по всем 12 ступеням, что говорит о существовании в VI-V вв. до н.э. сложной структуры гончарной технологии[1].

Для савроматского периода выявлены следующие особенности в производстве посуды:

1) Распространение в среде гончаров различных представлений об ИПС. Использование в качестве ИПС в основном глин, хотя некоторые группы населения использовали илы и глиноподобное сырье, добыча которых производилась рядом с водоемами или в них.

2) Неоднородность традиций отбора глин. Использование при изготовлении керамики глин разной степени запесоченности и ожелезненности. Преобладание традиции использования ожелезненных “тощих” глин. Существование навыка составления глиняных концентратов из смеси ожелезненных и неожелезненных глин.

3) Неоднородность традиций составления формовочных масс. Использование разнообразных рецептов формовочных масс: простых (ипс+органические добавки), сложных (ипс+шамот+органические добавки; ипс+дресва+органические добавки; ипс+песок+органические добавки). Преобладание традиции составления формовочной массы по рецепту ипс+шамот+органические добавки. Применение в качестве искусственных добавок шамота, органических добавок, песка, песчаниковой дресвы.

4) Распространение лоскутного налепа как основного приема конструирования. Конструирование начинов по двум программам: донно-емкостной и емкостной. Существование составных начинов, изготовленных лоскутным налепом, и монолитных. Изготовление полого тела также лоскутным налепом.

5) Формообразование посуды с помощью выдавливания пальцами, с использованием форм-моделей и путем скульптурной лепки на плоскости. Преобладание традиции изготовления посуды скульптурной лепкой на плоскости. Выбивание колотушкой как вспомогательный прием формообразования.

6) Обработка поверхности посуды простым заглаживанием при помощи пальцев гончара, ткани, кожи, твердого предмета и мягкого материала. Наиболее распространенным было заглаживание пальцами и тканью.

7) Термическая обработка посуды посредством кратковременного воздействия температур каления.

8) Нанесение орнаментов в основном в технике прочерчивания, вдавления, накалывания и «защипывания».

Корреляция локальных географических групп и могильников показала, что рецепт шамот+органические добавки встречен во всех географических локальных группах.

В Уральской и Орско-Кумакской географических группах не зафиксировано использование глиноподобного сырья и илов. Особенно характерно использование глиноподобного сырья для Илекской и Иртеко-Кинделинской групп. По показателям отбора и добычи сырья, а также по аналогичному составу рецептов формовочных масс схожи могильники из Илекской и Иртеко-Кинделинской групп.

Особо выделяется Орско-Кумакская группа. В этой группе зафиксировано наибольшее количество керамики, изготовленной из ожелезненных «жирных» глин. Выявлено использование неожелезненных и слабоожелезненных глин, которые как ИПС в чистом виде (не в концентратах) в других группах не применялись. Только в Орско-Кумакской группе существовал рецепт формовочной массы глина+песок+органика, неизвестный в других географических группах (рис. 2, *14*).

Полученные результаты изучения керамики были привлечены для решения вопросов историко-культурного характера. Фундаментальными основами интерпретации являлись закономерности развития гончарного производства[2].

---

[1] В зависимости от наличия определенного количества ступеней А.А. Бобринским выделяются простейшие (10 ступеней), простые (11 ступеней), сложные (12 ступеней) структуры гончарной технологии (Бобринский, 1999, с. 11).

[2] Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 242–244.

В результате проведенного исследования выяснилось, что население Южного Приуралья в VI-V вв. до н.э. не было однородным по своему составу. Различия в представлениях об исходном пластичном сырье указывают, что изначально в формировании указанного населения приняли участие как минимум две культурные группы. В первую группу входили носители традиции изготовления керамики из глины. Она была преобладающей и наиболее пестрой по своему составу, о чем свидетельствуют разные традиции в отборе глин и составлении формовочных масс. Доминантными в этой группе были гончары, изготавливающие керамику по рецепту ожелезненная «тощая» глина+шамот+ОД, который возник в результате контактов между носителями традиции ожелезненная «тощая» глина+ОД и традиции использования шамота в качестве искусственной примеси. Формы посуды, изготовленные по рецептам глина+песок+органика и глина+дресва+органика, ничем не отличаются от савроматских, что указывает на участие в сложении населения в VI–V вв. до н.э. носителей тех же самых культурных традиций.

Гончары первой группы изготавливали орнаментированную и неорнаментированную керамику плоскодонных форм в основном способом скульптурной лепки. Хотя разнообразие их субстратных навыков указывает на неоднородность этой группы в прошлом, общие же способы конструирования полых тел лоскутным налепом свидетельствуют о процессе сращивания различных культурных традиций, что отражает глубоко зашедшие процессы смешения населения, участвовавшего в ее сложении. Один из компонентов в формировании савроматской культуры, использовавший глиняные концентраты и неожелезненную глину, видимо, своим происхождением был связан со Средней Азией.

Вторая группа населения бытовала в одно время с первой и использовала для изготовления керамики илы и глиноподобное сырье. Гончары этой группы изготавливали преимущественно неорнаментированную посуду плоскодонных форм. Не исключено, что истоки этой группы являются местными, т.к. навыки использования илов и глиноподобного сырья фиксируются в Урало-Поволжском регионе, начиная с эпохи неолита, и существуют всю эпоху бронзы[1]. В VI–V вв. до н.э. наблюдаются контакты и с другими группами населения. Это проявляется в единичной находке круглодонного сосуда, изготовленного по рецепту неожелезненная «тощая» глина+выжимка (Новый Кумак), который, вероятно, попал к кочевникам в результате обмена или брачного контакта (рис. 2, *15*).

Сравнение географических групп показало, что наиболее пестрой по составу населения была Орско-Кумакская группа.

Таким образом, гончарное производство в савроматский период характеризуется относительным многообразием и в то же время обладает рядом общих особенностей, зафиксированных по керамике из могильников разных географических групп. В рассматриваемый период происходил процесс формирования гончарных традиций, что проявляется в образовании таких сложных рецептов формовочных масс как ипс+шамот+органические добавки.

[1] Гутков А. И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 135–146; Васильева И. Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // АПО. Оренбург, 2007. Вып. 8. С. 38; Салугина Н. П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // АПО. Оренбург, 1999. Вып. 3. С. 22–23.

М.В. Кривошеев
(ВолГУ, г. Волгоград)

КИНЖАЛЫ С ПЕРЕКРЕСТИЯМИ ИЗ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Одним из определяющих признаков позднесарматской культуры принято считать мечи и кинжалы без металлических перекрестий и наверший[1]. Не стоит повторяться о типологических отличиях и особенностях мечей и кинжалов, которые находят в погребениях позднесарматского времени. Об этом написано достаточно много[2].

В данной статье речь пойдет о кинжалах с металлическими перекрестиями. Клинковое оружие с перекрестиями существовало на протяжении всей истории сарматов. Перекрестия встречаются на разных типах мечей и кинжалов в разные сарматские эпохи[3].

Господство мечей и кинжалов без металлических перекрестий и наверший в позднесарматское время неоспоримо. Однако среди находок кинжалов отмечается довольно многочисленная серия с металлическими перекрестиями. В 53 нижневолжских погребениях обнаружены кинжалы и более трети из них имеют перекрестия. Длина рассматриваемых кинжалов с перекрестиями в выборке варьирует в пределах 25–39 см, ширина от 3 до 5 см. Представленные кинжалы морфологически различаются: у одних лезвия параллельны и сужаются лишь к острию, у других лезвиями сужаются сразу от пяты. Значительно преобладают клинки первой разновидности и это, видимо, общая тенденция для разных сарматских культур и регионов[4].

В исследуемой выборке выделяются несколько типов кинжалов с перекрестиями. Это кинжалы с кольцевыми навершиями и прямыми перекрестиями, которые, видимо, несут в себе пережитки среднесарматских традиций. Редко встречается тип кинжалов с волютообразным навершием и прямым перекрестием. Наиболее многочисленный тип кинжалов с металлическим перекрестьем без металлического навершия.

В конструкции рассматриваемых кинжалов наиболее интересной деталью являются металлические перекрестия. Они выполнены как в железе, так и в бронзе.

Существуют два варианты крепления перекрестий. Железные прямые перекрестия наковывались в виде поперечных пластин на основание черешка в месте крепления к клинку.

Толщина таких перекрестий редко превышает 2 см. Часто они плохо сохраняются, их трудно зафиксировать и сложно определить форму. В Поволжье такие кинжалы были найдены в могильниках Старица (26/2, 29/1) (рис. 1/2), Рыбинка I (2/1), Жутово (38/1), Авиловский II (26/1), Сидоры (22/1), Три брата II (25/1). На Нижнем Дону в комплексах позднесарматского времени обнаружены аналогичные кинжалы, некоторые из которых выглядят довольно архаично, т.к. помимо железных перекрестий имеют кольцевидные навершия (Валовый I 25/1; Центральный VI 16/8) (рис. 1/3). Некоторые не имеют наверший (Дружба 2/1, 4/3) (рис. 1/4).

Существует и иной тип крепления перекрестия. Тонкие металлические пластины надевались на штырь-рукоять. Такие перекрестия имели ромбическую форму. В центре у них прямоугольный вырез для насаживания на черешок. Известны такие кинжалы, как с железными, так и бронзовыми перекрестиями. Железные тонкие ромбовидные перекрестия, вероятно, являются дериватами аналогичных синхронных бронзовых перекрестий.

---

[1] Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 84–85.

[2] Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984; Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000; Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. Конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.

[3] Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 6; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 61–62; Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2009. С. 13–43.

[4] Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2009. С. 13.

Наиболее ранними из описываемых кинжалов с надетыми перекрестиями, вероятно, следует считать образцы из могильников Сидоры (25/1) (рис. 1/5) и Барановка (17/1)[1]. Эти кинжалы имели бронзовые волютообразные навершия, однако, на одном из них перекрестие ромбовидное бронзовое (Сидоры), а на другом железное (Барановка). Мечи и кинжалы с волютообразными навершиями довольно редко встречаются у сарматов со II в. до н.э. по начало III в. н.э.[2]. Однако как раз позднесарматские кинжалы из Сидор и Барановки отличают бронзовые навершия. Сами погребальные комплексы относятся к раннему этапу позднесарматской культуры Нижнего Поволжья.

Тонкие ромбовидные перекрестия, надеваемые на рукоять, встречаются на кинжалах без наверший. В могильниках Аксай II (27/1) и Ковыльнов III (5/1) (рис. 1/7) перекрестия выполнены из железа. Кинжал из Аксая имеет очень широкое перекрестие, которое вдвое превышает ширину основания клинка. В Ковыльнове III перекрестие лишь немного шире основания клинка. Этим оно более сходно с бронзовыми аналогами.

Кинжалы без наверший с бронзовыми ромбовидными перекрестиями, надетыми на штырь рукояти, обнаружены в могильниках Вербовский I (5/1) (рис. 1/7), Старица (63/1). Не исключено, что подобный кинжал был найден и в могильнике Октябьский III (1/1). В месте крепления рукояти к основанию клинка зафиксированы бронзовые окислы, которые могли остаться от перекрестия. Само оно не сохранилось. Штырь рукояти и пятка клинка образуют прямой угол[3]. Аналогичный кинжал обнаружен на Курмоярском Аксае в курганной группе Гремячая (1/2) □.

Интересно, что в Приуралье в комплексах позднесарматского времени известна лишь одна находка кинжала с бронзовым ромбовидным перекрестием (Целинный I 57/1) (рис. 1/8). Кинжал из Целинного I помимо перекрестия имеет бронзовое навершие в виде колесика и довольно широкое лезвие[4]. По мнению С.Г. Боталова этот кинжал является своеобразной переходной формой от «гунно-сарматских» типов кинжалов с неширокими лезвиями к гуннским формам, имеющим широкое лезвие и ромбовидное перекрестие[5].

Ромбовидные бронзовые перекрестия существовали на сарматском оружии еще до позднесарматского этапа. По мнению А.С. Скрипкина мечи с бронзовыми ромбическими перекрестиями разных типов восходят к единой традиции их изготовления, прототипами для которых явились образцы китайского клинкового вооружения. В сарматских комплексах они встречаются и в раннесарматских погребениях, и в среднесарматских[6]. Таким образом, время бытования мечей с бронзовыми ромбовидными перекрестиями можно ограничить II в. до н.э. – II в. н.э. В позднесарматское время ромбовидные перекрестия на мечах встречаются, но выполнены они не из бронзы, а из нефрита, хоть и повторяют формы бронзовых (Сладковский 19/1; Камышевский I 8/1)[7].

---

[1] Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовой оросительной систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Нижнего Поволжья. М, 1989. С. 42–43, рис. 26.

[2] Сергацков И. В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 61–62.

[3] Мыськов Е. П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в 1994 году // Архив ВОКМ. Волгоград, 1994. Ф. 128.

[4] Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. С. 114, рис. 35, II, 3.

[5] Боталов С. Г. Мечи и кинжалы гуннской эпохи // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 120, рис. 2, 33.

[6] Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 17–20.

[7] Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 20.

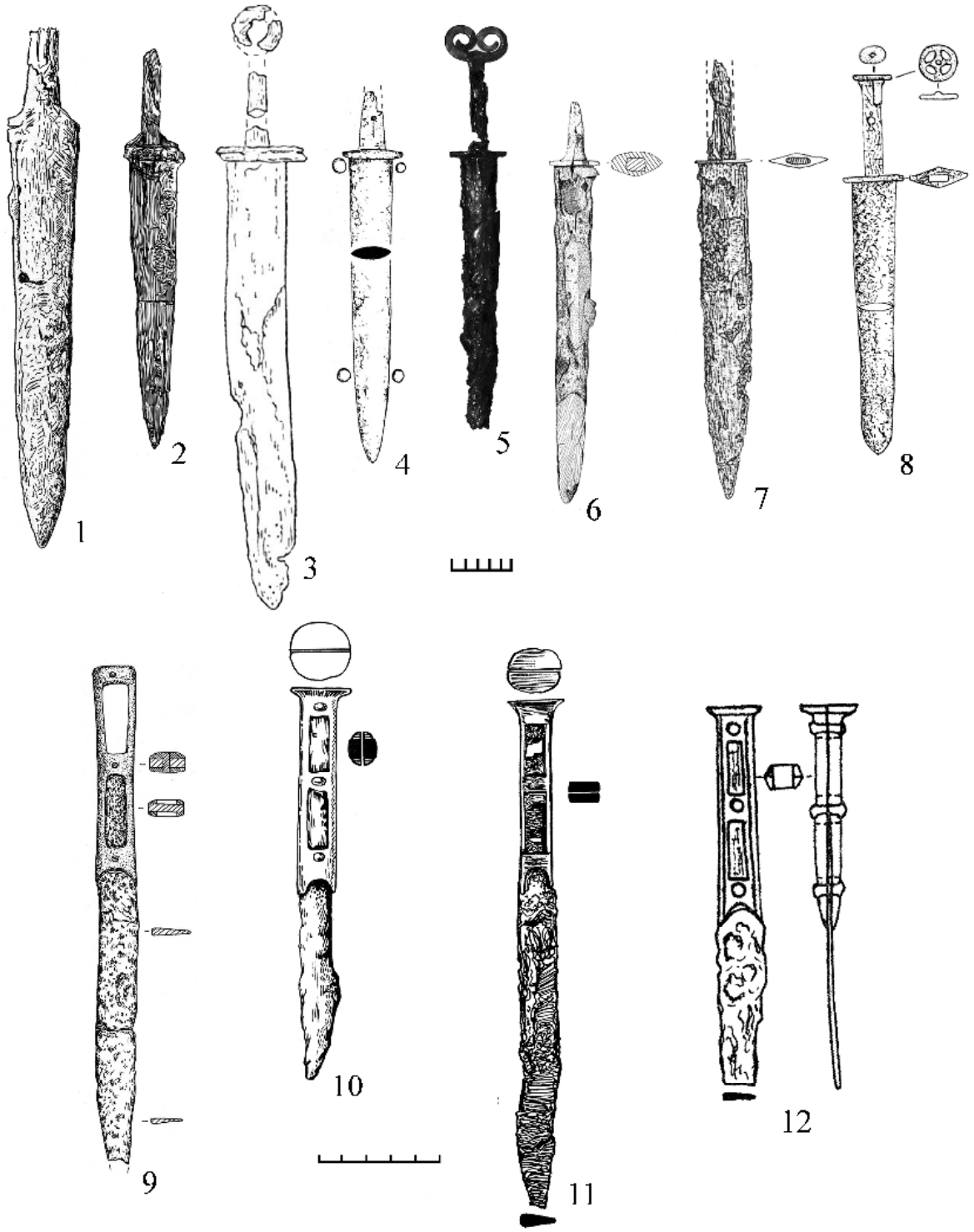


Рис. 1. Кинжалы и ножи из поднесарматских погребений: 1.Калиновский 48/1; 2.Старица 26/2; 3.Центральный VI 16/8; 4.Дружба 4/3; 5.Сидоры 25/1; 6.Ковыльнов III 5/1; 7.Вербовский I 5/1; 8.Целинный I 57/1; 9.Аксай II 27/1; 10.Ворухское ущелье 5/3; 11.Старица 29/1; 12.Суслянка

Отсутствие находок мечей с бронзовыми перекрестиями, как, впрочем, и железными, свидетельствует о прекращении традиции использования металлических перекрестий на мечах в позднесарматское время. Однако бронзовые перекрестия зафиксированы на разных типах позднесарматских кинжалов и отличаются от тех, которые применялись на мечах в предыдущие эпохи размерами и толщиной.

Бронзовое тонкое ромбовидное перекрестие, подобное тем, что обнаружены на кинжалах, мне известно лишь одно и обнаружено оно на длинном мече с разрушенной рукоятью,

вследствие чего невозможно определить наличие навершия, из среднесарматского погребения I Чертовицкого городища на верхнем Дону[1]. Сложно говорить об истоках именно таких тонких перекрестий, имея столь узкий круг аналогий.

Основная масса исследуемых кинжалов с металлическими перекрестиями разных типов происходит из комплексов второй половины II-первой половины III в. н.э., о чем свидетельствуют их совместные находки с профилированными фибулами 1 серии 2 варианта (по А.К. Амброзу, 1966) (Сидоры 22/1, Жутово 38/1), с лучковыми фибулами 4 варианта (Сидоры 25/1). Второй половиной III в. н.э. уверенно датируется лишь кинжал из группы Гремячая (1/2), где в Т-образной катакомбе, появление которых в Волго-Донских степях можно уверенно связывать со временем после сер. III в. н.э., обнаружены 2 лучковые фибулы 3 серии 1 варианта с нижней тетивой.

Кинжалами с перекрестиями и без, независимо от их типа, в погребениях встречаются со следующими вещами. Всего в 10 случаях кинжалы сочетаются с мечами, относящимися к типу без навершия и перекрестия. В двадцати семи погребениях обнаружены стрелы. Колчаны найдены в пяти погребениях. В восьми погребениях обнаружены остатки луков, в двух – детали колчанов.

Чаще всего в захоронениях кинжалы встречают справа от погребенного (16 случаев), значительно реже слева (8 случаев) и даже между ног (1 случай).

В некоторых случаях в погребениях удалось зафиксировать ножны, в которых находились кинжалы. Так в Аксае II (27/1) in situ сохранились серебряные клепки, скреплявшие части деревянных ножен, окрашенных в красный цвет. В двух других случаях прослежены остатки самих ножен (Ковыльнов III 5/1, Гремячая 1/2).

Во всех трех случаях удалось определить, что ножны кинжала были конструктивно скреплены с другими ножнами, в которых находились ножи с бронзовыми деталями рукоятей. Ножны крепились друг к другу под острым углом, примерно, 15º во всех случаях. Все ножи относятся к одному типу – с двухстворчатой бронзовой рукоятью, имеющей по два продольных прямоугольных выреза на каждой половинке. Части рукояти крепились к железному основанию, продолжавшему лезвие, при помощи заклепок. В продольные вырезы рукояти вставлялись деревянные вставки.

Подобные совместные находки кинжалов и ножей с бронзовыми рукоятями встречаются и в других случаях[2] (рис. 1/9-12). Длина таких ножей в среднем 18–20 см. Из известных мне 20 случаев находок ножей с бронзовыми деталями рукоятей в 7 случаях они обнаружены совместно с кинжалами с ромбовидными перекрестиями. И все эти совместные находки обнаружены в Нижнем Поволжье. Большинство из них датируется широко второй половиной II – первой половиной III в. н.э. Лишь в одном случае, в группе Гремячая (1/2) на Курмоярском Аксае по фибулам такой нож и вместе с ним и кинжал уверенно датируются второй половиной III в. н.э. Они обнаружены в Т-образной катакомбе и сопровождалось длинным и коротким мечами.

Довольно высокая частота встречаемости ножей с бронзовыми рукоятями с кинжалами, находка подобного ножа в составе полного клинкового комплекса вооружения в группе Гремячая, позволяет предположить, что подобные ножи, можно назвать их боевыми, начиная с позднесарматского времени, стали деталью набора вооружения воинов высокого социального ранга. Появление боевых ножей могло диктоваться появлением новых элементов защитного вооружения или изменением традиций ведения боя у сарматов.

До позднесарматского времени ножи с бронзовыми деталями рукоятей неизвестны в сарматском мире. Аналогичные ножи обнаружены также в Приуралье[3], в Средней Азии[4], в Крыму[5].

---

[1] Ворошилов А. Н., Медведев А. П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 82, рис. 4, 7.

[2] Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 68.

[3] Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. Рис. 33, 18; Бытковский О. Ф. Новые сарматские погребения из Восточного Оренбуржья // НАВ. Волгоград, 2010. Вып. 11.

[4] Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978. С. 14, рис. 4, 1.

[5] Гущина И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 39–47, рис. 16, 4.

Все они датируются не ранее сер. II в. н.э. и не исключено, что были принесены в восточноевропейские степи с востока, носителями позднесарматской культуры, которая быстро распространилась во второй половине II в. н.э. от Приуралья до Северного Причерноморья. Тогда же в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье в массовом количестве появились и кинжалы с бронзовыми и железными ромбовидными перекрестиями, традиции которых на мой взгляд, восходят к традициям бронзовых ромбовидных перекрестий на мечах предшествующих культур.

Подводя итог вышесказанному можно констатировать, что в период становления позднесарматской культуры резко меняется тип мечей, и господствующим становится тип без металлического навершия. Ведущим типом кинжалов также становится тип без навершия и перекрестия, но при этом довольно часто встречаются кинжалы с перекрестиями. Среди них выделяется серия кинжалов с железными бронзовыми и железными тонкими ромбовидными перекрестиями. Такие кинжалы не известны до позднесарматского времени, но традиция ромбовидных бронзовых перекрестий существовала в предыдущих сарматских культурах. Этот тип кинжалов в позднесарматских комплексах часто встречается с боевыми ножами с бронзовыми рукоятями, в том числе в единых ножнах, что позволяет утверждать, что такие ножи стали атрибутом боевого комплекса вооружения, и это можно связать либо с изменением элементов защиты, либо с новым типом ведения боя в позднесарматское время. Находка аналогичного ножа в Средней Азии позволяет предположить восточные традиции происхождения таких ножей и вместе с ними кинжалов с бронзовыми перекрестиями, с которыми они встречаются в составе единого комплекса вооружения.

Я.А. Лукпанова
(г. Уральск)

ПОГРЕБЕНИЕ ПРОХОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. МАЙТУБЕК

Комплекс Майтубек I расположен в 5 км к юго-востоку от пос. Таловка и в 4 км к юго-западу от пос. Майтубек (бывшее отделение № 3 Таловского сельского округа пос. Августовка) на возвышенности. Состоит из 3 курганов, вытянутых в направлении запад-восток. Курган № 3 находился в аварийном состоянии, насыпь расплылась в результате распашки поверхности, восточная окраина кургана разрушена колеей, оставленной тяжелым автотранспортом. Высота кургана 1 м, диаметр 17 м, который был раскопан в 2009 г.

В насыпи кургана были обнаружены кости лошади, овцы, коровы[1], фрагменты керамики, фрагменты дерева. В юго-восточном секторе на высоте 15 см над материком найдены кости небольшой собаки: 5 позвонков, мелкий фрагмент грудной кости, 3 фрагмента таза, левая и правая плечевые, правые лучевая и локтевая, левая локтевая, 4 кости запястья, 4 кости пясти, 4 фаланги I, левая и правая бедренные, левая и правая берцовые, пяточная, таранная и кубическая, 2 фаланги I, 2 фаланги II, когтевая.

Под насыпью кургана обнаружено 5 погребений (рис. 1).

Погребение № 1 было зафиксировано в северо-восточном секторе в 3,2 м к востоку, в 1,9 м к северу от условного центра и было совершено на глубине 90 см. Погребение потревожено, разрозненные кости человека были сложены на уровне материковой поверхности: бедренные кости, трубчатые, позвонки, фаланги нижних конечностей, крестец, ребра. На ребрах сохранились следы окиси меди. В смеси с человеческими костями найдены кости лошади, потемневшие от соединений гумуса. Среди костей были обнаружены две гагатовые бусины черного цвета дисковидной формы, высота 0,2 см, диаметр 0,4 см.

Погребение № 2 зафиксировано в 6,6м к югу от условного центра, в южной окраине кургана. На глубине 0,6 м, в насыпи. Захоронение впускное, контуры ямы не прослеживаются. Скелет лежал на войлочной подстилке вытянуто на спине головой ориентированной на восток. Лицевая часть черепа обращена вверх. Руки вытянуты вдоль туловища, покоясь кистями в области таза, ноги вытянуты чуть сужаясь в коленях. Поясничные позвонки потревожены грызунами. В погребении обнаружены следующие предметы: каменное пряслице под тазовыми кос-

[1] Определение остеологического анализа дал научный сотрудник Центра истории и археологии А.А. Джубанов.

тями скелета, диаметр пряслица – 3см, диаметр отверстия пряслица – 0,5 см, высота – 1,5 см и фрагменты железа (ножа?) у левого локтя.

Яма № 1 располагалась на западной стороне под осевой бровкой «запад-восток». В 2,6 м к западу от условного центра. Яма подпрямоугольной формы высотой 0,21м, длинной осью ориентирована по линии север-юг и имела размеры на уровне погребенной почвы 1,20 х 1м. Заполнение ямы представляло собой перемес серого цвета. В заполнении ямы обнаружены: бронзовая подвеска подкововидная (рис. 2, *1*), бусы биконические белого и голубого цвета, дисковидные черного цвета, а также миниатюрный котелок (рис. 2, *2*), он имеет высокий конический поддон, округлое тулово, две вертикальные ручки с тремя выступами на каждой. Высота котла с ручкой 2,5 см, высота поддона 0,6 см, высота ручки 0,8 см. Диаметр тулова 1,5 см. Верхняя часть тулова котла орнаментирована косыми линиями, в виде шнура. Вдоль западной стенки ямы сохранился уступ. Его поверхность покрыта тонким слоем дерева, длиной – 0,85 м, шириной – 0,2 м, высотой – 0,03 м. Размеры ямы на уровне дна – 1,2 х 0,78м.

В яме обнаружено погребение №3. На дне ямы, оставляя свободным, значительное пространство, у восточной стенки вытянуто на спине лежал скелет ребенка в так называемой позе “всадника”, ориентированный головой на юг. Скелет потревожен грызунами, берцовая кость левой конечности, фаланги нижних конечностей, несколько ребер были обнаружены в насыпи кургана, предметы обнаруженные в заполнении ямы также были вынесены грызунами на поверхность. Скелет лежал на войлочной подстилке украшенной 4 розетковидными нашивками из тонкой фольги желтого цвета (рис. 2, *5*). Лицевая часть черепа несколько повернута на восток.

В погребении обнаружен инвентарь:

1) ожерелье из амфоровидных и цилиндрических рифленных стеклянных бус с внутренней позолотой – у шейных позвонков (рис. 3, *1*);

2) лепной сосуд с шаровидным туловом, округлым дном, воронкообразной горловиной, со слегка отогнутым наружу венчиком. Высота сосуда 12,5см, горловины – 1,5см. Диаметр венчика 7 см, тулова – 12см – за головой ребенка;

3) фрагмент глиняной лепной курильницы чашевидной формы с уплощенным дном и широким горизонтальным краем. По венчику сосуда прочерчена волнистая линия, ширина венчика – 2,5см, высота курильницы – 4,5см – обнаружена возле берцовых костей правой конечности (рис.3, *2*);

4) бусы белого и голубого цвета биконической формы – вокруг тазовых костей (рис.2, *3*);

5) гагатовые бусы черного цвета дисковидной формы – под запястьями верхних конечностей, под коленным суставом (рис. 3, *3*);

6) бусы черного цвета бочонковидной формы из стекла – вокруг тазовых костей;

7) бронзовое изделие в виде маленького оселка – с правой стороны возле колена (рис. 2, *4*).

Инвентарь погребения близок инвентарю кургана №16, погребения 2 комплекса Лебедевка VII.[1]

Яма № 2 располагалась в юго-западном секторе в 1,5м к западу и 2,1м к югу от условного центра, имела сложную трехлопастную форму ориентированную длинными сторонами по линии север-юг. В яме было два погребения, одно из которых было в подбое (рис. 1, *2*).

Погребение № 4 располагалось в 2,1 м к западу от условного центра. Могильная яма имела подпрямоугольную форму ориентированную длинными сторонами по линии север-юг. С юго-восточной стороны ямы грабительский лаз. В заполнении погребения обнаружены фрагменты дерева, ребра взрослого человека, кости мелкого рогатого скота. Размеры ямы на уровне дна: 2,8 м х 1,3 м, в южной части ширина ямы доходит до 1,8 м, высота ямы 1,55 м. С западной стороны стенки ямы сохранился уступ, высота уступа 0,35 м. На дне ямы был расчищен скелет взрослого человека. Погребенный лежал, вытянуто на спине, головой на юг. Руки были вытянуты вдоль туловища. Правая нога была слегка согнута в колене. Череп повернут на запад. Скелет потревожен грабителями. Отсутствуют позвонки, тазовая кость, крестец, верхняя правая конечность, ребра. В юго-восточном углу ямы сложены отсутствующие кости скелета. Между правой стопой и восточной стенки могильной ямы обнаружены кости овцы, посыпанные желтым порошком (желтая охра?), между стопами и северной стенкой могильной ямы располага-

[1] Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) / отв. ред. М. Г. Мошкова. М. : Вост. Лит-ра, 2006. С. 10–11.

ются кости животного. Здесь же стоял глиняный лепной сосуд. Высота сосуда – 23 см, высота горловины 2,5 см. Диаметр тулова – 18 см, диаметр горловины – 10 см, дна 7,5 см. У правой стопы фрагменты железа. Под разрозненными костями, сложенными с правой стороны черепа был обнаружен фрагмент бронзового зеркала с бортиком по краям в кожаном чехле, две бусины плоские дисковидные из гагата и фрагмент железного ножа. С правой стороны скелета, чуть выше предполагаемой тазовой кости обнаружено железное кольцо. Диаметр кольца 6 см.

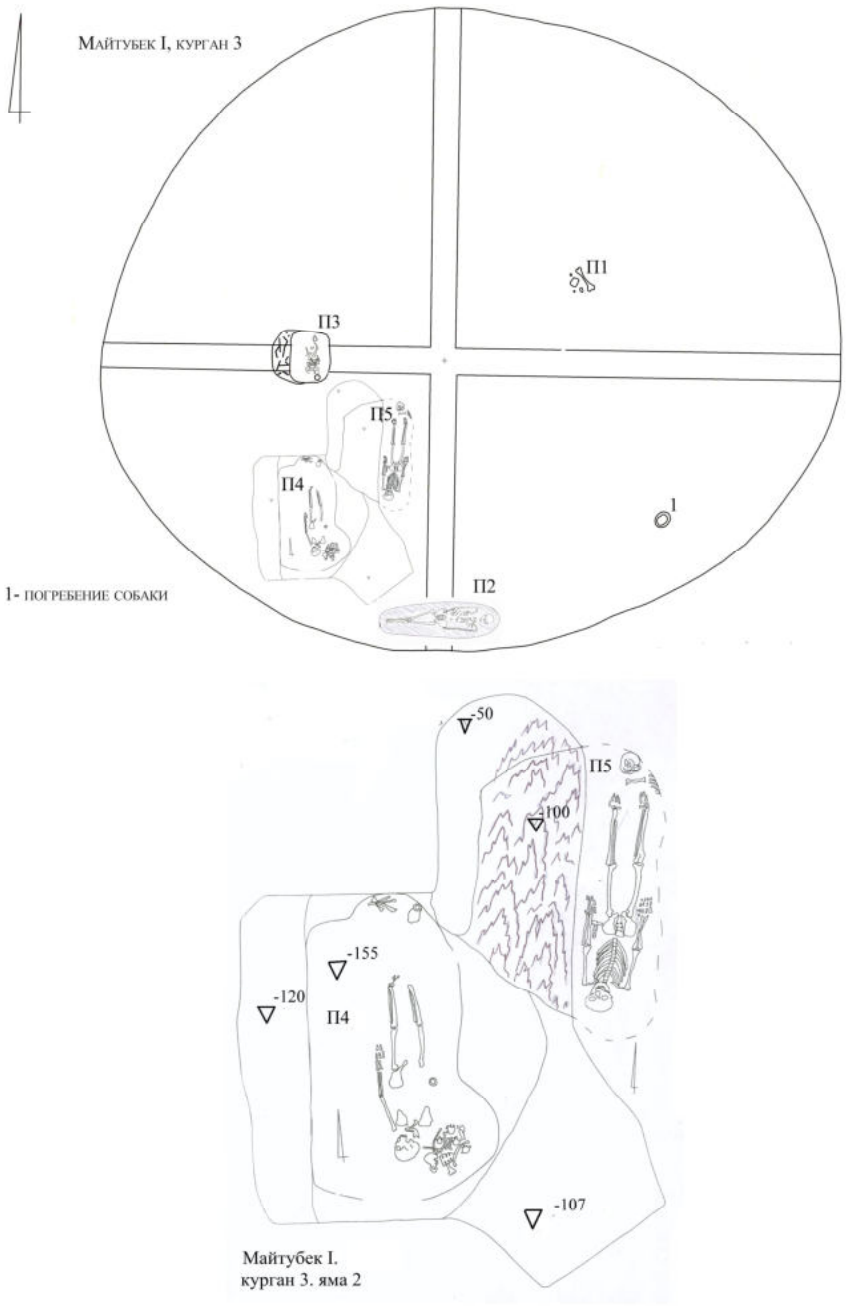


Рис. 1. Майтубек. Курган 3

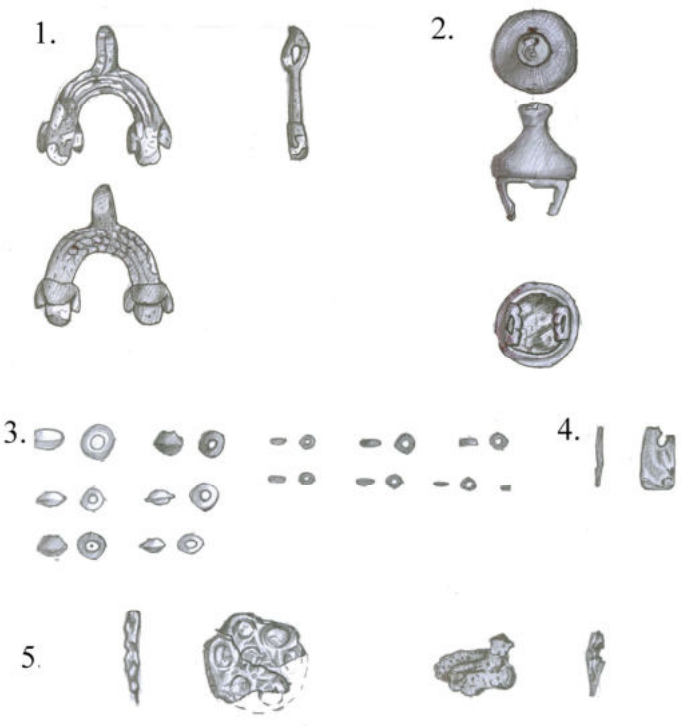


Рис. 2. 1 – бронзовая подвеска; 2 – миниатюрный котел; 3 – бусы – курган №3, погр. 3 (заполнение ямы); 4 – бронзовое изделие в виде миниатюрного оселка; 5 – розетковидная нашивка из тонкой фольги – курган №3, погр. 3

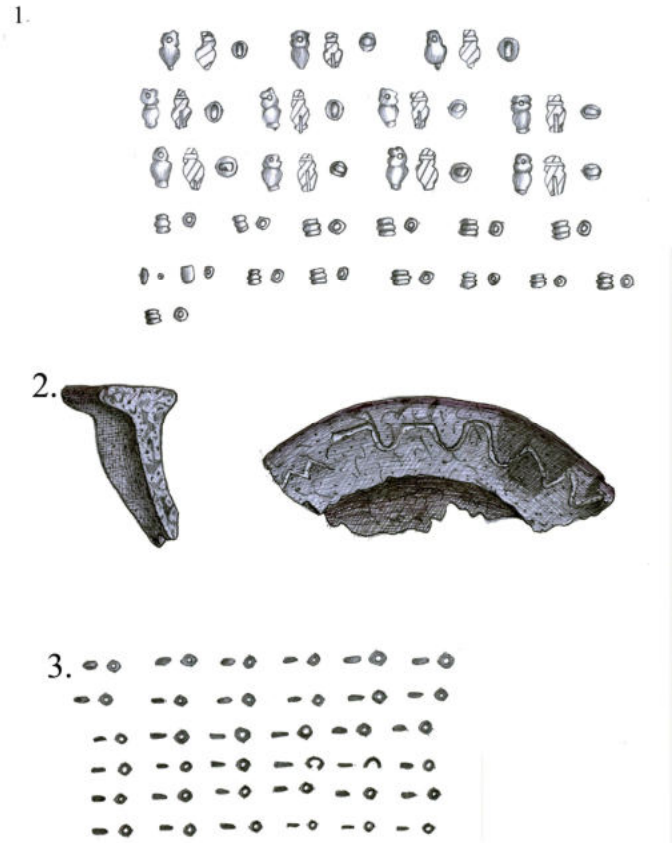


Рис. 3. 1 – амфоровидные бусы, 2 – фрагмент керамической курильницы, 3 – гагатовые бусы.

Погребение №5 располагалась северо-восточнее погребения № 4, Могильная яма подпрямоугольной формы ориентированная длинными сторонами по линии север-юг. На глубине

0,12 м зафиксировано деревянное перекрытие, покрывавшее всю поверхность ямы, а сверху слой камыша, тлен от которого достигал толщины 3–4 см. После снятия перекрытия, яма углубилась до 1 м, с западной стороны сохранился уступ высотой 0,50 м. При расчистке восточной торцевой стены ямы был обнаружен подбой. Высота подбоя 0,5 м, длина 2,3 м, ширина 0,55 м, стены обложены деревом, представляя собой деревянную колоду. Дно камеры было устлано органической подстилкой (кошма?) и посыпано мелом. На дне камеры был обнаружен скелет взрослого человека, вытянутый на спине ориентированный головой на юг с некоторым отклонением на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты. Скелет находился в анатомическом порядке – in situ. В северо-восточном углу подбоя, с правой стороны нижней конечности скелета обнаружены кости овцы и глиняный лепной сосуд с шаровидным туловом, плоским дном, воронкообразной горловиной, со слегка отогнутым наружу венчиком. Высота сосуда 20 см, высота горловины 2,5 см. Диаметр тулова 18 см, диаметр горловины 9,5 см, дна 9 см.

Инвентарь: под кистью правой руки и с правой стороны бедренной кости обнаружен кинжал с прямым перекрестьем в деревянных ножнах, Длина 50 см. Между костями левого предплечья и тазовой кости лежал нож с каменной рукояткой. Длина ножа с рукояткой 11,5 см. На верхней части правой бедренной кости обнаружен трехлопастной бронзовый наконечник стрелы.

Таким образом, на комплексе Майтубек I был исследован аварийный курган № 3. В кургане было выявлено 5 погребений все они относятся к рубежу IV–III вв. до н.э. к прохоровской раннесарматской культуре, о чем свидетельствует обряд захоронения и сопровождающий инвентарь.

Много внимания прохоровской культуре, в том числе ее хронологии уделяла М.Г. Мошкова. Ею была предложена древняя хронология памятников этой культуры – IV, IV–III, III–II вв. до н. э.[1] Уже в IV в до н. э в Южном Приуралье сформировались основные характерные черты прохоровской культуры: подбойные погребальные сооружения, южная ориентировка погребенных, определенный рацион заупокойной пищи (с обязательным присутствием передней ножки барана),[2] эти же особенности погребального сооружения и ориентировки погребенных отмечает Смирнов К.Ф[3], Клепиков В.М[4] Скрипкин А.С.[5] Все эти перечисленные черты характерны для погребений № 3, № 4 комплекса Майтубек. Среди типов могильных ям в прохоровское время распространяются могилы с уступами-заплечиками – погребение № 3, № 4, стенки могил и дно обложены корой, иногда образуют нечто вроде саркофага – погребение № 4, яма № 2.

К.Ф. Смирнов выделяет еще одну черту погребального обряда прохоровской культуры – вытянутые трупоположения. Нередко погребенные лежат в довольно свободных позах: иногда ноги ромбом – «танцующая» поза или одна нога в колене подогнута – “атакующая” поза[6] – погребение № 2, 3, 4. Наличие в погребениях подстилки на дне могилы, ритуальных веществ (мел, желтая охра), перекрытия могил деревом свидетельствуют также в пользу IV–III в. до н. э.

Вещевой комплекс обнаруженный в кургане разнообразный. Среди них есть предметы, которые являются датирующим индикатором:

а) Фрагментированное бронзовое зеркало с чуть заметным валиком по краю в кожаном чехле. Ранние прохоровские зеркала – плоские с большими круглыми дисками, некоторые из них уже в IV в до н. э снабжаются чуть заметным широким валиком. Зеркала в сарматском обществе (кроме утилитарного назначения) играли значимую роль в отправлении религиозных культов, особенно связанных с анимистическими верованиями. Этим объясняется широко рас-

[1] Абрамова М. П. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматских культур // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову : архивные мат-лы, публикации, статьи. М. : Ин-т археологии РАН, 1999. С. 98.

[2] Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 10, 11.

[3] Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 286.

[4] Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. С. 107.

[5] Скрипкин А. С. Азиатская сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ, 1990. С. 184.

[6] Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. 1960.

пространенный обычай порчи зеркал во время совершения погребений у сарматов[1], по всей видимости, порча данного фрагмента зеркала была произведена еще при жизни погребенного и использовалась либо как оберег, либо как предмет обихода, судя по тому, что этот фрагмент был в кожаном чехле, сшитом по форме фрагмента зеркала.

б) Миниатюрная копия котла. Химический состав котла в процентном содержании составляет медь – 95 % , олово – 2,85 %.

Котлы такого типа, находимые в сарматских погребениях волго-уральских степей, обнаруживают аналоги в памятниках постскифского времени Тувы, Среднего Енисея, в хуннских древностях Забайкалья. Все они представляют вполне пропорциональную миниатюрную копию "скифского котла", полусферического, на конической ножке с парой вертикальных ручек, украшенных тремя гвоздевидными выступами. Стенки их орнаментированы рельефными тягами, разделанными под шнур. Они составляют интереснейшую группу предметов. Назначение их было различным. Одни применялись в виде подвесок и, может быть, амулетов. Таков, например, миниатюрный котелок «скифского типа», найденный на Уйбате II[2], Лебедевке VII[3]. Его коническая ножка имеет отверстие, выводящее внутрь котелка. Сквозь него был продет ремешок. Так как ремешок был закреплен при помощи узла, завязанного внутри сосудика, ясно, что котелок подвешивался ножкой вверх. Котелок из кургана № 3 Майтубек очевидно имел другое предназначение и заменял настоящий котел при погребении ребенка, этим объясняется и копия оселка.

в) Лепная курильница. Наличие в погребениях небольших лепных ритуальных сосудиков курильниц – одна из характерных черт обряда сарматской культуры. Они появились у кочевников Приуралья не позже V в до н.э., но широкое распространение получили в сарматских могилах лишь с конца IVв. до н. э.[4]. Удельный вес курильниц возрастает в 3–1 вв. до н. э. и полностью вытесняют жертвенники. Они встречаются в основном в женских могилах повсюду – в Приуралье, на Волге, на Дону.

с) Стеклянные бусы в виде сосудиков датируются IV–III вв. до н.э., дисковидные коротко-коцелиндрические гагатовые бусы достойны особого внимания, они известны в Северном Причерноморье с III в до н.э.[5] Бусы такого типа встречаются в погребениях раннесарматского времени[6] Фрагментированные бронзовые зеркала с валиком по краю, миниатюрные копии бронзовых котлов, лепные курильницы, стеклянные бусы с внутренней позолотой маркируют классические раннесарматские памятники Прохоровской культуры[7] .

Курган, как в обряде, так и в инвентаре, более близок погребальным памятникам кочевников Поволжья и Южного Приуралья.

В.И. Мамонтов
(ВГПУ,г. Волгоград)

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ САРМАТОВ

Известно, что погребальные обряды древних отражают те религиозные взгляды, которые были выработаны в течение многих лет, существовали, стандартизировались в обществе, передаваясь из поколения в поколение. Люди обязаны были неукоснительно выполнять все ритуальные обряды, сопровождаемые символическими действиями и предметами, поскольку верили, (это подтверждают этнографические наблюдения) что смерть человека – это только переход его в новое состояние, тесно связанное с покинутым миром живых.

---

[1] Скрипкин А. С. Азиатская сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ, 1990. С. 90.

[2] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М. – Л. : 1949. № 9.

[3] Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) / отв. ред. М. Г. Мошкова. М. : Вост. лит-ра, 2006. С. 32.

[4] Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 166.

[5] Клепиков В. М., Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ , 2002. С. 92, 93.

[6] Там же.

[7] Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 10, 11; Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Издат-во Вол ГУ, 2002. С. 97, 98.

Члены племени совершали определенные церемонии погребения тела, клали сопровождающий инвентарь, необходимый душе умершего, совершали тризну. Объем затрат, как физических (сооружение погребальной камеры, оформление могилы перекрытием, возведение насыпи кургана), так и материальных (предметы оружия, быта, украшения, мясо жертвенных животных), подготовка тела покойника к погребению, разнились в зависимости от статуса самого погребенного, того места, которое он занимал в племени. Все это хорошо иллюстрируют материалы из сарматских погребений.

Благодаря исследованиям сарматских погребальных комплексов в Волгоградской области, археологам удалось собрать обширные данные, которые в последние годы позволил сарматологам создать четкую хронологию пребывания племен раннего железного века в Нижнем Поволжье и Дону. Этому помогло, в первую очередь, изучение погребальных устройств и могильный инвентарь, которые, как показал анализ, характерны для каждого хронологического этапа ранних, средних и поздних сарматов. Естественно, сарматское население в течение многих лет каждого хронологического периода вырабатывало определенный регламент в исполнении погребальных действий, которые должны быть неукоснительно выполнены родственниками.

Исследователи сарматской культуры (Шилов В.П., Смирнов К.Ф., Скрипкин А.С. и др.) полагают, что для каждого временного периода пребывания сарматов в степях Нижне-Волжского и Донского регионов характерны определенные черты погребального обряда и сопровождающий инвентарь.

Раннесарматская культура. Большая часть погребений впущена в насыпь кургана, сооруженного в эпоху бронзы. Яма – узкая, длинная или прямоугольная, иногда с подбоем в одной из широких сторон. Тела умерших положены на спину в вытянутом положении, руки лежат параллельно телу, кисти рук – у тазовых костей. Преобладающая ориентировка погребенного – головой на юг.

Среднесарматская культура. В этот период появился обычай хоронить сармата в яму, покрытую индивидуальной насыпью. Хотя отмечены впускные погребения в более древней насыпи. Могильные ямы квадратные или прямоугольные. В некоторых ямах появляются заплечики. Погребенные положены вытянуто на спину, головой на юг, юго-запад. Ноги параллельны друг другу, либо слегка разведены в стороны.

Позднесарматская культура. Прямоугольные или квадратные по очертанию ямы находятся под индивидуальной насыпью. Довольно часто устраивают подбой в одной из широких сторон ямы. Причем, перед входом в нишу иногда оставляют ступеньку. Тело погребенного кладут на спину вытянуто, руки – вдоль тела. Чаще они ориентированы головой на север, хотя встречается направления в южный, юго-западный или западный сектор.

Но стандартные для племени ритуальные действия порой нарушались, что могло быть связано с различными обстоятельствами. Такие отклонения, впрочем, могут получить некоторые объяснения исследователей. Так, коллективные захоронения сарматов, вероятно, связано либо с одновременной гибелью членов племени во время эпидемий, болезней, иногда охватывающих зимники кочевников, либо – смертью людей в результате военных действий.

Это могут быть захоронения нескольких сарматов в одной большой яме, совместные захоронения женщин и детей. Яркий пример такого коллективного захоронения – погребение двух сарматских женщин, в ногах которых покоились тела детей (Вербовский III, курган 3 погребение 1, а–г).

Можно предположить, что случай отсутствия скелета погребенного в могильной яме (т.н., кенотаф), порой насыщенной могильным инвентарем, связан с гибелью человека в далеких походах, лесных или степных пожарах, во время переправы через реки. Отсутствие тела человека, в данном случае, никак не влияло на строгое соблюдение погребальных обрядов.

Иногда в могильных ямах встречаются скелеты, где кости имеют явные повреждения оружием – следы от глубоких, смертельных ран, полученных в военных стычках. Поэтому, могут отсутствовать в яме отдельные части скелета. Возможно, они были отсечены во время сражения или в результате оперативного вмешательства древних лекарей, может быть, при ритуальном расчленении тела умершего.

Такие «связки» костей, сохраняющие анатомическое положение, также встреченные в погребальных камерах. Это можно объяснить обрядом вторичного захоронения умершего. Обычно считают, что смерть людей произошла в осенне-зимний период, когда весьма сложно

было совершить захоронение в замерзшую землю. Только поздней весной рылась могила для разложившегося тела, хранившегося с момента смерти в саване где-то на стороне.

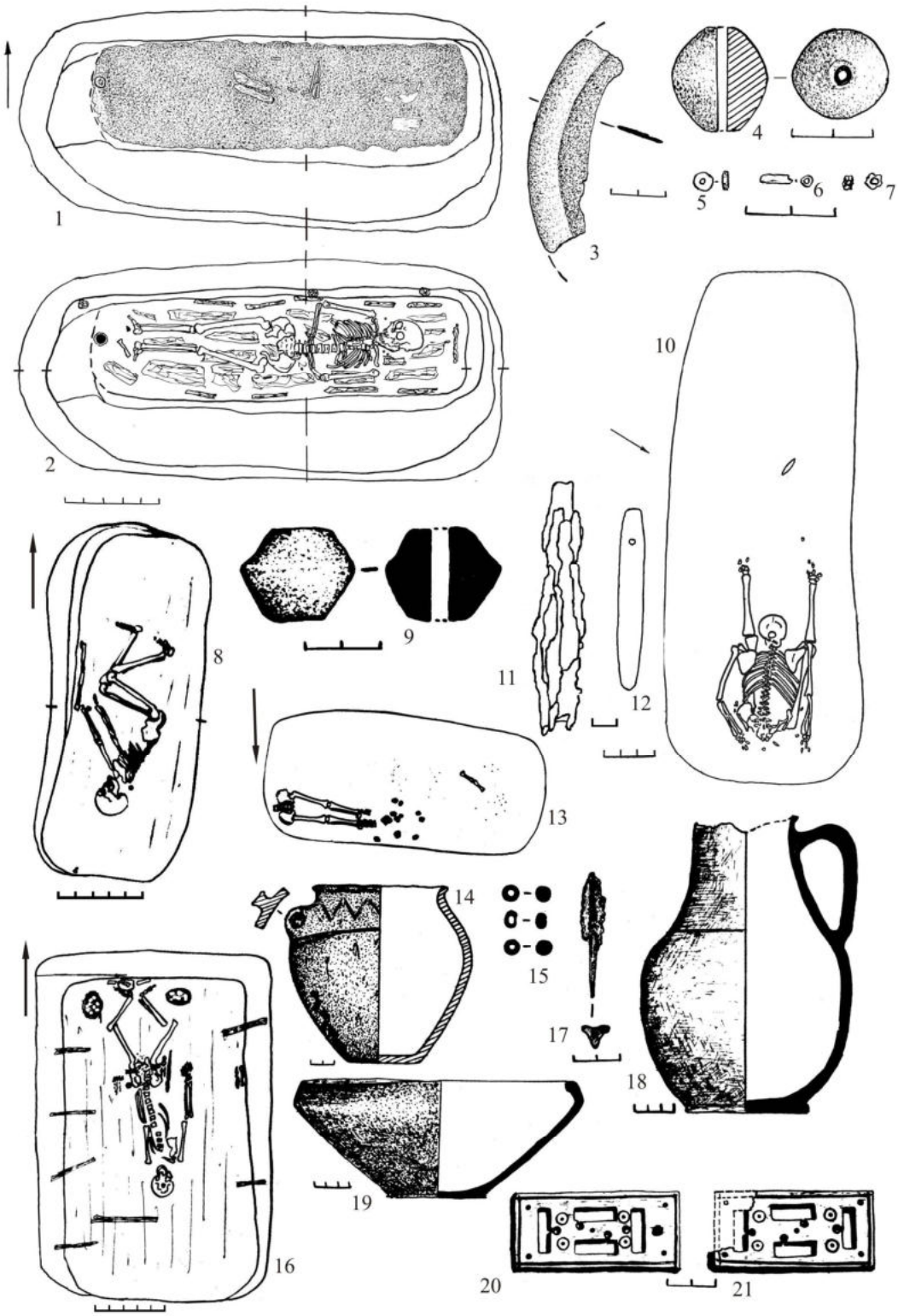


Рис. 1. 1–7. Кондраши. К. 1 погрю 2; 8–9. Новый Рогачик. К. 7 погр. 5; 10–12. Колобовка. К. 3 погр. 10; 13–15. Киляковка. К. 1 погр. 8; 16–21. Первомайский I. К. 12 погр. 5

Рис. 2. 1. Березовский. К. 19 погр. 1; 2–6. Первомайский VII. К. 9 погр. 3; 7–8. Приморский I. К. 2 погр. 1; 9–11. Первомайский VII. К. 21 погр. 1,2; 12–20. Тихоновка II. К. 1 погр. 1, 2

Должны отметить, что в курганах Волго-Донского междуречья выявлены сарматские погребения, где отмечены нарушения в исполнении погребального обряда, пока необъяснимые в настоящее время. В этой категории погребений выявлены две группы, в которых отклонения от стандартных традиций в погребальном регламенте, связаны либо с действиями непосредственно с телом умершего человека, либо с оформлением конструкции погребальной камеры.

Колобовка I. Курган 3 погребение 10 (рис. 1, *10*). Вырыта узкая яма длиной почти 3 м. Мужчина погребен изначально «сидя», прислоненный спиной к северо-западной стенке. Позднее тело завалилось вперед так, что череп оказался между вытянутых ног, кисти рук – у тазовых костей. Рядом положены оселок, железные кинжал, пряжка со следами позолоты, сера, мясо барана (рис. 1, *11, 12*).

Первомайский I. Курган 12 погребение 5 (рис. 1, *16*). Яма прямоугольная длиной 2,5 м. Погребенный-мужчина был «посажен» со скорченными ногами лицом к северной стенке. Во время процесса гниения тело опрокинулось навзничь. Умершего сопровождал обширный инвентарь: красноглиняные кувшин и миска, мясо барана, железный нож, меч, наконечники стрел, костяные ажурные пряжки, фрагмент бронзового зеркала и т.д. (рис. 1, *17–21*).

Березовский. Курган 19 погребение 1 (рис. 2, *1*). Яма прямоугольного очертания длиной 2,7 м. Насыпь кургана и засыпь ямы содержат обильную примесь пережженной красно-желтой супеси и угольков из кострища. Тело погребенного опустили у северного угла на дно ямы так, что оно покоилось на спине по диагонали ямы. Ориентирован головой на юг. Причем, перекрещенные ноги (возможно, связанные) были приподняты и опирались ступнями на нижнюю часть северной стенки. Могильный инвентарь отсутствует.

Киляковка (раскопки Е.П.Мыськова). Курган 1 погребение 8 (рис. 1, *13*). Длина ямы 2,3 м. Тело женщины было «поставлено» в северо-восточный угол ямы. В ногах – фрагменты лепного сосуда, в углу – россыпь мелких стеклянных бус, на дне, в его средней части, лежали кости барана (рис. 1, *14,15*).

Приморский I (раскопки Н.Б.Скворцова). Курган 2 погребение 1 (рис. 2, *7*). Тело женщины положили в неглубокую узкую яму на грудь в вытянутом положении, головой на юг. Ноги у стоп перекрещены (возможно, связаны). Руки вытянуты вдоль тела. В юго-западный угол ямы положен железный нож с горбатой спинкой (рис. 2, *8*).

Новый Рогачик. Курган 7 погребение 5 (рис. 1, *8*). Прямоугольная узкая яма с заплечиком у западной стенки имеет длину 2,12 м. В средней части ямы на левом боку в скорченном положении покоился скелет женщины, головой на юго-запад. Кисти рук направлены к коленям. Сопровождают вещи, типичные для сарматских захоронений: глиняное пряслице (рис. 1, *9*), кусок мела, кости барана.

Погребения с подобным обрядом встречены, например, в могильнике Первомайский VII. В кургане 16 погребение 2 находилось два скелета: женский и мужской, где женщина лежала в скорченном положении на левом боку («подчиненная» поза) лицом к мужчине. Так же покоились скелеты двух человек в погребении 13 из кургана 39. Они лежали на боку с согнутыми коленями, но спиной к третьему сармату, положенному на спину вытянуто и находившемуся между ними.

Первомайский VII. Курган 9 погребение 3 (рис. 2, *2*). Прямоугольная яма имела заплечики вдоль западных и восточных сторон. На слое мела покоился мужчина на спине в вытянутом положении, головой на юг. Рядом обнаружены: сероглиняный сосуд, фрагменты железной пешни, плоский кусок окаменелого дерева, железные черешковые наконечники стрел, кости барана. Железный втульчатый наконечник копья был со следами намеренной порчи – изгиба острия под прямым углом (рис. 2, *3–6*). Привлекает внимание обряд, не типичный для сарматских погребений Волго-Донских степей. Череп человека посмертно, от виска до виска, окрашен широкой (лоб – верхняя челюсть) полосой плотного слоя мела. Это уникальный случай в степях Волго-Донского междуречья, объяснения которому пока нет.

Вторая группа сарматских погребений связана с отклонениями от простой стандартной конструкции самой могильной ямы, когда проводились более сложные земляные работы. Возможно, этим родственники, члены племени хотели подчеркнуть значимость погребенного, его определенный статус.

Кондраши. Курган 1 погребение 2 (рис. 1, *1, 2*). В прямоугольной яме в легком гробовище покоилась женщина в вытянутом положении на спине, головой на восток. Руки были сложены кистями на животе, друг на друге, возможно связанные. Могильный инвентарь: бусы, реальгар, пряслице, фрагмент бронзового зеркала, деревянный сосудик, мясо барана (рис. 1, *3–7*). Тело погребенной было покрыто тканью и залито сверху (по периметру гробовища) несколькими слоями жидкого земляного раствора («болтушки»).

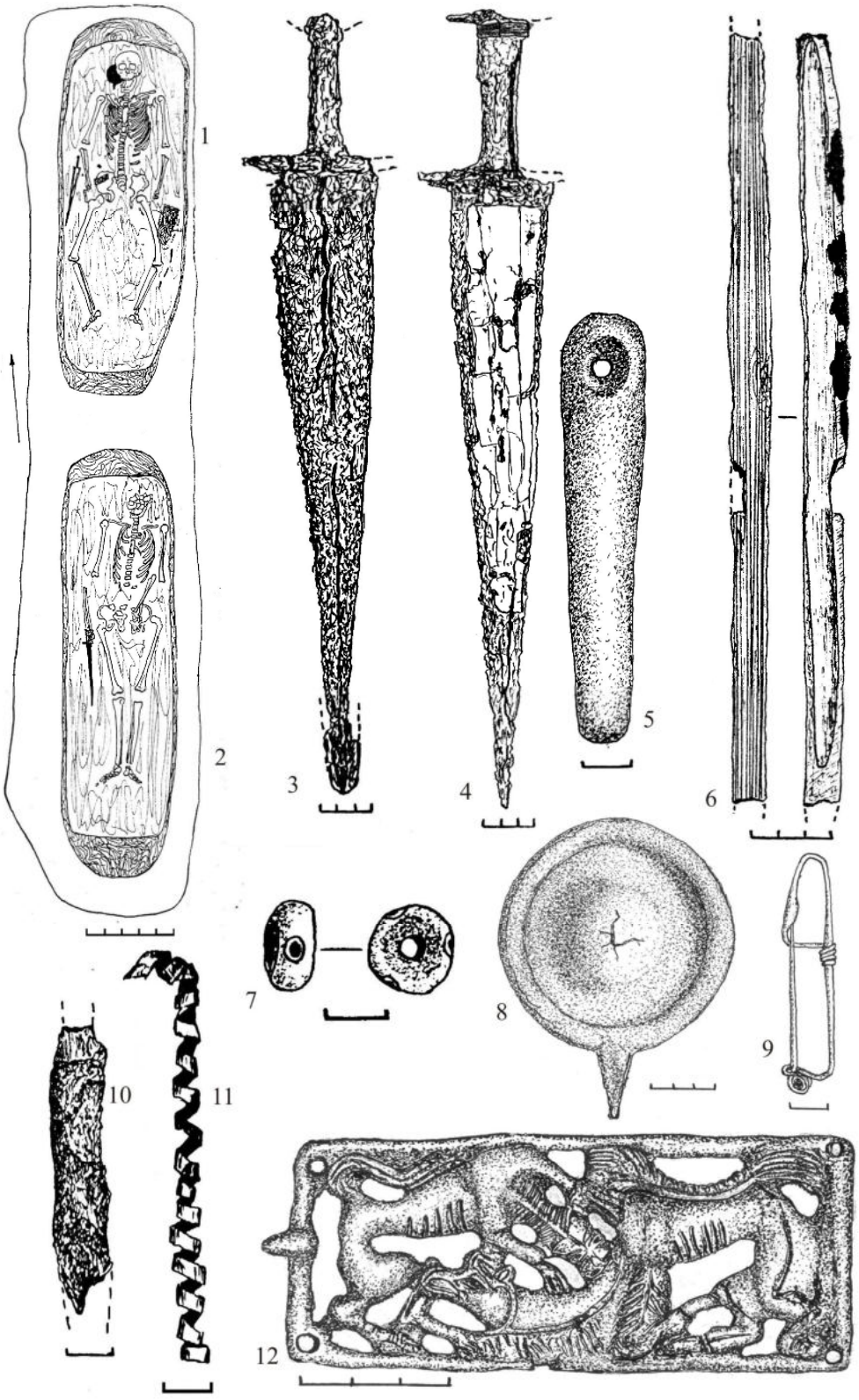


Рис. 3. 1–12. Писаревка. К. 6 погр. 1,2

Первомайский VII. Курган 21 погребения 1,2 (рис. 2, *11*). Женское и мужское погребения были захоронены примерно на одинаковую глубину в прямоугольные ямы, параллельные друг другу. Между ними, несколько выше, находилась широкая площадка, которая носила следы огненного обряда: тонкий слой прокала дна, засыпь с обильными следами пережженной земли. На площадке были разбросаны кости быка, плоские куски песчаника со следами копоти.

Рядом с погребенными: фрагменты красноглиняного и сероглиняного сосудов, а также сосуда ручной лепки, абразивная плитка, обломок ножа (рис. 2, *9, 10*).

Тихоновка II. Курган 1 погребения 1, 2 (рис. 2, *12, 13*). Две прямоугольные ямы вырыты параллельно друг другу на близком расстоянии. Женское и мужское захоронения, находившихся здесь, разрушены. Ямы погребений разделяла узкая стенка, в северной части которой находилось широкое отверстие (свод арочный), соединяющее обе камеры. Могильный инвентарь, оставшийся после ограбления: черешковый трехлопастной наконечник стрелы, полированная пуговица из кости ископаемого (?) животного, фрагмент ручки бронзового котла, фрагменты ножа, крупных подпружных колец, фрагмент изящной бронзовой пряжки (рис. 2, *14–20*).

Писаревка. Курган 6 погребения 1,2 (рис. 3, *1, 2*). Обнаружена длинная и узкая яма (длина 5,37 м, ширина 0,98 м), ориентированная по направлению север-юг. Она была вырыта в насыпи кургана, насыпанного над раннесарматским погребением. По длине ямы стояли две большие колоды, вырубленные из толстых коротких обрубков стволов. В каждой колоде находились, прикрытые сверху тонкими дощечками, скелеты мужчин 25–30 лет (на спине вытянуто, головой на север).

В колоде, у правой руки погребенного 1, положен железный меч с прямым перекрестьем (рис. 3, *3*). Могильный инвентарь у погребенного 2: бронзовые зеркало, фибула, пряжка с рельефным рисунком борющихся животных (пантеры и верблюда), галька, оселок, железный меч с прямым перекрестьем в ножнах, оформленных тонкой золотой фольгой, колчан, деревянная основа которого была покрыта тонкой кожей. Ее пласты скреплялись по бокам узкой золотой лентой. На внешнюю часть колчана крепилась золотая пластина с рельефным изображением «коников», пантеры и какого-то травоядного животного. Кроме того, найдены фрагменты железных черешковых наконечников стрел и ножа, фрагменты лука, крупная бусина из зеленого стекла (рис.3, *4–12*).

Перечисленные погребения с нарушениями в исполнении стандартных погребальных действий, как над телами умерших, так и при сооружении погребальных камер, показывают, что в силу каких-то причин происходило отклонение от обычного сакрального обряда. Оно сразу же бросается в глаза исследователю. Но эти отклонения пока необъяснимы. Это – единичные примеры захоронений с нарушениями среди сарматов Волго-Донских степей. Тем не менее, они показывают, что за каждым подобным действием древних скрыты религиозные или мировоззренческие взгляды населения, оформленные такой своеобразной символикой.

Дальнейший подбор фактического материала может значительно увеличить количество подобных случаев нарушений сарматской погребальной обрядности. Это позволит, используя систематику, статистический подбор, этнографические параллели, глубже изучить подобное явление.

И.Н. Парусимов
(АНИБ, г. Ростов-на-Дону)

К ДАТИРОВКЕ ПОГРЕБЕНИЯ 2 ИЗ ЖУРОВА КУРГАНА

Посвящается 70-летию
Анатолия Степановича Скрипкина

Среди разнообразного археологического материала есть комплексы, которые всегда привлекаются для исследования древних обществ определенных регионов. Одним из них является погребение 2 из Журова кургана, раскопанное в 1973 г. Приволжским отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством В.И. Мамонтова (рис. 1, 2)[1]. Захоронение раскопано и введено в научный оборот в конце XX века, но до сих пор нет единого мнения в его датировке. Посмотрим на него еще раз.

[1] Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ВОКМ. № 32.

Журов курган диаметром 52 м, высотой 3,4 м, располагался в 7 км к СВ[1] от с. Колобовка Ленинского района Волгоградской обл. Впускное погребение 2 было обнаружено на глубине 2,8 м. По плану погребения из отчета конструкция могилы не прослежена. Дно ямы было посыпано мелом. Взрослый погребенный лежал вытянуто на спине, ориентированный на ССЗ[2]. Голова повернута вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, предплечьем под крылом таза. Левая – согнута в локте, кисть лежит на крестце. В заполнении ямы справа от погребенного расчищены плашки, ориентированные по оси С-Ю. В ногах погребенного были найдены: лепной горшок, орнаментированный вертикальными пучками из трех прочерченных линий, железные дротик и 2 наконечника копья, три их втока – по мнению автора раскопок, видимо, лежавшие на деревянном перекрытии[3]. У правого локтя обнаружена бронзовая пластинка 1,1х1,2 см с отверстием в центре. У кисти правой руки найдены бусы синего стекла с белыми глазками. Ниже у бедра лежали железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел. Еще ниже – фрагмент железного предмета. На левом плече найдено бронзовое зеркало с боковой ручкой, валиком по краю и умбоном в центре.

В кратком сообщении о раскопках говорится, о находке в прохоровском погребении зеркала, бус, пряжки, наконечников дротиков и копий[4]. Публикуя материалы погребения А.В. Лукашов отнес их к раннесарматским III в. до н. э. (рис. 1, 1)[5]. Отдельные предметы комплекса в дальнейшем были использованы для классификации и хронологии материальной культуры населения Нижнего Поволжья.

При разработке классификации и хронологии материалов Азиатской Сарматии А.С. Скрипкиным были использованы некоторые предметы журовского погребения[6]. Так один из наконечников стрел при распределении был выделен в тип VI – «*с внутренней втулкой* (курсив мой – И.П.) и треугольной головкой». Зеркало – тип 6.5 – «с валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре диска». У этих зеркал имеется массивная полуовальная в сечении ручка. Еще два близких зеркала, также были найдены в Нижнем Поволжье: в кургане у с. Яблоневка, датируется бусами II–I вв. до н. э.; у с. Верхнее Погромное – фибулой I в. н. э. Этот тип зеркал по мнению А.С. Скрипкина был сформирован на местной сарматской основе и пришел на смену зеркалам с валиком по краю.

Далее материалы погребения были использованы В.М. Клепиковым[7]. Наконечник копья (тип 2б) отнесен к «штурмовым» копьям, которые появляются в скифо-сарматский период IV в. до н. э. Еще два наконечника этого типа были найдены в кургане 11 Аксеновского II могильника и в погребении кенотафе у с. Старица. Дротики встречены в комплексах Нижнего Поволжья не позднее IV–III вв. до н. э. При рассмотрении втоков, автор указывает, что на одном из рюмкообразных втоков был «*прямоугольный боковой штырь, видимо, служивший для крепления с петлей* (курсив мой – И.П.)». На рисунке в таблице этот «штырь» не показан. По представлению В.М. Клепикова на сарматской территории втоки перестают использоваться позже IV–III вв. до н. э. Наконечники стрел были разделены на втульчатые и черешковые. Среди железных втульчатых наконечников выделен из журовского колчана наконечник стрелы *с внутренней втулкой* (курсив мой – И.П.) – отдел II, тип I. Наконечники стрел с выступающей втулкой бытуют в Нижнем Поволжье с IV–III по I вв. до н. э. Черешковые наконечники отнесены в отдел II, тип 1 – с коротким черешком, встречаются в колчанах погребений Нижнего Поволжья, «сум-

[1] По публикации: Лукашов А. В. Раннесарматский комплекс из Журова кургана // Древняя история Поволжья. Куйбышев. 1979. Т. 230. С. 160. По другому источнику – 8 км к северу. См.: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 92.

[2] В тексте научного отчета – на ССВ.

[3] Возможно, что горшок действительно находился на перекрытии. Эта деталь обряда характерна для раннежелезного времени, а вот предметы вооружения явно были сломаны и сложены в ногах.

[4] Конкин В. Н., Лукашов А. В., Мамонтов В. И. Раскопки курганов в Волгоградской области. М., 1974. С. 161.

[5] В публикации А. В. Лукашова нет плана погребения. В данной работе он приводится впервые. Есть разночтения между текстом публикации и планом погребения.

[6] Скрипкин А. С. Азиатская сарматия. Саратов. 1990. С. 72, 95, 139, 152, рис. 23, 58; 33; 36, 3.

[7] Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград. 2002. С. 34, 35, 46–47, 53, 69, рис. 5, 14–19; 10, 3; 11, 5; 18, 8; 24, 9; 37.

марно-определяемых IV–III вв. до н. э.». Лепной горшок отнесен в IV отдел, тип 1[1]. Бронзовое зеркало – отдел 4, тип 1 – с валиком по краю, выпуклостью в центре диска и массивной прямой ручкой. В.М. Клепиков считает зеркало этого типа ранним образцом. Захоронение отнесено к III в. до н.э. на основании хроноиндикатора – железных черешковых наконечников стрел.

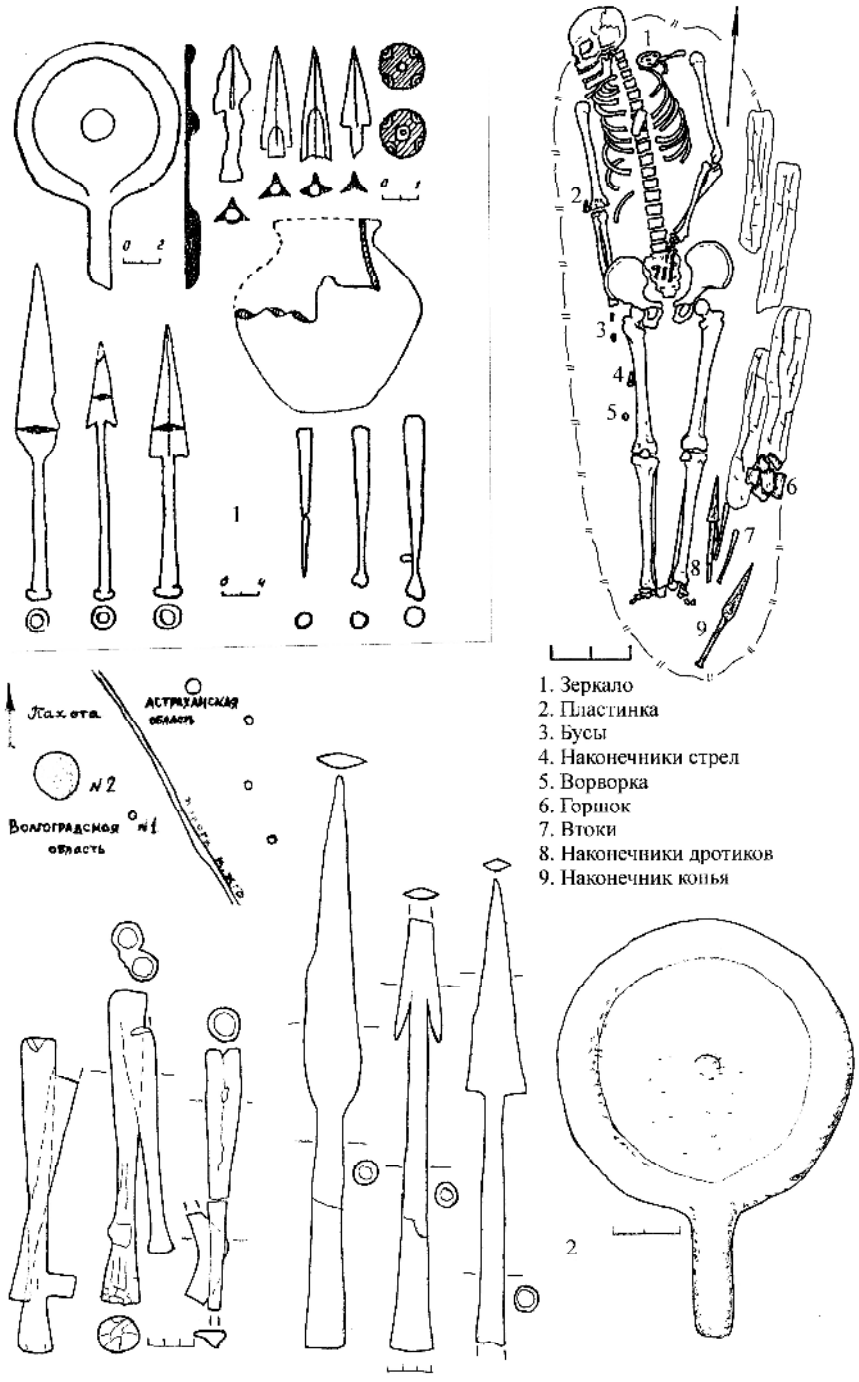


Рис. 1. Журов курган, погребение 2. 1. По А.В. Лукашову; 2. По В.И. Мамонтову

[1] Рисунок явно скопирован из публикации А. В. Лукашова, так как горшок не был передан в фонды музея. Но на рисунке В. М. Клепикова нарисован орнамент, которого нет в публикации (рис. 2, 1).

В монографии А.В. Симоненко также использовались материалы Журовского комплекса[1]. Наконечник с обломанной втулкой на рисунке у В.И. Мамонтова, автором отнесен к импортным наконечникам копий (пик) с коротким листовидным пером и длинной втулкой (1 тип) – III–I вв. до н.э. Вес и пропорции наконечника допускают использование его в качестве дротика или легкого метательного копья. Наконечники копий с длинным листовидным пером и длинной втулкой (2 тип, вариант 2а) находят в паре с наконечниками 1 типа. Дротики доживают у меотов Кубани до последних веков до н.э. Зеркала этого типа появляются в погребениях Поволжья I в. до н.э. Аналогии втокам приведены из комплексов II–I вв. до н.э. Датировка комплекса, скорее всего II–I вв. до н.э.

Знакомясь с работами А.С. Скрипкина и В.М. Клепикова, я обратил внимание на единственный, больше мне неизвестно, железный наконечник стрелы с внутренней втулкой. Сама технология изготовления такого типа наконечников мне была непонятна. После знакомства с публикацией А.В. Лукашова, появилось желание подержать вещи в руках. Пришлось обратиться к первоисточнику – материалам Журовского кургана, хранящимся в фондах Волгоградского областного краеведческого музея с 1986 г. Значительная часть предметов не была передана в музей и судьба их неизвестна. В музее хранятся копье (рис. 2, 7) и один из дротиков (рис. 2, 8), втоки (рис. 2, 3–5), наконечники стрел (рис. 2, 2) и предмет, оказавшийся фрагментом незамкнутой усеченно-конической ворворки (рис. 2, 6)[2].

Помимо спекшихся втульчатых, были еще три втульчатых, изображенных на рисунках из работы А.В. Лукашова, и фрагменты черешковых. Оказалось, что рисунки отличаются от отчетных и оригиналов. Также неверно переданы пропорции наконечников копья и дротика, втоков. У наконечников стрел не были показаны обломанные втулки. Сами же втулки не заходят так далеко в лопасти, как у бронзовых наконечников. Из-за этого один из них в дальнейших исследованиях «сыграл роль провокатора» – став «*редким*» типом *с внутренней втулкой*.

Было обращено внимание, что среди спекшихся втульчатых наконечников стрел нет черешковых. Фрагменты их, отличные по сохранности, были в одной коробке с втульчатыми. Если бы они были в одном колчане такого бы не произошло. Да и в тексте отчета говорится только о спекшихся втульчатых наконечниках стрел. В связи с этим был просмотрены все погребения кургана. Оказалось, что в сарматском погребении 5 были найдены фрагменты железных черешковых наконечников стрел. Среди хранящихся в фондах музея материалов этого погребения их нет. Получается, что к моменту подготовки публикации наконечники стрел двух комплексов были объединены и попали в одну коробку, получив шифр погребения 2.

К двум втокам прикипели фрагменты каких-то железных предметов. На одном это в виде прямоугольной пластинки с ровно срезанным концом, на другом – согнутая под тупым углом пластинка, также с ровно срезанным концом. Пластинки отличаются по толщине. В первом случае остатки предмета были приняты А.В. Лукашовым и В.М. Клепиковым за выступ для крепления кожаного ремешка с петлей.

Рисунки зеркала к отчету В.И. Мамонтова и в публикации А.В. Лукашова имеют небольшие отличия. Валик в первом случае отделяет диск от ручки, умбон чуть выражен. Во втором случае – валик в районе ручки разорван, умбон выделен сильнее. В тексте отчета автора раскопок нет никаких сведений о наличии у зеркала умбона, а на рисунке – слегка заметная округлость. Есть отличия в изображении ручки.

Теперь о теме моего сообщения – датировке комплекса. Вопрос в данном случае довольно сложный. Чем датировать захоронение? Погребальный обряд в данном случае не дает даты. Зеркало утеряно. А.С. Скрипкиным была отмечена «сложность генезиса сарматских зеркал и невозможность в каждом конкретном случае определить истоки того или иного типа»[3]. Возможно, как и предполагал В.М. Клепиков, зеркало является ранним образцом зеркал этого типа. Наконечники копий, дротиков и втоков также дают широкую дату – IV–I вв. до н. э. «Обряд» поломки древков копий и дротиков характерен для раннежелезного времени и, по-видимому, связан с невозможностью помещения этого вида вооружения в небольшие по разме-

[1] Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С. 70–78.
[2] Благодарю Г. Е. Парусимову, выполнившую рисунки вещей.
[3] Скрипкин А. С. Указ. соч. С. 155.

рам могилы. Форма горшка и его орнамент характерны для керамики раннежелезного времени. Соответствует ли орнамент, изображенный на рисунке горшка у В.М. Клепикова, действительности – проверить невозможно. Стеклянные глазчатые бусы и втульчатые наконечники стрел также широко датируются. Если принять во внимание, что черешковые наконечники стрел происходят из погребения 5, то дату комплекса без «хроноиндикаторов» можно сузить до IV в. до н. э. Фрагмент железного предмета, до этого нигде не упоминавшийся в публикациях, оказался частью незамкнутой железной ворворки. По одной железной незамкнутой ворворке найдено в погребениях Шолоховского, Кащеевского и Житковского курганов, которые датируются IV в. до н. э. В Азовском и Шолоховском комплексах найдены близкие по форме предметы вооружения.

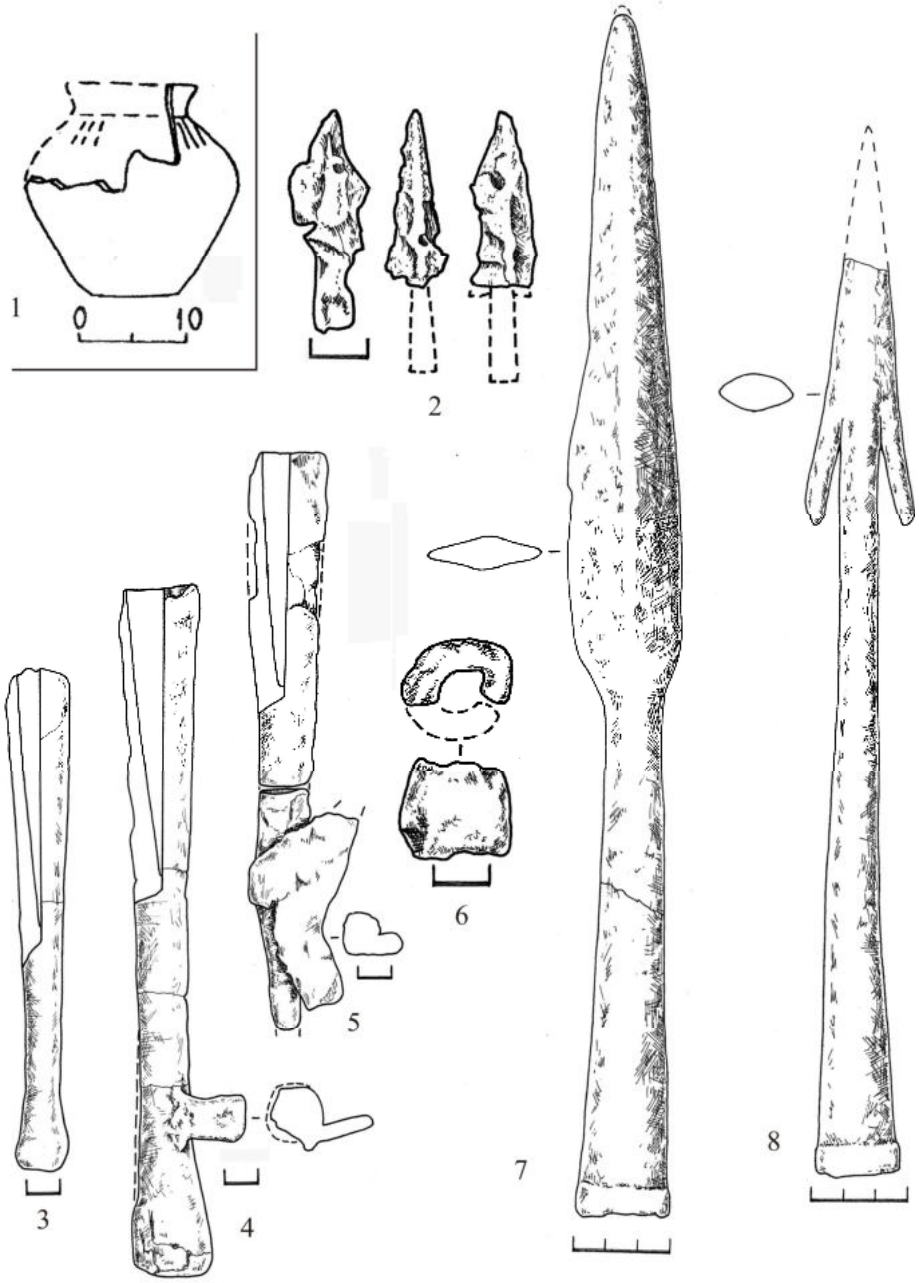


Рис. 2. Журов курган, погребение 2. 1. По В.М. Клепикову; 2. По Г.Е. Парусимовой

Что касается рассмотренного комплекса, то он, несомненно, интересен. При всем уважении к упомянутым мной специалистам, я бы остановился пока на датировке комплекса IV в. до н. э. В виду отсутствия, а также лишнего присутствия, в настоящее время в комплексе неко-

торых предметов, необходимо с осторожностью использовать его при разработке классификации и хронологии материалов раннесарматской культуры Нижнего Поволжья.

Ю.Б. Полидович
(ДОКМ, г. Донецк)

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ «АНТИЧНОГО КРУГА» VI в. до н.э. НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Под предметами «античного круга» имеются в виду ряд предметов, которые в историографии традиционно относят к изделиям, происходящим из античных центров Северного Причерноморья, прежде всего, Ольвии. Это бронзовые зеркала с боковой ручкой, украшенные зооморфными фигурками, и крестовидные бронзовые бляхи. За теми и другими в определенной части литературы закрепилось название «ольвийские», предполагающее, прежде всего, место их производства[1]. Находки данных изделий в разных регионах Восточной и Центральной Европы позволили Б.Н. Гракову еще в 1947 г. поставить вопрос о возможности реконструкции торговых путей, идущих из Ольвии и Скифии в районы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья[2]. Данная реконструкция так или иначе была поддержана и развита другими исследователями[3].

Среди обозначенных наиболее многочисленными изделиями, найденными в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, являются **«ольвийские» зеркала**. Из них наиболее многочисленную группу находок в поволжско-приуральском регионе составляют зеркала с боковой ручкой, внешний конец которой оканчивается фигуркой условно воспроизведенной пантеры (II класс, II отдел, I тип, 2 вариант, по Т.М. Кузнецовой[4]). Таковы целые экземпляры зеркал из поволжских комплексов п. 2 к. 2 у с.Андреевка (рис. 1, 1)[5] и п.6 из мавзолея у пос.Комсомольский (рис. 1, 2)[6], приуральского комплекса в кург. Биш-Оба вблизи г. Орска (рис. 1, 3)[7] и фрагмент ручки с фигуркой пантеры из к.1 в уроч. Елга у с.Преображенка в Южном Приуралье (рис. 1, 4)[8]. Во всех случаях пантеры представляют близкий стилистический тип, который считается относительно более поздним[9].

Известно также несколько зеркал, ручки которых украшены головой барана (II класс, II отдел, III тип, 1–3 вариант, по Т.М. Кузнецовой[10]). Это зеркала из случайных находок в бассейне р. Казанка (Татарская Айша) в Татарстане (рис. 1, 5)[11], из кург. у с.Улан-Эрге (Красное) (рис. 1, 6)[12] и п. 1 к. 10 мог-ка Аксеновский-I (рис. 1, 7)[1] в Нижнем Поволжье.

---

[1] См. историографию по этому поводу: Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии : каталог одной коллекции. Л., 1988. С. 25; Ольговский С. Я. Скифо-античная металлообработка архаического времени. Киев, 2005. С. 144–161.

[2] Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. Киев, 1947. Т. 1.

[3] Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н.э. // СА. 1955. Т. 23. С. 72–75; Скуднова В. М. Скифские зеркала в архаическом некрополе Ольвии // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 7. Л., 1962; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 159, 259–260; Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1; Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 119–123; Кузнецова Т. М. Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 89–92 и др.

[4] Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии. М., 2002. С. 155.

[5] Матвеева Г. И. Погребение савроматского времени у с.Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологи Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 377–378, рис.1.1.

[6] Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. Рис. 3.

[7] Граков Б. Чи мала Ольвія... С. 31, рис. 3; Смирнов К.Ф. Савроматы… Рис. 72, 14.

[8] Граков Б. Чи мала Ольвія... С. 30–31, рис.30; Смирнов К.Ф. Савроматы. Рис.72, 15.

[9] Кузнецова Т. М., Зеркала Скифии… С. 199, 201.

[10] Там же. С.167, 195.

[11] Фахрутдинов Р. Г. Скифские зеркала бассейна Казанки // СА. 1983. № 1. С. 291–292, рис. 1–3.

[12] Смирнов К. Ф. Савроматы... С. 159, рис. 72, 13.

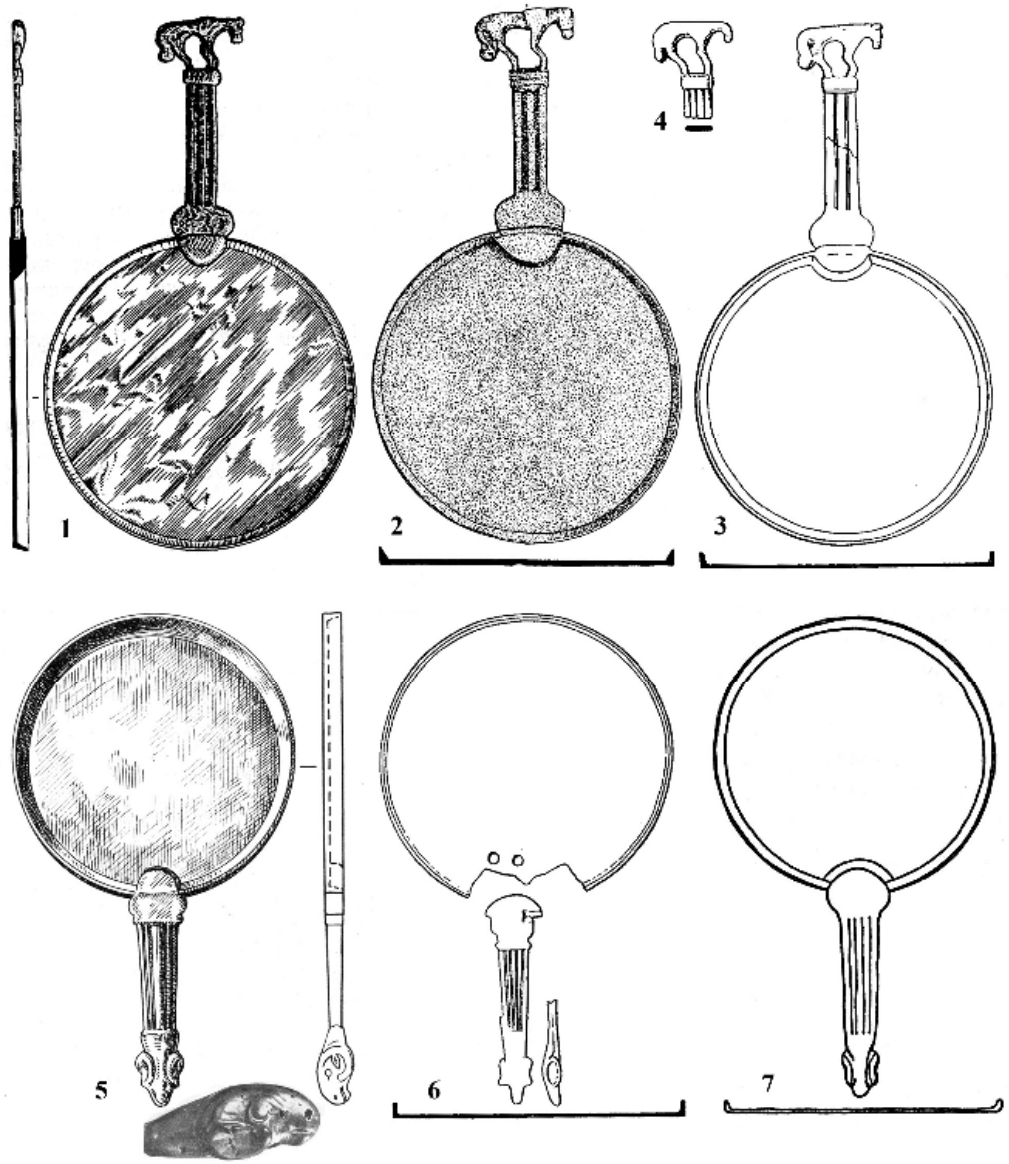


Рис. 1. Зеркала ольвийского типа: 1 – п.2 к.2 у с.Андреевка, Нижнее Поволжье (по: Матвеева, 2006); 2 – п.6, мавзолей у пос.Комсомольский, Нижнее Поволжье (по: Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997), 3 – курган Биш-Оба вблизи г. Орска, Южное Приуралье (по: Смирнов, 1964); 4 – кург.1 в уроч. Елга у с.Преображенка, Южное Приуралье (по: Смирнов, 1964); 5 – бассейн р.Казанка (Татарская Айша), Татарстан (по: Фахрутдинов, 1983); 6 – кург. у с.Улан-Эрге (Красное), Нижнее Поволжье (по: Смирнов, 1964); 7 – п.1 к.10 мог-ка Аксеновский-I, Нижнее Поволжье (по: Шилов, Очир-Горяева, 1997)

Все данные изделия датируются в пределах второй половины VI в. до н.э. Не противоречат данной датировке комплексы из Андреевки[2], Комсомольского и Биш-Обы. А вот п. 1 к. 10 мог-ка Аксеновский-I, по мнению авторов раскопок, датируется более поздним временем,

[1] Шилов В. П., Очир-Горяева М. А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (МИАР, № 1). М., 1997. Рис. 8, 1.
[2] Матвеева Г. И. Погребение савроматского времени… С. 377–379.

чем зеркала, найденные в нем[1], – как минимум серединой V в. до н.э. По данным радиоуглеродного анализа дата данного комплекса определена началом V в. до н.э.[2].

Доминирующим взглядом на происхождение зеркал ольвийского типа является точка зрения об активном античном влиянии на трансформацию архаичных скифских зеркал с бортиком и центральной ручкой в зеркала с бортиком и боковой ручкой, обязательно украшенной зооморфной фигуркой, а также на трансформацию зооморфных изображений.

Хищников, воспроизведенных на ручках зеркал ольвийского типа, совершенно справедливо соотносят с «пантерами» типа келермесской[3]. Именно благодаря им выстраивается определенная линия трансформации зеркал с боковой ручкой. Наиболее соответствующими архаичной изобразительной традиции являются хищники на ручках зеркал из Роменских курганов (Днепровская Левобережная лесостепь)[4], с.Крымгиреевского (Северный Кавказ)[5] и с.Новоселки (Среднее Поднестровье)[6]. Близкими к нему являются хищники на ручках зеркал из, района Мариуполя (Приазовья) и к. IV у с.Братышев (Подолье)[7]. Однако в изображении этих хищников уже отсутствует кольчатое окончание лап. На остальных изображениях хищников на зеркалах ольвийского типа «уходит» членение туловища на плоскости, выразительность в изображении морды и хвоста, что и отмечается как определенная деградация стиля, произошедшая якобы под влиянием античных мастеров[8].

Для понимания процесса появления зеркал с боковой ручкой, на наш взгляд, важными являются два изделия. Во-первых, это келермесское зеркало[9], в оформлении которого встречается изобразительный мотив, который затем, на наш взгляд, был реализован в зеркалах ольвийского типа – сочетание пантеры и «колонны». Во-вторых, это зеркало из находок у г.Майкопа (Прикубанье)[10], которое имеет плоские диск и ручку, заканчивающуюся фигуркой хищника. Данный хищник соответствует, с одной стороны, изображению «медведя» на рукояти келермесской секиры, а, с другой, – хищникам из архаического кургана Байгетобе (Чиликтинская долина, Казахстан)[11], имеющих не только близкую позу, но и почти аналогичное оформление кистей лап в виде птичьего клюва. На основании этих аналогий майкопское зеркало можно отнести к достаточно раннему времени, которое, вероятно, предшествовало появлению зеркал ольвийского типа. Все это, на наш взгляд, позволяет говорить о местном, в частности, прикубанском, происхождении зеркал с боковой ручкой. Не менее активно в данном процессе, по всей видимости, участвовали и мастера Левобережной Днепровской лесостепи[12]. В связи с таковым взглядом на место происхождения зеркал ольвийского типа представляется достаточно

---

[1] Шилов В. П., Очир-Горяева М. А. Курганы скифской эпохи… С. 150. Второе зеркало, происходящее из данного парного погребения, – дисковидное с бортиком и центральной ручкой, сломанной в древности. Данное зеркало является явно архаическим.

[2] Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая датировка / А. Ю. Алексеев, Н. А. Боковенко, С. С. Васильев и др. СПб., 2005. С. 188–189.

[3] Канторович А. Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (МИАР, № 1). М., 1997. С. 98.

[4] Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии… С. 142, табл.77, 479.

[5] Кузнецова Т.М., Зеркала Скифии… С.142, табл.78, 276; Зуев В. Ю. Греческие импорты художественной бронзы и подражания им в районе Центрального Предкавказья. I. Крымгиреевское зеркало // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.

[6] Смирнова Г. И. Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия // Древности скифской эпохи (МИАР. № 7). М., 2006. Рис. 6, 8.

[7] Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии… С. 142, табл. 78, 321; 87, 88. На верхнем конце зеркала к. IV у с. Братышев находится фигурка оленя.

[8] Переводчикова Е. В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля : дис. … канд. ист. наук. М., 1980. С. 163; Кузнецова Т. М. Этюды по скифской истории. М., 1991. С. 81; Канторович А. Р. К вопросу… С. 98.

[9] Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997. Кат. 52, табл. 1.

[10] Смирнов К. Ф. Савроматы… Рис. 81, 4.

[11] Самашев З., Толеубаев А., Жумабекова Г. Сокровища степных вождей. Алматы, 2004. Фото на с. 152, 153.

[12] См. по этому поводу также: Ольговський С. Я. Походження дзеркал «ольвійського» типу // Археологія. Киев, 1992. № 3; Ольговський С. Я. Скифо-античная металлообработка архаического времени.

перспективной идея структурного сравнения ручек данных зеркал, имеющих трехчастное деление, и аналогичных рукоятей архаических скифских акинаков[1].

В пользу подобного предположения свидетельствует и стилистика изображения головы барана на ручке зеркала из бассейна р. Казанки. В отличие от многих других подобных изделий здесь достаточно детально проработаны детали изображения (рис.1, 5). Подобные стилистические черты характерны для иранских изделий VII–V вв. до н.э., в частности для изображения голов баранов на ритонах[2]. Казанское зеркало, кроме того, отличается от зеркал данной группы также своими большими размерами, характерными для зеркал с фигуркой пантеры[3]. Подобный диаметр диска, вероятно, имело и зеркало из с. Улан-Эрге (Красное)[4]. Можно предполагать северокавказское (прикубанское) происхождение данных зеркал, учитывая значительное иранское влияние на художественное творчество данного региона. Связь между Северным Кавказом и поволжско-приуральским регионом прослеживается и на примере оформления зеркала из с. Крымгиреевское (Северный Кавказ), где на рабочей поверхности диска пуансоном нанесены три треугольника, что находит параллели в оформлении зеркал из южноуральских комплексов[5].

Итак, можно предполагать, что зеркала с боковой ручкой возникли на основе развития местной, варварской, традиции и античные мастера к данному процессу не имели прямого отношения. Одним из важных факторов был определенный импульс с восточных регионов Евразийской степи. Кроме прочего, данный импульс фиксируется в иконографическом образе оленя, задействованном в оформлении зеркал ольвийского типа. Изображения данных оленей, как считается, восходят к типу т.н. «классического скифского оленя»[6], а стилистические отличия от архаических образцов объясняются греческим влиянием[7]. Однако от архаического типа их отличают, прежде всего, изображения рогов, отростки которых имеют не классическую S-видную форму, а округлую С-видную, часто переходящую в замкнутую петлю. Подобную форму рогов имеют несколько изображений VI в. до н.э. из Лесостепного Приднепровья и Прикубанья[8]. С другой стороны, она соответствует традиции воспроизведения рогов оленей на оленных камнях и, частично, петроглифах Центральной Азии и Монголии[9]. С данными восточными изображениями соотносится и необычная узкая морда оленей, воспроизведенных на зеркалах.

Из п. 3 к. 3 могильника Аксай-I в Нижнем Поволжье происходит фрагмент **крестовидной бляхи**, представляющий собой нижнюю часть изделия, в центре которого находится изображение свернувшегося в кольцо хищника, а по трем сторонам от него – головы хищных птиц (рис. 2, 2)[10]. Подобные бляхи найдены у хут.Дугино в дельте Дона[1], в п.12 (1910 г.) некрополя

---

[1] Смирнов К. Ф. Савроматы… С. 158; Гуцал А. Ф., Гуцал В. А. Курганний комплекс з бронзовим дзеркалом із Шутновець // Эпоха раннего железа : сб. науч. тр. к 60-летию С. А. Скорого. Киев – Полтава, 2009. С. 125–134.

[2] Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1978. С. 52, 85.

[3] Фахрутдинов Р. Г. Скифские зеркала... С. 262.

[4] Смирнов К. Ф. Савроматы… С. 159. Диска и ручка зеркала были найдены разрозненно, в связи с чем К. Ф. Смирнов, исходя из размера диска, предположил принадлежность их к двум разным изделиям.

[5] Зуев В. Ю. Греческие импорты художественной бронзы. С. 493, рис. 3, 3.

[6] Скуднова В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Труды Гос. Эрмитажа. 1962. Т. 7: Культура и искусство античного мира, Вып. 3. С. 13, 23; Переводчикова Е. В. Прикубанский вариант... С. 163; Канторович А.Р. К вопросу… С. 97.

[7] Канторович А. Р. К вопросу… С. 98.

[8] К. 100 у с. Синявка, Днепровская правобережная лесостепь (Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось. Киев, 1981. Рис. 42, 21), Ульского кург. 1 (1908 г.), Прикубанье (ОАК за 1908 г. СПб., 1912. С. 118, рис.166), к. 13 у с. Новозаведенного, Прикубанье (Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология, археология. М., 2000. Рис. 5, 18).

[9] Полидович Ю. Б. Особенности изображения оленьих рогов в раннескифском «зверином стиле» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа : XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа : тез. Док. Междунар. науч. конф. Магас, 2010. С. 286–289.

[10] Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. Вып. 2 С. 96, рис. 5, 2.

Ольвии[2] и в Бырсешти в Румынии[3]. Все данные бляхи объединяет близкая стилистика изображения свернувшихся хищников и птичьих голов, однако, они различаются системой оформления верхней планки, которая на аксайской бляхе отсутствует.

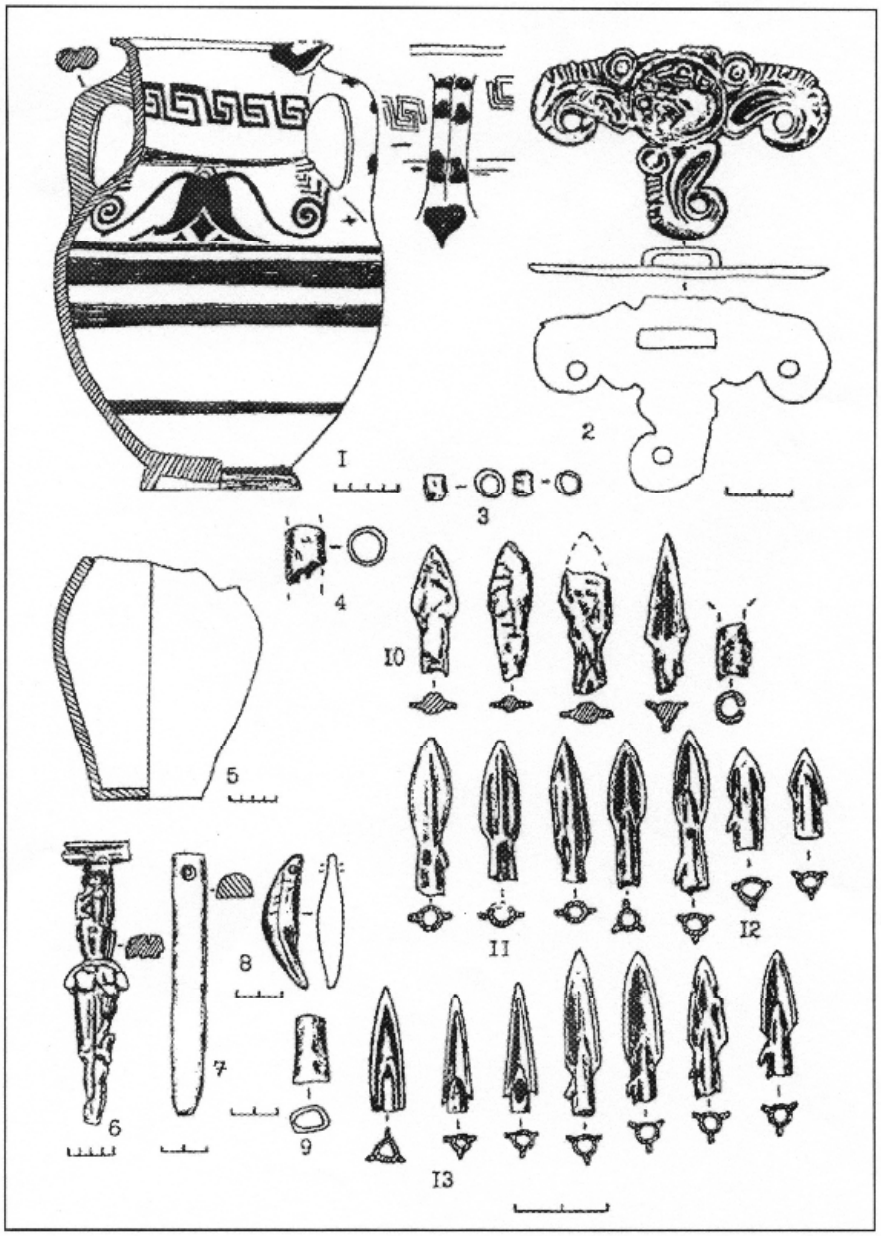


Рис. 2. Комплекс с крестовидной бляхой из п.3 к.3 мог-ка Аксай-I, Нижнее Поволжье (по: Дьяченко, Мэйб, Скрипкин, Клепиков, 1999)

Тот факт, что одна из самых выразительных крестовидных блях была найдена на некрополе Ольвии, позволил многим исследователям говорить о ее изготовлении в ольвийских мастерских, а, следовательно, и об античном влиянии на формирование данного стилистического

[1] Копылов В. П. Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н.э. // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1. С. 84, рис. 1, 5.
[2] ОАК за 1909–1910. 1913. С. 95, рис. 121.
[3] Dumitrescu V. Arta preistorica in Romania. Bucureşti, 1974. Fig. 472, 2.

образа в целом[1]. Однако стилистическая манера изображения животных, особенно, хищников, на данных бляхах абсолютно не свойственна античной традиции. Напротив, все изображения, воспроизведенные на ольвийской бляхе, находят стилистические аналогии в скифском «зверином стиле», а некоторые из них связаны с восточными регионами скифского мира[2].

В целом крестовидные бляхи также датируются в пределах второй половины VI в. до н.э. Самая низкая дата для одной из них – ольвийской бляхи – была предложена С.В. Полиным: не позже второй четверти VI в.до н.э.[3]. Хронологическую позицию аксайского комплекса можно определить по античной **амфоре**, украшенной рисунками, выполненных красной краской (рис. 2, 1), и датируемой в пределах середины – второй половины VI в. до н.э.[4].

Происхождение же крестовидных блях можно связать, прежде всего, с территорией Левобережной Днепровской лесостепи[5]. Помимо остального, в пользу такого утверждения свидетельствуют изображения на самых ранних бляхах, которые тесно связаны со всем комплексом местного «звериного стиля».

Таким образом, зеркала ольвийского типа и крестовидные бляхи впервые появляются в Северо-Восточном Причерноморье (Прикубанье и Левобережная Днепровская лесостепь), знаменуя собой отход от традиций архаичного скифского искусства и начало нового этапа в развитии «звериного стиля». Появление данных изделий (прежде всего, крестовидных блях), равно как и начало перемен в изобразительной традиции, было, скорее всего, связано с мощным импульсом (возможно, миграцией) из восточных регионов Евразийской степи. На примере рассматриваемых изделий это маркируется изображениями свернувшегося хищника, особого иконографического образа, и изображениями оленей с С-видными рогами и узкой мордой.

Определенным подтверждением данного предположения являются находки из раннесавроматских погребений из мавзолея у пос.Комсомольский в Нижнем Поволжье. Из погр.6 происходит зеркало ольвийского типа, а из одновременного погр.23 – сережка в виде усеченного конуса, покрытого зернью[6]. Аналогичные сережки достаточно хорошо известны по находкам в восточных регионах Евразийской степи, прежде всего, в памятниках Тувы и, в частности, в кург. Аржан 2[7]. Кроме того, в погр. 6 был прослежен ряд деталей погребального обряда, скорее всего, также имеющих восточное происхождение[8]. Отсюда же происходит золотая пластинка с изображением лошади[9], стилистически во многом соответствующем изображениям лошадей из кург. Аржан 2[10].

Следовательно, фактически единственной находкой действительно античного происхождения в поволжско-приуральском регионе является амфора из мог-ка Аксай I. И зеркала ольвийского типа, и крестовидные бляхи являются свидетельством контактов с соседними западными регионами Северного Кавказа[11], Прикубанья и Днепровской Левобережной лесостепи.

---

[1] Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 79; Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 116.

[2] Детальнее об этом: Полідович Ю. Б. Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. 2000. № 1. С. 35–48; Полидович Ю. Б. Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира : мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 477–484.

[3] Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Киев, 1987. Вип. 59. С. 29.

[4] Дьяченко А. Н., Мейб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования... С. 108; Рис. 5, 1; Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. С. 202.

[5] Ольговський С. Я. Походження хрестоподібних блях… Полідович Ю. Б. Скіфські хрестоподібні бляхи...

[6] Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников... Рис. 5, 6.

[7] Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников... С. 138; Семенов Вл. А. Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 165–170; Чугунов К. В. Серьги раннескифского времени Саяно-Атая происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Кн.1. Барнаул, 2003; Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan... Taf. 33, 3; 58, 1; 72, 1; 99, 5; 106, 5–6; 110, 1–2, 4–6.

[8] Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А. Погребения ранних кочевников... С. 127, 139.

[9] Там же. Рис. 2, 1.

[10] Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan... Taf. 1, 2; 2, 1–3; 33, 5; 54, 1–2; 73, 1–3.

[11] По мнению Т. М. Кузнецовой, зеркала ольвийского типа могли попадать в Поволжье из Кавказа, но туда они все же привозились из Ольвии. См.: Кузнецова Т. М., Этюды по скифской истории… С. 77.

Все это не позволяет говорить о каком-либо торговом пути, шедшем из Ольвии на восток. Если бы таковой путь[1] действительно существовал, мы бы столкнулись с наличием в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье многочисленных импортных изделий античного происхождения, хотя бы в той же степени, как это зафиксировано по отношении к памятникам раннескифского времени Днепровской лесостепи[2].

Т.Е. Прокофьева
(Донское археологическое общество, г. Ростов-на-Дону)

НОВЫЕ РАННЕСАРМАТСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДОНА

В 2009 г. проводились спасательные раскопки к. 1 к/м «Ажинов I» и к. 1 к/м «Елкинский I», расположенные в междуречье р. Сал и Маныч.

Курганный могильник «Ажинов I», состоящий из 2 курганных насыпей, занимает участок невысокого водораздела, образованного реками Сусат и Подпольная, входящими в бассейн р. Дон. Курганный могильник «Елкинский I», в составе одной насыпи, расположен на невысокой первой надпойменной террасе левого берега р. Подпольная.

В процессе раскопок в курганах обнаружена серия раннесарматских комплексов, составлявших, видимо, в рамках одной насыпи небольшой могильник.

В к/м «Ажинов I» было зафиксировано 6 погребений, относящихся к раннесарматской эпохе:

Погребение 4. Расположено в 12,08 м к ЮЮЗ от Ro. Погребенный мужчина 30–40 лет лежал вытянуто на спине, головой на С (рис. 1, 1).

Инвентарь состоял преимущественно из посуды. Около черепа погребенного зафиксирован сильно фрагментированный лепной сосуд № 1 (рис. 1, 2). $Д^{в}$ – 12 см[3]. А также фрагментированное лепное пряслице усечено-биконической формы (рис. 1, 3). Диаметр – 3,9 см, высота – 2,8 см. В ногах погребенного находился фрагментированный лепной сосуд приземистой баночной формы № 2 (рис. 1, 4). $Д^{в}$ – 11 см; Н – 6,5 см. Внутри него стоял миниатюрный лепной сосуд-курильница № 3 баночной приземистой формы (рис. 1, 4). $Д^{в}$ – 6,8 см; $Д^{т}$ – 8 см; $Д^{д}$ – 7 см; Н – 5,2 см. С одной стороны в стенке было проделано небольшое цилиндрическое отверстие. В ногах погребенного, южнее набора курильниц находились кости передней конечности овцы.

Погребение 5. Расположено в 12,08 м к ЮЮЗ от Ro. Погребенная женщина (?), 25–35 лет лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис. 1, 6).

Инвентарь состоял из посуды и украшений. В ногах погребенной стоял фрагментированный лепной сосуд (Рис. 1, 10). $Д^{д}$ – 7,2 см. В районе шейных позвонков, а также около левого плечевого сустава погребенной были найдены коротко цилиндрические гагатовые (12 ед.) и округлые поперечно сжатые стеклянные бусы с внутренней позолотой (20 ед.) (рис. 1, 7). Бусы составляли ожерелье, которое состояло из последовательно расположенных гагатовых и стеклянных украшений. Около височных костей погребенной находились фрагментированные бронзовые височные кольца, изготовленные из округлой в сечении проволоки в 1,5–2 оборота (рис. 1, 9). Диаметр кольца – 1,1 см, диаметр сечения – 0,15–0,2 см. На берцовых костях правой ноги лежали кости передней конечности овцы.

---

[1] Представляется, что сама постановка вопроса о торговом пути, является ошибочной, поскольку основывается на значительном «перенапряжении» источника. Геродот последовательно описывает скифские и соседние с ними земли в том или ином направлении (IV, 17–27), что не предполагает описание закрепленного пути (торгового или какого-либо иного) по этим землям., Отметим также, что Геродот дал равнозначное описание народов в трех направлениях от «торговой гавани борисфенитов» – на запад, север и восток, что соответствует естественному географическому принципу описания, достаточно часто встречающегося у «отца истории». По сути, о торговле вспоминается лишь в фразе о том, что «сведения о них можно легко получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов» (Геродот, IV, 24). Однако носителями таковых сведений могли быть не только и не столько торговцы, сколько авантюристы различного толка типа бродников эпохи средневековья в причерноморских степях, или трапперов нового времени в Северной Америке.

[2] Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1–27.

[3] Здесь и далее $Д^{в}$ – диаметр венчика, $Д^{т}$ – диаметр тулова, $Д^{д}$ – диаметр дна, Н – высота.

При разборке костяка, внутри черепа был найден втульчатый трехлопастной железный наконечник стрелы (рис. 1, 8). Длина головки – 2,9 см, лопасти чуть скошены к втулке. Втулка несколько короче головки – 1,6 см.

Погребение 8. Расположено в 6,11 м к ЗСЗ от Ro. Могильная яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами, длинной осью ориентирована по линии С-Ю. Размеры 2,05х1,23 м. В восточной части могильной ямы находится широкая невысокая ступенька. По центру погребальной ямы на расстоянии 0,14 м друг от друга располагались два костяка в одинаковых позах – вытянуто на спине, голой ориентированы на Ю. Костяк «А», лежащий ближе к западной стенке принадлежал мужчине старше 45 лет, костяк «Б», лежащий около ступеньки принадлежал ребенку 5–7 лет. Под туловищем и черепом костяка «Б» зафиксирована меловая подсыпка (рис. 1, 11).

Инвентарь этого погребения более разнообразен. Так, в ногах костяка «А» располагалось скопление мелкого инвентаря: железный втульчатый двухлопастной наконечник стрелы (рис. 2, 5). Головка треугольной формы, лопасти чуть скошены к втулке. Длина головки – 1,5 см, втулки – 2,5 см; фрагмент железного предмета, который возможно трактовать как фрагмент пряжки, либо кресала (рис. 2, 4), ширина – 3,6 см, толщина – 0,5 см; фрагментированный железный нож (рис. 2, 2). Спинка слегка изогнута, лезвие прямое, скошенное к спинке. Нож был погнут в древности, черешок утрачен. Длина – 8,7 см, ширина – 2,2 см; обточенный фрагмент мела неправильной формы; сигаровидный оселок светло-серого камня с недосверленным отверстием (рис. 2, 6). Длина – 10,8 см, ширина – 2,7 см; галька неправильной формы; зуб ископаемой акулы, возраст которой около 50 млн. лет (рис. 2, 7); бронзовый предмет неясного назначения подовальной формы. Длина – 1,6 см, ширина – 1,5 см.

Между стопами костяка «А» и берцовыми костями костяка «Б» находился фрагментированный лепной сосуд № 1 (рис. 1, 12). $Д^{в}$ – 10,4 см; $Д^{т}$ – 12,8 см. Тулово предположительно яйцевидной формы. На плечике сосуда располагалась небольшая петлевидная ручка, квадратная в сечении. В нижней части горла сосуд орнаментирован двумя горизонтальными врезными бороздками, а по плечику – двухрядной размашистой горизонтальной волной. Около левой стопы костяка «А» лежал на боку раздавленный лепной сосуд № 2 (рис. 1, 13). $Д^{в}$ – 10 см; $Д^{т}$ – 12,5 см; $Д^{д}$ – 5,8 см; Н – 14 см. С одной стороны по плечику сосуда был нанесен невыразительный прочерченный орнамент в виде угловатой ломанной линии, плавно спускающейся вниз.

Под левой лопаткой костяка «А» был найден фрагмент бронзового зеркала, поломанного в древности (рис. 2, 3). Диск зеркала плоский, край которого слегка приострен. Диаметр диска – 7 см, толщина – 0,15 см.

На груди костяка «Б» зафиксировано скопление стеклянных бус (рис. 2, 8). Скорее всего, они составляли ожерелье, но последовательности бус в нем определить не удалось. Были встречены как собственно бусы, так и подвески, причем некоторые из них оказались неизвестными (по классификации Е.М. Алексеевой). Среди бус можно выделить округлые поперечно сжатые с внутренней позолотой (3 ед.), синего (2 ед.), голубого (2 ед.), бирюзового (1 ед.), коричневого (1 ед.) стекла, бочонковидные продольно уплощенные зеленовато-желтого прозрачного стекла (5 ед.), округлые поперечно сжатые дольчатые (2 ед.) прозрачного, почти бесцветного стекла, а также бочонковидные продольно вытянутые полихромные бусы (4 ед.), составленные из двух неодинаковых по длине конусов коричневого и синего прозрачного стекла, спаянных между собой. Подвески представлены каплевидной усеченной сверху подвеской светло-коричневого прозрачного стекла, треугольной уплощенной подвеской зеленовато-желтого прозрачного стекла, треугольной уплощенной подвеской коричневого прозрачного стекла, подтреугольной подвеской с двумя отверстиями коричневого прозрачного стекла и треугольными плоскими полихромными подвесками (2 ед.), спаянным из полос белого, светло-коричневого и синего стекла. Также на правом запястье костяка «Б» и под ним зафиксировано скопление коротко цилиндрического бисера (16 ед.) из синего полупрозрачного стекла, использованного, вероятно, для обшивки рукава одежды.

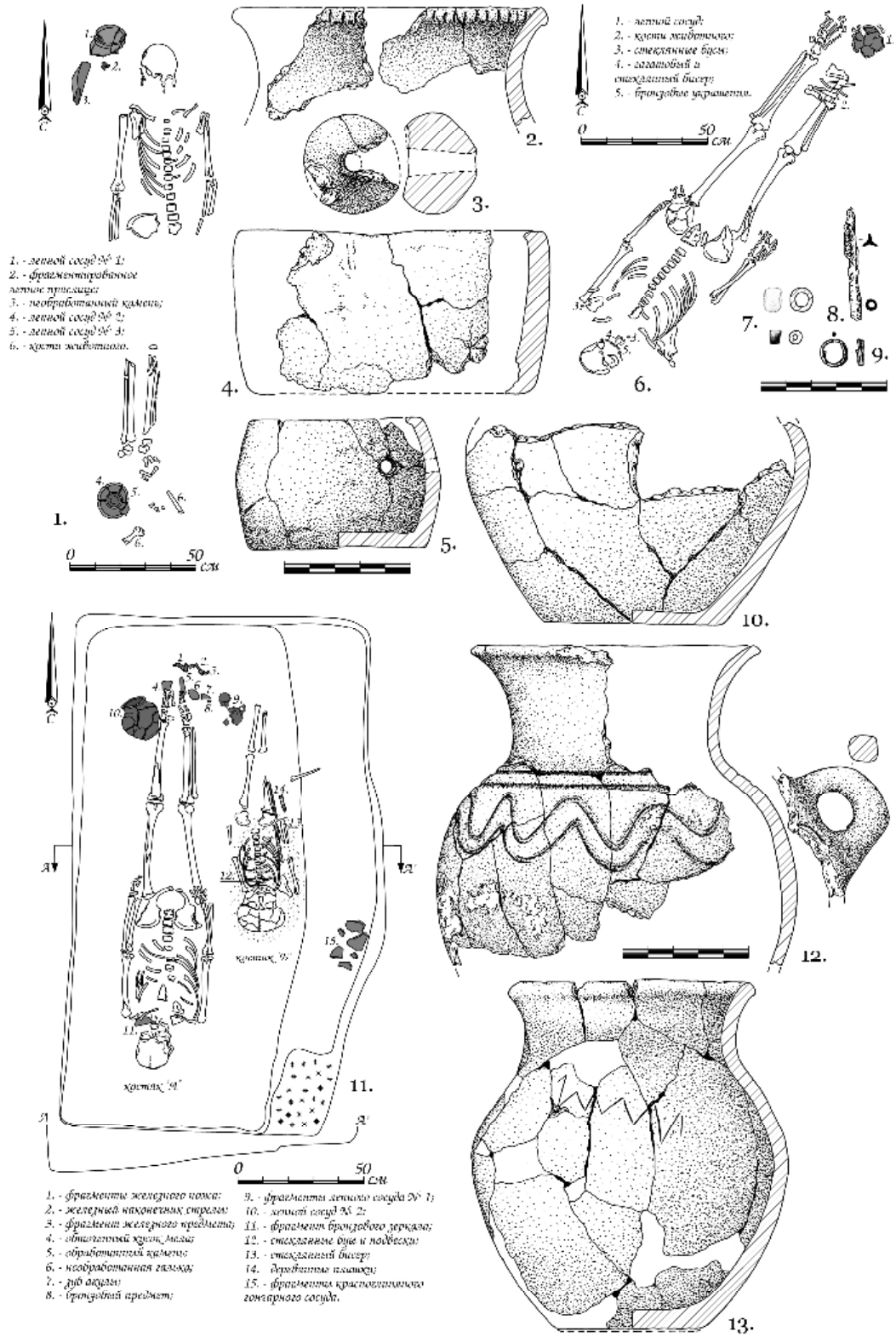


Рис. 1. Курганный могильник "Ажинов I", курган 1. Погребение 4 (1 - план погребения, 2 -5 - инвентарь погребения); погребение 5 (6 - план погребения, 7-10 - инвентарь погребения); погребение 8 (11 - план погребения, 12-13 - инвентарь погребения).

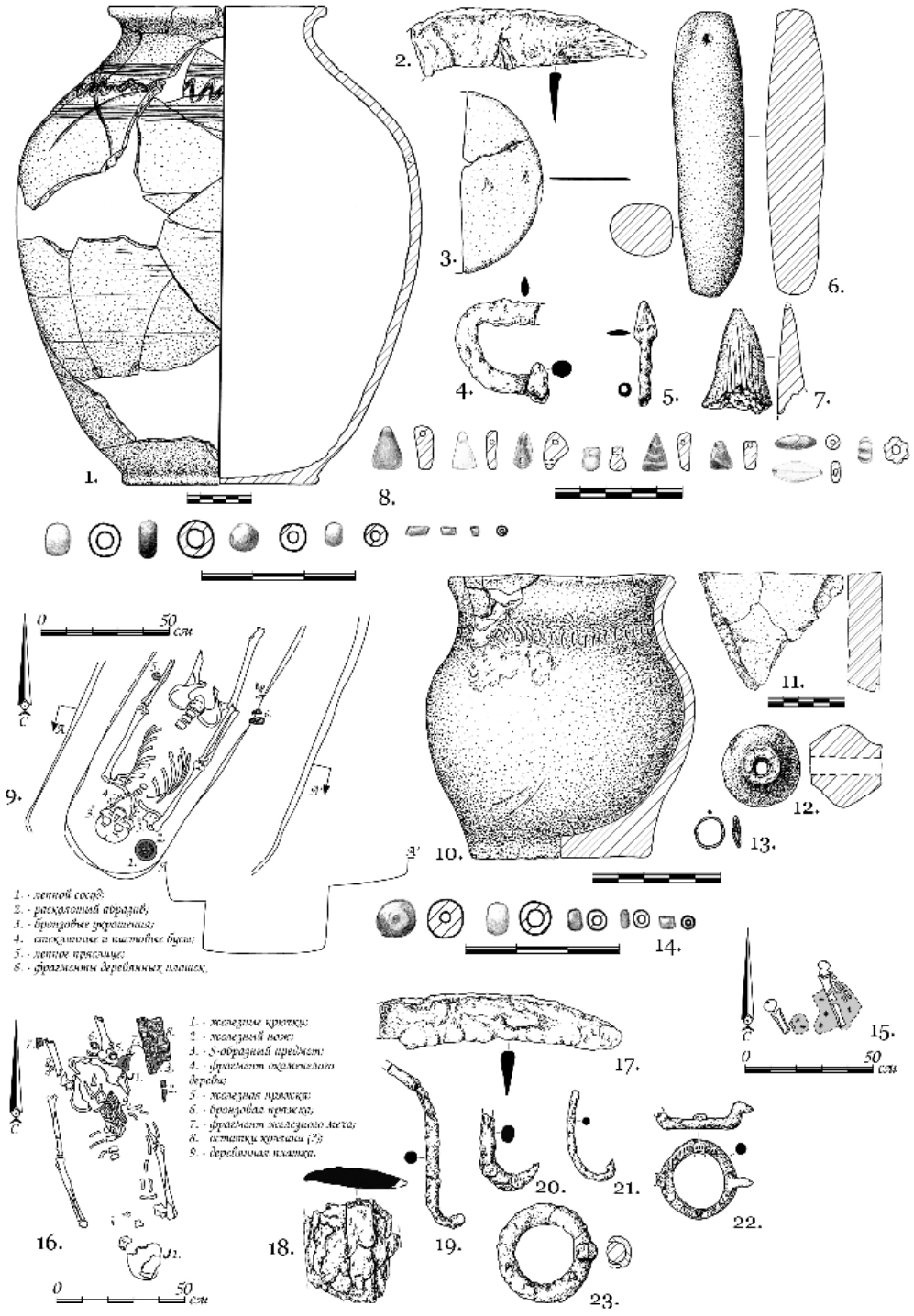


Рис. 2. Курганный могильник "Ажинов I", курган 1. Погребение 8 (1 -8 - инвентарь погребения); погребение 11 (9 - план погребения, 10-14 - инвентарь погребения); погребение 15 (15 - план погребения); погребение 16 (16 - план погребения, 17-23 - инвентарь погребения).

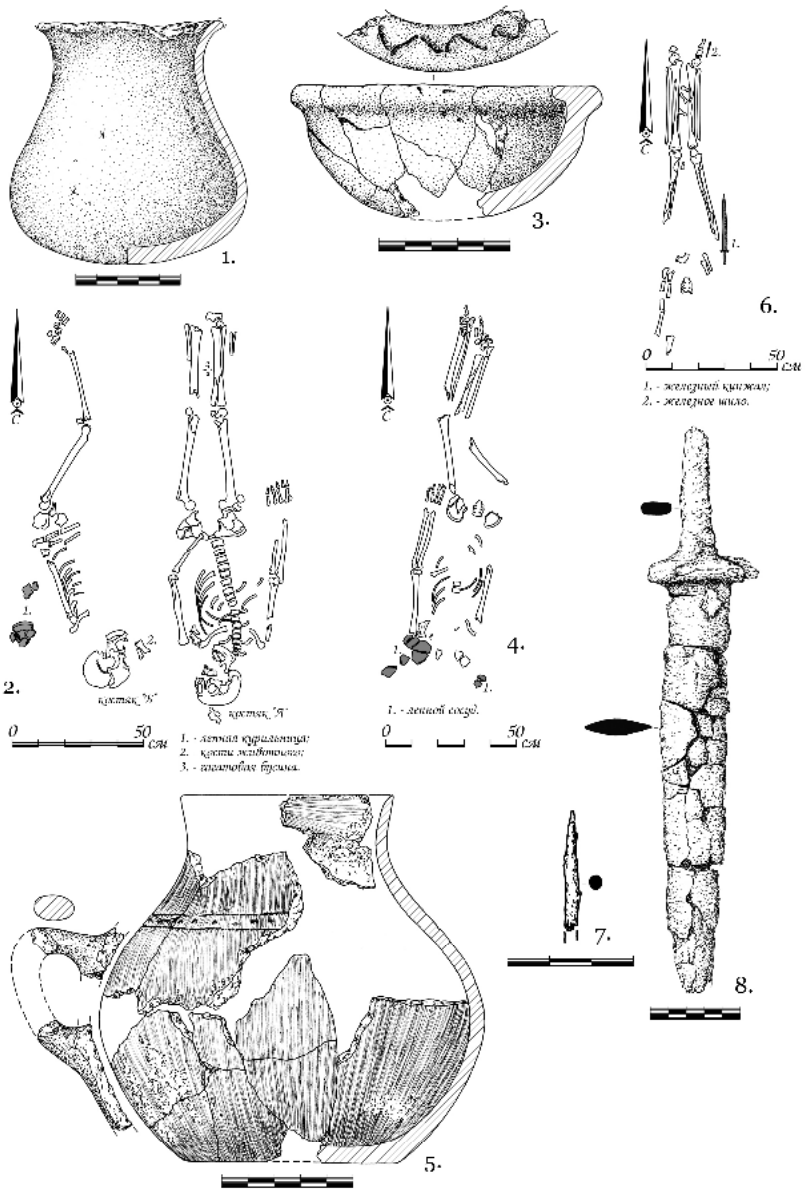


Рис. 3. Курганный могильник "Елкинский I", курган 1. Погребение 1 (1 - план погребения, 2 - инвентарь погребения); погребение 7 (3 - план погребения, 4 - инвентарь погребения); погребение 8 (5 - план погребения, 6-7 - инвентарь погребения).

Под восточной стенкой, на ступеньке находился сильно фрагментированный красноглиняный гончарный сосуд (рис. 2, 1). $Д^{в}$ – 17 см; $Д^{т}$ – 31,5 см; $Д^{д}$ – 14,5 см; Н – 35,5 см. Венчик короткий, валикообразный, отогнутый наружу. Тулово яйцевидное. Переход нижней части стенки в плоскость дна оформлен аккуратным скругленным рантиком. По плечикам сосуд украшен врезным орнаментом, нанесенным 5-зубчатой гребенкой, составляющим две зоны горизонтальных линий, между которыми располагается частая горизонтальная волна. В одном месте нижний ряд линейного орнамента пересекает размашистый косой крест, нанесенный на сосуд еще по сырой глине до обжига.

Погребение 11. Расположено в 4,56 м к ЮЮВ от Ro. Могильная яма подовальной формы, длинной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Длина – не менее 1,16 м, ширина – 0,93 м. По краям ямы были зафиксированы довольно широкие заплечики. Заплечики резко, под прямым углом переходят в узкую камеру, ширина которой – 0,45 м. Кое-где на заплечиках фиксировались фрагменты деревянных плашек – остатки перекрытия. На юго-восточной стенке ка-

меры удалось проследить следы от орудия, которым копалось погребение – это была плоская, заостренная палочка шириной в 2,5 см, которой действовали по направлению сверху вниз, откалывая куски грунта.

По центру камеры вытянуто на спине, головой на ЮЗ лежал костяк женщины 35–45 лет. Череп лицевой частью обращен вверх (рис. 2, 9).

Инвентарь состоял из посуды и украшений. Около черепа находился небольшой лепной сосуд (рис. 2, 10). $Д^{в}$ – 8,7 см; $Д^{т}$ – 10,5 см; $Д^{д}$ – 7 см; Н – 11 см. Тулово шаровидной формы, с довольно резким перегибом сужается к придонной части. По шейке сосуд орнаментирован горизонтальным слабо изогнутым рядом ногтевых вдавлений, на одной половине сосуда имеющих изгиб вправо, на другой – влево. В сосуде было обнаружено 5 фрагментов разбитого песчаникового абразива, три из которых склеились между собой (рис. 2, 11). Фрагменты со следами обожженности, покрытые сажей. Толщина – 2,2 см.

Украшения представлены височными кольцами, найденными около правой лопатки и у левой височной кости погребенной (рис. 2, 13). Изготовлены они были из округлой в сечении проволоки, судя по всему в 1,5-2 оборота. Диаметр кольца – 1,1 см, диаметр сечения – 0,15–0,2 см. Также под нижней челюстью было зафиксировано скопление бус, составлявших, по-видимому, ожерелье (рис. 2, 14). Оно состояло из коротко цилиндрического рубленого стеклянного бисера различных цветов – черного глухого стекла (34 ед.), светло-синего и голубого полупрозрачного стекла (16 ед.), светло-коричневого прозрачного стекла (6ед.), коротко цилиндрического пастового бисера бирюзового цвета (10 ед.), коротко цилиндрических гагатовых бус (5 ед.), округлых поперечно сжатых бус прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой (4 ед.) и округлой бусины синего прозрачного стекла с орнаментом в виде нанесенных на ядро трех колец желтого глухого стекла.

Помимо этого, у левой локтевой кости погребенной, было найдено лепное пряслице усечено-биконической формы (рис. 2, 12). Диаметр – 3,2 см, длина – 2,9 см. Оно находилось выше уровня залегания костей, поэтому можно предположить, что оно скатилось с заплечика.

Погребение 15. Расположено в 1,54 м к ЮЗ от Ro. Погребение было сильно порушено современной хозяйственной деятельностью. Поэтому культурно-хронологическая принадлежность его определена несколько условно. От погребения осталось фрагменты верхних концов бедренных костей и фаланги пальцев рук взрослого мужчины. Судя по расположению этих костей, погребенный лежал на спине, вероятно, вытянуто, ориентированный по линии СЗ-ЮВ, головой обращенный к СЗ. Под костями были прослежены темно-коричневые пятна плотного, возможно утрамбованного тлена, покрытого тонким углистым слоем. Инвентарь в погребении отсутствовал (рис. 2, 15).

Погребение 16. Расположено в 0,95 м к З от Ro. Погребенный взрослый (скорее всего мужчина) 25–30 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. На грудной клетке погребенного фиксировались остатки деревянных плащек, видимо оставшихся от перекрытия (рис. 1, 16).

Инвентарь представлен преимущественно элементами амуниции. Так, около черепа и правого локтя лежали крючки, дугообразно изогнутые в нижней части, концы которых резко завернуты внутрь и заострены (рис. 2, 20–21). Сохранившаяся длина – 3,5–3,1 см, толщина – 0,7–0,3 см.

К В от костей предплечья правой руки находился железный нож с утраченным черешком (рис. 2, 17). Спинка слегка изогнута, лезвие прямое, скошенное в сторону спинки, отделено от черешка рукояти небольшим выступом. Длина – 9,5 см, ширина – 1,8 см. К С от ножа был прослежен тлен от довольно широкой деревянной плашки или куска коры размерами 22х10 см. Возможно, это остатки колчана, хотя наконечников стрел в нем не содержалось. В южной части этого тлена были зафиксированы сваренные ржавчиной фрагменты железных предметов, в результате реставрации которых удалось склеить фрагментированный S-образно изогнутый железный стержень, округлый в сечении (рис. 2, 19). Один конец изделия обломан, другой оформлен в виде небольшого округлого утолщения. Длина – 6,5 см, толщина – 0,7 см. В южной части деревянного тлена, среди фрагментов железа, а также у левой бедренной кости были обнаружены фрагменты железного меча (2 ед.) (рис. 2, 18). Восстановить форму и длину изделия затруднительно. Скорее всего, лезвие имело линзовидное сечение, шириной около 3,8 см, толщиной около 1 см.

Вплотную к ЮВ от головки правой бедренной кости погребенного находилась круглая железная пряжка с подвижным язычком, округлая в сечении (рис. 2, 23). Язычок был утрачен,

однако осталось его крепление, толщиной в 0,2–0,3 см, плотно прилегающее к рамке. Диаметр рамки – 3,8 см, толщина – 0,8 см. Рядом находилась еще одна бронзовая округлая пряжка с неподвижным язычком (рис. 2, 22). Пряжка литая, украшена сверху тремя декоративными выступами, обломанными в древности, расположенными друг напротив друга. Пространство между ними украшено небольшими и неглубокими частыми насечками, расположенными по диагонали. Язычок выполнен в виде небольшой стилизованной птичьей головки. Диаметр рамки – 3,1 см, толщина – 0,4 см, высота язычка – 1,0 см. Около пряжек, вплотную к правой подвздошной кости в пятне зеленоватого органического тлена (6х5 см) лежал фрагмент древнего окаменелого дерева, вероятно лежавшего в мешочке. Длина – 4,4 см, ширина – 1,6 см.

Ситуация 3. Небольшой круглодонный неорнаментированный лепной сосуд (рис. 3, 1). Венчик сосуда был утрачен или специально оббит в древности, о чем свидетельствует слегка заглаженное место скола. $Д^{в}$ – 8,8 см; $Д^{т}$ – 11,5 см; Н – 11,2 см. Грушевидное тулово с круглым дном плавно переходит к невысокому, значительно отогнутому наружу венчику. Возможно, он относится к одному из нарушенных погребений этой поры в центре кургана.

В к/м «Елкинский I» обнаружено три комплекса этого же периода:

Погребение 1. Расположено в 10,9 м к В от Ro. Погребение парное – похоронены женщины 35-45 лет (рис. 3, 2). Восточный костяк – костяк «А» расположен вытянуто на спине, головой ориентирован на Ю. Костяк «Б» располагался параллельно костяку «А», к западу от него, на правом боку, также головой ориентирован на Ю. Лицевая сторона черепа обращена в сторону костяка «А».

К З от плеча костяка «Б» находилась фрагментированная маленькая круглодонная лепная курильница (Рис. 3, 3). $Д^{в}$ – 11,5 см; $Д^{т}$ – 10,4 см; Н – 5,2 см. Полусферическое тулово с круглым дном постепенно расширяется к верху и с небольшим, слабо заметным изгибом переходит в невысокий, но массивный венчик. Верхний край венчика сильно уплощен. По нему курильница украшена прочерченным зигзагообразным орнаментом, выполненным округлой палочкой. Перед лицевой частью черепа костяка «Б» лежала фаланга ноги лошади. Между берцовыми костями костяка «А» была найдена коротко цилиндрическая гагатовая бусина.

Погребение 7. Расположено в 5,6 м к ЗЮЗ от Ro. Костяк женщины (?) 17–25 лет лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на ЮЮЗ (Рис. 3, 4).

Инвентарь состоял из сильно фрагментированного лепного сосуда, расположенного к З от черепа погребенной (рис. 3, 5). $Д^{в}$ – 8,2 см; $Д^{т}$ – 14,7 см; $Д^{д}$ – 8 см; Н – 14 см. Венчик прямой, слегка отогнут наружу, верхний край приострен. Тулово приземистой грушевидной формы. Сосуд, вероятно, имел небольшую петлевидную овальную в сечении ручку, крепившуюся на участке максимального диаметра сосуда. По плечику сосуд был украшен двумя прочерченными горизонтальными полосками, между которыми находятся тычки, выполненные тонкой палочкой подовальной формы. Внешняя поверхность сосуда, в том числе и орнамент, была полностью покрыта вертикальным лощением.

Погребение 8. Расположено в 5,0 м к ЗЮЗ от Ro. Костяк взрослого мужчины (?) лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на Ю (рис. 3, 6).

Инвентарь представлен железным кинжалом, расположенным вплотную к правой бедренной кости, острием направленный на С (рис. 3, 8). Меч сохранился не полностью – конец лезвия был обломан, вероятно, также было утрачено и навершие. Длина сохранившейся части лезвия – 23 см, длина всего меча – 31,8 см, ширина лезвия – 3,7 см. Меч имел прямое перекрестье и брусковидную ручку, подпрямоугольную в сечении. Лезвие в сечении линзовидное. Около правой ступни погребенного лежало фрагментированное железное шило (рис. 3, 7). Длина – 2,6 см, диаметр сечения 0,3 см.

Уже из описания погребального обряда становится понятно, что перед нами классические раннесарматские комплексы. Впущенные в курганы в определенном порядке, с «гуляющей» ориентировкой, они составляли характерные для этого периода могильники, типичным вариантом которых можно признать к. 1 к/м «Ажинов I». Этому выводу на первый взгляд не противоречат и датировки инвентаря из найденных погребений, соотносящиеся со временем бытования раннесарматской культуры на Нижнем Дону.

Основная масса предметов из погребений к/м «Ажинов I» и «Елкинский I» имела распространение в пределах конца III–I в. до н.э[1]. Именно такой датой исследователи ограничивают период кочевания на Нижнем Дону раннесарматских племен[2].

Однако, некоторые предметы инвентаря являются не совсем характерными для прохоровской культуры нижнедонского региона, в частности ряд предметов из п. 8 к/м «Ажинов I», сосуд из п. 7 к/м «Елкинский I». Лепные кружки из этих погребений имеют больше сходства с предкавказской керамикой, нежели с местной. Также не найдено аналогий среди нижнедонских материалов и красноглиняному гончарному сосуду из ажиновского кургана. Достаточно редкой находкой считается найденный в том же погребении плоский втульчатый железный наконечник стрелы. Подобные наконечники были встречены в погребениях к/м у х. Шолоховский и у х. Кащеевский, которые датируются в пределах конца V – начала III в. до н.э[3]. Как видно, на Нижнем Дону они бытовали несколько раньше, нежели были сооружены исследованные нами комплексы. И, тем не менее, некоторые исследователи считают такой тип наконечников стрел характерным именно для кочевников, от них же происходящий[4]. Причем отмечается, что в Прикубанье и на Кавказе плоские втульчатые железные наконечники стрел встречаются до I в до н.э[5].

Интересно также обратить внимание на факт помещения закопченных кусков расколотого абразивного камня в сосуд, отмеченный в п. 11 к/м «Ажинов I». Подобного ритуала в нижнедонских раннесарматских комплексах не фиксируется, за исключением одного случая – в п. 20 к. 3 к/м «Алитуб», где был найден лепной сосуд с золой, 2 гальками и 4 кусками песчаника. Как представляется, здесь можно провести параллели со схожими ритуальными обрядами, имевшими распространение в сарматское время в Предкавказье и на Кавказе.

Все это подталкивает на мысль о том, что раннесарматские погребения из к/м «Ажинов I» и «Елкинский I» входят в круг нижнедонских погребений, имевших близкое сходство с сарматскими памятниками Предкавказья и являются результатом проникновения сиракских этнических групп в среду сарматов Нижнего Подонья[6] и датируются в пределах II–I вв. до н.э.

Н.Б. Скворцов
(ВГПУ, г. Волгоград)

САВРОМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ШЛЯПА»

В 2001 г. в Заволжье, на территории Николаевского района Волгоградской области экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета в процессе охранных археологических раскопок курганного могильника «Шляпа» под двумя насыпями были обнаружены погребение и, вероятно, ритуальная площадка, относящиеся к савроматскому времени.

Открытие новых памятников расширяет наши представления об ареоле обитания этой культуры на территории данного района и в Волгоградской области. Курганный могильник

---

[1] Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982; Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. : дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2008; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963; Скрипкин А.. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990; Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

[2] Глебов В. П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Волгоград, 2007. Вып 2; Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.. 1983.

[3] Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984, С. 139, 151.

[4] Ворошилов А. И., Медведев А. П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 81.

[5] Абрамова М. П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 275; Шевченко Н. Ф. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. Вып. 1. С. 43–44.

[6] Глебов В. П. Сарматы Юга Ростовской области (о различных вариантах раннесарматской культуры) // Северных Кавказ и кочевой мир степей Евразии : V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001. С. 61–64.

«Шляпа» расположен в северо-восточной части Николаевского района, на водоразделе, в 2,7 км на юго-запад от поселка Рассвет, в 3,95 км на восток от автомобильной дороги «Николаевск – Бережновка, на пашне. Отметка высоты кургана на карте, по конфигурации напоминающего «шляпу», «45,8». К савроматскому времени относились курганы 1 и 2 из числа раскопанных (из 9 памятников раскопано 4). Курган № 1 (высота 0,89 м; диаметр 12,26 м) находился в 40 м на восток, северо-восток от кургана, по виду которого назван могильник. Под распаханной насыпью, выше выкида из ямы погребения 1, прослежены остатки деревянных плах уложенных в виде шатра. Под ними было вскрыто одно захоронение, ограбленное в древности. Сгнившие деревянные жерди встречены по всему периметру от ямы погребения к краю насыпи. Под «0» отметкой, в центральной части памятника, находилась яма округлой формы размером 4 х 4,38 м и глубиной 2,35 м. В ЮЗ части этого погребального сооружения была открыта ниша высотой 0,7 м, шириной 1,62 м, уходившая в материк на расстояние 0,32 м в юго-западном направлении. На дне этой части погребения встречены угли от костра. Погребение ограблено и разрушено. Кости скелета отсутствовали. Из предметов могильного инвентаря на дне ямы у южной стенки найден патинизированный бронзовый, трехлопастной, втульчатый наконечник стрелы длиной 2,3 см. Недалеко от него встречен фрагмент бронзовой пластинки с отверстием (размер: 1,8 х 1,22 х 1,2 см) (рис. 1).

Курган 2 (высота 2,64 м; диаметр 22,4 м) находился в 190 м на восток от кургана №1 и в 247 м на восток от высоты «45,8». Вокруг круглой, в плане формы, насыпи фиксировался хорошо выраженный кольцевой ровик глубиной от 0,93 м до 1,62 м и шириной от 5,1 м до 6,45 м, заросший кустами шиповника. В центре насыпь была нарушена ямой глубиной 0,8 м от современной поверхности (рис. 2).

При снятии насыпи, в ее центральной части, на уровне древнего горизонта прослеживался зольник от костра мощностью до 0,26 м, состоявший из слоя углей от небольших стволов деревьев лиственных пород и веток. В некоторых местах земля прокалена и имела ярко красно-оранжевый цвет.

После снятия насыпи на уровне древнего горизонта и в материке были отмечены пятна округлых ям, заполненных землей, которая была перемешана с углями. На площади 6,88 м х 9,2 м было выявлено 30 ям размером от 0,3 м до 0,7 м глубиной до 0,5 м. 29 из них располагались друг от друга на расстоянии от 0,09 м до 0,68 м и образовывали круг эллипсовидной формы. Одна из них на юге вынесена за пределы образовавшейся площадки (яма № 26). 30-я располагалась в центральной части этой ограниченной ямками площади с небольшим смещением к югу и переходила в углубление неправильной формы, находившееся ниже древнего горизонта на 0,6 м и имевшую длину 1,98 м и ширину 1,23 м. В засыпи этой ямы у ее юго-западной стенки были встречены кальцинированные фрагменты черепа человека и обломки нижней челюсти. Скелет человека и могильный инвентарь в этом углублении отсутствовали (рис.3). К захоронению этот комплекс можно отнести, но отсутствие погребальной ямы заставляет задуматься.

Возможно, это был культовый памятник, связанный с ритуалом, когда использовался огонь, который уничтожил надмогильную конструкцию. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесного угля, взятых из остатков кострища данного памятника, по заключению лабораторий ИГАН (2519, 2520) и NSF-Arizona AMS Laboratori (AA 43112; AA 43113) позволяют отнести его сооружение к савроматскому времени, т.е. хронологические рамки существования памятника определены двумя независимыми экспертизами и относятся к VI в. до н.э.

В 1954 г. при раскопках погребения 9 из кургана 5 II Бережновского могильника (Бережновка, южная группа) И.В. Синицыным отмечался ритуал с использованием мощного жертвенного кострища. Но, как и в нашем случае, погребение было разрушено в древности и детали ритуала до конца выяснить не удалось[1].

[1] Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА 78. М., 1960. С. 114, 155.

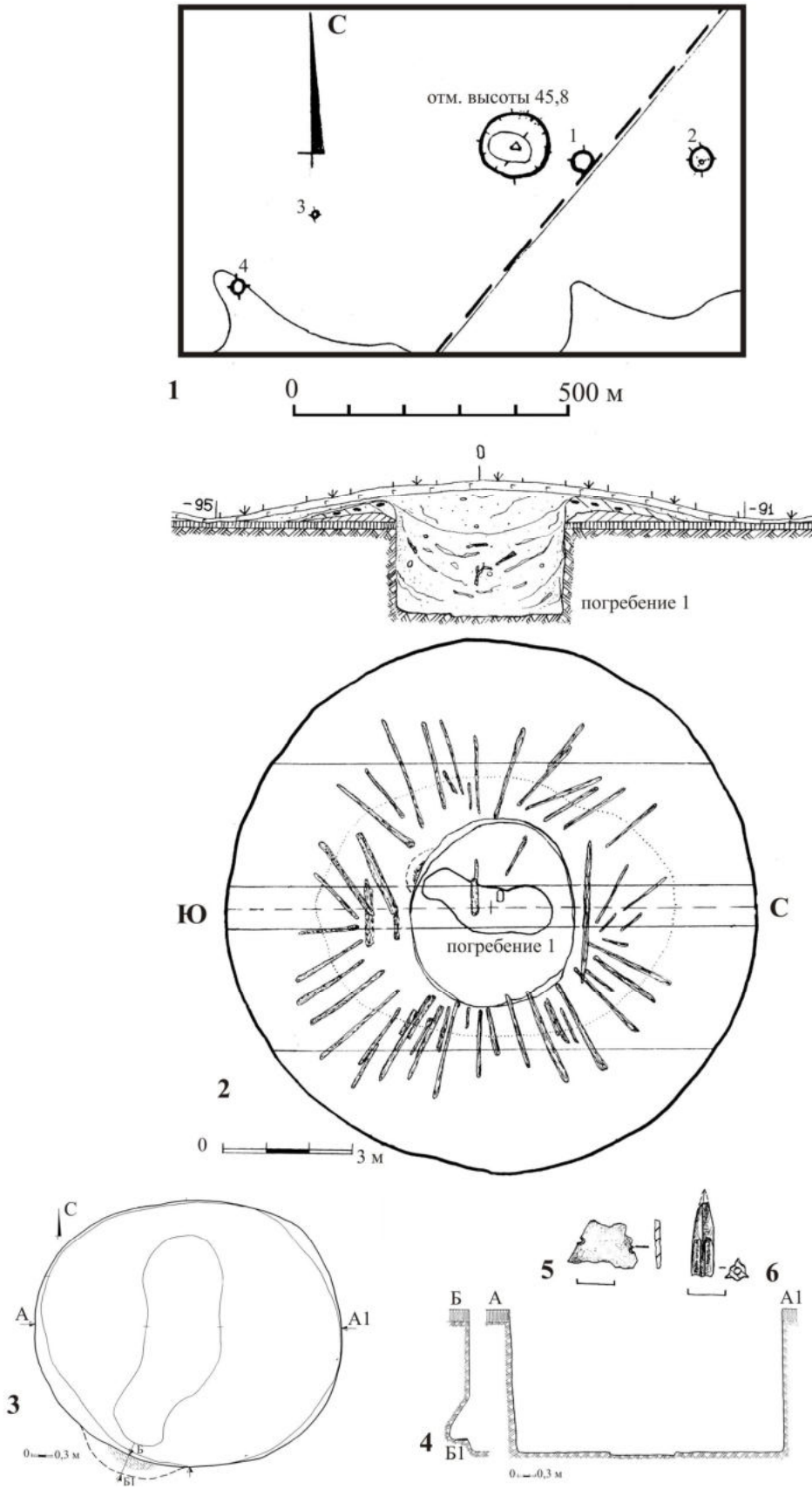


Рис. 1. Курганный могильник Шляпа

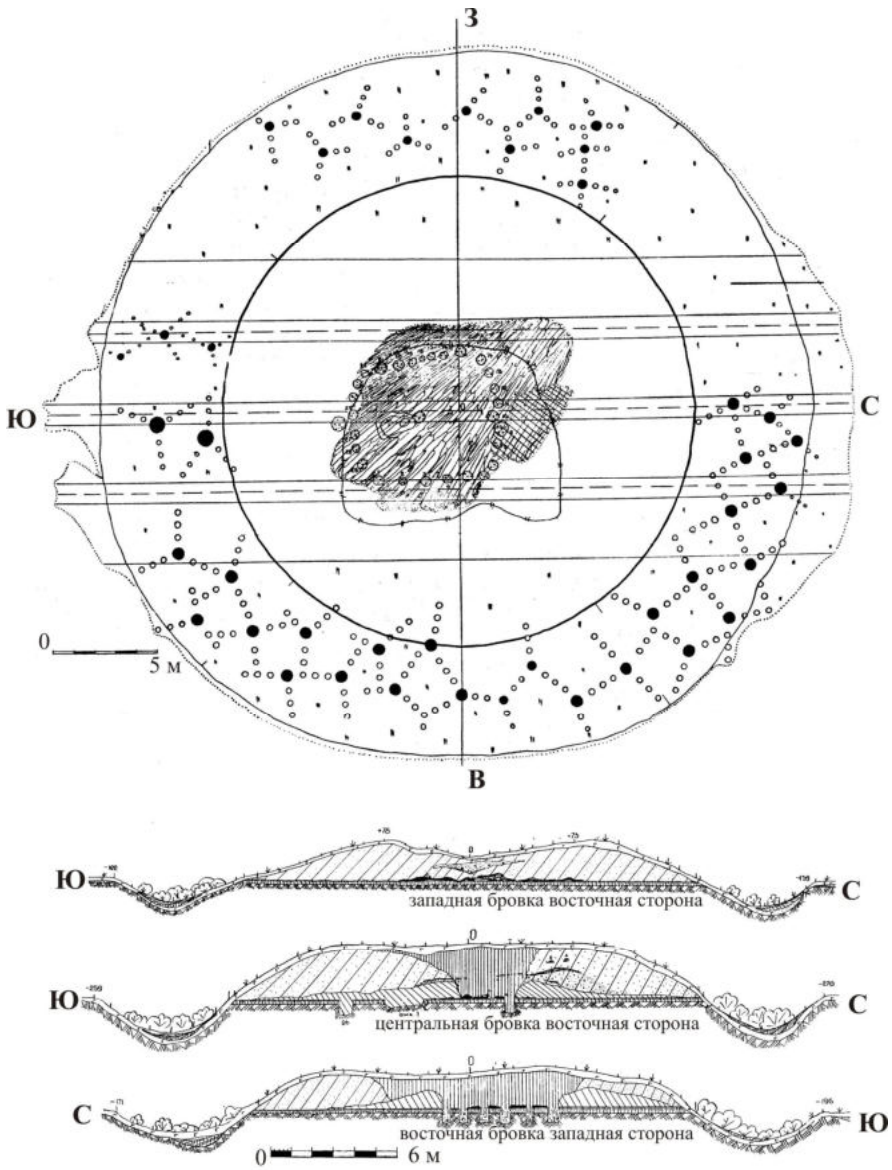


Рис. 2. Курганный могильник Шляпа. Курган 2. План

В кургане 2 курганного могильника «Шляпа» оставшиеся ямы, вероятно, были из-под столбов врытых и поставленных в виде частокола. На них, как мы можем предположить, уложили плахи, жерди, ветки, которые накрыли кугой и травой, т.е. был сооружен помост. Позже это сооружение было полито или поливалось раствором или жидкостью, в которой присутствовали маслянистые вещества (северная и северо-восточная части помоста), остатки которых зафиксированы на углях жердей и веток.

О том, что применение огня использовано в погребальном обряде, мы наблюдаем на нашем памятнике. В первую очередь – это сожжение деревянного сооружения надмогильной конструкции, деревянная основа которой уничтожена полностью. Об этом свидетельствуют следы огненной деятельности: уголь, зола, прокал как древнего горизонта, так и насыпной части кургана. Почва под помостом и насыпь частично слабо прокалены. Но, дерево сожжено полностью. В наличии был только древесный уголь и пепеловидная масса в верхней части вскрытой площади. Остатков обугленного обгоревшего дерева не встречено. Кострище не потревожено. Но при этом, остатков поминальной тризны не наблюдалось (битой посуды, костей животных). Это свидетельствует о том, что надмогильная конструкция горела до сооружения насыпи кургана, так как практически полное сгорание возможно лишь при постоянном доступе воздуха. Если это так, то сожжение, разведение огня «на» деревянной конструкции или под ней являлось частью погребального ритуала. Была ли в данном случае кремация погребенного мы

утверждать не можем. Но, фрагмент обугленной части нижней челюсти и несколько небольших кальцинированных фрагментов черепа позволяет нам предположить, что здесь произведена полная кремация тела умершего (?). Могильной ямы не наблюдалось. Вероятно, имеющиеся в центральной части площадки углубление и, так называемые, очажки, ямы вокруг него в количестве 30 штук, являлись местом, куда были сметены, собраны продукты горения и кремации (заполнение ям представляло смесь почвенных пород, углей, пепла).

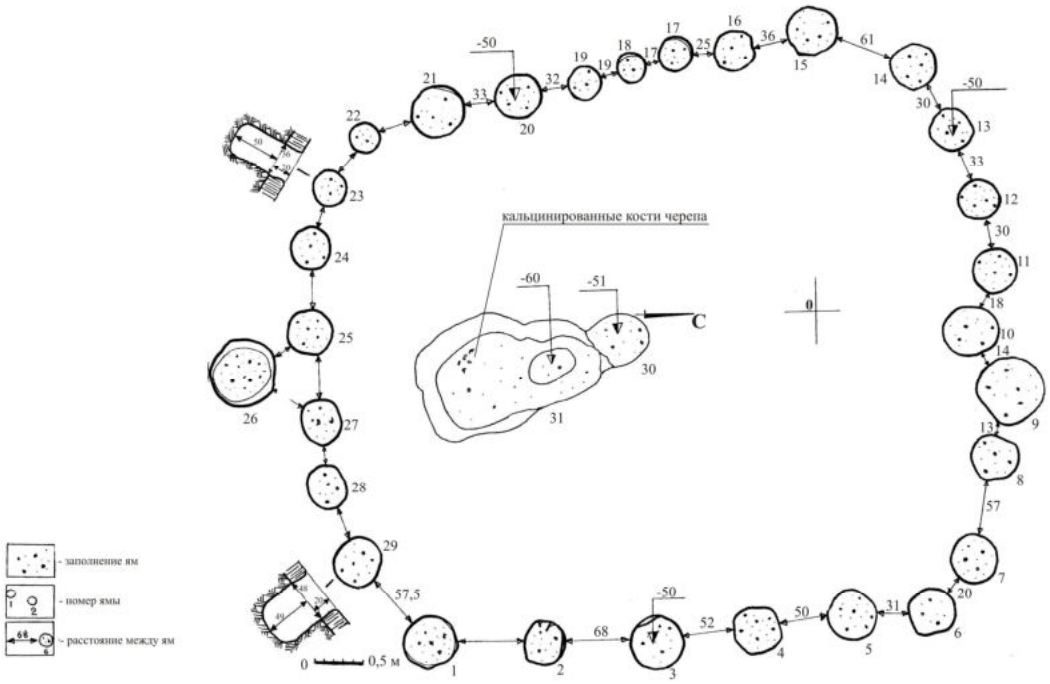


Рис. 2. Курганный могильник Шляпа. Курган 2. План ритуальной площадки

В работах П.Д. Рау, раскопки которого проводились севернее и восточнее анализируемого объекта во второй половине 20-х гг. XX в., рассматривалась группа памятников – курганы с кострищами. В них автор отмечал, что ритуал кремации чужд сарматам, хотя при этом в остатках кострищ встречались вещи, которые относились к сарматской культуре и имели место остатки жертвоприношения[1].

К.Ф. Смирнов подметил у савроматов ярко выраженные черты культа огня. Им отмечались поминальные костры, которые жглись у края свежевырытой могилы, или над могилой до возведения насыпи, на могильных перекрытиях и на курганных насыпях. В качестве еще одного аргумента К.Ф. Смирнов упоминает единичные случаи трупосожжения, однако, это, скорее можно объяснить многоплеменной структурой носителей исследуемой археологической культуры[2].

Памятники, в которых встречены признаки «культа огня», имели место у многих исследователей[3], но аналогичных комплексов вскрытому мы не встречаем.

[1] Рау П. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1928. Т. 4. С. 431–435.

[2] Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 96–97, 99.

[3] Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. М., 1959; Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 96–97, 99; Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 105; Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, С. 19–21; Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 93–94; Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. М., 1979. Т. 9. С. 31–32; Вишневская О. В. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973; Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Возможно, в нашем примере речь может идти о святилище. Это позволяет говорить округлая форма насыпи, большое количество ям, образующих, практически, прямоугольник на уровне древнего горизонта, а также остатки большого кострища со следами маслянистых веществ. Можно предположить, что действие святилища связано с похоронно-поминальным обрядом, об этом говорят нами встреченные небольшие фрагменты кальцинированных костей черепа человека, кремация которого, по всей видимости, произведена на стороне. Но, даже имеющиеся материалы не позволяют нам отнести этот археологический памятник к святилищам, так как рядом с исследованным курганом, на небольшом расстоянии от него, находятся еще несколько подобных, но более крупных. Хотя, возможно, они образуют ансамбль святилищ, каждое из которых имело свое специфическое обрядовое назначение.

Сожженные надмогильные конструкции, отсутствие находок, как у исследователей этого района прошлых лет, так и у нас, дает повод для дальнейшего проведения исследовательских работ на аналогичных памятниках с целью выяснения и изучения подобного погребального ритуала у савроматских племен.

А.С. Скрипкин
(ВолГУ, г. Волгоград)

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ САРМАТОВ[1]

С начала открытия первых сарматских памятников А.А. Спицыным, В.А. Городцовым, Н.И. Веселовским прошло уже более ста лет. В связи со спецификой археологической науки, специалисты, занимавшиеся сарматскими древностями, изучали преимущественно материальную культуру: разрабатывали типологию различных категорий вещественного материала, определяли даты отдельных типов, разных памятников, выявляли периоды развития сарматской культуры. Но весьма редко исследователи обращаемся к вопросам социально-политической организации сарматов. Понятно, что проблемы этого круга не являются непосредственным предметом археологии. Это задача больше исторической науки, политологии, или политической антропологии, последний термин сейчас все больше входит в обиход в нашей литературе.

Раньше предгосударственные общества традиционно относили к военно-демократическим. Этот термин широко использовался в марксистской литературе. Считалось, что период военной демократии характеризовался постепенной трансформацией родовых отношений в государственные институты. В настоящее время достаточно широко для рассматриваемого периода используется оказавшийся более универсальным термин – «вождество», получивший распространение в англоязычной литературе. Впервые в отечественную науку он был введен А.М. Хазановым в 70-е г. прошлого века[2].

К настоящему времени имеется большое количество исследований, посвященных политической организации кочевых обществ (Р. Адамс, К. Ренфрю, Т. Барфилд, А.М. Хазанов, Н.Н. Крадин и др.) Исследователи сформировали ряд общепринятых положений относительно рассматриваемой проблемы. Они сводятся к следующему: 1) потребность в государстве не была внутренне необходима кочевникам. Занятость зависимого труда в кочевом скотоводстве минимальна, она не требует создания специальных институтов для его организации; 2) образование государственных структур у кочевников вызывается внешними причинами: подчинением и удержанием в зависимости других народов, особенно оседлых; нахождением в постоянных враждебных отношениях со своими соседями. Эти причины требуют повышенной централизации кочевых обществ; 3) такие централизованные кочевые общества внешне выступают как государства, по отношению к другим, внутренние же отношения в таких обществах определялись родовыми традициями.

[1] *Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 09-01-2010а /В*
[2] Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

Кочевые империи имели автократический и государственный вид со стороны, но оставались коллективистскими и племенными внутри[1].

Изучение развития общественных отношений у кочевников выявило несколько степей их политической организации: простые вождества, сложные вождества, ситуационные вождества и суперсложные вождества[2].

Простые и сложные общества, как правило, гомогенны. Сложные вождества могут состоять из близкородственные племенных групп, численность населения, которых может достигать порядка нескольких десятков тысяч человек.

Ситуационные и суперсложные общества – полиэтничные, последние могут состоять из нескольких сотен тысяч человек. Ситуационные вождества могут объединять сложные общества для решения какой-нибудь конкретной задачи и после ее решения распадаться. За суперсложными вождествами закрепилось название «кочевых империй». Классическим примером такого суперсложного вождества в рассматриваемое время является кочевая империя хунну. Показателен пример ее образования. Хунну – северные соседи Китая. Период V–III вв. до н.э., именуемый «Сражающиеся царства», в истории Китая характеризовался раздробленностью. В 221 г. до н.э. происходит объединение Китая под эгидой Циньской, а затем Ханьской династий. Китай на многие века превращается в централизованную империю.

Хунну в период раздробленности Китая также не были едины. Их объединение происходит вслед за объединением Китая, как реакция на это событие. Если раньше с различными царствами Китая могли иметь дело отдельные группировки кочевников, то после централизации Китая им необходимо было объединять свои силы, чтобы успешно противостоять ему в достижении своих целей.

Этот пример обычно приводится при формулировании еще одной закономерности, связанной с централизацией кочевников, которая звучит следующим образом: «степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации».

В степных империях власть опиралась на авторитет верховного правителя, у них не было легитимного аппарата принуждения. Не было в кочевых империях и налоговой системы. Они существовали в основном за счет двух источников доходов: собственного хозяйства – скотоводства и внешних источников – временной или постоянной дани с подчиненных или в разной степени зависимых народов и контроля за торговыми путями. Кочевники, как правило, не стремились к завоеванию и уничтожению земледельческих обществ, они удовлетворялись данью или подарками. Основной прибавочный продукт кочевники получали со стороны. Вождь обладал важной функцией распределения этого продукта. Регулярность его поступления определяла прочность центральной власти и всего объединения в целом. Взаимоотношения хунну и Китая хорошо освещены письменными источниками. За длительный период соседства хунну совершали неисчислимым количеством набегов на территорию Китая. Все они происходили по одному и тому же сценарию. Набег завершался заключением мирного договора, по которому Китай должен был откупиться от нападающих.

К сожалению, письменные источники практически не дают каких-либо прямых свидетельств о политической организации сарматов. У античных авторов упоминаются сарматские цари, царицы, скептухи, но о самой структуре политической власти сведений мы, практически, не имеем.

Очевидно, что не следует говорить о политическом устройстве сарматов как едином народе. Этноним «сарматы» на протяжении большей части их истории являлся собирательным. Отдельные подразделения сарматов в разное время являлись в политическом отношении самостоятельными.

Возможно, на раннем этапе их истории сарматы были едины. Например, Полибий упоминает сарматского царя Гатала в связи с договором ряда понтийских государств, заключен-

[1] Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб., 2009. С. 38–43; Крадин Н. Н. О природе «кочевых империй». Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 321.

[2] Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 370; Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

ным в 179 г. до н.э. (Всеобщая история, XXV, 2). Это одно из ранних упоминаний о сарматах. Причем Гатал упоминается как наиболее значимая фигура по сравнению с «автономными общинами» Гераклеей, Херсонессом, Кизиком. Однако из этого весьма краткого сообщения, не понятно был ли Гатал царем всех сарматов или какого-то их подразделения. Вероятнее всего последнее, поскольку Гатал назван царем европейских сарматов, что предполагает существование и азиатских сарматов.

Ряд источников вполне определенно свидетельствует о том, что сарматы не представляли собой единого политического целого. Такие сведения мы находим у Страбона, который в описании народов Северного Прикаспия, Северного Кавказа и Северного Причерноморья использовал оригинальные источники III–I вв. до н.э. Между Меотидой и Каспийским морем Страбон поселял сираков во главе с царем Абеаком, аорсов с царем Спадином и верхних аорсов, царь которых не называется, но он явно подразумевался. Страбон указывает какой воинский контингент, могли выставить эти кочевые объединения. Сираки – 20 000, аорсы – 200 000, а верхние аорсы и того более (География, XI, V, 8). Если для сираков эти данные можно принять за близкие к реальным, то для аорсов и верхних аорсов они явно завышены. Анализ данных Страбона позволяет локализовать аорсов на левобережье Нижнего Дона. Если принять соотношение воинов к остальной части населения как 1 от каждых 5 человек, то все население аорсов должно составлять 1000 000 человек. Для такого относительно небольшого района такое количество кочевого населения человек не реально.

В этом отношении интересные данные дает этнографический материал по калмыкам, которые занимали гораздо больший регион: Поволжье, междуречье Волги и Дона. Калмыки занимали ту же экологическую нишу, что и сарматы и вели тот же, кочевой образ жизни. Количество всего калмыцкого населения с середины XVII по 1781 гг., до ухода значительной части калмыков в Джунгарию, колебалось вокруг 300 000 человек. Эти данные основаны на различных документах, в том числе и на переписях населения[1]. Это реальное количество кочевого населения, которое мог содержать такой экологический район, как Северный Прикаспий и Нижнее Поволжье. Надо полагать, что численность сарматских группировок, упомянутых Страбоном, и обитавших в том же районе, навряд ли превышала этот демографических показатель.

Таким образом, с I в. до н.э. на территории Нижнего Поволжья, в Подонье и Прикубанье обитало три самостоятельных в политическом отношении объединения кочевников, относимых к сарматам. Между Доном и Днепром обитало еще одно подразделение кочевников – роксоланы со своим правителем Тасием, в союзе с крымскими скифами, воевавшие с полководцем Митридата VI Диофантом.

Эти сарматские подразделения участвовали в политической жизни региона, которым являлось Юго-Восточная Европа, принимали участие в различных военных коалициях, совершали дальние военные походы. Но они никогда не выступали как единая политическая сила. Боле того часто воевали друг с другом. Это известные события сирако-арской войны середины I в. н.э., описанные Тацитом, когда сираки и аорсы оказались союзниками разных политических группировок, ведущих борьбу за власть на Боспоре.

Очень показательно в этом случае сообщение того же Тацита об участии сарматов в военном конфликте в Закавказье между Парфией и Арменией. Он сообщает, что сарматские скептухи «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той и другой» стороне (Анналы, VI, 36).

Все эти примеры свидетельствуют о том, что сарматам не удалось создать суперсложного вождества, именуемой кочевой империей, наподобие хуннской. У сарматов не было для этого необходимых условий. Для такого уровня объединения решающую роль должен был играть внешний фактор – наличие мощного политического объединения (государства), соперничество с которым потребовало бы объединения всех сарматских кочевых сообществ и создания более сложной их политической структуры[2].

Античные полисы Северного Причерноморья, с которым соседствовали сарматы, являлись небольшими государственными образованиями. Даже Боспорское царство по экономиче-

[1] Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. : учеб. пос. Элиста, 1997. С. 37; Он же. Последнее великое кочевье. М., 2003. С. 228–243.

[2] Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 363–366.

ским и политическим возможностям не могло идти ни в какое сравнение, например, с Ханьской империей, к тому же, по крайней мере, со времени Августа находившееся в зависимости от Рима. С такими политическими противниками могли успешно вести дела и отельные сарматские объединения.

С Закавказьем, где располагалось ряд государств, сарматы непосредственно не граничили. Между ним и сарматами находился Северный Кавказ, горные и предгорные районы которого населяли несарматские народы, упоминаемые античными авторами. В Закавказье сложилась сложная политическая ситуация, вызванная противостоянием Рима и Парфии, в которое были втянуты Иберия, Армения и Албания, которая, как свидетельствуют источники, также не способствовала консолидации сарматов.

Сарматские подразделения, впервые упомянутые Страбоном (сираки, аорсы, верхние аорсы, роксоланы), скорее всего, представляли собой сложные общества, включающие близкородственные кочевнические группировки.

Особый интерес представляет упоминание в предполагаемом ольвийском декрете, обнаруженным в 1984 г. в Крыму у Мангупа, «величайших царей Аорсии». К ним предположительно, по мнению исследователей, могли относиться цари Фарзой и Инисмей, известные по ольвийскому нумизматическому материалу[1].

Что собой представляла Аорсия, каков ее политический статус в источнике на этот счет какая-либо информация отсутствует. Некоторые исследователи видят в Аорсии раннегосударственное образование. Сомнения на счет существования единого сарматского царства Аорсии, предположительно располагавшегося во второй половине I в. н.э. между Днепром и Дунаем, возникают в связи с организацией посольства чествуемым в декрете ольвеополитом сразу к нескольким ее царям. При условии, что Аорсия – это некое единое государственное образование, править в ней должен был в конкретный момент один царь. Поскольку в декрете все же речь идет о посольстве сразу к нескольким «величайшим царям Аорсии», то в этом случае она не могла представлять собой единое целое в политическом отношении. При такой трактовке Аорсия должна, видимо, восприниматься как географическая область, в пределах которой располагалось несколько сарматских объединений, имевших своих правителей. Другие источники, в частности сочинения римских авторов, такого государственного образования, граничащего с империей по Дунаю, не знают.

Этническая ситуация у границ Римской империи к северу и северо-западу от Дуная с момента появления здесь сарматов была достаточно пестрой. Кроме различных сарматских группировок в этом регионе обитали даки, свебы, геты, бастарны. Письменные источники свидетельствую о том, что все эти народы во взаимоотношениях с Римом проявляли самостоятельность или, особенно в военных целях, создавали временные объединения. Так Корнелий Тацит, повествуя о сложном периоде в истории Римского государства, связанном с гражданской войной 69–70 гг. и обострением ситуации на его границах, в том числе и в Подунавье, упоминает о «племенах сарматов и свебов объединяющихся против нас»; о сарматских языгах, правящих местными племенами; о сарматах, совместно с даками нападавшими на Мезию. Сарматские объединения в этом районе: языги, роксоланы, аорсы, скорее всего, в политическом отношении представляли собой сложные вождества, включающие в основном родственные племена. Объединение их с другими народами для выполнения военных акций приводило к созданию так называемых «ситуационных вождеств», которые не являлись долговременными, они служили определенным целям и после их реализации могли распадаться.

[1] Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.

П.М. Соколов
(ВГИ (филиал) ГОУ ВПО «ВолГУ», г. Волжский)

ХРОНОЛОГИЯ САВРОМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Возросшее к настоящему времени количество раскопанных савроматских памятников дает возможность уточнить ряд вопросов, связанных с хронологией и периодизацией развития савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья.

Для уточнения временных границ бытования савроматской культуры в Нижнем Поволжье особое значение имеет установление хронологии массовых категорий инвентаря, в первую очередь наконечников стрел. Если все предыдущие исследователи этой археологической культуры опирались в своих разработках исключительно на аналогии с сопредельных территорий (Северного Причерноморья, Прикубанья), то в данной работе появилась возможность опереться в хронологических разработках на нижневолжский комплекс с импортной посудой второй половины VI в. до н.э. Особое значение имеет тот факт, что в этом погребении (Аксай I 3\3) вместе с амфорой был обнаружен представительный колчанный набор наконечников стрел. Это позволило уверенно отнести ко второй половине VI в. до н.э. еще целый ряд погребений, где были найдены колчанные наборы с аналогичным сочетанием типов наконечников стрел. Все они были объединены в одну хронологическую группу, которая была датирована второй половиной VI – началом V вв. до н.э.

Указанная датировка ранней хронологической группы погребений савроматской археологической культуры позволяет в общих чертах наметить пути решения проблемы происхождения этой культуры.

В Нижнем Поволжье отсутствуют погребальные памятники савроматской археологической культуры ранее второй половины VI в. до н.э. Кроме того, между комплексами савроматской археологической культуры и памятниками позднесрубного времени существует хронологический разрыв в несколько столетий. Поэтому савроматская археологическая культура вряд ли может быть связана своим происхождением с культурами конца эпохи бронзы напрямую.

Памятники так называемого «переходного» этапа от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в нижневолжских степях немногочисленны, многие из них практически безинвентарны. Определение хронологической позиции таких комплексов хотя бы в пределах века либо невозможно, либо весьма спорно. Кроме того, хронологически этот «переходный» этап занимает несколько веков: приблизительно с XI–X вв. до н.э. и до VII – 1-ой половины VI вв. до н.э. В евразийских степях в это время происходят сложные миграционные процессы, обусловленные климатическими изменениями и связанными с ними трансформациями хозяйственно-культурных укладов. В результате, в Нижнем Поволжье появляется новое кочевое население, которое оставило памятники предсавроматского времени. В антропологическом отношении оно отличалось от населения срубной культуры и тяготело к населению Урало-Сибирского региона[1].

В то же время в Нижнем Поволжье имеется целый ряд случайных находок предметов вооружения, описание которых приводилось в основном содержании работы. Эти предметы датируются как раз VIII – первой половиной VI вв. до н.э.

Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что комплексов VIII – первой половины VI вв. до н.э. с предметами вооружения обнаружены единицы (Первомайский VIII 5\1, погребение у села Барановка). При этом совершены они не по савроматскому погребальному обряду, а предметы вооружения, в них обнаруженные, отличаются от оружия савроматской археологической культуры. Все это, вероятно, объясняется сложной этнополитической ситуацией в данном регионе в указанный период.

Можно предположить, опираясь на, как представляется, вполне разработанные реконструкции скифской истории конца VII – первой половины VI вв. до н.э., что появление в нижне-

[1] Балабанова М. А. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (VI в. до н.э. – 1-я половина II в. н.э.) // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999. С. 30–31.

волжском регионе стабильного кочевого населения во второй половине VI в. до н.э. связано с возвращением восточноевропейских кочевников из переднеазиатских скифских походов. Данная версия объясняет также достаточно сильное сходство археологических культур скифского Северного Причерноморья и савроматского Нижнего Поволжья во второй половине VI–V вв. до н.э. Кроме того, своеобразным подтверждением этой версии может служить приводимая Геродотом легенда о происхождении савроматов от брака скифских юношей и амазонок, а также упоминание о том, что савроматский язык – это издревле испорченный скифский. Еще следует отметить, что савроматы были в числе народов, которые поддержали скифов в их войне против персов.

Таким образом, можно попытаться реконструировать этнополитическую ситуацию в степях Нижнего Поволжья на протяжении VI в. до н.э. Вероятно, на рубеже VII–VI вв. до н.э. в восточноевропейские степи начинают постепенно возвращаться контингенты воинов-степняков – участников скифских переднеазиатских походов. По замечанию М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, эти воины переселялись в разноэтничные области восточноевропейских степей, что обеспечивало единообразную скифизацию культур этого региона[1]. Возвращение скифов и других кочевых племен происходило через северокавказский регион, на протяжении, по крайней мере, первой половины VI в. до н.э., что подтверждается целым рядом археологических исследований[2]. Кроме того, А.Ю. Алексеев отмечает, что в скифских древностях имеется своеобразная лакуна, приходящаяся также на период первой половины VI в. до н.э. Видимо, на это время приходится рубеж между раннескифскими древностями и эпохой классической Скифии[3].

В Нижнем Поволжье для первой половины VI в. до н.э. имеются случайные находки двухлопастных наконечников стрел и биметаллического клинкового оружия. Вероятно, в первой половине VI столетия до нашей эры кочевники – носители будущей савроматской археологической культуры еще только осваивали нижневолжские степи, взаимодействуя с местным населением – носителем традиций «переходной» эпохи. А в середине – второй половине VI в. до н.э. кочевники-савроматы окончательно укрепляются в Нижнем Поволжье, обозначая места своих кочевий родовыми могильниками.

Наибольшего расцвета савроматская археологическая культура Нижнего Поволжья достигает в V веке до н.э. Так датируется большинство известных на данный момент погребений. В материальной культуре населения Нижнего Поволжья этого времени фиксируются связи со скифским населением Северного Причерноморья и Северного Кавказа, обусловленные событиями предыдущей эпохи. В то же время в некоторых чертах как материальной культуры, так и погребального обряда появляется локальное своеобразие. В первую очередь, это проявляется в составе колчанных наборов, в наборе вооружения воинов савроматской паноплии, в формах лепной глиняной посуды, в зверином стиле и пр. Следует отметить, что, по-видимому, кочевников Нижнего Поволжья V в. до н.э. процессы имущественной дифференциации затронули в меньшей степени, нежели причерноморских скифов. Возможно, это объясняется их отдаленным расположением от греческих городов Северного Причерноморья и слабыми торговыми связями с ними. Взаимоотношения населения Нижнего Поволжья с кочевниками Южного Приуралья, видимо, проявляются в появлении в погребениях рассматриваемого региона каменных столиков и блюд, а также костяных ложечек. Однако распространение таких предметов в V в. до н.э. в Нижнем Поволжье очень незначительно, поэтому можно предположить, что население Южного Приуралья в то время оказывало очень слабое влияние на культуру кочевников Поволжья. Гораздо сильнее южноприуральское влияние проявится в следующем периоде развития савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья.

В районах степи восточнее Нижнего Поволжья в конце V–IV вв. до н.э. происходят активные передвижки кочевого населения. В Южное Приуралье из Зауралья перемещаются крупные подразделения кочевников. Их миграции были вызваны на начальном этапе ухудшением климата в Южном Зауралье, а затем дестабилизацией политической ситуации в этом регионе. В результате Южное Приуралье оказалось перенаселено, что вызвало несколько волн миграций его населения в

[1] Погребова М. Н. Раевский Д. С. Савроматы и скифы // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С. 82.
[2] Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 96–97. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 20.
[3] Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. С. 156–157.

Заволжье и междуречье Волги и Дона в IV – начале III вв. до н.э. Именно это послужило причиной изменений в материальной культуре населения Нижнего Поволжья в IV в. до н.э.

В IV в. до н.э. в Нижнем Поволжье встречаются три вида погребений: савроматские, раннесарматские и синкретичные. То есть, существование в Нижнем Поволжье савроматской археологической культуры продолжается. Ряд савроматских традиций доживает даже до начала III в. до н.э. (Кривая Лука VI 1\14). Кроме того, сначала в Заволжье, а затем, очевидно, несколько позже, и в междуречье Волги и Дона появляются комплексы восточного происхождения.

Их распространение связано с миграциями кочевого населения – носителей формирующейся прохоровской культуры из Южного Приуралья. В Нижнем Поволжье в IV в. до н.э. одновременно существовали и взаимодействовали между собой две археологические культуры. Результатом их взаимовлияний стало появление в нижневолжском регионе ряда синкретичных погребений, часть черт которых была заимствована от прохоровских комплексов, часть от савроматской культуры. Наиболее вероятно, что кочевники-савроматы восприняли некоторые черты материальной культуры и ряд погребальных традиций у переселявшихся с востока кочевников. Таким образом, в Нижнем Поволжье становление раннесарматской культуры происходило в IV – начале III вв. до н.э. В этом процессе самое непосредственное участие приняли два элемента: южноприуральские кочевые племена и нижневолжские кочевники – носители традиций савроматской археологической культуры.

Т.Г. Алпаткина
(Государственный музей Востока, г. Москва)

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И СУДЬБА СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ТРАДИЦИИ РЕЗЬБЫ ПО ГАНЧУ

При изучении памятников Средней Азии, в архитектурном декоре которых использовалась резьба по ганчу[1], начиная с доисламского времени и вплоть до XX в.[2], нельзя не обратить внимание на два периода, когда традиция использования ганча для украшения зданий прерывалась: после арабского и монгольского завоеваний. Причем, если в течение века после арабского завоевания этот вид декорации вновь расцвел и достиг высочайшего уровня, то второй перерыв повлек за собой практически полное его исчезновение на несколько столетий.

Мы отмечали ранее, что «после монголо-татарского нашествия в ганчевом декоре памятников Средней Азии происходят заметные перемены в стиле и приемах резьбы» и что «вопрос о том, были ли связаны эти изменения с влиянием Золотой Орды, до настоящего времени не разрабатывался»[3]. Произошло это по ряду объективных причин: исследованиям ганча много внимания уделено в двух фундаментальных трудах по архитектурному декору Средней Азии 1939 и 1961 гг.[4], тогда как только в 1959 г. начались планомерные раскопки золотоордынских городов Поволжья, давшие материал для решения этого вопроса. Тем не менее исследователи и в дальнейшем обходили его вниманием. А крупный советский искусствовед Л.И. Ремпель даже сделал следующее замечание: «В своем культурном развитии монголы во всех отношениях уступали порабощенным им народам, и хотя у них также была своя древняя степная культура – *влияние ее на художественную культуру городов Мавераннахра было незначительно, а в области архитектуры и вовсе незаметно* (выделено мною – Т.А.)»[5]. Применительно к архитектурному декору это замечание опровергают наблюдения за традицией резьбы по ганчу до и после монгольского завоевания Средней Азии. Рассмотрим эволюцию этого вида декора на примере ряда памятников.

Из среднеазиатских памятников доисламского времени, в оформлении которых встречается данный вид декора, самый известный – загородный дворец правителей Бухары на городище Варахша. Стены и колонны айвана дворца в 20–70-х гг. VIII в. дважды были покрыты резным ганчем, частично окрашенным[6]. Отметим, что здесь резьба по ганчу применялась без сочетания с каким-либо другим видом архитектурной декорации, как это будет на памятниках последующего времени.

«Разбирая прикладное искусство Средней Азии в эпоху после арабского завоевания страны в VIII в., мы обнаруживаем архитектурную декорацию в виде резьбы по стуку только начиная с IX в. К IX в. относим мы фрагменты резьбы по стуку на стенах мазара Хаким–аль–Термизи в древнем Термезе»[7].

В IX и X вв. представлена резьба по ганчу во дворце Саманидов на Афрасиабе[8]. Причем на этом памятнике резной ганч уже «выступает вместе с фигурной и орнаментальной росписью»[9].

---

[1] Исследователи используют также названия «штук», «стук», «алебастр».

[2] Применение резьбы по ганчу в Средней Азии в жилых и общественных зданиях в XX в., в советский период выходит за рамки нашего исследования.

[3] Алпаткина Т. Г. Ганчевый декор золотоордынских городов Поволжья: история изучения и перспективы исследования // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. Вып. 2. С. 188.

[4] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М. – Л., 1939; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент, 1961.

[5] Там же. С. 257.

[6] Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 166–186; Алпаткина Т. Г. Ганчевый декор дворца Варахши из фондов Государственного музея Востока: новые открытия // Материальная культура Востока. М., 2002. Вып. 3. С. 90–96.

[7] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. С. 38, ил. 22.

[8] Там же. С. 40, 42, ил. 23–27; Ахраров И., Ремпель Л. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971. Л.И. Ремпель относит афрасиабские панели к концу X или XI в.: Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана... С. 146; см. также: Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.) // Искусство зодчих Узбекистана. II. Ташкент, 1963. С. 43.

[9] Ахраров И., Ремпель Л. Резной штук Афрасиаба… С. 11.

На памятнике Мешхед-и-Мисриан в Северном Хорасане (Туркмения) имеются два памятника резьбы по ганчу, один из них – михраб мечети Шир-Кабир на кладбище Мешхед, стилистический анализ орнамента которого позволяет датировать михраб IX–X вв.[1].

В последней четверти X в. (977–978 гг.) резным ганчем украшается мавзолей Араб–ата в селении Тим (Узбекистан)[2].

Концом X – XI в. можно датировать резной ганч в мечети Магоки-Атари в Бухаре (Узбекистан)[3].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

Начиная с XI в. и вплоть до XIX в., говоря о традициях резьбы по ганчу и их эволюции, среди прочих памятников мы будем привлекать в качестве примеров мавзолеи из ансамбля Шах-и Зинда в Самарканде, который является «блестящим воплощением архитектурной мысли, художественно-эстетических эталонов, строительно-инженерной практики, монументально-декоративного искусства». Ансамбль из более чем двадцати строений складывался почти девять веков и представляет «фактически всю архитектурную школу Мавераннахра в ее развитии и становлении, монументально-декоративное и прикладное искусство Средней Азии в его эволюции»[4].

На первом этапе формирования ансамбля Шах-и Зинда, к 1066 г. построено медресе Тамгач Богра-хана, части фасада и внутренние помещения которого были украшены различными видами архитектурного декора – резным ганчем, резной терракотой и полихромной росписью по ганчу[5].

В X в. построена мечеть в Данданакане (Туркмения), в которой при перестройке XI в. был устроен новый михраб – его нишу украсил резной ганчевый орнамент[6].

Резные расписные ганчевые панно найдены при раскопках домов X–XI вв. на шахристанах I и II на городище Пайкенд (Узбекистан)[7].

В конце XI – начале XII в. резьбой по ганчу, в сочетании с небольшим количеством росписей по ганчевой штукатурке, был украшен зал приемов дворца правителей Термеза на городище Старый Термез (Узбекистан)[8].

В конце XI – первой половине XII в. на другом памятнике, расположенном на городище Старый Термез, – в мавзолее Хаким ат-Термези – резьбой по ганчу производилась отделка внутренних помещений. В третьей четверти XII в. предпринимается ремонт зданий ансамбля мечети: ганчевое оформление мавзолея было отреставрировано[9].

Резьбу по ганчу в Рабат-и Малике, резиденции Караханидов в Бухарской степи на пути из Самарканда в Бухару, относят к XI–XII вв.[10] Б.П. Денике считал, что резьба по ганчу «в украшении Рабат-и Малика играет лишь второстепенную роль» по сравнению с «кирпичной декорацией». Н.Б. Немцева же отмечает, что в интерьерах жилой части крепости главным был рез-

---

[1] Прибыткова А. М. Материалы по зодчеству Туркмении. I. Памятники архитектуры города Мешхед-и-Мисриан // Архитектурное наследство. 1957. № 8. С. 150–155, рис. 18, 20; см. также: Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. С. 42, 44, ил. 28; Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 28; Пугаченкова Г. А., Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956. С. 43.

[2] Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата… С. 20–24, 76–78, 85–91, 98–99, рис. 16–17, 19, 43.

[3] Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки–Атари в Бухаре // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1955. Вып. 7. С. 43–44.

[4] Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда. Историко-архитектурный очерк. Ташкент, 1979. С. 57.

[5] Там же. С. 45.

[6] Прибыткова А.М., О «красивой» мечети Данданакана // Архитектурное наследство. № 17. М., 1964. С. 185–194, рис. 3–6, 9–10.

[7] Материалы Бухарской археологической экспедиции: Вып. II. СПб., 2001. С. 79–82, рис. 115–119; Вып. IV. СПб., 2003. С. 73–75, 77, рис. 115–118; Вып. V. СПб., 2004. С. 26, 54–55, рис. 97–98, 111.

[8] Алпаткина Т. Г. Дворец правителей Термеза XI–XII вв. (по опубликованным и архивным материалам). М., 2008.

[9] Некрасова Е. Г. Термез и его архитектурные памятники. Ташкент, 2001. С. 17–18.

[10] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. С. 44; Немцева Н. Б. Рабат–и Малик, XI – начало XVIII в. (археологические исследования) // Французский институт исследований Центральной Азии. Ташкент, 2009. Вып. 33. С. 12. Серия «Рабочие документы».

ной ганч, при том, что в процессе раскопок был получен также архитектурный декор из неполивной и поливной резной терракоты и полихромной майолики[1].

В ансамбле Шах-и Зинда для XI–XII вв. зафиксированы почти все виды архитектурной декорации, известной для этого времени: резное дерево, полихромные росписи по штукатуркам, фактурная кладка кирпича в сочетании с изразцами "бантиками" и резным ганчем и типичная для Мавераннахра резная неполивная терракота[2].

В XI и XII вв. в Узгене (Киргизия) возводятся три мавзолея: Средний (1012–1013 гг.), Северный (1152–1153 гг.), Южный (1186–1187 гг.)[3]. Стены Среднего мавзолея снаружи и внутри еще декорированы резьбой по штуку[4]. В Северном мавзолее уже наблюдаются новые явления в области декора: здесь наряду с фигурной кладкой кирпича и резьбой ганчу выступает неполивная терракота[5], причем, «если в Среднем мавзолее она размещена была главным образом во внутренней части здания, то здесь, наоборот, она целиком вынесена на поверхность и внутри отсутствует»[6]. В Южном же мавзолее вся декорация исполнена только в резной терракоте[7].

В середине XII в. (1157 г.) резьбу по ганчу находим на верхней наружной галерее мавзолея Султана Санджара в Мерве (Туркмения), здесь она предстает в сочетании с орнаментальной кирпичной кладкой[8].

В Хорезме домонгольского времени мы также находим образцы резьбы по ганчу – в мечети на городище Шах-Сенем (Туркмения), которая датируется концом XII – началом XIII в., при раскопках около михрабной ниши мечети были найдены обломки ганчевой декорации[9].

В XI – начале XIII в. в памятниках Туркмении в интерьерах преобладает резной ганч, а на фасадах – резная терракота[10].

В первой четверти XIII в., в правление хорезмшаха Мухаммеда (1200–1220 гг.), незадолго до монгольского нашествия был возведен портал соборной мечети Мисриана (Мешхед-и-Мисриан, Туркмения), украшенный резным ганчем[11].

Мавзолей Шах–Фазиль в кишлаке Сафид-Буленд (Киргизия) с его резным ганчевым декором, украшавшим интерьеры, исследователи датировали по-разному: концом XII – началом XIII в.[12], либо концом XIII или началом XIV в.[13] Первая дата представляется более вероятной, поскольку начиная с XIII в. ганч вытесняется другими видами декора. Таким образом, мавзолей в Сафид-Буленде, скорее всего, является последним образцом высочайшего уровня среднеазиатской резьбы по ганчу домонгольского периода.

В период после монгольского нашествия картина кардинально меняется.

Исследователи отмечают, что архитектурные памятники Средней Азии этого времени столь немногочисленны, «что не дают возможности в полной мере раскрыть те черты, которые были характерны для этого *качественно нового этапа среднеазиатского зодчества* (выделено мною – Т. А.)». В связи с этим «особый интерес представляют памятники Хорезма, который, будучи одной из богатых провинций золотоордынского государства, быстрее других возродил свои мате-

---

[1] Немцева Н. Б. Рабат-и Малик:материалы раскопок // Отзвуки Великого Хорезма. К 100–летию со дня рождения С. П. Толстова : сб. ст. М., 2010. С. 256.

[2] Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах–и Зинда… С. 53–54.

[3] Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М. – Л., 1950. С. 46; Нусов В. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1963. С. 22–41, рис. 6–9.

[4] Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии… С. 46, рис. 8, 11–18.

[5] Там же. С. 60, рис. 20–21, 23.

[6] Там же. С. 62, 65; см. также: Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии… С. 46, ил. 31–32.

[7] Там же. С. 72–76, рис. 27–38.

[8] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. С. 44, 46, ил. 29–30; Прибыткова А. М., Материалы по зодчеству Туркмении. С. 160, ил. 29.

[9] Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М., 1958. С. 419–420, рис. 17.

[10] Пугаченкова Г. А., Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана... С. 45, 47.

[11] Прибыткова А. М. Материалы по зодчеству Туркмении… С. 144–147.

[12] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии… С. 70, 72, ил. 67–68.

[13] Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии… С. 87–93, 95, рис. 51–56.

риальные и культурные ценности и на время стал центром архитектурных идей и приемов декоративной отделки»[1]. Как мы увидим далее, резному ганчу не нашлось места среди этих приемов.

Одним из первых памятников периода возрождения местного зодчества является мавзолей Шейх Мухтар Вали XIII – начала XIV в. (селение Остана, Каракалпакия). Во всех помещениях мавзолея стены, арки и купола покрыты ганчевой штукатуркой, которая, не создавая дополнительных профилей и деталей, просто передает форму кирпичной кладки. Помимо этого ганч был использован в кладках мавзолея в качестве одного из строительных растворов[2].

Ганчем по глино–саманной штукатурке были покрыты стены мавзолея «33» из ансамбля Шах-и Зинда, относящегося ко 2-й половине XIII в.[3]

В декоре интерьеров мавзолеев Шах-и Зинда XIV в., т.е. времени правления Тимура (1370–1405 гг.), мы видим штампованную и резную полихромную терракоту (которая к концу 80-х гг. XIV в. на памятниках ансамбля исчезает), майоликовые и резные мраморные плиты, тогда как ганч встречается лишь в виде штукатурок, как, например, в мавзолее «31»[4].

В мавзолее Эмира Бурундука 80–90-х гг. XIV в. в Шах-и Зинда отмечено настолько сильное различие в оформлении интерьера, когда тончайшая по исполнению майоликовая панель плохо вяжется с грубой крашеной ганчевой отделкой купола, что создается впечатление, будто эти два вида декора внутри здания разновременны. Однако исследования показали, что мавзолей является единовременной постройкой[5] – очень интересный факт, который может означать, что в это время в Самарканде не было мастеров по ганчу.

Архитектурный декор дворцов, жилых и общественных зданий городов Поволжья XIII–XIV вв. также представлен мозаиками, майоликами, резьбой по камню и терракоте, резным и штампованным ганчем. Фрагменты ганча найдены на Царевском[6], Селитренном[7], Мечетном[8], Водянском[9] городищах, в золотоордынских слоях Болгарского городища[10].

Мы уже отмечали тот факт, что находки фрагментов ганча в поволжских городах количественно значительно уступают другим видам архитектурного декора, но при этом единичные разрозненные экземпляры ганча зачастую демонстрируют высокий уровень исполнения, позволяющий говорить о длительной традиции его применения[11]. Несомненно, это домонгольская

---

[1] Ноткин И. И. Малоизвестные памятники хорезмского зодчества // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 143.

[2] Там же. С. 143, 148, 153, 161.

[3] Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда… С. 55.

[4] Там же. С. 58, 63–69.

[5] Там же. С. 71–72.

[6] Носкова Л. М. Терракотовый и ганчевый декор в городах Золотой Орды // Вестник Московского университета, серия IX, История. № 5. М., 1972. С. 76; Гусева Т. В. Золотоордынский город Сарай ал–Джедид (основные этапы развития). Горький, 1985. С. 26, 30; Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 162; Блохин В.Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006. С. 75; Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. № 238, 243–245.

[7] Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. С. 162; Зиливинская Э. Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань, 2008. С. 29–30, 49, рис. 21–24; Алпаткина Т. Г. Золотоордынские вещи в фонде архитектурного декора в Государственном музее Востока // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 445–449.

[8] Ильина О. А. Мечетное городище // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 105.

[9] Булатов Н. М., Вихляев В. И., Гусева Т. И., Егоров В. Л., Мухамадиев А. Г., Носкова Л. М., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 234; Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 54; Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 125–126, рис. 18–19; Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Советская археология. 1984. № 3. С. 88; Мыськов Е. П. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 260; Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов... С. 107, 108.

[10] Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 141, рис. 56, 1.

[11] Алпаткина Т. Г. Ганчевый декор золотоордынских городов Поволжья… С. 187.

традиция, принесенная переселенными в золотоордынские города мастерами из Средней Азии и Ирана. Причем на памятниках Средней Азии резной и штампованный ганч начиная с XIII в. исчезает, а сам материал используется главным образом в качестве штукатурки (с XIV в. – под росписи) и строительного раствора.

В конце XIV – начале XV в. в ансамбле Шах-и Зинда возводятся мавзолей и мечеть Туман-ака, мавзолей Ширинбек-ака[1]. В декоративной отделке этой группы памятников появляется совершенно новый для Самарканда материал – наборная кашинная мозаика, ганч же применяется как штукатурка под полихромные росписи[2].

Заключительный этап формирования Шах-и Зинда приходится на эпоху Улугбека (1409–1449 гг.)[3]. На этом этапе для ганча находится новое применение. К первой половине XV в. относится склеп у мавзолея «Безымянный-2», в сложных верхних конструкциях которого были использованы выполненные из смеси ганча и дробленого кирпича профилированные тяги, армированные для прочности камышом; ганч использован также в кладке и декоративной отделке перекрытий[4].

Применение ганча в строительстве в качестве одного из строительных растворов в кладках и при создании архитектурных деталей – сталактитов, ниш, куполов и пр. мы видим в мавзолее Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане (Казахстан) в конце XIV – начале XV в.[5], в медресе Абу-Саид-хана в Самарканде в 1-й четверти XVI в.[6]. Причем, описывая интерьер помещений мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви, выполненные из ганча сталактиты Л.Ю. Маньковская называет ганчевым декором[7]. Михраб здесь отделан резной мозаикой, фасады и порталы – терракотой, мозаикой, майоликой, т.е. ганча в декоре мы не находим. Тот же способ облицовки характерен для тимуровских и тимуридских памятников Узбекистана: Биби-Ханым и Хазрети-Имам в Самарканде, Ак-сарай в Шахрисябзе, все медресе Улугбека[8].

В XV–XVI вв. ганч используется в качестве основы для росписи в интерьерах памятников Кашкадарьинского оазиса Узбекистана: мавзолея Лянгар–ата в одноименном архитектурном комплексе в предгорьях к югу от Шахрисябза, в ханаке в Бехауддине и в ханаке в Файзабаде[9].

В качестве штукатурки для стен применяется ганч на памятниках Хорезма: в мавзолее Исмамут–ата в Ташаузской области Туркмении в XVI–XVII вв., в мавзолее Султан-Али в Куня-Ургенче в середине XIX в.[10].

Концом XVIII – 1-й половиной XIX в. датируют минарет у мазара Ходжа Убайди Джаррах в г. Карши (Узбекистан): он сложен из мелкомерного кирпичика на ганче и украшен узором из поливных кирпичиков и майоликовых плиток, в нижней части минарета – орнамент, тисненный по тонированной штукатурке и двухцветному ганчу[11].

Единственный пример резьбы по ганчу в общественных зданиях для XVIII–XIX вв. находим в Киргизии, мавзолеи (гумбезы) которой довольно скромно украшены как снаружи, так и внутри в основном росписями в технике фрески, но на одном из мавзолеев на кладбище в Нарыне сохранился резной ганчевый фриз[12].Необходимо отметить, что в большом количестве резьба по ганчу встречается в жилых зданиях XVIII–XIX вв. [13]

Таким образом, складывается следующая картина.

---

[1] Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда. Историко-архитектурный очерк. Ташкент, 1979. С. 72.
[2] Там же. С. 73–74, рис. 90.
[3] Там же. С. 77.
[4] Там же. С. 79–80.
[5] Маньковская Л. Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV в. (мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви) // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 100, 102.
[6] Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 143.
[7] Маньковская Л. Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества… С. 100.
[8] Там же. С. 104, 110–119.
[9] Абдурасулев Р. Р., Рempель Л. И. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи (Из материалов искусствоведческой комплексной экспедиции Института искусствознания АН УзССР, 1961 г.) // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 32, 40, рис. 27.
[10] Ноткин И. И. Малоизвестные памятники хорезмского зодчества. С. 161, 164–165.
[11] Абдурасулев Р. Р., Рempель Л. И. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи... С. 7–8.
[12] Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии… С. 117–118, 126, рис. 69.
[13] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии… С. 89.

В IX–X вв. резной ганч применялся особенно широко и «составлял одну из самых выразительных черт архитектуры в целом»[1].

В XI–XII вв. резьба по ганчу применяется в сочетании с резной неполивной терракотой, которая начиная с XI в. получила «преимущественное распространение в Средней Азии»[2], и, реже, с настенной полихромной росписью по ганчу.

Памятники начала и первой четверти XIII в. дают последние образцы резьбы по ганчу.

В XIV в. она исчезает из декора зданий в Средней Азии (но имеется на памятниках Золотой Орды!), а сам ганч применяется в основном в качестве штукатурки и строительного раствора. В это время появляется резная поливная терракота, которую позже сменит расписная майолика, затем – наборная кашинная мозаика[3]. «Мозаичный убор, впервые использованный в Шах-и Зинда, на портале и в панелях мавзолея Ширинбек-ака, в последующем, вплоть до XVII столетия включительно, вытесняет все прочие виды декора и утверждается в монументальной архитектуре Мавераннахра»[4].

В последней четверти XIV в. и, главным образом, в XV в. в Средней Азии начинает также широко применяться резной мрамор[5].

Исследуя традиции резьбы по ганчу, Б.П. Денике подвел такой итог: «В монументальных сооружениях и зданиях общественного пользования в Средней Азии применение резьбы по стуку после XII–XIII вв. встречается лишь в виде исключения; но с XVII–XVIII вв. резной стук встречается уже чаще, хотя высоким качеством исполнения уже не отличается. Зато значительного развития достигает резьба по стуку в жилых постройках XVIII–XIX вв.»[6].

Итак, во второй половине XIII–XIV в. в Средней Азии резьба по ганчу практически исчезает. Вернемся к вопросу, который был задан нами ранее: было ли это связано с монгольским завоеванием и последующим влиянием Золотой Орды?

Достоверно установлен факт переселения ремесленников из завоеванных городов в Поволжье для строительства и украшения золотоордынских городов. Тесное соприкосновение с монгольской культурой на протяжении более сотни лет и появление поколений местных мастеров не могло не сказаться на развитии архитектурного декора, в том числе на традициях резьбы по ганчу. Несмотря на наличие единичных прекрасно выполненных экземпляров ганча (например, штампованная алебастровая панель – фриз со сценой «звериного гона» из Селитренного городища[7]), в целом можно говорить об упадке этого вида декора в золотоордынских городах, если сравнивать его с высочайшими по технике исполнения и выбора сюжетов образцами из Средней Азии домонгольского времени.

После разрушения Тимуром поволжских городов в конце XIV в. начинается перемещение ремесленников обратно в Среднюю Азию. «Опустошительные походы “железного хромца” преследовали двоякую цель: обогащение за счет других народов и благоустройство исконных, коренных земель государства. В “сияющую точку мира” должен был превратиться Самарканд – политический центр новоявленной империи. В столицу стекаются огромные материальные ценности, свозятся лучшие мастера, выдающиеся ученые, зодчие, художники, поэты, музыканты»[8]. Создается впечатление, что резчиков по ганчу среди них не было: в декоре самаркандских памятников этого времени резьбы по ганчу нет, но, повторимся, используется ганч как строительный раствор, т.е. остался сам материал, но исчезла традиция резьбы по этому материалу.

Как бы ни казалась проста эта схема: переселение большей части ремесленников монголами в основанные ими города на Волге; возвращение их потомков в результате походов Тиму-

---

[1] Ахраров И., Ремпель Л. Резной штук Афрасиаба. С. 11.

[2] Денике Б. П. Архитектурный орнамент... С. 91; см. также: Немцева Н. Б. Рабат-и Малик, XI – начало XVIII в. (археологические исследования)… С. 14.

[3] Немцева Н. Б. Ханака Сайф ад–Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара, 2003. С. 111; Немцева Н. Б. Рабат-и Малик, XI – начало XVIII в. (археологические исследования). С. 14; Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда… С. 66, 68.

[4] Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда… С. 73.

[5] Там же. С. 35.

[6] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии… С. 89.

[7] Алпаткина Т. Г. Золотоордынские вещи в фонде архитектурного декора в Государственном музее Востока… С. 445–446.

[8] Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда… С. 59.

ра обратно в Среднюю Азию; в архитектурном декоре периода Золотой Орды не прижилась резьба по ганчу; переселенными, а затем местными мастерами были утрачены эти традиции – нельзя не признать тот факт, что в истории среднеазиатской резьбы по ганчу вторая половина XIII–XIV в. – период прерывания многовековой традиции этого вида архитектурного декора.

В данной статье мы рассматриваем резьбу по ганчу в Средней Азии и Поволжье, привлечение к анализу памятников Закавказья и Ирана – цель дальнейшей работы. Здесь отметим только, что среди культовых зданий XII–XVII вв. на территории Ирана, в декоре которых присутствует орнаментальная резьба по ганчу, имеется лишь один памятник 2-й половины XIII в. Б.П. Денике полагал, что «столь малое распространение стуковой резьбы в XIII в., по-видимому, можно поставить в связь с монгольским завоеванием Ирана…»[1].

С другой стороны, изучение процесса развития архитектурного декора ясно показывает, как недолговечный по сравнению с терракотой резной ганч начиная с XI в. уходит с фасадов зданий и применяется исключительно для украшения внутренних помещений, постепенно и здесь уступая майоликам, мозаикам и полихромным росписям. Так что, возможно, резьба по ганчу в Средней Азии после XII в. естественным путем пришла бы в упадок в связи с «реальными потребностями эпохи, успехами строительной техники и эволюцией монументально-декоративного искусства»[2]. В этом случае монгольское завоевание только ускорило процесс ломки выработанных веками среднеазиатских традиций резьбы по ганчу.

Т.Г. Алпаткина, Е.В. Ларионова
(Государственный музей Востока, г. Москва)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЧЕРКОВ В ЭПИГРАФИЧЕСКОМ ОРНАМЕНТЕ РЕЗЬБЫ ПО ГАНЧУ В ДЕКОРЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ И НИЖНЕВОЛЖСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Архитектурный декор дворцов, жилых и общественных зданий городов Нижнего Поволжья XIII–XIV вв. в большом количестве представлен мозаиками, майоликами, резьбой по камню и терракоте и – значительно реже – штампованным и резным ганчем.

Нами ранее было отмечено, что при детальной разработанности очень многих вопросов истории и искусства Золотой Орды «недостаточно внимания уделяется теме существования в золотоордынских городах такого вида архитектурного декора, как ганч»[3]. Поскольку находок ганча количественно намного меньше по сравнению с другими видами декоративного украшения зданий золотоордынских городов, «тем важнее учитывать каждый находимый при раскопках фрагмент этого вида декорации»[4].

Остановимся на одном из орнаментов, представленных в ганчевом декоре на ряде памятников Средней Азии и Нижнего Поволжья, – на эпиграфическом орнаменте.

В городе Мешхед-и-Мисриан (северный Хорасан, Туркмения), который состоял из собственно города – Мисриана и кладбища Мешхед, имеются два памятника резьбы по ганчу. Первый из них – михраб мечети Шир-Кабир на кладбище Мешхед, стилистический анализ орнамента которого позволяет датировать михраб IX–X вв.[5] Второй – портал соборной мечети города Мисриана, возведенный в первой четверти XIII в., в правление хорезмшаха Мухаммеда (1200–1220 гг.), незадолго до монгольского нашествия. В орнаментацию обоих памятников входят полосы надписей почерком куфи в сочетании с растительными узорами[6].

---

[1] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии… С. 82.
[2] Абдурасулев Р. Р., Ремпель Л. И. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи... С. 24–25.
[3] Алпаткина Т. Г. Ганчевый декор золотоордынских городов Поволжья: история изучения и перспективы исследования // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Казань, 2009. Вып. 2. С. 186.
[4] Там же. С. 187.
[5] Прибыткова А. М. Материалы по зодчеству Туркмении. I. Памятники архитектуры города Мешхед-и-Мисриан // Архитектурное наследство. М., 1957. № 8. С. 150–153, рис. 18, 20; см. также: Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М. – Л., 1939. С. 42, 44, ил. 28; Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 28.
[6] Пугаченкова Г. А., Елькович Л. Я. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956. С. 43, 143–147.

В последней четверти X в. (977/8 гг.) был возведен мавзолей Араб-ата в селении Тим (Узбекистан), в резьбе по ганчу на портале и на северном фасаде которого имеются надписи, выполненные «строгим классическим куфи, еще не осложненным никакими фигурными добавлениями»[1]. В X в. была построена мечеть в Данданакане (Туркмения), в которой при перестройке в XI в. был устроен новый михраб. Михрабную нишу украшал резной ганчевый орнамент, в том числе эпиграфический. На этом памятнике надписи в ганче выполнены почерками куфи и насх[2]. Причем исследователи отметили, что почерк куфи здесь «выполнен в приеме углублений и штрихов, восходящем к периоду IX–X вв.»[3]. «Помимо трех куфических надписей михраба, лишь немногие буквы которых имеют растительные отростки, при раскопках найдены другие надписи, в которых все буквы «прорастают»[4] – т.е. в резьбе по ганчу в Данданакане применялись и куфи, и цветущий куфи.

В конце XI – начале XII в. резьбой по ганчу был украшен парадный зал дворца правителей Термеза на городище Старый Термез (Узбекистан), эпиграфический орнамент которого представлен надписями почерками куфи и насх, украшавшими полуколонки пилонов, арки и своды зала[5] (рис. а).

В конце XI – первой половине XII в. на другом памятнике, расположенном на городище Старый Термез, – в мавзолее Хаким ат-Термези при отделке внутренних помещений почерком куфи была выполнена надпись в первоначальной резьбе по ганчу: в эпиграфическом фризе внутри главного мавзолея был вырезан фрагмент популярной в эпитафиях 36-й суры Корана, а снаружи на арке проема встречаются розетки со словом «Аллах» в окружении стилизованного растительного орнамента. В третьей четверти XII в. предпринимается ремонт зданий ансамбля мечети: декоративное оформление мавзолея было отреставрировано, и в новую резьбу по ганчу ввели другой пояс эпиграфического орнамента, на этот раз выполненного почерком насх[6].

Эпиграфический орнамент XII в. на памятниках Средней Азии представлен также материалами из Рабат-и Малика («Царской крепости»), степной резиденции Караханидов, расположенной в Бухарской степи, на трассе Самарканд – Бухара. Украшенная резьбой по ганчу центральная ротонда была самым парадным помещением крепости (рис. б). «...Лицевая сторона арки, обращенная в интерьер, была покрыта эпиграфическим орнаментом… Очень эффектна арабская вязь арки, выполненная на фоне растительных мотивов. Округлые, мягкие арабские буквы так тесно переплетены с растительными элементами (двух- и трехлепестковые цветы, перцы, листья, закрученные стебли), что надпись как бы тонет в сплошном ислими, четко выделяются только вертикали алифа и ляма, горизонтали буквы каф. Надпись на арке выполнена «насхом», почерком, сменившем более ранний «куфи» и на каком–то этапе сосуществовавшем с ним. К сожалению, из-за утраты отдельных букв надпись оказалась трудно читаемой (безуспешная попытка прочесть надпись сделана М.Е. Массоном, О.Д. Чехович, А.А. Ивановым, О.Ф. Акимушкиным), но отдельные элементы показывают, по мнению О.Д. Чехович, что надпись была арабской... Буквы написаны как бы с нажимом, характерным для монументального «насха» – вертикальные буквы утолщены сверху, тонкие снизу, остальные буквы округлы, вытянуты по горизонтали»[7]. Н.Б. Немцева отмечает стилистическую близость этой надписи с резной ганчевой надписью на архивольте арки Северного мавзолея Узгена (см. ниже) и датирует надпись из Рабат-и Малика XII веком[8].

---

[1] Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.) // Искусство зодчих Узбекистана. II. Ташкент, 1963. С. 23, 85–87, рис. 15, 43.

[2] Прибыткова А. М. О «красивой» мечети Данданакана // Архитектурное наследство. 1964. № 17. С. 185–194, рис. 3–6, 9–10.

[3] Там же. С. 188.

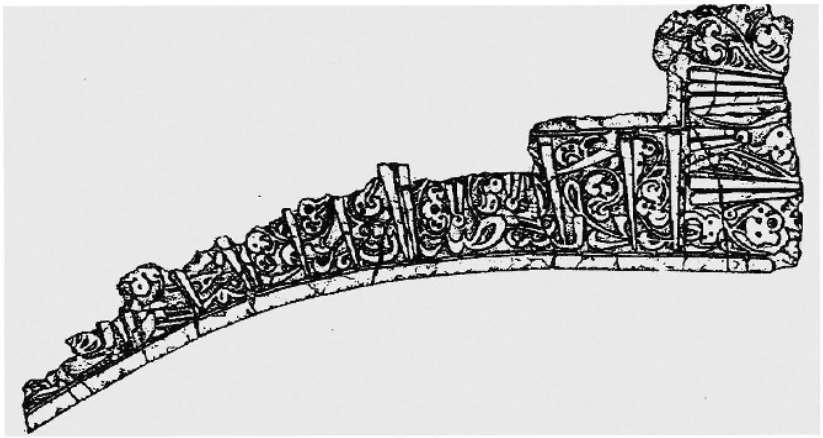
[4] Там же. С. 193.

[5] Подробно об этом: Ларионова Е. В. Эпиграфический орнамент в ганчевом декоре Термезского дворца. Предварительное исследование // Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Казань (в печати); вып. 10. Проблемы истории и археологии. Казань (в печати).

[6] Некрасова Е. Г. Термез и его архитектурные памятники. Ташкент, 2001. С. 17–18.

[7] Немцева Н. Б. Рабат-и Малик: материалы раскопок // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова : сб. ст. М., 2010. С. 276–277.

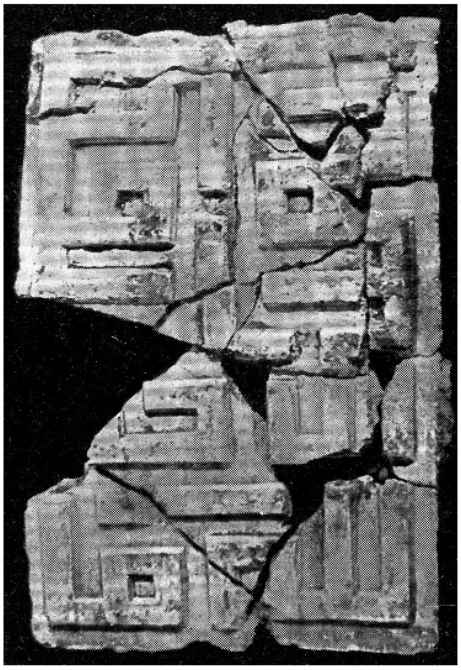
[8] Там же. С. 278.



а

б

в



г

Рис. Надписи в резном ганче: а – насх, дворец Термеза, конец XI – начало XII в. б – насх. Рабат-и Малик, конец XI – первая половина XII в.; в – цветущий куфи, Шах-Сенем, конец XII в.; г – куфи. Водянское городище, XIV в.

В декоре мавзолеев Узгена (Киргизия) надписи в резном ганче представлены в значительном количестве: почерком куфи на стенах в интерьерах Среднего мавзолея (1012–1013 гг.)[1] и почерками насх и куфи на портале Северного мавзолея (1152 г.)[2].

В Хорезме домонгольского времени мы также находим образцы эпиграфического орнамента в резьбе по ганчу – в мечети на городище Шах-Сенем (Туркмения), которая датируется концом XII – началом XIII в. При раскопках около михрабной ниши мечети были найдены обломки ганчевой декорации. Общую реконструкцию ниши трудно дать, однако исследователи полагают, «что ее обрамляло по крайней мере три пояса надписей, выполненных резьбой по ганчу – шрифтом "процветшего куфи"»[3] (рис. в).

XIII или XIV в. исследователи датируют строительство мавзолея Шах-Фазиль в Сафид-Буленде (Киргизия), облицовка интерьеров которого выполнена резным ганчем, включающем в том числе и надписи почерком куфи с элементами цветущего куфи[4].

Эпиграфика в ганче с памятников Золотой Орды относится к XIV в. и представлена всего лишь несколькими фрагментами. Об одном из них, происходящем из раскопок А. Терещенко на Царевском городище в 1840-х гг. и хранящемся в фондах Государственного Эрмитажа, пишет Л.М. Носкова: «Эпиграфическая надпись, обрамляющая растительный орнамент, от которого сохранилось только изображение трилистника. Два его широких листа имеют узкие заостренные концы с выкружкой. Надпись вначале идет параллельно краю плиты. Как бы образуя бордюр орнамента, затем она описывает дугу, обрамляя сектор, где расположен растительный орнамент. В надписи повторяющиеся словосочетания выполнены куфическим шрифтом»[5].

При раскопках мечети Водянского городища были найдены фрагменты штампованной ганчевой плиты с арабской куфической надписью «Царство единому богу, всемогущему» и разрозненные фрагменты другой плиты, на которых сохранились имена «Аллах», «Мухаммед» и отдельные арабские буквы[6] (рис. г).

Таким образом, в эпиграфическом орнаменте резьбы по ганчу на различных памятниках были использованы почерки:

- в IX–X вв. – *куфи* (мечеть Шир-Кабир; мавзолей Араб-ата);
- в XI в. – *куфи* (Средний мавзолей Узгена); *куфи, цветущий куфи, насх* (мечеть Данданакана, мавзолей Абдуллы Ибн Бурейды[7]);
- в конце XI – начале XII в.: *куфи* (первоначальная резьба в мавзолее Хаким ат-Термези), насх и куфи (дворец в Термезе);
- в XII в. – *насх* (Северный мавзолей Узгена; вторичная резьба по ганчу при ремонтных работах в мавзолее Хаким ат-Термези; Рабат-и Малик),
- в конце XII – начале XIII в. – *цветущий куфи* (Шах-Сенем);

---

[1] Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М .-Л., 1950. С. 46, 52, рис. 18.

[2] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. С. 46, ил. 31; Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. С. 60, 62, рис. 18, 20–21.

[3] Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958. Т. II. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. С. 419, рис. 17.

[4] Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. С. 70, 72, ил. 67–68; Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. С. 89–90, 95, рис. 51, 53, 55–56. Нужно отметить, что Б.П. Денике датирует этот мавзолей концом XII – началом XIII в., тогда как А.Н. Бернштам относит его к концу XIII или началу XIV в. Первая дата представляется нам более вероятной, поскольку, как показывает анализ развития архитектурного декора в Средней Азии, начиная с XIII в. резной ганч вытесняется другими видами декора (см., статью Т.Г. Алпаткиной «Монгольское завоевание и судьба среднеазиатской традиции резьбы по ганчу» в настоящем сборнике).

[5] Носкова Л. М. Терракотовый и ганчевый декор в городах Золотой Орды // Вестник Московского университета, серия IX История. № 5. М., 1972. С. 76.

[6] Булатов Н. М., Вихляев В. И., Гусева Т. И., Егоров В. Л., Мухамадиев А. Г., Носкова Л. М., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 234; Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 125–126, рис. 18–21.

[7] Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии… С. 28–29.

- в первой четверти XIII в. – *куфи* (мечеть в Мисриане);
- в XIII (или начале XIV) в. – *куфи, цветущий куфи* (мавзолей Шах-Фазиль);
- в XIV в. – *куфи* (Царевское и Водянское городища).

Несомненно, эти наблюдения в дальнейшем будут уточнены, по мере рассмотрения образцов эпиграфики в резном ганче с других памятников Средней Азии, Закавказья и Ирана. Но уже сейчас анализ эпиграфических орнаментов в резьбе по ганчу позволяет опровергнуть утверждение известного исследователя архитектурного декора Средней Азии Н.Б. Немцевой о том, что почерк насх на каком-то этапе сосуществовал с более ранним куфи, а затем сменил его[1]. Наши наблюдения показывают, что в период с XI до начала XIII в. куфи, цветущий куфи и насх применялись одновременно или по отдельности на разных памятниках Средней Азии, однако, насх не сменил почерк куфи, напротив, для XIII и XIV вв. пока отмечен только куфи, который применялся в резьбе по ганчу на памятниках Средней Азии и Нижнего Поволжья.

В.А. Бабенко
(ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края, г. Ставрополь),
Ю.Д. Обухов
(МУК «Краеведческий музей с. Прасковея», г. Буденновск)

МОНЕТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ МАДЖАРА И ЕГО ОКРУГИ

Поставленная в работах Е.М. Пигарева[2] и Д.В. Васильева[3] проблема монет в золотоордынских погребениях весьма актуальна для золотоордынских памятников Ставрополья. С территории региона происходит серия погребений с монетами, сопоставимая с сериями из других регионов и нуждающаяся в осмыслении. Наиболее многочисленная серия монет происходит с территории Прикумья.

В.А. Городцов еще в 1907 г. обнаружил во время раскопок на городище Маджары пока единственное на городском кладбище погребение с монетами. На территории усадьбы О. Арзиманова в погребении 1 было обнаружено 48 серебряных монет XIVв.[4] Они были положены у стоп погребенного столбиками, вероятно, первоначально были вложены в обувь[5]. Погребенный лежал на спине, головой на СЗЗ, кисть левой руки на животе. Над грудью погребенного лежало несколько обломков костей крупного животного. Положение рук погребенного соответствует т.н. «мусульманской позе»[6].

В 1957 г. в окрестностях а. Ачикулак Грозненской области (совр. Нефтекумский район Ставропольского края), в междуречье рек Кума и Горькая Балка было обнаружено погребение, развеянное на песчаных выдувах. Опубликовано Е.И. Нарожным по зарисовкам из архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова. Погребальная конструкция не прослежена. В погребении с северной ориентировкой погребенного был обнаружен выразительный инвентарь: сабля, колчан с железными наконечниками стрел, серебряная поясная чаша. В районе нижней части грудной клетки погребенного была обнаружена медная китайская монета. Погребение интерпретировано Е.И. Нарожным как монгольское[7].

---

[1] Немцева Н. Б. Рабат-и Малик: материалы раскопок… С. 276.
[2] Пигарев Е. М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2000. Т. 1.
[3] Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.
[4] Определение монет не производилось.
[5] Городцов В. А. Результаты Археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. М., 1911. Т. 3. С. 97.
[6] Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. С. 125–126.
[7] Нарожный Е. И. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории Грозненской области (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5. С. 230–232, 239, рис. 5; с. 240, рис. 6; с. 241, рис. 7.

В 1972 г. А.В. Найденко[1] в ходе раскопок курганного могильника в окрестностях с. Китаевка Новоселицкого района (долина р. Томузловки, левого притока р. Кумы) исследовал в кургане 8 впускное погребение 7, датирующееся золотоордынской эпохой. Оно находилось в юго-восточном секторе кургана, почти на краю насыпи. Совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии запад-восток. Размеры ямы –1,2х0,8 м, глубиной –0,9 м. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на запад (ноги отсутствовали). На линии пояса были найдены 2 медные монеты, чеканенные во время Джанибек-хана, в отчете помещены эстампы с их лицевых сторон.

В последнее время на территории Прикумья были исследованы еще 2 комплекса. В настоящей работе публикуются монетные находки из комплексов Кабакинский 2-1-6 и Покойное 2-8. Комплексы, в которых они были обнаружены, нуждаются в отдельной публикации.

Кабакинский 2. Раскопки В.Л. Ростунова[2]. Курганный могильник располагался на водоразделе левой надпойменной террасы р. Кумы в окрестностях пос. Кабакинский Левокумского района. Курган 1. Диаметр кургана – 28 м, высота – 0,8 м. Погребение 6. Впущено в насыпь кургана в центральной части. Погребальная конструкция не прослежена. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Череп сильно фрагментирован. Кости грудной клетки, таза и позвоночника находились в положении на спине. Поверх костей грудной клетки был обнаружен древесный тлен. Кости рук вытянуты вдоль туловища, кисти были уложены на верхнюю часть бедренных костей. Кости ног были вытянуты параллельно друг другу. С внешней стороны правого тазобедренного сустава в виде скопления были обнаружены 3 серебряные монеты (нах. 1, 2, 3). Немного восточнее монет было обнаружено уплощенное железное кольцо (нах. 4). С внешней стороны левого коленного сустава лежала железная пряжка (нах. 5).

Определению поддается одна из монет (нах. 1) – дирхем хана Хызра, чекан Нового Сарая.

Покойное-2. Раскопки В.А. Бабенко[3]. Курганный могильник располагается на водоразделе левой надпойменной террасы р. Кумы к северу от с. Покойное Буденновского района. Курган 8. Высота – 0,3 м, диаметр – 35 м. В кургане с действующим газопроводом было исследовано 6 погребений, датирующихся эпохой Золотой Орды и 14 отдельных находок. Часть насыпи, вошедшая в центральную бровку шириной 6 м, осталась неисследованной. Возможно, под насыпью кургана скрываются остатки сырцового сооружения эпохи Золотой Орды, о чем свидетельствуют прослеженная в профилях обеих фасов центральной бровки прослойка светло-серого грунта, напоминающего по своей структуре остатки сырцовых кирпичей, разрушенных распашкой. Ее толщина в среднем составила 5–8 см. Ввиду невозможности полного исследования насыпи, типология этого сооружения осталась неустановленной.

Отдельные находки 2–14. Монеты серебряные, 13 шт. Обнаружены с помощью металлодетектора в пахотном слое на уровне 5–7 см на участке центральной бровки от отметки 8 мЮ до отметки 4 мС. Было собрано 11 дирхемов и 3 фрагмента (два фрагмента после расчистки оказались от одной монеты, и были объединены).

Из общего числа исследованных в кургане погребений выделяются погребения 2, 4 и 5, совершенные в грунтовых ямах удлинено-овальной формы, ориентированных длиной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Погребенные лежали вытянуто, на спине, головой на запад-юго-запад.

В заполнении погребения 5 было обнаружено на разных уровнях еще 2 монеты. Погребение потревожено норой крупного землеройного животного, что не исключает как попадание монет из пахотного слоя, так и их перемещение из придонной части в верхние слои заполнения. К инвентарю погребения были отнесены следующие находки.

1. Монета серебряная. Времени Токты-хана (1291–1312 г.г.) чеканенная в Сарае-ал-Махрусе в 710 г. (1310/1311 г.г.). Размеры: диаметр – 1,65–1,7 см, толщина – около 0,5 мм, вес монеты – 0,86 г (после расчистки).

[1] Выражаем признательность А.В. Найденко за возможность публикации материалов.

[2] Ростунов В. Л. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Кабакинский-2» на территории Левокумского района Ставропольского края. Ставрополь, 2006.

[3] Бабенко В. А. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Степной-1» на территории Левокумского района и курганного могильника «Покойное-2» на территории Буденновского района Ставропольского края в 2008 году. Ставрополь, 2010.

2. Монета серебряная. Времени Узбек-хана (1313–1339 г.г.). Имеет неправильно-округлую форму с отчетливыми надписями на лицевой и оборотной сторонах. Вес 1,48 г. Размеры: диаметр – 1,55–1,7 см, толщина – около 0,5 мм.

Общее количество найденных монет составило, с учетом фрагментов – 15 монет. Характеристика клада выглядит следующим образом: из 15 монет – 4 принадлежат Токта-хану (1291–1312 г.г.), разделяются на два типа, отчеканены в 710 г. (1310/1311 г.г.), по месту чекана распределяются 3 – в Сарае-ал-Махрусе, 1 – в Маджаре, 11 монет Узбек-хана (1313–1342 г.г.) разделяются на четыре типа и отчеканены в 716–727 г.г.(1317–1328) в Сарае – 10 шт., Мохша – 1 шт. Таким образом, временной состав клада укладывается в рамки 710–727 г.г., следовательно, сокрытие клада относится к 30 гг. XIV в.

Предварительные выводы. По сравнению с такими эмирскими городами, как Азак и Укек, Маджар и его округа изучены недостаточно. По предположению В.Л. Егорова, район вокруг трех Маджарских городищ, выявленных С.-Г. Гмелиным, представлял сплошную зону оседлости[1]. За исключением Средних Маджар (городище Маджары) остальные памятники еще не локализованы. Возможно, рассмотренные погребения с монетами помогут уточнить их расположение. На территории Маджара и его округи долгое время были известны только монетные клады. Появление погребений с монетами позволяет по-новому рассмотреть денежное обращение в округе Маджара[2].

На городском кладбище Маджара известно всего одно погребение с монетами. Несмотря на недостаточную изученность памятника, следует отметить, что раскопы В.А. Городцова были заложены в разных частях городища. Всего В.А. Городцов и Г.Н. Прозрителев раскопали 24 погребения различной степени сохранности. В 1989–1991 гг. в ходе охранных раскопок на памятнике было исследовано еще 34 погребения различной степени сохранности. Среди них преобладают безынвентарные погребения, монетные находки отсутствуют. Очевидно, что были исследованы участки кладбища, функционировавшие в период утверждения ислама среди населения города. Более характерно помещение монет в подкурганных захоронениях в округе Маджара.

Погребение из Ачикулака можно считать наиболее ранним на территории маджарской округи. Наличие чаши, характерной для раннеджучидского периода и китайской монеты свидетельствует о датировке погребения второй половиной XIII в., данный комплекс несет следы влияния городской культуры. Монета из Ачикулака близка китайской монете из Маджара, относящейся к периоду правления императора Цзя-Тай (1201–1204). Монета попала в Маджар до начала 60-х гг. XIII в., что позволяет уточнить дату основания города[3].

Комплекс Китаевское 8–7 происходит с территории, которую можно включить в маджарскую округу. Предположительно, в устье р. Томузловки локализуются Верхние Маджары. К сожалению из-за не доступности для изучения публикуемого комплекса, используя лишь полевой отчет по эстампам лицевых сторон монеты определяются как анонимные пулы времени Джанибек-хана (периода великой замятни), чеканки Сарай ал-Джедид, датированные 1352/1353 и 1359/1360 гг.

Комплекс Покойное 2–8 локализуется непосредственно в округе Маджара. Исследованные здесь погребения в большинстве своем имеют ориентировку, сходную с ориентировкой на городском кладбище Маджара, зафиксированную на раскопе 3 в 1990 г. На этом участке погребения городского кладбища перекрывают культурный слой городища, датированный монетами 1330 гг.[4] Это позволяет рассматривать погребения из курганного могильника Покойное-2 как захоронения жителей маджарской округи периода расцвета города, который приходится на время правления Узбек-хана и Джанибек-хана[5].

---

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 123.

[2] Вышедшие недавно работы с участием жителя Буденновска В. Павленко скорее отражают размах деятельности грабителей на памятнике, чем интенсивность накопления материалов по нумизматике Прикумья.

[3] Обухов Ю. Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. С. 129, рис. 1.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

[4] Белинский А. Б., Зиливинская Э. Д., Бабенко В. А. Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1989–90 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15207, 15208, 15209. 1991.

[5] Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар // СА. 1972. № 3. С. 159.

Очевидно, что все монеты, обнаруженные на кургане, входили в состав клада, разрушенного при распашке или строительстве газопровода.

Состав клада:

- Токта-хан, Маджар, 1310\1311 – 1шт.;
- Сарай-ал-Махруса, 1310\1311 – 4 шт.(с учетом фрагмента);
- Узбек-хан, Мохша, 1317\1318 – 1 шт.;
- Сарай, 1316\1317 – 1шт.;
- Сарай, 1317\1318 – 1шт.;
- Сарай, год ? – 3шт.;
- Сарай-ал-Махруса, 1322\1323 – 3шт.;
- Сарай, год ? – 1шт.

Комплекс Кабакинский 2-1-6 исследован неподалеку от предполагаемого места расположения т.н. Малых Маджар русских карт XVIII в. (Нижние Маджары С.-Г. Гмелина). Он расположен на равном расстоянии от предложенных И.В. Волковым 2 вариантов их локализации: поселков Кумская долина и Бургун-Маджары Левокумского района[1]. Этот район входил в округу городского центра, где, предположительно, возродилась жизнь после разгрома Маджара армией Мамая в период великой замятни[2].

Локализация погребений с монетами на территории Прикумья может свидетельствовать и о направлении торговых связей города.

Комплексы Покойное 2-8 и Кабакинский 2-6-1 расположены на кумском левобережье, где примерно до совр. с. Владимировка Левокумского района локализуется маршрут Маджар – Хаджитархан. Этим маршрутом проследовала французская путешественница первой половины XIX в. Адель Оммер де Гель[3].

По долине Томузловки в район Прикалаусских высот проходили коммуникации, соединявшие Маджар с территорией Прикубанья и Черноморского побережья[4]. На территории Прикалаусских высот известны 2 клада дирхемов: у сел Грушевское и Северное[5].

Таким образом, обычай помещения монет в погребениях сохраняется у населения маджарской округи на протяжении второй половины XIII–XIV вв. Большинство погребений относятся к периоду распространения ислама. Следует согласиться с Д.В. Васильевым, что всплеск встречаемости золотоордынских монет в захоронениях 1340–1360-х гг. следует связывать именно с ростом экономического развития Золотой Орды и с проникновением в кочевую степь товарно-денежных отношений[6].

Вариант штемпеля монеты, описанной Х.М. Френом: Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. Репринт издания 1832 г. № 42; С.А. Яниной: Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции Болгарах в 1953–1954 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1958. Т. II. (МИА. № 61). № 31а. Датируется 727 г. по Ю. Е. Пырсову: Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002. 47/07б. Датируется 717 г. В любом случае монета укладывается во временные рамки клада.

[1]Волков И. В. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. С. 206.

[2] Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар // СА. 1972. № 3. С. 160.

[3] Оммер де Гель А. Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России // Соснина Е. Л. Два путешествия в золотой век. Пятигорск, 2003. С. 248–250.

[4] Бабенко В. А. Памятники золотоордынского времени на территории Ставропольской возвышенности Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2001. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. С. 107.

[5] Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 150.

[6] Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. С. 144.

В.Г. Блохин
(ВолГУ, г. Волгоград)

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС С НЕОРДИНАРНЫМ ОБРЯДОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА АКСАЙ – I

В июле 2004 г. экспедиция Волгоградского государственного университета проводила раскопки курганного могильника Аксай-I, располагавшегося у с. Аксай Октябрьского района Волгоградской области.

Могильник располагался на левом низком участке поймы р. Есауловский Аксай (левый приток Дона). Между могильной группой и р. Есауловский Аксай находится заболоченное русло р. Россошь. К западу от могильной группы располагается обширный лиман, поросший камышом.

В 1997 г. было раскопано 9 курганов (№ 1–9), материал которых относился к эпохе бронзы и раннему железному веку. Объектами раскопок 2004 г. были насыпи 11, 12, 13, 14. Три последних – сарматские курганы. Интерес представляет всхолмление под № 11 с нестандартным обрядом погребения (умерший расчленен) и возведенной вокруг могильной ямы квадратной конструкцией из сырцовых кирпичей.

Исследуемый объект представлял собой четко выраженное всхолмление (рис. 1). Высота холма по нивелировочным данным – 0,84 м; диаметр по линии С-Ю – 18 м, по линии З-В – 20 м. У северной полы объекта прослеживалась овальная западина размером 8,7 х 4,5 м (глубина от 0 – 0,94 м). Вторая западина, также овальной формы размером 6,8 х 4,1 м находилась у северо-восточной полы холма (глубина – от 0 до 1,1 м). С востока объект был ограничен еще одной небольшой западиной, имевшей также овальную форму размером 4,7 х 3,5 м (глубина от 0 до 0,95 м).

В процессе раскопок во всех секторах объекта на глубине 0,4–0,45 м от 0 встречались обломки сырцового кирпича сероватого цвета. После зачистки дна раскопа на глубине 0,47–0,55 м от 0 в центральной части холма обнаружена кладка сырцового кирпича, представлявшая собой двойную оградку, возведенную вокруг могильной ямы (рис. 1, 2). В плане, сырцовая оградка имела подквадратную форму, сторонами ориентирована по линиям ССЗ-ЮЮВ и ВСВ-ЗЮЗ. Размеры внешнего периметра – 6,8 х 6,5 м; внутреннего – 4,8 х 4,8 м. Оградка сложена из серых и темно-серых сырцовых кирпичей. Основания всех стен лежали на уровне погребенной почвы. Сырцовые кирпичи, в основном, прямоугольной формы, были уложены плашмя в несколько рядов. Связующим материалом служил глиняный раствор. Определенного стандарта в форме и размерах кирпичей не зафиксировано, преобладали прямоугольные блоки форматом 30 х 20, 40 х 30, 50 х 30, 60 х 40 см. Толщина кирпичей варьировала в пределах 7–8 см.

В отдельных местах сохранилось 4–5 рядов кладки. Верхние слои кладки были разрушены, видимо, в результате распашки и естественных почвообразующих процессов. Высота сохранившейся части сырцовой конструкции по профилям бровок составляет 35–40 см. Ширина внешней и внутренней стенок сооружения достигала 40–50 см. Какой-либо, точно выдержанной системы кладки зафиксировать не удалось, но при этом, достаточно четко установлено, что строители пытались соблюсти рядную перевязку швов.

В северо-восточном секторе раскопа за пределами оградки располагались 2 хозяйственные ямы, также выявленные на уровне материка.

Яма № 1 имела узкую овальную форму, продольной осью ориентирована по линии СВ-ЮЗ (рис. 1, 4). Длина ямы – 1,24 м, ширина в средней части – 0,5 м, глубина – 0,9 м. Заполнение – темно-серый гумусированный суглинок. Каких либо находок на дне ямы и в заполнении не обнаружено. Назначение ямы не установлено.

За пределами сооружения, к юго-западу от него на уровне материка был выявлен ровик, имевший овальную форму размером 9,0 х 3,2 м и заглубленный в материк на 7–8 см.

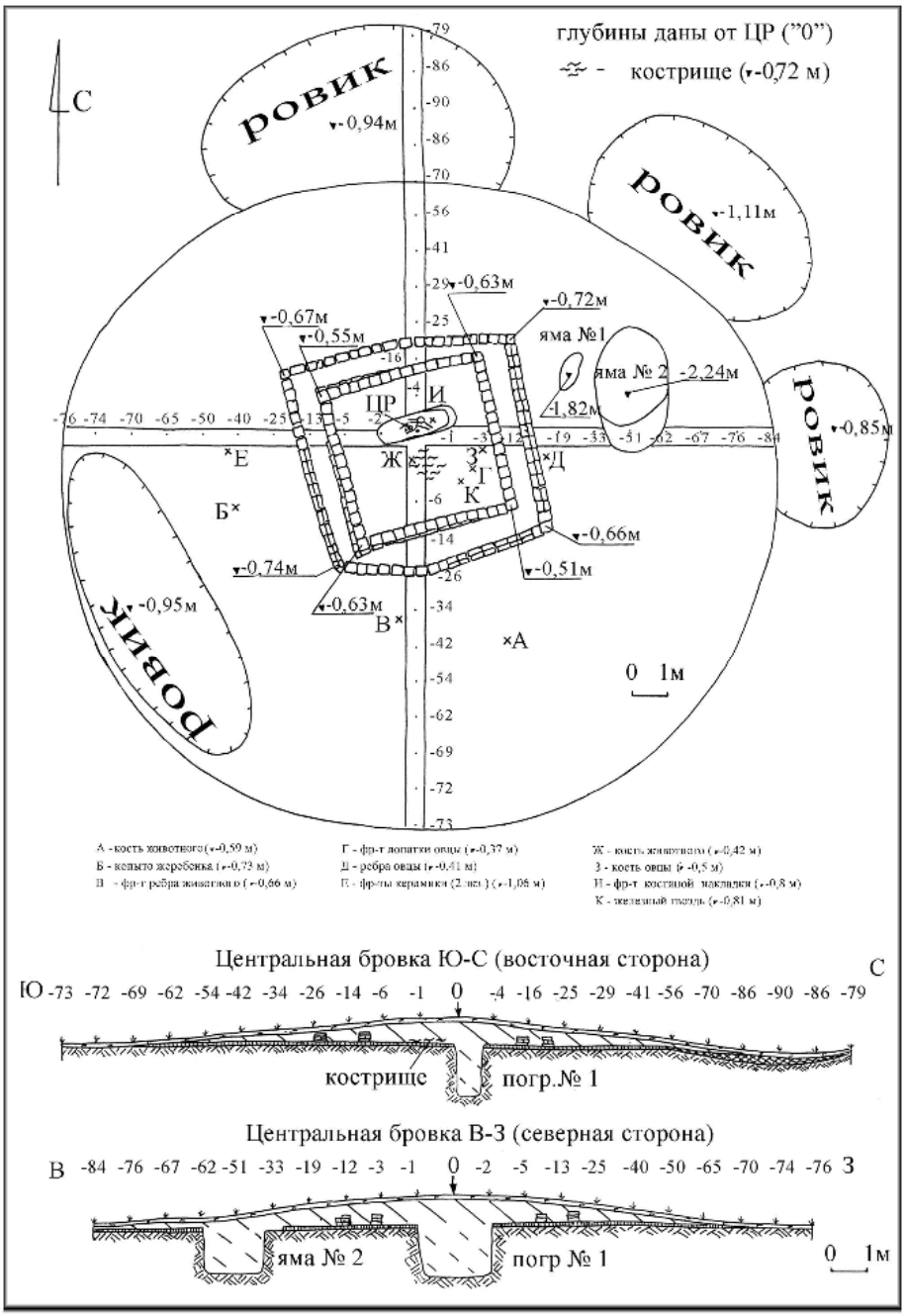


Рис. 1. Могильник Аксай-I. Курган № 11. Общий план и профили бровок

Яма № 2 имела широкую овальную форму, продольной осью ориентирована по линии С – Ю (рис. 1, 4). Параметры ямы по верху: длина – 3,5 м, ширина в средней части – 2,0 м. На глубине 0,65 м от края в южной стороне ямы была обнаружена ступенька шириной до 0,8 м. Дно в северной части ямы было выявлено на глубине 1,25 м. Размеры ямы по дну – 2,8 х 2,0 м. В центральной части на глубине 0,9 м обнаружены сырцовые кирпичи и их фрагменты. Кирпичи лежали в один слой, не перекрывая друг друга. Размеры самых крупных экземпляров – 30 х 25 х 8 см. По всей видимости, функционально, яма была связана с процессом формовки сырцовых кирпичей и после возведения оградки была засыпана вместе с неиспользованными заготовками (?).

Рис. 2. Общий вид сырцовой оградки насыпи № 11 могильника Аксай-*I*

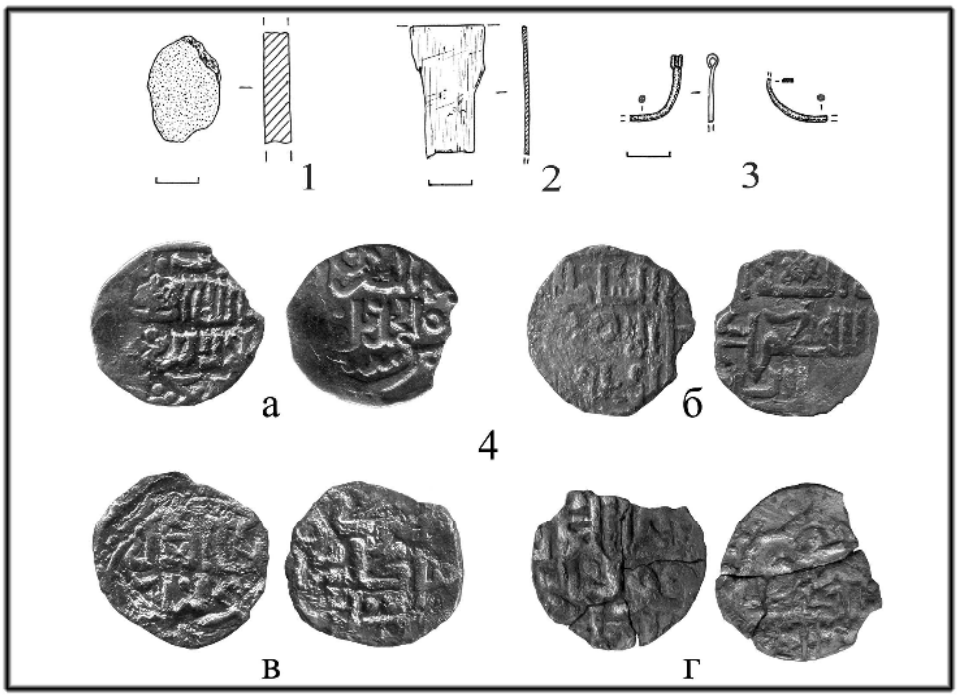


Рис. 3. Инвентарь комплекса: 1 – фрагмент лепной керамики; 2 – фрагмент костяной накладки; 3 – фрагмент серебряной подвески; 4 – серебряные монеты

В процессе раскопок насыпи были обнаружены следующие предметы.

А. На расстоянии 6,3 м на ЮЮВ от ЦР на глубине 0,59 м от 0 обнаружен обломок трубчатой кости животного (МРС ?). Б. На расстоянии 5,5 м на ЗЮЗ от ЦР на глубине 0,73 м от 0 обнаружено копыто жеребенка. В. На расстоянии 5,3 м на ЮЮЗ от ЦР на глубине 0,66 м от 0 найден фрагмент ребра домашнего животного. Г. На расстоянии 1,9 м на ВЮВ от ЦР на глубине 0,37 м от 0 обнаружен фрагмент лопатки овцы. Д. На расстоянии 3,7 м на ВЮВ от ЦР на глубине 0,41 м от 0 зафиксированы ребра овцы. Е. На расстоянии 5,3 м на ЗЮЗ от ЦР на глубине 1,06 м от 0 (в норе грызуна, заглубленной в материк) найдены 2 мелких фрагмента лепной керамики с обильной примесью крупного песка в коричневатом тесте (рис. 3, 1). Толщина черепка – 0,6 см. Ж. На расстоянии 0,9 м к ЮЮЗ от ЦР на глубине 0,42 м от 0 обнаружен обло-

мок трубчатой кости животного (МРС ?). З. На расстоянии 1,8 м на ВЮВ от ЦР на глубине 0,5 м от 0 зафиксирована кость овцы. И. На расстоянии 0,5 м к СВ от ЦР над могильной ямой, на глубине 0,8 м от 0 обнаружен фрагмент костяной колчанной (?) накладки размером 2,8 х 1,5 см, толщиной 0,15 см (рис. 3, 2). К. На расстоянии 1,9 м на ЮВ от ЦР на глубине 0,81 м от 0 обнаружен небольшой фрагмент сильно коррозированного железного предмета (гвоздь?).

Кроме того, внутри кирпичного сооружения, к югу от погребения на глубине 0,72 м (фактически, на погребенной почве) зачищено кострище (слой мелких угольков и золы) овальной формы 1,1 х 0,8 м. Прокал почвы под кострищем незначительный (до 1 см), что говорит о непродолжительном его горении.

Очевидно, что кости домашних животных, обнаруженные в насыпи, а также кострище имеют непосредственное отношение к погребальному ритуалу, являясь, по всей вероятности, элементами тризны.

Внутри ограды находилось одно погребение, располагавшееся в центральной части сырцового сооружения (рис. 1, 4).

Погребение № 1. Могильная яма имела удлиненно-прямоугольную форму с сильно скругленными углами. Продольной осью она ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры ямы по верху – 2,3 х 0,9 м. В верхних слоях заполнения встречались мелкие угольки. Около западной стенки на глубине 0,1 м от УПП обнаружен небольшой фрагмент трубчатой кости овцы. Также в заполнении ямы у северной и западной стенок, на глубине 0,55 м от УПП встречены обломки сырцовых кирпичей. К низу яма несколько сужалась. Параметры по дну: длина – 2,1 м, ширина в средней части – 0,8 м, глубина от УПП – 1,45 м.

На дне могильной ямы расчищен скелет молодого мужчины 25–30 лет . Погребенный был расчленен: от туловища отделены череп и ноги. Грудная клетка, руки и таз лежали в сочленении. Верхняя часть костяка оказалась смещенной от продольной оси могильной ямы к ЮЗ, позвоночным столбом ориентирована по линии ЗЮЗ – ВСВ (шейный отдел позвоночника направлен в юго-западную сторону). Руки согнуты в локтях под прямым углом; правое предплечье находилось на тазе, запястье левой располагалось под левым крылом таза. Кости правой ноги, лежащие в сочленении в вытянутом положении, находились под грудной клеткой. Левая нога, слабо согнутая в колени, лежала поперек оси позвоночника около таза. Под бедренной костью левой ноги обнаружен череп человека, лежащий на левом виске, лицевой частью обращенный на ЮВ. Нижняя челюсть находилась на плечевой кости левой руки.

1. Около правого плеча на дне ямы найдена серебряная монета. Еще 3 серебряные монеты были обнаружены вместе, на дне ямы, возле бедренной кости правой ноги. Одна из монет, найденная у правого плеча – хана Джанибека, чеканена в Сарай ал-Джедиде (рис. 3, 4 а). Год выпуска не читается, но тип относится к широко распространенным в 40-е гг. XIV в. Другая монета – хана Узбека с суннитским символом веры (рис. 3, 4 б). Место и год чеканки не сохранились, но тип относится к широко распространенному сарайскому чекану 734 и 737 гг. х. Две другие монеты – хана Кульны, чеканенные в Гюлистане. Одна выпущена в 760 г.х. (рис. 3, 4 в), а другая – в 761 г.х. (рис. 3, 4 г).

2. Под костями таза около черепа собраны фрагменты серебряной височной (?) подвески, выполненной из тонкой изогнутой проволоки с маленькой желобчатой петелькой на конце (рис. 3, 3). Диаметр сечения – 0,2 см. Форма подвески полностью не восстановлена.

Нумизматический комплекс погребения позволяет датировать его временем не ранее 761 г. х. (1359–1360 гг.), скорее всего, в пределах одного десятилетия.

Совершенно очевидно, что нарушение анатомической целостности скелета, в данном случае, не может быть связано с деятельностью грабителей. Об этом свидетельствуют такие факты, как целостность могильного сооружения, сохранность достаточно привлекательного могильного инвентаря (серебряных монет).

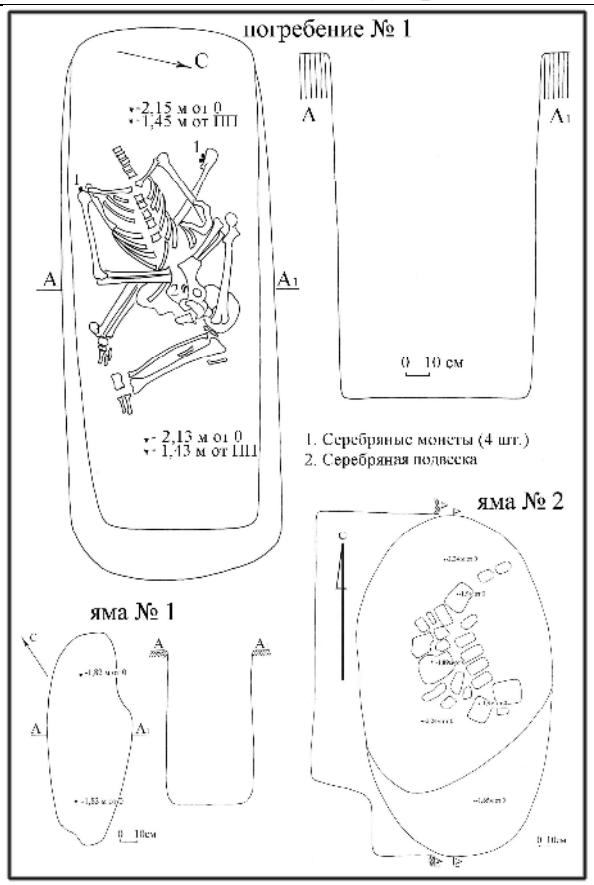


Рис. 4. План и разрез погребения № 1, ямы № 1 и № 2

Если бы мы имели дело с грабительским перекопом, то кости скелета (или их часть) были бы смещены в засыпь ямы. Кости погребенного лежали на дне единым пластом, а это свидетельствует о том, что до момента расчленения птомы яма не была засыпана. Очевидно, если бы имело место быть повторное вскрытие уже засыпанной могилы и расчленение погребенного на месте (в могиле), то укладка его останков в том порядке, в котором они зафиксированы, была бы невозможна. Повторное вскрытие могилы, изъятие останков с их расчленением и последующая раскладка в том виде, в котором они зафиксированы, также маловероятно. В этом случае, останки легли бы на остатки слоя первичного заполнения.

Разрушению подвергнуты череп погребенного и его ноги. Голова мужчины была отсечена, череп перемещен в район тазовых костей, а нижняя челюсть – на плечевую кость левой руки. Ноги погребенного были отсечены от туловища по тазобедренным суставам и размещены

Расчленение погребенного, судя по всему, проводилось посредством рассечения (перерезания) тела острорежущим инструментом (ножом, кинжалом или т.п. ?) по суставам. При этом, по наблюдениям антропологов, никаких следов на суставных площадках и костях не обнаружено[1]. Механизм расчленения не вполне понятен. Ясно, лишь, что перемещение частей птомы происходило до истлевания связок скелета, но, по всей вероятности, после распада мягких тканей, т.к. при их наличии расчленить тело не повредив кости, не оставив каких-либо следов на костях, суставных площадках, шейных позвонках практически невозможно. Интересно, что согласно наблюдениям, проводившимся в рамках судебно-медицинской экспертизы, на открытом воздухе (на поверхности земли) в теплое время года в условиях умеренного климата, при доступе влаги, ветра, солнечной радиации, действия насекомых (особенно мух) разрушительные процессы

[1] Балабанова М. А., Перерва Е. В. Новые антропологические данные к изучению погребальных обрядов древнего и средневекового населения северной части Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 268, 273.

гниения мягких тканей протекают в очень короткие сроки, исчисляемые 2–4 неделями для птомы взрослого человека. Для жаркого климата эти сроку могут сократиться до одной недели[1].

Не совсем ясно, где проводилась демембрация тела человека – в могильной яме или на стороне. Можно, лишь утверждать, что после расчленения трупа останки человека были размещены в могильной яме в соответствии с неким ритуалом или обрядом. Вначале были уложены правая нога и голова погребенного, затем останки туловища. Причем, следует обратить внимание на то, что расположение корпуса (он имеет дорзальное положение) и рук погребенного (они симметрично согнуты в локтях) указывает на преднамеренный характер укладки останков человека. После этого, в могилу были помещены левая нога и нижняя челюсть погребенного.

Обращает на себя внимание, хотя и не нашел у нас объяснение, тот факт, что размеры и форма могильной ямы выдержаны в пропорциях, более подходящих для размещения анатомически целого тела умершего в вытянутом положении.

Определенные сложности возникают с этнокультурной идентификацией памятника. С одной стороны, демембрация принципиально несовместима с повседневными похоронными обычаями тех религиозных канонов, которые нашли распространение в пределах Золотой Орды – мусульманства, языческого погребального обряда шаманистического толка, христианства, буддизма. Не стыкуется данная операция и с зороастрийским погребальным ритуалом. С другой стороны, те признаки, которые характеризуют аксайское погребение (наличие монет в погребении, сырцовая оградка, широтная ориентировка могильной ямы) отнюдь не являются маркирующими, определяющими. Обычай снабжать умерших монетами или предметами их замещающими – традиция, безусловно, интересная и многоплановая. Но совершенно очевиден и тот факт, что этот обычай нашел достаточно широкое распространение и в исламе, и в традиционной кочевой культуре, и в христианстве, и в буддизме, и в зороастризме[2]. Появление погребальных комплексов с сырцовыми оградками большинство исследователей прямо связывают с процессом исламизации населения Золотой Орды. Но вопрос этот имеет отнюдь неоднозначное решение. Среди комплексов с сырцовыми оградками значительно количество погребений с отклонениями от мусульманского обряда или не имеющих ничего общего с таковым[3]. Уже в силу этого невозможно констатировать безусловную связь сырцовых оградок с исламизацией.

На мой взгляд, возможна трактовка комплекса в рамках обряда ритуального обезвреживания погребенных, т.е. расчленение птомы могло производиться с целью предохранения живых от влияния умерших. Вера в возможность нежелательного воздействия мертвых приводила к различным видам «уродования тела»[4]. Нарушению подвергались, прежде всего, голова погребаемого и опорно-двигательный аппарат умершего. При этом использовались самые разнообразные способы «обезвреживания» – пеленание и связывание конечностей ремнями, веревками и пр., подрезание мышц и связок, отсечение конечностей, деструкция костей, экскарнация трупа, нарушение анатомической целостности птомы, с возможным изъятием отдельных костей из погребения и пр. По мнению В.С. Флерова сознательное повреждение трупов «возникали независимо у множества народов на определенной стадии развития, а ритуалы и способы обезвреживания трупов принимали самые разные формы»[5]. Анализ постпогребальных обрядов, проделанный исследователем показал его широчайшее распространение в пространственно-временном континууме человеческой культуры[6].

---

[1] Смольнянинов, Татиев, Черваков, 1959. С. 164–166; Пашкова В. И., Резников Б. Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам., Саратов, 1978. С. 273.

[2] Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984. С. 150–161.

[3] Мыськов Е. П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6; Дворниченко В. В., Зиливинская Э. Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7; Васильев Д. В. Статистический анализ золотоордынских захоронений в подкурганных оградках // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, 2006. Вып. 5, № 1–2

[4] Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997. С. 98.

[5] Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград, 1993. С. 54

[6] Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. Хазарское время.

Обрядовая практика, связанная с ритуальным обезвреживанием погребенных была распространена у населения черняховской культуры, раннесредневековой аланской и салтово-маяцкой среде, а также у ряда других этнических групп[1]. Это нашло отражение в материалах значительных серий погребальных комплексов указанных общностей, где достаточно четко фиксируются следы постпогребальной практики (по терминологии В.С. Флерова).

Обрядовая специфика аксайского комплекса не находит сколько-нибудь внятных аналогий в синхронных золотоордынских погребальных памятниках. С одной стороны, этот факт ставит проблему более тщательной фиксации и интерпретации золотоордынских комплексов, трактуемых, как «ограбленные» или «разрушенные грабителями». Полное или неполное нарушение анатомической целостности скелета, смещение или отсутствие отдельных костей скелета, зачастую, однозначно связывается с деятельностью грабителей. Таких комплексов довольно много. Достаточно отметить, что, например, в статье Е.П. Мыськова, посвященной погребальным сырцовым сооружениям могильника Маляевка VI, в трех из четырех описываемых конструкций зафиксированы ограбленные погребения[2]. В статье В.В. Дворниченко и Э.Д. Зиливинской, где рассматриваются погребальные оградки золотоордынского времени, два комплекса из трех рассматриваются как ограбленные[3]. Между тем, следует высказать предположение, что не во всех этих комплексах, нарушение целостности скелета находится в безусловной связи с деятельностью грабителей. Иначе трудно объяснить наличие, например, в погребении кургана 5 могильника Кривая Лука среди костей погребенного, которые перемещались якобы грабителями, одиннадцати серебряных монет. Кроме монет, здесь же, находились костяные орнаментированные накладки колчана, железные пряжки, наконечники стрел, нож, пинцет, обломки различных железных предметов, костяная рукоять ножа, пластина и обойма, бусы[4]. Вряд ли грабители не обратили внимание на достаточно привлекательный могильный инвентарь.

С другой стороны, отсутствие выраженной серии комплексов с четко обозначенным обрядом расчленения погребенных свидетельствует о том, что мы имеем дело с неординарной практикой в культуре средневековых кочевников. По представлениям тюрко-монгольских народов, человек, пройдя жизненный цикл, может возродиться в новой ипостаси. Но условием его перерождения является непотревоженность костяка, наличие всех костей скелета в целом. Отсутствие хотя бы одной кости, расчлененность скелета влечет невозможность перевоплощения[5]. Очевидно, подобные представления тесно связаны с понятием о жизненной и духовной силе sülde, вместилищем которой могла быть голова, костяк, скелет человека[6]. В различных вариациях понимание сакральной субстанции sülde фиксируется у монгольских и тюркских народов. Согласно этим представлениям разрушение костей производилось тогда, когда требовалось лишить покойного sülde, которая могла бы привести к его возрождению[7]. Возможно, в аксайском комплексе нашла отражение обрядовая практика, обусловленная подобным религиозным восприятием.

---

[1] Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на археологическом фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. Хазарское время.

[2] Мыськов Е. П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 217–219, рис. 1–4.

[3] Дворниченко В. В., Зиливинская Э. Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 281–283, рис. 1–8

[4] Дворниченко В. В., Зиливинская Э. Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 282.

[5] Дмитриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // STRATUM. Структура и катастрофы : сб. символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 212–219; Дмитриев С. В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 185–186.

[6] Рыкин П. О. К вопросу об обычае расчленения и скальпирования у средневековых монголов // Сибирский сборник. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 2. С. 67.

[7] Там же.

Е.М. Болдырева
(МГУ, г. Москва)

КИТАЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА МАЯЧНЫЙ БУГОР)

На территории золотоордынских городищ и в погребениях золотордынского времени часто обнаруживается инвентарь, происхождение которого связывается с дальневосточным регионом. В связи с этим представляет особый интерес могильник Маячный бугор, расположенный в 400 м к северу от с. Красный Яр Астраханской области. Могильник является некрополем Красноярского городища. Нами будут учтены данные, которые получены в ходе работ, проводившихся с 1990 по 1994 г. на первой, ближайшей к городищу части могильника и в 1995 г. на второй части могильника (дальней). По мнению С.А. Котенькова, согласно датировкам обнаруженного нумизматического материала, могильник датируется последней четвертью XIII-го до начала второго десятилетия XIV в.[1], за исключением нескольких погребений, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Средневековые захоронения могильника, по обряду погребения, можно разделить на совершенные по мусульманскому, по христианскому (представленному одним погребением), по языческому обычаям и смешанного типа (совмещающему в себе черты и мусульманства и язычества).

Было учтено 261 погребение и выявлено процентное соотношение между наличием инвентаря и ориентировкой погребений по отношению ко всему комплексу. Из них в таблицу не вошли погребения, ориентировку которых определить не удалось (5,7 %), кенотафы (0,76 %), захоронения без инвентаря, но с остатками органики (2,3 %), 1 кыпчакское погребение с сопроводительным захоронением коня, 1 христианское погребение и три перезахоронения, но они учитываются в общем количестве погребений (табл.).

Таблица

Соотношение между наличием инвентаря и ориентировкой погребений

	Северная ориентировка	Южная ориентировка	Восточная ориентировка	Западная ориентировка
Инвентарь отсутствует	0 %	0,77 %	2,3 %	52,5 %
Инвентарь присутствует	0 %	6,5 %	7,3 %	4,6 %
Инвентарь отсутствует, но имеются следы деревянных конструкций	0,38 %	0 %	0,76 %	14,2 %

Наибольший интерес представляют языческие погребения с восточной или южной ориентировкой, которые представлены богатым сопроводительным инвентарем и составляют около 14 % захоронений от всего могильника.

Один из элементов сопроводительного инвентаря – серебряные монеты, которые были обнаружены в 12 случаях и в одном случае была найдена медная монета. Монеты зафиксированы во рту погребенных или в кистях рук. В нескольких случаях наблюдалось сочетание положения монеты и во рту и в одной или двух кистях рук. В.П. Костюков обратил внимание на обычай, существовавший в Китае, где в рот или руки мертвым издревле было принято класть золото или другие драгоценные предметы. Монеты находят во рту или зажатыми в руке у погребенных цзиньских, суйских, танских и более поздних династий[2]. Этот обычай зарегистрирован и в ранней буддийской традиции. На территории могильника зафиксированы погребения, в которых в области черепа были найдены серьги или бусины, которые, возможно, заменяли монеты. Значительное количество средневековых погребений, в которых место монет занимали серьги, перстни или другие предметы из драгоценных металлов открыто на территории Средней Азии и Восточного Туркестана[3].

[1] Котеньков С. А. Нумизматический материал золотоордынского времени // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2005. С. 43–44.
[2] Костюков В. П. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2006. № 1–2. С. 189.
[3] Там же. С. 189–190.

Еще одним элементом погребального инвентаря являются зеркала. Они были обнаружены в погребениях № 93, 101, 106 1991 г., погребении № 188 1993 г. Одно из них имеет фестончатый край и изображение дракона, а на другом изображены животные (леопарды?), разбитые попарно и идущие друг за другом. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, подобная орнаментация восходит к китайским мотивам[1]. В погребении № 51 1995 г. была обнаружена деревянная миска с орнаментом в виде цветка лотоса, что, во-первых, восходит к дальневосточным традициям, а во-вторых на дне этот миски изображен китайский иероглиф[2].

Серьги, обнаруженные в погребениях, можно разделить на три типа: в виде «знака вопроса», и виде русской прописной буквы «б» и виде незамкнутых колец. И если серьги в виде «знака вопроса», по мнению Г.А. Федорова-Давыдова в XIII–XIV вв., были распространены на территории всей Восточной Европы и не имели определенной этнической принадлежности, то серьги в виде русской прописной буквы «б» свойственны материальной культуре чжурчжэней[3].

Обращает на себя внимание наличие углей, золы или кальцинированных костей в погребениях. Учитывая этот факт, следует обратиться в В.Е. Ларичеву, который, основываясь на письменных источниках, утверждает, что чжурчжэни особенно торжественно хоронили родовых вождей и членов богатых и влиятельных семей. Им в жертву приносили любимых слуг и служанок, а также оседланных лошадей. И тех и других сжигали, а останки помещали в могилу[4]. Конечно, нельзя с полной достоверностью утверждать, что использовался именно этот обряд, но факт наличия следов огня и кальцинированных костей позволяет нам сделать предположение о перенесении части этого обряда в монгольскую среду.

Следует обратить внимание на погребение № 93 1991 г., в котором был обнаружен деревянный гроб. Его верхняя крышка была раскрашена красной, зеленой и синей красками, а в центре композиции изображен дракон, обрамленный растительными узорами[5]. Этот факт еще раз подтверждает, что культура населения региона находилась, как минимум, под влиянием китайской культуры.

Еще один момент – это наличие в погребениях шелковых и парчовых тканей и головных уборов – «бокка». Бокка считается традиционным головным убором кочевников эпохи Золотой Орды, но свое распространение она получила из Китая и на портретах императриц Юаньской династии в Китае изображены те же бокки. Да и традиция носить шелковые и парчовые халаты, также пришла из Китая. Доказательством данному предположению служат выводы О.Б. Лантраповой, В.П. Голикова, О.В. Орфинской, О.Ф. Владимирова, В.Л. Егорова, которые занимались полным комплексным исследованием погребения № 51 1995 г., в котором полностью сохранился комплекс одежды и сопроводительного инвентаря погребенной. По их данным, «высокий уровень мастерства и знание очень тонких технологических моментов, которые необходимы для изготовления золотных нитей из высокопробного золота и органической основы, позволяет обосновано предполагать, что драгоценные парчовые ткани с такими нитями могли быть произведены в Китае». Они не исключат возможности проникновения сложных технологий ткачества и изготовления нитей на территорию непосредственно Золотой Орды, но все же тип орнаментации свидетельствует о том, что ткани были изготовлены в Дальневосточном регионе[6].

Также погребения могильника сопровождались поясными наборами – в двух случаях полными, а в остальных фрагментированными. В составе инвентаря присутствуют деревянные

---

[1] Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 203.

[2] Васильев Д. В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Рис 5, 2.

[3] Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. С. 269.

[4] Ларичев В. Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи. Новосибирск, 1998. С. 57.

[5] Орфинская О. В., Голиков В. П., Лантрапова О. Б., Рудаков В. Г. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор-1 // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 169.

[6] Орфинская О. В., Голиков В. П., Лантрапова О. Б., Рудаков В. Г. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор-1 // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 233.

миски, ложка, гребни, а также изделия из кости (палочки, гребни, пуговицы), стекла (бусы, подвески), кашина, украшения из сплавов различных металлов (перстни, нашивки на одежду, украшения головных уборов (бокки), заколки) и т.п.

В заключении хотелось бы отметить, что все погребения могильника, которые совершены не по мусульманскому погребальному обряду, имеют богатый сопроводительный инвентарь, о некоторых видах которого говорилось выше. Значительная часть самого инвентаря имеет дальневосточное происхождение, в частности китайское. Характер инвентаря позволяет говорить об оседлом образе жизни и о знатности населения оставившего могильник. Узкие хронологические рамки позволяют нам сделать предположение о проживании на территории городища в этот период небольшой, знатной по происхождению группы населения, которая имела прямые связи с Дальневосточным регионом и, в частности, с Китаем.

С.Г. Бочаров
(КФ ИА НАНУ, г. Симферополь)

НАХОДКИ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ В ГОРОДЕ КАФФА (КРЫМ)

Находки белоглиняной кашинной керамики нижневолжского производства в восточно-крымском городе Каффа (один из крупнейших городов Причерноморья, административный и экономический центр Генуэзской Газзарии, владения республики св. Георгия в понтийском регионе) представлены единичными экземплярами. Хорошо иллюстрирует ситуацию поступления этой группы керамики в город статья Е.А. Айбабиной «Кашинная керамика из Каффы»[1]. В материалах раскопок различных районов средневековой городской территории, проведенных в 70–80 гг. XX в. удалось выделить 16 фрагментов кашинных чаш. К шестнадцати ранее изданным фрагментам мы можем добавить еще три.

Три фрагмента сосудов происходят из коллекции случайных находок, обнаруженных при строительстве Феодосийского порта в 1891–1895 гг. Контроль над строительными работами осуществлял вице- президент Императорского Одесского общества истории и древностей А.Л. Бертье-Делагард. Одним из участков добычи грунта для засыпи территории порта был Карантинный холм. В ходе работ был уничтожен культурный слой центральной части средневекового города на глубину 5,00–6,00 м до скалы и снесено три четвертых площади холма. Во время земляных работ А.Л. Бертье-Делагард покупал у рабочих отдельные находки: каменные архитектурные детали, монеты, фрагменты терракотовых статуэток и керамики (от V в. до н.э. до XVIII в. н.э.). Сегодня собранная им коллекция разделена между тремя музеями – Государственным историческим музеем (г. Москва), Одесским археологическим музеем Национальной Академии наук Украины и Феодосийским краеведческим музеем. Часть средневековой керамики, приобретенной А.Л. Бертье-Делагардом была опубликована Э.Р. Штерном[2].

Три интересующих нас кашинных сосуда хранятся в фондах Одесского археологического музея НАН Украины.

1. Кашинная чаша с глубоким усечено-коническим туловом с полихромной росписью. Кашин мягкий, рыхлый розового цвета (Рис. 1–3).

Шифр: А48099.

Обработка внутренней поверхности: ангоб белый. Рисунок нанесен темно-зеленой глазурью с подцветкой глазурью голубого цвета под белой прозрачной глазурью. Центральное поле чаши занято семью круглыми медальонами – стилизованными изображениями цветов[3].

---

[1] Айбабина Е. А. Кашинная керамика из Каффы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 92–96. Рис. 1–3.

[2] Там же.

[2] Штерн Э. Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906. Рис. 7–8.

[3] Аналогия изображению, где еще можно узнать орнаментальный мотив как цветок чаше из Селитринного городища: Скоробогатова Т. В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. // Советская археология. 1983. № 2. С. 97. Рис. 3, 1. Подобный цветок на фрагменте сосуда из Укека: Матюхина Ю. А., Моржерин К. Ю. Золотоордынская поливная кашинная керамика из Укека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев. 2005. С. 117. Рис. 2, 3.

Пространство между медальонами заполнено спиралевидными завитками и декоративным элементом «павлиний глаз». По нижний части венчика выполнена орнаментальная полоса, выполненная элементом «павлиний глаз».

Обработка внешней поверхности: «арочный» орнамент – двойные арки, нанесенные темно-зеленой глазурью, расцвеченные крупными синими точками, одна вверху и две в нижней части сосуда. Внутри каждой арки проходит полоса из косых штрихов. Край венчика оформлен крупными синими точками.

Диаметр венчика – 18,0 см; диаметр дна – 7,0 см; высота – 10,3 см; толщина дна – 1,1 см; толщина стенки – 0,6 см.

2. Дно кашинной чаши с полихромной росписью ангобом и красками. Кашин мягкий, рыхлый светло – серого цвета (рис., 4–6).

Шифр: А48101/2.

Обработка внутренней поверхности: Центральное поле чаши занято изображением цветка лотоса[1], выполненного ангобом. Цветок украшен линиями черного цвета с подцветкой голубого цвета под белой прозрачной глазурью. Пространство центрального медальона чаши заполнено между участками росписи ангобом мелкими точками, нанесенными глазурью темно – зеленого цвета.

Диаметр дна – 8,0 см; высота фрагмента – 4,5 см; толщина дна – 0,8–1,3 см; толщина стенки – 0,6 см.

3. Кашинная чаша с глубоким сегментовидным туловом и слабо выделенным венчиком с полихромной росписью. Кашин мягкий, светло-серого цвета (рис., 7–10).

Шифр: А48097.

Обработка внутренней поверхности: Рисунок выполнен темно-зеленым цветом с подцветкой голубого и бирюзового цветов под белой прозрачной глазурью. Центральное поле чаши занято крестообразной фигурой[2]. В центре и между лучами крестообразной фигуры расположены цветы лотоса. По бортику венчика чаша украшена четырьмя фигурами подтреугольной формы с эпиграфическим орнаментом. По краю венчика нанесена сплошная линия.

Обработка внешней поверхности: Орнаментальная полоса, в которую вписаны двойные взаимопересекающиеся окружности, выполненные тонкой линией глазурью темно – зеленого цвета, которые разделены синими двойными вертикальными линиями на квадраты.

Диаметр венчика – 14,5 см; диаметр дна – 6,0 см; высота – 7,3 см; толщина дна – 0,7 см; толщина стенки – 0,5 см.

В коллекции Одесского музея есть дно четвертого сосуда (шифр: А48101/1) из белого плотного кашина с полихромной росписью, с изображением крестообразной фигуры, в центре которой изображен четырехлепестковый цветок, а во всех четырех лучах черной глазурью нанесено одинаковое слово. Поволжское происхождение этого сосуда пока вызывает сомнение, возможно, он принадлежит производству сирийских мастеров мамлюкского времени[3].

В заключение необходимо отметить, что кашинная керамика нижневолжского производства в керамическом комплексе Каффы представлена единичными находками[4], составляющими сотую долю процента от общего состава находок керамики в городе (конца XIII–1475 г.). Видимо, необходимо согласиться с мнением А.Н. Масловского, что Азак был самым западным центром, в котором кашинная керамика поволжского производства была широко распространенна[5]. Для этого достаточно сравнить двадцать каффийских находок с многочисленными ка-

[1] Подобные сосуды происходят из Селитринного городища (Скоробогатова Т. В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в… С. 98. Рис. 4, 3) и Азака (Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2006. Вып. 21. С. 428. Рис. 48, 4).

[2] Несколько иная крестообразная фигура изображена на чаше с Селитренного городища: Скоробогатова Т.В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. С. 101. Рис. 6, 3

[3] Примеры сирийской керамики: Watson O. Ceramics from Islamic lands. New York, 2004. P. 395–417; François V. Céramiques de la citadelle de Damas. Epoques mamelouke et ottomane. Aix-en-Provence. 2008. Ill. 20–22.

[4] Айбабина Е. А. Кашинная керамика из Каффы… С. 95.

[5] Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака… С. 420.

шинными чашами из Азака[1]. Эта группа кашинной керамики поступает в Каффу в течении XIV в. и относится к хорошо узнаваемым редким импортам с востока.

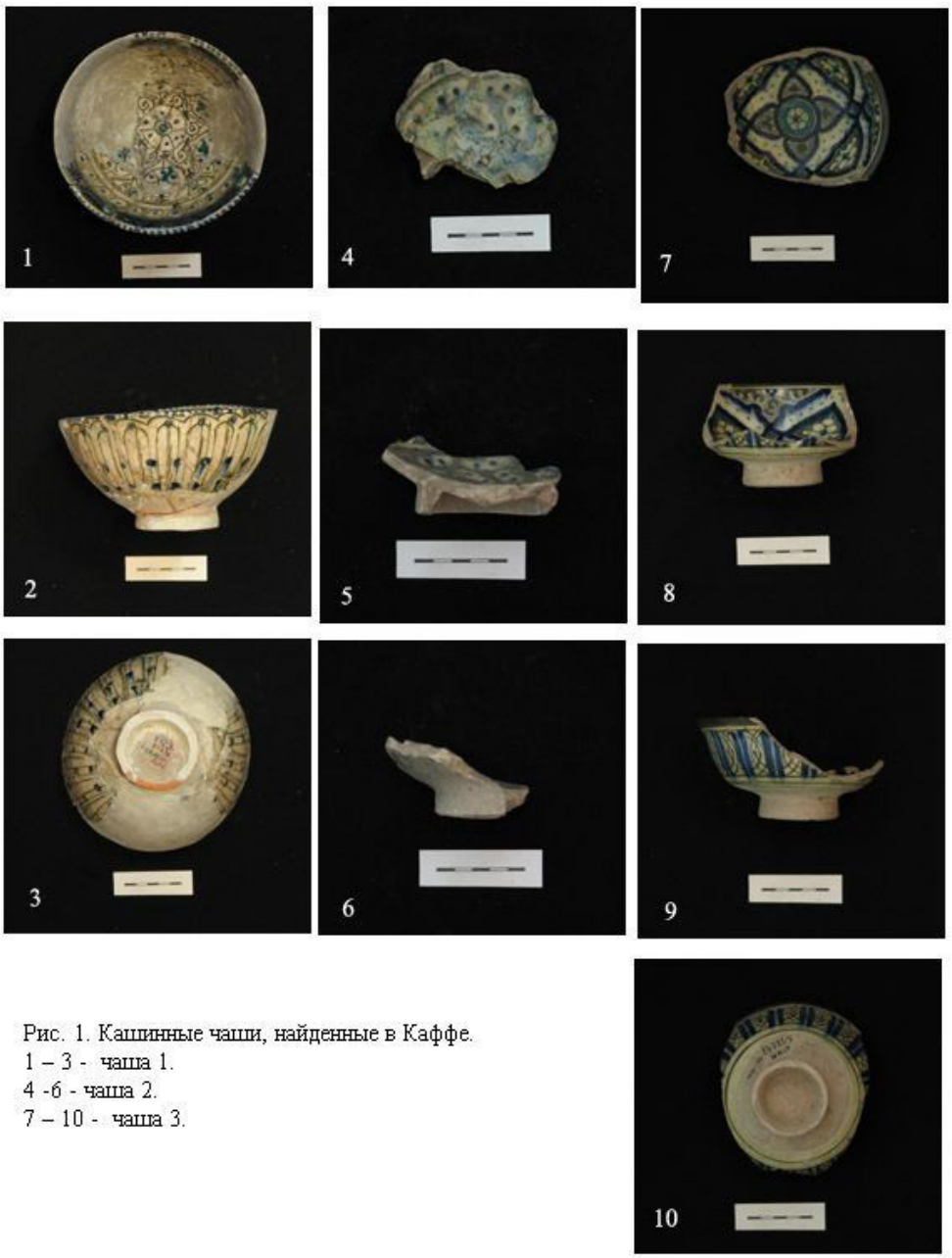


Рис. 1. Кашинные чаши, найденные в Каффе.
1 – 3 - чаша 1.
4 -6 - чаша 2.
7 – 10 - чаша 3.

[1]Перевозчиков В. И. Кашинные чаши из фондов Азовского краеведческого музея // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1991. Вып. 10. С. 86–98; Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака… С. 420–427.

Д.В. Васильев
(АГУ, г. Астрахань)

МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАССОВОГО МАТЕРИАЛА С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА[1]

Самосдельское городище располагается в дельте Волги, в 43 км к югу от г. Астрахани. В течение 11 последних лет здесь проводятся раскопки совместной археологической экспедицией Института этнологии и антропологи РАН и АГУ. Финансирование проекта осуществлялось Российским Еврейским конгрессом (в 2000–2008 гг.), Астраханским государственным университетом, за счет грантов Российского фонда фундаментальных исследований, Федеральной целевой программы «Культура России» и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Раскоп № 1, заложенный в центральной части городища, показал наличие культурного слоя мощностью до 3,5 м. К настоящему времени нами были сделаны предположения о датировании верхних слоев городища золотоордынским периодом (XIII–XIV вв.), о соотнесении средних слоев городища с городом Саксином, существовавшим в предмонгольское время (в XI–XII вв.), а также о возможной локализации в нижних слоях городища остатков последней столицы Хазарского каганата – города Итиля[2].

Выборка керамического материала с раскопа составляет десятки тысяч фрагментов и целых сосудов. Керамический комплекс поражает многообразием типов и технологических приемов изготовления посуды.

В настоящее время, когда уже исчерпаны возможности для интерпретации материала на основе эмпирических наблюдений, пришла пора для детального изучения керамического материала на основе его статистического анализа. Именно керамика в данный момент нуждается в синхронизации и привязке к стратиграфии.

На наш взгляд, процесс извлечения скрытой информации из керамического материала, должен проходить следующие фазы:

- выявление и фиксация непосредственно в раскопе: на этом этапе, в зависимости от насыщенности культурного слоя керамикой, можно выбрать, на усмотрение исследователя, либо сплошную фиксацию всех керамических находок на плане, либо учет массового материала и фиксацию на плане лишь индивидуальных находок. Необходимо уточнить, что керамический материал выбирается из раскопа полностью, несмотря на исключительно высокую насыщенность слоя находками;
- полевая камеральная обработка и классификация: весь керамический материал Самосдельского городища проходит первоначальную обработку еще в ходе полевых исследований, для чего используется полевой описательный код, разработанный С.Б. Болеловым (Государственный музей Востока, г. Москва), Е.Б. Бариновой (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва) и Н.С. Мальцевой (Астраханский государственный университет). Описание керамического материала построено по следующим блокам: описание технологических признаков артефакта (способ производства, характер обжига, качественные характеристики теста и наличие в нем примесей). Керамические фрагменты сортируются. Неорнаментированные или неопределимые части сосудов учитываются для общей статистики, описываются настолько, насколько позволяет их сохранность. Проще всего определить технологические особенности изготовления сосудов, а вот для описания морфологии сосудов или особенностей орнаментации, зо-

[1]Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 10-06-00304.

[2] Зиливинская Э. Д., Гречкина Т. Ю., Васильев Д. В. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003; Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Васильев Д. В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : тез. докл. 1 Междунар. Нижне-волжской археологич. конф. (г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. С. 264–269; Зиливинская Э. Д., Гречкина Т. Ю., Васильев Д. В. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006. № 4. С. 24–35; Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. II. С. 224–226.

нирования орнамента отбираются лишь информативные профильные части. Помимо этого, все функциональные (ручки, венчики, характерные детали) или профильные части (профиль от венчика до пояса максимального расширения или до дна) сосудов отрисовываются с тем, чтобы иметь возможность в будущем провести дополнительные исследования или уточнить некоторые недостающие данные;

- формализация данных;: на основании полевых таблиц, содержащих описания целых и фрагментированных сосудов в виде камерального шифра, составляются электронные таблицы.

Полевые рисунки индивидуализируются, шифруются, сканируются и сортируются в электронном виде. В качестве принципов сортировки могут выступать: технологические особенности, морфологически выделенный тип сосуда, хозяйственное назначение сосуда, особенности орнаментации, контекст обнаружения (эти данные составляют основу базы данных, все остальные выборки формируются по запросам). Формирование электронных баз данных происходит на основании электронных таблиц и рисунков. Фиксация признаков проводится непосредственно в поле, в ходе первичной обработки керамического материала.

Вначале абсолютно вся керамика из выборки описывается по признакам технологического описания (по вышеописанной методике) и учитывается в общей статистике по раскопу. Затем отбираются наиболее информативные профильные части сосудов для полного описания. Информация о технологии изготовления сосуда, содержащаяся в данном описании, позволяет на аналитическом этапе обработки связать форму (морфологические типы сосудов) со статистически достоверными технологическими группами, выделяющимися по результатам первичного описания.

Список включает как признаки, описывающие технологические особенности изготовления сосуда, так и признаки, описывающие морфологию. Данные заносятся в любую электронную таблицу. В данном случае каждый признак является самостоятельным, качественным, пригодным для дальнейшей обработки. Наличие его в комплексе (то есть на конкретном предмете) фиксируется занесением цифры «1» в ячейку, отсутствие – цифрой «0». На основании табличных значений будут вычислены парные коэффициенты связи признаков.

Признаки сгруппированы в фазы, соответствующие различным частям сосуда. Мы обращаем внимание на то, что данный описательный код не является универсальным[1]. Он разработан на основе эмпирических наблюдений за керамикой лишь Самосдельского городища и не может быть применен без дополнительной критической переработки к описанию керамики других памятников. Тем не менее, наличие формализованного описания массового керамического материала по данной системе позволит выделить статистически устойчивые комплексы связанных признаков, характеризующие основные типы сосудов. Затем эти типы могут быть сопоставлены с контекстом (слоем, участком, «штыком», комплексом, ямой, сооружением и т.п.).

Здесь необходимо специально оговориться, что нашей принципиальной позицией как авторов исследований на городище является фиксация выборки массового материала по условным горизонтам – «штыкам» мощностью 20 см. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что фиксировать находки лучше было бы по естественным контекстам – по слоям, прослойкам и естественно образовавшимся горизонтам. Однако, конкретные условия таковы, что многочисленные прослойки и культурные отложения часто невозможно проследить объективно и безошибочно – они распространяются локально, перетекают друг в друга, взаимно перекрываются. Кроме того, Самосдельское городище – многослойный памятник, существовавший непрерывно на протяжении периода в 600 лет. Многочисленные разновременные ямы пробивают культурные отложения на разных уровнях и над ними образуются глубокие просадки, добавляющие локальные неровности к общей картине культурных горизонтов. Вследствие этого задача выделения хронологических горизонтов значительно усложняется. Объективно существующими уровнями, к которым можно привязываться для создания внутренней хронологии раскопа, являются строительные уровни сооружений. Однако, и эти уровни позволяют определить лишь

[1] Васильев Д. В., Попов П. В. Код для формализованного описания неполивной керамики Самосдельского городища // Перекрестки истории. Акутальные проблемы исторической науки : мат-лы Всерос. науч. конф. (18 апреля 2008 г.). Астрахань, 2008. С. 86–91; Васильев Д. В., Попов П. В. Код для описания неполивной керамики Самосдельского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. Вып. 8. № 1. С. 162–172.

хронологию локального участка, прилегающего к данному конкретному сооружению, поскольку соседние сооружения не вполне синхронны друг другу.

Три основных хронологических периода существования городища – хазарский, предмонгольский и золотоордынский – не отделяются друг от друга видимыми прослойками, не различаются цветностью. Единственным возможным хронологическим маркером является мощная прослойка пожара и соотносящиеся с ней остатки сгоревших и разрушенных жилищ, которую мы связываем с концом хазарского периода. Однако, эта прослойка также сильно переработана в более позднее время, фундаментами вышележащих построек и хозяйственными ямами.

В такой ситуации, на наш взгляд, совершенно необходимо использовать условный уровень фиксации, каковым является общепринятый «штык» (можно называть его как угодно – «пласт», «горизонт» или как-то иначе) для усредненного учета выборки массовых находок. Последующий статистический анализ позволит распределить находки по глубине залегания и продатировать соотносящиеся со «штыками» слои, которые фиксируются в общей картине стратиграфии.

При этом, разумеется, мы обязательно фиксируем материал по объектам – по ямам и сооружениям, которые, в свою очередь, привязываются к соответствующим «штыкам». Фиксация по «штыкам» производится в межъямном пространстве и между сооружениями.

Кроме того, в тех случаях, где возможным становится проследить естественную поверхность (уровень пола, поверхность улицы или дороги), она прослеживается, при этом материал фиксируется также по уровню штыка, но с пометкой, указывающей на конкретный объект или контекст.

Статистически достоверное распределение типов по хронологическим горизонтам и комплексам позволит получить данные по составу керамического комплекса, характерного для каждого хронологического этапа существования городища, а также по этническому составу населения. Сопоставление даст возможность для уточнения датировки как контекста, так и типов керамики. Помимо этого, мы получаем возможность выявления инноваций в керамической традиции, которые «наслаивались» на устойчивые типы или видоизменяли их.

На настоящий момент (2010 г.) раскоп № 1 доведен до уровня материка по всей своей площади. Это позволяет сделать некоторые выводы о распределении керамического материала по условным горизонтам (штыкам) и хронологическим уровням. Эта работа проделана пока только частично. Так, в настоящее время уже проведено распределение технологических групп и приемов изготовления керамики. В данной работе будут приведены некоторые данные, характеризующие выборку керамического материала с раскопа № 1 в целом.

Таблица 1

Распределение по раскопу 1 видов керамики

Контекст	Глазурованная, %	Неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей (столовая, тарная), %	Неглазурованная красноглиняная, с примесями (кухонная, хозяйственная), %	Светлоглиняная, %	Сероглиняная, %
Общие данные по раскопу	1,83	78,14	19,87	0,07	0,08
Ямы	1,57	74,87	23,46	0,06	0,04
Сооружения	2,40	78,22	18,69	0,09	0,15
Штык 1	2,25	90,91	5,78	0,11	0,96
Штык 2	2,16	90,36	6,49	0,00	0,98
Штык 3	2,16	88,76	8,86	0,07	0,14
Штык 4	0,85	86,40	12,39	0,13	0,26
Штык 5	1,81	87,83	9,97	0,07	0,32

Штык 6	1,65	79,21	18,92	0,00	0,18
Штык 7	1,14	83,94	14,92	0,00	0,00
Штык 8	1,91	81,23	16,75	0,00	0,00
Штык 9	2,99	81,69	15,16	0,10	0,01
Штык 10	2,18	78,06	19,63	0,11	0,02
Штык 11	2,54	74,68	22,63	0,11	0,04
Штык 12	1,78	75,38	22,84	0,00	0,00
Штык 13	2,20	75,43	21,82	0,47	0,00

Общий объем выборки за 10 лет исследований составил 124 775 фрагментов керамики. Эта выборка была получена с раскопа № 1 площадью 525 кв. м. при средней глубине 250–260 см, что составляет 13 «штыков». Штыки с 1 по 3 согласно принятой нами внутренней хронологии раскопа, относятся ко времени расцвета города Саксин (вторая половина XII – начало XIII вв.). Штыки с 4 по 8 соотносятся с периодом становления и развития города Саксин (начало XI – первая половина XII в.). Штыки с 9 по 13 соответсвуют периоду существования хазарского города (возможно, столицы Хазарии) (конец VIII – вторая половина X в.). Данные о распределении керамики по раскопу сведены в таблицу № 1.

78,14 % от общего объема выборки составляет посуда неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей в тесте (столовая или тарная). Фрагменты посуды неглазурованной красноглиняной с видимыми примесями в тесте (кухонной, хозяйственной) оставляют 19,87 %. Светлоглиняная и сероглиняная посуда составляют от общего объема выборки 0,07 % и 0,08 % соответственно. Парадная столовая глазурованная посуда представлена 1,83 % от общего объема выборки. Столь низкие процентные показатели трех последних групп керамики свидетельствуют о том, что они, скорее всего, не производились на Самосдельском городище, а являлись привозными. При перевозке по торговым путям часть посуды неизбежно выбраковывалась на каждом перевалочном пункте. Бракованная посуда могла поступать в пользование жителям Самосдельского городища после небольшой реставрации – об этом свидетельствуют довольно частые находки фрагментов поливной посуды со следами ремонта – с отверстиями и остатками железной проволоки внутри. Чаще всего подвергались ремонту красноглиняные поливные блюда с прорезным орнаментом и подглазорнуй росписью по белому ангобу.

Интересно, что общая выборка из хозяйственных ям примерно соответствует данным выборки со штыков, поскольку межъямное и межжилищное пространство и хозяйственные ямы, являются в данном случае вмещающими контекстами одного порядка – они заполнялись и формировались за счет отложения хозяйственных отбросов и мусора. Но заполнение жилищ более показательно – здесь также основу выборки составляют неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей (столовая, тарная) посуда (74,87 %) и неглазурованная красноглиняная, с примесями (кухонная, хозяйственная) посуда (18,69 %), но значительно возрастает доля поливной посуды – до 2,4 %, что довольно много для городища в целом. Это вполне объяснимо – такая керамика использовалась, главным образом, именно в жилищах в качестве столовой посуды (в хозяйственных же ямах значительно выше доля кухонной посуды – 23,46 %, т.е. почти четверть всей выборки).

Обратим внимание именно на глазурованную посуду. Эта категория предмета рассматривается нами в качестве одного из показателей зажиточности населения, так как являлась довольно дорогой и редкой. Так вот, наблюдается интересная деталь – наивысшие доли глазурованной посуды в выборке фиксируются именно на уровне с 1 по 3 штык (от 2,16 до 2,25 %) и на уровне с 9 по 13 штык (от 1,78 до 2,99 %), то есть на уровни, относящиеся к периодам существования развитых и богатых городов на месте Самосдельского городища. Они разделены довольной мощной прослойкой с 4 по 8 штыки, которые хронологически соответствуют периоду между падением хазарского города и расцветом города Саксина (вторая половина X – середина XII в.). Дополняет эти сведения то обстоятельство, что светлоглиняные и сероглиняные сосуды, которые также являются явно импортными на данном памятнике, в периоды расцвета города встречаются в очень небольших количествах (от 0,01 до 0,98 %), в средних слоях практически исчезают, что может свидетельствовать об упадке торговли в соответствующее время.

В таблице 2 приведены сведения, касающиеся распределения по раскопу видов керамик по способу изготовления. Как видно, в целом по раскопу и в рамках каждого отельного контекста преобладает количественно и в процентном соотношении керамика гончарная. В общей выборке с раскопа ее доля составляет 83,31 %. Лепная керамика составляет 13,6 % от общей выборки. Промежуточное положение составляет керамика, лепная на гончарном круге медленного вращения – так называемая доведенная. Ее доля составляет 3,08 % в общей выборке.

Таблица 2

Распределение по раскопу 1 видов керамики

Контекст	Гончарная, %	Доведенная, %	Лепная, %
Общие данные по раскопу	83,31	3,08	13,60
Ямы	80,52	3,73	15,75
Сооружения	84,52	2,81	12,28
Штык 1	94,22	0,43	5,35
Штык 2	93,81	0,49	5,70
Штык 3	92,51	0,94	6,56
Штык 4	89,10	2,01	8,89
Штык 5	90,26	0,18	9,55
Штык 6	81,72	2,15	16,09
Штык 7	85,11	1,72	13,16
Штык 8	84,24	2,59	12,89
Штык 9	87,09%	1,72	11,13
Штык 10	83,99	3,40	12,59
Штык 11	83,19	4,41	12,40
Штык 12	80,83	6,98	12,19
Штык 13	82,73	5,26	11,93

Распределение данных видов керамики по штыкам показывает постепенное уменьшение доли лепной посуды с 12,59 % в хазарское время до 5,35 % в саксинское время. При этом, на уровне 4–8 штыков доля лепной посуды в выборке резко возрастает – до 16,09 %. Это может свидетельствовать, что в исторический период, соответствующий времени формирования данных горизонтов, город переживал экономический упадок и в его хозяйстве преобладали кочевнические традиции. Этот период можно связать с огузским нашествием. Именно с уровня 8–9 штыков в комплексе лепной керамики начинает доминировать посуда так называемого «роскошного» стиля, украшенная пышным орнаментом, которая связывается нами с огузами.

Характеристика примесей к керамическому тесту приведена в таблице 3. Из нее видно, что наибольшую долю составляет керамика без видимых примесей в тесте. Это посуда, главным образом, гончарная, столовая. Доля керамики без видимых примесей составляет в общей выборке 79,92 %. При этом наивысшая доля такой посуды, естественно, наблюдается в выборке из заполнения сооружений – 84,52 %. В распределении по штыкам наблюдается плавное повышение доли посуды без примесей от 13 штыка к первому (с 78,34 до 94,22 %). Возможно, это обстоятельство является свидетельством постепенного совершенствования технологии производства керамики и повышения его товарности, поскольку гончарная посуда изготавливалась, как правило, для рыночной продажи. Кроме того, на материалах Самосдельского городища видно, что совершенствующаяся технология проникает и в придомное гончарное производство – тесто лепных сосудов с течением времени становится более качественным, хорошо промешанным, примеси или мельчают или исчезают.

Самыми «популярными» примесями в керамике городища являются мелкодисперсные шамот, песок, дресва и органика (навоз).

Таблица 3

Распределение по раскопу керамики с примесями в тесте

Контекст	Без видимых примесей, %	Дресва крупная, %	Дресва мелкая, %	Органика крупная, %	Органика мелкая, %	Песок крупный, %	Песок мелкий, %	Шамот крупный, %	Шамот мелкий, %	Ракушка дробленая крупная, %	Ракушка дробленая мелкая, %
Общие данные по раскопу	79,92	0,04	2,47	0,16	11,67	2,45	12,07	0,08	10,30	0,05	2,68
Ямы	76,20	0,05	3,22	0,19	16,14	3,24	16,62	0,14	14,08	0,05	3,55
Сооружения	80,78	0,18	3,37	0,08	12,27	3,50	12,40	0,08	11,25	0,19	3,42
Штык 1	94,22	0,00	0,21	0,00	0,96	0,00	0,96	0,00	0,53	0,00	0,00
Штык 2	93,51	0,00	0,20	0,00	0,29	0,20	0,29	0,00	0,29	0,00	0,20
Штык 3	91,71	0,00	0,79	0,07	4,39	0,72	4,54	0,00	4,11	0,00	0,79
Штык 4	87,61	0,00	1,33	0,00	1,68	0,64	2,37	0,00	1,23	0,00	1,33
Штык 5	90,03	0,00	0,23	0,05	3,51	0,28	3,51	0,05	1,86	0,00	0,23
Штык 6	81,00	0,00	0,72	0,00	9,68	0,65	9,75	0,00	8,06	0,00	0,72
Штык 7	84,86	0,00	0,03	0,00	0,44	0,03	0,44	0,00	0,41	0,00	0,03
Штык 8	82,61	0,03	0,93	0,04	6,43	0,98	6,45	0,03	6,07	0,03	0,92
Штык 9	85,16	0,03	0,58	0,00	3,41	0,59	3,40	0,00	3,37	0,03	0,58
Штык 10	80,25	0,00	2,13	0,11	9,71	2,07	9,88	0,00	9,61	0,00	2,13
Штык 11	77,05	0,00	4,31	0,61	16,81	4,22	18,42	0,00	14,06	0,03	5,19
Штык 12	77,16	0,00	2,60	1,42	18,82	2,96	19,64	0,36	18,82	0,00	2,60
Штык 13	78,34	0,00	4,40	0,00	17,19	4,08	17,50	0,00	17,19	0,00	4,40

При этом доля керамики с каждым из вышеперечисленных видов примесей в общей выборке от нижних штыков к верхним значительно падает. Так, например, посуда с мелким песком в тесте составляет 17,5 % на уровне 13 штыка, а к первому штыку ее доля снижается до 0,96 %. Керамика с примесью навоза (меклодисперсной органики) на 13 штыке составляет 17,19 %, а к первому штыку ее доля падает также до 0,96 %. Относительно устойчивая (но небольшая) доля крупных примесей, главным образом, шамота и песка, объясняется постоянной потребностью в тарной посуде крупных форм, при изготовлении которой и использовались крупнодисперсные примеси. Кроме того, крупный песок и шамот применялись при изготовлении котлов – основной категории кухонной посуды на городище, которая должна была обладать большой термостойкостью.

Но и эти крупные примеси постепенно выходят из употребления. Все это иллюстрирует снижение доли лепной посуды в выборке и процесс распространения со временем и внедрения даже в придомное гончарное производство технологических приемов, связанных с изготовлением тонкостенной посуды из хорошо отмученной глины.

Таблица 4 дает представление о распределении видов и приемов орнаментации посуды. Керамика Самосдельского городища отличается большим разнообразием в этом отношении. Естественно, что это относится, главным образом, к лепной посуде. На ней наблюдаются орнаменты, выполненные пальцевыми вдавлениями, пальцево-ногтевыми вдавлениями, наколами камышинкой и палочкой, насечки, прочерченные желобки, прочерченные зигзаги, прочерченная сетка, рисунки-граффити, прочерченные арочки (в том числе перевернутые) как заполненные внутри насечками, так и незаполненные, встречается прорезная орнаментация, рифление, налепы (в том числе и зооморфные), оттиски ткани.

Таблица 4

Распределение элементов и приемов орнаментации

	Общие данные по раскопу, %	Ямы, %	Сооружения, %	Штык 1,	Штык 2, %	Штык 3, %	Штык 4, %	Штык 5, %	Штык 6,	Штык 7, %	Штык 8, %	Штык 9, %	Штык 10, %	Штык 11, %	Штык 12, %	Штык 13, %
Есть орнамент	31,90	33,39	33,26	23,96	20,55	25,86	20,64	23,31	27,67	25,33	28,83	29,83	33,45	42,22	41,89	46,86
Нет орнамента	68,09	66,61	63,06	76,04	79,45	74,14	79,36	76,69	72,29	74,67	71,05	70,12	66,53	57,78	58,11	53,06
Пальцевые вдавления	0,72	0,63	0,74	0,64	0,20	0,14	0,64	0,92	0,57	1,14	0,70	0,58	0,73	1,20	1,89	0,63
Пальц.-ногт. вдавления	0,13	0,16	0,20	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,11	0,00	0,07	0,09	0,08	0,16	0,83	0,39
Наколы	1,31	1,54	1,05	0,00	0,88	0,58	0,77	1,01	1,25	1,83	1,60	1,27	0,79	0,92	1,42	0,86
Насечки	0,72	0,86	0,66 %	0,32	0,59	0,72	0,29	0,62	0,79	0,55	0,61	0,74	0,63	0,49	0,47	0,39
Прочерченные желобки	5,18	4,71	5,44	9,73	6,49	5,40	6,57	6,43	4,62	6,49	5,05	6,22	5,01	4,62	4,26	2,67
Прочерченные зигзаги	0,60	0,47	0,76	1,50	1,18	0,72	1,53	1,31	0,65	0,51	0,38	0,40	0,40	0,46	1,07	0,78
Прочерченная сетка	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,04	0,15	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Лощение сетка	0,17	0,12	0,13	0,00	0,29	0,14	0,18	0,37	0,18	0,61	0,57	0,21	0,06	0,00	0,00	0,00
Лощение полоска верт.	4,67	4,66	7,01	2,89	2,56	2,23	3,52	3,58	3,55	3,09	3,48	4,01	4,50	5,76	10,53	8,95
Лощение полоска гориз.	1,23	1,27	1,82	0,86	0,00	0,36	0,56	0,67	2,15	0,73	1,38	0,67	1,05	1,77	3,20	2,12
Лощение сплошное	0,56	0,50	0,46	1,93	0,10	0,43	0,66	1,24	0,36	0,58	0,48	0,54	0,82	0,49	0,83	0,39
Псевдолощ.	17,58	19,73	15,11	4,06	6,00	12,54	8,07	9,16	14,9	11,23	15,14	14,50	19,83	26,89	18,46	29,67
Прорезной орнамент	0,03	0,02	0,01	0,00	0,00	0,00	0,03	0,09	0,04	0,20	0,06	0,00	0,02	0,01	0,12	0,08
Налеп	0,55	0,53	0,57	0,43	0,39	0,50	0,30	0,57	0,36	0,17	0,33	0,85	0,77	0,84	1,07	0,55
Рифление	0,63	0,44	0,47	2,57	3,24	4,03	0,86	1,40	1,47	0,36	0,51	1,23	0,28	0,29	0,24	0,55
Арочки	0,11	0,07	0,12	0,53	0,5	0,14	0,22	0,07	0,07	0,29	0,38	0,06	0,02	0,03	0,12	0,00 %
Перевернутые арочки	0,11	0,14	0,08	0,11	0,00	0,00	0,08	0,09	0,14	0,07	0,15	0,08	0,11	0,03	0,00	0,16
Штамп-цветок	0,02	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,09	0,05	0,00	0,00
Оттиск ткани	0,06	0,09	0,08	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,07	0,16	0,24	0,00
Гирлянды пустые	0,04	0,04	0,18	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,57	0,00	0,03	0,03	0,01	0,00	0,00	0,00
Гирлянды заполненные	0,04	0,08	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,02	0,00	0,00	0,00
Ангоб	88,35	95,32	88,66	57,86	73,84	95,03	48,64	65,86	73,91	55,39	82,36	96,60	97,42	98,42	99,76	99,45
Нет ангоба	11,64	4,68	11,01	42,14	26,16	4,97	51,36	34,14	26,06	44,61	17,52	3,35	2,57	1,58	0,24	0,55

Однако и гончарная посуда демонстрирует богатство орнаментации. Мы выделяем большую группу красноглиняной гончарной посуды местного производства, которая украшена стандартно - лощением и псевдолощением по светлому ангобу. Доля такой посуды доходит в нижних слоях до 10, 53 %, но с течением времени ее доля снижается – в верхних слоях она составляет около 4 %, в верхних – около 3 % от общей выборки. Местная посуда украшена вертикальным полосчатым лощением или псевдолощением по ангобу, на импортной же посуде можно наблюдать сетчатое лощение, полосчатое лощение горизонтальное, сплошное лощение, прорезной или гравированный орнамент, зооморфные налепы, рифление, штампованный орнамент и многие другие приемы и мотивы орнаментации. Сетчатое лощение, вероятно, связано также с булгарским компонентом в керамическом производстве городище. Оно появляется лишь к концу хазарского периода (такая посуда составляет 0,21 % на уровне 9 штыка и 0,6 % на уровне 10 штыка) и продолжает бытовать в виде примерно такой же небольшой доли в составе керамического комплекса в течение саксинского времени.

Одним из наиболее популярных орнаментов на лепной посуде является орнамент в виде арочек-гирлянд, изогнутых кверху или книзу. Он встречается на уровне практически всех штыков, однако в нижних слоях сосуды, орнаментированные таким образом, составляют ничтожную долю – от 0,02 до 0,12 %. С уровня 8 штыка их доля возрастает до 0,5 % и продолжает возрастать с течением времени. Если принять во внимание, что такая орнаментация связывается традиционно с кочевниками огузо-печенежского круга, то можно предположить повышение значения и увеличение в составе населения городища огузо-печенежского элемента в конце хазарского периода. Это может быть связано с ослаблением, а затем и падением Хазарского каганата и переходом политической инициативы в регионе в руки огузов.

Особенностью как гончарной, так и лепной посуды местного производства является практически сплошное ангобирование всей выпускаемой продукции. Так, доля ангобированных сосудов составляет 88,35 % от общей выборки. Наиболее высокой является доля ангобированной посуды в нижних слоях, которые соотносятся с хазарским периодом. Здесь она доходит до 99,76 %. Это обстоятельство, а также довольно большая доля гончарной керамики в составе комплекса из нижних слоев, говорит о том, что традиции керамического производства у населения городища раннего периода (VIII–X вв.) были вполне сформировавшимися, и, скорее всего, перенесенными в готовом виде из другого региона.

В ходе статистического анализа нами было выделено в целом 766 индивидуальных типов керамики, которые различаются некоторыми деталями. Их можно объединить в большие группы на основе технологических приемов изготовления.

12 основных технологических групп составляют в сумме 83,43 % от общей выборки керамического материала с городища. В количественном отношении это составляет 104 069 предметов. Мы считаем основными технологические группы керамики, которые представлены в комплексе городища долей, большей, чем 1 % от общей выборки.

В общей выборке наибольшую долю – 37,4 7% – занимает неглазурованная красноглиняная (столовая, тарная) гончарная посуда без видимых примесей в тесте, неорнаментированная и ангобированная.

Неглазурованная красноглиняная посуда равномерного обжига без видимых примесей в тесте, гончарная, ангобированная и украшенная псевдолощением составляет еще 14,28 % от общей выборки керамических находок с раскопа № 1.

Следующую по частоте встречаемости группу керамики составляет неглазурованная красноглиняная посуда, без видимых примесей в тесте, неравномерного обжига, неангобированная. Ее доля в общей выборке – 6,86 %.

Неглазурованная красноглиняная, с примесями (кухонная, хозяйственная) посуда, лепная, неравномерного обжига, с мелким шамотом, навозом и мелким песком в тесте, неорнаментированная, но ангобированная, составляет 6,47 % от общей выборки.

Пятую группу составляет неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей в тесте посуда, гончарная, неравномерного обжига, неорнаментированная и ангобированная. Ее доля по отношению к общему числу керамических находок – 4,04 %.

Посуда неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей в тесте, гончарная, равномерного обжига, орнаментированная вертикальным полосчатым лощением и ангобированная, составляет шестую группу. Ее доля в общей выборке – 2,73 %.

В следующую группу входит посуда неглазурованная красноглиняная, с примесями (кухонная, хозяйственная), лепная, неорнаментированная и ангобированная. Ее доля составляет 2,41 %.

Восьмая группа представлена посудой, доведенной на круге медленного вращения, неравномерного обжига, с примесью мелкодисперсных песка, шамота и органики в тесте, неорнаментированной и ангобированной. Ее доля составляет 2,11 %.

Девятая технологическая группа объединяет посуду неглазурованную красноглиняную, с примесями (кухонная, хозяйственная), гончарную, неравномерного обжига, с мелкой дресвой, мелкодробленой ракушкой и крупным песком в тесте, неорнаментированную, ангобированную. Ее доля в общей выборке – 2,06 %

Десятая технологическая группа – это керамика неглазурованная красноглиняная, с примесями (кухонная, хозяйственная), лепная, неорнаментированная и неангобированная. Она составляет 1,85 % от общей выборки.

Одиннадцатая технологическая группа – неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей (столовая, тарная) керамика, обжиг с нарушением температурного режима, орнаментированная прорезным орнаментом и сплошным лощением. Ее доля составляет 1,68 % от общей выборки.

Двенадцатая технологическая группа – неглазурованная красноглиняная, без видимых примесей (столовая, тарная) посуда, гончарная, ангобированная и орнаментированная прочерченными желобками. Ее доля составляет 1,47 %.

Все остальные технологические группы составляют в целом 16,57 % от общей выборки керамического материала, но каждая из них представлена единичными находками – от одного до нескольких десятков предметов. Именно эти технологические группы представляют собой керамический импорт Самосдельского городища, очень разнообразный, богатый и показывающий разветвленные торговые связи.

Мы продемонстрировали лишь некоторые результаты первичной статистической обработки керамического комплекса Самосдельского городища. Разумеется, выводы, которые здесь были сделаны, будут уточняться в ходе дальнейшей работы. В частности, необходимо будет выяснить корреляцию технологических и морфологических типов посуды и провести распределение по раскопу полученных технолого-морфологических типов посуды, выявить регионы, в которых изначально происходило формирование керамических традиций, которые были зафиксированы на городище, провести анализ этнокультурных групп керамики.

А.А. Глухов
(ВГИ (филиал) ВолГУ, г. Волжский)

О ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Царевское городище расположено близ с. Царев Ленинского района Волгоградской области и является вторым по величине золотоордынским памятником в Нижнем Поволжье. В данной работе не будут затрагиваться вопросы, связанные с отождествлением этого городища с конкретным золотоордынским городом, так как это предмет отдельного специального исследования. Следует лишь отметить, что в настоящее время сосуществуют две точки зрения на проблему локализации на месте Царевского городища либо Сарая ал-Джедида, либо Гюлистана.

Размеры Царевского городища по разному определялись исследователями и, несмотря на достаточно длительное изучение этого памятника, до настоящего времени окончательно не установлены.

Саратовский краевед А.Ф. Леопольдов в работе «Актубинские развалины» одним из первых попытался определить общую протяженность развалин, расположенных по левому берегу реки Ахтубы. По его сведениям их протяженность составляла около 70 верст, начинаясь от с. Безродного, или Верхне-Актубинского и до деревни Колобовщины. Автор подчеркивал, что от с. Пришиба через г. Царев, почти до д. Колобовщины, «следуют на 15 верст развалины, почти сплошные, и большею частью огромные... Правильность в расположении некогда существовавших улиц… обнаруживается некоторым образом только против Сахарного озера, и в том месте, где стоит нынешний город Царев»[1].

[1] Леопольдов А. Ф. Актубинские развалины // ЖМВД. 1837. № 4. С. 123.

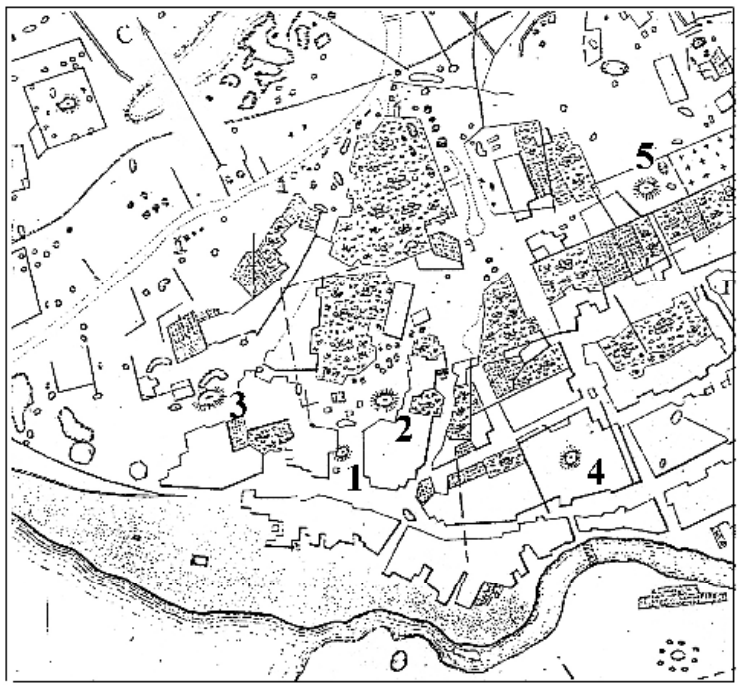


Рис. 1. Местоположение объектов золотоордынского времени на территории с. Царев: 1 - фрагмент плана А.В. Терещенко; 2 - космоснимок Google

Примерно такую же картину нарисовал чуть позже А.В. Терещенко. По его мнению развалины древнего города были раскинуты на двадцативерстном протяжении от с. Пришиб до деревни Колобовщины и занимали под собой: «часть селения Пришиб, весь город Царев с его окрестными полями, пригородную слободу Солодовку и всю деревню Колобовщину, называемую иначе Растягаевкой». Основное же скопление развалин, по свидетельствам А. Терещенко, концентрируется между речками Кальгутой, Царевкой и ериками Тутовым и Раковым[1].

Сходные сведения оставил А.А. Синицын, посетивший в 1893 г. ряд золотоордынских городищ, в том числе и Царевское. «По левому берегу р. Ахтубы от с. Заплавного идет невысокая «гряда», сопровождающая реку на далекое расстояние. Гряда эта, начиная от с. Пришиба до Царева и да-

[1] Григорьев В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // ЖМВД. 1847. № 9. С. 553.

лее до с. Колобова и за него покрыта то реже, то чаще небольшими «курганами» и различными другими остатками от прошлого Золотой Орды. Далее с. Владимировки никаких следов старых поселений пока неизвестно. На этой длинной линии (свыше 20 верст) наибольшее количество остатков зданий и вообще оседлого жилья сосредоточено в г. Цареве и его окрестностях»[1].

Ф. Баллод, проводивший исследования Царевского городища летом 1922 года, определял его площадь более чем в 40 квадратных верст[2]. А в другой работе уточнял, что развалины золотоордынского города «под Царевом и вокруг него занимают площадь до 12 верст длины от Маляевки до Царева (включительно) и не менее 4 верст ширины от Ахтубы и ее рукавов до высокого степного сырта к востоку от ахтубинской долины, на котором сохранился некрополь»[3].

Позднее А.Ю. Якубовский привел размеры города, основываясь на плане А.В. Терещенко – 5,5 х 4 км, но отметил, что город был значительно больше[4].

Гусева Т.В. считала, что площадь Царевского городища равняется более 400 га[5].

Г.А. Федоров-Давыдов в научном отчете за 1966 г., а затем в одной из публикаций определял границы города по рву. По мнению исследователя, протяженность городища по длинной оси составляет примерно 1,6 км, по короткой – 1 км. С северо-запада, востока и юга к центральной части города примыкали усадьбы, замки и пригород-рабад[6].

На топографическом плане, снятом в 1960 г. сотрудниками ПАЭ, вся территория городища помещалась между озером Солончатым (Соленым) и р. Кальгутой на западе, системой водохранилищ на севере (захватывая небольшой участок к северу от них), озером Сахарным на юге и заболоченной низменностью на востоке. Следует признать, что план 1960 г. охватил далеко не всю территорию древнего города. Более информативными до сих пор остаются планы Царевского городища, составленные в 1840-х гг.

Первый план был снят опытными топографами под руководством начальника межевания казенных земель Саратовской губернии подполковника Тетеревникова в 1842 г., второй – землемером Васильевым по заданию А.В. Терещенко накануне начала раскопок в 1843 г[7]. А.В. Терещенко в свое время подверг критике план Тетеревникова, хотя оба плана фактически совпадают вплоть до отдельных объектов. Единственное различие в том, что объекты на плане Терещенко представлены округлыми или овальными насыпями, а не квадратными или прямоугольными, как у Тетеревникова[8]. Да к тому же план А.В. Терещенко охватывал более обширную территорию – от с. Пришиба до д. Колобовщины (с. Колобовки), тогда как план Тетеревникова на западе ограничивался р. Кальгутой[9].

Рассматриваемые инструментальные планы, снятые до начала широкомасштабных раскопок А.В. Терещенко, когда сохранность развалин была значительно лучшей, чем в XX в., являются чрезвычайно важным источником для уточнения топографии Царевского городища на современном этапе изучения. Использование этих планов в сочетании с космоснимками Google позволяет в настоящее время локализовать на местности многие объекты, которые раньше были не заметны с поверхности, и более полно представить общую картину планиграфии и топографии древнего города.

---

[1] Синицын А. А. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 г. СПб., 1895. С. 88.

[2] Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды, и современные им селения Нижнего Поволжья // Новый Восток. С. 375.

[3] Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология. 1998. № 1 (2). С. 19.

[4] Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды – Сарай Берке. Л. : Изд-во ГАИМК, 1932. С. 3

[5] Гусева Т. В. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. Горький : Изд-во ГГУ. С. 5

[6] Федоров-Давыдов Г. А. Отчет о раскопках Царевского городища (Сарай-Берке) Ленинского района Волгоградской области в 1966 году. М., 1967. С. 2; Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в Средние века. М. : Наука, 1970. С. 68.

[7] Материалы для истории Саратовской Епархии. Саратов, 1909. Вып. III. С. 46–47.

[8] Глухов А. А. Работы отряда «Гюлистан» в 2005–2006 году и новые данные по топографии Царевского городища // Вопросы отечественной и всеобщей истории : сб. ст. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2007. С. 93–94.

[9] Материалы для истории Саратовской Епархии. Саратов, 1909. Вып. III. С. 46.

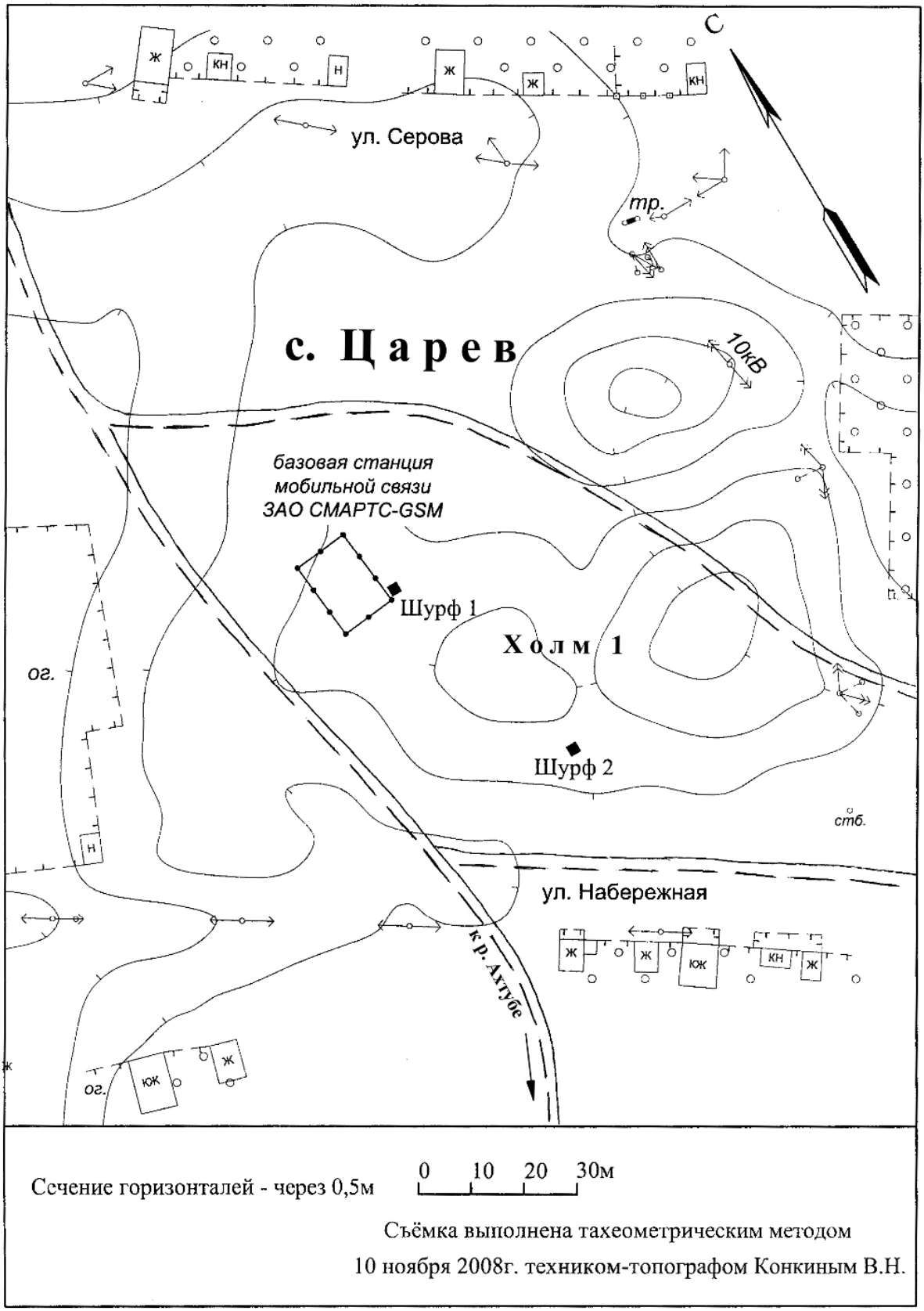


Рис.2. Расположение холма 1 в юго-западной части с. Царев.

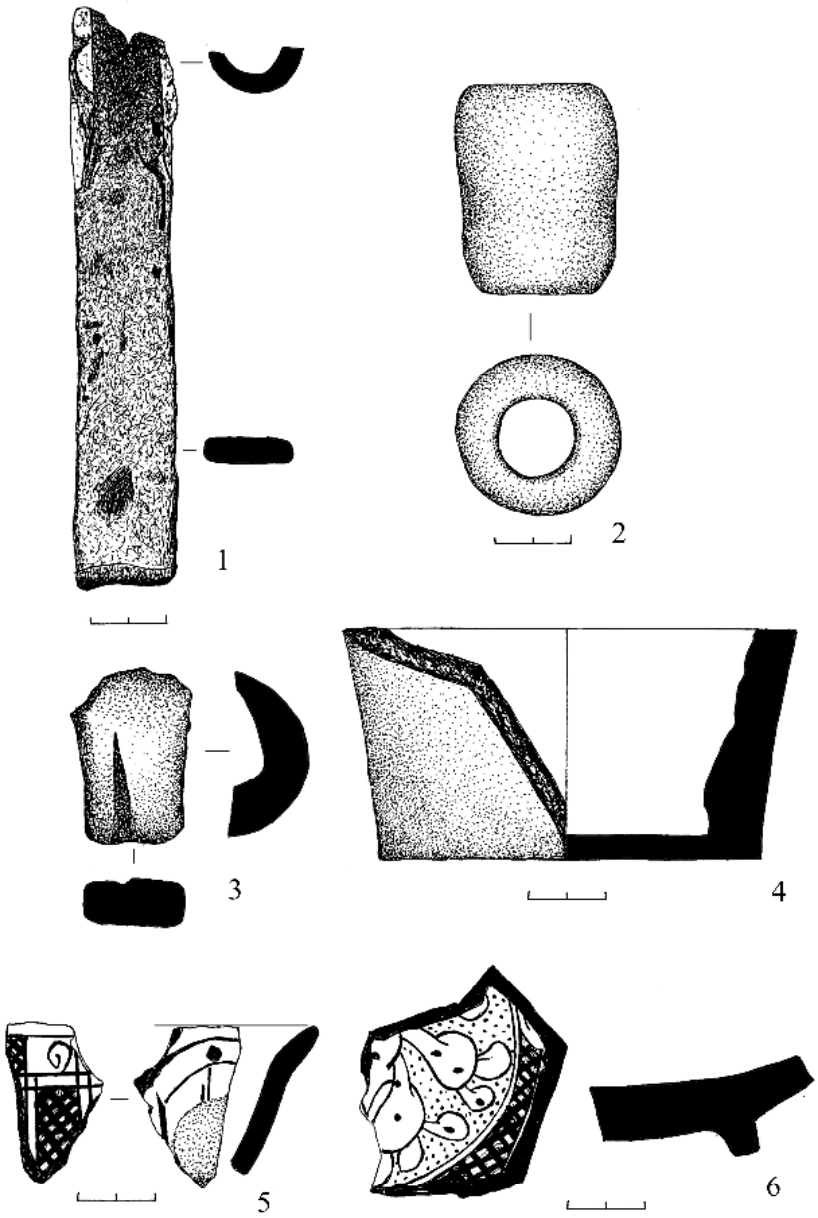


Рис.3. С. Царев, холм 1. Находки из шурфа 2: *1* - железное тесло, *2* - рыболовное грузило (?); *3* - ручка красноглиняного сосуда; *4* - придонная часть красноглиняного сосуда; *5,6* - фрагменты капинного поливного сосуда

Распространенным является мнение, что развалины Царевского городища располагаются *близ* (курсив мой – А.Г.) с. Царев и под современное село не заходят. В недавно защищенной кандидатской диссертации О.А. Ильина высказала мнение, что «территория средневекового города не простиралась далеко на восток и не пересекалась с территорией современного поселка Царев, что подтверждается анализом планов А.В. Терещенко и ПАЭ»[1]. Этот тезис автора нельзя считать верным. Для решения рассматриваемого вопроса план ПАЭ вообще не может помочь, так как он значительно «не доходит» до окраин с. Царев. План же А.В. Терещенко, как и план Тетеревникова, свидетельствуют об обратном.

На территории с. Царев на этих планах нанесено 5 крупных холмов, обозначенных как крупные усадьбы или дворцы (рис. 1). Три из них располагаются в юго-западной части современного села (холмы 1,2,3), а два других – ближе к центральной части (холмы 4 и 5). Холмы 4 и 5 в настоящее время полностью застроены, и выяснить их характер не представляется возможным. Холм 3 фактически

[1] Ильина О. А. Историческая топография и локализация золотоордынских городов Нижнего Поволжья : автореф. дис. … канд. истор. наук. Волгоград, 2006. С. 18.

уничтожен расположенным на его месте карьером по выборке песка. Разведками весной 2010 г. в небольшом останце в центре карьера были зафиксированы остатки двух сырцовых стен, сохранившихся на высоту около 1,5 м. В ближайшее время планируется провести доследование этого объекта.

Лучше всего сохранились холмы 1 и 2, хотя второй частично застроен. Холм 1 находится на открытом пространстве между улицами Набережная и ул. Серова, имеет вытянутую овальную форму и ориентирован длинной осью по линии СЗ – ЮВ. Размеры холма 110 х 50 м, высота около 2 м. Поверхность холма повреждена позднейшей строительной и хозяйственной деятельностью (имеются заплывшие ямы диаметром до 5 м). В северо-западной части холма весной 2008 г. была установлена башня сотовой связи, нарушившая культурный слой объекта (рис. 2). В местах разрушения культурного слоя фиксировался золотоордынский материал, что обусловило закладку здесь 2-х шурфов (шурфы 1 и 2). Шурфовки подтвердили наличие золотоордынского слоя на этом месте. В шурфе 1 были найдены остатки трехканального кана, сложенного из сырцового кирпича, а также фрагменты красноглиняной и поливной керамики, кости домашних животных и др.

Значительное количество находок было сделано во 2-м шурфе: фрагменты красноглиняной (49 фр.) и кашинной поливной посуды (4 фр.), фрагменты кашинных плиток (15 фр.), кости домашних животных (54 фр.). Кроме того, при разборе культурного слоя были найдены железное тесло и глиняное рыболовное грузило для сети (?) (рис. 3).

Таким образом, в результате шурфовки на холме 1 на юго-западной окраине с. Царев, было выяснено, что под песчаными наносами здесь скрываются какие-то сооружения золотоордынского времени. К сожалению нумизматического материала в шурфах не было и датировать этот участок городища пока не представляется возможным.

Весной 2010 г. при планировании участка под частную застройку в 100 м к ЮЗ от холма 1 был частично разрушен еще один объект золотоордынского времени, предположительно мавзолей. В ближайшее время планируются его аварийные раскопки.

Таким образом, учитывая открытия последних лет, можно констатировать, что юго-восточная часть Царевского городища располагается под современной застройкой с. Царев. Это хорошо согласуется с данными исследователей XIX в.

К сожалению, именно эта часть памятника наиболее интенсивно подвергается антропогенному воздействию. В то же время она является совершенно не изученной, в связи с чем исследования на этом участке Царевского городища являются актуальными в настоящее время.

З.В. Доде
(СтГУ, г. Ставрополь)

КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПОИСКИ КРИТЕРИЯ ЗНАТНОСТИ

Средневековые памятники кочевников долгое время были загадкой для ученых, отметил В. В. Бартольд. «Объяснение этих памятников было связано с теми же трудностями, как вообще решение археологических вопросов, когда исследователь не имеет возможности дополнять археологический материал известиями письменных источников»[1]. Далее следуют размышления ученого, не утратившие по сей день своей актуальности: «Представить полную картину монгольского погребения или хотя бы погребения монгольских ханов невозможно, пока мы не имеем критического исследования всех известий первоисточников. Выполнение такого исследования облегчается сравнительным обилием источников, но затрудняется разбросанностью и разнообразием материала. Так, например, в рассказах о погребении ханов в Персии есть такие подробности, которых нет в рассказах о погребении ханов в Монголии, и наоборот; не всегда ясно, имеем ли мы право соединять все эти рассказы в одно целое, предполагая, что обряды ханского погребения были, безусловно, одни и те же на всем пространстве монгольской империи и что перед нами только факт случайного умолчания отдельных источников о тех или других частях одного и того же церемониала»[2]. В последнее время историки вновь обратились к вопросу о характере монгольских захоронений. В настоящий момент внимание исследователей привлекают разные аспекты этой проблемы.

[1] Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турок и монголов // Сочинения. М., 1966. Т. IV. С. 377.
[2] Там же С. 383.

Ю.И. Дробышев рассматривает идейную основу погребальной обрядности средневековых монголов, утверждая, что ритуалы погребения отражают мировоззрение этнической группы, соответственно, изменения похоронной обрядности служат показателем перемен в миропонимании кочевников[1].

А.Г. Юрченко и П.О. Рыкин уделяют основное внимание социальному аспекту проблемы. Следует особо подчеркнуть, что впервые, после исследований В.В. Бартольда, авторами предпринята удачная попытка собрать корпус европейских и восточных письменных известий о монгольском погребальном обряде. Критика этих источников, – кем и с какой целью они были созданы, представляет самостоятельную историческую задачу. Пока только сведения средневековых европейских наблюдателей подвергнуты критическому исследованию А.Г. Юрченко. Автор убедительно показал, что пристальное внимание западных дипломатов было направлено на офицерский корпус, как наиболее активную и заметную часть военно-административной системы управления в Монгольской империи; сведения о ханских захоронениях не были известны информаторам папских посланников, поскольку являлись государственной тайной, а к погребениям рядовых кочевников францисканцы интереса не проявили[2].

В центре внимания А.Г. Юрченко – материалы францисканской миссии 1245 г., содержащие сведения о тайных захоронениях монголов, которые автор называет «элементом мифологии войны»[3]. Гипотеза о градации обрядов погребения младших, старших офицеров и ханов, базируется на факте существования в Монгольской империи военно-административного деления на десятников, сотников, тысячников, нойонов-темников и князей-царевичей. Это обстоятельство, по мнению автора, позволяет выделить три типа захоронений, ранг погребенных в которых соответствует их месту в военно-административной иерархии империи[4].

В свою очередь, П.О. Рыкин рассматривает дифференциацию погребальных обрядов как отражение социальной стратификации монгольского общества[5]. Он полагает, что две категории, предложенные А.Г. Юрченко при анализе сообщений францисканцев о погребальных обрядах монгольской знати, – «старшие офицеры» и «младшие офицеры» – «относятся не столько к самой социальной структуре, сколько к военно-административной иерархии, причем в значительно модернизированном виде»[6]. Сам автор считает, что «в качестве адекватных соответствий должны выступать такие понятия, которые, во-первых, реально функционировали в статусной системе Монгольской империи, а во-вторых, имели терминологическое выражение в монгольском языке данной эпохи»[7]. П.О. Рыкин предлагает рассматривать четыре типа монгольских погребальных обрядов, на одном полюсе которых – захоронения ханов, на другом – рядовых кочевников, а между ними – два типа погребений представителей знати, социальное положение которых определяется их принадлежностью или непринадлежностью к «императорскому роду», т.е. потомству Чингис-хана[8]. Сведения Марко Поло о статусном делении монгольской знати на две категории, по мнению исследователя, подтверждаются реально функционировавшей терминологией: потомки Чингисхана именовались «царевичами», а знатные лица, не относящиеся к роду великого завоевателя – «князьями»[9].

Вероятно, дискуссия о ранге разных групп монгольской знати может иметь продуктивное завершение, но ее результат мало что прибавит к пониманию социального статуса погребенных в исследованных кочевнических могильниках. Полностью разделяя убеждение П.О. Рыкина о том, что «только с помощью сочетания сведений письменных источников с данными археологии можно воссоздать более или менее подробную картину погребальной обрядности средневековых монголов во всем многообразии ее форм»[10], подчеркну, что проверка истинности сообщений средневековых авторов археологическими данными не так проста, как это кажется на первый взгляд.

---

[1] Дробышев Ю. И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119–140.

[2] Юрченко А. Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время : сб. науч. работ. Донецк, 2008. Т. 6. С. 288, 296.

[3] Там же. С. 290.

[4] Там же.С. 287–304.

[5] Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменны источников) // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки : сб. ст. СПб., 2010. С. 239–301.

[6] Там же. С. 262.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 261–265.

[9] Там же. С. 262.

[10] Там же. С. 267.

Иными словами, как соотносится собранный историком и лингвистом корпус письменных известий с материалами археологических находок? По сути, мои размышления являются заметками на полях двух обозначенных статей.

Утверждение П.О. Рыкина о том, что обычай сопровождать умерших оружием, украшениями, монетами, обычными (берестяными и керамическими) и драгоценными (золотыми и серебряными) сосудами, дорогими одеяниями и простой одеждой, шелковыми тканями, предметами конской упряжи, подтверждается археологическими данными[1], возражений не вызывает. Но простое перечисление формальных соответствий между письменными и археологическими источниками ничего не дает. Нужен предметный ряд. Но, прежде всего, необходимо установить инвариантные черты монгольского погребального обряда, которые прослеживаются по письменным источникам и археологическим материалам. К ним относятся характер погребальной конструкции, обряды похорон (сопогребение рабов, коня, погребальная пища), и погребальный инвентарь. Эти критерии в разной степени демонстрируют принадлежность погребенных к имперскому социуму, их социальный статус, этнокультурную идентификацию. Примеры соответствия некоторых из этих признаков в двух группах источников будут рассмотрены ниже.

Необходимость выработки корректного терминологического аппарата является не менее важным условием для установления соответствия между письменными и археологическими данными.

Так отдельные номинации письменных источников, перечисленные П.О. Рыкиным, и засвидетельствованные, как полагает автор, археологическими реалиями, а именно, «шелковые ткани», «дорогие одеяния» и «простые одежды», требуют уточнения.

«Шелковые ткани», выделенные исследователем в самостоятельную категорию находок, видимо, должны отличаться от других текстильных предметов погребального инвентаря, например, «дорогих одеяний». Но обычай класть в погребение целую штуку или отрез ткани на сегодняшний день в археологических памятниках не зафиксирован. Молчат об этом и письменные источники. Когда речь идет о находках шелковых тканей, какова бы ни была их сохранность, они всегда представляют собой текстильные изделия, или их фрагменты, будь то одежды, обувь, головные уборы, погребальные покрывала или обивка гроба, футляры для аксессуаров и т.п. Такая же ситуация прослеживается и в письменных источниках. В сведениях о погребальном обряде императора, зафиксированных в Юань ши, говорится не о ткани «нашиши», как самостоятельном предмете погребального инвентаря, а о вещах, в изготовлении которых использован этот особый тип шелка: полог для погребальной повозки, покров для гроба, поводья конской узды[2].

Далее, что следует понимать под «дорогими одеяниям» и «простой одеждой»? Идет ли речь о разных категориях аристократической одежды, или под этими номинациями подразумевается одежда знати и рядового населения Степи? Поясню свой вопрос.

Обнаруженные в кочевнических комплексах Золотой Орды детали костюма, как правило, выполнены из разнообразных шелковых тканей. Среди них – шелка затканные золотыми нитями, или орнаментированные золотой набойкой, ткани узорного ткачества с полихромными орнаментами и монохромный дамаск, шелка полотняного переплетения с вышивкой или вообще без декора. В то же время одежды из шерсти или тканей, выполненных из растительных волокон, практически не известны. Это вовсе не означает, что все золотоордынское население Степи одевалось исключительно в шелка. Наличная коллекция археологических тканей связана с сохранностью текстильных материалов в погребальных комплексах. Шерстяные и кендырные ткани в не меньшем ассортименте, чем шелка производились в ткацких центрах Монгольской империи, и соответственно также поступали в торговый оборот. Арабские и персидские источники называют шерстяные ткани – barrakan и camelot, льняные – kattan, dabiki, конопляные – kinnab, хлопковые – kutniyat, babiyaf и др. Хамдаллах Мустауфи Казвини приводит список областей Ирана, где в правление ильханов, выращивали лен и хлопок или изготавливали льняные и хлопковые ткани[3]. Арабский автор второй половины XIV в. ал-Умари отметил, что тунисские хлопок и лен более совершенны и красивее, чем белый багдадский шелк[4]. Соответственно шерстяной и кендырный текстиль высокого качества стоил дороже низкосортных шелков.

Безусловно, ткани имели разную стоимость и различную семантическую ценность. Для монголов самыми престижными были шелковые ткани с золотым орнаментом. Практически все известные на

[1] Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность… С. 267.
[2] Там же. С. 257
[3] Serjeant R. B. Islamic Textiles. Material for a History up to the Mongol Conqest. Beirut – Lebanon : Libraire du Liban, 1972. P. 58.
[4] Там же. P. 31.

сегодняшний день находки костюмов, включают изделия, выполненные из таких тканей. Золото в имперской символике выражало идею связи с золотым родом Чингис-хана и причастность к харизме великого предка, а также являлось символом бессмертия. Золотые шелка «насидж» (кит. «нашиши») ценились на вес золота, а в системе имперской символики имели ту же функцию, что и золото[1]. Из таких тканей изготавливали церемониальные и наградные одежды, которые получали не только чингизиды, но и гвардия, придворные, военная аристократия, иными словами, все, кто находился на имперской службе. Таким образом, «дорогие одеяния» были внешним знаком принадлежности к имперской корпоративной группе. Между тем, в империи на государственном уровне ношение одежд, выполненных из люксовых тканей, статусом обладателя не лимитировалось, о чем будет сказано ниже.

Применительно к захоронениям бедных кочевников письменные источники фиксируют «новую одежду», «сменную одежду», «нарядную и красивую одежду», умалчивая о подробностях[2]. Удовлетворительных археологических данных об одежде рядового населения Степи на сегодняшний день нет.

Погребальный инвентарь, засвидетельствованный археологически, намного шире и детальнее тех данных, которые содержатся в письменных источниках. На это очевидное обстоятельство указывает в своей работе и П.О. Рыкин. «Следует оговориться, – пишет автор, – что описанные в источниках особенности погребального обряда различных социальных категорий умерших не должны приниматься как данность, но проверяться на археологическом материале. Зачастую этот материал заставляет вносить весьма существенные коррективы в оценку реального функционирования тех или иных отличительных признаков»[3]. В качестве примера автор рассматривает ситуацию с монгольскими погребальными конструкциями, отмечая, что «захоронения в колодах фиксируются текстами только по отношению к монгольским ка'анам, тогда как, по данным археологии такие захоронения имели значительно более широкую сферу распространения, которая включала умерших самых разных социальных слоев»[4].

В равной степени это относится и к погребальному инвентарю. Причем следует отличать предметы, связанные с повседневностью кочевнического быта, от вещей, имевших особый статус.

Обратимся к данным «Юань ши» (в переведе П.О. Рыкина), и археологическим находкам, которые могут быть привлечены в качестве исторических параллелей. «История династии Юань» – единственный источник из всего корпуса письменных свидетельств, собранных А.Г. Юрченко и П.О. Рыкиным, в котором упоминаются широкий ассортимент императорской погребальной посуды: золотой чайник, плошки, чашка, блюдце, ложка и палочка для еды[5]. Аналогичные предметы – миска, ложка и две костяные палочки для еды, соединенные медной цепочкой, обнаружены в сырцовом мавзолее золотоордынского времени при исследовании могильника «Маячный бугор»[6]. Интерес вызывает не столько соответствие между отдельными предметами посуды, упомянутыми в письменном источнике и обнаруженными в археологическом памятнике, сколько неожиданное количество палочек для еды, названное в «Юань ши». Закономерно возникает вопрос – почему императору в загробном мире полагалась только одна палочка, а погребенной в золотоордынском мавзолее женщине – две? В этой связи, хотелось бы уточнить, какой классификатор стоит с иероглифом «палочки», указывающим на их количество – «пара» или «стержень»?

В другом пассаже из «Юань ши» (в переводе П.О. Рыкина), говорится об одежде, в которой хоронили императора: «Для одеяния покойного используют соболью шубу и кожаную шапку. Его сапоги, чулки и поясной футляр для чашки, все делают из выбеленной кожи»[7]. В примечаниях к этому тексту переводчик поясняет: «В тексте иероглиф <…> *ва* 'чулки' записан с ключом <…> *гэ* 'кожа', что должно указывать на материал, из которого был изготовлен данный предмет одежды»[8]. В захоронениях кочевников Золотой Орды не императорского ранга найдены аналогичные элементы костюма.

Приведу примеры. В первом кургане у хутора Тормосин Чернышковского района Волгоградской области в мужском погребении под скелетом были зафиксированы, начиная от тазовых костей и кончая щиколотками, куски кожи разных размеров со следами швов. Эта находка автором раскопок

---

[1] Доде З. В. Шелк в культуре Монгольской империи // Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2007. С. 41.

[2] Юрченко А. Г. Тайные монгольские погребения… С. 301.

[3] Рыкин П.О. Концепция смерти и погребальная обрядность… С. 265.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 257.

[6] Васильев Д. В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград : Перемена, 1998. Вып. 6. С. 106, 112, рис. 5, 12.

[7] Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность… С. 257.

[8] Там же.

В.М. Клепиковым предположительно атрибутирована как «остатки кожаных штанов»[1]. Следует уточнить, что длина штанов прослежена до щиколотки, конструкция верхней части не ясна. Если кожаные штанины не были сшиты, то эту находку можно отождествить со своего рода «чулками без стопы». «Чулки-штаны» входили также в комплекс женского кочевнического костюма. Об этом свидетельствуют находки в могильниках Вербовый Лог[2] и Рябичев[3].

До сих пор в археологических памятниках не было обнаружено кочевнических шапок, полностью выполненных из кожи. Между тем фрагменты кожаного предмета зафиксированы «за головой, у правого виска» мужчины, погребенного у хутора Тормосин. В.М. Клепиков гипотетически связал эту находку с головным убором[4], который можно рассматривать как косвенную параллель «кожаной шапке», упоминаемой в «Юань ши».

Согласно сведениям этого источника, императора хоронили в собольей шубе. В шубы были одеты женщины, погребенные в могильниках Вербовый Лог и Рябичев. Крытая шелком фиолетового цвета, шуба из могильника Вербовый Лог, была подбита мехом лисы.

Ответ на вопрос, почему набор предметов императорского костюма, перечисленных в «Юань ши», соответствует археологическим находкам в погребениях кочевников, лежит на поверхности. Организация кочевого быта определяется функциональностью. Поэтому независимо от социального статуса обладателя, единство костюмного комплекса объяснялось его утилитарными свойствами. Одежды, обнаруженные в золотоордынских погребальных памятниках, носят следы изношенности, полученные в результате долгого использования платья. Другими словами, умерших хоронили в том, что они носили при жизни.

Принципиальные отличия императорских и рядовых захоронений заключались в качестве используемых материалов. Кожаные изделия отличались выделкой сырья. Обувь, поясные и портупейные сумочки, обнаруженные в погребениях кочевников, как правило, изготовлены из кожи черного цвета; поясной футляр для чашки, чулки и сапоги императора – из выбеленной кожи. Императорскую шубу подбивали соболем[5], шубу знатной особы менее высокого ранга – лисой.

Но прямое соответствие между качеством вещей, сопровождавших умерших, и статусом их обладателей не является закономерностью. Так женская шуба, обнаруженная в золотоордынском некрополе у хутора Рябичев, была подбита соболем, как и в погребальном костюме императора династии Юань.

Неоднозначна и социальная дифференциация археологических находок одежд, выполненных из шелковых тканей с золотым декором. Из письменных источников известно, что чиновники Юаньского двора обязаны были являться на званые императорские обеды и торжественные мероприятия в одеждах из шелковых тканей, затканных золотыми нитями, получивших в «Юань ши» название «банкетных одежд». Причем сам император имел 11 разновидностей таких одежд для зимнего сезона и 15 вариаций для лета. Для придворных и высоких чинов было 9 разновидностей для зимы и 14 для лета[6]. Таким образом, для разных типов официальных одежд высшего класса использовались золототканые шелка. Но монголы не лимитировали использование люксовых тканей, которые в большом количестве поставлялись на торговые рынки, принося колоссальные доходы государству. Если доверять наблюдениям западной дипломатической миссий 1247 г., монголы «халаты носят из букорана, пурпура или балдакина»[7]. Букоран здесь – дорогая шерстяная материя, пурпур – не обязательно обозначает цвет, но обязательно дорогую ткань, балдакин – шелковые багдадские шелка, затканные золотом. Иоанн де Плано Карпини описывает костюмы монголов, которых он видел в Каракоруме и при дворе Бату. В таком случае, правильно ли полагать, что дорогие одежды носили все, кому они были доступны в качестве жалования, награды, товара или трофея? Скорее всего, да. С необходимо-

[1] Клепиков В. М. Отчет о работе Донского отряда ВолГУ в 1983–1987 году. Волгоград, 1989. Рукопись. С. 3. Рис. 3.
[2] Власкин М. В., Гармашов А. И., Доде З. В., Науменко С. А. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Погребения знати золотоордвнского времени в междуречье Дона и Сала: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавкза. М. : Памятники исторической мысли, 2006. Вып. VI. С. 81–82, рис. 1.
[3] Парусимов И. Н. Отчет о раскопках курганов у хут. Рябичев в Волгодонском районе Ростовской области в 2006 г. Ростов н/Д, 2007. С. 10.
[4]Клепиков В. М. Отчет о работе Донского отряда ВолГУ … С. 3, рис. 3.
[5] О собольей шубе сказано и в Сокровенном сказании, где также упоминаются собольи пеленки, преподнесенные стариком Урянхадайцем Чжарчиудаем по случаю рождения Темучжина (Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. М. : КМК, 2002, § 96–97).
[6]James C. Y. Watt, Ann E. Wardwell. When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. N. Y., 1997. P. 138.
[7] Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestò; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989. Cap. II. 4.

стью возникает вопрос, правомерно ли однозначно связывать находки одежд, сшитых из роскошных тканей, с высоким статусом погребенных, не учитывая при этом особенности обряда и погребального инвентаря? Ответ отрицательный. Вне контекста погребального обряда, фрагменты изделий из дорогих тканей не могут являться маркером социального статуса погребенного человека.

Один пример. Материалы из кочевнического погребения, содержащие фрагменты изделий из шелковых тканей, во 2 кургане некрополя Токовские Могилы на правобережье Днепра привлекли внимание группы украинских специалистов. А.В. Евглевский, Н.М. Данилко и С.А. Куприй исследовали в этом «рядовом» захоронении «исключительно интересный, не имеющий близких аналогий» погребальный обряд[1]. Изучение «костюма» погребенного кочевника проводила Т.Н. Крупа[2]. Обе статьи опубликованы в одном томе.

Уникальность обряда, по мнению исследователей, заключалась в том, что его черты («каменное кольцо-оградка под насыпью кургана, заплечики вдоль южной и северной стенок, уступ у восточной торцевой стенки могильной ямы, решетчатое гробовище, западная ориентировка погребенной, стремя и удила в отсутствии коня, укладка удил на торцовый уступ, помещение в погребение лишь одного стремени») «встречаются в отдельности или в некоторых сочетаниях и в домонгольское время, и в еще более ранние периоды», поэтому авторы поставили задачу «рассмотреть их нюансы, которые помогли бы отделить памятники золотоордынского времени от предшествующего»[3]. Пространные и упорные поиски объяснения «нерядового обряда», завершились не слишком оптимистичным выводом исследователей: «Таким образом, анализ токовского погребения, свидетельствует о том, что для его более полного объяснения нам остается ждать новых открытий и расширить географию поиска»[4]. То есть однозначного решения поставленной задачи исследователи не получили.

Между тем, Т.Н. Крупа определила социальный статус погребенной женщины на основании анализа обнаруженных в погребении текстильных фрагментов: «Использование в костюме дорогих высококачественных тканей, кожи и золотого декора, может свидетельствовать о высоком статусе умершей. Считаем, что перед нами, вне всякого сомнения, остатки костюма представительницы золотоордынской знати»[5]. Других аргументов, подтверждающих высокий ранг погребенной женщины, исследователь не привела.

Вполне допустимо, что одежда из шелков с золотым орнаментом, фрагменты которой были рассмотрены Т.Н. Крупа, некогда и принадлежали «представительнице золотоордынской знати». Тогда следовало бы объяснить, как они попали в это «рядовое» погребение? Но вопрос в другом. Существуют ли иные археологические признаки, подтверждающие высокий социальный статус женщины, погребенной в некрополе Токовские Могилы? Их нет. Напротив, ординарная для кочевников погребальная конструкция (яма с заплечиками, каменное кольцо оградка под насыпью кургана) и бедный инвентарь (удила, одно стремя, бусина и деревянный гребень[6], – вот и все, чем снабдили в загробный мир умершую женщину), не позволяют вывести это погребение за рамки «рядовых». Собственно такая атрибуция и предложена группой авторов, изучавших погребальный комплекс. Но исследователь «костюма» полностью игнорирует данные, изложенные ее коллегами. А.В. Евглевский, Н.М. Данилко и С.А. Куприй оставили без внимания выводы Т.Н. Крупы о высоком статусе женщины, захороненной в «рядовом» погребении.

Итак, подчеркну еще раз, что сами по себе находки в погребальных памятниках текстильных изделий из великолепных шелков, или их фрагментов не являются признаками социального статуса обладателя. По данным Г.А. Федорова-Давыдова «шелковые и парчовые ткани» изредка встречались в «бедных» погребениях золотоордынских кочевников[7]. Таким образом, костюм или его элементы, могут служить основанием для установления ранга погребенного только в совокупности с признаками обряда захоронения и характером погребального инвентаря.

---

[1] Евглевский А. В., Данилко Н. М., Куприй С. А. «Рядовое» позднекочевническое погребение с нерядовым обрядом из кургана 2 группы Токовские Могилы на правобережье Днепра // Степи Европы в эпоху Средневековья : сб. науч. работ. Донецк, 2008. Т. 6. Золотоордынское время. С. 199–214.

[2] Крупа Т. Н. Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовские Могилы. // Степи Европы в эпоху Средневековья : сб. науч. работ. Донецк, 2008. Т. 6. Золотоордынское время. С. 215–268.

[3] Евглевский А. В., Данилко Н. М., Куприй С. А. «Рядовое» позднекочевническое погребение… С. 206–207.

[4] Там же. С. 212.

[5] Крупа Т. Н. Исследование костюма… С. 226.

[6] Евглевский А. В., Данилко Н. М., Куприй С. А. «Рядовое» позднекочевническое погребение… С. 205–206.

[7] Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1966. С. 213.

Вопрос о качестве материала утилитарных предметов кочевого быта, представленных в погребальном инвентаре, связан не только с проблемой определения социального статуса погребенных. Следует учитывать тот факт, что далеко не все вещи, сопровождающие умершего, имели исключительно прикладной характер. Материал, из которого были изготовлены специальные предметы, указывает на их особое назначение. Этот феномен, связанный, в том числе, и с монгольской погребальной обрядностью, проанализирован в другой работе А.Г. Юрченко. «Не все значимое в имперский период непременно было золотым, – пишет автор. – Родовые онгоны монголы делали из войлока и шелка. Кропление молоком совершали деревянной посудой. Следует развести милитаризованную сферу, где золото доминировало (золотые воинские пояса, чаши, кулоны, пайзцы, конская сбруя, золотой шатер и трон хана, золотая статуя Чингис-хана) и сакральную сферу (гадание великих ханов на бараньих лопатках, обряд кропления молоком белых кобылиц), где золото вообще не играло никакой роли. Отсюда следует, что приписывание археологически фиксируемым предметам различных статусов с опорой на материал изготовления не всегда уместно. Если в захоронениях монгольского времени золотые чаши, бесспорно, указывают на высокий статус погребенного, то деревянная посуда связана с миром мертвых. Кажется, это обстоятельство вполне осознавалось наблюдателями, которые сообщили францисканской миссии 1247 г. подробности погребения представителей военной элиты: «Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой, сидящим в ней, и вместе с [деревянным] корытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами. Одного же коня съедают друзья и шкура его, наполненная сеном, поднимается на деревянных опорах. Они верят, что в будущей [жизни умерший] будет нуждаться во всем этом, а именно, в кобылице для получения молока, в коне, для того, чтобы ездить, и также в другом [из того, что положено с ним]. Подобным же образом кладут золото и серебро» [Ц. де Бридиа, § 45]. Как видим, в перечне необходимых для существования в потустороннем мире вещей золото и серебро не занимают первое место»[1].

При установлении характера монгольских захоронений не менее важным представляется выделение в особую категорию статусных вещей, маркирующих включенность индивидов в культурное пространство империи, и определяющих их социальный ранг. Такие предметы из инвентаря кочевнических захоронений в контексте сведений письменных и археологических источников рассматривались в ряде работ. Историографический обзор этого вопроса не входит в задачу данного исследования. Отмечу только некоторые аспекты, затронутые в этих публикациях. Женский головной убор *боктаг*, как знак, маркирующий принадлежность к престижной социальной среде, независимо от этнической принадлежности, рассмотрен в работах З.В. Доде[2] и А.Г. Юрченко[3]. Вопрос о функции поясов в системе формирования чингизидской правящей элиты, а также о поясных чашах, как характерном атрибуте монгольской всаднической культуры, разработан в трудах М.Г. Крамаровского[4].

В контексте вопроса о статусных вещах, рассмотрим один пример. Ибн Баттута в рассказе о погребении убитого каана говорит о золотых и серебряных сосудах[5]. На практике золотые и серебряные кубки, ковши и чаши, встречаются в захоронениях кочевников разных социальных рангов. Такие находки обнаружены на широкой территории империи от Внутренней Монголии[6] до Северного Кавказа[7]. Широкое распространение сосудов из драгоценных металлов в погребениях людей разных рангов показывает единство ритуального пространства, объединявшего кочевников в границах имперской культуры. «Даже могилы северокавказских вассалов Золотой Орды содержат несколько сосудов в купе с дорогими поясами, – пишет М.Г. Крамаровский. – Причем богатство погребального инвентаря характерно для большого числа могил, а не только для погребений местных вождей. Многочис-

[1] Юрченко А. Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 416–417.
[2] Доде З. В. К вопросу о боктаг // Российская археология. 2008. № 4. С.52–63.
[3] Юрченко А. Г. Власть и женская мода в Монгольской империи // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). М., 2006. С. 173–184.
[4] Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды / М., Г. Крамаровский. СПб. : Славия, 2001. С. 35–72.; Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 : мат-лы Междунар. науч. семинара (23–26 июня 1998 г.). Казань : МастерЛайн, 2002. С. 43–81.
[5] Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность… С. 256.
[6] Qi Dongfang. The “Golden Hord” and Mongol Yuan Gold and Silver // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Hangzhou, 2005. P. 54–64.
[7] Нарожный, Е. И., Охонько Н. А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. Ставрополь – Армавир, 2007. С. 105.

ленность драгоценных сосудов, их формы, их декор, их материал – золото и серебро, должны были, вероятно, стать залогом и маркером «настоящего» благоденствия. Надо отметить, что в данном случае речь идет о вещах, которые были атрибутом воина-ветерана или представителя местной элиты, то есть, того общественного слоя и той общественной силы, благополучие которой зависело от сохранения политического наследия ранних чингисидов»[1].

Имперская мода выполняла функцию социального регулятора, очерчивая границу между «своим» и «чужим», и одновременно оставляла открытой возможность для вхождения новых групп в культурное пространство империи. В то же время, например, некоторые элементы костюмов, обнаруженных в кочевнических захоронениях, позволяют говорить о сочетании в костюме золотоордынской знати имперского и этнического[2]. Но находки предметов материальной культуры с выраженными этническими признаками в кочевнических погребениях ограничены и вариативны.

Наиболее устойчивым этно-культурным критерием погребальной обрядности является устройство могилы. Отличия монгольского способа захоронения высших лиц от погребальных обрядов киданей, а также древних тюрок и уйгуров были подчеркнуты в работе Ю.И. Дробышева[3].

П.О. Рыкин настаивает на зависимости типа могильных сооружений от социального статуса погребенных. «Заслуживают внимания сведения о двух типах могил, использовавшихся при погребении Чингисидов, пишет автор, – могилах с нишами в стенках и могилах с квадратными краями, расширяющихся книзу. Эти сведения полностью подтверждаются результатами археологических раскопок, согласно которым для ранних монголов были характерны могильные ямы с прямым стволом, а также с подбоем или имитирующим подбой сооружением, как правило, в северо-западной или юго-восточной стенке могилы. При этом частотными являются погребальные камеры первого типа, тогда как захоронения с подбоями встречаются значительно реже <…>. Если погребения в могильных ямах с прямым стволом не имеют выраженных статусных признаков, то специфика погребального инвентаря второй группы погребений (наличие серебряных украшений, остатков шелковых тканей, предметов вооружения с накладками из драгоценных металлов и пр.) позволяет говорить о том, что они действительно соотносились с определенными категориями знати, пусть даже не обязательно с представителями рода Чингисхана»[4]. По-видимому, для такого утверждения нужна убедительная статистика. Следует признать, что на сегодняшний день не существует сводного археологического исследования, в котором с максимальной полнотой были бы представлены археологические свидетельства о похоронном обряде кочевников Монгольской империи, необходимые для широких обобщений. В этой связи одно небольшое наблюдение. Во втором кургане могильника Джухта-2 (Апанасенковский район Ставропольского края) было выявлено три захоронения. Центральное женское и впускное мужское погребения были совершены в яме с заплечиками, сопровождались захоронениями коней и богатым инвентарем, включавшим оружие, большой медный котел, серебряные чаши, одежды из золототканых шелков и бархатный головной убор. Третье впускное погребение ребенка совершено в яме с подбоем. Здесь обнаружен только маленький закопченный грубый глиняный горшок[5]. То есть, инвентарь погребений, совершенных в ямах с заплечиками, несоизмеримо превосходит инвентарь из захоронения в подбое. Согласимся, что данный случай не является показательным для сравнения социального статуса погребенных в разных типах могил, поскольку, речь идет о погребениях взрослых и ребенка. Но, по-видимому, можно ставить вопрос об их этно-культурных различиях.

«Карниологическое исследование показало морфологическую специфичность и большое сходство мужчины и женщины, погребенных в кургане 2, которое выражается в совпадении деталей строения лица и свидетельствует о принадлежности их к одной популяции (племенной группе?)»[6]. Провести антропологическое исследование черепа ребенка не удалось из-за плохой сохранности костных останков. Но впускной характер погребения и отличная от мужского и женского захоронения

[1] Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов… С. 83.

[2] Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории) : автореф. дис. … д-ра истор. наук. М., 2007. С. 48–49; Доде З. В. К вопросу о бокта… С. 60–62.

[3] Дробышев Ю. И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 130–131.

[4] Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность…. С. 269–270.

[5] Dode Zvezdana “Djuhta”, Necropole De La Periode De La Horde d’Or Dans Le Village Caucasien De Djuhti, Region De Stavropol // Archeologie Medievale, 2007. № 37. P. 67–90.

[6] Герасимова М. М. Палеоантропологические материалы из кочевнических комплексов курганного могильника Джухта-2 / М. М. Герасимова, Д. В. Пежемский // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. Вып. II. С. 197.

форма погребального сооружения позволяют предполагать, что детское погребение в этом кургане было совершено представителями другого этно-племенного образования.

В золотоордынских кочевнических захоронениях прослежены разные формы ям, с заплечиками или подбоем, разные типы погребальных конструкций и ориентировка погребенных, что дало Г.А. Федорову-Давыдову основания полагать, что типы погребений не связаны с социальным положением умерших, а зависят от этнической принадлежности кочевников[1].

Сходный погребальный инвентарь со статусными вещами, зафиксированный в могилах разной конструкции позволяет говорить об этнических различиях погребенных, включенных в единое культурно-политическое пространство Империи. «В Монгольской империи утвердился принцип толерантности, – пишет А.Г. Юрченко, – что на практике означало невмешательство правящей группы в загробную жизнь своих подданных»[2]. Представляется показательным пример погребального обряда, зафиксированного в могильнике Телеутский Взвоз-I в Лесостепном Алтае.

Предварительно замечу, что Г.А. Федоров-Давыдов полагал, что остатки деревянных конструкций, не являются типологическими признаками кочевнического погребального обряда в силу их зависимости от сохранности органических материалов[3]. Но с момента выхода работы Г.А. Федорова-Давыдова накопилось значительное количество новых материалов, которые позволяют откорректировать его данные. Так, в могильнике Телеутский Взвоз-I были выявлены две этнические группы населения, оставившие этот могильник, – представители местного тюрко-самодийского населения и пришлые монголы, мигрировавшие в Лесостепной Алтай из центральной Азии. Между этими группами установлены антропологические различия, а также прослежены разные способы устройства деревянных погребальных конструкций. Представительниц местного населения хоронили в колодах, а пришлых мужчин – в ящиках[4]. В тоже время в женских тюрко-самодийских погребениях этого могильника были обнаружены статусные монгольские головные уборы *боктаг*. По мнению исследователей могильника, небольшой военный отряд возглавил объединение местного населения[5], т.е. мужчины находились на имперской службе, а, следовательно, их местные жены обязаны были носить боктаг, как знак принадлежности к монгольской знати.

В заключение еще один пример соответствия между сведениями письменного источника и археологическими реалиями. Речь пойдет о сообщении Рикольдо де Монте Кроче о погребальных ритуалах монголов в Иране и материалами женского захоронения из курганного могильника у хутора Рябичев Ростовской области (7 курган, погребение № 1). Раскопки на памятнике проводил отряда Археологического научно-исследовательского бюро под руководством И.Н. Парусимова в 2006 г. Материалы данного комплекса были переданы для исследования в ГУП «Наследие» и будут представлены в отдельной публикации. Сейчас сделаем акцент на некоторых чертах обряда, погребальной конструкции, и особенностях инвентаря, представленных в археологическом отчете И.Н. Парусимова.

Захоронение было совершено в подпрямоугольной яме с заплечиками. На заплечиках лежали деревянные доски, образующие перекрытие могилы. Сверху этого перекрытия лежало чучело лошади. Здесь же были обнаружены железные двукольчатые удила, железные детали уздечки, деревянное седло, обернутое кожей, железные стремена арочной формы. На дне ямы, под перекрытием стоял деревянный гроб, в котором вытянуто на спине лежала погребенная женщина. На ней была шелковая одежда. Голова и лицо были накрыты шелковым головным убором из ткани темного цвета. Другой головной убор в виде берета находился с левой стороны от головы. При расчистке верхней одежды установлено, что ее правая пола перекрывала левую, то есть, одежда была запахнута на левую сторону. На ступнях ног сохранились следы кожаной обуви очень плохой сохранности. Женщина лежала на шелковой крупноячеистой сетке, которая по бокам накрывала костяк. Голова погребенной покоилась на свернутом в виде подушки шелковом изделии с вышивкой. На шее зафиксирована шелковая нитка с фрагментами мелких серебряных бусин. На погребенной были серебряные серьги в виде знака вопроса с напускной бусиной.

При расчистке погребения непосредственно при костяке было зафиксировано несколько предметов. Железный нож в деревянных ножнах, шарнирные ножницы, железное шило с деревянной

[1] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы… С. 34.

[2] Юрченко А. Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Степи Европы в эпоху Средневековья : сб. науч. работ. Донецк, 2008. Т. 6. Золотоордынское время. С. 290.

[3] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы… С. 123.

[4] Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 138.

[5] Там же. С. 142.

ручкой, деревянный гребень в кожаном футляре и бронзовое зеркало в кожаном чехле, два кожаных кисета, у кистей рук выявлены две кашинные бусины в бирюзовой глазури и две бочонковидные бородавчатые бусины. Вдоль правой руки лежала тонкая четырехгранная палочка длиной 53 см. У стоп – фрагменты деревянного сосуда[1].

При разборе погребения в камеральных условиях, выяснилось, что женщина была одета в шелковые штаны-чулки, высотой до паха, шелковое не распашное платье красного цвета с осевым разрезом на груди, соболью шубу, крытую шелковой тканью с золотой набойкой. К этому костюму полагалось два шелковых головных убора – один в виде башлыка и другой – в форме берета.

При расчистке погребения внимание привлек шелковый сверток, находящийся под головой погребенной женщины. Позже выяснилось, что это шелковый халат пурпурного цвета с полихромной вышивкой на правом и левом рукавах. Внутри этого халата находился еще один шелковый головной убор. Это был дополнительный набор одежды, положенный под голову.

На практике оказалось, что это не единственный случай обнаружения дополнительных предметов одежды в погребениях кочевников Золотой Орды. Свернутый бархатный головной убор джухтинского воина был обнаружен под черепом погребенного[2]. Дополнительный набор одежды положили под голову женщины, похороненной в могильнике Вербовый Лог[3]. Отмеченные совпадения указывают на обычай, и должны иметь объяснение, которое находим в письменном источнике.

Брат Рикольдо де Монте Кроче из монастыря Санта Мария Новелла, странствуя и проповедуя христианскую веру на территории ильханов в 80–90 гг. XIII в., описал погребальные обычаи монголов в своей книге «Путешествие по Святой Земле», где отметил, что они кладут в погребение дополнительный набор одежды. «Татары же верят и надеются на некое несуразное воскрешение именно к этой жизни. Поэтому мертвых своих они снабжают в соответствии с их положением. Например, бедным готовят много мяса и хоронят его вместе с мертвым, обкладывая его со всех сторон, а также новой одеждой, в придачу к той, в которую он был одет. И дают ему даже немного денег. Распределив, таким образом, мясо и деньги, они добавляют также сменную одежду, и кладут под голову мертвому или мертвой нарядную и красивую одежду, свернутую валиком, и говорят ему: “Если кто придет и возжелает украсть прикрытое тобой, не позволяй, но дай ему то, что у тебя под головой”»[4].

Таким образом, в этом тексте упоминается два набора одежды: собственно та, в которую одет умерший, и «новая» одежда, она же «сменная», она же «нарядная и красивая, свернутая валиком». Из описания погребального обряда, оставленного Рикольдо де Монте Кроче, следует, что обычай класть дополнительный набор одежды соблюдался при погребении кочевников разных социальных рангов: бедных, знатных и императора.

Внимание католического миссионера также привлекли особенности погребального ритуала, выполнявшегося для представителей разных социальных групп. Благодаря этим наблюдениям, возможно установить социальный ранг женщины, погребенной в могильнике Рябичев. Как уже указывалось, на перекрытии ее могилы находилось чучело лошади со всеми необходимыми атрибутами конской упряжи. Обряд погребения с чучелом коня, согласно сведениям брата Рикольдо, выполняли при погребении знатных кочевников: «Особо знатным также добавляют [в могилу] лучшую из всех его лошадей. Затем его оруженосец садится на лошадь, которую готовят похоронить вместе с мертвым, и он загоняет лошадь бегом туда-сюда до полного изнеможения, а затем моет голову лошади чистым и крепким вином, и лошадь падает; далее он потрошит ее и вынимает из брюха лошади все внутренности, и наполняет его свежей травой, а затем просовывает большой шест через зад, так чтобы он вышел через рот. И таким образом, проткнув ее шестом, закрепляет его в висячем положении и приказывает ему (коню), чтобы он был готов, когда бы ни восстал его господин. И затем они закапывают мертвого в могиле»[5].

Итак, информация, сообщенная странствующим монахом, идеально соответствует ситуации, зафиксированной в женском захоронении у хутора Рябичев. Археологический материал полностью подтверждает сведения Рикольдо де Монте Кроче. Рассказ миссионера проясняет вопрос о дополнительном наборе одежды в захоронениях кочевников и позволяет также говорить о соответствии обрядов ритуала социальному статусу умершего.

---

[1] Парусимов И. Н. Отчет о раскопках курганов у хут. Рябичев… С. 8–14.
[2] Dode Zvezdana “Djuhta”, Necropole De La Periode De La Horde… P. 85, fig.22.
[3] Доде З. В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог…. С. 118.
[4] Юрченко А. Г. Тайные монгольские погребения… С. 301.
[5] Там же. С. 301.

Решение вопроса о характере монгольских захоронений связано с выработкой методики сопоставления сообщений средневековых авторов и археологических данных. При этом необходимо учитывать, что у нас есть колоссальный археологический материал, характеризующий похоронный обряд золотоордынских кочевников, но нет письменных данных XIV в. Письменные источники сообщают об обряде погребения в Ильханате и на территории династии Юань. Процедура похорон представлена также в иранских изобразительных источниках XIV в. Но иранские археологические материалы, связанные с погребениями монголов, неизвестны. Китайские источники представлены археологическими памятниками и письменными документами. Целостную картину монгольского погребального ритуала предстоит сложить из существующих фрагментов.

Поскольку речь идет о построении теоретической конструкции, выскажу несколько гипотетических предложений. Как уже сказано, необходимым условием является научная критика письменных источников по данному вопросу, начатая А.Г. Юрченко. Не менее важна взаимосвязь самих археологических данных. Следует учитывать, например, что единый ритуал захоронения и сходный погребальный инвентарь соответствовали могилам разной конструкции. В таком случае, общность погребального инвентаря, в том числе костюма, отражают принадлежность индивида к монголам не в этническом, а в имперском смысле; свидетельства о проведении специальных обрядов, сопровождающих погребение умершего захоронением рабов, коней, а также количество и качество инвентаря – о его ранге в имперском обществе; погребальная конструкция, скорее всего, связана с этническими традициями похорон.

А.Г. Жирова
(АГУ, г. Астрахань)

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КОЧЕВНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (МЕТОДИКА ФОРМАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ)

В течение многих лет актуальным является вопрос о корректности разделения огузской и печенежской материальных культур. Исследования прошлых лет указывают на высокую степень типологического сходства погребальных обрядов огузов и печенегов. Столкновение мнений в современной историографии происходит по вопросу о возможности этнической интерпретации огузов и печенегов на основании особенностей материальной культуры и погребального обряда. Мы попытаемся рассмотреть эту проблему несколько в иной плоскости. Целью нашей работы является попытка ответить на вопрос: действительно ли археологические данные могут являться основой для разделения огузов и печенегов по признакам, описывающим проявления материальной культуры, или же эти народы являются носителями единой материальной культуры, и тогда проблема их этнической идентификации из плоскости археологии должна быть перенесена целиком в плоскость исторической науки.

Разумеется, в настоящей статье мы не сможем решить эту проблему в целом, тем не менее, попытаемся апробировать методику выделения комплексов связанных признаков погребального обряда на примере средневековых захоронений Нижнего Поволжья. Для достижения данной цели нам представляется необходимым создание базы данных для описания комплекса признаков погребального обряда, характерного для кочевников Нижнего Поволжья в постхазарский период.

Первым этапом нашей работы станет выявление признаков погребальной обрядности. Признаки погребального обряда должны группироваться пофазно. Мы применили принцип В.А. Иванова и В.А. Кригера[1], согласно которому пофазное описание строится в порядке изучения захоронения в ходе раскопок:

1 – характеристика местоположения погребения; 2 – анализ надмогильных конструкций; 3 – особенности могильной ямы; 4 – характеристика внутримогильных конструкций; 5 – описание особенностей обряда; 6 – характеристика ритуала погребения; 7 – анализ погребального инвентаря. При разработке системы признаков мы так же использовали работы И.С. Каменецкого по составлению кодов для описания погребального обряда[2] и Д.В. Васильева по характеристике погребального

[1]Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) М., 1988. С. 42–54, 81–84.

[2] Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Ч. 2. С. 136–194.

обряда золотоордынского времени[1]. Всего для построения базы данных нами было составлено 38 признаков, каждый из которых мог принимать от 0 до 10 значений.

Фаза 1. В данную фазу входят 2 признака: относительная хронология погребения (по сравнению с остальными погребениями комплекса) и количество погребенных в одной камере.

Фаза 2. Сюда входят общая характеристика надмогильного сооружения, его структура, элементы ритуала, связанные с данной частью погребального сооружения: следы огня и остатки тризны.

Фаза 3 включает в себя признаки, связанные с конструктивными особенностями могильной ямы.

Фаза 4 рассматривает конструкции перекрытия погребальной камеры и материалы, из которых могли быть выполнены данные конструкции.

Фаза 5 включает в себя общую характеристику захоронения, особенности позы и ориентировки погребенного, положения его конечностей и черепа, возраст, пол погребенного. Также, в связи с особенностями погребальной обрядности огузов и печенегов, необходимо было включить сюда признак, связанный с ритуалом обезвреживания погребенных.

Фаза 6 рассматривает такие признаки как вид гробовища, наличие ритуальных веществ в могиле, вид подстилки. Особое значение на данном этапе анализа погребального обряда имеют признаки, связанные с присутствием животных в ритуале погребения. Здесь значение имеет не только вид животного, но и его расположение в могиле, какие именно части животного были задействованы в погребальном обряде. Большое значение имеет и то, какую роль играло животное в ритуале – роль ритуальной пищи или же роль проводника в другой мир.

Фаза 7. Признаки, относящиеся к данной фазе, рассматривают наличие инвентаря вообще, категории инвентаря (предметы вооружения, конской сбруи, элементы костюма, культовые и гадательные принадлежности, столовые приборы, предметы туалета, предметы быта или орудия труда), где именно располагался инвентарь по отношению к погребенному.

В таблице каждое значение признака выступает в роли самостоятельного качественного признака, который может принимать только 2 значения: 0 (отсутствие признака) и 1 (наличие признака).

Территориальные рамки данного исследования включают в себя Астраханскую область и Республику Калмыкия. Всего в базу данных вошло 85 погребений с территории современной Астраханской области и Республики Калмыкия По мнению Е.В. Круглова[2] именно на материале Северного Прикаспия есть наиболее реальная возможность выделения самых ранних и наиболее этнически «чистых» погребальных комплексов данных кочевнических групп.

На втором этапе работы необходимо произвести исследование свойств пространства признаков и выяснить степень их связанности между собой.

Прежде всего, необходимо привести общую статистическую характеристику выборки. Для этого мы подсчитаем для каждого признака частоту встречаемости $\boldsymbol{m}$ и частость $\boldsymbol{\omega}$ – относительную частоту встречаемости признака, которая вычисляется по формуле $\boldsymbol{\omega=m/n}$, где $\boldsymbol{n}$ – общее число случаев наблюдения. По результатам подсчета частоты встречаемости признаков нам удалось построить следующие диаграммы, характеризующие общие особенности погребального обряда кочевников эпохи средневековья на территории Северного Прикаспия (рис. 1).

На третьем этапе исследования, на основании вычисленных коэффициентов корреляции Пирсона нами были построены графы связей элементов погребального обряда для всей выборки в целом**.** На их основании мы построили графы связей признаков погребального обряда.

Рисуя граф, мы изобразили ребра, означающие слабые связи между признаками (силой от 0,4 до 0,69) как одинарную линию. Двойная линяя обозначает среднюю связь (от 0,7 до 0,89). Тремя линиями обозначается сильная связь (от 0,9 до 1). В целом, на графе связей между признаками преобладают сильные и слабые связи. Возможно, это связано с реально существовавшей обстановкой «поляризации» погребальных обрядов по каким-либо признакам (этническим, территориальным, религиозным и т.п.).

[1] Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. С. 62–63.

[2] Круглов Е. В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX – 1 половины XI в. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 395

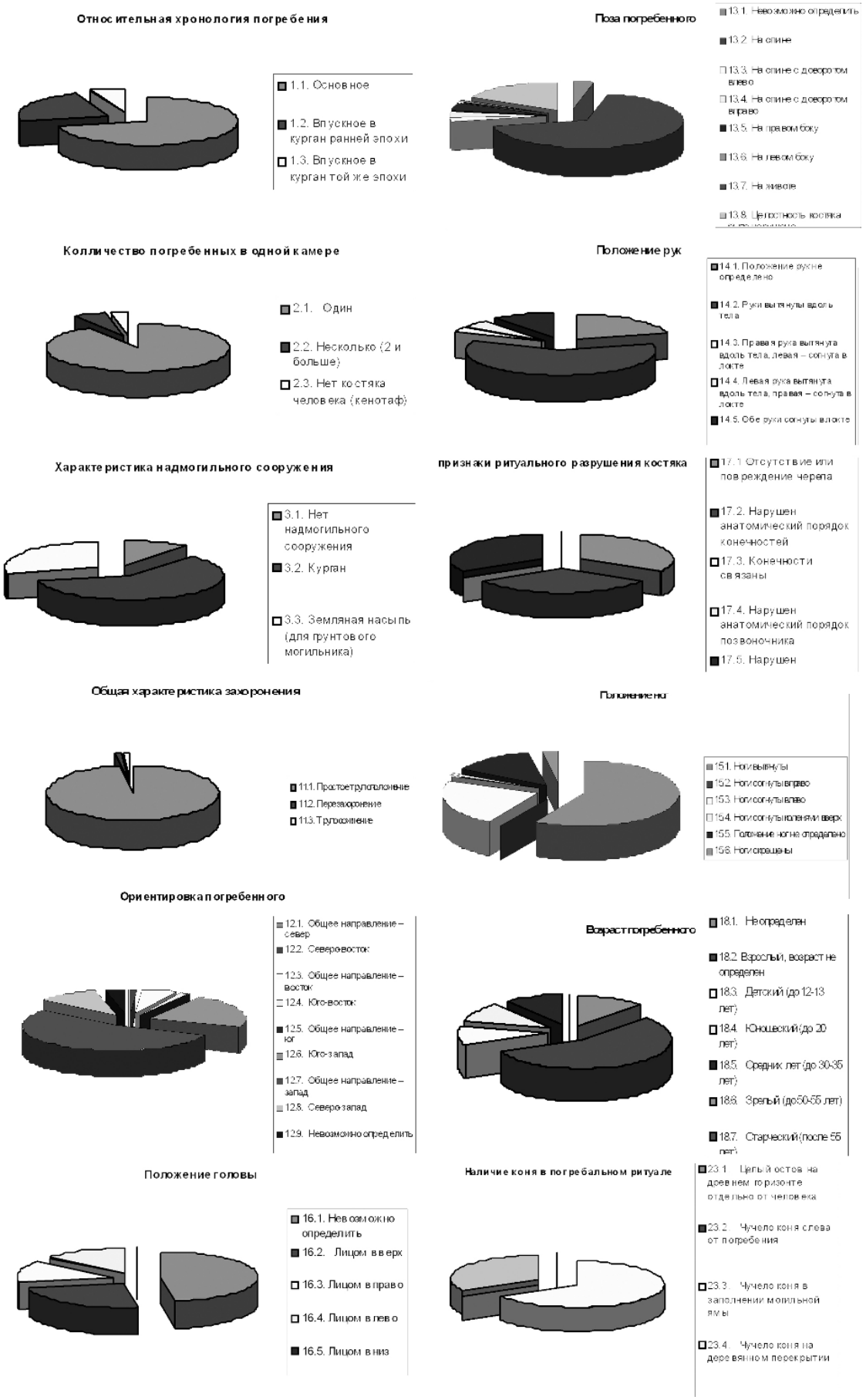


Рис. Диаграммы, характеризующие особенности погребального обряда

На построенном нами графе признаки разделились на 17 разных по составу и количеству элементов комплексов связанных признаков (**КСП**).

КСП I. Самый объемный комплекс, он объединяет 48 признаков. Внутри КСП преобладают слабые связи между признаками, однако выделяется 7 тесно связанных ядер группы, объединяющих при помощи средних и сильных связей два или более признаков. Данный КСП объединяет признаки, свойственные для кыпчакского, огузского и болгарского погребального обряда. При этом огузский и болгарский погребальные обряды находятся в более тесной взаимосвязи друг с другом. Ядро, связанное с кыпчакским погребальным обрядом как бы стоит особняком, вступая в связь с группой огузо-болгарских признаков через признак, связанный с наличием предметов конской сбруи (что естественно для погребений кочевников) и формой могильной ямы, которая также являлась одной из самых распространенных в кочевом мире. Признаки, связанные с огузским погребальным обрядом можно разделить на 2 группы: собственно признаки огузского погребального обряда и признаки, свойственные огузскому населению, подвергнувшемуся мусульманскому влиянию.

КСП II. Данный комплекс объединяет 30 признаков, соединенных сильными, средними и слабыми связями. В данном комплексе между признаками преобладают слабые связи. В данном комплексе можно выделить 4 ядра.

Данный комплекс объединяет признаки огузского и печенежского погребального обрядов. Довольно тесная связь признаков можно объяснить близким и длительным контактом огузов и печенегов на территории Северного Прикаспия.

КПС III. Комплекс состоит из 6 признаков, в данном комплексе преобладают сильные и слабые связи, но присутствуют и средние связи. В данном КСП выделяются признаки огузской, «салтовской» погребальной обрядности с мусульманскими чертами. На наш взгляд, возможна интерпретация данных признаков как контактами огузов с мусульманами, что объясняет позу погребенных на правом боку, так и контактами с салтовским населением, которое продолжало обитать на территории Северного Прикаспия и после крушения Хазарского каганата.

КСП IV. Комплекс состоит из 6 признаков, по преимуществу соединенных слабыми связями. Данный комплекс объединяет группу признаков, характерную для огузского погребального обряда: вертикальное соотношение коня и погребенного, наличие камышового перекрытия и следы обряда обезвреживания погребенного.

КСП V . Комплекс объединяет 4 слабо связанных между собой признака. Комплекс содержит признаки болгарского погребального обряда.

КСП VI. Комплекс объединяет 4 признака, слабо связанных друг с другом. Признаки, объединенные в данный комплекс связаны с печенежским погребальным обрядом, для которого характерно расположение чучела коня на дне могильной ямы и ориентировка черепа коня в одну сторону с погребенным.

Кроме комплексов связанных признаков анализ выявил также пары связных признаков, соединенных между собой слабыми связями.

Итак, с помощью построения графов нам удалось зафиксировать 6 комплексов связанных признаков, которые выявили погребальные обряды кыпчаков, болгар, огузов и печенегов. Наиболее тесные связи были установлены между 3 группами кочевников: огузами, печенегами и болгарами. Связь огузских и болгарских погребальных обрядов не достаточно сильная, она проявляется через участие барана в погребальном ритуале и объясняется принадлежностью двух групп кочевников в тюркской этнической группе. Наиболее прочную связь мы наблюдаем в печенежском и огузском погребальном обрядах. Эту связь можно объяснить проживанием на соседних территориях и длительными этническими контактами данных групп кочевников.

В огузском погребальном обряде можно выделить 3 группы: 1. традиционные огузские погребения; 2. огузские погребения с элементами мусульманской обрядности; 3. огузские погребения с элементами салтовской обрядности.

На наш взгляд, традиционные огузские погребения можно отнести к наиболее ранним, в то время как мусульманизированные погребения можно отнести ко времени падения Хазарского каганата и постхазарскому периоду.

Э.Д. Зиливинская
(Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НИЖНИХ СЛОЕВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА[1]

Самосдельское городище находится в дельте Волги в 43 км от Астрахани. Масштабные раскопки этого памятника ведутся с 2000 г. В течение 9 лет исследования проводились в рамках Хазарского проекта (руководители В.Я. Петрухин, И.А. Аржанцева), организованного Российским Еврейским Конгрессом. Непосредственными исполнителями работ на протяжении всего периода исследований являются Э.Д. Зиливинская и Д.В. Васильев.

Самосдельское городище представляет собой крупное поселение, расположенное на острове, окруженном со всех сторон протоками Волги и разделенном этими протоками на несколько частей. Оно возникает не позднее начала IX в., а возможно, и в VIII в., и непрерывно существует до первой половины XIV в. Площадь городища составляет около 2 кв. км. В центре его предположительно находится крепость треугольной формы, со стенами, сложенными из обожженного кирпича. Размеры возвышенности, на которой, вероятно, находилась крепость – 350 х 350 х 120 м. Для сравнения можно отметить, что это больше площади Саркела, размеры которого составляют 186 х 126 м. Внутри этого треугольника сосредоточено наибольшее количество обломков кирпича и керамики. Толщина культурного слоя достигает здесь 3 м, в то время как в остальных частях городища она значительно меньше. В настоящее время на городище полностью закончен раскоп 1, заложенный в центральной части предполагаемой крепости, что дает возможность проанализировать всю стратиграфическую колонку. Мы неоднократно выступали с докладами и публикациями, в которых достаточно подробно представляли слои золотоордынского и домонгольского периодов, поэтому на их характеристике можно остановиться кратко.

В слоях XI–XIV вв. обнаружено большое количество сооружений из обожженного кирпича вторичного использования. В XIII–XIV вв. дома были преимущественно однокомнатными, к XI–XII вв. относятся большие многокомнатные здания. Первоначальные кирпичные постройки пока не обнаружены. Можно предположить, что строительным материалом для поздних построек служили кирпичи из какой-то крупной постройки – дворца или крепости. В настоящее время на городище заложен второй раскоп для обнаружения стен крепости. Анализ археологического материала из средних по глубине залегания слоев Самосдельского городища показал наличие здесь двух этнических групп – болгар и огузов. Это обстоятельство позволило нам выдвинуть гипотезу о соотнесении Самосдельского городища с остатками города Саксина. В настоящее время можно охарактеризовать слои, относящиеся к наиболее раннему периоду существования городища.

Основу населения Самосдельского городища в наиболее ранний период составляли кочевники, оседающие на землю. Об этом свидетельствуют находки юртообразных жилищ в нижних слоях памятника. Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Жилища представлены тремя типами – круглое в плане однокамерное жилище, небольшое однокамерное круглое жилище с тамбуром и двухкамерное жилище, состоящее из круглого и пристроенного к нему прямоугольного помещения. Юртообразные жилища, без сомнения жилые, причем населяли их люди довольно высокого ранга. В них найдены медные и стеклянные вещи, поливная керамика, лазуритовая подвеска, янтарь, небольшой золотой слиточек. Другой тип ранних жилищ – это легкие каркасные постройки квадратной или прямоугольной формы. Каркас обычно сделан из деревянных столбов и жердей, вкопанных в землю, пространство между ними заполнено камышом, а сверху стены обмазаны глиной (так называемые турлучные постройки). Пол жилищ может быть заглублен в землю, иногда довольно значительно. В этом случае они фактически являются полуземлянками. В.С. Флеров, исследовавший юртообразные жилища Восточной Европы в раннем средневековье, считал их важнейшим признаком седентеризации[2]. Этот же исследователь отмечал недолговечность существования во времени такого типа жилищ и быстрый переход населения Хазарского каганата а также Волжской и Дунайской Болгарий к жизни в полуземлянках прямоугольного плана[3]. Наземные турлучные жилища характерны для населения Северного

[1] Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».
[2] Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. С. 59.
[3] Там же.

Кавказа, в частности – «страны гуннов», то есть Дагестана[1]. Скорее всего, существовали и более капитальные постройки. На уровне материка мы находим остатки разобранных кладок из кирпича или комбинированных на известковом растворе.

Крайне сложна для Самосдельского городища проблема датировок. Основным датирующим материалом является керамика, так как металлические вещи почти не сохраняются из-за сильной засоленность почв. Керамику из нижних слоев можно разделить на несколько групп. Значительная по объему группа керамики представлена лепной кухонной посудой. Один из главных признаков ранней посуды этого типа – неровный костровой обжиг, тесто с обильной примесью навоза и шамота. В основном это котлы и горшки, но также встречаются крышки, кружки, сковороды, блюда. Горшки слабо профилированы, форма их достаточно невыразительна и встречается на значительной территории, заселенной тюркоязычными кочевниками.

Более выразительны лепные котлы, происходящие из нижних слоев городища. Одним из самых распространенных типов являются котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными сплошными ручками-ушками. Такие котлы часто орнаментированы пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, прочерченными дуговидными полосами. На тулове таких сосудов, под ручками встречается процарапанная тамга в виде «птичьей лапки». Подобные котлы широко распространены в VI–VIII вв. на огромной территории от Ферганской долины и Семиречья по всему бассейну Сырдарьи вплоть до ее низовий. Исследователи связывают их с огузо-печенежскими племенами. Существуют такие котлы широко и довольно длительное время.

Точную дату нижним слоям городища дают лепные котлы с витыми и треугольными ручками. Это по настоящему уникальные находки. В том виде, в каком мы их находим, они есть только в Семиречье и на Самосделке. Полные аналогии котлам этого типа находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье, а также в материалах раннесредневековых слоев Тараза[2]. К.М. Байпаков, датирует подобную керамику VII–VIII вв., Т.Н. Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII–IX векам. Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи, с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения. Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигербент[3]. Здесь эти сосуды датируются IX в. Н.Ю. Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязыных номадов. Близкий по форме к самосдельским лепной котел с плоским дном найден в крепость на горе Муг близ Пенджикента, где он точно (по письменным источникам) датируется первой четвертью VIII в[4]. Котлы этого же времени с горизонтальными петлевидными треугольными ручками встречаются на памятниках восточной части Таласской долины[5].

Интересно отметить почти полное отсутствие классических «салтовских» сосудов, которые обнаружены в количестве всего 4 экземпляров. То есть присутствие носителей аланской керамической традиции на Самосдельском городище не фиксируется. Без сомнения, они являются привозными, но тоже подтверждают датировку. Из нижних слоев происходит керамика, формы которой, являются местным подражанием салтовской керамике.

Так называемая «огузская» керамика, о которой мы много писали и аналогии которой имеются на Нижней Сырдарье, появляется в более позднее время. Гончарная керамика «болгарского» облика присутствует во всех слоях, начиная с самых ранних.

Также позволяют датировать нижние слои Самосдельского городища некоторые редкие импортные вещи. В незначительном количестве на памятнике встречаются импортные изделия, аналогичные керамике Пенджикента (VIII в.), Джигирбента (IX в.), Самарканда (IX–X вв.).

И, наконец, эти датировки подтверждаются данными радиоуглеродных анализов. Для различных слоев раскопа, площадь которого составляет 430 кв.м при глубине 2,4–2,8 м, получена серия радиоуглеродных дат (анализы проводились в Институте географии РАН, даты калиброванные). Наибольший интерес для данной темы представляют три образца, взятые из нижних слоев. Они датируются периодом от середины VIII в. до второй половины IX в. Отбор образцов для радиоуглеродного

[1] Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 156–157.
[2] Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-ата, 1986. С. 29–31, 61, рис.14; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С. 89, 91.
[3] Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001. С. 35–36.
[4] Бентович И. Б. Находки на горе Муг // МИА 66. М. – Л., 1958. С. 358–360.
[5] Бубнова М. А. Средневековое поселение Ак-тепе-1 у с. Орловка // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 138.

анализа будет продолжен, однако мы уже сейчас можем утверждать определенно, что жизнь на Самосдельском городище началась в интервале с середины VIII в. до второй половины IX в.

Таким образом анализ археологического материала и данные радиоуглеродных анализов свидетельствуют о том, что Самосдельское городище возникает в хазарское время. В связи с этим возникает вопрос о возможности соотнесения этого памятника с остатками какого-либо хазарского города, а именно со столицей Хазарского каганата Итилем.

Впервые идея о возможном нахождении Итиля, а впоследствии Саксина на Самосдельском городище была высказана С.А. Плетневой[1]. Эта же мысль прозвучала из уст В.Я.Петрухина в телевизионной передаче А. Гордона в 2002 г. В статье 2006 г. этот же исследователь пишет, что Самосдельское городище датируется хазарским временем, VIII–X вв. и вероятнее всего является остатками Итиля, а впоследствии Саксина[2]. Тем не менее, мы, непосредственные исследователи памятника, до недавнего времени обходили этот вопрос стороной, так как считали, что имеющихся фактов недостаточно для столь категоричных заявлений. В 2008 г. РИА «Новости», а вслед за ним еще ряд изданий написали о «сенсационном открытии Итиля в дельте Волги». При этом некоторые корреспонденты сетовали на то, что ученые (в данном случае Д.В. Васильев и Э.Д. Зиливинская) слишком осторожны в своих выводах, в то время как наличие здесь Итиля очевидно. После этого замалчивать проблему стало невозможно, и мы выступили на II Археологическом съезде в Суздале с докладом, в котором впервые выдвинули гипотезу о возможности рассматривать Самосдельское городище в качестве древней столицы Хазарского каганата[3]. Соотнесение нижних слоев Самосдельского городища с Итилем, на наш взгляд, имеет следующие основания:

1. Планиграфия. Расположение городища в дельте Волги на острове, окруженном со всех сторон протоками и разделенном ериками на несколько частей. Это соответствует описаниям Итиля, составленным арабскими историками и царем Иосифом.

2. Крепость. Вероятность наличия на городище крепости, построенной из обожженного кирпича, поднимает статус города и связывает его с царской властью, поскольку кирпичное строительство в каганате являлось царской монополией[4].

3. Жилища. В нижних слоях городища обнаружены юртообразные жилища, которые являются неотъемлемым атрибутом любого известного на данный момент укрепленного поселения хазарского времени.

4. Керамика. Керамический комплекс хазарского времени из нижних слоев Самосдельского городища.

5. Радиоуглеродные даты. Нижние слои Самосдельского городища датируются VIII-IX вв.

Следует также добавить, что Самосдельское городище являлось крупным центром ремесленного производства. Огромного размаха достигло здесь керамическое производство, встречаются следы железоделательного и бронзолитейного производств (тигли, крицы, литейные формы), резьбы по кости. Среди стеклянных изделий присутствует большое количество алхимической посуды (аламбиков, колб, сосудов для деконтации), что свидетельствует о значительном развитии технологических процессов. Также во все времена город являлся центром транзитной торговли. Среди находок встречается много импортных вещей, которые происходят из Средней Азии, Закавказья, Волжской Болгарии, Руси, возможно, Византии.

После этого заявления наше предположение было подвергнуто ожесточенной критике, причем в стане оппонентов оказались и те, кто с самого начала хотел видеть в этом памятнике Итиль. Нет сомнения, что без критики невозможно ни одно научное исследование, мы прекрасно понимаем, что именно в спорах рождается истина, а поиск контраргументов является одним из двигателей научной мысли. Желательно только, чтобы эта критика была конструктивной и по существу.

В связи с этим хотелось бы остановиться на недавней работе В.С. Флерова «Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата»[5]. В ней автор с присущей ему тщательностью и скрупулезностью разбирает все существующие версии местоположения Итиля, исследует и препари-

---

[1] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 2000. С. 193–194.

[2] Петрухин В. «Отмстить неразумным хазарам…». Хазарский каганат и евразийский аспект начала российской истории // Восточная коллекция. Лето 2006. С. 22, 23.

[3] Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. II. С. 224–226.

[4] Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль. Китаб ал-масалик ва-мамалик (Книга путей и государств) // История Татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2006. Казань, 2006. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь.

[5] Флеров В. С. Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 123–142.

рует сведения средневековых авторов, сравнивает их с археологическими данными. В результате В.С. Флеров приходит к следующим выводам:

1. Город находился в дельте Волги, и все его части были островными.

2. В нем находились кирпичные постройки; крепостные стены, возможно, были сырцовыми с кирпичной обкладкой.

3. В нижних слоях памятника могут быть остатки наземных камышовых и глинобитных построек, а также юртообразных жилищ.

4. Размеры городища около 1 кв. км.

5. Культурный слой Итиля может быть очень тонким, перекрытым более поздними напластованиями.

6. Если кирпичные постройки не сохранились, можно надеяться на находку кирпичей и кирпичного лома.

7. Абсолютно исключена уличная планировка.

8. Археологическая культура не обязательно должна быть салтово-маяцкой.

Всем этим признакам соответствует Самосдельское городище. Далее целый раздел статьи посвящен разбору наших работ и делается вывод о том, что Самосдельское городище **никак не может быть Итилем**[1].

Автор отмечает, что в статье 2003 г. об Итиле ничего не говорится, а средние слои мы сопоставляем с городом Саксином[2]. Далее он рассматривает работу 2007 г., которая, кстати говоря, посвящена не только Самосделке, но и другим поселенческим памятникам Нижнего Поволжья, и основной акцент в ней сделан на то, что существует ряд памятников (как ранних, так и поздних), которые позволяют пересмотреть хронологию[3]. Уникальность Самосделки определяется в ней тем, что это поселенческий памятник домонгольского времени, так как раньше считалось, что таких памятников в Нижнем Поволжье нет. Но В.С. Флеров уже в этом видит «явный намек на предполагаемое автором открытие Итиля»[4].

Далее Валерий Сергеевич отмечает отсутствие на городище собственно хазарской керамики (т.е. салтово-маяцкой). Он не согласен с тем, что керамику к IX в. мы называем «керамикой хазарского времени», а предлагает называть ее «керамикой болгарского и огузского времени»[5]. Мы неоднократно писали и говорили о двух керамических традициях на Самосдельском городище – болгарской и огузской. Тем не менее, в IX в. Нижнее Поволжье входило в состав Хазарского каганата (что никем никогда не было оспорено), а не в государство огузов или Великую Болгарию, поэтому для этой территории это **хазарское** время. Кроме того, здесь автор противоречит сам себе, так как на предыдущей странице сам же приходит к выводу, что археологическая культура в Итиле не обязательно должна быть салтово-маяцкой[6]. Непонятно также, что не устраивает оппонента в том, что единичные салтово-маяцкие сосуды, найденные на городище мы называем «импортами из других частей Хазарии». На месте их не производили, значит их привезли (импорт) (Нижнее Поволжье входило в состав Каганата), значит из других его частей. Впоследствии в устном выступлении на конференциях В.С. Флеров вообще отказался считать эти сосуды относящимися к культурному слою Самосдельского городища на том основании, что они найдены не в раскопе, а при рытье силосных ям. По его мнению, здесь мог находиться могильник VIII–IX вв., на котором в X в. было построено городище. Если следовать этой логике, никакие находки, найденные вне раскопа (в качестве подъемного материала или случайных находок при земляных работах) не могут служить для датировки ни одного памятника, из чего неминуемо следует, что результаты большинства разведочных работ не стоит принимать во внимание.

Далее следует пассаж о кирпичах, которых на Самосдельском городище великое множество самых разнообразных форматов. Не могу не согласиться с уважаемым Валерием Сергеевичем в том, что необходимо вести статистику размеров кирпичей и в том, что лекальные кирпичи могли быть использованы для декорирования, а не возведения куполов и сводов. Но обычно все же трапециевидные

---

[1] Флеров В. С. Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 138–141.

[2] Гречкина Т. Ю., Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в изовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3. С. 83–123.

[3] Зиливинская Э. Д. Проблемы хронологии поселенческих памятников Нижнего Поволжья // Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007. Т. 1. С. 157–164.

[4] Флеров В. С. Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 139.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 138.

кирпичи используются для кладки сводов, а не для украшения ровной плоскости стены. На Самосделке ввиду полной разобранности конструкций мы, скорее всего, этого так и не узнаем. Далее автор упрекает нас в том, что мы считаем наличие комбинированной кладки из кирпича, известняка и гальки аргументом в пользу Итиля. Он пишет, что такой тип кладки неизвестен в Хазарском каганате, и не может ни о чем свидетельствовать[1]. Здесь снова смещены акценты. Мы никогда не приписывали комбинированные кладки памятникам Хазарского каганата. В описании этих кладок важно не то, что они комбинированные, а то, что в самых ранних слоях и на уровне материка **вообще присутствуют** остатки кладок из обожженных кирпичей на известковом растворе. Большинство наших оппонентов, в том числе и В.С. Флеров, относят эти кирпичи к более позднему периоду, то есть периоду Саксина (XI–XII в.).

Валерий Сергеевич рассматривает также наше предположение о наличии на городище крепости. Четко видимый на аэрофотоснимке треугольник, внутри которого сконцентрирована основная масса кирпича, он отказывается даже предположительно считать цитаделью и называет «объектом». Не могу не согласиться с тем, что до того времени, пока части этого «объекта» не будут раскопаны никакие **окончательные** выводы сделать нельзя. (Кстати, мы уже четыре года копаем раскоп на месте предполагаемой стены цитадели). Но нельзя не отметить и тот факт, что в настоящее время в литературе фигурируют десятки хазарских (и других) крепостей, в то время, как подвергались раскопкам только единицы из них. Тогда уж остальные тоже следовало бы именовать «объектами». Категорически не согласна с предположением В.С.Флерова о том, что крепость относится ко времени Саксина. Слои XI–XII вв. хорошо вычленяются и датируются, и большинство построек из обожженного кирпича вторичного использования находится именно в них. Причем, это большие многокомнатные дома, стены которых целиком сложены из кирпичей (преимущественно обломков). Если крепость строилась в это же время, то, следует предположить абсурдную ситуацию, что вероятно ее строили из целых кирпичей и одновременно разбирали, чтобы из битого кирпича строить жилища. Или же все эти вторичные кирпичи привезли откуда-то извне (из настоящего Итиля). Кроме того, Валерий Сергеевич неоднократно отмечал, в том числе и в этой статье[2], что производство обожженных кирпичей сложное и дорогостоящее. В Хазарии его могли организовать только представители центральной власти. Возникает вопрос, откуда могло взяться такое грандиозное количество кирпича в XI–XII в. при полном отсутствии государственной власти на этой территории? Или же мы открыли здесь не город, известный по письменным источникам, а абсолютно новое государство, возникшее после падения Хазарского каганата? Выдвигать столь дерзкую гипотезу мы не осмеливаемся.

Мы неоднократно писали о находке юртообразных жилищ на Самосдельском городище. В.С. Флеров протестует против сравнения их с салтово-маяцкими на основании отсутствия на городище салтово-маяцкой керамики[3]. На самом деле мы сравнивали самосдельские постройки не только с салтово-маяцкими, но и другими синхронными по времени, в частности с болгарскими из Волжской и Дунайской Болгарии. Салтово-маяцкие жилища ближе всего к самосдельским территориально и по местоположению внутри крепостей. Далее Валерий Сергеевич снова повторяет, что нужно копать и дальше, чтобы найти дворцы и несколько десятков юртообразных жилищ, а пока все это не найдено, никаких гипотез выдвигать не нужно[4]. Нам тоже хотелось бы найти какие-нибудь дворцовые здания, но надежды на это мало, так как (в том случае, если они вообще были), скорее всего, они окажутся полностью разобранными. Что касается юртообразных жилищ, то большой удачей является то, что мы нашли в пределах одного раскопа остатки трех таких построек, так как материк на большей площади перекопан поздними ямами. Да и вообще, весь корпус раннесредневековых юртообразных жилищ Восточной Европы состоит из несколько десятков[5]. А копать, безусловно, мы будем продолжать, для чего заложили еще два раскопа в месте предполагаемой стены крепости и в прибрежной зоне. В результате 10-летних раскопок мы вскрыли 430 кв. м до материка и многое узнали о хронологии городища и его структуре в центральной части. Этого явно недостаточно, чтобы что-то утверждать, но было бы странно, если бы мы вообще не выдвигали никаких гипотез.

И последнее. В.С. Флеров пишет о «чрезвычайно слабой изученности дельты» и о том, что там может быть найдено еще одно такое городище[6]. И, если оно будет найдено, то будет претендо-

[1] Флеров В. С. Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 139.
[2] Там же. С. 126.
[3] Там же. С. 140.
[4] Там же . С. 141.
[5] Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
[6] Флеров В. С. Что может ждать археологов на месте столицы хазарского каганата // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 141.

вать на то, чтобы считаться Итилем. Именно эту же мысль я почти теми же словами неоднократно высказывала на различных докладах. Хочу, однако, заметить, что дельта изучена не настолько плохо, чтобы там «потерялось» крупное городище. И в дельте не так много мест, где оно могло бы располагаться. Несколько лет назад, когда мы работали с почвоведами, они изучили космические снимки дельты, и выделили несколько возможных местоположений. Мы съездили туда, но никаких памятников там не оказалось. В этом году мы проверили сообщение одного из егерей, который утверждал, что видел скопление битого кирпича и керамики («красные пески», как он говорил – такое же название у местных жителей носит и Самосдельское городище), и нашли остатки жиротопки XIX в. Тем не менее, какая-то вероятность находки другого сходного памятника, несомненно, остается. Мы отдаем себе отчет в том, что даже через 20 лет исследований вряд ли можно будет точно доказать, что Самосдельское городище является остатками Итиля, но рассматривать его в качестве возможного претендента можно уже сейчас.

Э.Д. Зиливинская
(ИЭА РАН, г. Москва),
С.В. Ермилов
(ИА РАН, г. Москва)

СООРУЖЕНИЯ ИЗ НИЖНИХ СЛОЕВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА[1]

Самосдельское городище, расположенное в дельте Волги, является в настоящее время единственным крупным поселенческим памятником домонгольского периода в Нижнем Поволжье. С 2000 г. на памятнике проводятся широкомасштабные раскопки[2]. В настоящее время полностью исследован раскоп 1 площадью 430 кв. м, расположенный в центре возвышенной части городища, где предположительно находилась крепость. Толщина культурного слоя достигает здесь 2,8–3,0 м. Анализ стратиграфии и археологического материала позволил определить время существования городища. Оно возникает в IX в. (возможно, в конце VIII в.) и непрерывно существует до 30-х гг. XIV в., когда жизнь на нем прекращается из-за затопления. В результате проведенных исследований в толще культурных напластований Самосдельского городища достаточно уверенно можно выделить слои, соответствующие трем периодам существования городища. В верхней части стратиграфической колонки залегают слои, относящиеся к золотоордынскому периоду. На первом раскопе мощность их невелика, так как поверхность городища здесь нарушена строительством рыбзавода XIX в. и дальнейшими земляными работами по прокопке, а потом засыпке силосных ям XX в. Золотоордынские слои (вторая половина XIII в. – 30-е гг. XIV в.) залегают на уровне I и II штыков, то есть на глубине до 40 см от современной поверхности. Далее следуют слои постхазарского или домонгольского периода (вторая половина X в. – первая половина XIII в.). Этот период существования городища не только наиболее длительный, но и наиболее яркий. Он представлен большим количеством хорошо датированного материала. Вероятно, это было время наибольшего расцвета города. Мощность слоев домонгольского времени достигает 1,6–1,7 м. Им соответствуют условные штыки с III по IX. В нижней части залегают слои хазарского времени (IX в. – первая половина X в.). Этому периоду соответствуют IX–XI штыки (общей толщиной до 60 см). Такова предварительная стратиграфическая шкала Самосдельского городища. В дальнейшем она, несомненно, будет уточняться.

Следует заметить, что стратиграфическая ситуация на памятнике очень сложная. Все слои сильно перерезаны ямами более поздних периодов, которые зачастую сливаются воедино и практически не отделяются одна от другой. Соответственно материал в ямах также бывает перемешан. Кроме того, не всегда вообще можно обнаружить ямы, выкопанные в перемешанном культурном слое и заполненные культурным же слоем близкой структуры и цвета. В результате в ранние слои попадают более поздние вещи. Тем не менее, ранние слои достаточно хорошо отделяются от средних. Их разделяет довольно мощный слой пожара, который прослеживается по всему раскопу. Было бы заманчиво связать этот горелый слой с погромом Святослава, но в настоящее время у нас нет таких данных. Тем не менее, мы можем констатировать некоторые изменения в составе населения городища после пожара. В слоях залегающих выше появляется лепная «огузская» керамика с характерным «пыш-

[1] Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».
[2] С 2000 по 2008 г. исследования проводились в рамках «Хазарского проекта» при поддержке РЕКа.

ным» орнаментом, в то время как в нижних слоях лепная керамика почти не орнаментирована. Археозоологические исследования, проводимые на городище Л.В. Яворской, показали изменения системы питания после пожара, что также может свидетельствовать о смене состава населения. Кроме того, именно после пожара на городище начинают строиться довольно крупные сооружения из обломков обожженного кирпича. В нижележащих слоях такие постройки отсутствуют.

В данной работе мы попробуем охарактеризовать и систематизировать сооружения, находимые в нижних (хазарских) слоях Самосдельского городища.

На уровне материка были найдены остатки юртообразных жилищ. Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Жилища представлены тремя типами – круглое в плане однокамерное жилище, небольшое однокамерное круглое жилище с тамбуром и двухкамерное жилище, состоящее из круглого и пристроенного к нему прямоугольного помещения. Наличие этих построек свидетельствует о том, что какую-то часть населения Самосдельского городища составляли кочевники, оседавшие на землю[1].

Еще одним типом жилищ, которые зафиксированы на уровне материка – это прямоугольные в плане, небольшие по площади полуземлянки. Пол их был заглублен в материк на глубину 60–100 см, а стены были каркасными, турлучными. В.С. Флеров, исследовавший юртообразные жилища Восточной Европы, отмечал недолговечность существования во времени такого типа построек и скорую трансформацию их в Хазарском каганате, Волжской и Дунайской Болгариях в прямоугольные в плане полуземлянки[2].

Чуть позже в хазарское время появляются наземные жилища прямоугольного плана. Стены их также были турлучными. На раскопе они прослеживаются по ямкам от опорных столбов и жердей каркаса и остаткам глинистой обмазки стен. Обмазка обычно сделана не из чистой глины, а из мешаного культурного слоя. В стенах чаще всего прослеживается несколько слоев обмазки. Толщина каждого слоя 6–10 см. В том случае, если стены сгорели, то в обожженной глине видны отпечатки не только деревянных жердей, но и камышового плетня. Интерьер этих построек был предельно прост и почти не сохранился. В некоторых из них прослежены небольшие ямы-погребки для хранения продуктов и остатки тандыров, служивших для обогрева. Тандыры также стояли и на улице, вне построек. Полы в турлучных жилищах были земляными или деревянными. На уровне горелого слоя расчищена серия построек с полами в виде деревянных настилов.

Наиболее распространенными объектами в нижних слоях памятника являются ямы различной формы и размеров. Первоначальное назначение их не всегда можно определить, а на последнем этапе своего существования все ямы неминуемо превращаются в помойные. Среди ям, назначение которых не подлежит сомнению, следует выделить колодец, глубина которого превышала 2,5 м. Стенки колодца были укреплены деревянными плахами и плетнем, а на приступке стояли два кувшина. К сожалению, докопать колодец до дна не удалось, так как он очень быстро заполнялся водой. К категории хозяйственных можно отнести ямы-погребки, квадратные или прямоугольные в плане с ровными стенками и плоским дном. Стенки и дно их облицованы досками, а сверху они были перекрыты деревянными крышками. Для хранения продуктов, возможно, служили также круглые и овальные в плане ямы, стенки которых были укреплены плетнем из деревянных жердей, оплетенных прутьями или стеблями камыша. Одна из них размерами 155 х 125 см и глубиной около 1 м представляла собой настоящий погреб, возможно, расположенный внутри жилища.

Еще одна категория хорошо идентифицируемых ям – это бадрапы (выгребные ямы). Бадрапы обычно представляют собой довольно глубокие ямы цилиндрической формы с относительно ровными стенками и плоским или чашевидным дном. В заполнении их прослеживается зеленоватый слой органики. В 2009 г. на одном участке раскопа в материке были найдены сразу четыре бадрапа. Наличие их может служить свидетельством присутствия на городище в ранний период представителей оседлого мусульманского населения Средней Азии. Как известно, гигиенические сооружения в виде тошнау и бадрапов появляются в городах Средней Азии в VIII в. в связи с принятием ислама с его непременным требованием ритуальной чистоты.

[1] Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. С. 59.
[2] Там же.

В.А. Иванов, М.И. Иванова
(Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

«ДЕШТ-И-ОГУЗ», «ЗАВОЛЖСКАЯ ПЕЧЕНЕГИЯ» И «ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕЧЕНЕГИЯ» : К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ОГУЗОВ И ПЕЧЕНЕГОВ НА ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

Отсутствие единого информационного поля на археологическом пространстве постсоветской России и бывших республик СССР приводит подчас к казусам, вполне достойным определения комические. Ярким примером тому может быть ситуация с установлением места и роли огузов и печенегов в формировании этнической карты степей Восточной Европы на рубеже I–II тыс. н.э. Еще в 1986 г. В.А. Кригер, развивая идею С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова о возможных типах памятников кочевников огузо-печенежского времени (конец IX – первая половина XI вв.) в степях Заволжья и Южного Приуралья, разделил их на две типологические группы. Первую, отличающуюся захоронениями конской шкуры (череп и кости ног) над человеком (в засыпи могилы, на перекрытии или на ступеньке), наличием в погребальном инвентаре характерных птицевидных подвесок-амулетов, подвесок-копоушек и блях-решм, исследователь связал с огузами. Основанием для этого послужило, в первую очередь, подробное описание погребения знатного огуза, данное Ахмедом ибн Фадланом в 921 г. Т.н. 2-ю группу погребений, характеризующуюся размещением конской шкуры рядом с погребенным и менее выразительным инвентарем, исследователь в то время оставил без этнокультурной интерпретации[2]. Позже, в развитие взглядов В.А. Кригера, В.А. Иванов определил ее как печенежскую и обосновал идею о существовании такого этногеографического явления, как «Заволжская Печенегия»[3].

Десять последующих лет тема огузского и печенежского присутствия в степях Урало-Поволжья внимания исследователей не привлекала, да и новых памятников огузо-печенежского времени в регионе тоже не появлялось[4].

В 2001 г. увидели свет сразу две больших работы, посвященные огузо-печенежской тематике: монография Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова и обширная, также имеющая монографический характер статья Е.В. Круглова[5]. Поскольку авторы означенных работ, по всей видимости, и не подозревали об исследованиях друг друга в области огузо-печенежской археологии, их выводы о роли и месте огузов и печенегов в этнической истории Восточноевропейских степей оказались заметно различными. Статья Е.В. Круглова посвящена переоценке роли и места огузов и печенегов в этнической карте степей Восточной Европы во 2-й половине IX – первой половине XI вв. Основной вывод данной статьи состоит в том, что, по мнению автора, «сложились условия для пересмотра известного положения С.А. Плетневой о том, что огузы сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, чем печенеги. Скорее наоборот, для огромных степей Северного Прикаспия именно огузы являлись в это время (особенно после распада Хазарского каганата) основной доминирующей и определяющей военно-политической силой, что, кстати, убедительно доказал еще С.Г. Агаджанов. Весь период со 2-й пол. IX до сер. XI в. для данного региона следует именовать Огузским»[6].

Основные выводы Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова, напротив, сводятся к доказательствам существования в указанное время двух «Печенегий» – Европейской, хорошо известной по данным средневековых письменных источников и изысканиям С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова,

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 09-01-00124а.

[2] Кригер В. А. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

[3] Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н.э. : автореф. дис. … д-ра истор. наук. М., 1990; Иванов В. А. Заволжская Печенегия и половцы (X–XIII вв.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. М., 2000; Он же. Огузы и печенеги в евразийских степях // История татар с древнейших времен. Казань, 2002. Т. 1.

[4] За исключением двух погребений в могильниках Покровка II и Покровка VIII, открытых и исследованных Л. Т. Яблонским в 1992 г. см.: Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1. С. 23–24, 44.

[5] Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001. 211 с.; Круглов Е. В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2.

[6] Круглов Е. В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 429.

А.О. Добролюбского[1] и других исследователей, и Заволжской, свидетельства о которой также имеются у средневековых авторов – Ахмеда ибн Фадлана и Константина Багрянородного[2].

Следуя диалектике научного познания, подобного рода исследования должны были бы вызвать всплеск дискуссий, поскольку они объективно дезавуируют позиции исследователей, в данном случае выступающих в роли оппонентов. Однако этого не произошло. Не беремся анализировать причины этого явления, но, на наш взгляд, одной из главных является опять-таки информационные лакуны, насквозь пронизывающие исследовательское поле современной российской археологии. Тому еще один яркий пример: в 2008 г. вышла статья калмыцких исследователей П.М. Кольцова и М.С. Ашкаева, посвященная кочевникам «печенежско-торческого времени» в «Северо-Западном Прикаспии» (судя по контексту статьи, это в основном территория современной Калмыкии). К сожалению, авторы оказались не знакомы ни с указанной статьей Е.В. Круглова, ни с упомянутой книгой Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова. Очевидно, поэтому они вполне детально и последовательно, привлекая материалы «более 100 погребений печенежско-торческого времени», обосновывают в общем-то уже доказанное положение, а именно: «сравнив заволжские и приуральские погребения IX–XI вв. с погребениями Северо-Западного Прикаспия…», авторы выделяют среди них как печенежские, так и торческие (сиречь огузские), высказав предположение о том, что «уточнение их этнической принадлежности в какой-то степени может быть сделано на основании глубин могильных ям (у торков они глубже, чем у печенегов) и наличия в них этнографических вещей торков: копоушек, птицевидных накладок, серег в виде колец»[3]. То есть, предполагают провести работу, уже проделанную другими исследователями, не обладая, к сожалению, информацией об уже полученных результатах. А результаты эти вполне впечатляющи и, главное, конструктивны.

Во-первых, в том же 2008 г. увидел свет сборник материалов и статей, посвященный памяти А.Г. Атавина, основную часть которого составила объемная база данных по погребальным памятникам кочевников IX–XI вв., собранная и обработанная А.Г. Атавиным. По данным названного исследователя, на территории современной Калмыкии им зафиксированы 18 печенежских погребений, что существенно отличается от «более 100 погребений» рассматриваемого периода, анализируемых П.М. Кольцовым и М.С. Ашкаевым[4]. Вполне допускаем, что авторы действительно располагают данными по указанному ими количеству погребений «печенежско-торческого времени», но тогда их следовало хотя бы обозначить на карте.

Во-вторых, в сборнике памяти А.Г. Атавина опубликована очередная статья Е.В. Круглова, в которой автор все-таки признает факт того, что «памятники печенегов в разных количественных пропорциях встречаются практически по всей территории степей – от Добруджи до Северного Приаралья, а единственным районом, в котором пребывание огузов оказалось зафиксировано скоплением большого количества однотипных захоронений является лишь Северный Прикаспий»[5]. Этим своим выводом исследователь фактически снимает необходимость дискуссии по поводу масштабов территориального распространения печенежских памятников в степях Восточной Европы и их роли в формировании этнической карты этого региона в IX–XI вв.

Тем не менее, во избежание возникновения в будущем ситуации очередного «изобретения велосипеда» или, более изящно – ситуации «культурных кругов», когда в разное время в разных местах и разными исследователями, одни и те же археологические материалы (в данном случае памятники огузо-печенежского времени) интерпретируются одинаково, мы предлагаем вниманию заинтересованного читателя обобщенную реконструкцию этнокультурных процессов в степях Восточной Европы в конце IX – первой половине XI вв. Она базируется как на наших, уже опубликованных выводах, так и на выводах и заключениях других исследователей «огузо-печенежской проблемы».

Прежде всего, нам следует обратить внимание на географическую составляющую рассматриваемой проблемы. Если исходить из привычных географических реалий, то «Северный Прикаспий» – это территория собственно Прикаспийской низменности и прилегающие к ней с севера районы Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей Российской Федерации и Атыраусская (Гурьевская)

---

[1] Добролюбский А. О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху Средневековья. Киев, 1986.

[2] Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях… гл. 4.

[3] Кольцов П. М., Ашкаев М. С. Кочевники Северо-Западного Прикаспия в печенежско-торческое время // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1.

[4] Атавин А. Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина. М., 2008. С. 73. Следует отметить, что эти данные несколько отличаются и от наших: в нашей базе зафиксированы данные по 28 погребениям огузо-печенежского времени с территории Калмыкии (рис. 1).

[5] Круглов Е. В. Погребение 12 из кургана № 32 Бахтияровского могильника // Древности Юга России… С. 467.

и частично Актюбинская области Республики Казахстан. То есть, в физгеографическом смысле это степи между Волгой (точнее, между отрогами Ергеней и Приволжской возвышенности с запада) и Мугоджарами, продолжающими Уральский хребет в сторону Аральского моря[1]. Здесь также уместным будет обратиться к сравнительно недавнему исследованию И.В. Матюшко, которая со ссылкой на соответствующие географические работы территорию между Синем Сыртом на западе, верховьями Тобола на востоке, южными отрогами Бугульминско-Белебеевской возвышенности – на севере и полупустынями Прикаспийской низменности – на юге определяет как зону степного Приуралья, административно включающую в себя Оренбургскую область, за исключением северо-западных районов, южные районы Челябинской области, юго-восточные степные районы современной Республики Башкортостан, а также северные районы Западно-Казахстанской и Актюбинской областей республики Казахстан[2].

То есть ни Оренбургская, ни Самарская области (области Большого Сырта), ни, тем более, Нижнее Подонье от устья р. Медведицы до устья Дона в географическую область Северного Прикаспия никак не входят[3].

Данная деталь весьма важна в том плане, что Е.В. Круглов в своей монографической статье 2001 г. во вводной ее части указывает, что «новые раскопки и учет памятников Волго-Донского междуречья и районов Сарпинской низменности, неиспользованных в свое время ни В.А. Кригером, ни В.А. Ивановым, позволил нам учесть известные в настоящее время уже примерно 240 комплексов и случайных находок из 232 погребений IX–XI вв. огузо-печенежского круга…».[4] П.М. Кольцов и М.С. Ашкаев, какуже было сказано выше, только в «северо-западном Прикаспии» (читай – Калмыкии) выявили более 100 погребений указанного круга.

Сталкиваясь с подобными цифрами, «кочевниковеды-средневековщики», которых среди российских (да и не только российских) археологов не так уж и много, сразу же начинают судорожно думать о том, что же это за памятники, которых так много и о которых я не знаю? На поверку выясняется, что неразбериха в географических определениях и опять те же самые информационные лакуны вносят путаницу в понимание и систематизацию имеющейся источниковой базы.

В нашей электронной картотеке на территории, обозначенной Е.В. Кругловым как «северный Прикаспий», на сегодняшний день учтено 314 погребальных комплекса огузо-печенежского времени. В базе А.Г. Атавина на этой же территории фигурируют 160 погребений. Причем, сам создатель этой базы данных пояснял, что географические рамки его исследования «были ограничены территорией Волго-Донского междуречья, поэтому по таким областям, как Астраханская, Волгоградская и Саратовская в базу оказались включены лишь погребения прибрежной (левобережной и правобережной) части Волги, что несколько искажает общую картину»[5].

Во избежание дальнейшей неразберихи и географической путаницы мы предлагаем все памятники огузо-печенежского времени и типа, расположенные между Доном и Уральскими горами, разделить на 5 условных географических районов:

– *Степное Приуралье* (Оренбургская, Челябинская России, Уральская (Западноказахстанская), Актюбинская, Гурьевская (Атырауская) области Республики Казахстан) – 46 погребений;

– *Нижнее Поволжье* (Астраханская, Волгоградская, юг Саратовской области) – 107 погребений;

– *Среднее Поволжье* (Самарская, север Саратовской области) – 12 погребений;

– *Волго-Донское междуречье* (запад Астраханской, Волгоградской областей, Калмыкия, Ставропольский край) – 70 погребений;

---

[1] Или того, что от него осталось сейчас.

[2] Матюшко И. В. Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н.э. степей Приуралья : автореф. дис. … канд. истор. наук. Казань, 2008.

[3] Круглов Е. В. Указ. соч. Рис. 1. Здесь весьма кстати будет определение Прикаспия, данное в электронной энциклопедии «Википедия»: «Прикаспий – историческое название региона, прилегающего к Каспийскому морю. Впервые это название начали использовать российские географы в XVIII веке. Восточный Прикаспий (его также называют Закаспий) включает в себя Мангистаускую область Казахстана и запад Туркмении. Южный Прикаспий представлен северными регионами Ирана. Северный Прикаспий включает себя Атыраускую область Казахстана, а также два региона России – Астраханскую область и Калмыкию. Западный Прикаспий – Дагестан (Россия) и Азербайджан» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Прикаспий).

[4] Там же. С. 395.

[5] Атавин А. Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России… С. 73.

– *Нижнее Подонье* (Ростовская область) – 79 погребений[1].

Подобное географическое членение оказывается максимально приближенным к географической составляющей базы А.Г. Атавина и не только несколько дополняет ее, но и, на наш взгляд, более соответствует географическим реалиям интересующего нас периода.

И конечно же, из перечисленных регионов только Западный Казахстан и Нижнее Поволжье – 135 погребений – это действительно территория, которую можно отождествлять с Северным Прикаспием, поскольку ни Южное Приуралье и Среднее Поволжье, расположенные в пределах Большого Сырта, ни территории между Волгой и Доном, отделенные от Каспийской низменности возвышенностями Ергеней, таковыми считаться не могут.

Прежде всего, несколько слов о хронологии «огузо-печенежских» комплексов. Разработанная в свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым и С.А. Плетневой, она сохраняет свою целесообразность и по сей день, и за истекшие с тех пор полвека реальных предпосылок для ее пересмотра не появилось. Время пребывания огузов и печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья – конец IX – первая половина XI в. – надежно определяется сообщениями средневековых авторов – современников этих народов: Ал-Масуди, Ибн Фадланом, Константином Багрянородным, затем армянским историком Матфеем Эдесским, под 1050–1051 гг. повествующим о разгроме огузов и печенегов «рыжеволосым народом хардеш» (сары-кыпчаками – половцами) и русским летописцем, под 1055 г. сообщавшем об одновременном появлении огузов-торков и половцев у южных границ Киевской Руси[2]. И со стороны современных исследователей было бы странным сомневаться в достоверности этих дат.

Современный уровень хронологизации «огузо-печенежских» памятников таков, что пока не дает надежных критериев для их распределения по отдельным векам или периодам. Поэтому предложение Е.В. Круглова считать погребение 4 кургана № 8 могильника Ченин в Нижнем Поволжье (примерно посредине между Волгой и Узенями) «эталонным огузским памятником 2-й половины X в.»[3] может быть принято к сведению, поскольку не противоречит общей хронологии памятников этого круга.

Установлен и никем сейчас не оспаривается тот факт, что этнографическими признаками огузской культуры являются:

– Захоронения конской шкуры над человеком, в засыпи могилы или на перекрытии;

– Наличие среди сопровождающего инвентаря бляхи-решмы – основного украшения оголовья конской узды;

– Наличие в убранстве женского костюма птицевидных подвесок-амулетов и подвесок-копоушек.

Из 84 погребений с конской шкурой, помещенной в могилу над человеком, известных сейчас в степях Восточной Европы, между Уральскими горами и Днестром, 45 (или 53,6 %) расположены к востоку от Волги.

Аналогичным образом в степном Заволжье и Южном Приуралье локализуются погребения, в инвентаре которых присутствуют птицевидные подвески-амулеты и копоушки (в общей сложности – 34 погребения)[4]. Исключение составляют пять погребений с копоушками – Бузовка, Гр.3/4; Морской Чулек, к.3; Саркел, к.59; Ясиноватое, к.28 и Голодаевка, к.Г – находящиеся к западу от Дона. Птицевидные подвески-амулеты там пока не известны.

И наконец, бляхи-решмы, являвшиеся центральным элементом украшения конского оголовья, найдены в 25 погребениях, из которых только 8 – Арпачин, к.28; Вильнянка, к.16; Ново-Каменка, к.5; Плавни, к.20; Тузла, к.1; Ченин, к.8; Черноярский, к.16 и Широкое, к.6 – расположены западнее Волги. Характерная деталь: в 22 из рассматриваемых погребений были конские захоронения, из которых в 14 кости коня (череп и ноги) располагались над человеком: в засыпи могилы, на перекрытии или на ступеньке.

Таким образом, суммируя все известные сейчас погребения, в которых в том или ином виде присутствуют элементы огузской культуры (114 погребений), мы убеждаемся, что 66 из них (почти 58 %) расположены в степях Урало-Поволжья. Именно там, кроме уже упомянутого кургана № 8 мо-

[1] Некоторые расхождения в количестве погребений по разным регионам между нашей базой данных и базой данных, созданной А. Г. Атавиным (на территории Ростовской области, например, у него учтено 103 погребения IX–XI вв., а в Волгоградской области только 37), объясняются, вероятно, тем, что мы в разных пропорциях использовали исходные данные – архивные отчеты и публикации. Но эти расхождения представляются нам вполне преодолимыми.

[2] Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 158; Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. С. 151.

[3] Круглов Е. В. Указ. соч. Рис. 3–5.

[4] Среди которых в четырех погребениях – Быковский I, к.10 и 16, Заяры, к.1, Кано. Гр.В, к.1 – и подвески-амулеты, и копоушки встречены вместе.

гильника Ченин, находятся такие погребения, как Быковский I, к.4 и 16; Верхний Балыклей II, к.5; Сухая Саратовка I, к.1; Верхне-Погромное, к.3; Киляковка, к.3; Увак, Илекшар I, к.1; Алебастровая гора; Бахтияровский II, к.55 и 74; Увак, Тамар-Уткуль, к.1; Ленинск, Рахинка, Эльтон, Новониколь-ское, Средняя Ахтуба, Болгарка I и др., в которых в том или ином сочетании присутствуют указанные признаки, и которые также могут считаться эталонными огузскими.

В этом отношении весьма показателен и тот факт, что, как установил А.Г.Атавин, погребений со шкурой коня, ноги которого были отчленены по бабки – признак, который исследователь связывал с огузами – в Поволжье встречено в три раза больше, нежели конских захоронений с ногами, отчле-ненными по пясть (по А.Г. Атавину – признак печенежский)[1].

Вторую группу погребений конца IX-первой половины XI вв., содержащих остатки конской шкуры, в степях Восточной Европы составляют погребения, в которых конский череп и кости ног лежат слева или справа от погребенного на одном с ним уровне. В общей сложности их нами учтено 201 погребение (169 погребений – кости коня слева, 32 – справа). Их география обратно пропорцио-нальна географии огузских погребений: 21,4 % локализуются в степях Урало-Поволжья. К западу от Волги частота встречаемости этих погребений идет по возрастающей: из оставшихся 78,6 % рассмат-риваемых погребений 12,9 % обнаружены в степях Волго-Донского междуречья, 15,4 % – в Нижнем Подонье и 48,2 % – на территории современной Украины до Днестра на западе.

Аналогичным образом по территории Восточноевропейских степей распределяются и погребе-ния, в инвентаре которых присутствуют кольчатые удила без перегиба[2]. Найдены они в 55 погребениях, из которых в 39 (или 70,9 %) находились в зубах конского черепа, лежащего рядом с человеческим скеле-том. Взнузданная такими удилами конская шкура, помещенная над человеком, встречена только в четы-рех погребениях (огузских): Алебастровая гора в Южном Приуралье, Саркел, к.48 и Романовский, к. 1 – на Дону, Большемихайловка II, к.2 – на р. Волчьей в Днепропетровской области Украины.

В пяти погребениях Урало-Волжских степей – Шалкар III, к.12; Карасу I, к.20; Джангала (Но-вая Казанка), к.1; Бахтияровка I, к.32 и Красный Яр – удила без перегиба находились вместе с кон-ской шкурой, уложенной рядом с человеком.

Итак, подведем итоги.

Усилиями, как минимум, двух поколений археологов установлено и доказано, что основной район расселения огузов в IX – начале XI вв. – степи Урало-Поволжского региона, между Мугоджа-рами и низовьями Волги. Нигде к западу от Волги их памятники не образуют такого компактного и многочисленного скопления. Объяснено это может быть, скорее всего, тем, что их появление в Волго-Донском междуречье, на Нижнем Дону и в Поднепровье было вызвано начавшимся на рубеже X–XIв. или в начале XI в. нажимом на них с востока племен сары-кыпчаков/половцев/команов.

Едва ли теперь может подвергаться сомнению тот факт, что в IX – начале XI вв. печенеги рас-селялись на обширной территории от Днестра до предгорий Южного Урала, образуя как бы две «Пе-ченегии»: Европейскую, центром которой являлись степи по обе стороны Днепра, и Заволжскую, ло-кализовавшуюся в северных районах Урало-Волжских степей. Последний вывод, намеченный в свое время С.А. Плетневой, оконтуренный В.А. Кригером, «озвученный» и обнародованный В.А. Ивановым, поддержанный Е.В. Кругловым, получил окончательное подтверждение в исследо-вании И.В. Матюшко. По ее данным, из 18 погребений со шкурой коня, известных в настоящее время в степном Приуралье, в 13 конский череп и кости ног лежали слева от человека на одном с ним уров-не[3]. А степное Предуралье, о чем было сказано выше, географически никак не ассоциируется с Ниж-ним Поволжьем (точнее – Заволжьем) – районом наибольшей концентрации огузских погребений.

Совершенно очевидно, что печенеги, кочевавшие на такой огромной территории, не могли быть (и не были) основной этнополитической силой на всем пространстве Восточноевропейских степей. Зо-на их этнополитической доминанты, по крайней мере, до конца X в. – междуречье Дона и Днестра. Точно такой же доминирующей силой являлись огузы, но восточнее Волги. Что же касается территории Волго-Донского междуречья, то здесь открывается прекрасная возможность для увлекательного и очень важного исследования на тему «Этапы и причины вторжения огузов/торков в Восточную Европу».

[1] Атавин А. Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России… С. 81.

[2] Установленный еще С. А. Плетневой и Г. А. Федоровым-Давыдовым элемент печенежской культуры.

[3] Матюшко И. В. Классификация погребального обряда кочевников IX–XIV вв. н.э. степей Приуралья.

О.А. Ильина
(КТИ (филиал ВолГТУ), г. Камышин)

ДАНИЛОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ, ТЕРНОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ТЕРНОВСКОЕ СЕЛИЩЕ

В археологической литературе, посвященной изучению средневековых памятников Нижнего Поволжья, Даниловское городище, Терновское городище и Терновское селище рассматриваются как памятники городской культуры. В монографии В.Л. Егорова Даниловское и Терновское городища представлены как «золотоордынские города, названия которых неизвестны», а Терновское селище вообще не упомянуто[1].

Даниловское городище расположено на правом берегу р. Волги в 3 км к северо-востоку от с. Даниловки Красноармейского района Саратовской области, на высоком холме, известном как «бугор Степана Разина». С севера и юга городище ограничено глубокими оврагами, с востока – Волгой, а с запада несколькими линиями оборонительных сооружений в виде валов и рвов. В 1907 и 1910 гг. памятник был обследован членами СУАК, а в 1920 г. экспедицией Ф.В. Баллода[2]. В результате раскопок было установлено, что мощность культурных напластований в прибрежной части памятника составляет около 1,7 м. Ранний слой исследователи отнесли к эпохе бронзы, средний – к золотоордынскому времени, а поздний – к периоду колонизации региона русским населением. Кроме того, авторы составили описание оборонительных сооружений Даниловского городища, представлявших собой тройную систему укреплений – валов и параллельных им рвов. По сведениям Ф.В. Баллода, глубина рвов достигает 2,5 м, а высота валов – 1,75 м. Кроме того, в ходе сборов подъемного материала и археологических исследований на территории памятника были обнаружены фрагменты керамики, кремневые стрелы, амулет из волчьего клыка, медный клин, бронзовый топор, рукоятка биметаллического кинжала скифского времени, норманнский оконечник ножен меча, а также несколько серебряных и медных монет хана Узбека. Основная масса полученного материала была представлена фрагментами керамики. Некоторые из них Ф.В. Баллод отнес к бронзовому веку, но большинство - фрагменты красноглиняной и кашинной керамики с голубой поливой – к золотоордынскому времени.

В начале 90-х годов XX в. на Даниловском городище проводились археологические раскопки, основные результаты которых были изложены в работе Н.М. Малова и В.В. Филипченко «Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья». Почти все материалы, полученные в ходе этих исследований, относятся к эпохе средней бронзы[3].

Терновское городище расположено в 17 км севернее г. Камышина Волгоградской области, на правом высоком берегу Волги. Давая краткую характеристику памятника В.Л. Егоров, со ссылкой на Ф.В. Баллода, отметил, что археологические исследования выявили здесь золотоордынские монеты и керамику[4]. Г.А. Федоров-Давыдов также относил Терновское городище к числу небольших золотоордынских городов[5].

Впервые Терновское городище было осмотрено Б.В. Зайковским в 1909 г. Он обнаружил 3 каменных наконечника стрел, несколько бусин и «архаических» черепков, рыболовные грузила, «много татарских черепков» и золотоордынскую монету хана Менгу-Тимура, чеканенную в 1280 г. Кроме того, по поручению членов СУАК на территории городища местными школьниками проводился сбор подъемного материала. Большая часть найденных предметов относилась к эпохе бронзы: бронзовые ножи, бронзовое тесло, кремневые наконечники стрел, обломки каменных полированных топоров и молотов, бронзовый вислообушный топор, и только небольшая часть находок относилась к эпохе средневековья. Среди них следует отметить отдельные предметы христианского культа, мелкие украшения и немногочисленные монеты золотоордынского времени.

В 1920 г. первые археологические раскопки на городище проводила экспедиция под руководством Ф.В. Баллода. По его данным, оно представляло собой прямоугольник со сторонами 110×97 м, слегка вытянутый по линии запад-восток. С востока его омывает Волга, с юга и севера расположены глубокие овраги, на западе оно ограничено двойным рядом валов и рвов. Максимальный перепад высот от дна рва до вершины вала – около 11 м. Таким образом, площадь городища составляла чуть бо-

---

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 108.

[2] Зайковский Б. В. Археологические разведки в окрестностях слободы Даниловки, Камышинского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов. 1913. С. 215–219; Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М.–Пг. 1923. С. 62–69

[3] Малов Н. М., Филипченко В. В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. 1995. № 4. С. 42–48.

[4] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 108.

[5] Федоров-Давыдов Г. А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 234; Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 34.

лее 1га без учета площади, занятой системой оборонительных сооружений. В результате раскопок 1920 г. было найдено полтора десятка фрагментов красноглиняных сосудов, 3 железных гвоздя «татарского типа» и фрагмент стенки чугунного котла. Необходимо отметить, что в юго-западной части памятника находки золотоордынской эпохи единичны. В тоже время, почти в каждой разведочной траншее найдены предметы, относящиеся к эпохе средней бронзы[1].

В 1967–1970 гг. изучением Терновского городища занимался Г.Н. Шендаков. В ходе разведочных работ 1967 г. им было собрано несколько фрагментов лепной керамики с орнаментом в виде оттисков шнура и зубчатого штампа, основание прямоугольной курильницы на четырех ножках, каменная зернотерка и обломок стенки полированного каменного молота. В зоне интенсивного обрушения берега Волги, в юго-восточной части памятника, был заложен раскоп общей площадью 14 м^2, в котором были обнаружены фрагменты лепных сосудов, две кремневые ножевидные пластины и каменный пест-курант. При зачистке культурного слоя в северо-восточной части городища было найдено несколько фрагментов золотоордынской керамики, фрагменты чугунного котла, железный гвоздь, железистый шлак и два рыболовных грузила[2].

В 2000 г. Терновское городище было осмотрено Л.В. Гуренко и А.В. Кияшко. На поверхности памятника в районе валов и рвов, а так же в береговых обнажениях ими были обнаружены фрагменты керамики, относящиеся исключительно к эпохе средней бронзы. Материалов золотоордынского времени встречено не было. На основе данных прежних лет, а так же собственных наблюдений, исследователями был подтвержден вывод Г.Н. Шендакова о том, что «Терновское городище относится к среднедонской катакомбной культуре» эпохи средней бронзы[3].

Таким образом, топографические данные и особенности фортификационных сооружений Даниловского городища и Терновского городища, свидетельствует о том, что эти памятники являются не остатками средневековых городских центров, а представляют собой городища эпохи бронзы. В золотоордынское время на площади этих древних поселений существовали небольшие поселки или даже стойбища, так как здесь не только не выявлено никаких следов капитальных жилых и общественных сооружений, но даже не отмечены находки жженых кирпичей. Кроме того, сооружение столь мощных оборонительных систем не было характерно для золотоордынских городов. Можно считать установленным, что сооружение валов и рвов Даниловского городища и Терновского городища относится к эпохе среднего бронзового века и не имеет никакого отношения к эпохе средневековья, так как никаких находок в насыпях валов не обнаружено[4]. Учитывая, что в последние годы находок золотоордынского времени не обнаружено, можно предположить, что остатки этих средневековых поселков обрушились в Волгу. На этом основании данные археологические памятники следует исключить из числа средневековых городов золотоордынской эпохи Нижнего Поволжья.

Терновское селище располагается в 2,5 км к югу от Терновского городища, на мысу, ограниченном с юго-запада р. Терновкой, с юга – Волгой, а с северо-востока – глубоким оврагом, за которым расположен так называемый «бугор мертвецов» – могильник, очевидно, непосредственно связанный с селищем. С севера, со стороны степи вход на памятник ограничен отрогами балок, но никаких следов оборонительных сооружений здесь не выявлено. Это селище обнаружено в 1920 г. экспедицией Ф.В. Баллода, на его территории было заложено 8 раскопов в виде траншей. В результате удалось выяснить, что культурный слой на всей площади памятника однородный, без следов каких-либо сооружений, мощностью до 0,7 м. Основными находками на селище были многочисленные фрагменты красноглиняной золотоордынской неполивной керамики. Кроме массового керамического материала здесь было найдено 11 грузил для рыболовных сетей, 3 пряслица, бусина «татарского типа» и несколько монет хана Джанибека. Самая ранняя из них – медная монета с изображением двуглавого орла, чекана 40-х гг. XIV в., а самая поздняя – серебряный дирхем 1354 г. Ф.В. Баллод особо отметил среди фрагментов керамики десяток «черепков из грубой глины и довольно грубой отделки», которые он отнес к гунно-печенежскому времени[5].

---

[1] Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М. – Пг., 1923. С. 48–61.

[2] Шендаков Г. Н. Отчет об археологической разведке в Камышинском районе Волгоградской области в 1967 году. Волгоград, 1967. Фонды ВОКМ № 97. С. 3–5; Шендаков Г. Н. Разведки в Волгоградской области // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 123.

[3] Гуренко Л. В., Кияшко А. В., Шендаков Г. Н. К вопросу о культурной принадлежности Терновского городища // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация // К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы : мат-лы Междунар. науч. конф. Самара, 2001. С. 401.

[4] Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М. – Пг., 1923. С. 56–57.

[5] Там же. С. 50.

В 1966 г. Г.Н. Шендаковым на Терновском селище проводился сбор подъемного материала. На распаханной поверхности было обнаружено большое количество красноглиняной керамики золотоордынского времени, а также фрагменты каменного жернова, гончарного круга из обожженной глины, красноглиняного биконического пряслица, пять каменных грузил для рыболовных сетей и железный сошник[1]. В 70–80 гг. Г.Н. Шендаковым неоднократно осуществлялся здесь сбор подъемного материала. Согласно его устному сообщению, основную часть находок на селище, по-прежнему, составляла золотоордынская красноглиняная поливная и неполивная керамика.

В 1983 г. Терновское селище осмотрел отряд археологической экспедиции Волгоградского государственного университета под руководством И.А. Закировой. Исследование местности подтвердило наличие здесь культурного слоя. На территории селища были найдены фрагменты керамики золотоордынского времени и фрагмент железной крицы[2].

В 1997 и 2003 гг. Терновское селище было осмотрено Е.П. Мыськовым и О.А. Ильиной[3]. Материал, собранный на поверхности памятника и в береговых обвалах, относился к золотоордынскому времени. Здесь были найдены каменные грузила для рыбной ловли, фрагменты оселков, костяная поделка, несколько пряслиц, сделанных из стенок красноглиняных сосудов, обломков костей крупного рогатого скота (13), мелкого рогатого скота (8), лошади (10) и костей рыб (3) и около двухсот фрагментов керамики.

В составе подъемного материала выделяется большая серия фрагментов (62 %) специфической лепной керамики в виде плоскодонных горшковидных, баночных и слабопрофилированных сосудов без орнамента. Глина в изломе черная или коричневая, рыхлая с примесью шамота и крупного песка. Поверхности фрагментов ровно сглажены и закопчены. Эта керамика находит близкие аналогии в погребальных памятниках мордвы XIII–XIV вв., например, в материалах Аткарского грунтового могильника[4], и, безусловно, связана с деятельностью мордовского населения (рис. 1).

Кроме того, в процессе осмотра памятника были собраны образцы красноглиняной керамики (35 %), большинство из которых – фрагменты стенок сосудов с многорядным линейным и линейно-волнистым орнаментом. Среди них выделяются профилированные фрагменты одноручных кувшинов для воды, фрагмент миски и фрагменты амфоры с гофрированной поверхностью. Эти формы близки керамике, находимой на большинстве золотоордынских городищ Нижнего Поволжья.

Особый интерес вызывают фрагменты русских сосудов (3 %), среди которых имеется фрагмент верхней части довольно большого русского горшка с глубоким желобком на внутренней стороне венчика от заворота чернового края внутрь. Глина в изломе рыхлая, черная с большой примесью песка (рис. 1). Следует отметить, что по сообщению И.А. Закировой на селище также было обнаружено 6 фрагментов русской керамики[5].

В начале XXI в. в результате грабительских сборов с площади Терновского селища было изъято около 50 монет. В нашем распоряжении имеются сведения о серебряных и медных монетах, датируемых в пределах от 1274 до 1361 гг.

Кроме того, в 1920 г. Ф. В. Баллодом было отмечено наличие культурного слоя и на правом берегу р. Терновки, что позволило ему рассматривать Терновское селище как единый памятник, расположенный по обоим берегам реки. В 1983 г. Терновское селище осмотрел археологический под руководством И.А. Закировой. Исследование местности подтвердило существование культурного слоя и на правом и левом берегу р. Терновки. Сбор подъемного материала на территории селища продолжается и в настоящее время камышинскими краеведами. Так, в 2009 г. на правом, южном берегу р. Терновки были найдены: фрагменты русской, мордовской и красноглиняной золотоордынской керамики, а также фрагмент каменного топора, очевидно использованного в качестве рыболовного грузила.

---

[1] Шендаков Г. Н. Отчет об археологической разведке в Камышинском районе Волгоградской области в 1966 году. Волгоград, 1966. Фонды ВОКМ № 107. С. 3.

[2] Закирова И. А. Отчет об археологических исследованиях в Волгоградской области в 1983 году // Архив ИА РАН. М., 1983. Р-1. № 9971. С. 1–3.

[3] Ильина О. А., Мыськов Е. П. Мордовские памятники XIII–XIV века на территории Волгоградской области // Вопросы краеведения : мат-лы краеведческих чтений, посв. 75-летию областного общества краеведов. Волгоград, 2000. Вып. 6. С. 65–66.

[4] Монахов С. Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 167–188.

[5] Закирова И. А. Отчет об археологических исследованиях в Волгоградской области в 1983 году // Архив ИА РАН. М., 1983. Р-1. № 9971. С. 1–3.

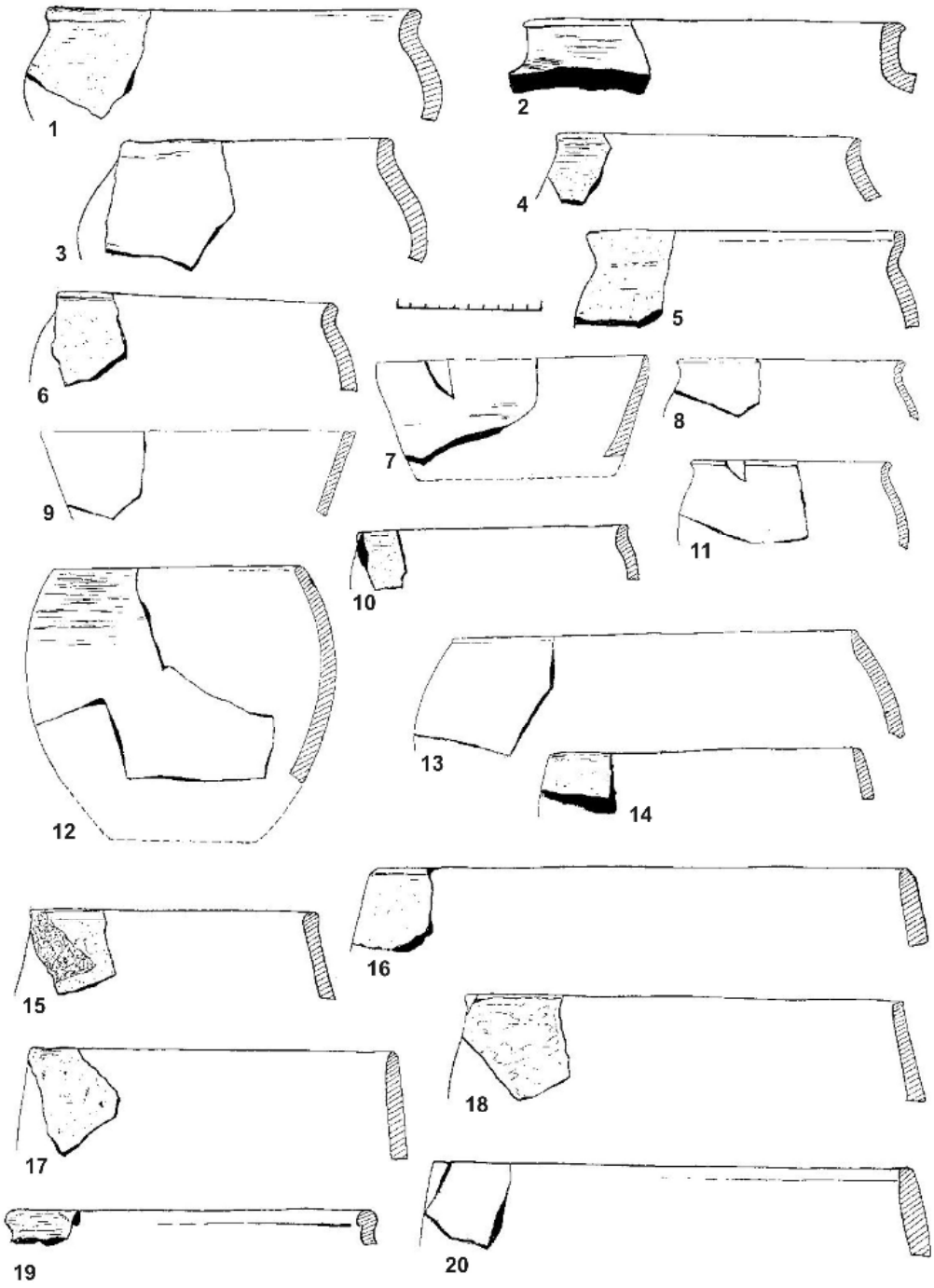


Рис. Мордовская (1–18, 20) и русская (19) керамика с Терновского селища

Терновское селище одно из крупнейших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья. Судя по сохранившейся части, с учетом вновь выявленных участков культурного слоя и участков средневекового кладбища, общая площадь его составляет не менее 10–11 га. Анализ керамического материала и соотношение различных типов лепных и гончарных сосудов позволяет утверждать, что основу населения Терновского селища составляла мордва, среди которых, несомненно, проживали отдельные представители русского населения. Формы, система орнаментации и технология изготовления красноглиняных гончарных сосудов свидетельствуют о том, что большинство из них изготовлено в керамических мастерских нижневолжских золотоордынских городов. Специфической особенностью Терновского селища является полное отсутствие обломков жженых кирпичей, что свидетельствует об отсутствии здесь монументальных общественных и жилых построек.

Я.А .Кияшко
(ЮФУ, г. Ростов-на-Дону)

ТИПОЛОГИЯ ПОДКУРГАННЫХ РОВИКОВ В ПАМЯТНИКАХ СОКОЛОВСКОГО ТИПА (ИЛИ ТИПА СОКОЛОВСКОЙ БАЛКИ)

Среди раннесредневековых комплексов Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья большой интерес представляет серия кочевнических захоронений, совершенных в курганах и окруженных квадратными в планеровиками, которые датируются второй половиной VII–IX вв.

Памятники этого типа были впервые открыты 1963 г. экспедицией С.И. Капошиной в Соколовском курганном могильнике и в 1972 г. экспедицией Л.С. Клейна в могильнике у Соколовской Балки. С.А. Плетнева отмечала, что выделение памятников этого типа «самое крупное открытие в хазароведении, которое по значению сравнимо только с работами Волго-Донской экспедиции»[1]. На настоящий момент открыто более двух сотен комплексов. Расширение источниковой базы заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к проблемам этнического состава населения Хазарского каганата – степного государства, определившего ход исторического развития Восточной Европы в период с середины VII до середины X в.

Наиболее примечательной и информативной частью надмогильного сооружения, является площадка, окруженная ровиком, на которой и совершалось погребение. Именно эта деталь погребального обряда, во многом, позволила исследователям говорить о культурном единстве курганов хазарского времени, и тем самым поставить вопрос о выделении культуры собственно хазар[2].

В ровиках многих курганов находились остатки поминальных тризн. В некоторых комплексах, остатки тризны фиксировались внутри площадки ограниченной ровиками или с внешней стороны, за их пределами. Остатки тризн представлены обычно костями лошади, барана, реже присутствует фрагменты лепной и тарной керамики

Для подавляющего большинства курганов характерна стандартная и устойчиво повторяющаяся планировка ровиков. На основе формы ровика и расположения перемычек можно выделить основные варианты их планировки. Отметим, что при проведении типологического анализа конструкции могильного сооружения и планировки ровиков, за основу была взята методика и терминология, выработанная И.С. Каменецким при разработке кода для описания погребального обрядах[3].

Тип 1. Квадратные в плане ровики.

Вариант 1. Квадратный ровик без перемычек.

Вариант 2. Квадратный ровик с одной перемычкой в ЮВ или ЮЗ углу.

Вариант 3. Квадратный ровик с перемычкой в центре одной из сторон.

Вариант 4. Квадратный ровик с двумя перемычками, отделяющими одну из сторон ровика.

Вариант 5. Квадратный ровик с четырьмя перемычками по углам.

Вариант 6. Квадратный ровик с четырьмя перемычками по углам и одной дополнительной, в центре восточной стороны ровика.

Тип 2. квадратные в плане ровики с дополнительной П-образной пристройкой.

Вариант 1. квадратный ровик с одной перемычкой в ЮВ или ЮЗ углу и дополнительной П-образной пристройкой, отделенной от основного ровика перемычками.

Вариант 2. Квадратный ровик с четырьмя перемычками по углам и дополнительной П-образной пристройкой, отделенной от основного ровика перемычками.

Тип 3. Прямоугольный ровик одна половина, которого расширяется.

Вариант 1. Вытянутый, прямоугольный ровик с расширяющейся восточной периферийной частью.

Вариант 2. Ровик, по форме близкий к квадратному, расширяющийся в основной подкурганной части. Форма ровика близка к квадратной. Он имеет узкую периферийную часть с восточной стороны.

Тип 4. Округлый ровик без перемычек.

Тип 5. Ровик прямоугольных очертаний, у которого отсутствует восточная сторона, а длинные стороны слегка расходятся в разные стороны.

Особое внимание исследователей уделяют изучению квадратных внутри курганных ровиков. В результате получено некоторые представление об этапах сооружения насыпей.

---

[1] Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981.
[2] Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII-первой половины IX вв.// Волгоград, 1999. С. 109.
[3] Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М. : Наука, 1983.

Анализируя стратиграфию и заполнение ровиков, можно говорить о том, что насыпи перекрывали ровики спустя довольно длительное времени. Однако есть и единичные случаи, когда ровик был заполнен и перекрыт сразу после сооружения кургана. Имеется, в хорошо сохранившихся насыпях курганов, также материковые выбросы из ровиков, уложенных в виде вала с его внешней стороны[1].

Стоит обратить внимание, что сооружение подкурганных ровиков площадок, окруженных квадратными рвами, вместе с использованием в погребальном инвентаре особых типов украшений и золотых монет предполагает особо высокий статус погребаемых. Интересно, что вне территории Нижнего Дона подобные конструкции широкого распространения не получают. Следовательно, связь соколовских памятников с такой особенностью, как площадка, окруженная квадратным рвом, не столь уж явная. Очевидно, что в каких-то случаях рвов могло и не быть, а о наличии ритуальных площадок могло сигнализировать остатки дерева, камня, кострищ, разбросанные кости животных и фрагменты керамики. Так в Барановке 27 рва не было, но на всей площади подкурганного пространства вокруг погребения отмечались следы кострища. В Дорофеевском 13 ров также не был прослежен, но в кургане зафиксирована квадратная конструкция из камней[2].

Использование поправок ко времени выпуска только для действительно датирующих монет достоверно определяет время выпадения окруженных квадратными ровиками погребений соколовского типа Дона только второй-третьей четвертями VIII в. Уже во второй половине VIII в. вокруг погребений фиксируются круглые внутренние ровики (Барановка, 13; Нагаевский-III, 1; Новоаксайская, 13), а большинство курганов окружается вполне обычными внешними ровиками, грунт из которого шел на сооружение насыпей (Гува, Кривая Лука XV). В ряде случаев не было выявлено абсолютно никаких ровиков (Вертячий; Верхнерубежный; Новоаксаевский 17, 25; Петрунино IV). Наконец, наиболее поздние соколовские погребения – это вообще простые впускные захоронения в древние курганы, дюны или бэровские бугры (Горшовка, Горьковский, Элиста III), ровиков вокруг которы не было[3]. Это можно увидеть на примере кургана 3 могильника Таловый II[4]. Упомянутые детали ритуала, видимо, свидетельствуют о некоторых отступлениях от традиционного для упомянутых памятников порядка совершения погребения и возведения курганной насыпи. Распространенность данного обряда отмечает также и Е.В. Круглов, который говорит, что окружение кочевнических захоронений ровиками является социально-идеологическим надэтническим признаком поминальной, а не погребальной обрядности[5].

Таким образом, вполне возможно, что названные черты отражают эволюцию погребальной обрядности подкурганных захоронений Соколовского типа в хазарскую эпоху. Это особенно ценно, так как по формам погребальной площадки и ровикам можно выстроить более точную хронологическую сетку, что уже в дальнейшем облегчит задачу и этнокультурной атрибуции данного вида памятников. Стоит отметить, что наряду с довольно большим количеством аспектов, которые позволяют выделить данные памятники в отдельную группу салтово-маяцкой культуры, существует довольно много проблем по выделению каких-то общих закономерностей внутри самой группы. Вполне возможно, что сооружение ровика является широкоэтничным поминальным обрядом. Поэтому требуется специальный анализ отдельных характерных деталей погребального обряда. В данном ракурсе можно отметить более детальное исследование элементов вооружения, а точнее лука, началу которому уже положил в своих исследованиях А.М. Савин, А.И. Семенов[6]. Также большой интерес представляет и исследование керамики, а точнее лепных горшков, которые также являются устойчивым признаком в данном погребальном обряде. Курганы с ровиками дают значительное количество погребений с многочисленным погребальным инвентарем, которые, зачастую, сопровождаются нумизматическим материалами. Последние, оказывается, имеют чрезвычайно малое запаздывание и могут быть использованы в качестве надежных хронологических индикаторов. Увеличение числа подобных комплексов, позволит существенно уточнить хронологические рамки как всей группы памятников в целом, так и выделяемых хронологических периодов. Дальнейшее изучение кочевнических памятников хазарского времени будет иметь значение для реконструкции этнополитической, социально-экономической истории, а также религиозного мировоззрения Хазарского каганата.

---

[1] Иванов А. А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Волгоград 1999. С. 109–110.

[2] Круглов Е. В. Хазары – поиск истины // Хазары. Евреи и славяне. М., 2005. Т. 16. С. 434.

[3] Там же. С. 435.

[4] Глебов В. П., Иванов А. А. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона : мат-лы и исследования по археологии Дона. 2007. Вып. 2. С. 160.

[5] Круглов Е. В. О «курганах с ровиками», погребениях типа «Соколовской балки» и некоторых иных древностях хазарского времени // Тезисы докладов IV Международной археологической конференции. 2008. С. 67.

[6] Савин А. М., Семенов А. И. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. СПб., 1998.

И.С. Котеньков
(АФ ВАГС, г. Астрахань)

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗОНЕ РОССИЙСКОГО СЕКТОРА СЕВЕРНОГО КАСПИЯ

С древнейших времен Каспий посредством торговли служил связующим звеном между различными странами и народами. На берегах Каспийского моря были сосредоточены все основные мировые религии: христианство, ислам, зороастризм и различные языческие культы. И Каспийский регион можно назвать связующим звеном в развитии культур Евразийского континента.

За свою тысячелетнюю историю Каспийское море имело около 70 названий. Так, в древности его называли Гирканским морем, в «Повести временных лет» – Хазарским, китайцы называли его Сихай, турки – Кучук-Дениз, татары – Аг-Дениз, русские – Хвалынским морем и т.д.

В античную эпоху появляются первые смутные и противоречивые письменные свидетельства о Каспийском море. Ученые предполагают, что древнегреческий поэт Гомер (VII в. до н.э.) описывая «Пруд Солнца» имел в виду Каспийское море[1]. Греческий путешественник Гекатей Милетский (VI в. до н.э.) помещает к востоку от Кавазских гор – Гирканское море[2]. Большую ценность представляют достаточно подробные сведения «отца истории» Геродота (V в. до н.э.) о Каспии, как «…о замкнутом бассейне, который граничит на западе с Кавказским хребтом, а на востоке к нему примыкает безграничная необозримая равнина…». Геродот первым называет море Каспийским, по имени народа каспиев, живших на юго-западном берегу. Сведения такого рода греческий историк, несомненно, мог получить только от путешественников и купцов, посещавших эти места по торговым делам. Описывая замкнутость бассейна Каспия ему вторят поэт Эсхил и философ Аристотель (IV в. до н.э.)[3]. В III в. до н.э. древнегреческий полководец Патрокл, якобы даже совершил плавание по Каспийскому морю, назвав его заливом «Северного океана». Также как залив, через который проходили торговые пути, описал в своей «Географии» Каспий Страбон (I в. н.э.). Ученый из Александрии Клавдий Птолемей (II в. н.э.) составил описания и карты, где поместил реку Ра (Волгу), впадающую в Гирканское (Каспийское море). У античных авторов встречаются относительно подробные сведения именно о западном побережье моря, где по свидетельству Страбона в эпоху раннего железного века существовал международный торговый путь, караванная торговля между «сарматами и вавилонянами»[4].

Интерес к Каспийскому морю в период Средневековья обусловлен главным образом, его выгодным географическим положением на важнейших торговых путях из Европы в Азию, в Китай и Индию. Прикаспийский путь был одной из ветвей (северной) Великого Шелкового пути. На территориях современного Дагестана, Азербайджана. Ирана появляются торговые фактории. В начале VI в. Дербент становится крупнейшим портом на Каспии. За преимущества в торговле на этом пути шла борьба между Римской империей и Парфией. В течение трех веков с VI по IX в. происходили персидско-византийские конфликты из-за господства над торговлей по Каспию.[5] Каспийский торговый путь процветал и в эпоху средневековья. С VIII века Север Каспия был центром Хазарского каганата, но в IX веке арабы вытеснили, господствовавших здесь ранее хазар. Наибольший вклад в пополнение свода сведений о Каспийском море в эпоху Средневековья внесли арабские географы, путешественники, писатели. На карте географа аль-Истархи (XI в.) в «Книге путей государства» на территории Хазарского (Каспийского) моря впервые появляются изображения северокаспийских островов Чечень и Кулалы и река Волга, впадающая с севера в море. Мухаммад Идриси (XII в.) на своей карте мира прорисовал море Бахрул-Хазар уже с четырьмя островами[6]. Упоминания о Каспии сохранились у арабских авторов VIII–XIII вв. (Абдул-Касум, Ибн-Хордабеха, Ал-Табари, Ибн-Фадлан, Ибн-Русте).[7]

---

[1] Зонн И. С. Очерки по истории изучения Каспийского моря (С древнейших времен до начала XX века). М., 2005. С. 4.
[2] Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 44.
[3] Зонн. И. С. Указ. соч. С. 7, 8.
[4] Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. С. 40, 47.
[5] Радкевич В. А. Великий шелковый путь. М., 1990. С. 105 С. 71–75.
[6] Зонн. И. С. Указ. соч. С. 20, 21.
[7] Радкевич В. А. Указ. соч. С. 19.

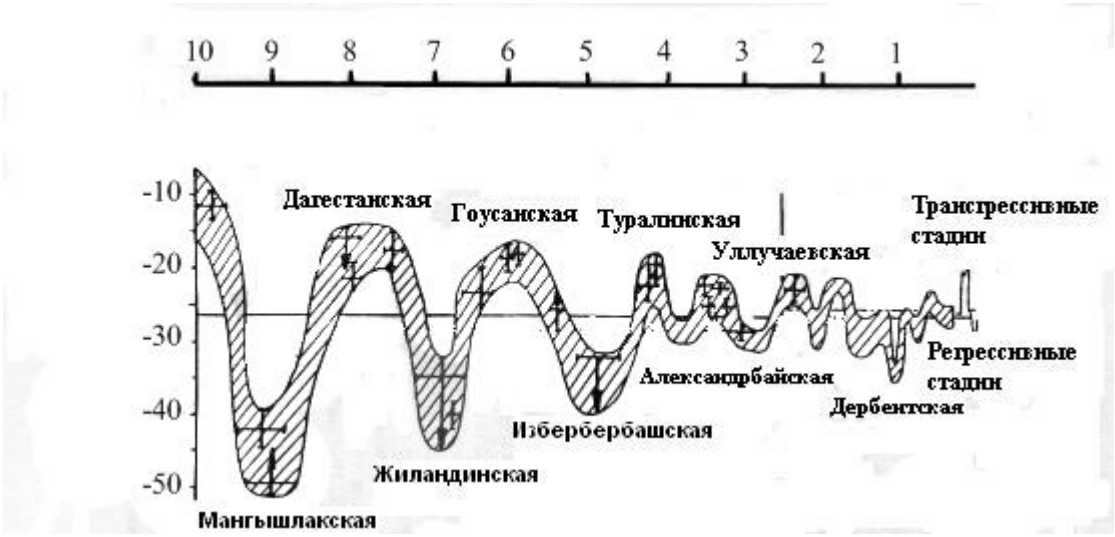


Рис. 1. Регрессии и трансгрессии Каспийского моря

Среди карт западно-европейских картографов в Средние века, где имеются изображения Каспия можно выделить Каталонский Атлас моряка Авраама Ксеркса (XIV в.), Карту мира венецианского картографа Фра Муаро (XV в.)[1]. Каспийское море и его районы были известны в средневековье и русским. В былине про новгородского купца Садко говорится: Садко купец бегал по синему морю Хвалынскому (Каспийскому)»[2].

На протяжении 2–3 миллионов лет уровень и площадь Каспия неоднократно изменялась, вследствие неоднократных трансгрессий и регрессий. В общем виде регрессии (падения уровня моря) соответствовали сухому жаркому, а трансгрессии (подъемы уровня моря) – более влажному климату.

На протяжении голоценовой истории колебания уровня Каспийского моря характеризовались пятью регрессиями длительностью от 300–500 до 1200 лет и пятью трансгрессиями от 500 до 1000 лет. Это не могло не повлиять на изменения ландшафта, почв региона, хозяйственного уклада людей, проживавших на Прикаспийской низменности и в акватории Каспийского моря[3].

Регрессивные фазы сопровождались значительным иссушением и появлением на осушавшихся побережьях сухостепных, полупустынных, и пустынных ландшафтов. В периоды падения уровня Каспия, люди шли вслед за отступающим морем, служившим им источникам питания (рыба и морские организмы) и обживали новые участки суши, строили поселения и города. Это подтверждают древние находки, обнаруженные на затопленных морем участках.

Колебания уровня Каспия неразрывно связаны с историей прибрежных территорий (рис. 1). Начало освоения Прикаспийской низменности человеком относится к эпохе мезолита. В соответствии с выявленным ритмом колебаний уровня Каспийского моря окончательное освобождение низменности от воды происходит в конце плейстоцена – начале голоцена. Заселение, вероятно, началось в последние годы верхнехвалынской трансгрессии, когда уровень Каспия стал понижаться от 0 абс., это понижение уровня началось около 12 тыс. лет назад[4]. Приблизительно 13,5–13 тыс. лет назад началось глобальное позднеледниковое потепление после длительного оледенения. В истории человечества началась эпоха мезолита – среднекаменного века. По мнению некоторых ученых падение уровня моря было самым значительным за весь голоцен, за 500 лет (С 11,5–11 т.л.н.) он понизился более чем на 30 м, граница моря сместилась к югу на 300–400 км, наступила мангышлакская регрессия, продолжавшаяся 1–1,5 тыс. лет. В этот период климат был сухим и холодным[5]. Некоторые ученые предполагают существование послехвалынской регрессии, когда уровень моря в эту эпоху (10 т.л.н.) понижался на 50 м[6]. Самые ранние стоянки древнего человека, расселившегося в Северном Прикаспии, относятся к эпохе мезолита и совпадают со временем указанной регрессивной фазы Каспийского моря. Основная масса па-

[1] Зонн. И. С. Указ. соч. С. 22, 24.
[2] Там же. С. 28.
[3] Уровневый режим Каспийского моря за последние 10 тысяч лет // Вестник МГУ. География. 1993. № 2. С. 10.
[4] Барынкин П. П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия : автореф. дис. … канд. истор. наук. М., 1992. С. 9.
[5] Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Каспийского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 63.
[6] Леонтьев О. К., Маев Е. Г., Рычагов Г. И. Геоморфология берегов и дна Каспийского моря. М., 1977. С. 185.

мятников этой эпохи (сероглазовской культуры), датируемой XII–X тысячелетиями до н.э., обнаружена на востоке Астраханской области на территории Рын-песков[1]. Вероятно памятники данной эпохи могут находится и в прибрежной морской зоне и на затопленных морем участках.

7000 лет назад наступил атлантический интервал, когда климат был теплый и сухой и закончился 4500 лет назад[2]. Этот период характеризуется двумя трансгрессиями длительностью 600 (7,3–6,6 т.л.н.) и 1200 лет (6,3–5,5 т.л.н.), разделенными двумя более короткими по времени регрессиями[3]. Некоторые исследователи отрицают существование первой из трангрессий, считая, что уровень Каспийского моря 7,7–6,4 т.л.н. был регрессивным[4]. Последним доводам вторят другие ученые, определяя возраст очередной регрессии (мангышлакской) 11300–9300 лет назад, с понижением уровня моря до 130 м[5].

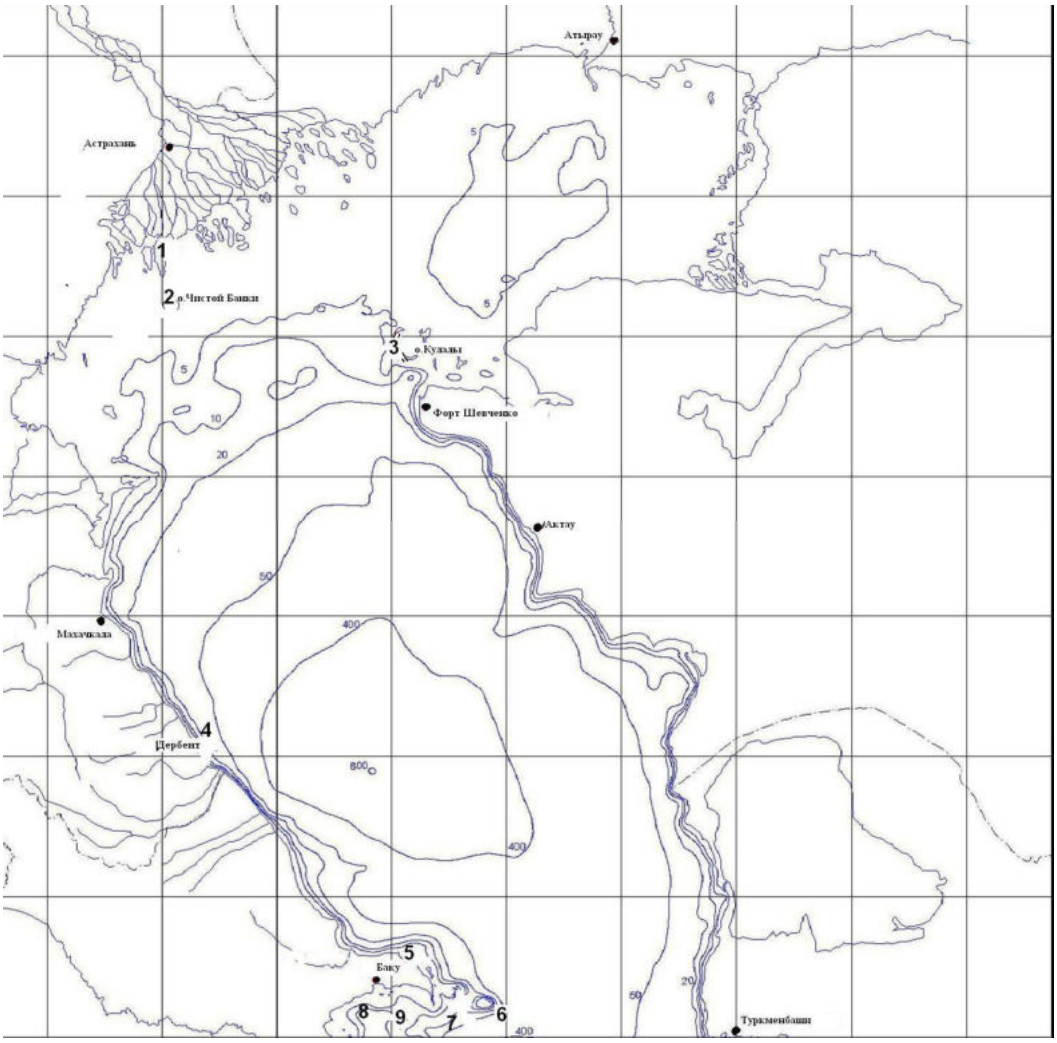


Рис. 2. Археологические объекты, обнаруженные в акватории Каспийского моря: 1 – место находок керамики VI в. в Иголкинском банке на Каспийском взморье; 2 – место обнаружения магнитных аномалий на острове Чистой банке; 3 – место обнаружения неолитических орудий и древнего судна XVIII в (о. Кулалы); 4 –затопленные морем древний карьер и набережная крепости XI веке (г. Дербент); 5 – Мыс Бяндован XI века до н.э. Азербайджан; 6 – городище, Гюргоны XI–XII (Апшеронский пролив. Азербайджан); 7 – городище,

[1] Мелентьев А. Н. Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. М., 1977. Вып. 1949. С. 56.

[2] Карпычев Ю. А. Периодичность колебаний уровня Каспийского моря по данным радиоуглеродного анализа новокаспийских отложений // Водные ресурсы. Т. 21, № 4–5. С. 419.

[3] Рычагова Г. И. Уровненный режим Каспийского моря за последние 10 тыс. лет // Вестник МГУ. География. 1993. № 2. С. 38–49.

[4] Варущенко А. Н., Варущенко С. И., Клиге Р. К. Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене голоцена // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980, С. 79–90; Карпычев Ю. А. Периодичность колебаний… С. 415–421.

[5] Карпычев Ю. А. Природные колебания уровня Каспийского моря по данным радиоуглеродного анализа новокаспийских отложений // Водные ресурсы. 1994. Т. 21, № 4. С. 417.

Дюбанды XI–XII (Азербайджан); 8 – замок «Сабаил» XII в. (Бакинская бухта,Айзербайджан); 9 – руины порта XI–XII вв. (мыс.Амбурагский)

Если в это время границы моря отступили к югу на сотни километров, то новые участки суши могли быть заселены людьми. Этот факт подтверждается находками поселения эпохи неолита, обнаруженного на острове Кулалы в Каспийском море. В 1957 г. на этом острове были найдены кремневые орудия (скребки, проколки, ножевидные пластины) и отщепы. Вместе с изделиями найдено большое количество осколков кремня, свидетельствующих о местном производстве этих орудий. Сравнивая «кулалинские» находки с материалами, обнаруженными в Средней Азии, ученые сделали вывод о заселении островов Тюленьего архипелага в V–IV тыс. до н.э. В эпоху неолита острова Тюленьего архипелага соединялись с материком и входили в пресноводную зону[1]. Вероятно, многие археологические памятники этого исторического периода в настоящее время затоплены морем.

Следующая регрессивная стадия моря – жиландинская согласуется с эпохой энеолита. Некоторые ученые полагают, что во время этой регрессии был зафиксирован низкий уровень моря – до 70 м[2].

Бронзовый век ознаменован избербашской регрессией, начавшейся 5 тыс. лет назад, с отметками уровня моря – 40 м[3].

С II в. до н. э. до X–XI вв., а по некоторым данным до начала XIV в. Каспийское море испытало дербентскую регрессию, когда климат был особенно теплым[4]. Согласно данных Федорова П.В., вероятно, в начале нашей эры произошла эта регрессивная фаза, падение уровня моря на 4–5 м или до абсолютной отметки минус 32–33 м[5]. По мнению Турманиной В.И. и Болиховской Н.С.**,** в IV–VIII вв. климат был влажнее и теплее современного, а уровень Каспия более низким (до 40), а в IX–XII вв. за счет высокого испарения над акваторией центрального Каспия колебания моря составили от -30 до -36 м[6]. За этот период на берегах Северного Каспия появлялись и исчезали различные племена и народы: сарматы, болгары, тюрки, половцы, первое государство – Хазарский каганат.

В середине 60-х гг. XX в. историк и писатель Л.Н. Гумилев проводит археологические исследования в низовьях Волги, Дербенте, на северном побережье Каспия. В своих работах по итогам экспедиций автор выстраивает историко-климатическую схему Хазарии, история которой неразрывно связана с колебаниями уровня Каспийского моря. С целью восполнения сведений о древних уровнях Каспия Л.Н. Гумилев привлекает данные о климатических колебаниях в зоне Евразии, отразившиеся на истории населявших ее народов[7].

Версию о том, что в указанный период на затопленных морем участках Каспия селились люди, подтверждают археологические находки, найденные на дне Каспия. На западном побережье на глубине 2,5–3 м выявлена стена V века, построенная для ограждения порта Абескун. Мусульманский писатель Неджати, живший в начале XIV в., персидский географ Казвини в своем сочинении «Отрада сердец», написанном в 1339 г. сообщают, о затоплении порта Абескун[8]**.** Остатки набережной, древний полузатопленный карьер, часть городских стен г. Дербента оказались на глубине около 4 м. Арабский географ Истахри сообщает, что в начале X столетия «на протяжении шести башен» стены Дербента были расположены в воде. По описанию англичанина Ч. Бэрроу, посетившего Дербент в 1580 г., древние стены вдавались в море «приблизительно на полмили», то есть почти на 900 м. Немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий, побывавший в Дербенте в 1638 г., в своем описании «Московитских и Персидских земель» приводит данные, что стены Дербента имеют продолжение в море. В средневековых рукописях и фольклоре Азербайджана можно найти множество легенд, преданий и мифов о затонувших в «одну ужасную ночь» городах, крепостях, дворцах и храмах, в том числе и погрузившемся в море Юннан-шахаре, «греческом городе», который «был построен Аристуном», то есть Аристотелем, наставником Александра Македонского[9]. Начиная с 1968 г. на азербай-

---

[1] Филипченко В. А., Курочкин Ю. В. Кремневые орудия с о. Кулалы // Советская археология. 1960. № 3. С. 277.
[2] Карпычев Ю. А. Указ соч. С. 417.
[3] Иванов И. В., Васильев И. Б. Указ. соч. С. 147.
[4] Леонтьев О. К., Маев Е. Г., Рычагов Г. И. Указ. соч. С . 187; Комплексные исследования Каспийского моря / под ред. Леонтьева О. К., Маев Е. Г. Вып. 1. М., 1970. С. 66; Карпычев Ю. А. Периодичность колебаний… С. 419.
[5] Федоров П. В. Плейстоцен Понто-Каспия. М., 1978. С. 154.
[6] Турманина В. И. Растения рассказывают. М., 1987. С. 166; Болиховская Н. С. Палиоиндикация изменений ландшафтов Нижнего Поволжья в последние 10 тысяч лет // Каспийское море. Вопросы геологии и геоморфологии. М., 1990. С. 52–68.
[7] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1996. С. 159., Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV до н.э. по XVI н.э.) Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 33.
[8] Кондратов А. М. Атлантиды ищите на шельфе. Л., 1988. С. 198.
[9] Там же. С. 199.

джанском побережье проводила работы экспедиция Музея истории Азербайджана. В ходе ее работ был обнаружен ряд археологических памятников, затопленных морем: средневековые городища Гюргяны, Дюбенды в Апшеронском проливе, Бяндован у берегов залива Норд-Остовый Култук, древний морской порт у мыса Амбуракский, замок «Сабаил» в Бакинской бухте в Азербайджане[1]. Об этих полузатопленных руинах еще в начале XVIII столетия упоминал русский гидрограф и государственный деятель Ф.И. Соймонов, обследовавший берега Каспия. Фрагменты сосудов VI века, обнаружены в 1962 г. Гумилевым Л.Н. на Каспийском взморье в Иголкинской банке[2].

Необходимо отметить попытки поисков столицы Хазарского каганата – города Итиль на острове Чистой Банки в Северном Каспии. Астраханский краевед Василькову К.Н. на основании изучения средневековых источников источников, данных геоморфологии определил координаты Итиля, именно в пределах данного острова. В 60-е гг. геолог Б.Н. Голубов, впервые проводя геофизические исследования (магниторазведку) на острове, обнаружил магнитные аномалии, свидетельствующие, как он посчитал, о наличии под слоем наносов развалин древнего города. В 80-е г. экспедиции в составе Голубова Б.Н., Василькова К.Н., океанографа Бухарицына П.П. отправлялись на остров Чистой банки, проводили магнитную съемку с помощью высококачественных протопных магнитометров, закладывали разведочные шурфы. Во время изысканий по всему острову под слоем наносов не менее 4–6 м были зафиксированы магнитные аномалии. Но шурфы на указанную глубину раскопать не удалось; они быстро заполнялись водой, так как уровень Каспия в этот период был достаточно высок. 1991 г. на данном острове производились работы экспедицией Дагестанского госуниверситета под руководством М.Г. Магомедова, на средства японской компании Хирокава. Но данные работы также ограничились геофизическими изысканиями, подтвердившими наличие данных аномалий[3]. Без полной расшифровки и идентификации всех обнаруженных магнитных аномалий, проведения археологических раскопок не возможно будет получить убедительные подтверждения о существовании на острове столицы Хазарии.

В начале XXI в. появились новая гипотеза о местоположении легендарного материка – Атлантиды именно в акватории Каспийского моря. Автор данной версии, инженер из г. Ейска – Амельченко В.М. Им были подготовлены ряд телепередач, опубликованы несколько книг, создан сайт по данной теме. Исследователь выдвинул ряд аргументов в пользу своей гипотезы: близость Каспия к одному из центров древнего мира – Месопотамии; в качестве основного ориентира – «Геракловых столпов» принимается река Волга, впадавшая в Каспий единым потоком; каспийский регион в древности имел субтропический климат; столица Атлантиды – городище Посейдонис, локализовалась в Среднем Каспии; гибель материка произошла в результате землетрясения в горах у южного берега Каспия. В качестве вещественных доказательств приводятся артефакты, якобы относящиеся к культуре атлантов[4]. Данную гипотезу нельзя считать состоятельной по ряду причин: отсутствие упоминаний о древнем континенте в устных и письменных источниках народов Дагестана, Азербайджана, Ирана, Туркмении, Казахстана, населявших в древности берега моря, свидетельств гидрогеологии о крупных землетрясениях в античную эпоху, данных палеоботаники и антропологии о субтропическом климате в Каспийском регионе[5].

Нельзя отрицать возможность обнаружения на дне Северного Каспия остатков затонувших в древности судов. С античных времен по просторам Каспия ходили многочисленные торговые суда, а, как известно, каспийские шторма отличаются своей суровостью. В 1990 г. Центром комплексных подводных исследований НИИ культуры (рук. Окороков А.В.) были впервые обнаружены и исследованы останки деревянного судна у острова Кулалы. Фрагменты днищевой части судна, различные находки: ядра, гранаты, книпеля, картечь, посуда, позволили датировать судно началом XVIII в.

---

[1] Баиловский замок. URL: http://www.azeri.ws/culture/architecture.shtml; Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 108.; Квачидзе В. А. Городище Бяндован – археологический паямтник и источник данный об изменении уровня Каспийского моря. Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 153; Кондратов А. М., Указ. соч. С. 198.

[2] Гумилев Л. Н. Указ соч. С. 160.

[3] Бухарицын П. Поиски хазарской столицы // Факел. 1999. № 1. С. 129–132.

[4] Амельченко В. М. Золото амазонок, героев и царей привело к Атлантиде Платона. Ростов н/Д., 2007; URL: http://roksalan.narod.ru.

[5] Котенькова О. Ю., Котеньков И. С. Каспийская Атлантида:миф или реальность // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : мат-лы Всерос. науч. конф. (17.04.2010 г., г. Астрахань). Астрахань, 2010. С. 75.

Предположительно это военно-транспортное судно, относившееся к одной из разведывательных или военных экспедиций, проводившейся русским флотом во времена Петра I на Каспии[1].

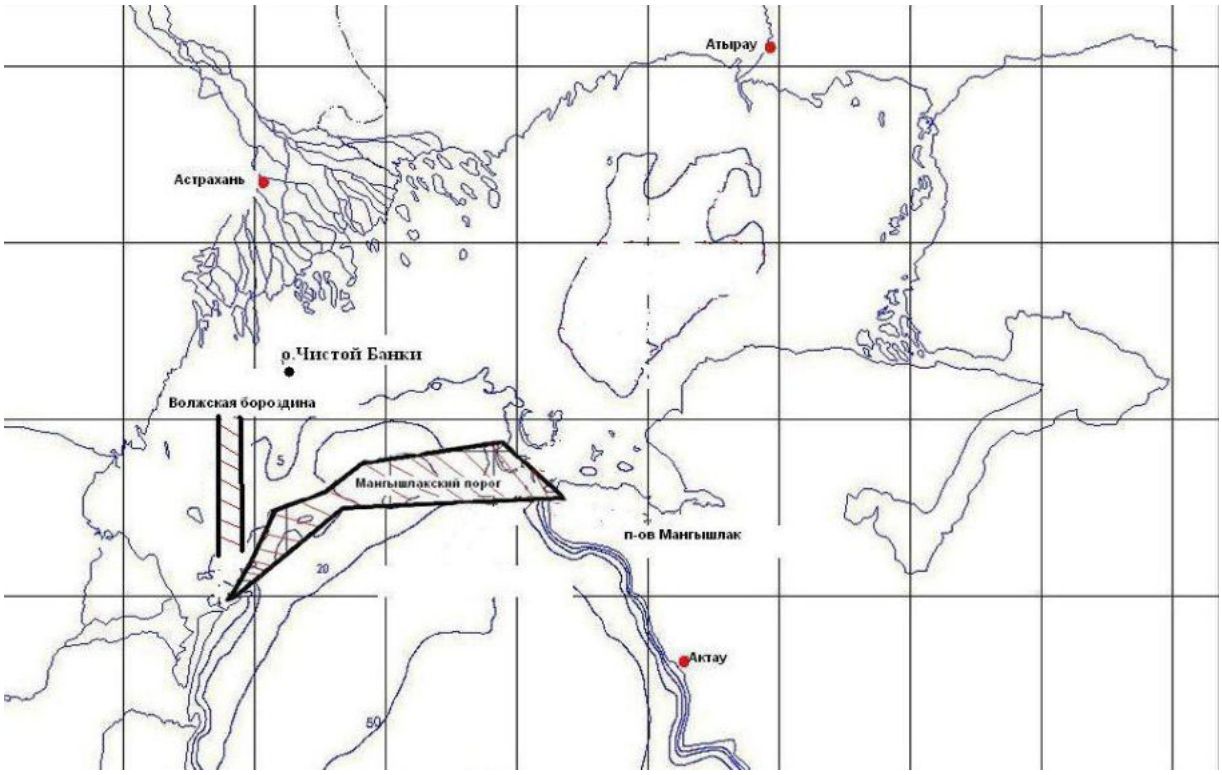


Рис. 3. Наиболее перспективные места для археологических исследований в Северном Каспии

Найдены письменные свидетельства о гибели или авариях судов в Северном Каспии во время морских экспедиций в период с начала XVIII – по начало XIX в.[2]

Автором составлены карты Каспийского моря, на которых нанесены места обнаружения археологических объектов (рис. 2) и перспективные места для поисков древних артефактов на морском дне (рис. 3).

Одним из наиболее перспективных мест для поиска археологических памятников на Каспии является Мангышлакский порог, представляющий собой цепь банок северокаспийского мелководья пересекающих море с запада на восток. Ученые предполагают, что в древности Мангышлакский порог, соединял полуострова Мангышлак (Казахстан) и Аграханский (Дагестан), т. е. территории Казахстана и Северного Кавказа. При подъеме уровня моря банки Мангышлакского порога, как и поверхности бэровских бугров в Астраханской области не затапливались, оставаясь своеобразными «островками суши», которые люди «обживали», устраивая на их поверхности могильники и поселения[3].

Предположение, что эти банки были заселены людьми в древности, подтверждают находки эпохи неолита на острове Кулалы, входящего в состав Мангышлакского порога. Во время мангышлакской регрессии Тюленьи острова были соединены с материком и находились в пресноводной зоне, возможно, в непосредственной близости от устьев рек, впадавших в море с севера. Именно в это время был заселен этот район. На наличие здесь в далеком прошлом пресной воды указывают найденные здесь слои раковин пресноводных моллюсков. В связи с начавшимся подъемом уровня моря, острова были покинуты обитателями и на несколько столетий скрылись под водой[4]. Ученые предполагают, что по Мангышлакскому порогу, затопленному в настоящее время Каспием сарматские племена в III в. до н.э. могли проникнуть на п-ов Мангышлак и плато Устюрт, где оставили свои каменные изваяния[5]. Этим же путем с территории Кавказа на Мангышлак проникли последователи зороастризма,

[1] Материалы по истории деревянного судостроения XVIII–XIX вв. М., 1991. С. 40.
[2] Бухарицын П. На Каспии найдено древнее судно // Факел. 2000. № 1. С. 70–76.
[3] Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 156–176.
[4] Мелентьев А. Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия. КСИА. М., 1978. Вып. 153. С. 102.
[5] Галкин Л. В молчанье каменном разгадка может быть… // Знание – сила. 1988. № 4. С. 95–99.

построившие здесь Дахму (Башню смерти)[1]. По мнению мангистауского археолога А.А. Астафьева в архитектуре подземные мечетей, храмов и некрополей Мангышлака: «Шакпак-ата», «Уш-Там», «Кенты-Баба», «Султан-эпе», датируемых IX–XII вв.. «проявляются следы» зороастрийской культуры[2].

Следующий интересный объект – Волжская бороздина – затопленный участок речной долины, располагающейся на продолжении реки Волга. Она выделяются глубинами на 3–4 м большими, чем прилегающие к ним пространства. Волжская бороздина – протодельта Волги расположена моря между банками Песчаной и Жемчужной[3]. Учитывая, что данная бороздина – это проторусло крупнейшей реки Прикаспия и историческую тягу древних людей к источникам пресной воды (соответственно к берегам рек, озер и водоемов), можно утверждать, что берега этой бороздины и примыкающие к ним участки могли быть заселены людьми в периоды регрессий моря.

Таким образом, можно считать, что территория Северного Каспия является перспективной зоной для поисков и обнаружения археологических объектов. В настоящее время в российском секторе моря начинается добыча углеводородного сырья без предварительных исследований участков месторождений археологами, что может привести к разрушению невыявленных археологических памятников.

В целях предотвращения разрушения древних объектов на территории месторождений углеводородов, нефтегазовым компаниям следует закладывать средства на археологические исследования территорий месторождений с использованием вышеназванных аппаратов и приборов. А при расшифровке картограмм поверхности дна и структуры толщи грунтов шельфа необходимо в качестве экспертов привлекать историков и археологов.

Дно на большей части акватории Северного Каспия – ровное и пустынное, и с помощью современных телеуправляемых подводных роботов будет несложно обнаружить на его поверхности затопленные древние объекты. Также существуют гидроакустические приборы и устройства: гидролокаторы, эхолоты, профилографы, позволяющие выявлять древние объекты, в том числе и в толще грунтов дна.

С.А. Котеньков
(Каспийский филиал Института океанологии РАН, г. Астрахань),
О.Ю. Котенькова
(МОУ «Гимназия № 3», г. Астрахань)

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫЧЕСТВА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ «МАЯЧНЫЙ-I-II» – ЗОЛОТООРДЫНСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДИЩА В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблемы мусульманизации населения золотоордынских городов привлекает пристальное внимание исследователей. В этой связи представляют интерес крупные по количеству захоронений грунтовые могильники «Маячный-I», «Маячный-II» (далее «М-I», «М-II»), являющиеся некрополями Красноярского золотоордынского городища. Памятники расположены на бэровском бугре «Маячный» в окрестностях с. Красный Яр Астраханской области. В ходе археологических исследований проведенных экспедицией под руководством Котенькова С.А. в 1991–1996 гг. на могильниках было исследовано 56 захоронений, среди которых отчетливо прослеживаются черты домусульманского погребального ритуала, связанного с древней языческой религией племен, вошедших в состав населения данного городища[4].

[1] Муса Сатаев. Здесь был Заратустра. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1073724300.
[2] Мангистау является «благословенной богами землей». URL: http://sverhvozmocznosti.hoter.ru/blog/1389/5054.
[3] Леонтьев О. К., Маев Е. Г., Рычагов Г. И. Указ. соч.… С. 6, 9.
[4] Артемьев С. Б. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный-2» Красноярского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2102; Котенков С. А. Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный I, II» Красноярского р-на Астраханской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20630, 20631; Котеньков С. А. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный Бугор-1» в Красноярском р-не Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. – № 17655, 17656; Котеньков С. А. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный Бугор-1» в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19735, 19736; Котеньков С. А. Отчет об исследованиях грунтового могильника «Маячный Бугор-1» Красноярского района в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16787, 16788, 16789; Котеньков С. А. Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный Бугор-1» в Красноярском районе в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18395, 18396.

Отметим, что на территории Красноярского городища, судя по археологическим находкам, люди поселились еще с эпохи бронзы[1].

Не представляется возможным определить истинные размеры этих некрополей, т.к. их территория неоднократно подвергалась разрушениям со времени закладки Красноярской крепости (сер. XVII в.) и при строительстве с. Красный Яр до конца XX в.

На поверхности могильников не выявлено архитектурного оформления кладбища, не обнаружено дюрбе и каменных надгробий с орнаментацией и эпитафиями, обычных для кладбищ мусульман. Выбор этого бугра для городского кладбища в месте слияния рек Бузана и Ахтубы имеет аналогии местам расположения как нижневолжских, так волжско-окских, волжско-камских средневековых могильников, которые обычно располагались на краю берегов возвышенностей, с широким открытым видом на речные долины[2].

В выборке погребений с элементами язычества принимались те, которые не соответствовали погребальным канонам шариата (поза погребенного с доворотом на правый бок, лицом к Мекке, могила с подбоем (лядхом), обращенным в сторону киблы, отсутствие инвентаря за исключением савана)[3]. Учитывался и тот факт, что на некрополях Поволжья мусульманские могилы ориентированы головой на запад с небольшими сезонными отклонениями[4].

В захоронениях выявлены 25 надмогильных и внутримогильных конструкций, а также перекрытия из сырцового (22) и обожженного кирпича (2). Надмогильные сооружения различных видов: опорные стены по краю могильной ямы, справа и слева от погребенного (1), вдоль всех краев ямы кроме западного (5), вдоль всех краев ямы, кроме восточного (1). Две могилы имели насыпь, на которой установлена крипта из обожженного кирпича (2). Внутримогильные устройства следующих типов: опорные стены вдоль западного и восточного бортов ямы (3), вдоль всех бортов (3), вдоль всех бортов ямы кроме восточного (2), вдоль всех бортов ямы кроме западного (5). Типы перекрытий ям: двускатный свод из трех рядов кирпичей (10), перекрытие из кирпичей, установленных пастелями друг к другу поперек погребальной камеры (4); перекрытия подбоя: плоско лежащими кирпичами (1), с наклоном в сторону подбоя (1).

Некоторые могильные ямы имели грунтовые ступеньки: вдоль всех стен, кроме западной (3), вдоль всех стен, кроме южной (6); вдоль всех стен, кроме северной (1); вдоль всех стен, кроме восточной (1); вдоль длинных стен, (2); ямы с 2-мя грунтовыми ступеньками вдоль всех четырех стен (1), одной грунтовой ступенькой вдоль северной стенки ямы, слева от погребенного (2); вдоль северной стенки ямы, справа от погребенного (2); вдоль восточной стенки ямы, справа от погребенного (2). Обнаружены подбои в южном (3) и северном бортах ям (2).

В 13 захоронениях обнаружены фрагменты деревянных плах перекрытия, остатки гробовищ в 15 могилах.

Учитывая сезонный характер отклонений, авторы объединили 23 захоронения в одну группу с южным направлением ориентировки костяков: 16 – ориентированных головой на юг (рис. 1/1–4,); 6 – на юго-юго-восток (рис. 1/10); 1 – на юго-восток (рис. 1/5). С восточным направлением ориентировки костяков объединено в одну группу 25 захоронений: 19 – ориентированных головой на восток (рис. 1/6,7; 2/2); 6 – на северо-восток (рис. 1/8). В группу с западным направлением ориентировки костяков объединены 8 погребений: 7 – ориентированных головой на запад (рис. 1/9, 2/3); 1 – на запад-юго-запад[5].

Вероятно, для разных этнических групп могли сохраняться присущие им традиции в оформлении ориентировки погребенных. Не представилось возможным, выявить места компактных погребений с южным направлением ориентировки. Но на отдельных участках могильника удалось установить места компактных захоронений с восточной ориентировкой костяков. К сырцовому мавзолею (раскоп № 1, «М-II», 1995 г.) содержавшему склеп-крипту (рис. 2/1, 4) с богатым захоронением (№ 51), ориентированным головой на восток (рис. 2/2) были пристроены камеры из сырцового кирпича: с северо-востока (№ 53) и севера (№ 54), в которых исследованы костяки с аналогичными ори-

[1] Котеньков С. А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области// Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневекой истории и археологии. Казань, 2004. Вып. 4. С. 153; Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. Откуда ты мой предок? // Факел Прикаспия. 2003. № 1. С. 21–23.

[2] Ефимова А. М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Нижнего Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 25.

[3] Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X–XIII вв. Казань. 1986. С. 45–46; Хисмадулин А. А., Крюкова В. В. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997. С. 85.

[4] Халикова. Е. А. Указ. соч. С. 47–48

[5] Иллюстрации планов и разрезов погребений приведены выборочно.

ентировками. К западу от мавзолея выявлены еще 4 захоронения (№ 48, 50, 52, 58) также с восточным направлением ориентировки.

Больше ни на одном из нижневолжских городских некрополей Золотой Орды не выявлено такого количества погребений с восточной и южной ориентировками костяков. В южнорусских степях известна большая группа захоронений с восточной ориентировкой костяка, которую датируют XIII в. и считают половецкой. Южную ориентировку связывают с кочевниками, пришедшими вместе с татаро-монголами, а ее распространение в нижневолжских степях приходится на золотоордынское время[1]. Погребения с аналогичными сырцовыми конструкциями, в том числе с южной и восточной ориентировками костяков, обнаружены в окрестностях золотоордынского города Укек Саратовской области[2].

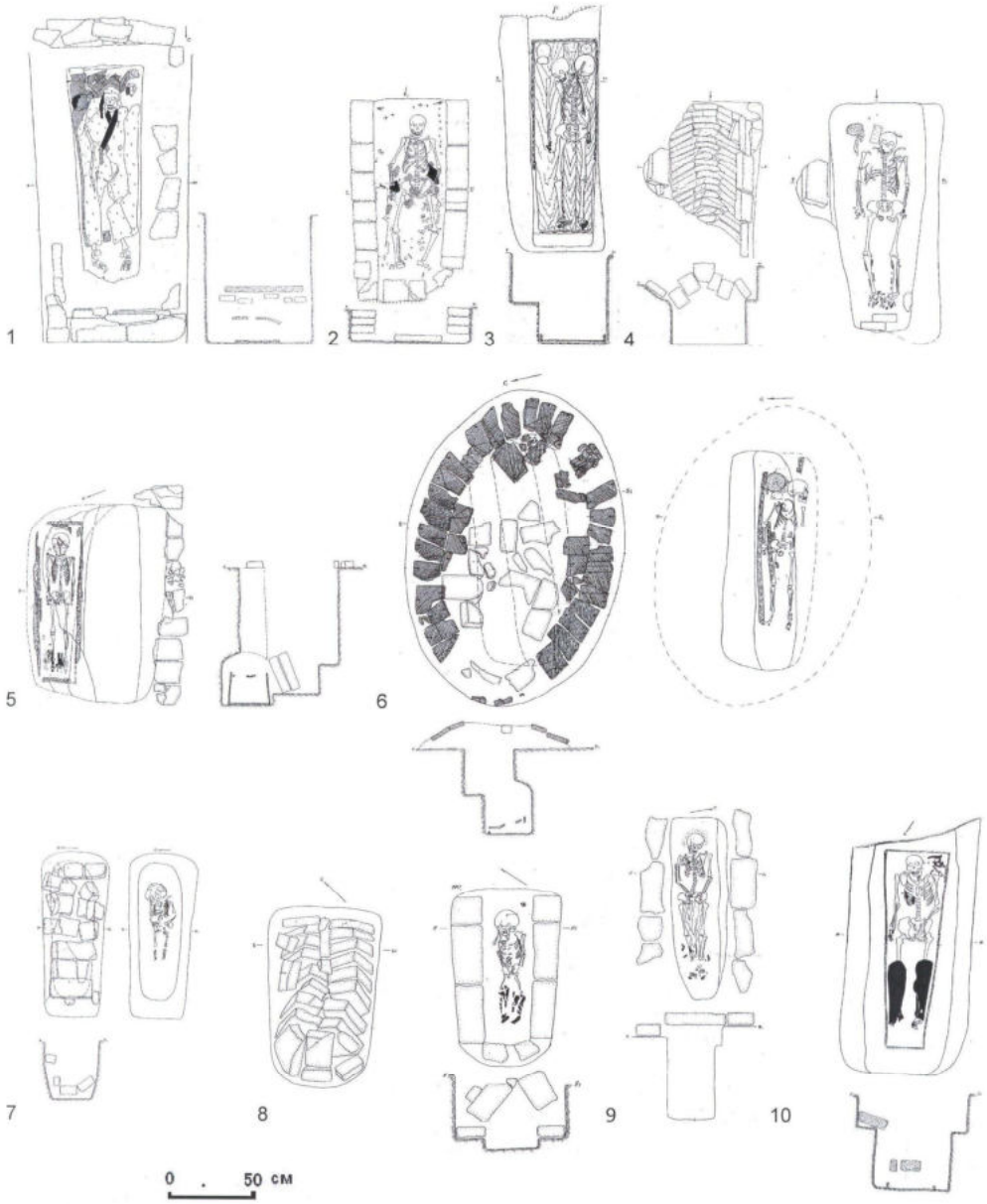


Рис.1 . Планы и разрезы погребений: 1 – № 93; 2 - № 94; 3 - № 101; 4 - № 103 («М-I»); 5 - № 49 ; 6 - № 50; 7 - № 54 («М-II»); 8 - № 190; 9 - № 162; 10 - № 163 («М-I»)

[1] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 147; Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1989. С. 218, 219, 223.

[2] Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 139; Степи Евразии… С. 233.

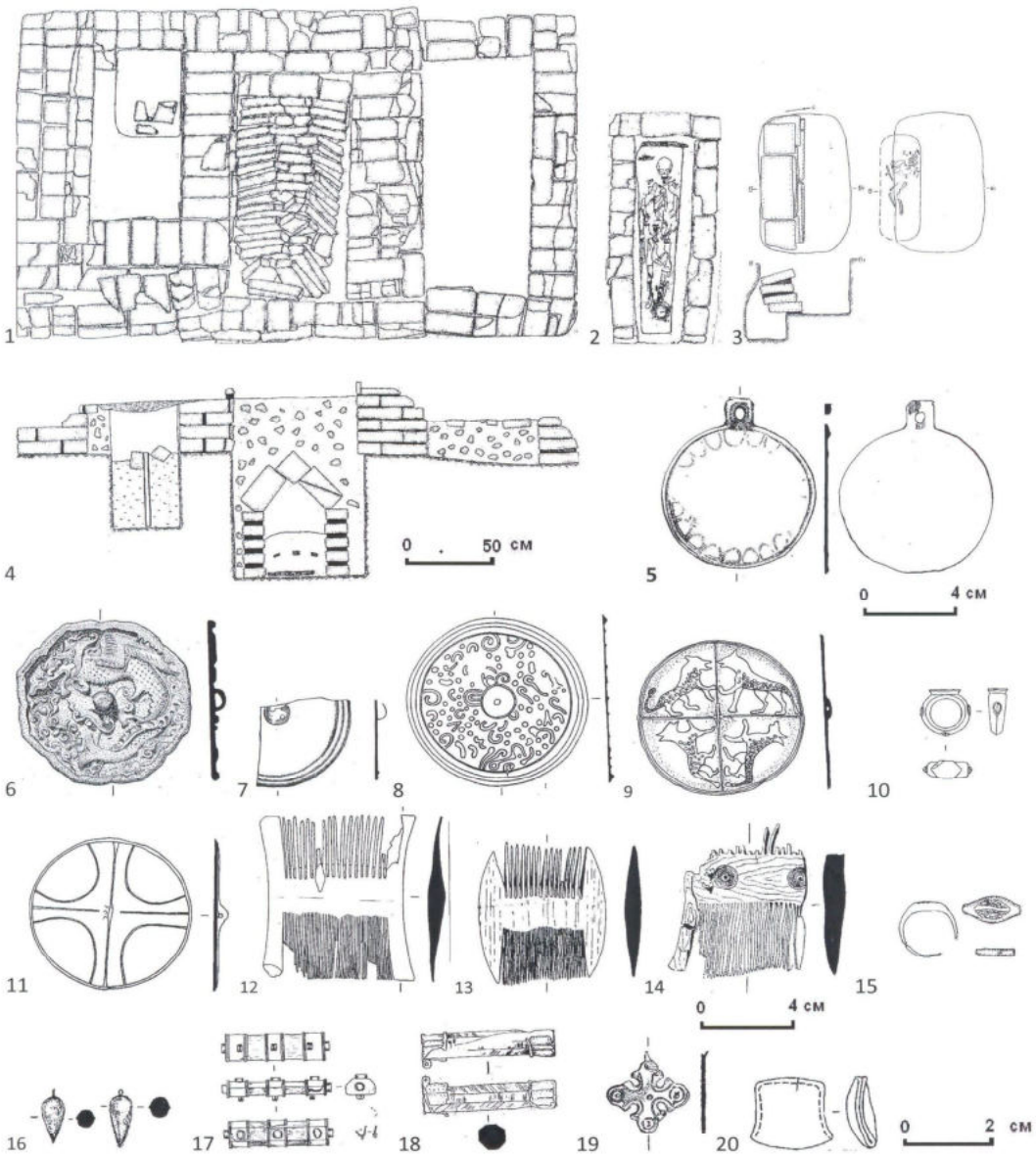


Рис.2. Сооружение 1(«М-II»), 1 - план, 4 – разрез; планы и разрезы погребений: 2 - № 51(«М-II»), 3 - № 208 («М-I»); находки из погребений: 5-8, 15, 18, 19 – белый металл, 9,16, 17 – бронза; 12, 14 – дерево; 20 – кожа; 13 – кость; 10 – сердолик.

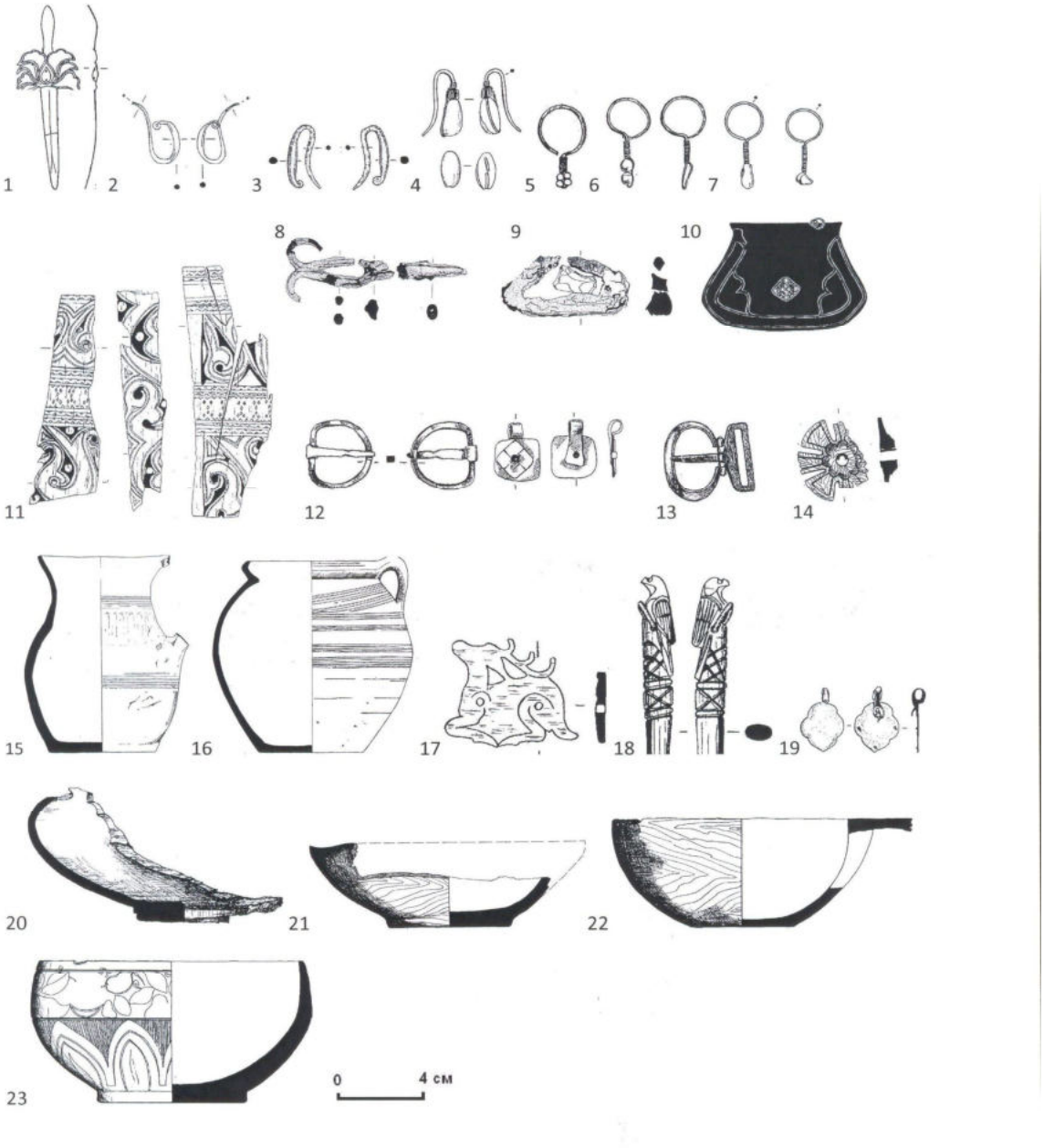


Рис.3. находки из погребений: 1, 2, 3, 4, 7, 19 – белый металл; 12, 13 - бронза; 5 – медь, 6 – золото; 8, 9 – железо; 11, 17, 18 – кость; 15, 16 – керамика; 14, 20 – 23 – дерево.

В четырех захоронениях найдены кости барана – заупокойная пища. В засыпях ям трех погребений выявлены остатки тризны: зольник, кости барана, птицы и лошади.

По одному случаю зафиксированы угли под гробом (№ 93 («М-I»)) и кальцинированные кости на дне ям (№ 94 («М-I»)). Кочевнические погребения из Южного Приуралья с юго-западной ориентировкой костяка и с углями в могильной яме, с деревянными колодами засыпанными золой из Оренбуржья, датируются XIII–XIV вв[1].

Пять детских погребений содержали семена культурных растений: винограда, проса, дыни.

В 8 женских погребениях обнаружены остатки головного убора – бокки, в двух – халаты. Высокий уровень изготовления тканей этих халатов, тип орнаментации свидетельствуют, что местом их

[1] Котеньков С. А. Средневековые погребения… С. 156.

изготовления является Китай[1]. Эти погребения характеризуются богатым инвентарем[2]. Судя по сохранившимся в погребениях фрагментам ткани, бокку носили в комплекте с шелковой шапочкой. Поверхность бокки обтягивалась шелковой тканью, штампованной орнаментом из золотых нитей (№ 51, «М-II»), украшалась нашивками из медной проволоки и речного жемчуга (№ 224, «М-I»), деревянными цветками (№ 51, «М-II»), (№ 106, «М-I», рис.3/14), подвеской, основу которой составлял брусок из черного дерева в серебряной оправе, украшенный жемчужными вставками (№ 188, «М-I»,рис. 2/17), бронзовыми бубенчиками (№ 106, «М-I», рис. 2/16) и навершиями с позолотой. Находки бокки, вкупе с богатым инвентарем подтверждают тот факт, что женщина в Золотой Орде, несмотря на ислам, пользовалась большим почетом и равноправием. Ибн Баттута и Ал-Омари отмечали пережитки кочевнического быта и монгольского права - ясы, которая, наряду с шариатом, действовала в Золотой Орде в XIV веке[3].

Среди элементов одежды в погребениях также обнаружены: остатки кожаных сапог, железные, серебряные, кашинные пуговицы, остатки кожаных поясных наборов, железные, бронзовые пряжки (рис. 3/12, 13).

В 22 могилах найдены джучидские серебряные и медные монеты, датируемые периодом 70-х гг. XIII в. – началом II-го десятилетия XIV в.

Нумизматический материал обнаружен в 15 захоронениях с южным, в 6 – с восточным, в одном – с западным направлениями ориентировки погребенных. Из 34 обнаруженных монет – 32 серебряных дирхема и 2 медных пула.

Вызывает интерес местоположение найденных в захоронениях монет: 7 – располагались во рту погребенных, 6 – зажаты в кулаках, 4 – под головой, 6 монет располагались в матерчатом кисете на шее погребенной (№ 51(«М-II»)). Одна монета была разрублена на 3 части, одна из которых была положена в рот, две другие в руки погребенного (№ 105, «М-I»). Очевидно стремление максимально сохранить или спрятать, «держать наготове» монеты – «оболы мертвых». И с принятием ислама на данном некрополе продолжает соблюдаться данный обычай: в погребении № 44 («М-II») с западной ориентировкой костяка была обнаружена медная монета (анонимный пул, чекан Сарая, 731 г.х. (1331 г.)[4]. Этот обычай характерен для нижневолжских мусульманских некрополей Царевского и Селитренного городищ[5].

В 17 случаях зафиксированы столовые принадлежности. Два керамических сосуда, один – в засыпи ямы (под сосудом – куриное яйцо) (№ 38, рис. 3/15), другой – на дне ямы (№ 101, «М-I», рис. 3/16). Деревянная посуда: миски (№ 224, «М-I», рис. 3/20); (№ 49, «М-II», рис. 3/21), (№ 5, «М-II», рис. 5/23), ковш (№ 50, «М-II», рис. 3/22), ложки, железные ножи, с деревянными, костяными ручками, деревянными ножнами. В засыпи ямы погребения № 163 («М-I») обнаружен разбитый чигирный сосуд.

Туалетные принадлежности: деревянные (№ 51, 66, «М-II», рис. 2/12, 14), и костяные (№ 163, «М-I», рис. 2/13) двусторонние гребни, зеркала из бронзы (№ 188, «М-I», рис. 2/9), и белого (№ 93, рис. 2/5; № 101, рис. 2/6; № 106, рис. 2/7; № 224, «М-I», рис. 2/5); № 66, «М-II» (рис. 2/11) металла выявлены в 7 захоронениях.

Среди предметов быта и орудий труда обнаружены: фрагмент гончарного круга, железные иглы, рыболовные крючки, кремень, кресала (№ 163, «М-I», рис. 3/9), кожаный кошель (№ 94, «М-I», рис.3/10), в 5 погребениях – железные ножницы (№ 215, «М-I», рис. 3/8).

Украшения: серьги из белого (рис. 3/3, 4) и желтого (рис. 3/2) металлов, бляшки из бронзы и белого металла (рис. 3/19), заколка из белого металла в виде стилизованного цветка (рис.3/1), серьги в виде знака вопроса из бронзы (рис. 3/5), меди (рис. 3/6), белого и желтого металлов (рис. 3/7), украшенные речным жемчугом, сердоликовый (рис. 2/10) и серебряный (рис. 2/15) перстни, бисер, сердоликовые, стеклянные, пастовые бусы, нашивки из речного жемчуга, ожерелье из раковин каури зафиксированы в 25 погребениях.

Изделия из кости представлены: игральными кубиками (№ 109, «М-I»), и альчиками (астрагалы баранов) с битой (№ 49, «М-II»), спицами с головками соколов на концах (№ 51, «М-II», рис. 3/18), фигуркой оленя (№ 109, «М-I», рис. 3/17).

---

[1] Мамонова А. А., Лантратова О. Б., Рудаков В. Г., Савелова А. В. Исследования и реставрация золотоордынского халата XIII–XIV вв. на могильнике Маячный бугор II // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Азов, 2009. С. 307.

[2] Иллюстрации находок из погребений приведены выборочно.

[3] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 229, 288–289.

[4] Котеньков С. А. Средневековые погребения... С. 173.

[5] Ефимова А. М. Указ. соч. С. 27–28.

Среди предметов культа обнаружены: крест из белого металла (№ 162, «М-I», рис. 2/19), амулеты в виде стержня из белемнита в оправе из белого металла (№ 166, «М-I», рис. 2/18), кожаный амулетник с цветком растения (№ 188, «М-I», рис. 2/20)

Погребальный инвентарь (элементы одежды, колчан, керамическая и деревянная посуда, гребни, зеркала, железные ножницы, амулеты, рыболовные крючки, кресала, пряжки, серьги, бляшки, перстни, бусы) имеет аналогии в материалах XIII–XIV вв. из курганов кочевников и золотоордынских городских некрополей[1].

Материалы погребений подтверждают мнение о том, что в сырцовых склепах хоронили представителей высших слоев золотоордынского общества, а могилы без надгробий, в виде простых грунтовых ям выполнены для низовых социальных групп городского населения[2].

Исследователи связывают случаи сохранения элементов языческих погребальных обрядов на городских некрополях с расселением в городах степных кочевников[3]. Замечен своеобразный сплав кочевой и оседлой культур, ислама и язычества, а также элементов других вероисповеданий. Единственный элемент кочевничества – берестяной колчан с орнаментированными костяными обкладками (рис. 3/11) обнаружен в погребении 94 («М-I») в яме с опорными стенами из сырцового кирпича, с южной ориентировкой костяка. Захоронение 208 («М-I») полностью выполнено по мусульманскому обряду, но содержит запрещенный шариатом инвентарь (бисер, сердоликовые и стеклянные бусы)[4].

Погребение девочки-подростка (№ 162 («М-I»)) с серебряным нательным православным крестом (рис. 1/19) совершено в могиле с оградкой из сырцовых кирпичей, западной ориентировкой костяка, расположено среди мусульманских погребений. Об ордынском покрое ее одежды свидетельствовали три сохранившиеся голубые поливные кашинные пуговицы. Дно могильной ямы вокруг головы было усыпано множеством семечек дыни, олицетворяющих языческое представление о возрождении в потустороннем мире[5]. Несмотря на господство ислама, христианство существовало в Золотой Орде. Носителем христианства было, прежде всего, русское население, уживавшееся в городах с мусульманским, имевшее свои кладбища и церкви[6].

В XIII в. монгольская аристократия улуса Джучи была шаманистской, довольно терпимо относившейся и к христианству, и к исламу[7]. Хан Сартак (1257) исповедовал христианство несторианского толка. Берке (1257–1266), Туда-Менгу (1280–1287), Тула-Буга (1287–1290) приняли ислам, Менгу-Тимур (1267–1280), Тохта (1290–1312) были язычниками. Более прочной и глубокой была исламизация Золотой Орды, и прежде всего городов в XIV в. при Узбеке (1312–1342) и Джанибеке (1342–1351)[8].

Учитывая факты соседства захоронений с разными ориентировками костяков на одном некрополе, рядом с мусульманскими погребениями, можно предположить существование толерантности в вопросах устройства мест погребения людей различного вероисповедания. Вероятно, местное население использовало сырцовые могильные конструкции до принятия ислама, на городском некрополе существовали различные этнические или родовые участки, на начальном этапе исламизации населения допускались компактные захоронения язычников и мусульман (предположительно родственников).

Ко времени прихода в поволжские степи монголов, население этого региона уже являлось весьма пестрым по этническому составу. Известно несколько кочевых союзов, обитавших в данном регионе в домонгольское время: племена печенегов и торков (IX–XI вв.), половецкие племена, черные клобуки (конец XI–XIV вв.). В источниках фиксируется также присутствие аланов-яссов в составе городского насе-

[1] Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Нижнего Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 78; Котеньков С. А. Средневековые погребения... С. 157; Мамонтов В. И., Ситников А. В. Средневековые погребения Царевского курганного могильника. Древности Волго-Донских степей. Волгоград. 1993. Вып. 3. С. 198, 200; Недашковский Л. Ф. Указ. соч. С. 133, 136; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 58, 75,77, 78, 79, 81, 83, 87.

[2] Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 179, 180.

[3] Федоров-Давыдов Г. А. Указ соч. С. 153, 200; Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Указ соч. С. 156.

[4] Котеньков С. А. Средневековые погребения... С. 157.

[5] Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. Религиозная толерантность в Золотой Орде // Россия и Восток: проблема толерантности в диалоге цивилизаций : мат-лы IV-й Междунар. науч. конф. (3–6 мая 2007). Астрахань, 2007. С. 341, 342.

[6] Русское православие: Вехи истории / науч. ред. А. И. Клебанов. М., 1989. С. 72.

[7] Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана (1897 г.). Бартольд В. В. Соч. М., 1968. Т. V. С. 263.

[8] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 70, 71.

ления Золотой Орды. Археологические данные свидетельствуют о том, что именно Нижнее Поволжье было тем районом Дешт-и-Кыпчак (половецкой степи), где осталось больше всего монголов[1].

Золотоордынское государство представляло собой искусственно созданное объединение, включившее в свои границы конгломерат различных племен и народностей, а процесс их этнического смешения более интенсивно происходил в городах Золотой Орды.

Джучидские монеты, обнаруженные в захоронениях, позволяет выдвинуть предположения относительно возникновения Красноярского городища в золотоордынскую эпоху. Если учесть, что город Сарай был основан ханом Бату в 50-х гг. XIII в., а самая древняя монета (серебряный дирхем), обнаруженная в погребении № 62 («М-II»), датируется 1271–1272 гг., то можно предположить, что Красноярское городище является едва ли не ровесником Сарая. Нумизматический материал из захоронений подтверждает, что языческие культы в погребальных обрядах сохранялись в среде городского населения Красноярского городища до начала второго десятилетия XIV в[2].

В последней четверти XIII в. город, вероятно, уже существовал, о чем свидетельствуют монеты этого периода, обнаруженные в погребениях, а в русской традиции это городище носило название Беркезань, о котором упоминал купец Афанасий Никитин, проходивший в 1466 г. мимо него, выходя из реки Ахтубы в реку Бузан[3].

Обнаруженные погребения без надмогильных сырцовых конструкций, в т.ч. с богатым инвентарем, где практически отсутствует кочевнический элемент, свидетельствуют об изначальной оседлости населения основавшего Красноярское городище. А весь комплекс из 56 захоронений может быть отнесен к городскому некрополю и считаться раннемусульманским, т.е. «переходным» от язычества к исламу.

Д.А. Кубанкин
(СОМК, г. Саратов)

ЖИЛИЩЕ МАСТЕРА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА

В 2008 г. археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством старшего научного сотрудника Д.А. Кубанкина были продолжены археологические раскопки на северо-западной окраине Увекского городища. Общая площадь раскопа составила 205 кв.м. Зафиксировано 4 объекта, два из которых относятся к золотоордынскому времени: жилище и водоем. Жилище частично сползло по склону. Сохранившаяся его часть была раскопана полностью. Предварительные итоги изучения этой постройки излагаются в данной публикации.

Общая площадь дома неизвестна, т.к. его юго-восточная часть сползла по склону. Размер выявленного на уровне материка пятна 11,20 х 1,04–3,68 м. Общая площадь сохранившейся части котлована – около 28 кв. м. Он вытянут по линии СВ-ЮЗ. Вход с запада в виде плавно спускающегося дромоса.

О перекрытии постройки двускатной крышей свидетельствует расположение крупных столбовых ям по центральной оси котлована. Крыша вытянута по линии ЮЗ-СВ на 12,5 м. Наиболее массивными представляются столбовые ямы 1 и 10. На краях жилища – яма 17 и ямы 18 и 19. Возможно, для опоры кровли служили ямы 8 и 9.

На четырехметровой линии между ямами 10 и 17 для поддержания кровли необходим как минимум еще один столб. Наиболее подходят для этой роли две столбовые ямы (8 и 9), которые несколько отклонены к северу от линии кровельных столбов, но вполне могли бы под небольшим наклоном удерживать кровлю в качестве пасынка и подпасынка. С юго-западного края, со стороны входа в жилище, располагался еще один кровельный столб с подпасынком: ямы 18 и 19. Они располагались к юго-западу от входа в жилище, т.е. крыша полностью накрывала вход над жилищем, образуя подобие козырька. После снятия пласта 0-20 они просматривались на поверхности как каменная выкладка вокруг каждой из ям. На юго-западном крае жилища по линии кровельных столбов наблюдается слишком большое расстояние (4,20 м) между столбовыми ямами 18–19 и 1. По аналогии с СВ краем жилища можно предположить, что здесь также располагался опорный столб, несколько смещенный от оси кровли к югу. Его следы не обнаружены, поскольку данная часть жилища сползла по склону.

[1] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 24–33; Федоров-Давыдов Г. А. Указ соч. С. 9, 133–208.
[2] Котеньков С. А. Средневековые погребения… С. 158.
[3] Там же. С. 157.

Таким образом, общая длина кровли по расстоянию между крайними столбовыми ямами составляет 12,50 м. Опорные столбы были установлены по линии в среднем через 2 м. Планиграфия жилища указывает на расположение кровельных столбов в линию по центру жилища, с некоторым смещением от центрального прохода в сторону северной суфы. Следовательно, эти столбы поддерживали конек двускатной крыши. Учитывая, что крайний ЮЗ столб выходил за пределы входа, можно предположить, что крыша образовывала над входом навес. Сохранился фрагмент рухнувшей внутрь деревянной стены размером 2,0 х 0,45–0,80 м. Это многослойный деревянный щит, который крепился к вкопанным в землю столбам и был обмазан с двух сторон глиной. Крупные участки обожженной глины встречались внутри жилища на расстоянии до 2,2 м от края стены. Разбор этой конструкции показал, что стена состояла из каркаса в виде продольных плах, на которых с внутренней и внешней стороны крепились поперечные доски и плахи. Внутреннее пространство было заполнено землей с комками глины. Здесь же найдены сломанный железный нож, фрагмент глиняного тигля и фрагмент крупной глиняной трубы с закопченными внутренними стенками. Снаружи стена имела тонкую глиняную обмазку, перекрывавшую дерево. Внутри обмазка глиной была более толстой. Судя по нивелировочным отметкам верхней и нижней части завала деревянной конструкции, толщина стены составляла 20–30 см. Стена крепилась к столбам. При этом каркас стены был незначительно заглублен в землю, поскольку следов ее крепления в материке, за исключением столбовых ям, не наблюдалось.

Можно предположить, что столбовыми ямами для стен служили ямы 2–5,7 и, вероятно, ямы 13 и 16.

Таким образом, стена представляла собой многослойный деревянный щит с заполнением внутри, обмазанный с обеих сторон глиной, общей толщиной не менее 20 см и высотой не менее 1,4 м. По столбовым ямам и завалу стены удалось наметить северо-западный угол жилища. Северная стена прослеживалась по столбовым ямама на 4 м, по столбовым ямам и завалу стены – на 5,8 м, западная, по столбовым ямам – на 2,3 м. Примечательно, что котлован жилища и стены по абрису не совпадают, некоторые столбы располагаются за линией котлована.

Углубление котлована в материк было связано с постройкой суфы, а точнее, с экономией при ее постройке. По центру жилища в материке центральный проход был прокопан таким образом, что прилегающая к нему лежанка возвышалась над полом на 40–50 см. Дымоходов внутри нее не обнаружено, поскольку материк на этом участке состоит из комковатого суглинка оползневого происхождения и его рыхлая основа не допускает никаких конструкций внутри суфы. Лежанка прослеживается вдоль северной стены. Ее ширина составляет в среднем 1,5 м. Противоположная часть жилища сползла по склону, поэтому нет никакой информации о наличии или отсутствии суфы у южной стены. Общая площадь прослеженного нами жилого участка дома – 20 кв. м (5 х 4 м). Изначально эта площадь была гораздо больше. На поверхности северной суфы зафиксированы ямы различных размеров и конфигураций, назначение которых не установлено.

Вход в жилище располагался с западной стороны и представлял собой углубленный в материковую породу узкий тамбур, наклоненный в сторону жилища. Его размеры в сохранившейся части – 0,76 х 1,34 м. Глубина от материковой поверхности до уровня дна жилища – около 1 м. Примечательно, что тамбур смещен относительно контуров всего жилища. Это отдельный прямоугольник, располагавшийся не по центру жилища, а с северо-западного края. Вероятно, подобное расположение позволяло несколько уменьшить сквозняки в доме. Вход в построенный возле склона дом мог располагаться только параллельно склону. Со стороны крутого склона (с юга) вход не был возможен. С северной стороны углубленный в землю тамбур находился бы на пути стока дождевых и талых вод, и жилище постоянно бы затапливало. Расположение входа с западной стороны снижало опасность затопления. Примечательно, что уровень пола внутри жилища был примерно на 30 см выше уровня входа. Вода внутрь дома не поступала, а скапливалась в коридоре и, вероятно, стекала вниз по склону, т.к. пол тамбура на участке длиной 80 см был примерно на 40 см наклонен в сторону склона.

Никаких следов стен у тамбура не зафиксировано. Вероятно, они начинались после тамбура. Здесь идет сужение участка центрального прохода через жилище, сюда же подходит линия столбовых ям западной стены. Дверь могла располагаться не в начале, а в конце дромоса. При этом углубленный ход располагался под навесом, о чем свидетельствует ось столбовых ям перекрытия, заканчивающаяся ямами 18 и 19 на расстоянии 1,3 м от начала входа.

Рис. 1. Раскоп II (2008 г.)

В северо-западном углу тамбура, возле предполагаемой западной стены, был зафиксирован развал глинобитной печи с округлыми контурами. Устье, вероятно, было обращено на юг, глубина от дна топки до устья – 31 см . Конструкция выкопана в материке. На оставленных материковых заплечиках возводился свод печи из камней, фрагментов сырцовых кирпичей и обожженной глины.

Под печи был выложен из камней и крупных фрагментов красноглиняной неглазурованной посуды, преимущественно стенок. Обнаружено 32 крупных фрагмента. На поду лежал плотно утрамбованный слой темно-серой супеси с вкраплениями мелких комков серого суглинка, золы и древесного угля. В этом слое встречались многочисленные кости животных и рыб, преимущественно в южной половине. Под располагался на уровне пола жилища. На дне топки зафиксировано большое скопление золы, фрагментов красноглиняной керамики, костей животных и рыб, фрагменты древесины, ветки березы с корой.

Исходя из полученных в результате раскопок печи данных, можно восстановить ее конструкцию. Печь располагалась у входа в жилище, предположительно с наружной стороны. Круг в основании пода, диаметром 60 см, поднимался сводом высотой около 60 см. Топочное отверстие было обращено на ЮЮВ.

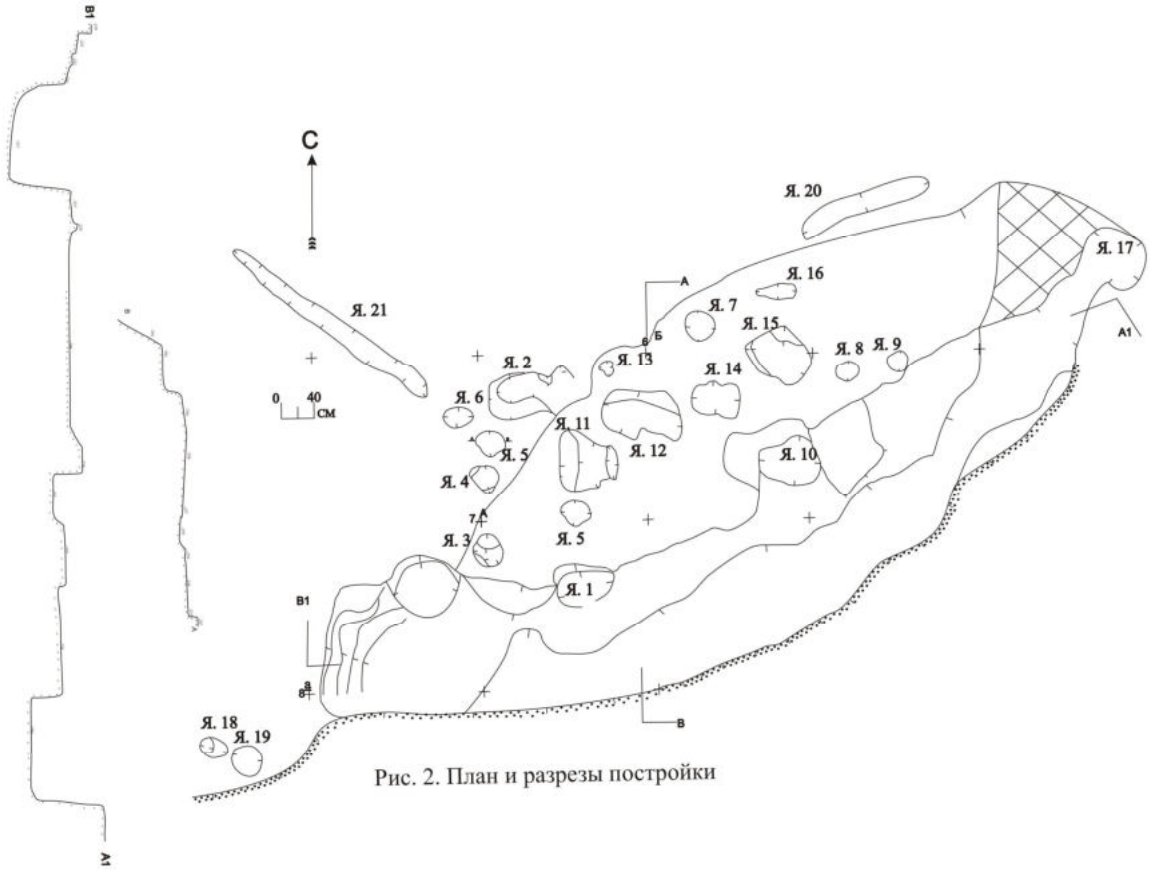


Рис. 2. План и разрезы постройки

Топка круглой формы имела глубину 25–30 см. При строительстве печи в материке был вырыт округлый котлован, спланирована глубина топки. На заплечики выложен каменный контур будущего каркаса, на котором затем возводился свод печи преимущественно из сырца. Под был выложен из крупных фрагментов стенок красноглиняных неглазированных сосудов. Вероятно, после разрушения жилища свод печи рухнул внутрь и пробил ее под, обрушившись до дна топки. Устройство печи вне жилой части, но под навесом, исключает возможность отопления жилища данной конструкцией. Печь могла служить для приготовления пищи в летнее время. Никаких следов ее ремесленного использования не зафиксировано, зато в большом количестве встречались кости животных. Сооружение печи из подручного материала свидетельствует об определенной бедности ее владельца.

Северо-восточная половина жилища была потревожена поздним перекопом, поэтому уставить точные границы стен на этом участке не удалось. Примечательно, что после столбовых ям 9, 16 в северо-восточном направлении встречается только яма 17, которая поддерживала конек крыши. Практически на одной линии со столбовыми ямами крыши (яма 8, 9) и стены (яма 16) на уровне центрального прохода вновь наблюдается материковая перегородка, сходная с перегородкой у западного входа. Возможно, здесь заканчивалась жилая комната или все жилище. В этом случае длина жилой комнаты по условной линии З-В составляла около 5 м. Вместе с тем, после материковой перегородки наблюдается продолжение суфы и прокопанного в материке прохода, но не наблюдается следов столбовых ям, кроме ямы 17. Не исключено, что эти следы были уничтожены в результате позднего пере-

копа, но наиболее вероятным представляется, что здесь располагалось рабочее место мастера, перекрытое навесом и, возможно, какими-то легкими щитовыми конструкциями стен.

О работе здесь мастера свидетельствует наличие многочисленных осколков глиняных тиглей, на которых среди ошлакованных потеков обнаружены фракции высокопробного серебра не ниже 950 пробы. Скопление битых тиглей прослеживалось на северо-восточной окраине жилища. После снятия пласта 0-20 этот участок выглядел как выступ 40 х 40 см.

Среди находок в условно выделенной нами жилой части дома следует отметить 4 стеклянные и фрагмент бракованной перламутровой бусины вокруг столбовой ямы 10, фрагменты выделанной кожи по всей площади жилища, крупный фрагмент стенки с венчиком кашинной чаши возле столбовой ямы 10, медный пул хана Абдаллаха (перечеканка) здесь же, медный пул Хызр-хана, Гюлистан, 7(62?) г.х. возле ямы 5.

Количество фрагментов поливной посуды было существенно меньше числа неглазурованных фрагментов, а число кухонной посуды превосходили количество парадной. Судя по этому, в доме проживал небогатый человек. Большое количество фрагментов тиглей с остатками серебра позволяет предположить, что он занимался ювелирным делом. При внутренней отделке он использовал вторичный материал в виде фрагментов обожженного кирпича с известью, при возведении печи у входа использовался дешевый подручный материал: камни, глину, битую посуду, сырцовый кирпич. Он старался экономить и на возведении стен, и на сооружении суфы. Выкопанная в материке суфа, уменьшала затраты на строительство, стены возводились не от уровня пола, а от уровня суфы, что также сокращало затраты. Дом был построен на пустыре, на северо-западной окраине, в относительной близости от мусульманского некрополя. В тоже время он располагался неподалеку от одной из оживленнных улиц возле въезда в город. Судя по нумизматическим находкам, жилище существовало в 1360-е гг. и погибло от пожара не ранее времени чеканки монет хана Абдаллаха в Поволжье, предположительно, в конце 1360-х гг. Не исключено, что гибель дома связана с событиями гражданской войны в Золотой Орде. Пожар начался изнутри жилища. После него весь пригодный для использования материал был разобран, а сам участок более не застраивался.

Н.П. Курышова
(ВГПУ, г. Волгоград)

НАЗНАЧЕНИЕ БУС В КОСТЮМЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОЧЕВНИКА

Территория Нижнего Поволжья издревле была «коридором народов» для кочевого населения Евразийских степей, которое оставило здесь многочисленные памятники, преимущественно погребальные – курганные могильники. В середине XIII–XIV вв. эта территория становится центром мощного государства Джучидов – Золотой Орды. Это было новое, очень крупное «вливание» кочевого населения в этническую картину региона. За этот период в столичной зоне Нижнего Поволжья концентрируются многочисленные погребальные памятники монголо- и тюркоязычных кочевников, в которых бусы становятся массовой категорией находок.

Будучи одними из самых распространенных украшений, бусы помогают составить представление о моде и костюме эпохи. Бесчисленные подвески и пронизи, входящие в состав ожерелий, проясняют вопросы, связанные с изучением культов, идеологических представлений и обычаев кочевого населения. Как в женском, так и в мужском костюме ордынского времени было распространено использование бус в качестве подвесок-оберегов. Иногда из них составляли наборы или ожерелья. В составе ожерелья, как правило, встречаются различные амулеты, приносящие богатство, защищающие от зла и делающие женщину более плодовитой. Бусины не всегда напрямую связаны с костюмом, то есть они выступают в качестве украшений надеваемых сверху, за исключением бус которые нашивались на обувь, кошелек или головной убор.

В женском костюме золотоордынского времени наиболее ярко украшены бусами головные уборы. Их расшивали желтым, синим и белым бисером, украшали перламутром, жемчугом, бусинами из сердолика (или стекла коричневого цвета), а также бусами синего или бирюзового цвета. Женские головные уборы были настолько своеобразны, что привлекали внимание практически всех иностранцев. Поэтому, следует обратить внимание на сообщения средневековых путешественников, послов и купцов, посещавших Золотую Орду в XIII–XIV вв. внешний вид и украшения моголов достаточно подробно описаны в книгах Плано Карпини, Гильома Рубрука, Ибн Батуты и некоторых других авторов.

Наиболее полное описание женского головного убора дано Гильомом Рубруком: «они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или другого материала, ко-

торый они могут найти, как более легкий, и то украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине, над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или тонких тростинок длиною также в локоть и более. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение поверх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для этого отверстие. Сюда они прячут волосы свои, которые собирают сзади кверху головы как бы в один узел и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком»[1].

По-видимому, такие же головные уборы видел и Ибн Батута, только называет он их не боккаами, а бугтаками: На голове хатуни – бугтак, т.е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху[2]. Не исключено, что близкие по конструкции шапки носили в начале XV в. при дворе Тимура. Во всяком случае, их описание, данное Руи Гонсалесом де Клавихо, во многом совпадает с описанием Гильома Рубрука. Причем, судя по контексту, такие головные уборы носили многие придворные дамы и жены Тимура. «Лицо Биби-Ханым было закрыто белой легкой тонкой тканью, а на голове как бы шлем из красной материи, похожий на те, в которых сражаются на турнирах, и эта ткань слегка ниспадала на плечи. А этот шлем очень высок и на нем было много крупного светлого и круглого жемчуга, много рубинов, бирюзы и других камней, очень красиво оправленных. Покрывало, ниспадающее на плечи, было расшито золотом, а наверху был очень красивый золотой венок со множеством камней и крупного жемчуга... Верх всего украшал большой султан, высотой в локоть, и от него некоторые перья падали вниз, а другие – до лица и доходили иногда до глаза»[3].

Все авторы единодушно утверждают, что бокки или бугтаки носили только замужние женщины. Что же касается головных уборов девушек и молодых женщин, то описаны они поверхностно. Ибн Батута сообщает, что девушки, входящие в свиты состоятельных хатуний, носили «шапочки похожие на колпак, с золотым венчиком наверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ним[4]. Плано Карпини отмечает лишь то, что «молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины»[5]. Таким образом, мужчины и девушки в Золотой Орде носили какие-то особые шапки типа колпаков, а головные уборы замужних женщин имели очень сложную конструкцию[6]. Все путешественники отмечают тот факт, что и шапочки и бокки богато украшались драгоценными камнями. Головной убор являлся одним из главных элементов монгольской женской одежды и, кроме практического применения, определял социальное положение женщины в традиционном обществе, ее этнокультурную и территориальную принадлежность. В связи с тем, что головные уборы были наделены религиозно-магической символикой, – функция их определялась защитой здоровья женщины[7], – все бусы, которые использовались для их украшения, должны были обладать исцеляющей и защищающей силой.

Для мужского ордынского костюма характерно использование крупных синих или бирюзовых бусин в качестве креплений ремешков для предметов вооружения. Выше уже было сказано о том, что бирюза считалась камнем победы.

Бусы также служили застежками для одежды, украшением кошелька или обуви. Для этого использовались бусы различных типов и цветов, которые добавляли яркости однотонной основе изделия. В связи с этим интересно сообщение Ибн Батуты, который упоминает отроков одетых в одежду убранную драгоценными камнями[8]. А широкие торговые связи Золотой Орды и вера в целительные способности камней способствовали тому, что в мужском костюме в качестве пуговиц встречаются бусы из сердолика или красно- коричневого стекла. В качестве застежек для кафтана так же использовались бусины из голубого фаянса. Не исключено что они могли заменять пряжки, о которых гово-

[1] Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1993 С. 86.
[2] Из описания путешествий Ибн Батуты // Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 131.
[3] Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406 гг.). М., 1990. С. 27.
[4] Ибн Батута. Из описания путешествий Ибн Батуты // Золотая орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 134.
[5] Плано Карпини. История монголов // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 27.
[6] Мыськов Е. П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. С. 57.
[7] Зубов С. Э. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара, 2000. Т. 1. С. 45.
[8] Из описания путешествий Ибн Батуты // Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. С. 135.

рит Плано Карпини. При описании кафтана путешественник указывает на то, что «сверху донизу они разрезаны, и на груди запахивается, с левого бока застегивается одной, а на правом тремя пряжками»[1].

Как в женском, так и в мужском костюме ордынского времени распространено использование крупных орнаментированных бус в качестве подвесок, с той лишь разницей, что у женщин они синего цвета (охранная символика его известна), а у мужчин чаще черного (видимо, как символ воинственности, хотя глазчатые бусы сами по себе уже являлись оберегом). Так же, и в женских, и в мужских погребениях XIII–XIV вв. встречаются серьги или подвески «в виде знака вопроса» с жемчугом или белыми стеклянными бусами на конце. Сакральное значение белого цвета и жемчуга для монголов и частая встречаемость их в украшениях свидетельствуют о стремлении заручиться поддержкой добрых сил.

Таким образом, бусы в монгольском костюме очень важны. Они не только украшают костюм кочевника золотоордынского времени, выполняя эстетическую функцию, но и являются различного рода оберегами.

Н.А. Лифанов
(САГМУ, г. Самара)

ЕЩЕ РАЗ О «СЛАВЯНАХ» НА ВОЛГЕ И АРАБСКОМ ПОХОДЕ НА ХАЗАРИЮ

События похода 737 г. в Восточную Европу арабского полководца Марвана б.Мухаммада традиционно привлекают к себе внимание исследователей: пожалуй, ни один обзор хазарской истории не обходится без его упоминания. Однако, локализация его маршрута остается неясной, во многом по причине скудости данных, содержащихся в повествующих о нем исламских исторических сочинениях. В качестве основных географических ориентиров в них выступают: 1) хазарские города (ал-Байда и Самандар у Ахмада ал-Куфи и Халифы б.Хайата, Баланджар у б.Хайата и Мухаммада ат-Табари), 2) «славянская река» («нахр ас-сакалиба» у ал-Куфи и ат-Табари) и 3) некие поросшие густым лесом горы, расположенные вблизи реки (ал-Куфи)[2].

Относительно подробное изложение событий похода имеется только у ал-Куфи. У него же определяется и взаимное расположение данных ориентиров: арабская армия двигалась от первого из них к третьему с переправой через второй, и, отчасти, у ат-Табари (путь от первого ко второму). Кроме того, эти сведения дополняются фиксацией территорий проживания хазар и «ас-сакалиба». Страна первых простирается от Северного Кавказа: через Дарьяльский проход в нее вторгся со своим войском сам Марван б.Мухаммад (б.Хайат), а из Дербента выступил отряд Усайда ас-Сулами (Ахмад ал-Баладзури, ал-Куфи, ат-Табари) – до «реки славян» (по ал-Куфи, она находилась уже в «землях, расположенных за Хазарией»). «Ас-сакалиба» и «другие соседние племена безбожников» проживали на берегу этой реки, обращенному к Хазарии (рассказ о переправе через реку у ал-Куфи следует после известия о разгроме их арабами, а ал-Баладзури четко пишет, что эти «славяне» жили «в стране хазар»). Можно полагать, что «славянская река» очерчивала некий крайний предел земель, подконтрольных хазарскому кагану.

Делать какие-либо определенные выводы на основании этих данных весьма проблематично, что вызывало значительный разброс мнений по вопросам атрибуции упомянутых арабскими авторами «ас-сакалиба» и связанного с ними гидронима[3]. В отношении первого из этих вопросов важными

---

[1] Плано Карпини. История монголов // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 24.

[2] Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в. по Р.Х.). Собрал, перевел и объяснил А.Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 37–38, 75–76; Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1981. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kufi/frametext2.htm; Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия. М., 2009. Т. III. Восточные источники. С. 37, 40, 42.

[3] Поход Марвана б. Мухаммада 737 г. являлся первым историческим событием, с которым связано упоминание в источниках «реки славян». В трудах исламских историков и географов IX–XII вв. это название встречается нечасто. Специалистами признается слабое знакомство арабских авторов этого времени с реальной географией Восточной Европы и невозможность однозначного отождествления «нахр ас-сакалиба» с какой-либо рекой на современной карте, скорее вероятна ассоциация ее с целым комплексом речных путей между Причерноморьем и Балтикой (Джаксон и др., 2007. С. 121, 124, 162). Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 179; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 220–223; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 185–186; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 200–202, 206–208; Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 137; Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 161–162.

представляются выводы Д.Е. Мишина, что под термином «ас-сакалиба» в раннесредневековых исламских сочинениях понимались именно славяне[1]. В этом свете атрибуции «ас-сакалиба» как буртасов у М.И. Артамонова или смешанного тюрко-финского населения Поволжья у А.З.В. Тогана представляются ныне лишь историографическими казусами.

В последнее время к рассматриваемой проблеме наметился определенный исследовательский интерес, связанный, главным образом, с вводом в научный оборот результатов археологических исследований памятников эпохи раннего средневековья в Среднем Поволжье. К таковым относятся, в первую очередь, материалы именьковской археологической культуры.

В 1980-х гг. данная культурная общность, занимавшая значительную часть средневолжской лесостепи, была ассоциирована Г.И. Матвеевой с населением бассейнов Днепра и Вислы, продвинувшимся на Волгу с запада[2]. Исследовательница находила аналогии различным категориям и типам именьковских материалов в различных «культурах полей погребений» (зарубинецкой, пшеворской, черняховской, киевской), которые в разное время разными авторами связывались с предками ранних славян. Связь эта, однако, с позиций археологической науки остается до конца не определенной, и однозначной славянской атрибуции не получила ни одна из них. Тем не менее, Г.И. Матвеевой[3] и поддержавшим ее В.В. Седовым[4] на основании общих соображений без серьезных археологических аргументов[5] именьковское население было атрибутировано именно как славяне.

Отождествить население именьковской культуры с разгромленными в 737 г. арабами «ас-сакалиба» предложил С.Г. Кляшторный, допускавший наличие в VIII в. славянского этнического элемента на Волге еще в работе начала 1960-х гг.[6] Его версия маршрута похода 737 г. совпадает с той, что выведена в работах А.З.В. Тогана, Д. Данлопа и М.И. Артамонова – хазарская армия двигалась по левому берегу Волги, а арабская – параллельно ей по Правобережью. Различаются лишь мнения о месте решающей битвы арабов и хазар: у М.И. Артамонова это заволжская степь близ устья Большого Иргиза[7], у С.Г. Кляшторного – район севернее излучины Волги, где, по его мнению (никак, впрочем, не аргументированному) располагался хазарский город Хамлидж.

Действительно, в непосредственной близости от Самарской Луки на противоположном берегу Волги имеются залесенные возвышенности (Сокские горы). Они вполне соответствуют «чащам, долинам и горам», где, по словам ал-Куфи, спасались от арабов остатки разгромленного ими войска Хазар-Тархана. Других подобных объектов на входившем в ареал распространения именьковских памятников средневолжском Левобережье нет.

На роль «славян» в этом варианте наилучшим образом подходит многочисленное компактное именьковское население Самарской Луки[8]. Иные варианты размещения «ас-сакалиба», если следо-

---

[1] Мишин Д. Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. М., 2002. С. 308–309.

[2] Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 58, 70–71; Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 160–168.

[3] Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 74–78.

[4] Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 315.

[5] Анализ именьковских материалов, несмотря на значительные объемы полевых исследований, вообще серьезно отстает от уровня изученности синхронных культур бассейна Днепра. Можно, однако, вполне согласиться с Д.А. Сташенковым, констатировавшим факты внутренней неоднородности именькова, гетерогенности населения этой культуры и существенных отличий ее вещевого комплекса от западных памятников праславянского круга. Автор подчеркивает отсутствие на сегодняшний день однозначных решений целого комплекса принципиальных вопросов: о хронологических рамках культуры, ее этнической принадлежности и судьбах (Сташенков, 2005. С. 15–16, 46–48).

[6] Кляшторный С. Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т. I. С. 16–18; Кляшторный С. Г. Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь : мат-лы Круглого стола и Междунар. науч. семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.). Казань, 2001. С. 58–59; Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 70–71). Эту идею повторил молодой петербургский исследователь М.И. Жих (Жих М. И. Проблема локализации «славянской реки» арабской историко-географической литературы раннего средневековья и вопрос о расселении славян в Поволжье в VI–IX вв. // Ключевские Чтения-2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем : мат-лы Межвуз. науч. конф. М., 2008. URL: http://www.drevnosti.org/history/56-vostslav, полагающий, что «Марван достиг тех мест, где проживали славяне – потомки носителей именьковской культуры».

[7] Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 223.

[8] Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 129.

вать информации ал-Куфи о действиях отряда Каусара ал-Анбари[1], практически невероятны: ближайший массив именьковских памятников на Волге находится в 150 км к северу по прямой, в районе современного г. Ульяновска[2], другие – на Средней Суре и в Центральной Башкирии.

Именьковская культура прекращает свое существование не позже конца VII столетия[3]. Поднимать ее верхнюю дату до VIII и даже IX–X вв., как это делали исследователи 1950–60-х гг.[4] на уровне современных знаний оснований нет. Однако, ряд исследователей допускали сохранение реликтов именьковского населения и для периода VIII в.[5], что, собственно, и позволило С.Г. Кляшторному выдвинуть гипотезу о встрече в 737 г. арабской армией славян у самарской излучины Волги. Выглядит эта гипотеза на первый взгляд стройной и логичной. Тем не менее, при сопоставлении с археологическими материалами в ней обнаруживаются серьезные изъяны.

Так, в первую очередь это касается возможности проживания на Самарской Луке в VIII в. именьковского населения. В начале этого столетия ее территория была уже занята совершенно иным этнокультурным массивом, оставившим памятники так называемого новинковского типа. Последние имеют ярко выраженный кочевнический облик и близки материалам конца VII–VIII вв. тюркских номадов как Северного Причерноморья, так и Саяно-Алтайского нагорья[6]. Новинковские курганы в целом ряде случаев насыпаны прямо на площадках именьковских селищ[7], что скорее свидетельствует о смене населения.

В конце VIII в. происходила седентаризация средневолжских кочевников, выразившийся в появлении у них поселений, эволюции погребальной обрядности – распространением грунтовых захоронений – и изменениями в видовом составе домашнего скота. По мнению Г.И. Матвеевой, повлияли на этот процесс смешавшиеся с ними потомки именьковцев, чьи следы якобы заметны в материалах Севрюкаевского II селища на Самарской Луке[8]. Единственный аргумент в пользу этого – сходство некоторых именьковских и новинковских сосудов – не является весомым: близкие по форме лепные горшки, как признавала сама же Г.И. Матвеева[9], изготовлялись в этот же период и кочевни-

---

[1] Переправа через реку, убийство Хазар-Тархана, разгром 40-тысячной хазарской армии и возвращение с пленными в ставку Марвана – все в течение суток (ал-Куфи, 1981).

[2] Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. С. 49.

[3] Там же. М., 1967. С. 29; Генинг В. Ф. Южное Приуралье в VI–VII вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 278; Матвеева Г. И. Хронология именьковской культуры // Самарский край в истории России : мат-лы юбилейной науч. конф. Самара, 2001. С. 187; Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 54–56.

[4] Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия исторических наук. Казань, 1954. С. 44; Жиромский Б. Б. Древнеродовое святилище Шолом // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 61. С. 448; Ефимова А. М. Городецкое селище и болгарское городище у с.Балымеры Татарской АССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 111. С. 26; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. М., 1965. С. 27.

[5] Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. С. 32; Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 78–79; Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 315.

[6] Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 90–91, 93–94; Багаутдинов Р. С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 169-171; Зубов С. Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте) : автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 12–15; Лифанов Н. А. Предсалтовские и раннесалтовские памятники Южного Средневолжья (к вопросу об установлении хазарской власти в регионе) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века : мат-лы XII междунар. науч. конф. (26–31 мая 2007 г.). Ростов н/Д., 2007. С. 128.

[7] Сташенков Д. А. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып.VII. С. 268; Сташенков Д. А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 34; Багаутдинов Р. С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 85, 87; Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 13; Бражник О. И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н. А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Самара, 2000. Вып. IX. С. 188–189.

[8] Ермаков С. Ф., Матвеева Г. И. Севрюкаевское селище // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 49; Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 78. Впрочем, в других своих работах, где материалы этого памятника рассматриваются детально (Матвеева, 2003, 2005), исследовательница ни о каких «именьковских влияниях» не упоминает.

[9] Матвеева Г. И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 113; Матвеева Г. И. К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье // II Городцовские чтения : мат-лы науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005. С. 298.

ками нижнедонских степей. В IX в. последние также переходят к оседлости[1]. Предполагать здесь некое «именьковское влияние», мягко говоря, вряд ли возможно.

По всей видимости, подобные же соображения повлияли на взгляды Д.А. Сташенкова, высказываемые им с конца 1990-х гг.[2] Если реконструкция маршрутов движения арабской и хазарской армий и места их сражения у него совпадает с позицией С.Г. Кляшторного, то какие-либо ассоциации упоминаемых арабскими историками «ас-сакалиба» с «именьковцами» отсутствуют.

Последние у Д.А. Сташенкова заменяются скотоводческим населением Самарской Луки, оставившим упомянутые выше новинковские памятники. Термин «ас-сакалиба» к ним явно не применим, и автор предпочитает вопреки сведениям источников называть их то, вслед за М.И. Артамоновым, буртасами, то хазарами. Именно эта группировка была, по его мнению, выведена Марваном в Кахетию, а затем перебита.

Данная точка зрения основана на нигде так и не аргументированной ее автором позиции о прекращении функционирования новинковских могильников в середине VIII в.[3]. На ошибочность данного утверждения уже указывалось: новинковское население в этот период не только не исчезает, но, напротив, резко увеличивается. Прекращают существование новинковские памятники лишь на рубеже VIII–IX вв.[4]

По всей видимости, следует заключить, что при буквальном следовании информации о походе Марвана б. Мухаммада на Хазарию, изложенной в сочинении Ахмада ал-Куфи, отождествление с «рекой славян» Волги в ее среднем течении наталкивается на серьезные препятствия. Никаких, даже косвенных, следов арабского погрома на этой территории археологически не фиксируется. Выводов из этого может быть два. Первый: данная информация насыщена легендарными и недостоверными подробностями, что уже отмечалось в отношении ал-Куфи современными исследователями[5], и доверять ей следует лишь в тех пределах, где она подтверждается данными других источников. Второй: данные ал-Куфи, возможно, и достоверны, но «волжскую» интерпретацию «нахр ас-сакалиба» следует признать некорректной. В первом случае сама возможность относительно точного определения места встречи арабской армии со «славянами» оказывается практически неосуществимой; во втором – ее поиски следует вести в ином направлении.

Возможно, в качестве такового стоит рассматривать реки западной части донского бассейна. В пользу этого, на наш взгляд, указывает ряд обстоятельств. Во-первых, у ал-Куфи и ат-Табари «нахр ас-сакалиба» упоминается лишь как географический ориентир для конечной точки похода, что не исключает переправ арабской армии по пути к ней и через другие реки. При этом именно античное название Дона – Танаис – признается наиболее вероятной реконструкцией названия «реки славян» (а скорее – целого комплекса речных путей) у самого раннего из упоминающих о ней авторов – Убайдаллаха б. Хордадбеха[6]. Во-вторых, если принять тождество городов ал-Байда и Самандара, показан-

---

[1] Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 2000. С. 67–75.

[2] Сташенков Д. А. О хронологии древностей хазарской эпохи Самарского Поволжья // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Болгар, 1999. С. 36; Сташенков Д. А., Турецкий М. А. Погребение эпохи Раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья : сб. ст. Самара, 1999. Вып. 1. С. 297; Сташенков Д. А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 339; Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара, 2007. С. 234–235.

[3] Сташенков Д. А. О хронологии древностей хазарской эпохи Самарского Поволжья // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Болгар, 1999. С. 35–36; Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи Раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Сборник статей. Вып.1. Самара, 1999. С. 297; Сташенков Д. А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2. С. 149; Сташенков Д. А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 338–339; Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара, 2007. С. 234.

[4] Лифанов Н. А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время : сб. науч. работ. Донецк, 2005. Т. 4. С. 36, 37,

[5] Гараева Н. Г. О дате принятия ислама хазарами // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность : труды междунар. конф. (Казань, 9–13 июня 1992 г.). М., 1997. Т. 3; Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия. Восточные источники. М., 2009. Т. III. С. 40.

[6] Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 201–202, 206; Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 121.

ное А.П. Новосельцевым[1], то маршрут Марвана вообще не обязательно был привязан Волге (Самандар, вероятнее всего, располагался у каспийского побережья на территории нынешнего Дагестана). Горы, которых, уходя от ал-Байды, «вскоре» (ал-Куфи) достиг хазарский каган, могут быть сопоставлены с «горами хазар» Худуд-ал-алам, т.е. Ставропольской возвышенностью, расположенной по пути к Дону[2]. В-третьих, наличие раннеславянского (а точнее – смешанного, соответствующего упоминанию «славян и других соседних племен безбожников» у ал-Куфи) населения на Северском Донце и Осколе в рассматриваемый период зафиксировано археологически[3].

Предлагаемая гипотеза носит пока предварительный характер, для ее подтверждения или опровержения необходима детальная географическая и археологическая аргументация.

С.В. Ляхов
(ГУП «Наследие» министерства культуры Ставропольского края,
г. Ставрополь)

ПОГРЕБЕНИЕ С ДЕТАЛЯМИ ПОВОЗКИ ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЕГОРЛЫК-КАЛАУССКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В 2002 г. археологической экспедицией ГУП «Наследие» были проведены охранные раскопки курганных могильников «Дамба-Калаус 1 и 2» в Туркменском районе Ставропольского края, расположенных на правом берегу р. Восточный Маныч, в 10.75 км к северо-востоку от п. Новорагулинский. (Ляхов, 2002). В результате работ исследовано семь курганных насыпей, в которых выявлено 68 разновременных погребальных комплексов.

Впускное позднекочевническое погребение 2 обнаружено в кургане 3 курганного могильника «Дамба-Калаус 2», в центральной части насыпи.

Могильная яма совершена в насыпном грунте, поэтому форма и размеры входной ямы определялись по придонной части и по разрезу в фасе бровки (рис. 1).

Входная яма подпрямоугольной в плане формы (2,16 х 0,50–0,80 м) длинной стороной ориентирована по линии восток-запад, с небольшим отклонением. На ступеньке шириной 0,20–0,53 м, устроенной вдоль северной стенки лежало чучело коня черепом на запад. Череп и конечности лошади (жеребец скаковой породы в возрасте около 8 лет и высотой в холке 145, 25 см)[4], отчлененные по верхние суставы залегали в анатомическом положении. Поверх отдельных костей животного фиксировался черный органический тлен. Между передними и задними конечностями лошади, обнаружен отпечаток небольшой плашки в виде древесного тлена размерами 0,14 х 0,06 м.

Конское захоронение сопровождало железные двусоставные удила с уплощенными трензельными кольцами крупного диаметра (рис. 4) и стремя (во фрагментах) арочной (?) формы со слегка прогнутой подножной шириной 4.1 см (рис. 3).

В заполнении северо-западной половины погребения, над ногами погребенного, залегало под небольшим наклоном к югу деревянное колесо от повозки со ступицей и 12 спицами. Колесо было установлено вдоль длинной стенки подбоя и закрывало его вход.

Колесо сохранилось только на половину. После расчистки ступица имела форму близкую к цилиндрической, внешние края и бока которой частично обрушились. Длина ступицы – 0,22 м. Диаметр оснований – 0,16 м и 0,20 м, внутренних отверстий – 0,09 м и 0,11 м. Прорези для спиц смешены ближе к южному краю ступицы. Пазы под спицы углублены на 2,2 см. Максимальная длина спиц составляла 0,48 м. Сечение спиц различно: подтреугольное сегментовидное, подовальное и подквадратное. Толщина спиц у втулки – 3 см, у обода – 1,5 см. Диаметр спиц внутри втулки – 2 см. Расстояние между спицами у втулки – 5–6 см, у обода – до 17 см. Обод, от которого сохранилось только 0,20 м, подквадратный в сечении (2,7 х 2,0 см) изготовлен из одного куска дерева. На основании этих параметров нами предлагается следующая реконструкция: диаметр колеса около 1.10–1.20 м, длина спиц 0,50–0,55 м. Ступица цилиндрической формы и высотой около 0,25–0,30 м, внешний диаметр около 0,20 м, внутренний – около 0,08–0,10 м. Обод, возможно, был трехслойным (рис. 1, 9).

---

[1] Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 125–128.
[2] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1993. С. 214–215.
[3] Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 269: Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 2000. С. 48–49.
[4] Палеозоологические определения костных материалов сделаны старшим научным сотрудником Ставропольского краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г.К. Праве Швыревой А.К.

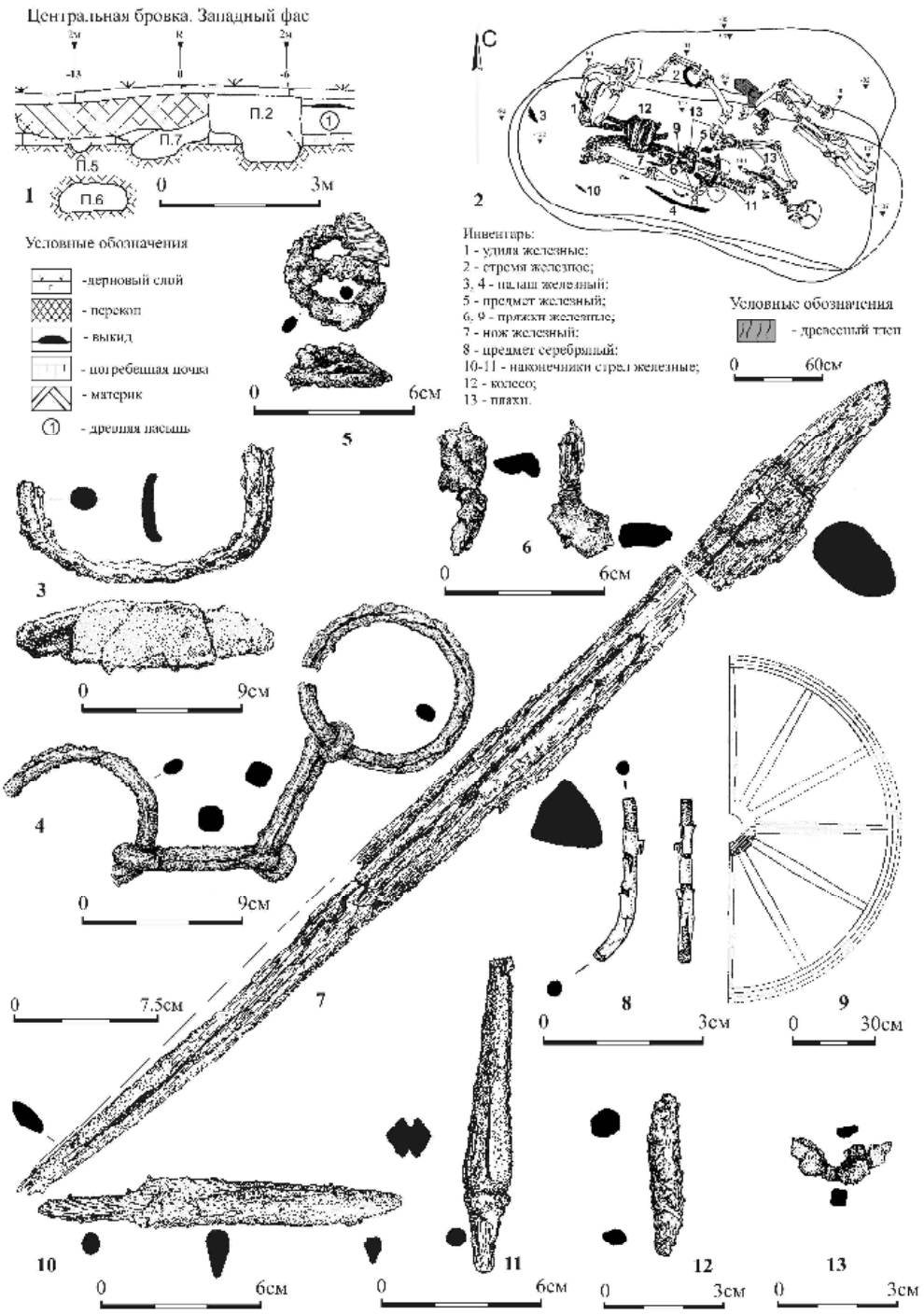


Рис. Дамба-Калаус 2. Курган 3 погребение 2. 1 – фрагмент западного фаса центральной бровки; 2 – план погребения; 3 – стремя; 4 – удила; 5 – пряжка; 6 – предмет; 7 – палаш; 8 – предмет серебряный; 9 – реконструкция колеса; 10 – нож; 11–12 – наконечники стрел; 13 – пряжка

Подбой подовальной в плане формы (2,67 х 0,95 м) устроен вдоль длинной южной стенки входной ямы. Максимальная высота потолка подбоя около 0,80 м. Дно подбоя ниже входной ямы на 0,51 м. В центральной части погребальной камеры, на черно-коричневой органической подстилке, лежал скелет мужчины в возрасте 17–18 лет[1], вытянуто на левом боку, с небольшим завалом на спи-

[1] Половозрастные определения выполнены старшим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН М.М. Герасимовой, и сотрудником Института антропологии МГУ Д.В. Пежемским.

ну, черепом почти на восток. Скелет сохранился частично. Кости правой руки согнуты и откинуты в сторону. Кисть ладонью вниз находилась около правого крыла таза.

Под грудной клеткой и тазовыми костями зафиксированы четыре отпечатка поперечных деревянных плах (0,50 х 0,06 х 0,10 м), на расстоянии 0,10–0,15 м друг от друга.

Инвентарь погребенного состоял из железных: палаша с рукоятью расположенной под небольшим углом к лезвию и без перекрестия (рис. 7), двух черешковых бронебойных наконечников стрел (рис. 11, 12), черешкового с прямой спинкой ножа (рис. 9), двух округлых с подвижным язычком пряжек (рис. 5, 13), а также предметов не ясного назначения – «Г»-образный серебряный (?) стрежень плакированный золотой фольгой (рис. 8) и другой предмет, состоявший из двух пластин соединенных между собой перпендикулярно (рис. 6).

По погребальному обряду этот комплекс соответствует типу позднесредневековых кочевнических подбойных погребений, который по своим обрядовым признакам имеет синкретичный облик, так как совмещает элементы двух отделов BV и ГV по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966).

Отпечатки деревянных плах, прослеженные под скелетом, хотя и не так выразительны, но вполне могут интерпретироваться как остатки решетчатого гроба, который в сочетании с колесом позволяет нам предположить, что в погребение была помещена разборная повозка. Погребения с повозками или с отдельными деталями для большинства исследователей служат этническим маркером для определения половецких погребений XII–XIV вв. Для степной зоны Предкавказья аналогичные комплексы до сих пор являются довольно редкой находкой и, которые, в отличие от нижневолжских, компактно сосредоточенных территориально (в основном на территории Калмыкии) (Захаров, Яворская, 2003), не представляют единой группы. Но такая ситуация, возможно, отражает лишь степень археологических исследований, в подтверждение которой говорит тот факт, что за последние годы в Ставрополье за последние годы число «транспортных» комплексов стало заметно увеличиваться (Бабенко, Калмыков, 2007).

Диаметрально противоположные ориентировки погребенного (восточная) и чучела лошади (западная), уложенного в определенном порядке (тип III вариант 7 по Атавину А.Г.), также являются характерными признаками половецкого похоронного обряда XI–XIV вв, получившие наибольшее распространение во 2-й пол. XIII–XIV вв. (Атавин, 1984; Атавин, 2008; Лопан, 2008).

Удила с большими и плоскими в сечении трензельными кольцами имеют широкий территориальный и хронологический диапазон. На Северном Кавказе они появляются в XII в и используются до XIV в. (Армарчук, 2006; Блохин, и др. 2004; Кочкаров, 2004). Г.А. Федоров-Давыдов на основании корреляционного метода выделил подобные изделия в тип ГIII и датировал 2-й пол. XIII–XIV вв (Федоров-Давыдов, 1966).

Палаши на Северном Кавказе использовались начиная с VII в, но не получив широкого применения, выходят из употребления в XI–XII вв (Каминский, Каминская-Цокур, 1997). Вполне возможно, что палаши вновь появляются в период монгольского нашествия, «стоявшие» на вооружении у восточных завоевателей (Горелик, 2002).

Тип стремени не устанавливается, но стремена с узкой подножкой более характерны для домонгольского времени (Федоров-Давыдов, 1966).

Наиболее сохранившийся наконечник стрелы узкий шиловидный подквадратного сечения с перехватом у черешка относится к типу 95, который был широко распространен на большой территории с VIII–XIVвв. включительно (Медведев, 1966).

По особенностям погребального обряда данное погребение относится к кругу половецких погребений степного Предкавказья XII–XIV вв. Для определения более узких хронологических рамок этого комплекса не позволяет малочисленный и малоинформативный инвентарь.

Подбойная конструкция могилы не со всем типична для половцев. А.Г. Атавин и О.В. Лопан отмечают, что в половецкий период в южнорусских степях возобновляется ряд элементов (в том числе подбойные могилы) погребального обряда хазарского времени, исчезнувших или резко сократившихся в печенежко-торческий период (Лопан, 2008), а территория распространения подбойных конструкций совпадает с ареалом распространения «хазарских» могил, что вполне может указывать на сохранении или преемственности погребальных элементов остаточного хазарского населения в кочевых культурах более позднего времени (Атавин, 2008). Подтверждением этого заключения является тот факт, что за последние годы в результате раскопок в Егорлык-Калаусском междуречье стало увеличиваться количество подкурганных подбойных могил VIII–X вв и XII–XIV вв, и что особенно интересно – ареал их распространения стал расширяться на территорию, которая раньше была «белым» пятном в изучении степных погребальных комплексов хазарского и постхазарского времени.

Д.В. Марыксин
(ЗКО ЦИА, г. Уральск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВРЕМЕН ЗОЛОТОЙ ОРДЫ МОКРИНСКИЙ I

Археологический комплекс Мокринский I расположен в бассейне реки Большой Узень на территории Западно-Казахстанской области. На сегодняшний момент он является одним из наиболее крупных золотоордынских могильников. Его раскопки проводились в 1974–75 гг. экспедицией Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина под руководством Г.А. Кушаева и Б.Ф. Железчикова и в 2008–2009 гг. экспедицией Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии под руководством автора[1].

За все годы изучения могильника исследовано 29 курганов, содержащих 52 погребения, 45 из которых с полным основанием следует датировать временем существования Золотой Орды. 7 погребений являются безынвентарными, и при всей дискуссионности подобных захоронений мы их также относим ко времени Золотой Орды. Один из курганов представлял собой кирпичеобжигательную печь[2]. Данная статья посвящена кратким итогам изучения данного комплекса.

Надмогильные и внутримогильные конструкции. Важной особенностью погребений могильника Мокринский I и отличием его от подобных погребений на Нижней Волге является наличие надмогильных сооружений. Из 17 курганов, раскопанных в 1974–75 гг., 5 представляют собой сырцовые оградки[3]. По всей видимости, часть из 12 курганов также являлась сырцовыми оградками, но оградки небольшого размера и небольшой высоты очень сильно разбита грейдером и полевыми дорогами. Из 12 курганов, раскопанных в 2008–2009 гг. 9 являются сырцовыми оградками[4]. Сырцовые оградки представляют подпрямоугольные оградки, построенные из сырцовых кирпичей размером в 0,4 х 0,2 х 0,1 м. Обычно стены сложены толщиной в полтора кирпича, в один-два слоя. Наличие подобных оградок говорит о оседлом или полуоседлом характере хозяйствования и высоком социальном статусе погребенных. Об этом же говорит и погребальным инвентарь, обнаруженный в могильнике.

Ориентировка. Головой на юг ориентированы – 26, на юго-восток – 12, на юго-запад – 4 погребенных. 7 погребенных ориентированы головой на запад. В трех случаях из-за ограбления погребений установить ориентировку не удалось. Подобные погребения отнесены к типу Ж 1 (костяк человека, обращенного головой на юг, в простой яме, без костей коня). Подобный тип погребений известен в Нижнем Поднепровье и Поднепровье[5]. Но нигде не обнаружено столь крупной группы подобных погребений. В Нижнем Поволжье обнаружено 53 погребенных, ориентированных головой на юг. Большинство их расположено на могильнике Маячный бугор (28 случаев)[6], на Селитренном городище (15 случаев), на Царевском городище (7 случаев), и по одному зохоронению – на могильниках Водянского городища, городища у пос. Комсомольский и на Хамидиевском поселении[7].

Элементы одежды. В погребениях массово встречаются фрагменты кожи от обуви. Многие фрагменты имеют остатки швов, скреплявших, видимо, сапоги. В районе черепа некоторых погребенных встречаются остатки ткани золотисто-зеленого цвета, расшитые золотыми нитками. В курганах 14, 16 и 23 обнаружены бронзовые пуговицы с петлями. В нескольких погребениях обнаружены фрагменты бересты, свернутых в трубочку.

---

[1] Марыксин Д. В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1 С. 246–272.

[2] Марыксин Д. В., Степанов А. Е. Кирпичеобжигательная печь комплекса Мокринский I // Кадырбаевские чтения – 2010. Актобе (в печати).

[3] Марыксин Д. В. Погребения в сырцовых оградках Волго-Уральского междуречья (по материалам Мокринского могильника) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : мат-лы IV Междунар. конф., посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.) / Учреждение Рос. акад. наук Ин-т археологии, Азовский ист.-археол. и палеонтол. музей-заповедник. Азов : Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 311–321 (Донские древности; Вып. 10).

[4] Марыксин Д. В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–272

[5] Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 151.

[6] Васильев Д. В. Погребения с южной ориентировкой на грунтовом могильнике «Маячный бугор – I» // УПАСК : тез. докл. Самара, 1994. С. 47–48.

[7] Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009.

Нумизматический материал. В 18 захоронениях обнаружено 40 серебряных и медных монет. Серебряные монеты отчеканены в период правления ханов Узбека и Джанибека в 1320–1350-е гг. Основные места чеканки Сарай ал-Джедид, Сарай, Сарай ал-Махруса. Две монеты отчеканены при Токта хане в Сарай ал-Махруса в 710 г.х. (1310–1311 гг.). Монеты располагались на тазовых костях, во рту, на шейных позвонках, в правой руке, возле правого виска, на правом бедре, под черепом, под правой голенью, пол локтями, на грудной клетке[1]. Все монеты, обнаруженные в погребениях могильника, укладываются в 1310–40-е гг. При всей дискуссионности хронологических построений на основе нумизматического материала[2] вызывает много вопросов причины запустения некрополя в 1340-е гг., в период наивысшего расцвета Золотой Орды. Вполне возможно, что погребения Мокринского I связаны с Селитренным городищем и группой населения, занимавшей высокое социальное положение. Отсутствие поздних погребений вполне могло быть следствием изменения маршрута ханской ставки и маршрутов других перекочевок[3].

Столовые принадлежности. Представлены большим количеством фрагментов гончарной красноглиняной керамики. В двух курганах (13 и 20) встречено два кувшина с ручкой высотой 54 и 60 см. Один из них располагался в юго-восточном углу сырцовой оградки, другой – был вертикально вкопан по центру кургана, который представлял собой руинизированную постройку их жженого кирпича[4]. В кургане 11 обнаружено большое количество фрагментов кувшина.

Туалетные принадлежности. В кургане 1 обнаружено единственное в комплексе бронзовое зеркало. В кургане 22 обнаружена бронзовая шпилька и проволока, использовавшиеся, видимо, в прическах.

Украшения. Одним из самых распространенных видов украшений в погребениях являются серьги в виде знака вопроса. Всего обнаружено 18 подобных украшений, выполненных из золота, серебра и бронзы. Также обнаружены золотые серьги сложных форм, выполненные в виде птиц, жуков-скарабеев и др. В курганах 14 и 17 обнаружены бронзовые перстни. Обнаружены 4 подвески, 3 из которых представляют собой цилиндрики, одна – пластину.

Археозоологический материал. Представлен костями овцы, лошади и коровы. Также кости животных обнаружены в погребениях. Одной из особенностей комплекса является расположение костей животных между черепом и стенкой могильной ямы. Обычно кости представлены грудным позвонком лошади и грудными позвонками овцы.

Фактически в каждом погребении обнаружены остатки железных гвоздей. Также обнаружены другие артефакты, не подвергающиеся интерпретации (например, деревянные прутья, обмотанные нитками и др.).

Вопрос о конфессиональной и этнической принадлежности погребенных комплекса Мокринский I до сих пор остается открытым. Датировка могильника кыпчакским временем и какая-либо связь погребенных с кыпчаками на наш взгляд является дискуссионной[5]. Гораздо более правильным следует признать центральноазиатское происхождение погребенных и их возможную буддистскую принадлежность[6].

Погребальный инвентарь, отсутствие предметов кочевнического быта и южная ориентировка погребенных объединяет захоронения комплексов Мокринский I и Маячный бугор I. Оба этих некрополя предстают перед нами как, во-первых, содержащие наибольшее количество захоронений состоятельных людей. Во-вторых, по всей видимости, они являются захоронениями оседлых представите-

---

[1] Пачкалов А. В. Нумизматические находки в могильнике Мокринский I // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 276–281; Пачкалов А. В., Марыксин Д. В. Монеты Золотой Орды (на территории Западно-Казахстанской области). Уральск, 2009.

[2] Мыськов Е. П. Яворская Л. В. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 76–92 // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 394–397.

[3] Автор выражает благодарность А.В. Пачкалову за консультацию по данному вопросу.

[4] Марыксин Д. В., Сингатулин Р. А. Идентификация керамической посуды из могильника Мокринский I (предварительные исследования) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 211–214.

[5] Бисембаев А. А. Археологические памятники кочевников Средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск, 2003.

[6] Костюков В. П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. С. 189–236; Выражаю благодарность ныне покойному В.П. Костюкову за эту мысль, подсказанную в частной беседе. В качестве признаков центральноазиатского происхождения и буддисткой принадлежности Владимир Петрович указывал южную ориентировку и монеты во рту, в руке, возле головы, на груди.

лей одного из центральноазиатских (дальневосточных) народов, переселенных монголами. Богатый инвентарь говорит о высоком социальном статусе погребенных. Некрополи объединяет также возможное буддистское исповедание захороненных. Погребенные обоих некрополей скорее всего являлись чиновниками-буддистами, служившими ханам Золотой Орды. Судя по монетам, некрополь Маячный бугор I существовал до 1330-х гг.[1], а погребения в Мокринском I продолжались до 1340-х гг.[2]

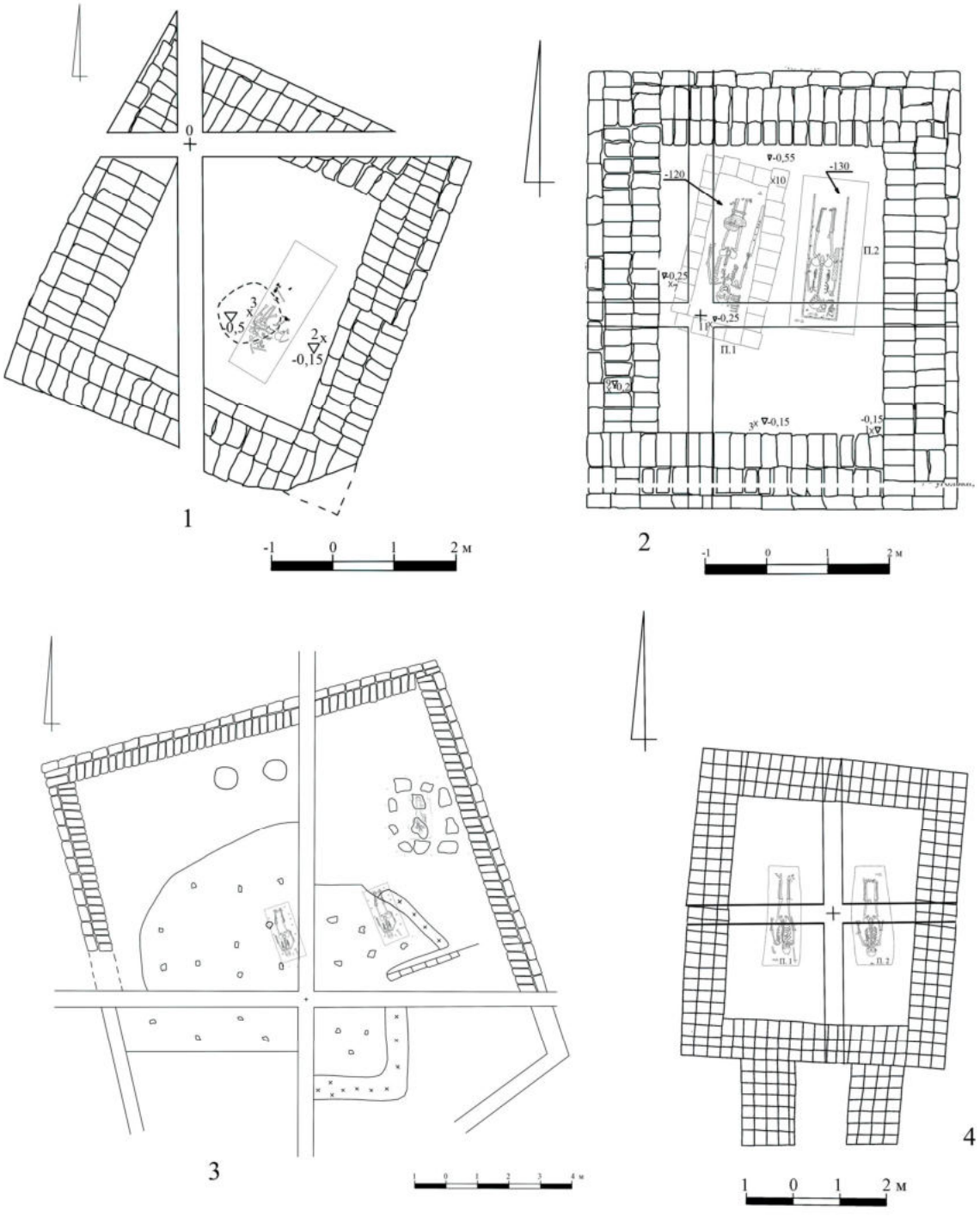


Рис. 1. Могильник Мокринский I. 1 – оградка, курган 21; 2 – оградка, курган 22; 3 – оградка, курган 23; 4 – оградка, курган 29

[1] Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009. С. 123–124.

[2] Марыксин Д. В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 246–272.

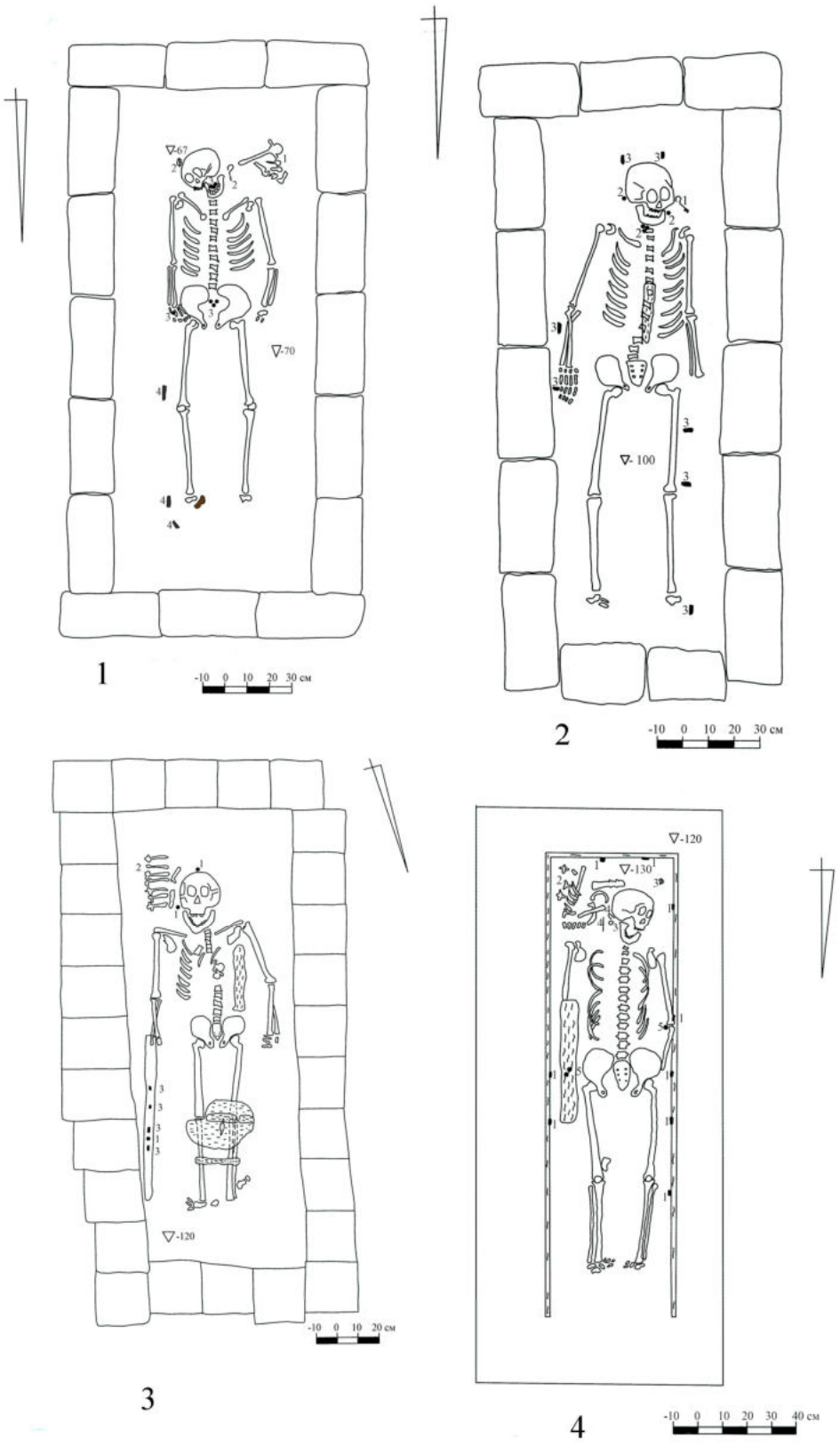


Рис. 2. Могильник Мокринский I. Планы погребений: 1 – курган 20, погребение 1; 2 – курган 20, погребение 2; 3 – курган 22, погребение 1; 4 – курган 22, погребение 2

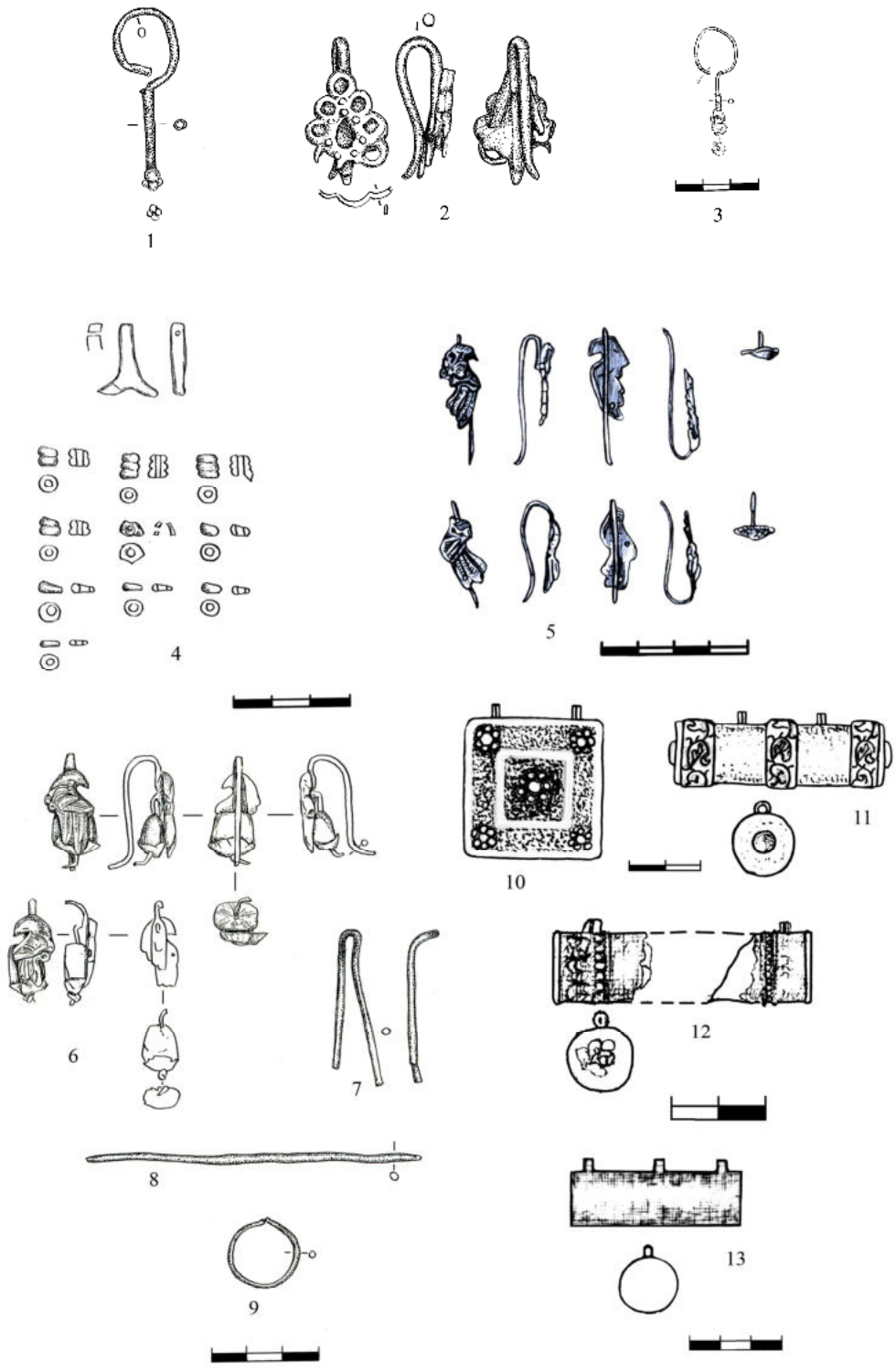


Рис. 3. Могильник Мокринский I. 1 – серьга, курган 20, погребение 1; 2 – серьга, курган 20, погребение 1; 3 – серьга в насыпи, курган 19; 4 – ожерелье из бус, курган 20, погребение 1; 5 – серьга, золото, курган 29, погребение 2; 6 – серьга, золото, серебро, курган 22, погребение 2; 7 – шпилька, бронза, курган 22, погребение 2; 8 – проволока, бронза, курган 22, погребение 2; 9 - серьга, серебро, курган 22, погребение 2; 10, 11 – подвески, курган 11, погребение 1; 12 – подвеска, курган 14, погребение 1; 13 – подвеска, курган 16, погребение 1

Из 15 захоронений с южной ориентировкой Селитренного городища лишь 1 одно имело вещевой материал. Исследователями данные погребения интерпретируются как принадлежащие какой-то общности, принявшей ислам в конце XIV – начале XV в. Также высказана мысль об ошибке в ориентировке первого погребения, по которому ориентировались остальные погребения. Мы в отношении погребений могильника Мокринский I не можем согласиться с мнением Д.В. Васильева о том,

что «в целом мы не можем вычленять эти погребения с южной ориентировкой из общей массы мусульманских захоронений, поскольку ничем, кроме ориентировки, они от мусульманских не отличаются»[1]. Мы не можем связывать погребения комплекса Мокринский I с исламом (за исключением погребений кургана 18 и впускных погребений кургана 19), так как у них отсутствуют два основных признака «канонического» мусульманского захоронения – его безынвентарность и соблюдение в нем ориентировки лица на киблу[2].

А.В. Матвеев
(АГУ, г. Астрахань)

ПРОБЛЕМА ПОДБОРА МЕТОДИКИ ОБРАБОТКИ КОСТЕЙ РЫБ ИЗ СЛОЕВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА)[3]

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани в 1,5 километрах юго-западнее села Самосделка Камызякского района, на правом берегу реки Старая Волга. Городище обнаружено более двадцати лет назад во время строительства сельскохозяйственных объектов. При работах начала 90-х гг. было выяснено, что на городище имеются слои более древние, чем золотоордынские, и на нем была собрана коллекция керамики, позволившая выдвинуть предположение об активном функционировании данного города в предмонгольское, а, возможно, и в хазарское время (Васильев, 2004).

За время разработки памятника было собрано и обработано более 38 тысяч фрагментов костей. На памятнике встречаются остатки следующих домашних животных: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, верблюд, собака, кошка.

Доля останков КРС, МРС, лошади и рыбы стабильно больше остальных животных на все протяжении функционирования памятника, т.е. это мясные виды. Хотя их соотношения меняются в разные периоды времени. Так, в слоях VIII–IX вв. доля останков КРС составляла 11 %, МРС – 63 %, лошадь – 4 %, рыба – 20 %. Останки из слоев X–XII вв. содержат костей КРС – 14,5 %, МРС – 69,1 %, лошади – 3,6 %, рыбы – 10 %. Останки из слоев XIII – начала XIV вв. содержат костей КРС – 28 %, МРС – 60 %, лошади – 6,6 %, рыбы – 2 % (Яворская, 2009).

Обработку остеологического материала памятника проводит Л.В Яворская (ВолГУ) по методике Е.Е. Антипиной (ИА РАН). Кости млекопитающих описываются согласно археологическому контексту, каждый комплекс обрабатывается отдельно. Останки сортируются по видам. Каждый вид раскладывается по частям скелета. Каждая серия костей одного отдела описываются по параметрам: количество фрагментов, сохранность по пятибалльной системе, количество целых костей и фрагментов (с указанием части кости), количество костей со следами искусственного воздействия, количество костей с приросшими эпифизами, патологии и травмы. Челюсти и отдельные зубы служат материалом для построения возрастной структуры забоя животных (по методике Grant, 1982). Для определения размеров животных используются промеры целых метаподий (методика по Цалкину В.И., 1960). Процентные соотношения количества костей по видам переводятся в соотношения количества мяса по видам по методике Антипиной Е.Е. (ИА РАН) и Morales A. (Институт археологии Мадрида, Испания)

Останки рыб в слоях памятника представлены костями и чешуей. Для них на настоящий момент не подобрана методика, и вся обработка сводится к подсчету костей и определению процентного содержания останков рыбы в остеологической коллекции. Однако, являясь одним из мясных животных, рыба остро необходима для дополнения картины мясной диеты населения городища. Особенно это важно для слоев VIII–IX вв., т.к. в них доля останков рыб достигает 20 % от общего числа костей из этого слоя.

Чешуя не «доходит» до исследователей. Это обусловлено плохой сохранностью чешуи, которая не оставляет никакой возможности ее сбора – чешуя буквально рассыпается в пыль при попытке достать ее из грунта.

---

[1] Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009. С. 95–96.
[2] Там же. С. 5.
[3] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №10-06-00304.

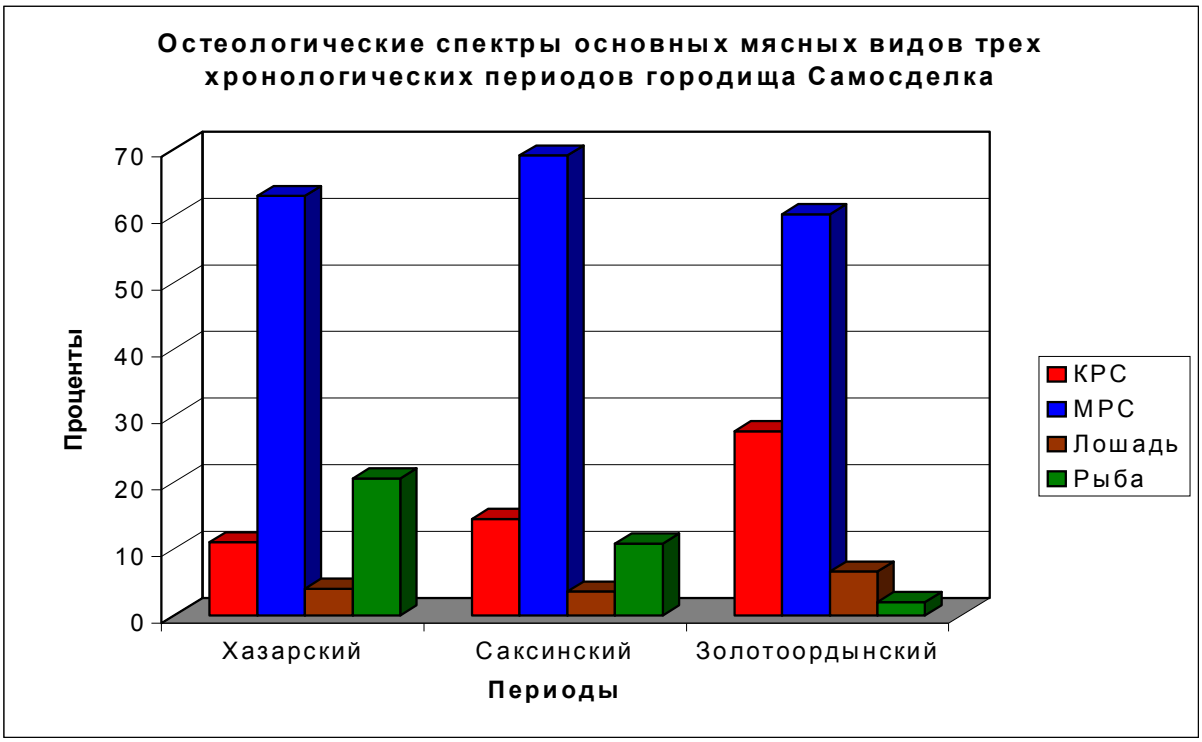


Рис. Остеологические спектры основных мясных видов
(по Яворской, 2009 г.)

Совсем иначе обстоит дело с костями рыб. Лучше всего сохраняются, конечно, кости крупных рыб: сем. осетровые, сазан, сом, судак. Большая часть костей рыб представлена позвонками и лучами плавников. Реже встречаются жаберные крышки, ребра, челюсти, костные кожные пластинки осетровых. Для уточнения видовой структуры рыб Самосдельского городища необходим подбор методики и создание сравнительной анатомической коллекции.

Для определения процентной доли рыбы в мясном потреблении, необходимо знать усредненные размеры и вес особей отдельного вида. Также как и в случае с млекопитающими, ключом к размерам животного являются его кости.

Для рыб традиционным методом является определение возраста по чешуе. По количеству годовых колец на чешуйке можно судить о возрасте рыбы. Еще в XVII в. Левенгук отмечал сходство колец на чешуе с годовыми кольцами деревьев. В начале XX в. этот метод обрел прочный научный фундамент, благодаря исследованиям А.Г. Кагановского, П.А. Попова, И.Ф. Правдина, Н.Л. Чугунова, Г.Н. Монастырского и многих других. Но в силу плохой сохранности чешуи на Самосдельском городище, необходим иной подход. Менее популярным материалом для определения возраста рыб у зоологов являются позвонки, поскольку он добывается умерщвлением рыбы. Но позвонки, так же, как и чешуя, – прекрасный материал для определения возраста, даже более точный. Этот метод разрабатывался И.Н. Арнольдом, В.К. Солдатовым, В.О. Клером также в начале XX в.

Для семейства осетровых единственным методом определения возраста является метод спилов лучей плавников Клера или Солдатова. Подобно чешуе лучи нарастают слоями, и на тонком спиле видны годовые кольца. Возможно, что эта методика потребует доработки, т.к. кольца могут быть и не видны и придется подыскивать реактивы для их проявления.

Исследователи XX в., разрабатывая, дополняя и уточняя методы определения возраста рыб, создали мощную статистическую базу по соотношениям возраста, веса и размера разных групп рыб. Поэтому, зная средний возраст каждого вида рыб, можно оценить по корреляционным кривым размер, а главное вес рыб. В конечном счете, именно для этого и проводится обработка костного материала на археологических памятниках. Естественно, что знать статистически достоверные размеры рыб прошлого у нас нет возможности. Поэтому необходимо опираться на современные данные. И по возможности, эти данные должны быть получены от рыб, проживающих в похожих условиях, что и условия существования рыб прошлого. Для сем. осетровых статистической базой может послужить работы Ю.В. Алтуфьева и А.А. Романова (1988 г), посвященные осетровым Каспия и Нижнего Поволжья. Для остальных видов костных рыб еще предстоит подобрать статистическую базу.

Е.П. Мыськов
(ВГПУ, г. Волгоград)

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА

Одним из самых интересных памятников средневековой русской культуры Нижнего Поволжья является Водянское городище, расположенное на правом берегу Волги у г. Дубовки Волгоградской области. Уже более 100 лет оно привлекает к себе внимание исследователей, здесь работали экспедиции из Москвы, Казани, Саратова, Волгограда. В результате многолетних исследований был получен богатый и разнообразный материал, характеризующий культуру мусульманского населения этого золотоордынского города, а также выявлены остатки раннего русского поселка, более позднего русского квартала и раскопаны большие участки христианского кладбища.

Первые документированные сведения о русском населении Водянского городища были получены в результате широкомасштабных раскопок Поволжской археологической экспедиции (далее ПАЭ) под руководством Г.А. Федорова-Давыдова[1]. В результате этих работ стало ясно, что средневековые русские комплексы сконцентрированы в восточной части городища, на берегу Волгоградского водохранилища. На основании полученных материалов авторами раскопок были сделаны следующие выводы. В начальный период существования города русский квартал занимал всю его прибрежную часть вдоль Волги. Постепенное расширение города привело к значительному сокращению площади русского квартала, большую часть которого заняли кирпичные дома мусульман. Слой с русской керамикой и участок славянского кладбища, перекрытые более поздними мусульманскими постройками, были связаны с жизнью русских пленных-рабов, бывших основной рабочей силой при строительстве золотоордынского города[2]. Яма 1 раскопа II-67 была интерпретирована как очень небольшое, тесное жилище, что послужило дополнительным аргументом по обоснованию положения о тяжелых жизненных условиях неполноправного, зависимого русского населения. По мнению М.Д. Полубояриновой, плохое качество керамики, изготовленной русским населением в татарском городе, наглядно свидетельствует о низком уровне их жизни и производства[3].

Через 14 лет после завершения работ ПАЭ на Водянском городище были возобновлены археологические раскопки, которыми в 1988–1990 гг. руководил А.Г. Мухамадиев, а в 1992–2006 гг. автор этих строк. За это время здесь вскрыто 5200 м^2, причем все раскопы разбивались на берегу водохранилища.[4] Прежде чем перейти к характеристике русских материалов, полученных в результате раскопок Водянского городища в 1989, 1992–2005 гг., необходимо рассмотреть вопрос о дате основания этого золотоордынского города. Многие исследователи полагают, что он существовал уже в XIII в., и именно его посещал Гильом Рубрук со своими спутниками в июле 1253 г.[5] Однако эта точка зрения не согласуется с данными Гильома Рубрука. В его книге сказано, что от поселка, населенного русскими и сарацинами, который он видел на берегу Волги, до городов «Великой Болгарии к северу считается пять дней пути»[6]. Это конкретное указание не соответствует местонахождению Водянского городища[7]. Убедительно доказано, что путь Гильома Рубрука в ставку Бату пролегал намного севернее[8]. Кроме того, среди сотен археологических объектов, исследованных на Водянском городище, нет ни одного, который можно было бы уверенно датировать временем ранее начала XIV в.

Русский поселок. Судя по данным стратиграфии и нумизматическим материалам, самые ранние комплексы городища располагались в северо-восточной части памятника. Удалось обнаружить убедительные свидетельства того, что первыми поселенцами здесь были русские. Именно поэтому северо-восточная окраина Водянского городища получила условное наименование русского поселка. Здесь исследовано 25 хозяйственных ям с высоким процентным содержанием русской кера-

---

[1] Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Советская археология. М., 1984. № 3. С. 83–84.

[2] Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 67, 73.

[3] Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 74, 87, 94.

[4] Мыськов Е. П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 250–260.

[5] Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М.; Пг. 1923. С. 42–43; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 76; Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 80; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 72.

[6] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 118.

[7] Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 32.

[8] Кожемякин А. В. Рубрук в Среднем Подонье // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966. С. 46–52.

мики. Кроме большого количества фрагментов русской и золотоордынской посуды в ямах русского поселка найдены: железный наконечник стрелы, 2 железных рыболовных крючка, 6 фрагментов железных ножей, костянее кольцо для натягивания лука, лепное глиняное пряслице, стеклянная бусина, каменный оселок, деревянный поплавок от сети или невода, 5 каменных грузил для рыболовных сетей и 2 обломка каменных жерновов от ручных мельниц. Несомненный интерес представляют находки двух бронзовых крестов-тельников и литой нательной бронзовой иконы с изображением распятия, а также бронзовый оконечник ножен меча или сабли.

Кроме хозяйственных ям на территории поселка исследованы остатки типичной русской землянки. Это прямоугольное сооружение с входным коридором-тамбуром, ровным глиняным полом, большой глинобитной печью и столбовой конструкцией перекрытия. Судя по расположению многочисленных столбовых ямок, вдоль стен жилого помещения располагались нары, а земляные стенки котлована были облицованы досками или плахами. Общая площадь этой постройки – 12 м^2. Размеры, планировка и конструктивные особенности землянки находят многочисленные аналогии в материалах городищ и селищ средневековой Руси.

Следует обратить особое внимание на нумизматические материалы, полученные в процессе раскопок русского поселка. Прежде всего отметим, что при раскопках ПАЭ в прибрежной и центральной частях Водянского городища на площади более 5000 м^2 не было найдено ни одной монеты, отчеканенной ранее начала 30-х годов XIV в.[1] На территории русского поселка на площади всего 980 м^2 таких монет найдено 35 (15 анонимных сарайских пулов с изображением пятиконечной звезды в круге 721 г.х. (1321 г.), 18 анонимных сарайских пулов с изображением сокола 726 г.х. (1325–1326 гг.), 1 пул хана Узбека с тамгой дома Бату чекана Мохши 722 г.х. (1322 г.) и 1 недатированный анонимный пул чекана Крыма с тамгой дома Бату). Связь этих нумизматических находок именно с русским населением в настоящее время представляется бесспорной, т.к. все монеты 20-х годов XIV в. обнаружены только в той части городища, где представлен ранний русский культурный слой. С другой стороны, в закрытых комплексах русского поселка не обнаружено ни одной монеты, выпущенной в обращение после начала 30-х годов XIV в. Все это убедительно свидетельствует о том, что ранний русский поселок на северо-восточной окраине Водянского городища был основан в начале XIV в. и просуществовал всего около 20–25 лет, причем, уже в начальный период его функционирования русское население было в полной мере вовлечено в общую систему денежного обращения Золотой Орды.

Русский квартал. Находится в прибрежной части на юго-восточной окраине Водянского городища. Многолетние раскопки на территории русского квартала не выявили никаких следов золотоордынских кирпичных или каменных построек. Даже обломки жженых кирпичей, которыми усеяна вся площадь городища, здесь почти не встречаются. Всего на территории русского квартала исследовано 45 хозяйственных ям, в которых обнаружено 25000 фрагментов керамики и десятки тысяч обломков костей животных, птиц и рыб. Кроме того, при раскопках русского квартала найдены: 3 цилиндрических пружинных замка, 3 железных ключа, железные шарнирные ножницы, многочисленные фрагменты железных ножей, железные гвозди и скобы, железная пряжка, 9 железных рыболовных крючков, небольшая железная мотыга, фрагменты двух бронзовых зеркал с рельефной орнаментацией, бронзовая серьга, 12 пряслиц из фрагментов стенок красноглиняных гончарных сосудов, 12 каменных оселков, перстень из синего стекла, бусы из цветного стекла и камня. Следует отметить многочисленные находки грузил для рыболовных сетей из больших окатанных камней с выдолбленными отверстиями. В раскопах, заложенных на территории русского квартала с 1967 г. по 2000 г., найдено 4 серебряных и 8 медных монет XIV в. Самые ранние монеты – 2 сарайских дирхема хана Узбека 717 г.х. (1317–1318 гг.) и 722 г.х. (1322 г.), самые поздние – 2 медных пула хана Хызра 762 г.х. (1360–1361 гг.), чеканенные в Гюлистане и Сарае ал-Джедид. Кроме того, найдена 1 анонимная медная монета 731 г.х. (1330–1331 гг.). Судя по находкам медных пулов, русский квартал на юго-восточной окраине Водянского городища существовал с начала 30-х до начала 60-х годов XIV в., т. е. всего около 30 лет. Следовательно, он был основан сразу же после того, как русский поселок перестал существовать. Особенно интересно, что на территории русского квартала не обнаружено ни одной медной монеты с изображением сокола и ни одной монеты с изображением пятиконечной звезды в круге. Такое районированное распределение нумизматических находок на территории городища позволяет утверждать, что анонимные пулы 721 г.х. и 726 г.х. находились в обращении только до начала 30-х гг. XIV в.

[1] Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 48–79; Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 88.

Процентные соотношениям различных типов посуды в русских хозяйственных комплексах Водянского городища, свидетельствуют о том, что в 20-х годах XIV в. русское в повседневном быту использовало главным образом посуду, изготовленную по традиционной технологии русскими мастерами. Красноглиняной керамики было довольно мало, хотя она и не являлась редкостью или диковиной. В 30–50-х гг. XIV в. в хозяйстве русского населения красноглиняная посуда получила гораздо более широкое распространение, однако по-прежнему продолжала использоваться и русская керамика. В начале 60-х гг. XIV в. жители русского квартала отдавали явное предпочтение высококачественной красноглиняной посуде. Русская керамика здесь почти полностью вышла из употребления[1].

Происхождение большинства красноглиняных сосудов русских керамических комплексов Водянского городища особых сомнений не вызывает. Все типы такой керамики находят многочисленные аналогии в материалах жилых и хозяйственных сооружений мусульманского населения как самого Водянского городища, так и других средневековых памятников Нижнего Поволжья. Такую посуду большими партиями изготовляли золотоордынские ремесленники-гончары для продажи на рынке. Наиболее вероятно, что жители русского поселка, основанного на берегу Водянской балки еще до возникновения здесь золотоордынского города, получали высококачественную красноглиняную посуду, в основном от купцов, переправлявших свои товары через Волгу и, очевидно, пользовавшихся при этом услугами именно русских перевозчиков[2]. Об этом убедительно свидетельствуют достаточно многочисленные находки фрагментов красноглиняных амфор причерноморского производства, которые могли попасть на Нижнюю Волгу только по донскому судоходному пути и при условии функционирования Волго-Донской переволоки. По-видимому, этот источник был не очень надежным, что в какой-то мере объясняет относительную малочисленность фрагментов красноглиняной керамики в ямах русского поселка.

Строительство города и создание, по меньшей мере, нескольких крупных ремесленных мастерских, специализировавшихся на производстве неполивной красноглиняной керамики, обеспечили благоприятные условия для быстрого распространения высококачественной красноглиняной посуды среди жителей русского квартала. У русского населения Водянского городища появилась возможность приобретать такую керамику на городском рынке. Вряд ли можно сомневаться в том, что это было действительно так, поскольку иначе очень трудно объяснить факт наличия в культурном слое и ямах русского квартала десятков тысяч фрагментов красноглиняных сосудов. Об этом же убедительно свидетельствует и типовой состав красноглиняной посуды из русских керамических комплексов Водянского городища. Основу коллекций красноглиняной керамики поселка и квартала составляют фрагменты больших одноручных кувшинов для воды, а также достаточно многочисленные обломки двух типов горошков, которые по профилировкам и общим пропорциям близки некоторым типам русских сосудов. Хорошо известно, что ассортимент продукции золотоордынских керамических мастерских был достаточно широк. Кроме одноручных кувшинов для воды и различных типов горшков, в огромном количестве выпускались большие двуручные сосуды, афтобы, туваки, кувшинчики, хумчи, светильники, глубокие миски, чаши и т.д.[3] Однако все эти формы в русских керамических комплексах Водянского городища либо вообще не представлены, либо представлены единичными фрагментами. По-видимому, такая посуда русским людям была просто не нужна, т.к. она не находила применения в хозяйстве, не соответствовала особенностям национальной кухни, конструктивным особенностям печей, ассортименту употребляемых в пищу продуктов, способам их приготовления и потребления.

Наиболее вероятно, что деятельность русских гончаров на Водянском городище почти полностью прекратилось уже в середине 50-х гг. XIV в. Мелкотоварный русский гончарный промысел не выдержал конкуренции с мощным массовым керамическим производством золотоордынских городов и постепенно деградировал, т.к. попросту стал убыточным. По-видимому, русскому населению Водянского городища было выгоднее приобретать не русскую, а красноглиняную посуду, поскольку качество последней было намного выше, а себестоимость производства и рыночная цена – несколько

[1] Мыськов Е. П. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 126–147.

[2] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 109.

[3] Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // Советская археология. М., 1973. № 3. С. 122–130; Перевозчиков В. И. Неполивная керамика Азака // Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды. Волгоград, 1992. С. 25; Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар (очерки ремесленной деятельности). М., 1988. С. 54–100.

ниже. Достаточно яркие примеры подобного упадка различных ремесленных промыслов, в том числе и керамического, дают нам некоторые этнографические материалы[1].

Русское кладбище. Достаточно интересную информацию о жизни русского населения Водянского городища удалось получить при раскопках большого христианского кладбища, первые научные раскопки которого проводились сотрудниками ПАЭ под руководством Г.А. Федорова-Давыдова во второй половине 60-х гг. XX в. Всего было исследовано 17 погребений, которые на основе изучения антропологических материалов были интерпретированы как захоронения славян[2]. В 1989, 1996 и 2000 гг. было раскопано еще 40 захоронений и, таким образом, общее число погребений, исследованных на территории русского кладбища, достигло 57[3].

В подавляющем большинстве погребений русского кладбища Водянского городища не найдено никаких вещей. Лишь в 4 могилах обнаружены отдельные предметы, причем, их безусловная связь с тем или иным погребальным комплексом не всегда бесспорна. Без особых сомнений к предметам сопровождающего инвентаря можно отнести только мелкие украшения – округло-уплощенную бусину из непрозрачного черного стекла с полихромным пятнистым орнаментом и проволочную бронзовую серьгу в виде колечка с заходящими концами. В одном погребении найдена половина жернова от ручной мельницы, которая лежала за черепом погребенного. Кроме того, в одном из погребений обнаружена недатированная анонимная медная монета (ЛС: «Чекан Сарая ал-Джедид». ОС: Птица со змеей (?) в клюве, летящая вправо). Наиболее вероятная дата чеканки монеты – середина 70-х гг. XIV в. Однако, связь этой находки с погребением представляется весьма проблематичной, т.к. монета была обнаружена среди ребер скелета в норе грызуна.

Особое значение имеют антропологические материалы, полученные при раскопках русского кладбища Водянского городища. Обращает на себя внимание очень высокий процент погребений, в которых были похоронены люди старческого возраста. Они составляют почти 35 % от общего числа умерших, возраст которых удалось установить достаточно точно. Поэтому можно утверждать, что представители русского населения Водянского городища нередко доживали до почтенного возраста, а среди населения русского поселка и русского квартала было немало стариков. Ни у кого из антропологов и археологов не вызывает особых сомнений то, что подавляющее большинство погребений, исследованных на юго-восточной окраине Водянского городища, оставлено русским населением, по мнению М.А. Балабановой, антропологическая коллекция русского кладбища обнаруживает наибольшее сходство с материалами средневековых могильников южных регионов рязанской земли[4]. Тем не менее, в настоящее время можно считать установленным, что русский квартал Водянского городища населяли не только славяне. На южном участке кладбища исследованы две могилы, в которых были похоронены люди европеоидного облика с ощутимой монголоидной примесью. Весьма показательно, что оба эти погребения отнюдь не производят впечатления случайных или инородных, т.к. не имеют никаких существенных отличий от других захоронений и очень четко вписаны в общую планировку русского кладбища.

Интересная информация о жизни русского населения Золотой Орды имеется в сочинении Гильома Рубрука. В его книге достаточно подробно описан русский поселок на Дону, в котором он жил несколько дней в июле 1253 г. В первый день русские дали Гильому Рубруку и его спутникам «большую свежую рыбу – чебак (borbotam), на второй день – ржаной хлеб и немного мяса, которое управитель селения собрал, наподобие жертвы, в разных домах, на третий день – сушеной рыбы, имевшейся у них там в большом количестве… наконец… они дали нам быков и людей, самим же нам надлежало идти пешком. В то время они жали рожь. Пшеница не родилась там хорошо, а просо име-

---

[1] Болонев Ф. Ф. О гончарстве русского населения Забайкалья // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 30–32.

[2] Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 69–72; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 76–79.

[3] Мыськов Е. П. Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 123–135.

[4] Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 69–72; Полубояринова М., Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 67, 70; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 80; Балабанова М. А. Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3. С. 216; Балабанова М. А. Еще раз о русских в Золотой Орде // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : мат-лы I Междунар. Нижневолжской археологич. конф. Волгоград, 2004. С. 298–302.

ют они в большом количестве. Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими и горностаевыми мехами от ног до колен»[1].

Представляется вполне вероятным, что условия жизни русского населения Водянского городища были во многом близки к условиям жизни русских, населявших этот поселок на Дону. Скорее всего, русское население также было пригнано сюда по распоряжению ханской администрации для создания постоянно действующей переправы через Волгу, поскольку именно здесь находилась одна из древнейших Волго-Донских переволок. Очень большое количество костей домашних животных, найденных при раскопках русского поселка и русского квартала Водянского городища, убедительно свидетельствуют о занятии скотоводством. Особенно показательны в этом отношении находки костей свиней, мясо которых мусульманское население города в пищу не употребляло и, следовательно, не разводило. Многочисленные находки орудий рыболовного промысла и огромное количество рыбьих костей не оставляет сомнений в том, что рыба занимала одно из ведущих мест в пищевом рационе русского населения Водянского городища. Обильные сбросы чешуи свидетельствуют о единовременной обработке больших партий выловленной рыбы и заготовке ее впрок путем соления, вяленья или копчения. Хотя земледельческих орудий почти не найдено (обнаружена лишь небольшая железная мотыга и обломок серпа), можно предполагать, что русское население занималось земледелием. На это указывают довольно частые находки фрагментов жерновов от ручных мельниц и выявленный в одной из ям поселка сброс колосковых чешуек злаковых растений (проса ?).

Обнаруженные при раскопках русского квартала замки и ключи свидетельствуют о том, что населявшие его люди владели личным имуществом и, по-видимому, жили в собственных домах. В культурных слоях русского поселка и русского квартала найдено 47 серебряных и медных монет, а это значит, что русское население Водянского городища было вовлечено в систему денежного обращения Золотой Орды. Поскольку на русском кладбище Водянского городища было похоронено много людей старческого возраста, можно с уверенностью говорить об относительно нормальных условиях жизни русского населения. Не позднее 40-х гг. XIV в. начался процесс постепенного смешения русского и мусульманского населения города, в результате которого среди жителей русского квартала появились люди европеоидно-монголоидного облика.

Уже в середине XIII в. на берегах Волги и Дона Гильом Рубрук видел два таких же поселка населенных русскими. Судя по его данным, основной и единственной повинностью русских была переправа через Дон и Волгу послов и других официальных лиц, направлявшихся в ханскую ставку, в остальном же «они не обязаны ни к чему… даже и от купцов они получают большую дань»[2]. Очевидно такая же повинность была наложена и на население русского поселка Водянского городища. В связи с этим довольно трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой русские люди были совершенно бесправны и их пригнали сюда для того чтобы строить новый золотоордынский город[3], особенно если принять во внимание, что русский поселок возник задолго до основания этого города и при его раскопках не обнаружено никаких данных об использовании, а тем более производстве жженых или сырцовых кирпичей.

Не позднее начала 30-х гг. XIV в. русский поселок на северо-восточной окраине Водянского городища прекратил свое существование. Его место было занято жилыми постройками мусульман, а русское население переселено на юго-восточную окраину города, где был образован обособленный русский квартал. В настоящее время можно считать установленным, что площадь русского квартала с течением времени заметно сократилась, и всю его северную часть заняло русское кладбище. Судя по нумизматическим материалам, русский квартал окончательно запустел не позднее начала 60-х гг. XIV в. Здесь не найдено ни одной монеты эпохи хана Токтамыша, которые часто встречаются при раскопках жилых и хозяйственных построек, погибших в результате разгрома города войсками Тимура в 1395 г. На территории русского квартала не зафиксировано никаких следов большого пожара, здесь не обнаружено ни вещевых, ни монетных кладов, спрятанных или брошенных в спешке вещей. Все это не оставляет сомнений в том, что русский квартал был покинут жителями в относительно спокойной обстановке. Наиболее вероятно, что постепенное сокращение территории русского квартала и его полное запустение были связаны с глубоким кризисом, разразившимся в Золотой Орде в 60–

[1] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 109–110.
[2] Там же. С. 109.
[3] Егоров В. Л., Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // Археологические открытия 1970 года. М., 1970. С. 175; Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 67; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 131.

70-х гг. XIV в., охватившим все сферы экономической жизни государства и оказавшим пагубное влияние на прогрессивное развитие своеобразной культуры нижневолжских золотоордынских городов.

Л.Ф. Недашковский
(КГУ, г. Казань)

КЛАДЫ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ С ГОРОДИЩ «ЦАРЕВСКОЕ» И «ШАРЕНЫЙ БУГОР» И ИЗ ИХ ОКРУГИ[1]

В данной работе приводятся сведения о находках кладов джучидских монет с городищ Царевское и Шареный Бугор и с прилегающих к ним территорий.

Царевское городище и его округа.

1. Водянское городище I, 1912 г. Был найден клад из 198 серебряных и 2 медных монет в горшке (младшие монеты датированы 764 г.х.)[2].

2. Водянское городище II, 1971 г. При раскопках ПАЭ на I раскопе (штык 4, квадрат 6) был найден клад из 6 медных монет с надчеканками (в том числе «законный»)[3].

3. Водянское городище III, 1972 г. На раскопе II в тандыре на участке 82 были найдены вместе 2 пула Сарая ал-Джедид (753 г.х. и 1350-х гг.)[4].

4. Водянское городище IV, 1972 г. На раскопе II на участке 173 в засыпи погребения 21 были найдены вместе 2 медные монеты Сарая 731 г.х., происходящие из культурного слоя[5].

5. Водянское городище V, 1973 г. На раскопе II в арыке (траншея 1) были найдены вместе 4 пула: Сарая ал-Джедид 761 г.х. (1 экз.) и Гюлистана 764 г.х. (3 экз.)[6].

6. Водянское городище VI, 1973 г. На раскопе I в яме 3 были найдены вместе 16 медных монет[7]. Младшие пулы относятся к чеканке Гюлистана 764 г.х.

7. Водянское городище VII, 1974 г. На раскопе II на участке 277 при зачистке материка были найдены вместе 6 медных монет чеканки Сарая ал-Джедид 1340-х гг.[8]

8. Водянское городище VIII, 1974 г. На раскопе II в доме № 3 (участок 240, штык 2) были найдены вместе 5 пулов, младший из которых датирован 762 г.х.[9]

9. Водянское городище IX, 1997 г. Были найдены 7 пулов Сарая ал-Джедид 751-753 гг.х. в виде столбика, завернутого в ткань (лен?) полотняного переплетения[10].

10. Водянское городище X, 1997 г. На раскопе I в доме № 5 в ходе исследований Е.П.Мыськова был найден клад из 440 серебряных монет[11]. Младшие монеты клада датируются 797 г.х. (1394–1395 гг.), на основании чего Г.А.Федоров-Давыдов полагал, что сокрытие клада было осуществлено в момент осады города войсками Тимура. Наряду с джучидскими дирхемами ханов от Узбека до Токтамыша (среди них две монеты последнего закавказской чеканки, а также по одному надчеканенному дирхему Узбека и Джанибека) в кладе имелись 2 подражания монетам Токтамыша, 3 джелаиридские монеты и 2 монеты Тимура и Суюргатмыша, чеканенные в Самарканде в 785 г.х.

11. Водянское городище XI, 2002 г. Был случайно найден клад, включающий 27 джучидских

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf № AZ 19/SR/08.

[2] Кротков А. А. Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 30. С. 179–186; Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I, № 22. С. 134.

[3] Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М. : Наука, 1974. С. 181.

[4] Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М. : ПАЛЕОГРАФ, 2003. С. 117, № 328а.

[5] Там же. С. 117, № 328б.

[6] Там же. С. 117–118, № 328в.

[7] Там же. С. 118, № 328г.

[8] Там же.С. 118, № 328д.

[9] Там же. С. 118, № 328е.

[10] Клоков В. Б., Лебедев В. П. Джучидские монеты с Водянского городища // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк : ДонГУ, 2000. Т. 1. С. 310–311; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 118.

[11] Клоков В. Б. Новые клады джучидских монет с Водянского городища // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.) : тез. докл. и сообщ. М. : ООО «Тиссо-Полиграф», 2004. С. 87; Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград : ИПК «Панорама», 2001. № 94; Мыськов Е. П. Общие итоги исследований Водянского городища в 1992, 1997 годах // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы : тез. докл. VII Донской археологич. конф. Ростов н/Д., 1998. С. 132; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 45, 48, 95.

дирхемов, серебряную монету Джелаирида Хусейна и бронзовую вставку перстня с арабской надписью; младшей монетой клада является сарайский дирхем Токтамыша 795 г.х.[1]

12. Винновка. У данного села Царицынского уезда в 1870 г. был найден клад серебряных джучидских монет в медном котле[2].

13. Верхне-Ахтубинское (Безродное) I, 1848 г. Между селами Верхне-Ахтубинское и Средне-Погромное был найден клад из 768 серебряных монет 710–768 гг.х.[3]

14. Верхне-Ахтубинское (Безродное) II, 1873 г. Был найден клад из 284 серебряных монет Узбека, Джанибека и Токтамыша чеканки Сарая и Сарая ал-Джедид (младшая монета 791 г.х.)[4].

15. Верхне-Ахтубинское (Безродное) III, 1916 г. Был найден клад из 83 серебряных монет Токты и Узбека[5].

16. Среднеахтубинское, 1865 г. В 6 верстах от села Среднеахтубинское Царевского уезда Астраханской губернии был найден клад в кувшине, состоявший из 54 серебряных слитков, среди которых были слиток новгородского типа с двумя литыми клеймами, два обрубка-полтины и 50 полтин с одним-тремя клеймами[6].

17. Пришиб, 1864 г. У данного села Царевского уезда был найден клад, от которого сохранились 113 серебряных и 2 медные монеты (младшая монета 764 г.х.)[7].

18. Царев I, 1840-е гг. На Царевском городище был найден клад из 7 серебряных монет Туда-Менгу, чеканенных в Сарае в 681 и 683 гг.х.[8]

19. Царев II, 1840-е гг. При раскопках А.В. Терещенко на Царевском городище был найден клад из 5 медных монет хана Хызра (Сарай ал-Джедид и Гюлистан, 761 г.х.), завернутых в ткань[9].

20. Царев III, 1845 г. На Царевском городище были найдены в кувшинах 1128 серебряных монет, отчеканенных в Сарае, Сарае ал-Джедид и Гюлистане[10]. Старшая монета клада датирована 1322 г.

21. Царев IV, 1845 г. На Царевском городище был найден клад из 539 серебряных монет в горшке[11].

22. Царев V, 1846 г. На Царевском городище был найден клад из 155 серебряных джучидских монет в горшке[12].

23. Царев VI, 1847 г. Был найден слиточек в виде слипшихся серебряных монет[13].

24. Царев VII, 1848 г. В ходе раскопок А.В. Терещенко на Царевском городище был найден клад из 8 серебряных монет: двух джучидских (Джанибека и Бирдибека) и шести Ивана III (?)[14].

25. Царев VIII, 1849 г. Был найден клад из 182 серебряных монет в одном кувшине[15]. В комплексе имелись дирхемы Узбека, Джанибека, Бирдибека, Кульны и Хызра. Большая часть монет была отчеканена в Сарае и Гюлистане.

---

[1] Клоков В. Б. Новые клады джучидских монет с Водянского городища… С. 86–87.

[2] Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С.181, № 262.

[3] Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. СПб., 1850. Т. II. С. 1–63; Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С. 134.

[4] Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С. 156.

[5] Там же. С. 134.

[6] Археологическая находка в Царевском уезде Астраханской губернии // Волга. 1865. № 1; Золотая Орда. История и культура. СПб. : Славия, 2005. С. 212, № 293; Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Петербург : Гос. изд-во, 1921. – С. 14; Об археологической находке в Царевском уезде // Волга. 1865. № 5; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л. : Аврора, 1979. С. 58, № 33; Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов... С. 181, № 278а (в данной работе комплекс фигурирует как клад монет).

[7] Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов… С. 133. № 18.

[8] Там же. С. 131. № 1.

[9] Там же. С. 187. № 326; Архив ИИМК. Ф. 6, Д. 81. Ч. III. Л. 383.

[10] Там же. С. 135. № 26; Архив ИИМК, Ф. 6, Д. 81, Ч. II. Л. 11–12.

[11] Там же. С. 181. № 266; Архив ИИМК, Ф. 6, Д. 81, Ч. I, л. 549, 563 об., Ч. II. Л. 101.

[12] Там же. С. 181. № 264.

[13] Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1963. Т. IV. С. 218, № 266а.

[14] Там же. С. 167. № 187.

[15] Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет... С. 214. № 26а.

26. Царев IX, 1849 г. При раскопках А.В. Терещенко на Царевском городище был найден клад из 8 золотых динаров тоглукидских султанов Индии[1]. Младшая монета клада относится к чеканке Фируз-шаха (1351–1388) 753–763 гг.х.

27. Царев X, 1850 г. Был найден клад из 111 серебряных дирхемов ханов Узбека, Джанибека, Бирдибека, Кульны, Науруза, Хызра, Тимур-Ходжи, Килдибека, Мюрида и Азиз-Шейха в горшочке[2].

28. Царев XI, 1851 г. На Царевском городище был найден в горшке клад из 110 серебряных монет, завязанных в истлевший холст[3].

29. Царев XII, 1958 г. На Царевском городище был найден клад серебряных монет, из которого сохранилось 53 дирхема 710–747 гг.х.[4]

30. Царев XIII, 1962 г. Во время раскопок ПАЭ на раскопе IX на 1 штыке (квадрат 27) был найден клад из 12 медных монет с изображением цветка 753–761 гг.х.[5]

31. Царев XIV, 1962 г. При исследованиях Царевского городища на раскопе III в яме 3 были найдены вместе 4 пула чеканки Сарая ал-Джедид 1340-х гг.[6]

32. Царев XV, 1963 г. При раскопках ПАЭ на раскопе III на 2 штыке в квадратах 21–22 был найден клад, состоявший из 34 серебряных монет[7]. В составе комплекса имелись джучидские дирхемы ханов от Узбека до Азиз-Шейха (15 младших монет клада датированы 767 г.х.), а также одно подражание золотоордынской монете.

33. Царев XVI, 1963 г. На Царевском городище на раскопе I во рву были найдены вместе 2 пула Сарая ал-Джедид 1350-х гг.[8]

34. Царев XVII, 1963 г. На раскопе I на Царевском городище на участке 31 (штык 4) были найдены вместе 3 медные монеты Сарая ал-Джедид 1350-х гг.[9]

35. Царев XVIII, 1963 г. На Царевском городище на раскопе I на 6 штыке участка 1 были найдены вместе 3 пула Сарая ал-Джедид 1350-х гг.[10]

36. Царев XIX, 1963 г. При исследованиях Царевского городища на раскопе I на участке 32 (3–4 штыки) были найдены вместе 3 медные монеты Сарая ал-Джедид 1350-х гг.[11]

37. Царев XX, 1965 г. На Царевском городище на раскопе II (штык 1) в квадрате 84 были найдены вместе 4 медные монеты чеканки Сарая ал-Джедид (752 г.х.-1, 1350-е гг.-3)[12].

38. Царев XXII, 1968 г. В ходе работ ПАЭ на Царевском городище на раскопе II (штык 3, квадрат 206) был обнаружен клад из трех медных монет чеканки Сарая ал-Джедид: 1350-е гг.-2, 761 г.х.-1[13].

39. Царев XXIII, 1972 г. На Царевском городище был случайно найден клад серебряных монет в красноглиняном кувшинчике[14]. Сохранилось 717 монет: джучидские дирхемы от Узбека до Токтамыша (среди них имеются надчеканенные; младшие монеты датированы 796 г.х.), подражания им, 5 монет Джелаирида Хусейна и 4 – Тимура и Суюргатмыша 785 г.х.

40. Царев XXIV, 1995 г. На Царевском городище был найден клад из 63 джучидских дирхемов 726–769 гг.х.[15] Два дирхема имели надчеканки.

41. Царев XXV, 1995 г. При раскопках Ю.А. Зеленеева на Царевском городище (раскоп I, яма

---

[1] Григорьев В. В. Монеты афганских султанов Индии, найденные в развалинах Сарая // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. СПб. : Типография экспедиции заготовления государств. бумаг,1850. Т.II. С. 336–351; Золотая Орда. История и культура… С. 211. № 267; Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды… С. 62.

[2] Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С. 135, № 27.

[3] Там же. С. 181, № 265; Архив ИИМК, ф.6, д.81, ч.III, л.515.

[4] Там же. С. 135, № 27а; Федоров-Давыдов Г. А. Отчет об археологической разведке, произведенной на Царевском городище Сталинградской обл. и в г. Азове Ростовской обл. Золотоордынским отрядом Нижне-Донской экспедиции // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 1715–1715а.

[5] Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов... С. 181. № 326а.

[6] Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 116, № 326д.

[7] Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов... С. 178, № 27в.

[8] Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды… С. 116, № 326е.

[9] Там же. С. 116, № 326ж.

[10] Там же. С. 117, № 326з.

[11] Там же. № 326и.

[12] Федоров-Давыдов Г. А. Находки кладов... С. 181, № 326б.

[13] Там же. № 326в.

[14] Федоров-Давыдов Г. А. Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. : Наука, 1978. С. 249–253; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 48–50, 94, № 139а.

[15] Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 49, 80, № 27з.

2) были найдены вместе 4 пула чеканки Сарая ал-Джедид 1350-х гг.[1]

42. Царев XXVI, 1997 г. В центральной части Царевского городища был найден клад серебряных и медных монет[2]. Было определено 19 джучидских монет 717–764 гг.х.

43. Царев XXVII, 1997 г. В центральной части Царевского городища был найден клад из 18 джучидских дирхемов 731–764 гг.х., завернутых в ткань[3].

44. Царев XXVIII, вторая половина 1990-х гг. На Царевском городище был найден клад, состоявший из около 500 джучидских пулов и одного гюлистанского дирхема[4]. Из 8 определенных монет младшим оказался пул Хызра, чеканенный в Гюлистане в 762 г.х.

45. Царевский уезд I, начало XIX в. «В соседних кочевьях» был найден клад, от которого сохранилось 1227 серебряных монет ханов от Токты до Абдуллаха, Булат-Тимура и Азиз-Шейха[5].

46. Царевский уезд II, 1864 г. Был найден клад из 119 серебряных и 2 медных монет 722–763 гг.х.[6]

Городище Шареный Бугор и его округа.

1. Шареный Бугор I, 1867 г. На городище был найден монетный клад XV в., состоявший из более чем 4009 дирхемов[7]. 469 определенных монет принадлежало чеканке ханов от Токтамыша до Улу-Мухаммеда (младшая монета 822 г.х.).

2. Шареный Бугор II, 1867 г. Был «найден комок слипшихся джучидских монет»[8].

3. Шареный Бугор III, 1881 г. Был найден клад, состоявший приблизительно из 18 фунтов серебряных джучидских монет[9].

4. Шареный Бугор IV, 1966 г. При раскопках А.М.Мандельштама и В.А.Филипченко на городище Шареный Бугор в землянке XXI был найден клад из 44 или 45 недатированных медных монет конца XIV в. (?), завернутый в ткань[10].

5. Карантинное. У этого села Астраханского уезда, вероятно на территории городища Шареный Бугор, в 1868 г. был найден клад из 747 серебряных монет ханов от Узбека до Тимур-Кутлуга (?)[11].

6. Николаевка. В 1988 г. в саду птицефабрики «Степная» у села Николаевка Наримановского района Астраханской области найден клад, от которого сохранилось 310 серебряных монет[12]. В кладе имелись джучидские дирхемы 710–768 гг.х., а также одно подражание дирхему Джанибека.

Датированные кладовые комплексы окрестностей Царевского городища были сокрыты в период с середины 1280-х гг. до 1395 г., причем подавляющее большинство кладов, судя по датам младших монет, было зарыто в 1331–1363 гг. (важно, что до начала междоусобицы 60–70-х гг. XIV в. кладов было сокрыто даже больше, чем в первой половине 1360-х гг.). Датированные клады с Шареного Бугра и из его окрестностей сокрыты в конце 1360-х гг. – начале 20-х гг. XV в.

---

[1] Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 117, № 326л.

[2] Там же. С. 81, № 27и.

[3] Та же. № 27к.

[4] Пачкалов А. В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. М. : Информэлектро, 2002. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3, № 52. С. 187.

[5] Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С. 135, № 28.

[6] Там же. С. 135, № 29.

[7] Северова М. Б. Нумизматический материал (Золотая Орда, XIV в.), полученный в ходе археологических работ на Шареном бугре в 1966 году // Нумизматический сборник – 2003: Памяти Алексея Андреевича Быкова (1896–1977). СПб. : Государственный Эрмитаж, 2003. – С. 71–80; Федоров-Давыдов Г. А. Клады… С. 167, № 188.

[8] Северова М. Б. Нумизматический сборник... С. 71–80; Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет... С. 218, № 260а.

[9] Там же... С. 71–80; Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С. 181, № 260.

[10] Северова М. Б. Обзор кладов восточных монет из собрания Эрмитажа // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.) : тез. докл. и сообщ. М. : Тип. ООО «Полтекс», 2000. С. 78; Северова М. Б. Нумизматический... С. 71–80; Северова М. Б. Обзор кладов в Отделе нумизматики Эрмитажа: Золотая Орда и клады мусульманских династий XIII–XVIII веков // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. LX. С. 94–95, 97, рис. 5; Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 118, № 329а.

[11] Федоров-Давыдов Г. А. Клады... С. 155. № 136.

[12] Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды… С. 76. № 15б..

Д.У. Пальцева
(АГМА, г. Астрахань)

УНИКАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА[1]

На Самосдельском городище раскопки ведутся уже 11 лет (2000–2010 гг.). В разные годы финансирование исследований на памятнике осуществлялось Российским Еврейским конгрессом, Российским фондом фундаментальных исследований, Астраханским государственным университетом. Всего на данном памятнике было исследовано свыше 1000 кв. м. на двух раскопах.

Наряду с другими находками здесь было обнаружено значительное количество костяных изделий и заготовок для них, костей со следами обработки, что позволило нам сделать вывод о существовании косторезного производства на городище, датируемом концом IX – серединой XIV в[2].

Всего было внесено в коллекцию 296 изделий из кости. Все предметы делятся на 6 категорий:

- Предметы быта (13 % от общего количества);
- Вооружение и детали конской сбруи (2 % от общего количества);
- Украшения и детали туалета (9 % от общего количества);
- Игральные кости (20 % от общего количества);
- Предметы культового назначения (5 % от общего количества);
- Предметы неясного назначения (51 % от общего количества).

Большая часть изделий не отличается художественной отделкой и относится к предметам воинского снаряжения, предметам быта и орудиям труда. Эти вещи выполнены довольно грубо, без тщательного декорирования, чаще всего украшены довольно простым и распространенным в эпоху средневековья циркульным орнаментом. Орнаментация костяных изделий Самосдельского городища не отличается разнообразием. В целом, из числа костяных изделий с Самосдельского городища орнаментировано всего 6 %. Орнамент практически всегда наносился на готовые вещи. Общее количество учтенных орнаментированных изделий – 17.

Все это заставляет нас предположить, что косторезное производство на Самосдельском городище представляло собой лишь домашний промысел, направленный на удовлетворение повседневных бытовых потребностей.

Но, несмотря на это, в самосдельской коллекции имеется несколько находок, обнаруженных на городище в единичных экземплярах и являющихся уникальными для данного памятника. Их объединяет необычность, оригинальность формы и профессионализм в изготовлении и обработке.

Одним из них является костяной нож (рис. 1), обнаруженный в 2007 г. в яме 174 раскопа I[3]. Яма датируется XI в, то есть начальным периодом существования города Саксин[4]. Помимо ножа, в этой яме были обнаружены археологически целая красноглиняная гончарная крышка и фрагмент железной пластины прямоугольной формы.

Уникальность данной находки заключается в том, что нож выполнен из цельного фрагмента кости, в то время как основная масса ножей на Самосдельском городище представлена или костяными рукоятями с отверстиями для железного черешка лезвия или фрагментами железных лезвий с черешками. Данное изделие выполнено полностью из одной кости. Нож имеет выпуклую зашлифованную и орнаментированную сторону, которая, судя по всему, является внешней, и плоскую, неорнаментированную и менее обработанную внутреннюю поверхность.

На внешней стороне имеется циркульный орнамент в форме окружностей, образующих ромбы, расположенные вдоль лезвия и основания ручки изделия. Окружности образуют верхушки углов ромбов и соединены между собой прочерченными линиями. Рукоять ножа на конце орнаментирована циркульным орнаментом в виде трех горизонтальных рядов соединенных между собой прочерчен-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №10-06-00304.

[2] Костяные изделия и косторезное производство на Самосдельском городище // Электронный университет как условие устойчивого развития региона : мат-лы Междунар. научно-практ. конф. студентов и молодых ученых. Астрахань, 2005. С. 147–148.

[3] Васильев Д. В. Отчет о раскопках на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2007 г. // Архив археологической лаборатории Астраханского государственного университета. Ф. 1. Астрахань, 2007. С. 91.

[4] Выражаю благодарность Д.В. Васильеву, одному из авторов исследований Самосдельского городища, за разъяснение внутренней хронологии памятника в личной беседе.

ными линиями окружностей. Верхушка рукояти закруглена и имеет сквозное отверстие, вероятно для подвешивания ножа. По бокам отверстия также имеется по одной окружности.

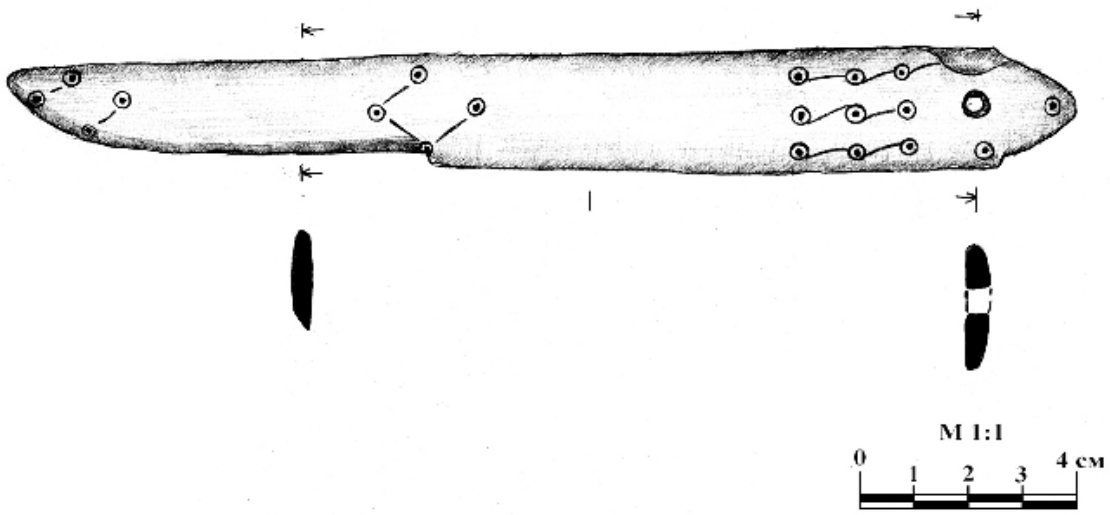


Рис. 1. Костяной нож

Лезвие ножа заострено с одной стороны так, что окружность, представляющая собой нижний угол ромба, прочерченного у основания рукояти ножа, наполовину обломана. Это дает нам право предполагать, что изначально орнаментированная костяная пластина предназначалась совсем для иных целей. Скорее всего, это была накладка на некий предмет, о чем также свидетельствует плоская поверхность ножа, которая, очевидно, служила местом соприкасновения накладки с основным предметом. Использование же изделия в качестве ножа дало ему вторую жизнь. При изготовлении лезвия ножа ранее прочерченный орнамент был слегка задет и поврежден. Вполне возможно, что нож использовался в быту. Возможно, он использовался для мездрения кож или в процессе других работ с кожами. Однако, его лезвие слишком тупое для столь сложной работы, к тому же специализированные орудия – тупики, выполненные из лопаток мелкого рогатого скота, более подходят для такого рода операций. Есть еще оно предположение, что нож мог использоваться в качестве инструмента для чистки рыбы и выделывания рыбьей кожи. Существование так называемых рыбных ножей из кости установлено, например, на Ямале, в результате этнографических, археологических и трасологических исследований[1]. Вполне возможно, что такие изделия имели место и на Самосдельском городище. По этнографическим сведениям костяные ножи для разделки рыбы известны у орочей и других дальневосточных народов[2]. В настоящее время для обработки кожи рыб часто пользуются тупыми ножами, поскольку снятие неповрежденной кожи с рыбы целиком – очень сложный процесс, сопряженный с тем, что тонкая кожа рыбы при отделении ее от тела может легко порваться и поэтому здесь недопустимо использование острых инструментов[3]. В силу того, что население Самосдельского городища активно потребляло крупную рыбу, что следует из результатов археозоологических исследований, вполне вероятно, что данный нож мог использоваться в качестве инструмента обработки рыбьей кожи или просто при разделке рыбы.

Следующим уникальным предметом из коллекции находок с Самосдельского городища является костяная шпилька для волос (рис. 2). Это изделие имеет вид стержня длиной 9,8 см. Он вырезан из фрагмента трубчатой кости. С одной стороны стержень заострен, на противоположном его конце имеется навершие в виде уплощенного четырехлепесткового цветка, которому предшествует уплощенная площадка, прямоугольной формы. В навершии имеется поперечное округлое в сечении отверстие диаметром 0,4 см. Лепестки имеют подквадратную форму. Два верхних лепестка крупнее, нежели два нижних лепестка. Ширина боковых граней верхних лепестков – 0,7–0,8 см.

[1] Алексашенко Н. А. Трасология в археологии и этнографии Севера Западной Сибири: итоги и перспективы // Северный археологический конгресс. Доклады. 2002. С. 6–18.

[2] Аврорин В. А., Козьминский И. И. Представления орочей о вселенной о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» // Сб. МАЭ М. – Л., 1949. Т. XI.

[3] Кожикаева О. Из кожи рыб // Северные просторы. 2000. № 4. С. 101–105.

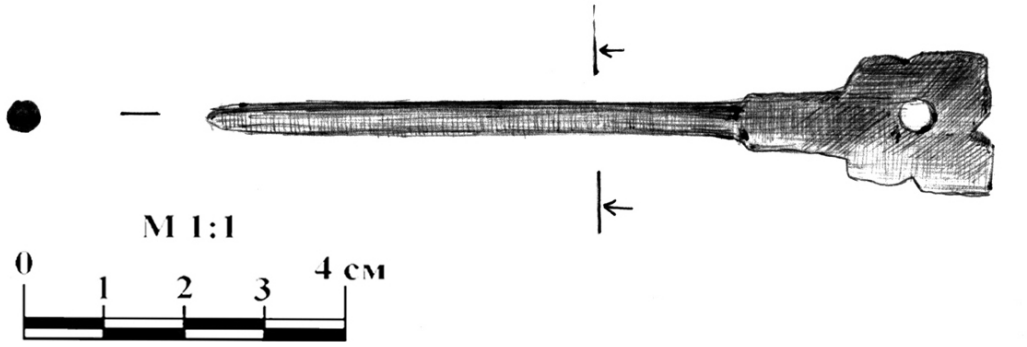


Рис. 2. Костяная шпилька

Ширина боковых граней нижних лепестков – 0,4 см. Длина плоской площадки перед навершием – 1,2 см. Поверхность изделия заполирована и имеет светло-коричневый цвет. Диаметр острия – 0,4 см. Изделие было обнаружено в яме 123, которая была выявлена на уровне XI–XII вв[1].

Очевидно, что изделие было изготовлено на токарном станке. Кроме того, оно имеет красноватый оттенок, что может быть обусловлено тщательным вываривaнием кости при обработке или обработкой изделия на завершающем этапе его изготовления специальным красящим составом, который мог придать ему такой цвет.

Подобные изделия были описаны О.И. Давидан, которая обозначила их как булавки, одна из которых применялась при прядении, другие же, как шпильки для волос[2]. При раскопках на Старой Ладоге все подобные изделия, в количестве 6 штук, были обнаружены в слоях, датируемых IX–X вв., именно в это время появляются новые категории изделий, изготовленных на токарном станке: булавки, свирели, игольники и т.д. Вполне возможно, что это шпилька для волос, поскольку для проколки или булавки она обладает слишком большими размерами, к тому же очень хорошо отполирована и не оимеет повреждений на поверхности, связанных с использованием. Похожее изделие было обнаружено в 1950 г. Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции на территории Свинуховского городища, расположенном на правом берегу р. Угры. Городище датировано III–V вв. н.э. Предмет по форме аналогичен шпильке с Самосдельского городища, но его уплощенный верхний конец с отверстием имеет квадратную форму без выделения в нем лепестков. Автор публикации, видимо ошибочно, упомянула это изделие среди проколок и игл[3]. Надо заметить, что подобной формы предметы могут быть использованы по-разному. Но, судя по высокому уровню обработки и отсутствию следов использования, можно считать, что самосдельское изделие скорее имело эстетическую направленность нежели какую либо практическую и использовалось как шпилька для волос.

Среди вышеописанных находок Самосдельского городища необходимо отметить костяную копоушку (рис. 3). Ее рукоять украшена резным сложным спиралевидным орнаментом. Конец рукояти заострен в виде навершия, в котором имеется сквозное отверстие для подвешивания диаметром 0,4 см. Другой конец вырезан в виде миниатюрной ложечки. Длина копоушки составляет 8,3 см. Изделие обнаружено в яме 243, датирующейся X веком, то есть хазарским периодом[4]. Изделие выполнено на высоком художественном уровне. Костяной материал, использованный для изготовления предмета, тщательно обработан, в результате чего изделие имеет приятный светло-желтый янтарный цвет.

[1] Васильев Д. В. Отчет о раскопках на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2005 г. // Архив археологической лаборатории Астраханского государственного университета. Ф. 1. Астрахань, 2007. С. 93.

[2] Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник. Л. – М., 1966. Вып. 8. С. 103–115.

[3] Никольская Т. Н. Городище у древни Свинухово // КСИИМК. Вып. XLIX. М., 1953. С. 86–96.

[4] Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д. Отчет о раскопках на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2006 г. // Архив археологической лаборатории Астраханского государственного университета. Ф. 1. Астрахань, 2007. С. 80–81.

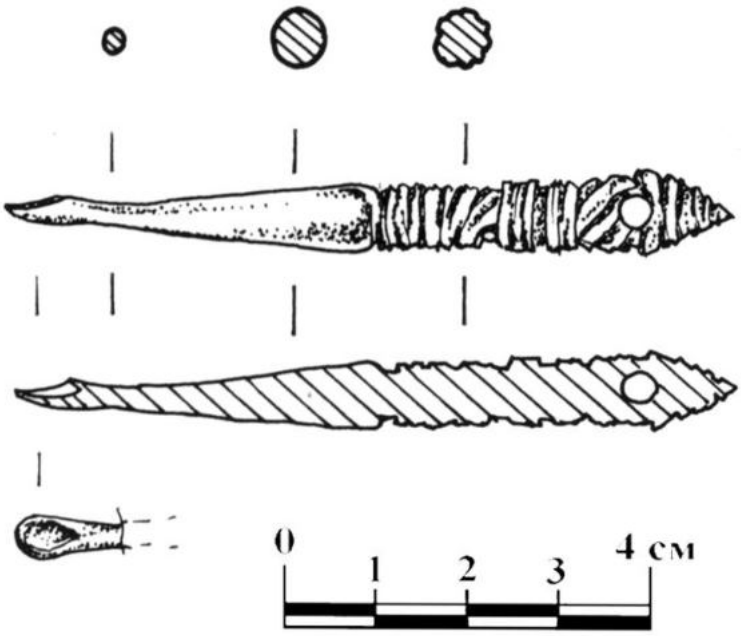


Рис. 3. Костяная копоушка

Это изделие является уникальным, аналогий данному предмету не найдено. Но известно, что костяные копоушки (уховертки) были распространены на территории Волжской Болгарии[1]. Среди них встречаются изделия, декорированные частично или полностью резным рельефным орнаментом. Но, в отличие от изделия с Самосдельского городища, навершие болгарских копоушек часто бывает украшено зооморфными орнаментами. Помимо костяных уховерток в золотоордынское время существовали и бронзовые.

До сих пор на Самосдельском городище не было обнаружено инструментов, которые могли бы применяться для изготовления последних двух изделий, в частности, деталей токарного станка. Можно предположить, что высокохудожественные и сложные в обработке изделия косторезного промысла, встречающиеся на городище, были импортными. Это вполне соответствует представлению о развитии косторезного дела на городище на уровне домашнего производства.

Представленные костяные изделия с Самосдельского городища определены как уникальные для данного памятника, поскольку выделяются из массы остальных предметов из кости высоким уровнем обработки, творческим подходом в изготовлении и отсутствием четких аналогий среди вещей с поволжских памятников домонгольского и золотоордынского периодов.

Если костяной нож вполне мог быть изготовлен местным костерезом из пришедшей в негодность пластины или накладки на некий предмет, то остальные два предмета, скорее всего, были импортными.

[1] Руденко К. А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) : мат-лы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 года Казань-Яльчик). Казань : РИЦ «Школа», 2005. С. 67–97.

А.В. Пачкалов
(Финансовая академия при Правительстве РФ, г. Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА, НАХОДИВШЕГОСЯ НА МЕСТЕ КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДИЩА В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

«*Ниже Чигит-Адхи*[1] *по луговой стороне город Красный Яр. Древнее и немалое строение было, но звания древнего никто не знает».*

Из описания путешествия по Волге императрицы Екатерины Великой.

«Топография ханства Золотой Орды, несмотря на то, что долженствовала бы иметь для нас большую привлекательность, остается до сих пор еще полем, слишком мало обработанным».

Х.М. Френ. «О бывшем монгольском городе Укеке».

В историографии имеется несколько точек зрения относительно имени города, занимавшего место археологического памятника, известного ныне, как Красноярское городище (расположено у с. Красный Яр, Красноярский р-н, Астраханская обл., восточная часть дельты Волги).

К сожалению, памятник изучен слабо, однако, на мой взгляд, уже имеющиеся в настоящее время материалы, должны вызвать к нему особый интерес. Целью работы является разбор мнений и аргументов относительно этого вопроса.

1. Краткая характеристика памятника. Красноярское городище расположено при слиянии р. Бузан и р. Маячная на бэровских буграх в райцентре Красный Яр Астраханской области. Городище почти полностью уничтожено современными жилыми постройками. Центральная часть городища располагалась на Красноярском бугре (правый берег р. Маячной). Некрополь городища (грунтовые могильники Маячный I и Маячный II) расположен на бэровском бугре к северу от Красного Яра, на левом берегу р. Бузан, и исследуется с 1980-х гг.[2]. В.Д. Белецкий определяет размеры городища так: длина – 800–1000 м., ширина – 400–500 м.[3].

Памятник был известен уже во второй половине XVIII в., упоминается в сочинении Екатерины II[4]. Известно Красноярское городище было и академику И.П.Фальку (1770 г.)[5]. Сохранились известия, что в 1850 г. местными жителями на городище были найдены глиняные водопроводные трубы и большой кувшин[6]. Отдельные упоминания находок в Красном Яру имеются в литературе второй половины XIX в. и начала XX в., однако, вплоть до второй половины XX в. памятник оставался совершенно неизученным археологами.

В 1957 г. городище было осмотрено экспедицией Государственного Эрмитажа[7], а в 1963 г. – Поволжской археологической экспедицией. Однако, лишь в 1989–1990 гг. П. В. Казаков и Е. В. Шнайдштейн начали археологическое изучение памятника[8]. В 1991 г. раскопки были проведены

[1] Джигит Хаджи (Дзигит Гази, Дзигель-Ази и т.д.) – местное название Селитренного городища. Однако в узком смысле слова, как отмечает К.Н. Малиновский, название относилось только к одному месту – татарскому кладбищу, расположенному в 3 верстах от Каменного бугра (Малиновский, 1892. С. 12). По объяснению местных жителей, «Дзигит» или «Джигит» – имя некоего святого (Полное собрание ученых путешествий…, 1824. С. 139). Вместе с тем П. Небольсин справедливо отметил, что слово «Джигит», очень напоминает искаженное слово «Джедид» / «Новый» (Небольсин, 1852. С. 25).

[2] Котеньков С. А., Васильев Д. В., Кутуков Д. В., Пантелеев С. А. Исследования в дельте Волги // АО 1994 г. М, 1995. С. 213; Гречкина Т. Ю., Шнайдштейн Е.В. Археология Астраханского края на рубеже тысячелетий // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий : мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Астрахань, 2001. С. 6; Васильев Д. В. Языческие погребения грунтового могильника «Маячный бугор» // Поволжье в Средние века : тез. докл. Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Н. Новгород, 2001 С. 34.

[3] Белецкий В. Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Гос. Эрмитажа за 1957 г. Л. 1958. Архив ИА РАН. № р-1 2536С. 34.

[4] Катанов Н. Ф. О древностях Волги и Кавказа // ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII, вып. 3. С. 241.

[5] Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. III. С. 143–144.

[6] Там же. С. 203.

[7] Белецкий В. Д. Археологические разведки на Нижней Волге // СГЭ. 1962. Вып. XXIII. С. 61.

[8] Казаков П. В., Пигарев Е. М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // Материалы по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998.

С.А. Котеньковым[1]. Всего было заложено несколько раскопов площадью более 300 кв. м. Были зафиксированы следы керамического производства, а разведочными работами 1991 г. выявлен горн.

В ходе исследований было установлено, что мощность культурного слоя составляет до 0,8 м[2].Исследователями памятника был сделан вывод о том, что «Красноярское городище являлось крупным центром городской культуры с развитой сельскохозяйственной округой»[3].

Важны для рассматриваемой темы также и данные исследований грунтового могильника Маячный бугор. Экспедицией Астраханского педагогического института и Госдирекции охраны памятников в 1989, 1991–1996 гг. было исследовано более 300 погребений. По Д.В. Васильеву, могильник относится ко времени существования городища[4]. Исследователи также отмечают, что могильник Мачный бугор был оставлен оседлым населением золотоордынского городища Красный Яр[5]. Об оседлости населения, оставившего могильник, могут свидетельствовать семена дыни, винограда, арбуза, а также другие находки.

По данным Е.М. Пигарева, в погребениях могильника древнейшие датированные монеты относились к 1266 г., а позднейшие – ко времени правления хана Узбека[6]. Некоторые монеты чеканены в Сарае, часть монет выпущена в Укеке. Монеты из раскопок могильника С.А. Котеньковым в в 1991–1996 гг. охватывают период с 1271 по 1322 г. По мнению исследователя, это может свидетельствовать о том, что «в последней четверти XIII в. город уже существовал, о чем свидетельствуют сырцовые конструкции в обнаруженных захоронениях. Производить в таком количестве стандартный кирпич-сырец, могли только городские мастера, изготавлявшие в своих мастерских строительный материал не только для погребальных конструкций, но и для жилых и хозяйственных построек»[7].

При археологических исследованиях могильника и городища были обнаружены важные нумизматические материалы, на характеристике которых я остановлюсь далее.

С.А. Котеньков и О.Ю. Котенькова предполагают, что, возможно, поселение на территории Красного Яра могло существовать и в домонгольское время[8], однако, подтверждений этому предположению, кажется, пока еще нет.

2. Шеркеш или Черкес? Недавно было высказано предположение, что средневековый город на месте Красного Яра назывался предположительно «Шеркеш или Черкес, по имени Хаджи-Черкеса, походного эмира хана Бердибека»[9]**.** Это сообщение, насколько мне известно, не находит каких-либо подтверждений в источниках. Аргументы в пользу этого предположения не были высказаны.

3. Кызылъяр? (Красный Яр?). Известный исследователь духовной культуры тюркских народов средних веков Г. Давлетшин пишет, что поэт «Казтуган сын Сюенеча» родился в богатой

---

[1] Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006. С. 133.

[2] Там же.

[3] Казаков П. В., Пигарев Е. М., Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // Материалы по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. С. 82

[4] Васильев Д. В.1994. Погребения с южной ориентировкой на грунтовом могильнике «Маячный Бугор – I» // XXV Урало-Поволжская археологическая конференция : тезисы докладов. Самара, 1994. С. 47.

[5] Вычегжанин И. В. Погребения с южной ориентировкой XIII–XIV вв. на грунтовом могильнике “Маячный Бугор” // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона. УПАСК – XXXV. Йошкар-Ола, 2003. С. 78; Котеньков С. А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань, 2004. Вып. 4. С. 153; Пигарев Е. М. Материалы охранных раскопок бзровского бугра Маячный I // Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды : тез. докл. межрегион. конф. Волгоград, 1992. С. 37.

[6] Пигарев Е. М., Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С. 287–290

[7] Котеньков С. А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области // Восток – Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань, 2004. Вып. 4. С. 158–159.

[8] Лишь в конце XX в. в ходе археологических исследований золотоордынских поселений в дельте Волги было установлено, что, по крайней мере, два из них (городища Самосделка и Мошаик) существовали в домонгольское время. В связи с этим локализация Саксина, а также, возможно, и Суммеркента на территории Самосдельского городища представляется вполне вероятной. Котеньков С. А., Котенькова О. Ю К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 144.

[9] Кирокосьян М. Топонимический словарь Астраханской области. Астрахань, 2007. С. 43.

семье «в устье Волги в местности Кызылъяр»[1]. Эта интересная информация, к сожалению, опубликована без ссылок на какие-либо данные.

4. Берекзаны? Попытка отождествить Берекзаны, упомянутые у Афанасия Никитина, с Красноярским городищем была недавно предпринята С.А. Котеньковым и О.Ю. Котеньковой[2]. Эта версия представляет интерес, однако, текст Хожения Афанасия Никитина, который является единственным свидетельством о существовании такого топонима, не дает прямых оснований связывать Красноярское городище с ним: «… и Орду, и Усланъ, и Сарай, и Берекзаны проехали есмя добровольно. И въехали есмя в Бузанъ реку»[3]. Исходя из текста, можно лишь сделать вывод, что Берекзаны располагались южнее Сарая XV в. (Селитренного городища), и севернее реки Бузан, однако на этом участке известно несколько золотоордынских памятников, и нет оснований связывать Берекзаны непосредственно с Красноярским городищем[4].

5. Сарай?

> *«Но сами мы что предпримем, чтобы добыть свету в той мгле, которая скрывала местоположение Сарая до нас, и которую мы сгустили еще более разбором современных свидетельств об этом предмете, долженствовавших, как, казалось бы, разъяснить дело? …»*
>
> *В.В. Григорьев. «О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды».*

На Всероссийской научно-практической конференции «Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий», состоявшейся в г. Астрахани в апреле 2001 г., автором была высказана гипотеза о локализации на месте Красноярского городища первой столицы Золотой Орды – города Сарая. Главными основаниями для такого предположения явились монеты, найденные при раскопках Красноярского городища и могильника Маячный бугор.[5] К сожалению, в рамках одной этой статьи невозможно рассмотреть всю огромную историографию этой темы и все источники, связанные с «сарайским вопросом».

Классической теорией о Сарае и Сарае ал-Джедид, утвердившейся в XX в., являлось представление о локализации Сарая на Селитренном городище в Астраханской области, а Сарая ал-Джедид на Царевском городище. Печатные дискуссии по данному вопросу на протяжении почти всего XX в. напрочь отсутствовали (хотя на протяжении почти всего XIX в. дискуссии были постоянными). Дискуссию о локализации Сарая возобновил И.В. Евстратов[6].

---

[1] Давлетшин Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие). Казань, 2004. С. 404.

[2] Котеньков С. А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области // Восток – Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань, 2004. Вып. 4. С. 159; Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 145.

[3] Хожение за три моря Афанасия Никитина / под ред. Б. Д. Грекова. М. – Л., 1948. С. 8–9.

[4] Интересно указание Д.Ф. Кобеко о том, что данный топоним очень напоминает искаженное арабское словосочетание «благодатные мечети» (Кобеко Д. Ф. К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды // ЗВОРАО. Новая серия. 1890. Т. IV. С. 6–7).

[5] см. также: Пачкалов А. В. К вопросу об интерпретации эпитета ал-Джедид (по материалам городов Улуса Джучи) // Поволжье в Средние века : тез. конф. Н. Новгород, 2001; Пачкалов А. В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія Східної Эвропи : матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Т. 3.; Пачкалов А.В. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. XIII. Wiesbaden, 2004; Пачкалов А. В. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Казань, 2007. Вып. 8.; Пачкалов А. В. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // Пятнадцатая Всерос. нумизматическая конф. : тез. докл. и сообщ. М., 2009; Пачкалов А. В. Очерк по истории Старого и Нового Сараев – столиц Золотой Орды // Azerbaijan and Azerbaijanis. Азербайджан и азербайджанцы. Vol. 103–104, № 1–2. Baku, 2009. Недавно Ю. А. Зеленеевым было также отмечено, что город, располагавшийся на месте Красноярского городища, возможно, по значимости соответствовал столичным городам (Зеленеев Ю. А. Городское и кочевое население золотоордынского Поволжья: единство противоположностей // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 134).

[6] Евстратов И. В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних пемен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2.

Результаты последних исследований позволяют считать, что теория, господствовавшая в XX в., является ошибочной.

В настоящее время ясно, что Царевское городище является развалинами города Гюлистана[1]. Главными аргументами, на мой взгляд, при этом являются данные, что датировка Царевского городища соответствует времени упоминания в источниках Гюлистана и времени чеканки в Гюлистане монет, а время чеканки монет в Сарае ал-Джедид не соответствует времени существования Царевского городище (известны монеты Сарая ал-Джедид тех лет, которые совершенно не встречаются на территории Царевского городища, но имеются на Селитренном городище). Известные на сегодняшний день данные средневековых карт, письменных источников, археологии не содержат сведений, которые позволили бы однозначно связывать Сарай ал-Джедид с городищем у с. Царев.

В последнее десятилетие в трудах нескольких исследователей получила развитие идея о существовании в Золотой Орде лишь одного Сарая (на Селитренном городище) (развитие идеи И.В. Евстратова). Вместе с тем Селитренное городище по своей датировке не может охватывать все время существования Сарая (с середины XIII до конца XV в.). Многолетние исследования Селитренного городища (в том числе и новые работы, проведенные на территории, занятой современным селом) позволяют полагать, что город возникает в 1330-е гг., но никак не раньше. В Нижнем Поволжье вообще не известны крупные ордынские памятники с такой широкой датировкой – от середины XIII до конца XV в. Следовательно, Сарай не мог не переноситься с места на место.

Город на месте Селитренного городища возникает практически в одно время с началом упоминаний в источниках Сарая ал-Джедид (Нового Сарая). Город на месте Селитренного городища соответствует второй столице Золотой Орды – Сараю ал-Джедид (очевидно, что после переноса столицы новый город мог называться и просто Сараем).

Если локализация Гюлистана на месте Царевского городища, а второго Сарая (Сарая ал-Джедид) на месте Селитренного городища, на мой взгляд, в настоящее время очевидна, то вопрос с локализацией первого, древнейшего Сарая не до конца ясен. Нельзя исключать вероятность того, что этот памятник еще неизвестен. Однако наиболее вероятной мне представляется локализация первого Сарая на месте Красноярского городища.

В последние годы на Красноярском городище был собран комплекс из 37 серебряных и 101 медной монеты Золотой Орды (материалы сборов, хранящиеся в частных коллекциях, а также в Астраханском историко-архитектурном музее-заповеднике)[2]. Большинство серебряных монет относятся к чекану Сарая / Сарая ал-Махруса. Вызывает интерес большое количество монет Укека, находки которых достаточно редки к югу от Саратовской области. Среди медных монет преобладают монеты Сарая и Сарая ал-Джедид. Имеющаяся информация, позволяет считать, что золотоордынский город, располагавшийся на месте Красного Яра, существовал уже во второй половине XIII в. Здесь найдены сарайские монеты этого времени, а они практически не обращались после правления хана Токты (отсутствуют в многочисленных кладах более позднего времени). Медные монеты относятся только к XIV в. (отсутствие медных монет XIII в. объясняется их редкостью в монетном обращении Нижнего Поволжья), кроме того медные монеты с Красного Яра охватывают и более поздний период (вплоть до времени правления хана Токтамыша). Полностью отсутствуют одни из наиболее широко распространенных золотоордынских эмиссий – серебряные и медные монеты Джанибека 1340-х гг., что позволяет предполагать хронологический разрыв в истории населенного пункта, относящийся к концу правления Узбека или началу правления Джанибека, и возвращение населения в более позднее время – в 1350-е или в 1360-е гг. (подтверждается находками монет этого времени). Наиболее поздние серебряные монеты с Красного Яра относятся ко времени правления хана Узбека. Среди медных монет 64 экз. относятся ко времени до правления Джанибека, и 37 экз. датируются 2 пол. XIV в. Расцвет монетного обращения пришелся на конец правления Токты и на время правления Узбека.

Очевидно, что наиболее вероятным объяснением факта оставления населенного пункта в конце правления Узбека может являться повышение уровня Касийского моря (сходная ситуация прослеживается и на монетном материале другого памятника в дельте Волги – Самосдельского городища). Возникновение населенного пункта на Селитренном городище дает объяснение появлению в начале 1340-х гг. применительно к Сараю эпитета «ал-Джедид» («Новый»), а изучение

[1] Евстратов И. В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних пемен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2.

[2] Пачкалов А. В., Скисов С. Ю. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ. М., 2009.

средневековых памятников в дельте Волги указывает на процесс трансгрессии, который пришелся на период правления Узбек хана, и позволяет связывать этот процесс с переносом столицы Золотой Орды, с основанием Нового Сарая. Полной уверенности в локализации Сарая на Красноярском городище в настоящее время нет, однако, этот памятник, на мой взгляд, является наиболее вероятным претендентом для такой локализаци.

Был ли Сарай до правления Узбека большим городом? Неразвитость города, отсутствие развитых экономических функций в Сарае в XIII в. отмечал и В.Л.Егоров[1]. Очевидно, что Сарай XIII в. должен был значительно уступать Сараю XIV в., и в археологическом отношении ранняя столица Золотой Орды должна представлять не столь значительный памятник, как крупнейшие города времени расцвета золотоордынского государства.

Большое количество джучидских монет XIII и начала XIV в., обнаруженных при исследовании погребений могильника Маячный бугор, позволяет поставить вопрос о возможности локализации на соседнем с ним Красноярском городище первой столицы Золотой Орды – Сарая.

Д.В. Васильев, анализируя данные из раскопок могильника Маячный бугор, отметил, что «именно здесь обнаружено наибольшее в процентном отношении количество «богатых» захоронений (с серебряными и золотыми изделиями)». По мнению исследователя, «все это позволяет наметить еще одно направление будущих исследований – о статусе в Золотой Орде Красноярского городища и оставившего могильник населения»[2]. С.А. Котеньков и О.Ю. Котенькова, не связывая Красноярское городище с Сараем, вместе с тем отмечают, что, исходя из данных нумизматического материала в погребениях некрополя Красноярского городища, «можно предположить, что Красноярское городище является едва ли не ровесником Сарая»[3].

Несмотря на полное отсутствие слоев XIII – начала XIV в. на Селитренном городище, В.Л. Егоров и В.В. Дворниченко утверждают, что город на этом месте существовал уже с середины XIII в.[4] Эта точка зрения по-прежнему пользуется поддержкой среди многих археологов.

Предположение о том, что Сарай XIII в. мог располагаться под современным селом также не находит подтверждения. Новые исследования в районе Селитренного «подтверждают предположение о том, что под селом культурный слой гораздо менее насыщен, нежели на территории городища, расположенного севернее с. Селитренного. В Ю В части села культурный слой местами отсутствует, местами отмечены пятна культурного слоя…»[5].

6. Кандак?

Западноевропейские карты. Город Candach отмечен в восточной части волжской дельты на известной карте Фра Мауро 1459 г.[6] В недавней книге, посвященной анализу сведений на данной карте, Candach остается нелокализованным.

Исходя из этой информации нельзя быть уверенным, что город Кандак – это город, существовавший в XV в. Еще Ф.Ф. Чекалиным было отмечено, что на карте Фра Мауро «Золотая Орда

---

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 115.

[2] Васильев Д. В. Погребальные памятники центральных областей Улуса Джучи (К вопросу об исламизации населения Золотой Орды). Автореф. дис. … канд. истор. наук. Казань, 2007. С. 20. Исходя из данных письменных источников, можно предполагать, что в XIII в. некрополь правителей Золотой Орды располагался в Сарае (по крайней мере, есть сведения, что в Сарае был погребен Берке) (Тизенгаузен, 1941. С. 76, 100).

[3] Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 144–145.

[4] Дворниченко В. В., Егоров В. Л. Г.А. Федоров-Давыдов и Поволжская археологическая экспедиция // Поволжье в Средние века : тез. докл. Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Н. Новгород, 2001. С. 16. Следующая цитата верно иллюстрирует подобное заключение: «Археолог, приступая к работе на городище, уже имеет определенное суждение о городе, который на нем располагался и, результаты своей работы он затем трактует только в пользу этого суждения, независимо от полученных раскопками фактов» (Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 91).

[5] Гречкина Т. Ю., Зеленеев Ю. А., Кутуков Д. В., Павленко Ю. А., Пигарев Е. М., Румянцев Г. Г. Исследования Поволжской экспедиции в Астраханской области // Археологические открытия 2003 г. М., 2004. С. 258.

[6] Fra Mauro's World Map with a commentary and translations of the inscriptions. Brepols, 2006. P. 640-641, № 2501. Интересно, что еще один Candach отмечен в другом регионе – недалеко от Балтики (Fra Mauro's World Map with a commentary and translations of the inscriptions. Brepols, 2006. P. 646–647, № 2537).

изображена … очевидно, из более ранней и лучшей эпохи ее существования»[1] (т.е. XIV в. – АП). Д. Девиз справедливо указывал, что на карте содержится информация как XIV в., так и более поздние сведения[2].

Candich упоминается Фра Мауро также в надписи, рассказывающей о границах «богатого и знатного царства Старого Ургенча» (на его западных границах – Candich e Saray)[3]. Эта информация присутствует и на так называемой карте Борджиа (Candac e Sarai)[4], также относящейся к XV в.[5]

На карте в атласе Анжело Фредучи 1556 г., хранящейся в Публичной библиотеки г. Мантуи, в низовьях Волги обозначена надпись «cano de»[6]. И.В. Волков полагает, что «такое изображение могло послужить источником для карты Фра Мавро 1459 г.»[7], однако исходя из целого ряда данных, имеющихся на этих двух картах, на мой взгляд, можно говорить об обратном: карта Фра Мауро 1459 г. была источником для карты в атласе Анжело Фредучи 1556 г. На карте Анжело Фредучи поволжские топонимы обозначены с большей степенью искажений, в т.ч. и Candach искажен до формы «cano de» (о том, что, что Candach ближе к истине свидетельствуют данные и других источников, см. далее).

Город Candach отмечен также на карте, близкой к карте Фра Мауро[8]; город Candac присутствует на анонимной карте Европы (Венеция, 1570 г.) в районе восточной части волжской дельты[9]. Очевидно, что появление данного города на этих картах также связано с влиянием карты Фра Мауро (возможно, в основе всех этих сведений лежал один первоисточник). Учитывая типичность анахронизмов на картах того времени, нельзя полагать, что существование города Кандак было связано именно с XV или тем более с XVI в.

Имеются схожие названия и на более поздних картах: например, карта «Государства царя и великого герцога Белой России или Московии» (датируется первой половиной XVII в.), где также в восточной части волжской дельты имеется не город, но протока Kintoch[10]. Вполне очевидно, что протока Kintoch в дельте Волги напрямую связана с городом Candach (Candac, Candich), отмеченном в этом же районе. Наличие протоки со сходным названием отмечает и другой источник – «Книга Большому Чертежу» (см. далее).

И.В. Волков первым отождествил Кандак карты Фра Мауро с Красноярским городищем[11]. Предположение, его, однако, было оставлено без аргументации[12].

Есть ли основания считать, что город, обозначенный на карте Фра Мауро в дельте Волги, должен соответствовать именно Красноярскому городищу? Можно ли считать надежной информацию об этом городе исходя из данных только карт? Не может ли быть эта информация ошибочной? Необходимо обратиться к рассмотрению других данных.

Письменные источники XVI–XVII вв. В источнике, известном под названием «Книга Большому Чертежу», при описании волжской дельты имеется следующий пассаж: «а ниже Ахтубы из Волги проток Кандак, 3-й проток Арыча, 4-й проток Гнилуша, 5-й проток Булда»[13].

Текст «Книги…» не дает четкой информации о том, какой именно из многочисленных протоков в дельте Волги носил название «Кандак», однако, исходя из данной информации, можно считать, что слово «Кандак» на европейских картах XV–XVII вв. в дельте Волги не является случайностью или ошибкой, находя подтверждение (в виде гидронима) и в другом источнике.

---

[1] Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен. Саратов, 1892. С. 32.
[2] DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles abd Conversation to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994. P. 197.
[3] Falchetta P. Fra Mauro's World Map with a commentary and translations of the inscriptions. Brepols, 2006. P. 613.
[4] Там же. P. 747.
[5] Карта Борджиа была предположительно создана между 1410 и 1458 гг. (Багров Л. История русской картографии. М., 2003. С. 61).
[6] Caraci G. The Italian cartographers of the Benincasaand Freducci families and so-called Borgiana map of the Vatican Library // Imago Mundi. Leiden, 1953. Vol. X. P. 31.
[7] Волков И. В. О наименовании золотоордынских поселений правобережья Нижней Волги // Поволжье в Средние века : тез. докл. Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Н. Новгород, 2001. С. 329.
[8] Almagià R. Monumenta Cartographica Vaticana. Vatican, 1944. 1 Vol. Tab. XIII.
[9] Almagià R. Monumenta Cartographica Vaticana. Vatican, 1948. 2 Vol. Tab. XXIX.
[10] Атлас Tartarica. Казань – М. – СПб., 2006.
[11] Волков И. В. О наименовании золотоордынских поселений правобережья Нижней Волги // Поволжье в Средние века : тез. докл. Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова. Н. Новгород, 2001. С. 58.
[12] По мнению исследователя, есть основания считать, что здесь же умер хан Токта (Волков, 2001. С. 58).
[13] Книга Большому Чертежу. М. – Л., 1950. С. 145.

В грамоте от князя Исмаила к царю Иоанну Васильевичу упоминается на Волге местность Хандак[1]. Имеется Кандак в калмыцких источниках: Дайчин заявил, что урочище Кандаки под Астраханью «искони природные их калмыцкие места, прадеда их Чингис-хана»[2].

Имеются упоминания местности Хандак и в Посольских книгах: «а мы их от астороханских улусов отведем, есть место, словет Хандак»[3]. На берегу Волги упоминается юрт Хандыков: «а мы на берегу Волги на Хандыкове юрте хотим город поставити»[4].

Упоминается местность Хандак и в ряде других документов XVI-XVII вв. Вполне очевидна, на мой взгляд, связь данных картографии со сведениями, содержащимися в восточных и русских источниках (упоминается город, протока, местность). Очевидно наличие независимых источников, сообщающих о Кандаке (Хандаке) в низовьях Волги.

Современная топонимика и археологические данные. Удивительно, но в решении данного вопроса помощь могут оказать данные современной топонимики! В нескольких километрах от Красного Яра, на берегу Кривого Бузана в настоящее время существует населенный пункт Кондаковка, а юго-восточнее Красного Яра, на берегу Бузана – пос. Шагано-Кондаковка. Очевидно, что сведения Фра Мауро, «Книги Большому Чертежу» и других источников имеют отношения именно к этому району.

В окрестностях этих сел в настоящее время известен только один значительный памятник средневекового времени – Красноярское городище (в нескольких километрах от Шагано-Кондаковки; очевидно, что наличие нескольких современных сел на этой территории объясняется существованием протоки с именем Кандак).

Помимо находок монет конца XIII – начала XIV в., на Красноярском городище также зафиксированы монеты второй половины XIV в. (вплоть до конца XIV в. включительно), а на карте Фра Мауро имеются населенные пункты, которые прекратили свое существование в конце XIV в. (например, имеется город Бельджамен в районе Волго-Донской Переволоки, тогда как находок монет XV в. во всем этом районе практически нет). Т.е. на карте Фра Мауро имеются города, прекратившие свое существование еще в XIV в.[5]

Интерпретация топонима. В средневековых источниках упоминаются ворота ал-Хандак в Джурджане (а также упоминается кладбище Баб ал-Хандак)[6]. Села с именами Кандак или Хандак известны и в других регионах, в т.ч. в Закавказье: с. Кандак в Шекинской провинции, Верхние Хандаки и Нижние Хандаки в Грузии. По мнению Г.А. Гейбуллаева, закавказские названия отражают этноним хандаг: «в X в. одна из групп огузских племен кочевала в долине реки Чу и Таласском Алатау, и эти огузы назывались хандагами. Вероятно, часть хандагов пришла в Закавказье в составе огузов».[7] О хандагах сообщал также и ал-Идриси (XII в.): «на восток от этого озера (Аральское море) лежит страна хандагов – гузских народов храбрых и независимых»[8].

Еще С.П. Толстовым было отмечено, что для огузов было типично расселение в дельтовых районах (низовья Сырдарьи, низовья Волги). В последнее время среди археологов получила развитие тема присутствия огузов в дельте Волги (лепная керамика с Самосдельского городище интерпретиру-

---

[1] Продолжение древней Российской вивлиофики. СПб., 1795. Ч. 10. С. 253.

[2] Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998.

[3] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 337.

[4] Там же. С. 274. В Примечаниях к Посольским книгам отмечается, что Хындыков юрт (или Хандак) идентифицировать не удалось (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 341). Однако, как будет показано далее, локализация вполне возможна на основании данных современной топонимики.

[5] Интересно отметить, что есть и другое золотоордынское поселение, расположенное в окрестностях современного с. Кондаково (Саратовская область). Есть ли связь между этими названиями? При исследованиях 1990-х гг. на поселении были найдены монеты 1270–1380-х гг. (Баринов Д. Г. Золотоордынские памятники Саратовского Поволжья по нумизматическим данным // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 г. Саратов, 1999 Вып. 3; Гумаюнов С. В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область. Ч. 2. Монетные сборы с Кондаковского селища // Древности Поволжья и других регионов. Н. Новгород, 2004. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4.).

[6] Материалы по истории туркмен и Туркмении. М. – Л., 1939. Т. I. Арабские и персидские источники. С. 330, 336, 415.

[7] Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 67. Сравните также другие наблюдения относительно возможных интерпретаций сходных топонимов (Кривошеев А. А. Донской улус Золотой Орды. Очерки исторической топонимики Нижнего Дона. Ростов н/Д., 2007. С. 124). У средневековых номадов фиксируется также имя Кандак (Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 233).

[8] Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. Т. I. Арабские и персидские источники. М. – Л., 1939. С. 220–221.

ется как огузско-печенежская). Указывается связь огузов с городищем Мошаик и с Самосдельским городищем в дельте Волги[1]. Предполагается, что огузская и булгарская составляющие были важнейшими на Самосдельском городище X–XIII вв.[2] Вполне вероятно, что в дельте Волги располагались и другие поселения огузов. Возможно, что и на месте Красноярского городища золотоордынского времени располагалось также и домонгольское городище. Исходя из фактов присутствия огузов в дельте Волги, на мой взгляд, вероятна связь между названием огузского племени и топонимом Кандак (Хандак). Если такая связь существует, то она должна относиться к домонгольскому времени. Т.е. данные современной топонимики в низовьях Волги (Кондаковка, Шагано-Кондаковка) могут отражать названия почти тысячелетней давности. На домонгольские корни названия Кандак косвенно указывает и другой источник (см. далее).

Сарай и Кандак. На мой взгляд Красноярское городище следует сопоставить с городом Сараем. Как быть с данными, которые говорят о локализации здесь же местности Кандак? (а на картах имеется еще и город Кандак).

Существует источник, который, на мой взгляд, объясняет связь Сарая и Кандака. Это история Чингис-хана, написанная на чагатайском языке[3]. Здесь указывается, что лагерь Бату располагался в местности, называемой Уч Кандак:

قنداق اوچ

Г. Ховорс, опубликовавший эти сведения, не представил комментарий к топониму Уч Кандак. Известно, что Бату кочевал в Поволжье. Таким образом, наиболее вероятно, что название Уч Кандак также связано с Поволжьем. Исходя из вышеизложенных сведений (локализация Сарая, локализация Кандака / Хандака), очень вероятной становится связь Сарая и Кандака / Хандака. Вполне вероятно, что на месте лагеря Бату основал позже столицу – город Сарай. Учитывая, что сведение об Уч Кандаке относится к периоду появления монголов в Поволжье, можно предполагать, что это название может быть домонгольским (это находит подтверждения и в интерпретации топонимов Кандак / Хандак в Закавказье в качестве огузских).

Интересно в связи с этим также отметить, что и в калмыцких документах урочище Кандаки под Астраханью связывалось с местопребыванием их монгольских предков (в т.ч. Чингис-хана!) [4].

Заключение

> *«Мало ли есть… и кроме Джигитских (развалин), к которым не умеем мы привязать никакого имени, например, к … находившимся у Красноярска. Не ужели же и это назовем Сараем, потому только что не знаем как иначе объяснить их происхождение? Доказательств на возможность существования Сарая и тут найдется, пожалуй, вдоволь…».*
>
> В.В. Григорьев. «О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды».

Парадоксальным выглядит высказывание В.В.Григорьева, иронично указавшего на связь Красноярского городища с Сараем. Тогда оснований для такого предположения не было. Сейчас такие основания есть.

На мой взгляд, представленные в статье материалы позволяют дополнить мою старую гипотезу о локализации Сарая на месте Красноярского городища гипотезой о локализации здесь также местности Кандак (Хандак).

Нет ничего необычного в том, что оба топонима локализуются в одном районе. Подобные случаи известны в джучидоведении (Солхат – Крым; Мохши – Наручад и др.)[1]. Я предполагаю, что

---

[1] Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., Зиливинская Э. Д. Исследования на Самосдельском городище (к вопросу об огузских древностях в дельте Волги) // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона. УПАСК – XXXV. Йошкар-Ола, 2003; Попов П. В. К вопросу о датировке городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 9.

[2] М.И. Артамонов указывал, что огузы появились на Нижней Волге в период существования Хазарского каганата (не позже IX в.) (Артамонов, 1958. С. 36–37). Но в настоящее время предполагается, что «массовый приток огузо-печенежских племен на Нижнюю Волгу происходит уже после крушения Хазарского каганата, когда они захватывают политическую гегемонию в степях Восточной Европы» (Попов, 2008. С. 218).

[3] Howorth H. H. History of the mongols: from the 9-th to the 19-th century. L., 1880. Pt. 2. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. P. 97.

[4] Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998.

Кандак/Хандак – первоначальное, домонгольское название местности, связанное с именем огузского племени. В середине XIII в. правителем Золотой Орды Бату здесь была основана столица – город Сарай (учитывая, что название Кандак/Хандак сохранилось до сих пор в топонимике, надо заметить, что и в период существования Сарая оно не могло быть забыто).

В результате трансгрессии Каспия при хане Узбеке столица была перенесена в район Селитренного городища. Город, располагавшийся на месте Красного Яра, прекратил свое существование (для монетных находок на Красноярском городище характерно отсутствие массовых эмиссий 1340-х гг.), однако во второй половине XIV в. в этот район вернулось население (видимо, это было связано с понижением уровня моря, о возвращении населения свидетельствуют находки монет второй половины XIV в.). В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что город во второй половине XIV в. именовался Кандаком (данные карты Фра Мауро). После окончательной гибели города сохраняются сведения о местности и протоке Кандак/Хандак.

Рассмотренные данные, на мой взгляд, заставляют с особым вниманием отнестись к рассмотрению значения Красноярского городища и его округи для средневековой археологии и истории Восточной Европы, и продолжить изучение этого важного объекта.

Е.В. Перерва
(ВАГС, г. Волгоград)

МАРКЕРЫ СТРЕССА КАК ИНДИКАТОРЫ АДАПТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ВАКУРОВСКИЙ БУГОР)[2]

Антропологические материалы из грунтового могильника Вакуровский Бугор изучались на основе оценки группы индикаторов физиологического стресса, которые указывают на общий уровень адаптации исследуемого населения к воздействию окружающей среды.

Грунтовый могильник «Вакуровский-I» был выявлен в ходе разведок, проводившихся в 1988 г. на территории Красноярского района археологической экспедицией Астраханского государственного педагогического института (АГПИ) под руководством П.В. Казакова. На могильнике было доследовано 2 разрушенных захоронения золотоордынского времени, что дало основание датировать некрополь XIII–XIV вв. (Казаков, 1998).

Анализируемая серия состояла из останков 122 индивидуумов. Из них в 47 случаях костные останки принадлежали детям и 75 взрослым людям. Гендерные зависимости распределились следующим образом, 41 скелет мужской и 34 костяка женский.

В процессе исследования применялась методика исследования патологических отклонений, разработанная в лаборатории физической антропологии института Археологии РАН А.П. Бужиловой[3].

Важным критерием, определяющим биологический статус изучаемой палеопопуляции, является частота встречаемости эпигенетических признаков. Анализ частоты встречаемости различных аномалий, передающихся по наследству, дают возможность корректнее провести оценку негативных факторов влияющих на общее состояние здоровья и особенности адаптации к окружающей среде.

Из аномалий зубной системы были зафиксированы гиподонтия третьего моляра – 5 наблюдений, которые наблюдались только у женщин и 1 случай краудинга у мужчины из погребения 14 раскоп 2.

Несколько чаще встречаются эпигенетические признаки на черепе. Для взрослого населения характерны высокие показатели пальцевидных вдавлений, шовных и родничковых костей. Четыре раза на черепных капсулах выявлены остеомы. Наблюдается гендерная зависимость в распределении дискретно-варьирующих признаков (табл. 1). Высокие частоты встречаемости шовных костей 33 %, пальцевидных вдавлений 25 % и остеом 13 % у женщин, может свидетельствовать об их генетической однородности. Данные показатели эпигенетических признаков может быть следствием воздействия на черепа непреднамеренной искусственной деформации по типу «бешик». Оказалось, что че-

[1] Наличие подобной двойственности в названиях может быть связано как с разделением имени города и местности, прилегающей к нему; так и сохранением в Золотой Орде домонгольской топонимики, сосуществованием старых и новых названий.

[2] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 10-06-97010-р_поволжье_а.

[3] Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические исследования). М., 1995; Бужилова А. П. Палеопатологическая характеристика населения маяцкого археологического комплекса // РА. 1995. № 4. С. 68–75; Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.

репные коробки со следами деформации, чаще встречаются у женщин – 33,3%, чем у мужчин – 4 наблюдения 21,1 % (табл. 1).

Таблица 1

Частота встречаемости эпигенетических признаков в гендерных группах, а также в сериях половозрелых и неполовозрелых индивидуумов

Аномалии зубов и черепа				
Зубы	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N	N	N	N
S				
Диастемы	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Краудинг	1 (2 %)	1 (5 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Гиподонтия 3-го моляра	5 (12 %)	0 (0 %)	5 (21 %)	0 (0 %)
Деформация черепа	12 (27,9 %)	4 (21,1 %)	9 (33,3 %)	0 (0 %)
Метопический шов	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Остеомы	4 (9 %)	1 (5 %)	3 (13 %)	0 (0 %)
Шовные кости	11 (26 %)	3 (16 %)	8 (33 %)	1 (3 %)
Родничковые кости	6 (14 %)	4 (21 %)	2 (8 %)	0 (0 %)
Пальцевидные вдавлен	8 (19 %)	2 (11 %)	6 (25 %)	6 (17 %)
Спондилолиз	8 (15,7 %)	4 (16,7 %)	4 (14,8 %)	0 (0 %)
Межмыщелковые отверстия	15 (27,3 %)	4 (14,3 %)	11 (40,7 %)	0 (0 %)

Для уточнения результатов учитывалась частота встречаемости эпигенетических признаков на костях посткраниального скелета. Следует отметить высокий процент межмыщелковых отверстий на плечевых костях. В суммарной группе этот признак проявляется в 27,3 % случаев. У женщин было выявлено 11 наблюдений, что составляет 40,7 %, что в три раза чаще, чем у мужчин 4 наблюдения.

Зафиксирован и большой процент аномального состояния пятого поясничного позвонка – спондилолиза 15,7 %. Существует 4 теории происхождения спондилолиза: врожденное происхождение, травматического, трофостатическая и диспластическая. В настоящий момент большинство ученых сходятся во мнении, что данная аномалия имеет генетический характер. Поэтому повышенные частоты встречаемости данного признака может свидетельствовать о некоторых кровнородственных связях индивидов, погребенных в могильнике Вакуровский Бугор.

Таким образом, анализ встречаемости генетически детерминированных признаков на костях останках населения из могильника Вакуровский Бугор, свидетельствуют о возможной гомогенности женской выборки.

Существенными индикаторами состояния здоровья палеопопуляции в палеопатологических исследованиях являются различные болезни зубной системы.

Существенным критерием, отражающим степень адаптации древнего населения, является кариес.

Частота встречаемости данного заболевания у населения, погребенного в могильнике Вакуровский Бугор, достигает 26 %. У женщин он проявляется несколько реже 21 %, чем у мужчин 32 %. На детских материалах из Вакуроского Бугра кариозных поражений зубов не выявлено. В целом показатели встречаемости кариеса в данном могильнике несколько ниже, чем в синхронной серии из могильника Маячный Бугор, где практически во всех случаях показатели кариеса выше 30 %.

Зафиксирован высокий процент встречаемости признаков воспалительных заболеваний зубов и около-зубного пространства на материалах взрослого населения могильника, достигая 30%. Имеется небольшие половые различия в проявлении этих патологий. Несмотря на то, что у женщин кариес встречается реже признаки одонтогенного остеомиелита, верхушечных гранулем или кисты, проявляются у них чаще 33 %, чем у мужчин 26 %. Заболевания такой этиологии образуются вокруг верхушки корня зуба в результате воспаления или попадания инфекции в его пульпу. По мнению G. Dias N. и Tayles[1], возникновение воспалительных процессов вокруг верхушки корня обычно провоцируют такие патологии, как кариес, травма, сильная стертость зубной поверхности или болезни пародонта, которые также широко представлены на антропологических материалах из могильника Вакуровский Бугор.

[1] Dias G. and Tayles N. «Abscess Cavity» – a Misnomer // International Journal of Osteoarchaeology. 1997. Vol. 7. P. 548–554.

Тенденция, зафиксированная на материалах из Маячного Бугра, сохранилась и при исследовании таких заболеваний зубной системы как пародонтоз, зубной камень, прижизненная утрата зубов и у людей, погребенных в могильнике Вакуровский Бугор. Частота встречаемости данных патологических состояний выше в мужской выборке. Единственным исключением является такое отклонение как отложения зубного камня, характерные в одинаковой степени и для мужчин и для женщин. Пародонтоз, прижизненная утрата зубов и патологическая стертость зубов у мужчин выявлена в два раза чаще.

Характер зафиксированных зубочелюстных заболеваний на материалах из могильника Вакуровский Бугор указывает на присутствие в группе специфического, специализированного стресса. Высокие частоты встречаемости в группе зубного камня, пародонтоза, кариеса, верхушечные гранулемы, кариеса и прижизненной утраты зубов свидетельствуют о диете, в которой доминировала грубая твердая пища богатая углеводами.

О доминировании в диете населения, погребенного в могильнике Вакуровский Бугор, твердой пищи может указывать и те обстоятельства, что у взрослого населения патологическая стертость поверхности зубов наблюдается 72 % случаев. Достаточно часто наблюдаются и сколы эмали на коронках зубов. У женщин сколы выявлены в 29 %, а у мужчин в 42 % случаев.

В изучаемой выборке оценивался и характер распространения такого маркера эпизодического стресса, как эмалевая гипоплазия. Горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии на детских материалах из могильника Вакуровский Бугор зафиксированы в двух случаях, что составляет 6 %.

Что же касается серий взрослого населения, погребенного в могильнике Вакуровский Бугор, что частота встречаемости эмалевой недостаточности здесь очень высокая 70 %. Показатели в гендерных группах близки, но несколько чаще дефекты эмали встречаются у женщин (табл. 2).

Таблица 2

Характер распространения зубочелюстных патологий у погребенных на могильниках Маячный Бугор I и II

Зубочелюстные патологии				
	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N	N	N	N
S	43	19	24	36
Кариес	11 (26 %)	6 (32 %)	5 (21 %)	0 (0 %)
Абсцесс	13 (30 %)	5 (26 %)	8 (33 %)	0 (0 %)
Зубной камень	41 (95 %)	18 (95 %)	23 (96 %)	8 (22 %)
Эмалевая гипоплазия	30 (70 %)	13 (68 %)	17 (71 %)	2 (6 %)
Потеря зуба	21 (49 %)	13 (68 %)	8 (33 %)	0 (0 %)
Пародонтоз	25 (58 %)	15 (79 %)	10 (42 %)	0 (0 %)
Слом коронки, сколы эмали	15 (35 %)	8 (42 %)	7 (29 %)	1 (3 %)
Патологическая стертость зубов	31 (72 %)	17 (89 %)	14 (58 %)	1 (3 %)
Развитие жевательных мышц	21 (49 %)	15 (79 %)	6 (25 %)	0 (0 %)
Дегенер. изм. нижнечел. суст.	25 (58 %)	15 (79 %)	10 (42 %)	0 (0 %)

Анализ частоты встречаемости эмалевой гипоплазии в сравнении с другими средневековыми сериями показал, что для материалов Вакуровского Бугра характерны самые высокие показатели данной патологии, как в суммарной серии, так и для разнополых групп. Так, у населения из могильника Новохарьковский частоты встречаемости эмалевой недостаточности варьируют в пределах 51,7–58,6 %[1]. Низки показатели неравномерного развития толщины эмали и у населения древнерусских порубежных земель Любича и Витичева, где данная патология встречается еще реже в пределах 45 %[2]. Аналогичные цbфры зафиксированы на синхронных материалах могильника Красноярского городища Маячный Бугор. Наиболее близкие частоты имеет население Хазарского каганата, материалы Дмитриевского и Маяцкого археологических комплексов. Так у населения, погребенного в Дмитриевском могильнике частота встречаемости эмалевой гипоплазии варьирует от 64 до 69 %, а Маяцком от 44,5 до 54,3 %.

[1] Бужилова А. П. Антропологические материалы из Новхарьковского могильника: оценка состояния здоровья палеопопуляции. С. 146–154.

[2] Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические исследования). М., 1995. С. 100.

Эмалевая гипоплазия не является маркером специфической болезни, а выступает показателем общего состояния здоровья древней популяции. Причины возникновения недостаточности развития эмали разнообразны: плохое питание, инфекционные заболевания, паразитарные инвазии, переход от грудного вскармливания к обычной пище[1]. Одновременно с этим, D. Ortner отмечает, что сифилис, туберкулез, различные метаболические и эндокринные расстройства могут привести к неправильному формированию зубных тканей[2].

Возрастной интервал, на который приходится максимальное проявление эмалевой недостаточности, имеет два пика – 1,5–2,5 года и 3–4 года. Многие исследователи объясняют этот факт различиями в традициях грудного вскармливания детей в древних обществах – в одних популяциях детей отнимают от груди в возрасте 12–18 месяцев, в других позже. Можно предположить, что высокая частота встречаемости эмалевой гипоплазии у населения, погребенного в могильнике Вакуровский Бугор является маркером распространенного острого стресса, перенесенного в детском возрасте, подавляющим большинством взрослого населения. Может ли быть эмалевая недостаточность индикатором мигрантности, ответить на этот вопрос еще пока затруднительно. Отсутствие данного патологического состояния на детских материалах Вакуровского Бугра, скорее всего, объясняется тем, что большая часть детей, погребенных в данном археологическом комплексе, умирало возрасте до 3-х лет.

О качественном и полноценном рационе может свидетельствовать и характер распространение в группе таких заболеваний как цинга и рахит. На материалах из могильника Вакуровский Бугор следов рахита обнаружено не было. Несколько иная ситуация с признаками цинги. Из 47 исследованных детских костяков патологии, указывающие на распространение в выборке крайнего недостатка витамина «С» в различной степени проявления выявлены у 20 индивидов, что составляет 42,5 % от общей детской серии (табл. 3). По мнению большинства исследователей, возникновение цинги связано с нехваткой в организме витамина С[3]. Дефицит в диете овощей и свежих продуктов, вероятнее всего, является, основной причиной возникновения авитаминоза у детей. Возможно, именно этот фактор явился определяющим в появлении дефицита витамина «С» в детской выборке. Однако исследование археологами Красноярского городища свидетельствует о широком распространении семян бахчевых культур и других растительных культур. В связи с чем следует обратить внимание на то, что признаки цинги выявлены в подавляющем случае у детей от 1 года до 1,5 лет, 15 наблюдений. Вероятно, распространение авитаминоза у детей, погребенных в могильнике Вакуровский Бугор, может быть связано с традицией отрыва детей от грудного вскармливания и перехода к повседневной, обычной пищи взрослого населения, что было, скорее всего, сильным стрессом для детского организма. Малокалорийная пища со слабым содержанием витамина «С» приводила к развитию цинги у детей в возрасте до 2-х лет.

Следует также сказать, что такая ситуация не уникальная, аналогичные показатели распространения признаков алиментарных заболеваний характерна и для другого могильника Красноярского городища – Маячный Бугор, где частота встречаемости признаков цинги практически идентична 49,2 %.

Фактором указывающим на плотность населения и санитарную обстановку является распространение маркеров специфических и неспецифических инфекций в серии.

На антропологических материалах из исследуемого комплекса зафиксирован 21 случай воспалительного процесса, что составляет 17,6 % от общей выборки. Чаще следы воспаления наблюдались на костях свода черепа 11 наблюдений, чем на костя посткраниального скелета 10 случаев.

Признаки специфических заболеваний выявлены два раза, на костях мужчины из погребения 31 и скелете ребенка из погребения 73 раскопа 1.

Признаки неспецифических воспалительных заболеваний зафиксированы у взрослого населения пять раз, у четырех мужчин и одной женщины.

---

[1] Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. L., Clark G. Indications of Stress from Bone and Teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. Eds. Cohen M. N. and Armelagos G.L. Orlando, 1984. P. 25; Malville N.J. Enamel Hypoplasia in Ancestral Puebloan Populations From Southwerstern Colorado: I. Permanent Dentition // American Journal of Phisical Anthropology. 1997. № 102. P. 351–352.

[2] Ortner D. J., Putschar W. G. J. Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains. Washington : Smithsonian Institution Press, 1981. P. 444.

[3] Ortner D. J., Kimmerle E. H., Diez M. Probablt Evidence of Scurvy in Subadults From Archeological Sites in Peru // American Journal of Physical Anthropology. 1999. Vol. 108. P. 211; Ortner D. J., Ericsen M.F. Bone Changes in the Human Skull Probably Rusulting from Scurvy in Infancy and Childhood // International Journal of Osteoarhaeology. 1997. Vol. 7. P. 213; Melikian M. Waldron T. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy // International Journal of Osteoarchaeology. 2003. № 1 (13). P. 207.

По мнению ряда исследователей, их возбудителями чаще всего являются такие бактерии как стафилококки и стрептококки[1]. Комплексное поражение костей посткраниального скелета выявлено только один раз у мужчины 30–35 лет из погребения 31 раскопа 1. В данном случае периоститом второй степени повреждены бедренные и большие берцовые кости скелета. Патологический процесс захватывает всю поверхность костей.

Следы воспалений присутствуют и в группе неполовозрелых индивидов. Именно на костных останках детей чаще всего выявлялись разнообразные воспалительные реакции костной ткани 11 наблюдений. В 7 случаях дефекты присутствуют на черепах и в 4 на костях посткраниального скелета (табл. 3, 4).

Таблица 3

Частоты встречаемости некоторых индикаторов специфического стресса

Некоторые маркеры специфических и неспецифических патологий				
	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N	N	N	N
S	43	19	24	36
Cribra orbitalia	6 (14 %)	1 (5 %)	5 (21 %)	13 (36 %)
Поротический гиперостоз костей черепа	5 (12 %)	0 (0 %)	5 (21 %)	10 (28 %)
Пороз костей черепа	1 (2 %)	0 (0 %)	1 (4 %)	20 (56 %)
Воспалит процессы (череп)	4 (9,3 %)	0 (0 %)	4 (16,7 %)	7 (19,4 %)
Признаки цинги	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	20 (42,5 %)

Таблица 4

Показатели встречаемости признаков инфекций на костях посткраниального скелета у погребенных на могильниках Маячного Бугра

Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета.				
	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N	N	N	N
S	64	34	30	42
Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета	10 (15,6 %)	5 (14,7 %)	1 (3,3 %)	4 (9,5 %)
Периостит голени	5 (7,8 %)	4 (11,8 %)	1 (3,3 %)	3 (7,1 %)
Следы специфических инфекций	2 (3,1 %)	1 (2,9 %)	0 (0 %)	1 (2,4 %)

В семи случаях были зафиксированы дефекты костной ткани в виде воспаления надкостницы, белого налета, воспаления «dura matter», локальные гематомы на внутренней поверхности костей свода черепа.

У ребенка 8–9 лет из погребения 106 раскопа 1, 2,5–3 лет из погребения 27 и 1,5 лет погребения 22 раскопа 3, выявлен пороз, переходящий в периостит на больших берцовых костях.

Множественные повреждения костей зафиксированы только один раз у ребенка 1–1,5 лет из погребения 73 раскопа 1, у которого воспаление надкостницы выявлены на всех крупных костях скелета. Следы пороза у этого индивида выявлены и на костях черепа. Возможно перед нами следствие серьезного инфекционного заболевания.

Наличие высоких показателей присутствия в группе инфекций свидетельствует о плохой санитарной обстановке существовавшей, вероятнее всего, на территории Красноярского городища. Подверженность взрослого и неполовозрелого населения воспалительным процессам указывает на систематичность распространения различного рода инфекций неспецифического характера. Возможно, не редки были специфические заболевания у населения, захороненного в могильнике Вакуровский Бугор, которые также распространены и у средневековых серий юга Западной и Центральной Европы. Тем более, что по датировкам археологов именно в это время характерно распространение чумы среди городского на селения Золотоордынских городов. Доминирование признаков воспали-

[1] Miles A. E. W. An Early Christian Chapel and Burial Graund on the Isle of Ensay, Outer Hebrides, Scotland with a studu of skeletal remains // BAR, British Series, 1989; Manchester K. The Archaeology of Disease. Bradford : University of Bradford, 1983.

тельного процесса в женской выборке, возможно связано со сложной и неблагоприятной санитарной обстановкой в городской среде.

В изучаемой группе выявлены высокие показатели встречаемости такой патологии, как поротический гиперостоз. Наиболее часто он проявляется в виде «Cribra orbitalia» – изменение костной ткани во внутренней поверхности орбит. Иногда поротический гиперостоз также проявляется и на теменных и затылочных костях. Ряд исследователей считает, что эти патологические проявления на костных останках взаимосвязаны[1]. По данным некоторых палеопатологов, «cribra orbitalia» в большинстве случаев ассоциируется с железодефицитной анемией[2]. Однако этиология возникновения поротического гиперостоза и гиперостоза орбит множественна. Фиксация этого признака на останках взрослых людей свидетельствует о перенесенном заболевании в детском возрасте, а сравнение показателей взрослых и детских подгрупп служит контролем при реконструкции санитарного состояния и уровня жизни палеопопуляции[3]. У взрослого населения из могильника Вакуровский Бугор поротический гиперостоз глазниц был зафиксирован в 6 случаях, что составляет 14 % (табл. 3). Пять наблюдений у женщин и одно у мужчин.

Чаще всего следы поротического гиперостоза фиксируются в серии неполовозрелых индивидов. Всего было зафиксировано 15 случаев, что составляет 41,7 % от общей численности детей. Поротический гиперостоз костей свода черепа зафиксировано на 10 черепах, а «cribra orbitalia» выявлена у 13 индивидов. В восьми случаях признаки нехватки железа в организме проявляются и на костях свода черепа, чаще всего, поражая теменные и затылочную кости, и в глазницах детей.

Нельзя отрицать возможность распространения в детской группе паразитарных инвазий, неправильной диеты или затруднений организма, связанных с усвоением и переработкой пищи, что в целом вполне может быть характерно для городского населения средневековья.

Тем не менее, распространение маркеров железодефицитной анемии у детей Вакуроского Бугра, скорее всего, может быть связано с таким заболеванием как цинга. Тем более, что ряд исследователей указывают на поротический гиперостоз, как сопутствующий признак при идентификации недостаточности в организме витамина «С». Возможно именно поэтому в 12 случаях при фиксировании «cribra orbitalia» на черепе и в глазницах, признаки железодефицитной анемии сопровождаются порозом костей свода черепа, нижней челюсти, альвеол, альвеолярных отростков, диафизов костей верхних и нижних конечностей и порозом в области надостной и подостной ямки на лопатке.

Изучение встречаемости поротического гиперостоза в антроплогической серии из Вакуроского Бугра дает возможность предположить о некоторой стрессовой устойчивости взрослого мужского населения. Доминирование признаков железодефицитной анемии в женской выборке, возможно, указывает на большую подверженность их каким-либо эпизодическим стрессам, паразитарным инвазиям или инфекциям, вероятно, связанным с длительным пребыванием в городской среде. Сходная динамика в распределении маркеров железодефицитной анемии выявлена и в синхронном могильнике Красноярского городища Маячный Бугор. Высокую частоту встречаемости поротического гиперостоза у детей отмечала А.П. Бужилова[4] на материала Новохарьковского могильника.

Анализ ряда групп индикаторов стресса, зафиксированных на костных останках населения, погребенных в могильнике Вакуровский Бугор, позволяют предположить следующее, высокие частоты встречаемости отдельных дискретно-варьирующих признаков с одной стороны может указывать на некоторую генетическую связь индивидуумов, погребенных в могильнике Вакуровский Бугор. С другой на существование систематического физиологического стресса на протяжении ряда поколений, который мог быть причиной повышения частот встречаемости аномалий и наследственных заболеваний, особенно зубной системы.

Высокие частоты встречаемости разнообразных патологий зубочелюстной системы, таких как кариес, округлых полостей (абсцессов), зубного камня, пародонтоза, прижизненной утраты зубов указывают на специфичность рациона и пищевой стресс. Развитие всех этих патологий, вероятно,

---

[1] Fairgrieve S. I. Molto J. E. Cribra Orbitalia in Two Temporally Disjunct Population Samples From the Dakhleh Oasis, Egypt // American Journal of Phisical Anthropology. 2000. № 111. P. 319–320.

[2] Бужилова А. П. Палеопатологическая характеристика населения маяцкого археологического комплекса // РА. 1995. № 4. С. 68–75; Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147; Ortner D. J., Putschar W. G. J. Identification of Pathological Conditions in Humah Skeletal Remains. Washington : Smithsonian Institution Press, 1981. P. 257–258.

[3] Бужилова А. П. Антропологические материалы из Новхарьковского могильника: оценка состояния здоровья палеопопуляции… С. 152–153.

[4] Там же. С. 146–154.

взаимосвязано с особенностями диеты, условиями жизни и средовой обстановкой. В диете исследуемой группы доминировала грубая, твердая пища, растительного происхождения и обогащенная сахарами.

Распространение такого маркера эпизодического стресса, как эмалевая гипоплазия, указывает на системное воздействие негативных факторов, таких как инфекции, паразиты, частые периоды голодания, которые препятствовали нормальному развитию человеческого организма в период детства. Возможно, в группе существовала традиция перехода от грудного вскармливания к взрослой пище в определенный возрастной интервал 1–1,5 года, что негативно отражалось на здоровье детской части населения Краяноярского городища

На детских материалах зафиксирован полный набор цинготных признаков. Нехватка витамина «С» обнаружена у большинства детского населения, погребенного в некрополе Вакуровский Бугор. Высокие частоты распространения признаков воспалительных процессов взрослого населения, указывает на широкое распространение различных инфекционных заболеваний неспецифического характера.

Таким образом, анализа индикаторов стресса позволяет предположить о относительно неблагоприятном уровне социальной и биологической адаптации группы. Сложно говорить об автохтонности населения данного могильника, но вероятно, большая часть погребенного в нем людей была родственниками и находилась на одной социальной лестнице, в особенности женщины.

Разнообразность пищевых ресурсов, установленная по археологическим данным, к сожалению, не способствовала развитию высокого уровня жизни популяции. Большая плотность населения, экологическая обстановка, привели к высокой смертности детского населения, а также распространению болезней обмена веществ.

Е.М. Пигарев
(АГОИАМЗ, г.Астрахань)

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД И ЕГО ОКРУГА НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ

В ходе археологических исследований, проводимых на территории Астраханской области в течение многих десятилетий, было выявлено большое количество памятников археологии, относящихся к различным историческим периодам. Особое место в истории Нижнего Поволжья занимает эпоха существования золотоордынского государства – Улуса Джучи.

На всем протяжении истории Золотой Орды Нижнее Поволжье играло особую роль в ее политической и экономической жизни. Появление здесь административного центра всего государства, сделало эту территорию центром градостроительной культуры империи. Именно здесь находилось самое большое количество различных по величине и значению населенных пунктов Золотой Орды.

На территории Астраханской области в монографии В.Л. Егорова отмечено 11 населенных пунктов[1]. Работы астраханских археологов за последнее время существенно изменили картину сформированную ранее. Были обнаружены новые памятники золотоордынской эпохи, на некоторых, известных ранее, но не изученных, проводились археологические исследования. Полученная информация позволила нам приступить к составлению свода памятников золотоордынской эпохи, расположенных на территории Астраханской области[2].

Так как многие административные районы области изучены в археологическом отношении очень не равномерно, разведочные работы будут продолжены. Но, уже по представленному материалу, видно, что многочисленные сельские поселения и могильники группируются вокруг крупных городских центров, таких как Сарай (Селитренное городище), Красноярское городище, Хаджитархан, Самосдельское городище, Мошаик, образуя вокруг них зону сплошной оседлости (рис. 1).

Вопросу формирования округи вокруг крупных золотоордынских центров посвящены работы Л.Ф. Недашковского[3]. Некоторые выводы исследователя были вполне справедливо подвергнуты критике

[1] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М. : Наука, 1985. С. 114–120.

[2] Пигарев Е. М. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области (в печати).

[3] Недашковский Л. Ф. Археология нижневолжского золотоордынского города и его округи // РА. 2006. № 3.; Недашковский Л. Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. № 4. 2006; Недашковский Л. Ф. Хронология золотоордынского города и его округи: на материалах Нижнего Поволжья // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2006; Недашковский Л. Ф. Структура округи золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : мат-лы IV Междунар. конф., посв. памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов. 2009; Недашковский Л. Ф. Социальный облик золотоордынских городов Нижнего Поволжья и поселений их округи // Форум «Идель – Алтай» : мат-лы I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009.

коллег[1]. Так, в частности, были отмечены: узкое понимание определения «городской округи», отсутствие четкого представления о принципах выделения округи золотоордынских населенных пунктов. В.Г. Блохиным было обоснованно подчеркнуто, что расстояние от одного пункта до другого не может быть основанием для отнесения того или иного памятника к округе того или иного крупного населенного пункта[2]. Кроме того, Л.Ф. Недашковским не принимаются во внимание географические условия местонахождения золотоордынских городов, расположенных в низовьях Волги, где многочисленные водные преграды зачастую являлись естественными границами административных территорий.

Слабая изученность территории Астраханской области серьезно затрудняет нам работу над проблемой выделения городских центров и их округ. Но и имеющаяся к настоящему времени информация показывает, что одним из основных принципов формирования крупного населенного пункта и его округи в дельтовых районах Волги было подчинение местным географическим условиям, а именно наличию здесь крупных водных магистралей, таких как реки Волга, Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Кигач, Табола, Болда.

Ахтубинский район. 1. Курганный могильник Бутырки[3]; 2. Курганный могильник Успенка[4]; 3. Курганный могильник «301 км»[5]; 4. Поселение Бутырки[6].

Харабалинский район. 5. Сарай (Селитренное городище)[7]; 6. Городище Ак-Сарай (Лапас) и комплекс мавзолеев; 7. Грунтовый могильник «Хошеутовский»[8]; 8. Грунтовый могильник «Баста»[9].

Енотаевский район. 9. Городище Енотаевское[10].

Наримановский район. 10. Поселение Тинаки-1[11]; 11. Поселение «Становский»[12]; 12. Поселение «Большой Джулер»[13];
13. Поселение «Бердин»[14]; 14. Поселение «Камынкуль»[15]; 15. Комплекс усадьб «Городок»[16]; 16. Комплекс усадьб «Кизелькуль»[17]; 17. Комплекс усадьб «Саргуль»[18]; 18. Комплекс усадьб «Водяной»[19]; 19.

[1] Блохин В. Г. О нижневолжских золотоордынских городах (Недашковский Л. Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округи // РА. 2006. № 3. С. 75–84; Недашковский Л. Ф. Нижневолжский город и его округа // РА. 2006. № 4. С. 74–86) // Нижневолжский Археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 9. С. 296–303.

[2] Там же. С. 297.

[3] Шнайдштейн Е. В. Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы II краеведческой конференции. Астрахань, 1989. С. 5.

[4] Там же. С. 4.

[5] Там же. С. 7.

[6] Там же. С. 7.

[7] Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., МГУ. 1994. С. 24. Егоров В. Л., указ. соч., С. 117–118

[8] Пигарев Е. М. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области (в печати).

[9] Пигарев Е. М. Отчет об археологических разведках в Харабалинском районе Астраханской области в 2002 г. Астрахань, 2003. Архив АГОИАМЗ.

[10] Егоров В. Л. Указ.соч. С. 117.

[11] Попов П. В. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Харабалинском и Наримановском районах Астраханской области в 2005 г. Астрахань, 2006. С. 12. Архив АГОИАМЗ.

[12] Попов П. В. Отчет об археологических разведках в Енотаевском и Наримановском районах Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. С. 14. Архив АГОИАМЗ.

[13] Павленко Ю. А. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 2002 г. Астрахань, 2003. С. 6. Архив АГОИАМЗ.

[14] Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 1. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

[15] Там же. С. 3.

[16] Там же. С. 5.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 6.

[19] Там же. С. 7.

Комплекс усадьб «Турганши»[1]; 20. Комплекс усадьб «Долгий»[2]; 21. Комплекс усадьб «Джанак-Куль»[3]; 22. Комплекс усадьб «Усадебный»[4]; 23. Комплекс усадьб «Малый»[5]; 24. Комплекс усадьб «Куга»[6]; 25. Комплекс усадьб «Средний»[7]; 26. Комплекс усадьб «Майле-Куль»[8]; 27. Комплекс усадьб «Бактюбе»[9]; 28. Комплекс усадьб «Ильку-Тюбе»[10]; 29. Комплекс усадьб «Карантинный»[11]; 30. Комплекс усадьб «Тинаки»[12]; 31. Комплекс усадьб «Кара-Тобе»[13]; 32. Грунтовый могильник «Приволжский»[14]; 33. Поселение «Петропавловка»[15]; 34. Грунтовый могильник «Петропавловка»[16]; 35. Поселение «Рассвет»[17]; 36. Поселение «Ильмень»[18]; 37. Поселение «Николаевка»[19]; 38. Поселение «34-й км»[20].

Красноярский район. 39. Городище Красноярское (Монгольское)[21]; 40. Городище "Ахтубинское"[22]; 41. Грунтовый могильник «Калмыцкий»[23]; 42. Грунтовый могильник «Мечетный-I»[24]; 43. Грунтовый могильник «Мечетный-II»[25]; 44. Мавзолей[26]; 45. Грунтовый могильник (без названия)[27];

46. Грунтовый могильник у пос. Комсомольский[28]; 47. Могильник грунтовый «Маячный-I»[29]; 48. Могильник грунтовый «Маячный-II»[30]; 49. Грунтовый могильник «Вакуровский-I»[1]; 50. Грунтовый

---

[1] Там же.

[2] Никонов В. А. Отчет об исследованиях на бугре Мечетный 1 в Красноярском р-не Астраханской области и на бугре Долгий в Трусовском р-не Астраханской области в 1990 г. Астрахань, 1991. Архив ИА РАН № 16978, 16979.

[3] Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 8. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

[4] Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 8. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244. С. 9.

[5] Там же. С. 10.

[6] Там же. С. 11.

[7] Там же. С. 11.

[8] Там же. С. 12.

[9] Там же. С. 12.

[10] Там же. С. 13.

[11] Там же. С. 2.

[12] Там же. С. 3.

[13] Там же. С. 4.

[14] Там же.

[15] Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1980. С. 5. Архив АГОИАМЗ, НВ 14493.

[16] Там же. С. 6.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 7.

[19] Там же. С. 9.

[20] Там же.

[21] Казаков П. В., Пигарев Е. М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1. С. 72–83.

[22] Плахов В. В. Отчет об археологических раскопках у поселка Комсомольский Астраханской области в 1988 г. Астрахань, 1989. Архив ИА РАН № 14329, 14330.

[23] Никонов В. А. Раскопки средневекового могильника в дельте Волги // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1990. Вып. 1. С. 40–41.

[24] Васильев Д. В. Отчет об археологических разведках на территории Красноярского, Приволжского и Наримановского районов Астраханской области в 1992 г. Астрахань, 1993. С. 5. Архив АГОИАМЗ, НВ 13555.

[25] Там же. С. 6.

[26] Плахов В. В. Отчет по предварительным работам на мавзолее у поселка Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1986 г. Астрахань, 1987. Архив ИА РАН № 11614.

[27] Пигарев Е. М. Разведки в районе станции Досанг // АО 1994 года. М., 1995. С. 233.

[28] Плахов В. В., Сумин А. Ю. Погребальные сооружения рубежа XIV–XV веков городища у пос. Комсомольский (Предварительное сообщение) // XIII Уральское археологическое совещание : тез. докл. Уфа, 1996. Ч. II. С. 108.

[29] Котеньков С. А. Отчет о научно-исследоват. археологич. работах на грунтовом могильнике бугор «Маячный-1» Красноярского района в 1990 г. Астрахань, 1991. Архив ИА РАН № 17564, 17565; Гордеев В. И. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2001 г. Йошкар-Ола, 2006.

[30] Четвериков С. И. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника Маячный-2 Красноярского р-на в 1991 г. Саратов, 1992. Архив ИА РАН № 16750.

могильник «Вакуровский-II»[2]; 51. Местонахождение у ст.Досанг (стоянка II)[3]; 52. Грунтовый могильник «Лебединый»[4]; 53. Поселение «Мыльников»[5].

Володарский район. 54. Городище Новорычанское[6].

Приволжский район. 55. Грунтовый могильник «Кан-тюбе»[7]; 56. Городище Мошаик[8]; 57. Грунтовый могильник «Мошаик»[9]; 58. Поселение «Алаучук»[10]; 59. Поселение «Барский»[11]; 60. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе»[12]; 61. Поселение «Началовский-I»[13]; 62. Грунтовый могильник «Началовский-II»[14]; 63. Грунтовый могильник «Бараний»[15]; 64. Грунтовый могильник «Артельный»[16]; 65. Поселение «Малый Чека»[17]; 66. Поселение «Большой Чека»[18]; 67. Поселение «Красный»[19]; 68. Поселение и грунтовый могильник «Песчанный»[20]; 69. Поселение «Камышин»[21]; 70. Поселение «Болдинский»[22]; 71. Поселение «Черный»[23]; 72. Грунтовый могильник «Садовый»[24]; 73. Поселение «Хлебный»[25]; 74. Поселение «Седой»[26]; 75. Поселение «Татарская Башмаковка -I»[27]; 76. Поселение «Татарская Башмаковка -II»[28]; 77. Поселение «Кирпичный -II»[29]; 78. Поселение «Золотой»[30]; 79. Поселение и грунтовый могильник «Казлар-Тобе»[31]; 80. Поселение «Тимошкин»[32].

---

[1]Казаков П. В. Средневековые погребения дельты Волги // Материалы четвертой краеведческой конференции Астрахань, 1991. Ч. 1. С. 42.

[2] Васильев Д. В. Отчет об археологических разведках на территории Красноярского, Приволжского и Наримановского районов Астраханской области в 1992 г. Астрахань, 1993. С. 5. Архив АГОИАМЗ, НВ 13555.

[3] Пигарев Е. М. Разведки в районе станции Досанг // АО 1994 года. М., 1995. С. 233.

[4]Попов П. В. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Харабалинском и Наримановском районах Астраханской области в 2005 г. Астрахань, 2006. С. 23. Архив АГОИАМЗ.

[5]Юрьев А. Д. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на территории Красноярского и Камызякского районов Астраханской области в 1996 году. Астрахань, 1997. С. 3. Архив АГОИАМЗ, НВ 14577.

[6] Егоров В. Л. Указ. соч. С. 118.

[7] Шнайдштейн Е. В. Северный Прикаспий в древности. Учебное пособие. Астрахань, 1992. С. 29.

[8] Егоров В. Л. Указ. соч. С. 118.

[9] Шнайдштейн Е. В. Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции. Астрахань, 1992. Ч. II. С. 9.

[10]Пантелеев С. А. Отчет об археологических исследованиях в Приволжском районе Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. С. 4. Архив АГОИАМЗ.

[11]Пантелеев С. А. Отчет об археологических разведках в приволжском районе Астраханской области в 2002 г. Астрахань, 2003. С. 5. Архив АГОИАМЗ.

[12] Кутуков Д. В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. С. 4. Архив АГОИАМЗ.

[13]Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 16. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

[14] Там же. С. 16.

[15] Там же. С. 17.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 18.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 19.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 20.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 21.

[24]Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1980. С. 3. Архив АГОИАМЗ, НВ 14493.

[25] Там же. С. 4.

[26] Там же. С. 5.

[27] Там же.

[28] Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1980. С. 10. Архив АГОИАМЗ, НВ 14493.

[29] Там же. С. 9.

[30]Кутуков Д. В. Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 1994 году. Астрахань, 1995. С. 2. Архив АГОИАМЗ, НВ 13980/18.

[31] Там же. С. 4.

[32] Там же. С. 5.

Икрянинский район. 81. Городище Чертово[1]; 82. Грунтовый могильник «Большой Черный»[2]; 83. Грунтовый могильник «Малый Черный»[3]; 84. Поселение «Красный»[4]; 85. Поселение «Ильинка»[5]; 86. Поселение «Большой Толчин»[6]; 87. Поселение «Малый Хаджи»[7]; 88. Поселение «Шантемир»[8]; 89. Грунтовый могильник Большой Хаджи[9]; 90. Грунтовый могильник «Петухов»[10]; 91. Грунтовый могильник и мавзолей « 92. Поселение Долгий[11]; 93. Поселение «Исмаил-тюбе»[12]; 94. Грунтовый могильник «Большой Морской»[13]; 95. Грунтовый могильник и поселение «Попок»[14]; 96. Грунтовый могильник «Федоровский»[15]; 97. Грунтовый могильник «Хмелевинский-I»[16]; 98. Грунтовый могильник «Хмелевинский-II»[17]; 99. Грунтовый могильник «Чулпанский»[18].

Камызякский район. 100. Городище Самосдельское[19]; 101. Поселение «Кочкаринский»[20]; 102. Грунтовый могильник «Большой Долгий»[21]; 103. Городище Тумак-тюбе[22]; 104. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе»[23]; 105. Грунтовый могильник «Кара-Тобе»[24]; 106. Грунтовый могильник «Ялан-Тобе»[25]; 107. Грунтовый могильник «Жулан-Тобе»[26]; 108. Грунтовый могильник «Ажанай»[27]; 109. Грунтовый могильник «Кюзене»[28]; 110. Грунтовый могильник «Промысловый»[29]; 111. Грунто-

---

[1]Пигарев Е. М. К вопросу об исследовании «Чертова городища» // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов : Научная книга, 2006. Вып. 7. С. 98–102.

[2] Пантелеев С. А. Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.. Астрахань, 2001. С. 31.

[3] Там же. С. 31.

[4] Там же. С. 32.

[5]Кутуков Д. В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. С. 11. Архив АГОИАМЗ.

[6]Шнайдштейн Е. В. Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы II краеведческой конференции. Астрахань, 1989. С. 9.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10]Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Нариманов ском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 14. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

[11] Там же. С. 3.

[12] Там же. С. 4.

[13]Пантелеев С. А. Отчет о разведках в Икрянинском районе Астраханской области в 1994 году. Астрахань, 1995. С. 2. Архив АГОИАМЗ, НВ 13979/19.

[14] Там же. С. 4.

[15] Там же. С. 6.

[16] Там же. С. 7.

[17] Там же. С. 8.

[18] Котеньков С. А. Отчет о разведках памятников археологии на юге Астраханской области в 1990 году. Астрахань, 1991. Т. 1. С. 4. Архив АГОИАМЗ, НВ 12905.

[19]Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., Зиливинская Э. Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. Т. 3. С. 85.

[20] Васильев Д. В. Отчет об археологических разведках в Камызякском районе Астраханской области в 2003 г. Астрахань, 2004. С. 8. Архив АГОИАМЗ.

[21]Кутуков Д. В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. С. 10. Архив АГОИАМЗ.

[22]Котеньков С. А. Отчет о разведках памятников археологии на юге Астраханской области в 1990 году. Астрахань, 1991. Т. 1. С. 2. Архив АГОИАМЗ, НВ 12905.

[23] Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Нариманов ском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 22. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

[24] Там же. С. 22.

[25] Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Нариманов ском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 23. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

[26] Там же. С. 24.

[27] Там же. С. 25.

[28] Там же. С. 25.

[29] Там же. С. 26.

вый могильник «Бос-Тобе»[1]; 112. Грунтовый могильник «Коц-Тобе»[2]; 113. Грунтовый могильник «Джидале»[3]; 114. Грунтовый могильник «Троицкий»[4].

Город Астрахань. 115. Хаджитархан (Хаджи-Тархан, городище Шареный бугор)[5].

В ходе разведок 2009 г. был обнаружен еще один курганный могильник в районе с. Пологое Займище Ахтубинского района (№ 116)[6].

Анализируя имеющийся материал, видно сильное отличие в насыщаемости памятниками золотоордынского времени северной (степной) части Астраханской области (Ахтубинский, Черноярский, Харабалинский и Енотаевский районы) и южной (дельтовой) части (Наримановсий, Приволжский, Красноярский, Володарский, Камызякский и Икрянинский районы). Разная насыщенность, на наш взгляд, связана не столько со слабой изученностью севера области, сколько именно с природными условиями территорий.

Огромные пустынно-степные пространства, характерные для кочевого хозяйствования, и довольно узкая пойменная зона, пригодная для оседлого ведения хозяйства, на севере области дали возможность расселения золотоордынского населения узкой полосой вдоль рек Ахтуба и Волга. На юге области, изобилующей реками и бэровскими буграми, образовалась зона сплошной оседлости и земледелия.

Различие в природных условиях должно было, непременно, сказаться и в разности формирования округ вокруг крупных городских центров. Так, мы не видим сложенной оседлой системы вокруг Селитренного городища, имеющейся, к примеру, вокруг городища Красноярского, хотя статусность обоих населенных пунктов не вызывает сомнений.

Попытка решения вопроса о формировании золотоордынского города и его округи ставит перед нами и ряд новых проблем. Это:

- обеспечение крупного столичного золотоордынского города (Селитренное городище);
- критерии для выделения города, городища, поселения;
- выделение условий для формирования, как города, так и его округи для различных природно-исторических территорий;
- определение функциональных особенностей золотоордынских городов и поселений.

П.В. Попов
(Управление по сохранению культурного наследия и развитию культурного туризма Министерства культуры Астраханской области, г. Астрахань)

О ВЫДЕЛЕНИИ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО КОМПОНЕНТА В СОСТАВЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ОГУЗОВ

В качестве основных признаков огузского погребального обряда рассматривается сопровождение покойного шкурой коня, у которого конечности расчленялись по первый или второй скаковой сустав, а также ее расположение над погребенным, а также находки набора особых украшений: копоушек, птицевидных, крыловидных нашивок и привесок[7].

Анализ вещевого комплекса огузских погребений степей Восточной Европы позволяет выделить целый ряд предметов, которые своим происхождением связаны с лесостепными районами Западной Сибири, Алтая, а также Минусинской котловины.

---

[1] Васильев Д. В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. С. 23. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244. С. 26.

[2] Там же. С. 27.

[3] Там же. С. 28.

[4] Юрьев А. Д. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на территории Красноярского и Камызякского районов Астраханской области в 1996 году. Астрахань, 1997. С. 1. Архив АГОИАМЗ, НВ 14577.

[5] Гузейров Р. А. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа : автореф. дис. … канд. истор. наук. Казань, 2004.

[6] Пигарев Е. М. Отчет об археологических разведках на территории Ахтубинского района Астраханской области в 2009 г. Астрахань, 2010. Архив АГОИАМЗ.

[7] Кригер В. А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы//Новое в средневековой археологии Евразии, Самара, 1993. С. 134–137; Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях, Уфа, 2001. С. 94; Круглов Е. В. О некоторых особенностях погребального обряда огузов//Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 59–60.

Наиболее близкие аналогии металлическим украшениям ажурного стиля (птицевидные нашивки, копоушки) обнаруживаются в материалах памятников сростинского типа[1]. Прежде всего, здесь надо отметить копоушку из могильника Ур-Бердари[2] (табл. I, 14), птицевидные нашивки из материалов могильников Усть-Большая Речка и Сандыккала[3] (табл I, 17, 18), а также серию копоушек из которых выделяется изделие из Усть-Большой Речки (табл. I, 24, 26, 27, 28) и Сростинского могильника[4] (табл. I, 15). Изображенная на последней композиция в виде стилизованной летящей птицы находит многочисленные аналогии на копоушках, происходящих из огузских погребений (табл. I, 29, 30, 31). Д.Г. Савинов считает, что истоки традиции их изготовления лежат в материалах таштыкской культуры. По его мнению, их проникновение в сростинскую среду проходило при участии верхнеобского населения[5] Формирование традиции изготовления предметов ажурного стиля в огузо-печенежской среде Д.Г. Савинов считает результатом влияния кипчаков[6].

Л.М. Гаврилина, отмечая близость огузских украшений сибирским материалам, указывает, что обе эти группы являются проявлением одной евразийской традиции изготовления высокохудожественных образцов металлопластики[7]. В тоже время, она считает сомнительным тот факт, что ее носителями были кипчаки, указывая, что в половецких древностях такие предметы полностью отсутствуют[8]. Она считает, что параллельное сосуществование европейской и сростинской традиции изготовления данных украшений опровергает мнение Д.Г. Савинова о возможных связях и влияниях между группами населения этих районы[9]. Однако археологические материалы указывают, что в сложении культуры огузов и синхронных им кочевников Западной Сибири принимал участие общий этнокультурный субстрат, в рамках которого бытовали традиции изготовления таких украшений.

Особый интерес представляет распространение в материалах огузских погребений металлических пряжек с приостренным носиком (табл. II). Они зафиксированы в захоронениях могильников Рубежка, Быково – I[10] (табл. II, 38, 39). Подобные элементы поясной гарнитуры широко распространены в материалах сростинской культуры[11], на памятниках средневековых кочевников в Верхнем Прииртышье[12] (табл. II, 22, 24–27).

В Барабинской степи зафиксированы находки костяных подпружных пряжек полностью повторяющих форму металлических аналогов[13] (табл. II, 28). Следует особо отметить находки подобных элементов поясной гарнитуры при исследовании памятников верхнеобской культуры[14] (табл. II, 19, 23). Однако истоки традиции их изготовления следует искать в таштыкских комплексах Минусинской котловины рубежа нашей эры[15] (табл. II, I). Устройство носика на поясной пряжке здесь было очень распространено. По всей видимости, именно они являются источником проникновения таких форм гарнитуры в верхнеобский комплекс. Позднее последний сыграет заметную роль в формировании облика материальной культуры кочевников Западной Сибири. Можно предположить, что в

---

[1] Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья, Кемерово, 1994, таб. XII 13, XIII 2, 3, 7, 15.

[2] Елькин М. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур // ИЛАИ. Кемерово, 1970. Вып. 2. С. 81–92.

[3] Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, Алма-Ата, 1987. Рис. 113, 11.

[4] Савинов Д. Г. Сростинский могильник (раскопки М.Н. Коморовой в 1925 г. и С.М., Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Горно-Алтайск. 1998. Вып. 3.

[5] Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 56.

[6] Там же. С. 63.

[7] Гаврилина Л. М. Кочевнические украшения X в. // СА. 1985. № 3. С. 224.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА. 1980. № 1. Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях, Уфа, 2001.

[11] Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. – Л., 1956. Савинов Д. Г. Сростинский могильник (раскопки М.Н. Коморовой в 1925 г. и С. М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3.

[12] Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-ата, 1987. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.

[13] Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.

[14] Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. – Л., 1956, Троицкая Т. Н. Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

[15] Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минуснкой котловины. М., 1960. С. 37.

Восточную Европу подобные пряжки проникают с миграциями западносибирских тюркоязычных номадов. Следует отметить, что Е.В. Круглов отмечает архаичность погребального инвентаря в захоронениях, где обнаруживаются указанные пряжки и датирует их серединой IX в.[1]

Рассматривая вопрос проникновения этих форм гарнитуры в европейские степи, следует еще раз обратиться к погребению 3 кургана 14 могильника Быково – I и рассмотреть находку в данном захоронении костяных наконечников стрел. Такие же артефакты обнаружены в погребении 2/11 могильника Кос-Оба[2] (табл. VII, 1–4). и печенежском погребении могильника Ак-Булак[3]. Подобные находки являются абсолютно нехарактерными для средневековых номадов Восточной Европы. Они находят близкие аналогии в материалах верхнеобской культуры[4]. Находки костяных наконечников стрел является ярким подтверждением существования этнокультурных связей восточно-европейских огузо-печенегов с западносибирским регионом.

Анализ гарнитуры сбруйных и поясных наборов также выявляет многочисленные аналогии в материалах средневековых номадов Западной Сибири и предгорий Алтая (табл. III). Здесь отмечается сходство, как в формах, так и в орнаментации предметов. Необходимо отметить практически полное совпадение основных форм наременных бляшек. Наибольшее распространение получают простые округлые, серцевидные формы, а также в виде стилизованного цветка. Близость материала ярко проявилась в находках идентичных нашивных бляшек в виде головы козла из могильников Гилево – VII и Увак (табл. III, 24, 63).

Следует упомянуть распространение в алтайских и европейских памятниках серцевивидных блях, размещавшихся на лбу и на крупе коня. Сходство обнаруживается в общей форме, в размещении орнаментальных зон в центральной части предмета. В тоже время алтайские серцевидные бляхи отличаются большей простотой исполнения. В Европе наблюдается становится богаче орнаментация, наверху появляется петелька, которая впоследствии трансформируется в особо выделенную верхнюю часть бляхи. Эти особенности свидетельствуют о генетическом родстве европейских и сибирских предметов. В тоже время, эти два ответвления единой традиции с определенного этапа развиваются самостоятельно, приобретая специфические черты.

Анализируя схему развития накладок и ременных наконечников из сбруйных наборов восточноевропейских кочевников предложенной Л.М. Гаврилиной[5] (табл. IV), особо следует отметить ее совпадение с основными направлениями развития аналогичных предметов в среде номадов Алтая и прилегающих степных районов[6]. Согласно исследованиям Т.Г. Горбуновой в IX–X вв. в культуре последних наибольшее распространение получают овально-прямоугольные наконечники неорнаментированные или украшенные растительной и геометрической орнаментацией[7]. Аналогичные по форме и орнаментации наконечники ремней часто встречаются в погребениях огузов и печенегов в европейских степях. Л.М. Гаврилина относит эти вещи к первой и второй группам художественного металла и датирует в основном X в.[8] В конце X – начале XI вв. в материалах западносибирских кочевников появляются длинные ременные наконечники килевидной формы. Т.Г. Горбунова связывает происхождение этих элементов гарнитуры с развитием овально-прямоугольных форм[9]. Идентичные по форме ременные наконечники в начале XI в. появляются в погребениях огузо-печенегов. Л.М. Гаврилина относит их к третьей группе металлических элементов поясной и сбруйной гарнитуры[10]. Такие наконечники зафиксированы в ряде высокохудожественных сбруйных наборах обнаруженных в степях

[1] Круглов Е. В. О некоторых особенностях погребального обряда огузов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий, Астрахань, 2001. С. 421.

[2] Кригер В. А. Погребения и случайные находки IX–XI вв. на территории Уральской области // Куйбышев, 1979. НТ КГПИ. Т. 230. С. 175.

[3] Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.

[4] Грязнов М. П.. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. – Л., 1956. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

[5] Гаврилина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы в X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 54–68.

[6] Горбунова Т. Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая // Древности Алтая, 2003. № 11. С. 78–89.

[7] Там же. С. 86.

[8] Гаврилина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы в X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 63–64.

[9] Горбунова Т. Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая // Древности Алтая, 2003. № 11. С. 85.

[10] Гаврилина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы в X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 64.

Поднепровья и Причерноморья. Эти вещи являются высшей точкой развития искусства средневековых огузо-печенегов. Также как и в сибирских аналогах в стилистике оформления этих предметов большее место занимают геометрические орнаменты. Особо следует отметить синхронность формирования новых тенденций в изготовлении металлопластики в среде номадов Европы и Западной Сибири.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в сложении общностей номадов Восточной Европы и Западной Сибири проходило при участии общего этнокультурного субстрата.

Одной из самых значимых черт огузских погребений является захоронение вместе с человеком шкуры коня. Этот обряд получает широкое распространение в евразийских степях в IX–X вв.. Большинство исследователей рассматривает его как развитие традиционного для тюрок погребения человека с конем.

В тоже время, при рассмотрении вопроса происхождения данной традиции привлекают внимание материалы средневековых могильников Среднего и Верхнего Приобья. Здесь в курганах верхнеобской и релкинской культур также зафиксированы сопроводительные захоронения останков коня.

Прежде всего, следует отметить находки черепов и конечностей лошади в курганных насыпях ряда могильников расположенных на Ближних Елбанах[1]. М.П. Грязнов интерпретировал эти находки как остатки поминальных тризн и соотнес с этнографическими данными о погребальном обряде современных хакасов[2]. Остатки поминальных тризн в засыпях курганов в виде черепов и шкур коня зафиксированы в Релкинском могильнике[3]. Следует отмстить, что здесь шкуры и черепа лошади раскладывались отдельно[4]. Находки аналогичных частей лошадиной туши отмечены в курганах некрополей Томского Приобья[5]. Согласно данным остеологических исследований, 90 % костей лошади представлены остатками шкуры: черепами, костями конечностей.

Таким образом, исходя из вышеприведенных данных, можно констатировать, что в среде западносибирских племен был широко распространен поминальный обряд, сопровождавшийся жертвоприношением лошади и оставлением ее шкуры на кладбище. Согласно этнографическим данным, шкуру вешали либо на специальный кол, либо на рядом стоящее дерево, а спустя какое-то время захоранивали в засыпях курганов или возле могил. Такая традиция свидетельствует о бытовании в среде обских племен культа коня. Его формированию способствовал хозяйственный уклад этих общностей. В условиях лесостепной зоны большой удельный вес в нем занимало скотоводство. На этой основе, а также под влиянием кочевых племен, населявших более южные степные районы, в их среде получила распространение всадническая культура, о чем свидетельствуют погребальный инвентарь обских могильников.

Контакты населения Приобья с тюркоязычными номадами имело длительную историю. Проникновение кочевников с Алтая усиливается в VIII веке, когда они начинают плотно осваивать западносибирские степи. Этот процесс сопровождался активными этническими контактами и взаимовлияниями. Так в материалах сростинской культуры, тюркоязычных кочевников Павлодарского Прииртышья прослеживается влияние местных приобских племен[6]. Эти данные дают основание предположить, что обряд ингумации со шкурой коня формируется в среде тюркоязычных номадов результате тесных межэтнических контактов с приобским населением. Под влиянием последних, классический тюркский обряд трупоположения человека в сопровождении коня трансформируется. Конь здесь приобретает значение жертвенного животного, основную тушу которого съедают в ходе поминок.

[1] Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. – Л., 1956. С. 107, 115, 125, 140.
[2] Там же. С. 107–108.
[3] Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. С. 99, 101–102.
[4] Там же. С. 99, 101–102.
[5] Беликова О. Б. Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. С. 109.
[6] Кляшторный. С. Г. Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии, Спб. 2005. С. 292; Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–IX вв.) // Новое в археологии Казахстана, Алма-ата, 1968. С. 109.

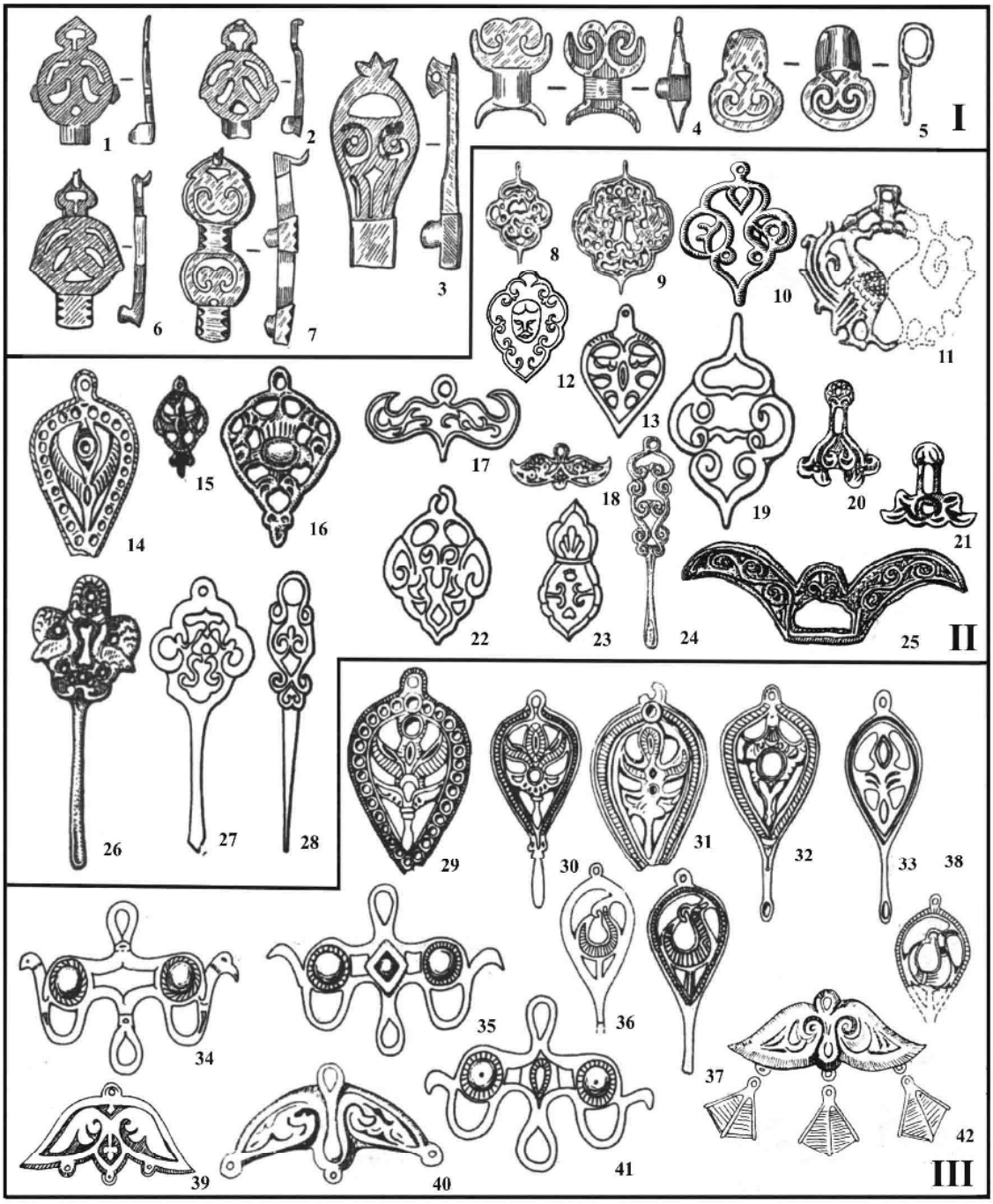


Таблица I. I - таштыкская культура; II - сростинская культура; III - культура восточноевропейских огузов. 1 - 6 изыхский чаа-тас, склеп 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 8 - 9 Ближние Елбаны VIII, к. 2 п. 3 (Грязнов М.П., 1956); 10, 14, 19, 22, 28 Ур-Бердари, к. 30 (Елькин М.Г., 1970); 11, 18 Сандыккала, объект 1, п. 3 (Археологические памятники..., 1987); 12 Новокамышенка (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005); 13, 15, 23 Сростинский могильник (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Савинов Д.Г., 1998); 16 Гилёво IX, к. 6 п. 2 (Могильников В.А., 2002); 17, 27 Усть-Большая Речка (из раскопок Копытова М.Д.), (Савинов Д.Г., 1984); 20, 21 Карашат I, объект 23, п. 2 (Археологические памятники..., 1987); 24 Карболиха VII, к. 1 (Могильников В.А., 2002); 25 Гилёво VII, к. 4, п. 2 (Могильников В.А., 2002); 26 Карболиха II, к. 6 (Могильников В.А., 2002); 29-42 украшения из погребений восточноевропейских огузов. (Гаврилина Л.М., 1985).

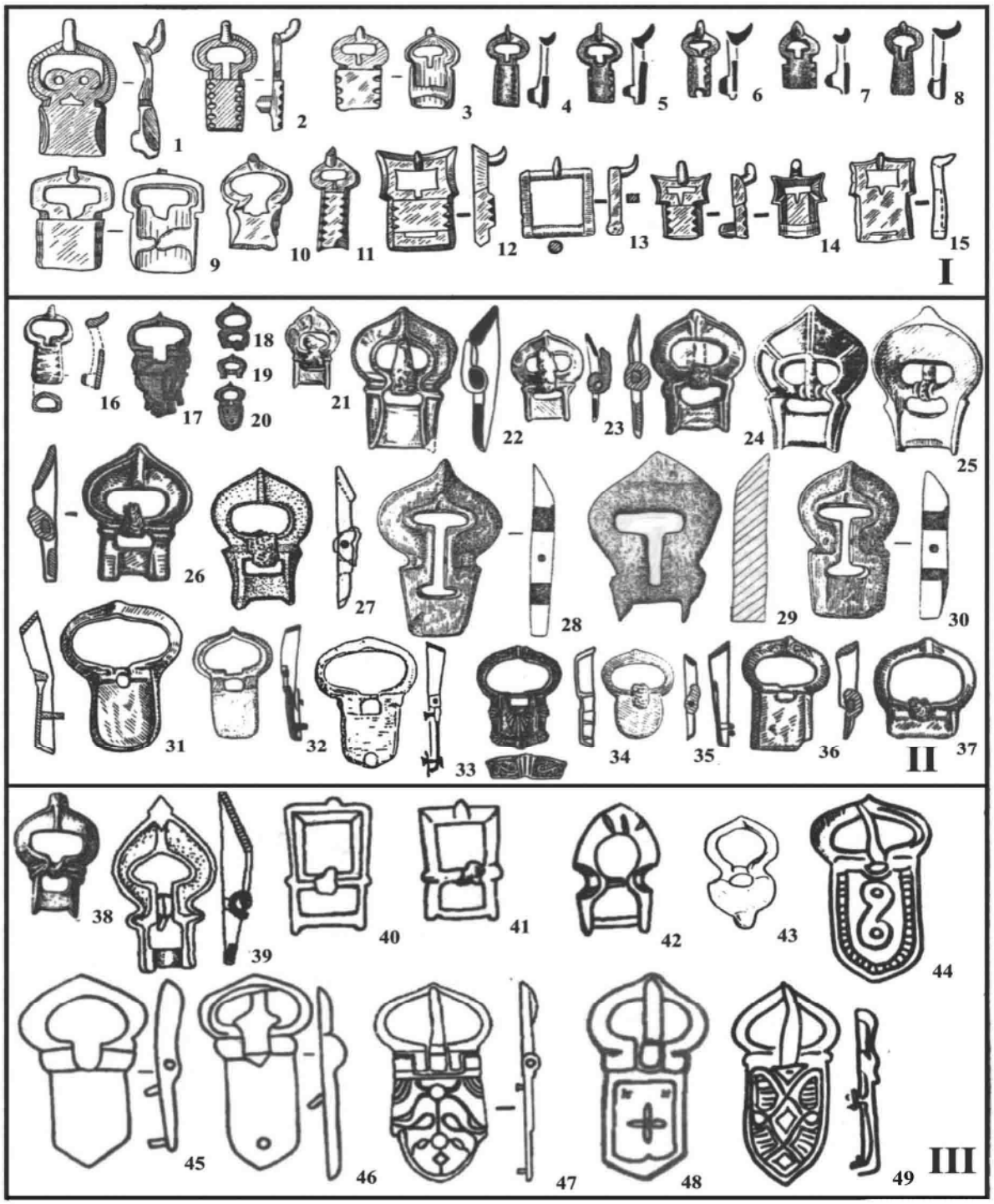


Таблица II. I - таптыкская культура; II - сростинская культура; III - культура огузо-печенегов. 1 - 3, 9 - 11 изыхский чаа-тас, склеп 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 4 - 8 Быстрая II (Поселянин А.И., 2003); 12 - 15 Сырский чаа-тас, склеп 2 (Кызласов Л.Р., 1960); 16 Ближние Елбаны XII (Грязнов М.П., 1956); 17, 20 Каменный мыс к. 9 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 18 Каменный мыс к. 8 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 19 Умна-3, к. 4 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998); 21 Ближние Елбаны VII, п. 5, к. 1 (Грязнов М.П., 1956); 22 Гилёво VII, к. 9 (Могильников В.А., 2002); 16 Гилёво IX, к. 6 п. 2 (Могильников В.А., 2002); 23 Ближние Елбаны VII, п. 78, (Грязнов М.П., 1956); 24 Гилёво XIII, к. 6 (Могильников В.А., 2002); 25 Карашат I, объект 23, п. 2 (Археологические памятники..., 1987); 26, 36, 37 Гилёво XII, к. 2 (Могильников В.А., 2002); 27 Шелаболиха - 3 (Горбунов В.В., 1996); 28 Большие Луки п. 1, к. 1 (Бараба в тюркское время, 1988); 29 Чулым - 2, п. 1, к. 35 (Бараба в тюркское время, 1988); 30 Третье отделение п. 1, к. 1 (Бараба в тюркское время, 1988); 31 Гилёво IX к. 6 (Могильников В.А., 2002); 32 Гилёво VI к. 6 (Могильников В.А., 2002); 33 Кураевка I, к. 1 (Могильников В.А., 2002); 34 Гилёво VII, к. 5 (Могильников В.А., 2002); 35 Гилёво VII, п. 2, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 38 Быково I, п. 3, к. 14 (Смирнов К.Ф., 1960); 39 Рубежка I (Кригер В.А, Железчиков Б.Ф., 1980); 40 Большемихайловка II (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985); 41 Кагарлык II к. 218 (Плетнёва С.А., 1973); 42 Павловка к. 1 (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 43 Сарайлы-кият (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 44 Кривая Лука XV, п. 2, к. 8 (Гаврилина Л.М., 1987); 45, 46 Ченин п. 4, к. 8 (Круглов В.Е., Лукашов А.В., Мамонтов В.И., 2003); 47 Красная Деревня, п. 8, к. 15 (Круглов В.Е., Лукашов А.В., Мамонтов В.И., 2003); 48 Кара-су I (Кокебаева Г.К., 1980); 49 Ново-каменка к. 5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С.1982).

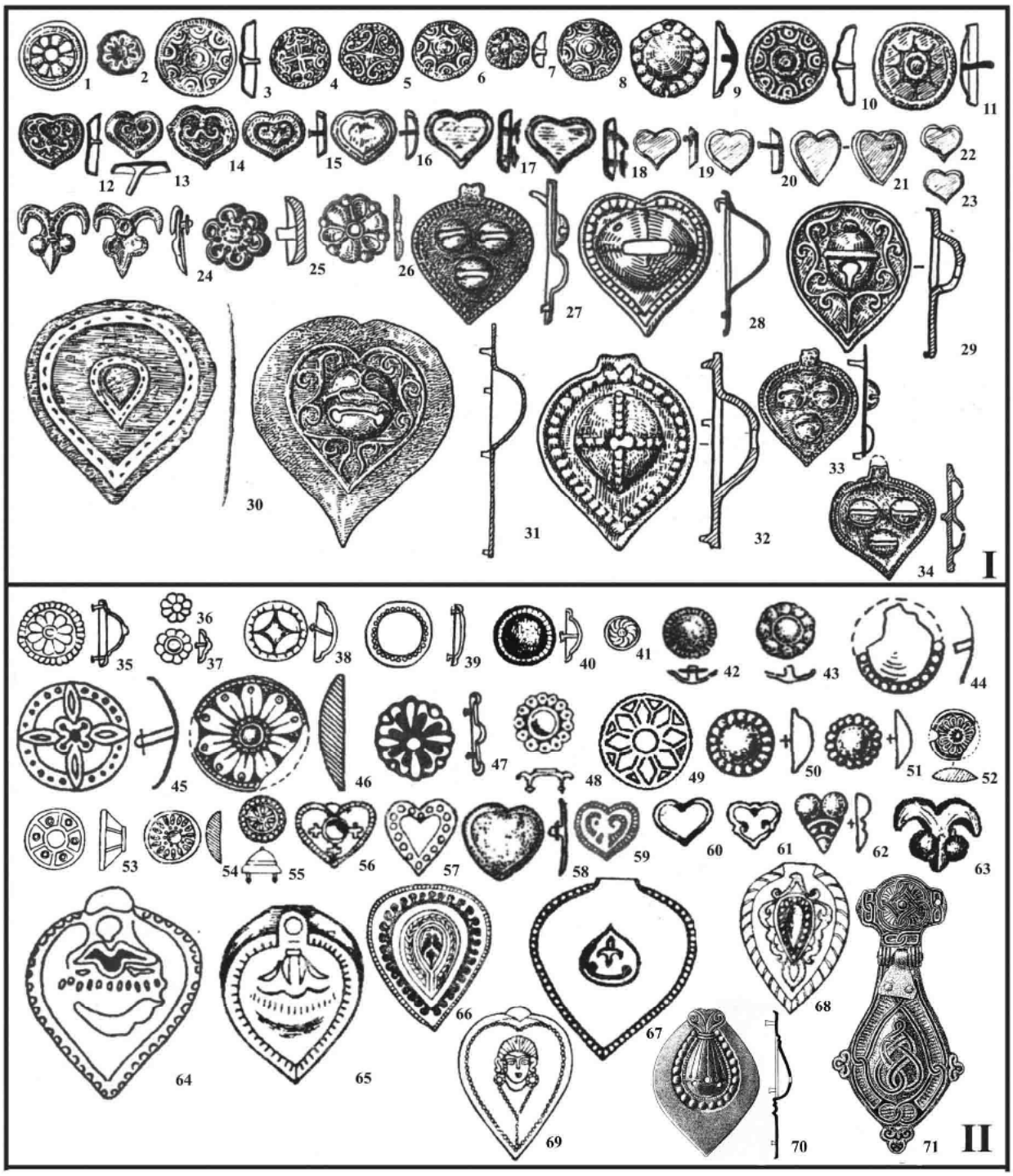


Таблица III. I - сростинская культура; II - культура огузо-печенегов. 1 Гилёво IV, к. 1 (Могильников В.А., 2002); 2 Гилёво V, к. 6 (Могильников В.А., 2002); 3 - 8, 12, 14, 24 Гилёво VII к.2, п. 4 (Могильников В.А., 2002); 9 Гилёво IX, к. 6 (Могильников В.А., 2002); 10, 11, 13, 15, 31, 33, 34 Гилёво VII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 16, 24, 28 Гилёвой XII, к. 2 (Могильников В.А., 2002); 17 - 23 Карашат I, объект 26, 26а (Археологические памятники..., 1987); 26 Карболиха VIII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 27 Гилёво VII, к. 5 (Могильников В.А., 2002); 29, 32 Гилёво IX к. 6 (Могильников В.А., 2002); 30 Акчий II, объект 1 (Археологические памятники..., 1987); 35, 36, 37, 55 Мирное (Доконт Н.К., 1973); 38, 39, 48, 60, 61 Быково II, п. 5, к. 3 (Смирнов К.Ф., 1960); 40, 63 Увак (Фёдорова-Давыдова Э.А., 1969); 41, 71 Ново-каменка к. 5 (Кубышев А.И., Орлов Р.С.1982); 42, 43, 58 (Смирнов К.Ф., 1960); 44, 45, 64 Ченин (Круглов В.Е., Лукашов А.В., Мамонтов В.И., 2003); 46, 50, 51, 62 Успенка (Шнайдштейн Е.В., 1989); 49 Приозёрное п. 3, к. 2 (Круглов В.Е., Лукашов А.В., Мамонтов В.И., 2003); 52 Колобовка п. 2, к. 1 (Круглов Е.В., Сергацков И.В., Балобанова М.А., 2005); 53 Колпаковка XXVI п. 3, к. 3 (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1981); 54 Верхнее Погромное п. 3, к. 1(Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001); 56 Калиновский п. 7, к. 1 (Шилов В.П., 1959); 57 Кара-су I (Кокебаева Г.К., 1980); 59 Гороженко (Кирпичников А.Н., 1973); 65, 68 Болгарка I (Гуцалов С.Ю., 1993); 66, 69 Верхний Балыклей II, п. 5, к. 1 (Яворская Л.В., 1997); 67 Рахинка (ГаврилинаЛ.М., 1987); 70 Первоконстантиновка (Кубышев А.И., Орлов Р.С.1982);71Ново-каменка к. 5.(Кубышев А.И., Орлов Р.С.1982).

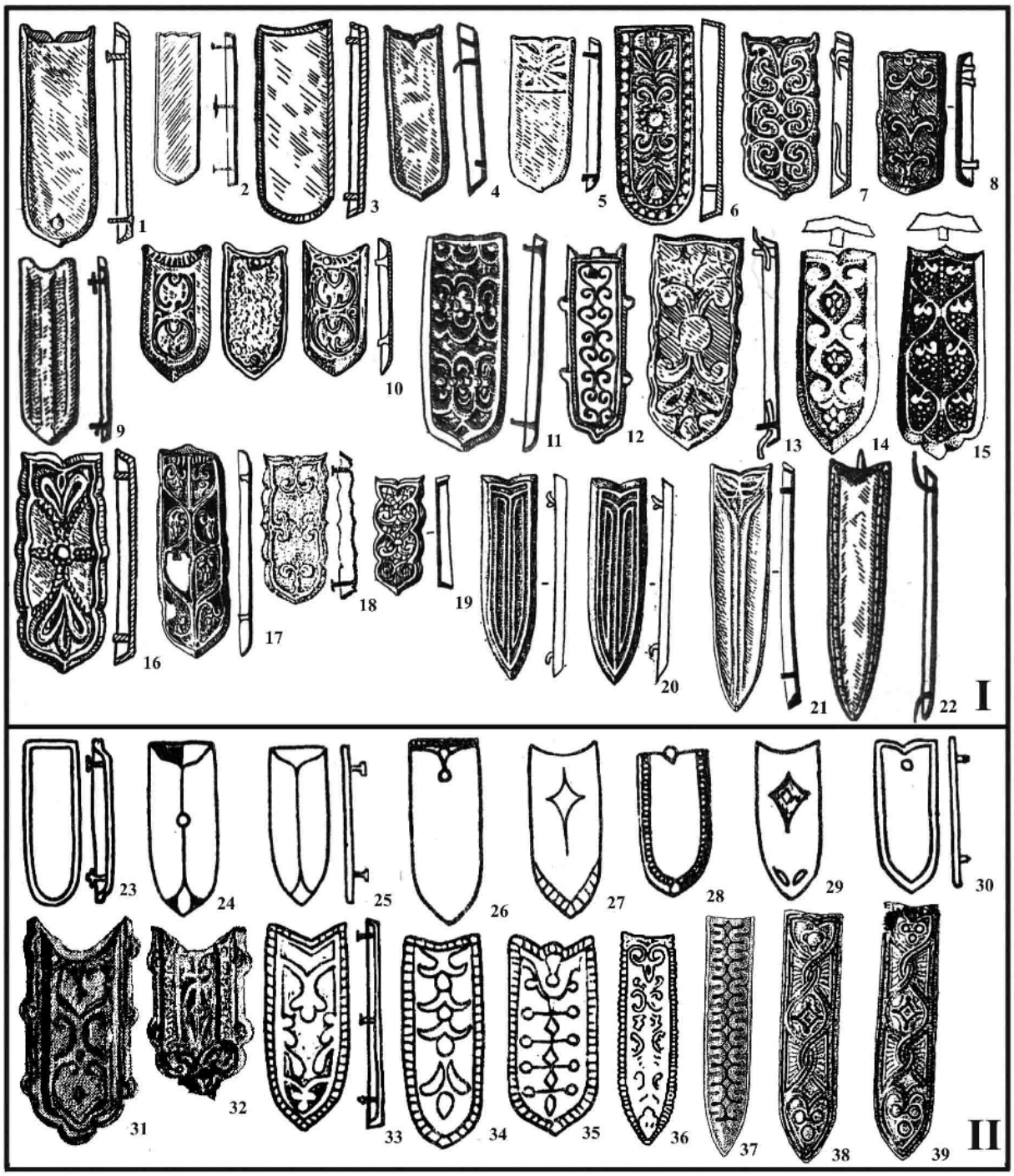


Таблица IV. I - сростинская культура; II - культура огузо-печенегов. 1 Гилёво IX, к. 6 (Могильников В.А., 2002); 2 Карашат I, объект 26, 26а (Археологические памятники..., 1987); 3 Карболиха II, к.1 (Могильников В.А., 2002); 4 Карболиха VIII, к. 5 (Могильников В.А., 2002); 5 Кураевка (Могильников В.А., 2002); 6 Гилёво IX, к. 6 (Могильников В.А., 2002); 7 Карболиха VIII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 8 Гилёво VI (Могильников В.А., 2002); 9 Гилёво XII, к. 2 (Могильников В.А., 2002); 10 Гилёво VIII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 11 Гилёво VII, к. 7 (Могильников В.А., 2002); 12 Карболиха VIII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 13 Гилёво VII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 14,15 Щепчиха I, к. 4 (Тишкин А.А., 1993); 16Карболиха II, к.1 (Могильников В.А., 2002); 17 Гилёво VII, к. 4 (Могильников В.А., 2002); 19 Гилёво II, к. 3 (Могильников В.А., 2002); 20, Третье Отделение, к. 1 (Бараба в тюркское время, 1988); 21 Гилёво XV, к. 5 (Могильников В.А., 2002);22 Гилёво XII, к. 2 (Могильников В.А., 2002); 23 Калиновский к. 4 п. 1 (Шилов В.П., 1958); 24, 25 Колобово (Гаврилина Л.М., 1987); 26 Балыклей II, к. 5 п. 1 (Гаврилина Л.М., 1987); 27 Быково II, к. 3, п. 5 (Смирнов К.Ф., 1960); 28, 29, 30 Кривая Лука XV (Гаврилина Л.М., 1987); 31, 32 Ханская могила (Нефёдов Ф.Д., 1899); 33,34 Новоникольское, к. 7, п. 13 (Гаврилина Л.М., 1987); 35 15-ый посёлок (Гаврилина Л.М., 1987); 36 старо-Шведское (Кирпичников А.Н., 1973); 37 Первоконстантиновка (Кубышев А.И., Орлов Р.С.1982); 38, 39 Ново-каменка к. 5.(Кубышев А.И., Орлов Р.С.1982).

В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что наиболее ранние тюркские захоронения в сопровождении шкуры коня найдены в Обь-Иртышском междуречье[1]. Следует отметить, что формирование данного обряда проходило постепенно. Об этом свидетельствуют материалы кочевнических могильников VIII–IX вв. в Прииртышье. Здесь наблюдается смешение черт погребальной обрядности, что свидетельствует о сложной этнической ситуации в данном районе[2]. Так здесь, часто в рамках одного могильника, фиксируются как погребения человека с конем, так и с его шкурой[3]. При этом, например, в Бобровском могильнике практически во всех курганах фиксируются остатки тризн, в состав которых входят черепа и кости ног лошади[4]. Особо следует отметить, что во многих могильниках, в том числе и в Бобровском фиксируются курганы, содержащие трупосожжения, в засыпи которых также находятся тризны в виде фрагментов глиняных сосудов и остатков шкур лошадей. Данные погребения Ф.Х. Арсланова соотносит с верхнеобским компонентом[5]. Таким образом, археологические данные могильников Прииртышья дают основание предположить, что традиция сопровождения умершего шкурой коня в среде тюркоязычных кочевников складывается именно под влиянием угро-самодийского населения Обь-Иртышского междуречья.

В этой связи, некоторые характеристики огузского погребального обряда приобретают новое значение. Так расположение шкуры коня над человеком может рассматриваться как реминисценция ее размещения в засыпи кургана. Помимо этого, в огузских курганах в ряде случаев фиксируется наличие остатков тризн в виде останков коня. Так здесь можно упомянуть погребение Старица 30\4, исследованное В.П. Шиловым в Астраханской области. Погребение было впущено в большой курган эпохи бронзы и представляло собой коллективное захоронение четырех человек в глубокой могиле. На перекрытии могилы, лежали четыре черепа коня, а в ногах находились задние ноги в анатомическом порядке. В засыпи могильной ямы располагались перемешанные останки пятой лошади, представленные черепом и скаковыми конечностями[6]. Беспорядочное расположение костей, свидетельствует о том, что это остатки поминальной тризны. Показателен набор костей: череп и конечности. Помимо этого остатки тризн зафиксированы в к.12 Калиновского могильника, где были обнаружены черепа пяти лошадей, баночный горшок с насечками по венчику, каменный пест, бронзовая бляшка и железное кольцо (табл. VII, 5). Все эти находки могут быть интерпретированы как тризна, относящаяся к огузскому погребению 19[7]. Аналогичный каменный пест был обнаружен в погребении 2/11 могильника Кос-Оба[8]. Также находки черепов коней зафиксированы в засыпях погребений 2/4 Калиновского могильника[9], 13/7 Новоникольского могильника[10]. По всей видимости, таких примеров можно было бы привести гораздо больше. Однако чаще всего исследователи в научных отчетах и публикациях отмечают только наличие костей лошади в курганных насыпях, не уточняя, какие части скелета были найдены и характер их расположения.

Обращает на себя внимание большое число находок исключительно черепа жертвенного коня. Как уже было отмечено выше, захоронение в насыпях кургана черепов коня зафиксированы в релкинских могильниках и памятниках Томского Приобья[11]. Также положение черепов коня на деревянное перекрытие могилы зафиксировано в Грязновском могильнике, раскопанным А.П. Уманским и отнесенного Д.Г. Савиновым к североалтайскому варианту сростинской культуры[12].

Таким образом, даже на основе приведенных примеров можно констатировать, что в огузской среде существовала традиция осуществления поминальных тризн с поеданием лошадиного мяса и оставлением определенных частей туши или шкуры на месте погребения покойного. Можно сказать,

---

[1] Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–IX вв.) // Новое в археологии Казахстана, Алмаата, 1968. С. 99, 101.
[2] Там же. С. 110–111.
[3] Там же. С. 99, 102–103.
[4] Там же. С. 102–103.
[5] Там же. С. 109.
[6] Круглов Е. В. Погребальный обряд огузов северного Прикаспия 2-ой половины IX – 1-ой половины XI веков// Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. С. 409.
[7] Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 359, 363–364.
[8] Кригер В. А. Погребения и случайные находки IX–XI вв. на территории Уральской области // НТ КГПИ. Куйбышев, 1979. Т. 230. С. 175. Рис. 1, 3.
[9] Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 338–340.
[10] Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975. С. 21, 28–29.
[11] Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. С. 99, 101–102; Беликова О. Б. Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983. С. 109.
[12] Савинов Д. Г. 1994. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.

что истоки этого обряда прослеживаются в традициях населения Приобья. Также в этой связи можно предположить, что огузский обряд в виде ингумации со шкурой коня, размещаемой выше покойника, формируется в результате взаимовлияния погребальных традиций тюркоязычных кочевников и племен населявших бассейн Оби. Такой характерный его признак как расположение шкуры коня выше умершего, можно рассматривать как проявление западносибирских традиций.

Также на этнокультурные связи огузской погребальной традиции с лесостепными районами Западной Сибири указывает широкое распространение в огузских захоронениях деревянных перекрытий, подстилок из коры[1]. Все эти перечисленные черты являются характерными для западносибирских лесостепных племен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в этногенезе огузов Восточной Европы участвовали племена связанные своим происхождением со степными и лесостепными районами Западной Сибири. Все основные этномаркирующие черты огузского погребального обряда: захоронение шкуры коня над человеком, находки предметов и украшений, выполненных в «ажурном» стиле, основные типы элементов поясной и сбруйной гарнитуры, некоторые специфические предметы, такие как костяные наконечники стрел, имеют истоки в культурах западносибирской лесостепи. Все это свидетельствует об участии в этногенезе средневековых восточноевропейских номадов культурного субстрата связанного своим происхождением с указанными районами.

В связи с вышеизложенным, большое значение представляет этническая идентификация западносибирского компонента в составе огузов. В этой связи, привлекает к себе внимание сочинение хивинского хана Абу-л-Гази «Родословная туркмен». В своем сочинении автор широко привлекает данные устных туркменских преданиях и легенд. Поэтому в нем сохранились ценные генеалогические предания туркмен, которые свом происхождением напрямую связаны со средневековыми огузами.

Помимо этого, следует обратиться к сведениям Махмуда Кашгарского указывающего, что огузская конфедерация имела традиционное для кочевников деление на два крыла – бузуков и учуков. Старшим подразделением в этой структуре являлись бузуки, поэтому они занимали восточные районы ареала расселения огузов. Западные области занимали роды, входящие в младшее объединение учуков. Если сопоставить эти сведения с географией расселения огузских племен, то можно довольно обоснованно утверждать, что восточноевропейские степи населяли роды, входившие в состав учуков. В соответствии со сведениями Абу-л-Гази племенем-предводителем этого подразделения огузов были баяндуры, а вторым по старшинству был род баджане/печенег[2].

На этом фоне очень интересно выглядит упоминание объединения баяндур. По мнению исследователей, своим происхождением оно связано с древним телесским племенем баегу/байырку. Гардизи упоминает баяндуров в качестве одного из родов-основателей кимакского объединения[3]. В этом свете особое значение приобретает упоминание баяндуров в качестве предводителей восточноевропейских огузов. Эти сведения дают основания предположить, что именно они являются носителями западносибирских культурных традиций и их проводниками на территорию Восточной Европы.

Показателен факт упоминания в составе учуков рода баджане/печенег. Расселение печенегов в поволжских, приуральских и прикаспийских степях надежно подтверждается археологическими и письменными источниками. О вхождении печенегов в состав огузского союза свидетельствуют сообщения Константина Багрянородного[4] и Махмуда Кашгарского[5]. Также это подтверждают результаты картографирования памятников огузов и печенегов в Поволжье и Прикаспии, приведенные в работе Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова[6]. На составленной ими карте наглядно видно концентрацию погребений огузов и печенегов на правобережье Волги. Особо надо отметить синхронность двух указанных групп захоронений. Трудно себе представить существование в поволжских и прикаспийских степях какого-либо печенежского объединения. Напротив источники свидетельствуют о том, что данные территории были одним из центров огузских кочевий. Таким образом, вхождение в состав огузского союза печенегов подтверждается и археологическими данными.

Сведения Абу-л-Гази о вхождении баяндуров в западное крыло огузского объединения подтверждаются русскими летописями. Они сообщают о заселении Поросья в начале XI века на правах

[1] Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.
[2] Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М. – Л., 1958. С. 52.
[3] Бартольд В. В. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг.» // Сочинения. 1973. Т. VIII. М. С. 43–44.
[4] Константин Багрянородный. Об управлении государством // ИГАИМК. М. – Л., 1934. Вып. 91. С. 16, 157.
[5] Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 78–79.
[6] Гарустович Г. Н. Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.

вассалов киевского князя берендеями/баяндурами, входившими в состав Черноклобуцкого союза[1]. Более того, летописцы выделяют это объединение как наиболее сильное и многочисленное[2].

Появление в Поросье баяндуров/берендеев было связано с экспансией половецко-кипчакских племен. В начале XI в. она также фиксируется и в среднеазиатском регионе. Под давлением кипчаков туркмены отступают на юг, составив основу сельджукского движения. В свою очередь племена огузской конфедерации населявшие степи Северного Прикаспия и Поволжья отступают на запад, оседая, в том числе и в Поросье.

Таким образом, сопоставляя археологические данные и сведения письменных источников можно сказать, что большую роль в этногенезе восточноевропейских огузов сыграл этнокультурный субстрат, связанный своим происхождением со степными и лесостепными районами Западной Сибири. С большой долей уверенности этот компонент можно соотнести с племенем баяндур, возглавлявшим западное крыло огузского племенного союза.

П.В. Попов
(Управление по сохранению культурного наследия и развитию культурного туризма Министерства культуры Астраханской области, г. Астрахань)

ЕЩЕ РАЗ О ГОРОДИЩЕ МОШАИК

(читая статью С.А. Пантелеева «О датировке городища Мошаик» // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II. Астрахань, 2010. С. 59–64)

В чужом глазу сучок видит, а в своем бревно не замечает
Русская народная поговорка

В 2010 г. была опубликована статья С.А. Пантелеева «О датировке городища Мошаик»[3], в которой автор предпринял попытку критического анализа моей статьи «К вопросу о датировке городища Мошаик» опубликованной в Нижневолжском археологическом сборнике[4]. Конечно, отрадно, что моя работа привлекла внимание археологической общественности, однако статья С.А. Пантелеева вызывает, мягко говоря, недоумение.

Прежде всего, следует еще раз разобрать материалы, полученные на городище в ходе исследований проведенных археологической экспедицией АГПИ под руководством Е.В. Шнайдштейн. В результате этих работ памятник был интерпретирован исследователем как городище золотоордынского времени. Большую часть коллекционной описи отчета составляют образцы красноглиняной керамики, относимые к золотоордынскому времени. Однако, состав коллекции сданной в фонды ОГУК «АГОИАМЗ» расходится с коллекционной описью, приложенной к отчету. В фондах музея обнаруживаются довольно большое количество образцов лепной керамики красноглиняной и кострового обжига. В публикации материалов исследований на городище Е.В. Шнайдштейн упоминает находки фрагментов лепных сосудов, связывая ее с населением русского поселка, якобы существовавшего на городище[5]. Если бы С.А. Пантелеев взял бы на себя труд ознакомиться с коллекцией 1978 г., хранящейся в фондах ОГУК «АГОИАМЗ», где он, кстати, и работает, то вопросов о не соответствия привлекаемых материалов коллекционной описи отчета 1978 года не возникло.

В целом, выделение домонгольских комплексов на многослойных памятниках представляется большой проблемой. Во-первых, это связано с устоявшимися трактовками. Ярким примером являются материалы городища Мошаик. Проводившая исследования в 1978 г. Е.В. Шнайдштейн соотнесла найденную лепную керамику с древнерусской посудой. В тот период, какие-либо домонгольские поселенческие комплексы были просто неизвестны. Пересмотр материалов Мошаика стал возможен только после проведения исследований на Самосдельском городище и выявлении комплекса керамики, датируемой дозолотоордынским периодом. Здесь была выявлена характерная лепная керамика, а также представительный комплекс красноглиняных гончарных форм. Выявление последнего имеет особое значение. На территории Астраханской области красноглиняная гончарная керамика традици-

[1] Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 74.
[2] Там же. С. 77, 79.
[3] Пантелеев С. А. О датировке городища Мошаик // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2010. Вып. II. С. 59–64.
[4] Попов П. В. К вопросу о датировке городища Мошаик // НАВ. Волгоград, 2008. Вып. 9. С. 206–226.
[5] Шнайдштейн Е. В. Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции. Астрахань, 1992. С. 3–11.

онно интерпретировалась как золотоордынская. Выделение аналогичного комплекса на Самосдельском городище позволяет подойти к данному вопросу более дифференцировано. Некоторые красноглиняные гончарные сосуды, традиционно относимые к эпохе Золотой Орды, могут быть датированы более ранним временем.

На Мошаике в ходе исследований 1978 г. был выделен керамический комплекс, который однозначно должен быть датирован домонгольским временем. Сюда относятся фрагменты лепной керамики и некоторые формы гончарной. Более того, анализ керамической коллекции 1978, 1999 гг., хранящейся в фондах ОГУК «АГОИАМЗ» свидетельствует о преобладании посуды относящейся к домонгольскому периоду. Об этом и было написано в опубликованной мною статье. Эта интерпретация корректирует выводы отчета Е.В. Шнайдштейн 1978 г. Однако. С.А. Пантелеев, почему-то приводит эти устаревшие выводы в качестве опровержения аргументов изложенных в моей публикации, не удосужившись даже отсмотреть фактически имеющуюся коллекцию.

Довольно спорно выглядит утверждение С.А. Пантелеева о том, что в золотоордынское время Мошаик процветал. О том, что в ордынское время здесь существовало поселение говорят археологические материалы. Однако, тот факт, что с Мошаика неизвестно какой-либо представительной выборки золотоордынских монет, ставит под сомнение факт его процветания в этот период. Упоминание о наличии золотоордынского слоя мощностью 1 метр взято из отчета Е.В. Шнайдштейн. Однако анализ приведенных в нем данных позволяет предположить, что исследованный в 1978 г. дом являлся полуземлянкой или землянкой, впущенной в культурные слои более раннего времени. В ином случае довольно трудно объяснить, что в слое ордынского времени, обнаружены артефакты гораздо более ранней эпохи. Однако это всего лишь рабочая гипотеза, проверить которую можно только дополнительными полевыми исследованиями.

Далее С.А. Пантелеев, пытаясь уличить меня в безграмотности, совершенно непонятно почему приводит ошибочные культурно-исторические интерпретации Д.В. Васильева погребений 12, 15 исследованных в 1999 г., указывая, на то, что я придумал, что эти погребения раннеболгарские. В тоже время, буквально через страницу соглашается с предложенной в моей статье интерпретацией[1]. Для чего С.А. Пантелеев совершает подобные кульбиты непонятно.

В следующем абзаце С.А. Пантелеев, ознакомившись с коллекционными описями отчетов 1978 и 1999 гг., утверждает, что на основании имеющихся материалов невозможно создать какую-либо классификацию. Более того, С.А. Пантелеев обвиняет меня в подлоге, в том, что при написании своей статьи я «подкинул» в нее материалы с Самосдельского городища. Подобные обвинения, основанные на лживых измышлениях, не красят, мягко говоря, серьезного исследователя. Прежде всего, хотелось бы отметить, что для того, чтобы найти основания для подобных утверждений, следует хотя бы ознакомиться с реально имеющейся в фондах музея коллекцией, а не с рисунками в отчете.

Приведенная в моей статье классификация отличается предельным схематизмом и отражает крайнюю ограниченность материалов, происходящих с памятника. Об этом С.А. Пантелееву мог сказать любой керамист, если бы он перед написанием своего труда сподобился взять консультацию у такового. Однако, как человеку, не сведущему в методике обработки и классификации керамики, С.А. Пантелееву она показалась очень сложной. Особо следует отметить, что ограниченность материалов и предварительный характер классификации специально были оговорены мною[2].

Также недоумение вызывает абсолютно голословное утверждение С.А. Пантелеева о том, что на основании керамического материала продатировать средневековый памятник нельзя. Керамические комплексы, конечно, это трудные для систематизации и датировки источники, но наличие в них относительно точно датируемых составляющих является серьезным основанием для отнесения памятника к определенному хронологическому периоду.

Ниже С.А. Пантелеев на основании «анализа» иллюстративного материала еще раз пытается уличить меня в подлоге, а конкретно в том, что я не работал с коллекцией полученной по результатам исследований 1978 г., а просто подложил в публикацию посторонние фрагменты керамики, по всей видимости, найденные на Самосделке. Данный тезис обосновывается им совершенно абсурдным аргументом, что якобы все иллюстрации к моей статье были подготовлены им, а так как он не отрисовывал предметы из коллекции 1978 г., то все приведенные образцы посуды в моей публикации, относящиеся к этой коллекции подложные. По всей видимости, С.А. Пантелеев предполагает, что только он обладает «тайным знанием», позволяющим ему делать рисунки археологических предметов. Спешу его

[1] Пантелеев С. А. О датировке городища Мошаик // Астраханские краеведческие чтения, Астрахань, 2010. Вып. II. С. 63.

[2] Попов П. В. К вопросу о датировке городища Мошаик // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 207.

огорчить, что это не так. Рисунки предметов из коллекции 1978 г. к моей публикации сделаны художницей Е.Н. Финаревской, которая работала с ней в фондах ОГУК «АГОИАМЗ». Ниже я привожу список иллюстраций к моей статье с указанием инвентарного номера каждого предмета:

- рис. 2. Мошаик 1978 НВ 14496/34; Мошаик 1978, НВ 14496/32;
- рис. 6. Мошаик 1978 НВ 14496/33; Мошаик 1978 НВ 14496/13;
- рис. 7. Мошаик 1978 НВ 14496/67;
- рис. 8. Мошаик 1978 НВ 14496/39;
- рис. 10. Мошаик 1978 НВ 14496/24.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что вся критика С.А. Пантелеева основывается на сведениях, почерпнутых им из формального ознакомления с отчетными материалами исследований 1978 и 1999 годов. Все свои громкие разоблачения и не менее острые выводы делаются им без ознакомления с коллекциями, хранящимися в фондах ОГУК «АГОИАМЗ». При проверке утверждений, приведенных в критическом обзоре С.А. Пантелеева, установлено, что ни одно из них не подтверждается фактическим материалом, то есть все они являются ложными.

В заключении хотелось бы порекомендовать С.А. Пантелееву поучиться у более квалифицированных ученых-археологов основам ведения научной дискуссии, а если уж он взял на себя смелость выступать с критическими замечаниями, то подтверждать их фактами, а не кидаться громкими голословными обвинениями.

Р.В. Прокофьев
(Донское археологическое общество, г. Ростов-на-Дону)

КУРГАН С КИРПИЧНОЙ НАБРОСКОЙ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДОНА

В 2009 г. близ х. Елкин Багаевского района Ростовской области Прокофьевой Т.Е. был исследован одиночный курган «Елкинский I» высотой 3,1 м и диаметром 40 м. В кургане содержалось 11 погребений (рис. 1.1), наиболее раннее относится к катакомбной культуре, наиболее позднее – к раннесарматской.

В северной поле кургана на тонком слое затечного гумусированного суглинка и частично на смыве с насыпи расчищено скопление обожженного кирпича (рис. 1.2). Скопление перекрывал мощный слой переотложенного грунта, образовавшийся в результате современной строительной деятельности человека, разрушившей и переместившей верхние слои курганной насыпи.

В плане скопление имело Г-образные очертания. Северный участок, ориентированный по линии запад-восток, имел протяженность 12,8 м, ширину 5,2 м, к восточному краю его ширина постепенно уменьшалась. В центральной части участка его южный край был частично разрушен в ходе снятия земляной насыпи, до того как стало ясным наличие здесь древних кирпичей. Остальные края скопления при раскопках потревожены не были.

Расположение кирпичей в скоплении не отличалось регулярностью и походило на чуть упорядоченную наброску, главным образом в один слой. Хотя некоторые отдельные кирпичи и их обломки лежали один на другом, это явилось следствием сползания по склону или небрежности в укладке, а не преднамеренным положением. Следов специального выравнивания площадки на поверхности кургана для устройства кирпичной вымостки выявлено не было. Кирпичи лежали по склону земляной насыпи кургана, то есть чем ближе к краю полы – тем ниже. Максимальный перепад уровня их залегания составил 1,66 м, в среднем 0,8–1 м.

По краям описанного участка концентрировался мелкий битый кирпич, в центре – более целый. В северо-западном секторе на локальной территории в районе 13–15 северного метра центральной бровки отмечено скопление кирпичей трапециевидной формы, на других участках наброски встречавшихся эпизодически.

Под северным участком наброски в районе 11–14 северного метра центральной бровки на площади 4,1 х 5,2 м был прослежен нижний уровень кирпичной наброски, залегавший в среднем на 0,3 м глубже верхнего. Исходя из этого, следует признать, что часть кирпичей верхнего уровня здесь оказалась в перемещенном состоянии.

Западный участок наброски, ориентированный по линии север-юг, имел протяженность 6,8 м, максимальную ширину – 3,2 м. Он представлял собой узкую, местами прерывистую полосу кирпича. Внешнюю западную сторону и северный край составляли целые или крупные фрагменты кирпичей.

юго-восточную часть – более мелкие разрозненные кирпичные обломки. Характер их залегания тот же, что и на широтно ориентированном северном участке.

Помимо описанной наброски, на кургане было зафиксировано еще несколько отдельных небольших по площади скоплений кирпича, находившегося явно в потревоженном состоянии. Некоторое количество обломков кирпичей происходит из заполнения двух овальных ям в центральной части кургана, впущенных с уровня второй насыпи и перекрытых переотложенным грунтом.

Среди кирпичей в разных частях наброски были встречены разрозненные кости лошади (две первых фаланги, метаподия, ребро и зубы) и фрагмент лопатки овцы или козы.

С кирпичной наброской связаны находки на кургане фрагментов как минимум четырех трапезундских амфор. Две из них представлены невыразительными обломками стенок. Две другие – крупными развалами придонных частей и разрозненными фрагментам стенок. Один развал вместе с несколькими кирпичами был найден в норе у края восточной полы кургана (ситуация 6). Другой, сопровождавшийся древесными угольками и черепом овцы – у юго-западного угла северного участка скопления кирпичей (ситуация 8). Керамика залегала горизонтально, примерно на 0,5 м ниже уровня наброски, и была частично перекрыта ею.

Общими характерными особенностями верхней части найденных амфор является бороздчатое рифление и белый ангоб, расположение стыковочного шва верхнего и среднего конструктивных элементов чуть ниже нижнего прилепа ручек и выше уровня максимального диаметра, шов в виде тонкой, местами прерывистой и почти полностью заглаженной полосы и отсутствие утолщений в месте стыковки элементов. Стыковочный шов среднего и нижнего модулей в придонной части амфор также без утолщений, в одном случае он тщательно заглажен, но заметен в вертикальном сломе, в другом образует отчетливую складку на внешней стороне сосуда. Широкая зона внешней поверхности у места стыка элементов гладкая, рифление нанесено на дно и среднюю часть тулова. Изнутри на придонной части одной из амфор зафиксированы отпечатки мерной линейки, нанесенные с четким интервалом в 7,5 см. Эти отпечатки сопровождаются более мелкими вдавлениями, прослеженными также отдельными группами и ниже линии оттисков линейки. На внутренней стороне второй амфоры присутствует единичный отпечаток линейки в сопровождении трех коротких горизонтальных черточек. Сохранность фрагмента не позволяет определить, с какой частотой были нанесены отпечатки. Помимо того, на внутренней стороне придонной части амфор находились вертикальные глиняные потеки и отдельные небольшие плоские овальные налепы. Центральная часть дна замазана комком глины иного состава, с примесью навоза.

Составлявшие наброску кирпичи достаточно однородны в технологическом отношении. Их тесто плотное, с примесью рубленой растительности, выгорание которой в процессе обжига делало толщу кирпича мелкопористой. Практически все кирпичи хорошего обжига, на сломе равномерного красноватого цвета. Небольшое число кирпичей имело в толще темно-серую полосу – результат неполной просушки. Поверхность кирпичей красновато-оранжевого цвета, зачастую неровная, мелко бугристая и трещиноватая, со следами заглаживаний. Лишь немногие экземпляры имеют относительно гладкую поверхность, без пустот от сгоревших примесей. Большинство таких кирпичей трапециевидной формы. Основная масса кирпичей имеет более высокие края и вогнутую центральную часть в результате проседания глиняной массы при просушке. Многие кирпичи в процессе пребывания в земле естественным путем заизвестковались, но следов известкового или какого-либо другого строительного раствора ни на одном целом кирпиче или обломке отмечено не было.

Наброску составляли разноформатные обожженные кирпичи. Обломков встречено значительно больше, чем целых форм. Подробная метрическая характеристика целых кирпичей и поддающихся измерению обломков приведена в таблицах.

Основная масса (222 экз.) целых или слегка поврежденных кирпичей имела квадратную форму (рис. 3.1–4) с длиной сторон от 20 до 22 см, при толщине 4–5,5 см. Отдельные экземпляры имели толщину 6 и 6,5 см.

Меньше кирпичей (89 экз.) трапециевидной формы (рис. 3.5). Размерные характеристики варьируются в пределах от 20 х 12 х 21 х 20 см (основание – вершина – боковая сторона–высота) до 21 х 13,5 х 22 х 21,5 см, при толщине 4–5,5 см.

Небольшое количество (42 экз.) кирпичей прямоугольной формы (рис. 3.6–7). Среди них можно выделить два типа – полуформатные квадратным, размеры которых колеблются от 20х10 см до 21,5 х 11,5 см, при толщине 4–5,5 см и крупные прямоугольные неформатные кирпичи размерами 23 х 15 см, 24 х 14,5 см, 25 х 14 см, 25 х 15 см, при толщине 5 см. Кроме того, были найдены два кирпича нестандартной формы – прямоугольник со скошенной стороной (рис. 3.8) (длина боковых сто-

рон 21 и 15 см, ширина ровной стороны 14 см, ширина скошенной стороны 15 см, толщина 4,5 см) и треугольник (рис. 3.9) (ширина основания 11 см, длина боковых сторон 9 см, толщина 4,5 см).

Технологические следы на кирпичах прослежены в виде неровных углублений, образовавшихся в результате выгорания или выпадания из глиняной массы крупнофракционной примеси (3 экз.); пальцевых бороздок на ложковых поверхностях кирпичей, образовавшихся в процессе изъятия из формы недостаточно просушенных изделий (2 экз.); глухого и изогнутого сквозного округлого отверстий небольшого диаметра на ложковой поверхности неясного назначения (1 экз.) (рис. 3.14). Особую наиболее яркую группу технологических следов составляют квадратные кирпичи с глубокими (0,6 см) широкими (1 см) бороздами, нанесенными по оси постели от одного края до другого (2 экз.) (рис. 3.2). Борозды превращали квадратный кирпич в заготовку двух полуформатных прямоугольных кирпичей, легко разделяемых в случае надобности. О подобном назначении осевых борозд свидетельствуют находки разломанных таким способом кирпичей (рис. 3.6). Глубина разделительных борозд в таких случаях могла достигать 2 см или составлять почти всю толщину кирпича.

К следам производственного брака относятся фрагменты кирпичей с комковатой поверхностью, образовавшейся вследствие выкладывания в форму плохо промешанной или уже успевшей немного затвердеть глиняной массы (2 экз.); неровные углубления и тычки неясного назначения (2 экз.); глубокое, почти сквозное углубление неправильной формы, получившееся в результате плохого промесса глинистой массы (1 экз.).

Ряд кирпичей содержал на постелях различные дообжиговые отпечатки. К числу меток можно отнести дугообразный знак в виде буквы «С» на полуформатном кирпиче (рис. 3.7), знак в виде угловатой буквы «З» на фрагменте кирпича (рис. 3.10) и знак в виде галочки на трапециевидном кирпиче (рис. 3.5). Вероятно, декоративно-символическое значение имел изображенный на постелях прямой асимметричный крест (рис. 3.1), образованный широкими (1–1,5 см) глубокими (0,8 см) бороздами, нанесенными от одного края квадратного кирпича до другого (2 экз.). Возможно также, что крестообразные борозды использовались для изготовления заготовок четвертьформатных кирпичей, но такие кирпичи встречены не были. К этому же разряду изображений относятся неглубокие пальцевые борозды, образующие спирали (рис. 3.12–13) (2 экз.) и прямые пальцевые неглубокие борозды (3 экз.) (рис. 3.15–16).

Отпечатки случайного происхождения представлены лапами собак (рис. 3.11) (10 экз.), копытами мелких парнокопытных животных (рис. 3.3,8) (3 экз.), одиночными пальцевыми вдавлениями (рис. 3.4) (3 экз.), различными узкими бороздками (рис. 3.17–18) (2 экз.), тычками острия ножа (рис. 3.19) (1 экз.) и глубоким угловатым вдавлением, вытеснившее часть глины на поверхность кирпича (рис. 3.20) (1 экз.).

Сведения о присутствии обожженного кирпича в разных курганах Области войска Донского нередки в работах местных краеведов XIXв.[1] На сегодняшний день «Елкинский I» является наиболее массовым курганным местонахождением подобного рода на Нижнем Дону. Сопоставимая по численности коллекция кирпича происходит из грунтового могильника золотоордынского времени возле х. Овчинников на берегу Цимлянского водохранилища[2].

В остальных известных нам случаях при раскопках курганов попадались лишь единичные целые кирпичи или их обломки[3]. Большинство подобных находок территориально близко Цимлянскому

[1] Бранденбург Н. Е. Из поездки 1891 г. в Донскую область и Бахмутский уезд // ЗИРАО. 1896. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 30. Крылов А. Л. О старине Донской области // Тр. VI АС. Одесса, 1889. Т. IV. С. 31, 38, 48, 50, 52, 54. Попов Х. И. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле войска Донского // Труды I АС. М., 1871. С. 174, 177, 181. Пудавов В. М., История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. Вып. 1. С. 118, 130. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С.7; Часовников В. В. Цымлянские городища // Дон. 1888. № 3. С. 17.

[2] Парусимов И. Н. Могильник золотоордынского времени у хут. Овчинников // 5 Кубанская арх. конф. Краснодар, 2009. С. 296–298; Парусимов И. Н. Могильник золотоордынского времени у хут. Овчинников // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Азов, 2009. С. 414. Флеров В. С., Петрухин В. Я. Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону // ИАИАНД. 2004. Вып. 20. С. 182–183. Флеров В. С., Ермаков С. Н. Цимлянское водохранилище – зона археологического бедствия (по итогам работы экспедиции «Хазарский проект» в 2004 году) // ИАИАНД. 2006. Вып. 21. С. 82. Исследования и проблема сохранения городищ хазарского времени на Нижнем Дону. Третий полевой сезон экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАНД. 2006. Вып. 22. С. 95. Хазарский каганат: городища Правобережное Цимлянское, Камышевское, могильник Овчинников // АО 2006 г. 2009. С. 419. Флеров В. С., Ермаков С. Н. Восточная стена правобережной Цимлянской крепости, могильник у х. Овчинников. Четвертый-пятый полевой сезоны экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАНД. 2010. Вып. 24. С. 455–456.

[3] Копылов В. П. Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО 1980 г. 1981. С. 105. Кияшко А. В. Исследование курганов на левобережье нижнего Дона // АО 1986 г. 1988. С. 128; Ларенок В. А. Позднекочевнический могильник на р. Сал // ИАИАНД в 1990 году. 1991. С. 118, 124; Ларенок П. А. Золотоордынский могильник в

водохранилищу, их происхождение связывается с хазарской крепостью Саркел. Во вторичном использовании саркельские кирпичи известны на Правобережном Цимлянском городище[1] и Карнауховском поселении[2]. Другие находки, сосредоточенные главным образом в бассейне р. Иловля, Медведица и Хопер, оставлены золотоордынским населением. Здесь, в отличие от предыдущего региона, кирпич первичного использования служил для возведения конструкций, связанных с мусульманской религиозной обрядностью (мечеть, мавзолей, заклад и др.)[3]. По сведениям донских краеведов XIX в. особенно много курганов с признаками кирпичных конструкций было еще в одном регионе – на правобережье р. Маныч[4], где как раз и располагался курган «Елкинский I». Список поселенческих памятников, возможных источников поступления кирпича, помимо Саркела[5] включает салтовские городища Мартыновское[6], Великокняжеское[7], и Семикаракорское[8].

Кирпич Золотовского[9] и Крымского[10] городищ может относиться как к хазарскому, так и к последующему периоду. Золотоордынский кирпич известен в Азаке[11] и по разведкам на поселениях нижнего течения р. Хопер и Медведица[12].

Расчищенные кирпичи ни с одним из погребений кургана связаны не были и какой-либо внятной конструкции не составляли. Наиболее вероятно, что они дошли до нас в переотложенном состоянии. Об этом можно судить по расположению скопления кирпича преимущественно у края полы кургана, по значительной удаленности отдельных находок от общего скопления и наличию большого числа обломков. Также об этом говорят два уровня залегания кирпича у центральной бровки и развал нижней части амфоры (ситуация 8), перекрытый слоем грунта и краем кирпичной наброски. Разборка первоначальной кирпичной конструкции на кургане была предпринята жителями окрестных хуторов в новое время, о чем сохранилось письменное свидетельство. Под характерным названием «Кирпичный» в юрту ст. Багаевской курган известен в литературе с конца XIX в., когда отмечалось,

---

низовьях Дона. Курганный могильник «Ливенцовский VII» // АЗ. 2009. Вып. 6. С. 229, 249. Ляпушкин И. И. Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. 1958. № 62. С. 317. Марченко И. И., Семенов А. И. Новостроечные работы в окрестностях станицы Романовской // АО 1977 г. 1978. С. 131. Парусимов И. Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // ТНАЭ. 1998. Вып. 3. С. 17–18. Парусимов И. Н. Раскопки курганов у хут. Потапов // АЗ. 2009. Вып. 6. С. 178, 180.

[1] Флеров В. С., Ермаков С. Н. Исследования… С. 97; Флеров В. С., Ермаков С. Н. Восточная стена… С. 447.

[2] Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // МИА. № 62. С. 295–296.

[3] Воронцов И. А. Средневековые погребения в низовьях реки Иловли // НАВ. 2002. Вып. 5. С. 323; Мамонтов В. И. Степное население Волго-Донского региона золотоордынского периода // Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды. Волгоград, 1992. С. 21. Цыбин М. В. Русско-ордынское пограничье в Подонье // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. М., 2006. С. 194.

[4] Пудавов В. М. Указ. соч. С. 118.

[5] Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62. С. 24, 25. Афанасьев Г. Е. Кто же в действительности построил для хазар Левобережное Цимлянское городище? // XII Донские археологические чтения. Ростов н/Д., 2010. С. 5–6. Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. 1959. № 75. С. 14, 17, 18. Флеров В. С. Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела // СЕЭС. 2009. Т. 7. Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М., 1997. С. 45.

[6] Попов Х. И. Указ. соч. С. 178.

[7] Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935. С. 71; Ларенок П. А. Хазария и Нижний Дон // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Ставрополь, 2001. С. 95.

[8] Токаренко С. Ф. Новое к археологической карте Семикаракорского района // АЗ. 2009. Вып. 6. С. 260; Флеров В. С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Р А. 2001. № 2. С. 62, 65, 67; Флеров В. С. Обожженные кирпичи…; Флерова В. Е. Указ. соч. С. 45.

[9] Крайсветный М. И. Работы Новочеркасского исторического комитета // ИАИАНД. 2000. Вып. 16. С. 98; Крайсветный М. И. Работы Новочеркасского исторического комитета на Золотовском городище в 1999–2000 гг. // ИАИАНД. Вып. 17. 2001. С. 104. Крайсветный М. И. Работы на Золотовском городище в 2001 году // IV Донские археологические чтения. Ростов н/Д., 2002. С. 23; Крайсветный М. И. Работы на Золотовском городище в 2001 году // ИАИАНД. 2002. Вып. 18. С. 234; Флёров В. С. Работы Новочеркасского исторического комитета в 2004 г. // ИАИАНД. 2005. Вып. 21. С. 91.

[10] Иванов А. А. Исследования экспедиции Константиновского и Шахтинского филиалов РГПУ на Крымском городище в 2006 году // ИАИАНД. 2008. Вып. 23. С. 191, 193; Иванов А. А. Исследования Крымского городища // АО 2006 г. 2009. С. 382; Флеров В.С. Крепости Хазарии в долине нижнего Дона (этюд к теме фортификации) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.

[11] См. статьи Белинского И.В., Волкова И.В., Гудименко И.В., Дмитриенко М.В., Масловского А.Н., Перевозчикова В.И. и Рязанова С.В. в ИАИАНД 1988, 1993–1998, 2002, 2004, 2005 и 2007–2008 гг.

[12] Цыбин М. В. Указ. соч. С. 194.

что на нем находят кирпичи от какой-то постройки[1]. Добываемый строительный материал перед вывозом, вероятно, складывался и сортировался у подножия кургана. До нас же дошли оставшиеся невостребованными остатки. Предположение о сортировке извлекаемого кирпича подтверждается компактным скоплением однотипных трапециевидных кирпичей в северной части наброски.

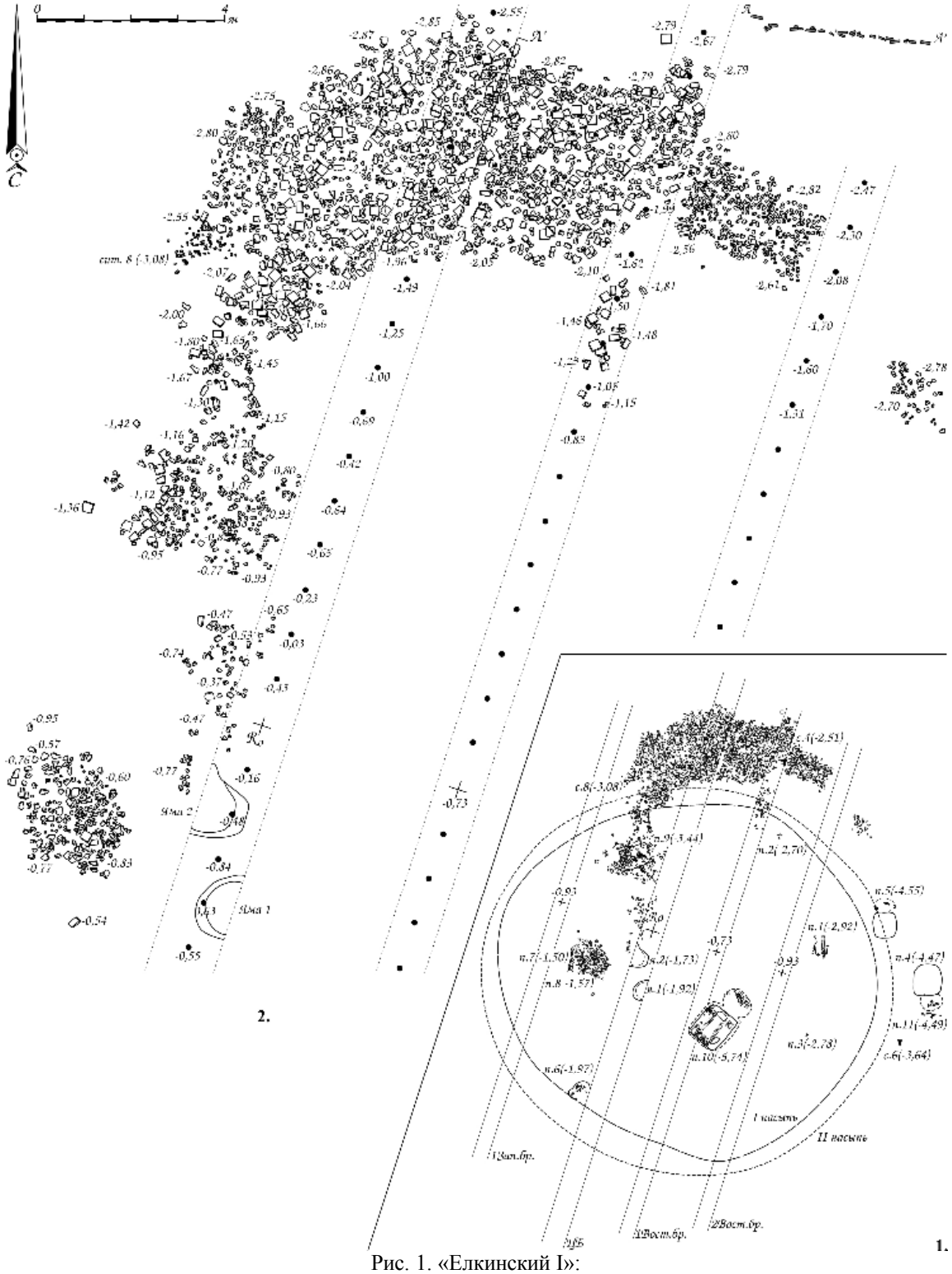


Рис. 1. «Елкинский I»:
1 – общий план кургана, 2 – план кирпичной наброски

[1] Крылов А. Л. Указ. соч. С. 31.

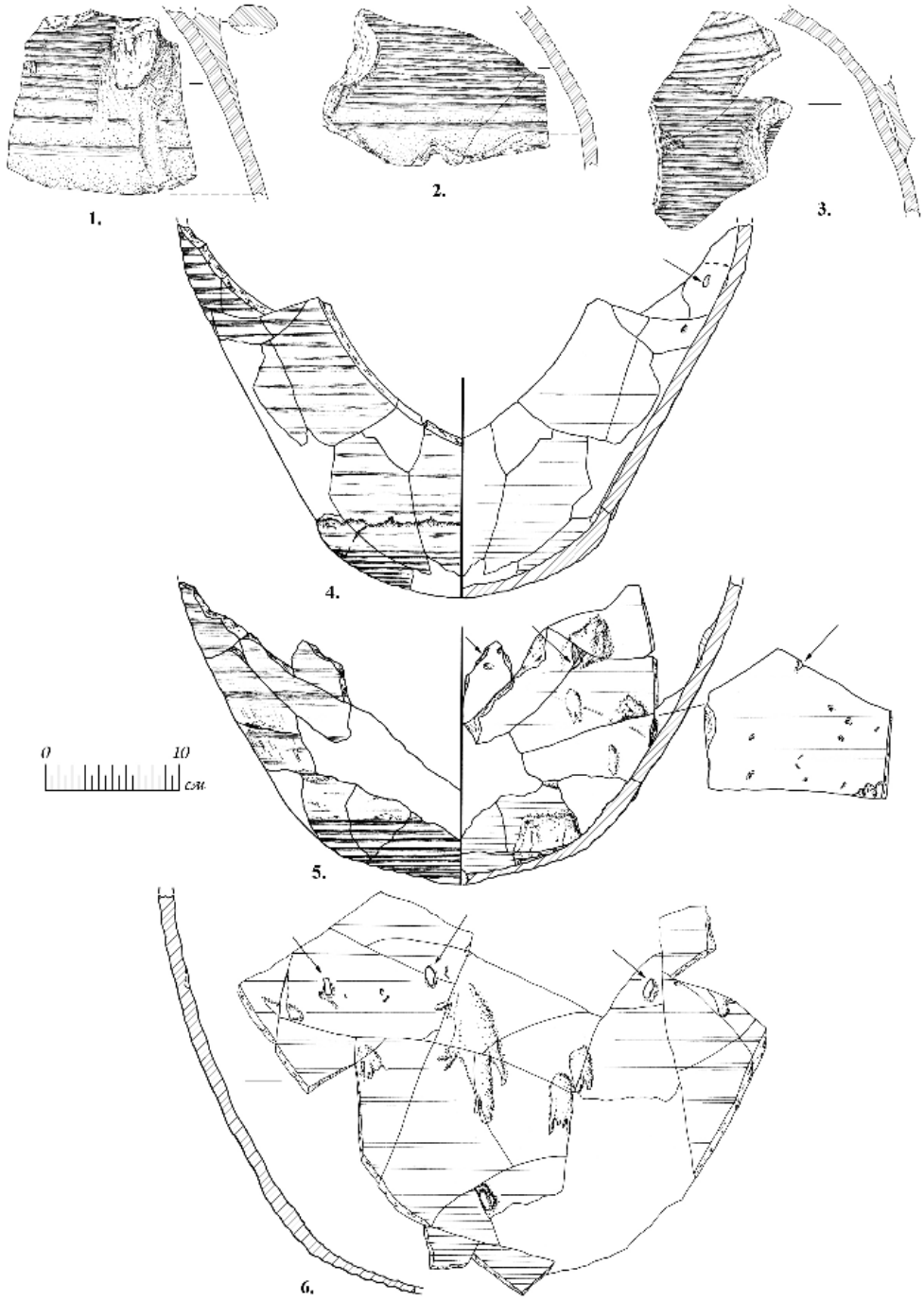


Рис. 2. Амфорная керамика: 1–3 – фрагменты стенок с остатками нижних прилепов ручек, 4 – придонная часть амфоры, 5 – фрагмент придонной части амфоры, 6 – фрагмент придонной части той же амфоры (вид изнутри). 1 – ситуация 4, 2,4 – ситуация 6, 3–6 – ситуация 8 (6 – вид изнутри). Стрелками показаны отпечатки мерной линейки на внутренней стороне сосудов, пунктирными линиями – место стыковочного шва

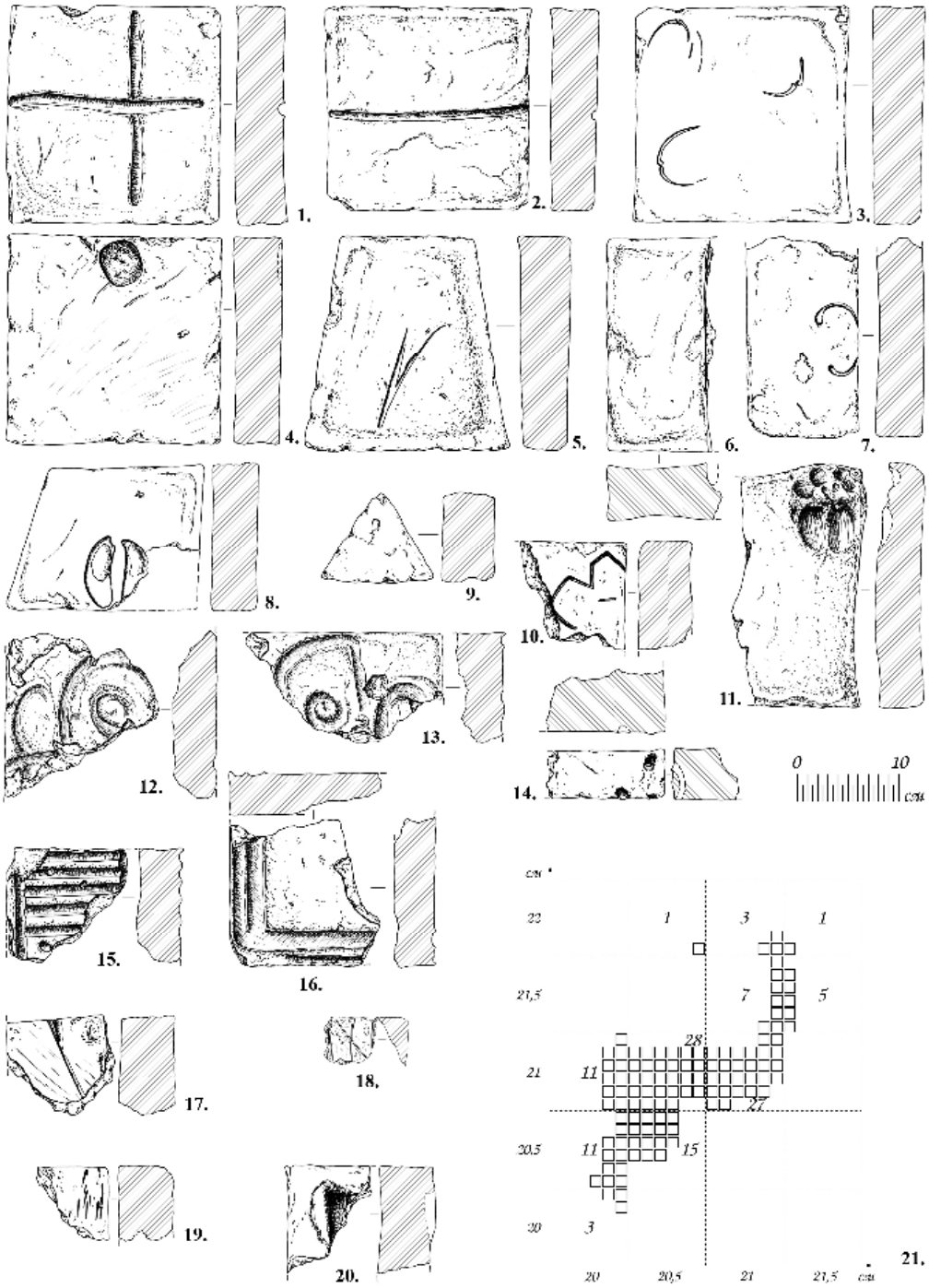


Рис. 3. Кирпичи: 1–4 – квадратные, 5 – трапециевидный, 6–7 – прямоугольные, 8 – прямоугольный со скошенной стороной, 9 – треугольный, 10–20 – обломки, 21 – полигон распределения размеров целых кирпичей:1 – с крестообразными бороздками, 2 – с разделительной бороздкой, 3, 8 – с отпечатками копыт, 4 – с пальцевым вдавлением, 5, 7, 10 – с метками, 6 – полуформатный, полученный сломом квадратного кирпича по разделительной бороздке, 11 – с отпечатком лапы, 12, 13 – со спиралевидными пальцевыми бороздками, 14 – с отверстиями, 15, 16 – с прямыми пальцевыми бороздками, 17, 18 – с узкими бороздками, 19 – с тычками острием ножа, 20 – с угловатым вдавлением

Время появления кирпича на кургане определяется датировкой связанных с ним обломков трапезундских амфор. Характерные регулярные отпечатки мерной линейки на внутренней стороне, количество конструктивных элементов и уровень их соединения соответствуют предпоследней домонгольской фазе эволюционного развития амфор данной группы, отличие проявляется в отсутствии дополнительных стыковочных валиков. Для амфоры с единичным отпечатком мерной линейки допустимо использование упрощенной системы промеров, что практиковалось уже на последнем до-

монгольском этапе. Трапезундские амфоры с «классической» системой промеров датируются 1155–1205 гг., с упрощенной – 1224–1238 гг.[1]

Обе приведенные даты исключают золотоордынское происхождение найденного на кургане кирпича и потому относят сложенную из него конструкцию к кругу половецких древностей. В этой связи напрашиваются очевидные параллели с каменными выкладками и оградками половецких святилищ на вершинах курганов[2]. За неимением на левобережье Дона камня с этой целью на Елкинском кургане мог быть использован кирпич. Но есть данные и о собственно кирпичных постройках. Проезжавший в 1253 г. по степям Нижнего Дона Рубрук видел воздвигнутые половцами на курганах «большие башни из кирпичей»[3]. Скорее всего, именно такого рода сооружение существовало на раскопанном кургане, тем более что и Крылов в XIX в. упоминает именно постройку. Простая кирпичная вымостка на поверхности кургана, естественно порядочно задернованная с момента возведения, вряд ли могла привлечь внимание станичников как крупный и доступный источник строительного материала, достойный приложенных для его добычи усилий. Более сложные в архитектурном отношении постройки половецких святилищ известны по раскопкам. На могильнике Репный I исследованы остатки сложенного из камня строения, вероятно имевшего крышу, с изваянием внутри[4]. Возможно, две ямы в центре Елкинского кургана служили для установки половецких статуй и своим положением маркируют центр разрушенной кирпичной постройки.

Поскольку собственного кирпичного производства половцы не знали, то происхождение кирпича должно быть связано с более ранними постройками хазарского времени. Ближайшим источником выступает расположенное в 27 км от кургана Семикаракорское городище. Хотя основной стандарт толщины кирпича (4,5–5,5 см) оказался общим, довольно узкий размерный диапазон подавляющего большинства Елкинского квадратного кирпича (20,5–21 х 20,5–21 см) не совпадает с наиболее распространенными форматами Семикаракорского. Минимальный размер сторон найденного там кирпича составил 21–22 х 22 см, кирпичи этой серии на городище самые малочисленные[5]. Тоже самое касается и прямоугольных кирпичей обоих памятников. Для Саркела также характерен более крупный формат, близкие Елкинскому по размеру кирпичи там единичны[6]. Предположительно салтовский кирпич сходных размеров во вторичном использовании широко представлен лишь на городище Самосделка[7] в дельте Волги. Общим для Семикаракор и Елкина, в отличие от Саркела, является отсутствие прямоугольного кирпича «полуторного» формата. Значительная по численности группа трапециевидных кирпичей Елкина выглядит совершенно необычно на фоне всех известных находок хазарского времени на территории Нижнего Дона. На сегодняшний день известно всего лишь два лекальных кирпича – один из Семикаракорского городища[8], другой – из Карнауховского поселения[9], куда он попал из Саркела. Размеры и пропорции их весьма различны между собой и совершенно не соответствуют кирпичам Елкина. Лекальные кирпичи трапециевидной формы вторичного использования часто встречались в кладках домов городища Самосделка[10].

---

[1] Волков И. В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // ДД. 1992. Вып. 1; Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗ. 1996. Вып. 10. С. 91–92; Волков И. В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. М., 2003. С. 111; Волков И. В. Поливная керамика комплекса Кабарди // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья. Киев, 2005. С. 129; Волков И. В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // ННЗ. 2005. Вып. 19. С. 152, 156–157.

[2] Гуркин С. В. Еще раз о святилищах половецкого времени // ИАИАНД. 1993. Вып. 11. С. 138; Швецов М. Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1. С. 208–209.

[3] Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Д. дель Плано Карпини. История монгалов. Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 101.

[4] Глебов В. П. Исследования могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // ТАНИБ. 2004. Т. I. С. 101–106. Гугуев Ю. К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // ДА. 2001. № 3–4.

[5] Флеров В. С. Обожженные кирпичи…

[6] Флерова В. Е. Указ. соч. С. 167.

[7] Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., Зиливинская Э. Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // СЕЭС. 2003. Т. 3. С. 96, 100, 105.

[8] Флеров В. С. «Семикаракоры»… С. 62.

[9] Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение… С. 295.

[10] Зиливинская Э. Д. Проблемы хронологии поселенческих памятников Нижнего Поволжья // Археология евразийских степей. Казань, 2007. Т. 1, вып. 1. Средневековая археология евразийских степей. С. 158.

Таблица

Размеры кирпичей

Размеры квадратных кирпичей, см		Размеры прямоугольных кирпичей, см					
Длина	Ширина	Толщина	Кол-во	Длина	Ширина	Толщина	Кол-во
ЦЕЛЫЕ	*ЦЕЛЫЕ*						
20	20	4,5	2	20	10	5	1
20	20	5	1	20	11	4,5	1
20,5	20	4,5	3	20	11,5	4	1
20,5	20	5	6	20,5	11	5	2
20,5	20	5,5	2	21	11	4,5	1
20,5	20,5	5	12	21	11	5	4
20,5	20,5	5,5	3	21	11,5	5	1
21	20	4,5	2	21,5	10	5,5	1
21	20	5	6	21,5	11	5	1
21	20	5,5	3	21,5	11,5	4	1
21	20,5	4	1	21,5	11,5	4,5	1
21	20,5	4,5	4	23	15	5	1
21	20,5	5	18	24	14,5	5	1
21	20,5	5,5	5	25	14	5	1
21	21	4,5	3	25	15	5	1
21	21	5	17	*ИТОГО*	*19*		
21	21	5,5	6	*ОБЛОМКИ*			
21	21	6	1	–	10,5	4,5	1
21,5	21	5	6	–	11	5	3
21,5	21	5,5	2	–	11	5,5	1
21,5	21,5	5	1	–	11,5	5	3
21,5	21,5	5,5	3	–	12	4,5	1
21,5	21,5	6,5	1	–	12	5	1
22	20,5	5	1	–	14	4,5	1
22	21	5,5	3	–	14	5	6
22	21,5	5,5	1	–	14,5	4,5	1
ИТОГО	*113*	–	14,5	5	4		
ОБЛОМКИ	–	15	5	1			
20	–	4,5	1	*ИТОГО*	*23*		
20	–	5	3	*ВСЕГО*	*42*		
20	–	5,5	3	–	–	–	–
20,5	–	4	1	–	–	–	–
20,5	–	4,5	2	–	–	–	–
20,5	–	5	10	–	–	–	–
20,5	–	6	1	–	–	–	–
21	–	4	1	–	–	–	–
21	–	4,5	7	–	–	–	–
21	–	5	43	–	–	–	–
21	–	5,5	16	–	–	–	–
21,5	–	5	12	–	–	–	–
21,5	–	5,5	3	–	–	–	–
21,5	–	6,5	1	–	–	–	–
22	–	4,5	1	–	–	–	–
22	–	5	2	–	–	–	–
22	–	5,5	1	–	–	–	–
> 23	–	5	1	–	–	–	–
ИТОГО	*109*						
ВСЕГО	*222*						

Размеры трапециевидных кирпичей, см

Основание	Вершина	Боковая сторона	Высота	Толщина	Кол-во
20	13	21	20	5	1
20	13	21,5	21	5	1
20	13,5	21	21	4,5	1
20	13,5	22	21,5	5	1
20,5	12	21,5	21	5	1
20,5	12,5	20,5	20,5	–	1
20,5	12,5	22	21	5	1
20,5	13	20,5	20,5	5	1
20,5	13	21,5	21,5	4,5	1
20,5	13	21,5	21,5	5	1
20,5	13	21,5	20,5	5	1
20,5	13	21,5	20,5	5,5	1
20,5	13	21,5	21	5	2
20,5	13	22	21	5	1
20,5	13	22	21,5	5	2
20,5	13,5	21,5	21	5	1
20,5	13,5	22	21,5	5,5	1
21	12,5	21,5	21	5	1
21	13	21	20,5	5	2
21	13	21,5	21	5	2
21	13	21,5	21,5	4,5	1
21	13	22	21	5	2
21	13	22	21,5	4	1
21	13,5	22	21,5	5	1
20	–	–	–	5	3
20,5	–	–	–	4,5	2
20,5	–	–	–	5	6
21	–	–	–	4,5	2
21	–	–	–	5	8
21	–	–	–	5,5	1
21,5	–	–	–	4,5	1
20,5	–	21,5	21	5	1
–	12,5	21,5	20,5	5	1
–	13	21,5	21	5	1
–	13	22	21,5	4,5	1
–	13	22	21,5	5	1
–	13,5	22	21,5	4,5	1
–	12	–	–	4,5	1
–	12,5	–	–	4,5	2
–	12,5	–	–	5	1
–	13	–	–	4	1
–	13	–	–	4,5	3
–	13	–	–	5	16
–	13	–	–	5,5	1
–	13,5	–	–	4,5	1
–	13,5	–	–	5	3
–	–	22	21,5	5	1
ИТОГО 89	–	22	22	5	1

Кроме того, сооружения из обожженного кирпича в цитадели Семикаракорской крепости возведены на известковом растворе, следов которого ни на одном из обнаруженных нами кирпичей нет. Возможно, впрочем, что кирпич был извлечен из облицовки оборонительных стен или цоколей зданий Семикаракор, сложенных на глиняном растворе, не оставляющем после себя заметных следов. Отмеченные несоответствия в размерах кирпичей Семикаракор и Елкина могут быть устранены, если предположить, что кирпич меньшего формата имел узколокальное применение в крепости и сложенные из него постройки попросту не попали в небольшие по площади раскопы. Специфический лекальный кирпич трапециевидной формы мог использоваться лишь при возведении башни (донжона)

в юго-восточном углу крепости, тем более что единственная находка там происходит как раз из развала его стен, полностью не раскрытых.

Однако твердой уверенности в предложенной интерпретации нет. Сомнения основаны на формате найденного кирпича, размерные характеристики которого не совпадают с наиболее употребимым форматом салтовского кирпича, находя больше соответствий в золотоордынских памятниках[1]. Кроме того, салтовскому кирпичному производству незнаком прием изготовления полуформатного кирпича путем разделения квадратного на две половинки по намеченной до обжига бороздке. Такие кирпичи как будто бы известны на золотоордынских памятниках. Расчерченный прямым крестом кирпич происходит из Азака[2]. Обнаруженные на кургане амфоры в принципе могли бытовать в XIII в. и после монгольского нашествия. Допустимость более поздней датировки основывается на том, что амфоры с «классической» системой промеров в Новгороде, материалы которого и послужили основой для определения абсолютных дат, происходят лишь *преимущественно* из слоев второй половины XII – начала XIII в., но некоторые из них не укладываются в данный интервал. Большая часть обломков одной из таких амфор относится к 1245–1290 гг.[3] Половецкие святилища продолжали возводиться в степи и после монгольского завоевания[4]. Раннее существование кирпичного производства на золотоордынских памятниках фиксируется находкой кирпича в комплексе третьей четверти XIII в. из Азака[5].

Но при всем этом в округе кургана «Елкинский I» нам неизвестно ни одного золотоордынского памятника, который мог бы послужить для него источником кирпича. Да и наличие поблизости развалин Семикаракорской крепости, наверняка хорошо известных в золотоордынское время, лишало необходимости поиска иного источника строительного материала для святилища.

Как видно, раскопанный необычный комплекс оставляет еще самую широкую почву для дальнейшего изучения.

Р.А. Сингатулин
(СГУ, г. Саратов)

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО УКЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИБРОАКУСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ)

Гончарное ремесло является одним из наиболее значимых производств средневекового Укека. Не в малой степени развитию этого промысла способствовали природные запасы глины в районе Укека.

Значительное число поднятого керамического материала в период проведения комплексных геолого-археологических исследований в 2001–2006 гг.,[6] имеет следы круговой обработки. Хронологически керамический материал датируется началом XIV – серединой XIV вв. Часть подъемного материала составляет круговая керамика более позднего периода (первой половины XVI в.) – казанского типа[7], происхождение которой связывается с существованием небольшого поселения в XVI–XVII вв. на развалинах городища.

Весь керамический материал был собран с площади около 12 *га*. Наибольшая концентрация обломков гончарной продукции была отмечена в прибрежной полосе к юго-западу, западу от жел. ст. Набережный Увек, в акватории Волгоградского водохранилища (на расстоянии 50–100 *м* от берего-

[1] Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006. С. 148; Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // СЕЭС. 2008. Т. 6. С. 20, 21, 26, 27; Зиливинская Э. Д., Алексейчук С. Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // СЕЭС. Т. 3. С. 313, 325; Палимсестова Т. Б., Рунич А. П. Могильник XIV в. в районе Ессентуков // АО 1971 г. 1972. С. 170; Шарифулин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. М., 2001. С. 230, 253.

[2] Масловский А. Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // ИАИАНД. 2008. Вып. 24. С. 204, 218.

[3] Волков И. В. Амфоры Новгорода: хронология… С. 156.

[4] Гуркин С. В. Указ. соч. С. 140; Гуркин С. В. Половецкий поминальный комплекс из Северо-Восточного Приазовья // ИАИАНД. 1990. Вып. 9. С. 104. Он же. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // ДА. № 1. 1998. С. 35.

[5] Масловский А. Н. О времени возникновения Азака // ИАИАНД. Вып. 22. С. 290.

[6] Сингатулин Р. А. Увекское городище: итоги археологических исследований 2001–2006 годов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : тез. докл. II Междунар. Нижневолж. археологич. конф. Волгоград : ВГПУ, 2007. С. 177–179.

[7] Сингатулин Р. А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов : Научная книга, 2008. Вып. 8. С. 139–155.

вой черты в районе жел. ст. Князевка и вниз по течению)[1] и в районе примыкающему к югу, юго-востоку от «мамаевого бугра».

Помимо многочисленного фрагментированного керамического материала были обнаружены и целые формы, которые представлены более поздним хронологическим периодом (XVI–XVII вв.).

Особо хочется отметить, что значительная часть фрагментированного керамического материала связывалась с формами крупных гончарных изделий (корчаги, хумы). На поверхности таких фрагментов (стенки) наблюдались низкопрофильные инструментальные следы, образование которых связывается с высокоскоростным режимом обработки. Эта внешняя особенность керамического материала послужила основанием для проведения исследований с помощью виброакустических (палеофонографических) технологий,[2] эффективность которых связываются не столько с новыми средствами и методами исследований, сколько с апробированными решениями в смежных областях научного знания.

Процедура виброакустических исследований предполагает предварительную селекцию образцов, по определенным критериям: длине и рельефу трасологических образований, состоянию поверхности, кривизны формы, площади фрагментов, теплофизическим характеристикам и пр. Особенность технологии связана с возможностью автоматизированной обработки фрагментированного материала по методу конечных элементов (рис.). Обработка осуществляется с помощью программно-аппаратных средств посредством фотосъемки фрагментов стереокамерой или оцифровки с помощью планшетного сканера, оснащенного CCD-матрицей. При использовании планшетного сканера, особенно в задачах восстановления формы по фрагментам,[3] сканирование (оцифровка) плоских фрагментов керамики осуществляется в 2 прохода, с небольшим базисным смещением фрагментов по оси *x* или *y* (для создания стереобазы). Технология планшетного сканирования плоских фрагментов керамики апробирована, достаточно проста и доступна для широкого использования, может быть применена при дистанционных исследованиях с помощью WEB-технологий.

На этапе виброакустического синтеза, с помощью специализированного программного обеспечения, происходит оптико-геометрическая обработка выделенных трасологических структур с преобразованием их в амплитудно-частотные данные для дальнейших инструментальных исследований.

Виброакустические исследования отобранных образцов золотоордынской культуры показало, что на 1140 образчиков гончарной посуды приходится 798 единиц, в которых выделен виброакустический сигнал (вибрация гончарного станка, биомеханическая динамика гончара-обработчика и пр.).[4] Очевидно, что вероятность выявления виброакустического сигнала на золотоордынской гончарной посуде достаточно высок, что, прежде всего, связывается с развитой гончарной технологией.

Дальнейшая обработка показала, что часть данных характеризуется плавной динамикой переходных процессов, которая свойственна хорошо сбалансированным механическим системам. В то же время на некоторых фрагментах стенок крупных гончарных изделий (корчага, хум) были зафиксированы трасологические следы прерывистой обработки, которые характерны для приводов больших гончарных кругов с использованием тягловой силы животных. Не секрет, что в период средневековья в Средней Азии, Китае, а также в Испании, Италии широко использовалась тягловая сила животных (мулов, буйволов и др.) для поднятия воды, бурения, в металлургическом и гончарном производствах[5]. Вероятнее всего и для средневекового Укека технологии Китая и Средней Азии с использованием труда животных, были доступны. Полученные результаты пока не являются окончательными, т.к. обработка данных основывалась на экспериментальных моделях, которые имитировали древние технологии современными средствами.

---

[1] Сингатулин Р. А. Археологические разведки на территории и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища п. Увек в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов : Научная книга, 2005. Вып. 6. С. 71–77.

[2] Балановский А. В., Сингатулин Р. А., Царева Ю. А. О применении новых информационных технологий при анализе виброакустической информации с керамической посуды // Сучасні проблеми археології : зб. наук. пр. К. : Інститут археології НАН України, 2002. С. 35–36.

[3] Гаврилова Е. А., Сингатулин Р. А. Музейные технологии: информационные подходы при реконструкции сосудов // Археология восточноевропейской лесостепи : сб. мат-лов. Пенза : ПГПУ, 2008. Вып. 2, т. 1. С. 241–245.

[4] Сингатулин Р. А. Проблемы информации и информационные возможности археологической керамики // Вестник СГТУ. Саратов : РИЦ СГТУ, 2010. С. 131–139.

[5] Рожанская М. М. Механика на средневековом Востоке. М., 1976. 324 с.

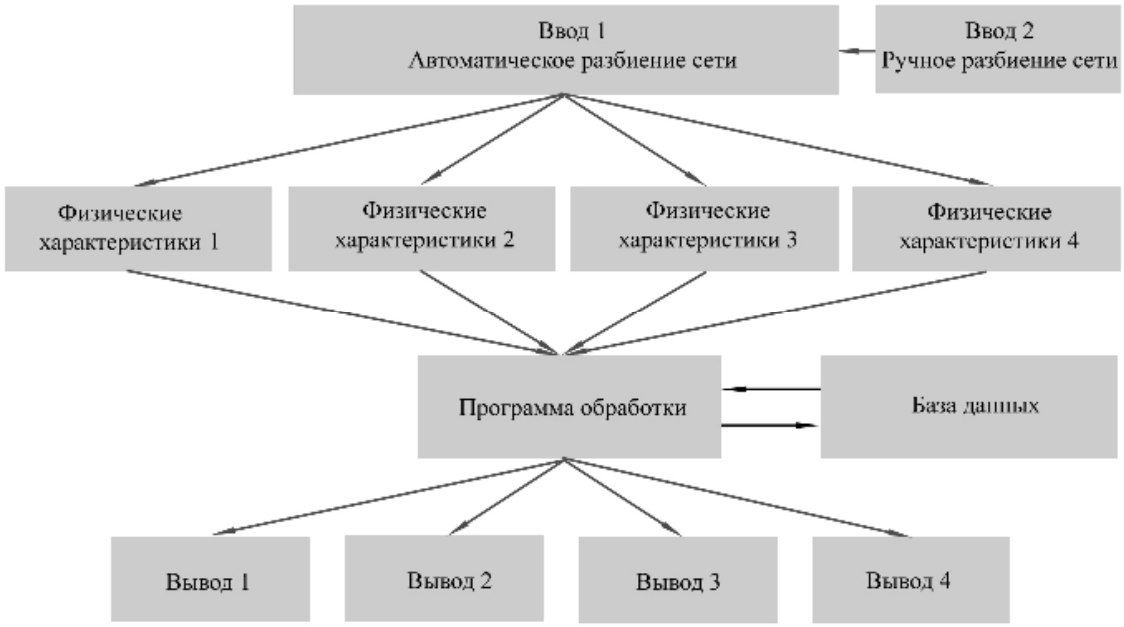


Рис. Схема междисциплинарной обработки фрагментированного керамического материала по методу конечных элементов

Достаточно обнадеживающие результаты были получены при проведении виброакустической экспертизы трасологических структур с целью идентификации авторства обработчиков[1]. Были выделены 3 группы из числа 37 фрагментов керамики не являющимися фрагментами одного и того же сосуда, с характерными индивидуальными особенностями ручной обработки поверхности. Весьма вероятно, что в данном случае речь идет об идентификации конкретного гончара-обработчика.

Использованный подход, на примере Увекского городища, затрагивает не все аспекты решения проблемы, тем не менее, отражает реальную динамику и перспективу развития данного направления в области археологических приложений. Эффективность использованных технологий при решении экспертных задач идентификации массового керамического материала вполне очевидна: решается не только проблема индивидуальной селекции фрагмента керамики, его принадлежности к тому или иному гончарному изделию, но и производится стереофотограмметрическая съемка атрибутивных признаков фрагмента для последующего хранения в базе данных, использования оцифрованного образа при восстановлении формы сосуда, проведения экспертиз по установлению авторства и пр.

С.Ю. Скисов
(Художественный фонд Союза художников, г. Астрахань)

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И ХРОНОЛОГИИ КРАСНОЯРСКОГО ГОРОДИЩА В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Красноярское городище расположено в северо-восточной части дельты Волги, в месте слияния рек Ахтубы и Бузана. Городище разделено на две части левым оттоком реки Бузана – рекой Маячной. В левобережной части, помимо жилой зоны, расположен средневековый некрополь «Маячный бугор», вытянутый по вершине бэровского бугра, вдоль р. Маячная на 500 метров. Общая площадь городища, определенная по пятнам выхода культурного слоя на современную поверхность на территории с. Красный Яр – около 4 км². Толщина культурного слоя, видимого в местах искусственных разрушений, достигает 1м и более.

Красноярское городище в древности являлось центром сельской округи; с севера и северо-востока оно окружено цепью небольших средневековых памятников, расположенных, в основном, на естественных буграх по берегам рек. Эти памятники плохо изучены, монетный материал с них малоизвестен. Небольшие монетные комплексы с этих объектов включены мною в общий каталог.

[1] Марыксин Д. В., Сингатулин Р. А. Стереофотограмметрическая идентификация золотоордынской гончарной посуды из могильника Мокринский I // Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.) : мат-лы Междунар. науч. конф. Казань : Фэн АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 516–518.

Городище надежно защищено естественными преградами – фактически, оно находиться на острове, окруженном многочисленными дельтовыми протоками.

Археологический материал, полученный в результате раскопок на городище типичен для золотоордынского времени. Основная площадь городища находится под современной застройкой. По этой причине монеты с этого памятника являются большой редкостью. Раскопки производились, в основном, на территории главного городского некрополя «Маячный бугор». Официальной датой основания русского города Красный Яр считается 1642 г., хотя существует совершенно надежное известие Христофора Бэрроу о Красном Яре, помеченное 1580 г.[1]

Интересная деталь: после того, как Петр I приказал начать производство селитры на Нижней Волге, было построено два завода: один – на Селитренном городище, где было установлено шесть селитроваренных котлов, второй – на Шареном бугре, в два котла. Сырьем для этого производства служило то, что археологи называют культурным слоем. Через два года завод на Шареном Бугре был закрыт, и перенесен в Красный Яр, где было установлено уже четыре котла.

П.В. Казаков и Е.М. Пигарев, основываясь на результатах своих раскопок первыми обозначили Красноярское городище, как «небольшой провинциальный город» еще более резкая оценка прозвучала в недавней работе: «Городище не является крупным торгово-ремесленным центром, а возможно выполняло роль пограничного поселения…»[2].

И.В. Волков, ссылаясь на итальянские карты, предложил считать Красноярское городище городом *Кандак* и местом смерти хана Токты, однако это мнение больше ничем не аргументировано[3]. А.В. Пачкалов в ряде работ последовательно развивает идею о том, что Красноярское городище является остатками первой столицы Орды города *Сарая*[4].

С конца XX века Красноярское городище стало привлекать пристальное внимание исследователей. Количество научных публикаций, в которых используются материалы Красноярского городища, в последние годы стремительно растет, причем одни и те же материалы привлекаются различными авторами для обоснования прямо противоположных точек зрения.

Все это поставило задачу уточнить вопросы датировки и хронологии, как самого городища, так и отдельных элементов, его составляющих, прежде всего могильника «Маячный бугор».

Наилучшим методом для решения таких вопросов служит составление и анализ монетных комплексов для определенного археологического объекта. Такая работа проделана для ряда золотоордынских городищ: Водянского, Селитренного, Царевского и целого ряда других, что позволило существенно уточнить принятые до того хронологические границы.

Небольшие монетные комплексы Красноярского городища уже публиковались С.А. Котеньковым[5] и дважды мною[6].

Каталог монет Красноярского городища (табл.). Всего мне известно о четырех сотнях монетных находок связанных с Красноярским городищем. Часть просмотренных мною монет не могла быть определена из-за плохой сохранности. Монеты из научных отчетов и публикаций включались в каталог только при наличии качественной прорисовки или фотографии, позволяющих их безошибочно определить

Пояснения к каталогу: номер монеты в каталоге соответствует номеру прорисовки или реконструкции на рисунке; датировки типов монет, имеющие даты на штемпеле выделены **жирным** начертанием; для монет, не имеющих точных дат, указаны общепринятые интервальные датировки;

---

[1] Христофор Берроу // Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII. Махачкала, 1999. С. 154.

[2] Пигарев Е. М., Скисов С. Ю., Лосев Г. А. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2005. С. 149.

[3] Волков И. В. О наименовании золотоордынских поселений правобережья Нижней Волги // Поволжье в Средние века. Н. Новгород, 2001. С. 59.

[4] Пачкалов А. В. О местоположении Старого Сарая – столицы Золотой Орды // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. М., 2009. С. 73.

[5] Котеньков С. А. Нумизматический материал золотоордынского времени из погребений грунтовых могильников «Маячный I-II» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2005. С. 41.

[6] Пигарев Е. М., Скисов С. Ю., Лосев Г. А. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2005. С. 148; Пачкалов А. В., Скисов С. Ю. Монетные находки на Красноярском городище Астраханской области // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. М., 2009. С. 75.

все отклонения от реконструкций, опубликованных в источниках атрибуции оговариваются в тексте особо; под словом «тамга» всякий раз подразумевается тамга дома Бату. В примечаниях даны номера погребений, в которых обнаружена монета данного типа; источники атрибуции указаны в списке литературы и даются в каталоге в сокращенном виде по следующей схеме: **С –** Сагдеева; **ЕГ –** Евстратов, Гумаюнов; **КЛ** – Клоков, Лебедев; **Ф-Д** – Федоров-Давыдов.

Таблица 1

Каталог монет красноярского городища

Серебро

№	Описание	Дата гг. х.	Монетный двор	Хан	Атрибуция	К-во	Прим.
1	Тамга\Вечная слава и честь\\дирхем\ чекан Сарай 671	**671**	Сарай	Менгу-Тимур	**С**-23	**2**	п.91 п.62
2	Тамга\Власть аллаху единому и всемогущему\\дирхем в городе Сарай\ 677	**677**	Сарай	Менгу-Тимур	**С**-25	**4**	п.163 п.215 п.
3	Тамга\ Чекан в городе Сарай\\ Почитание аллаху и его пророку./681	**681**	Сарай	Менгу-Тимур	**С**-29	**2**	п.93 п.63
4	Чекан Токту-бек Правосудный Сарай \\ почитание аллаху и его пророку\691	**691**	Сарай	Токта	**С**-170	**4**	п.94 п.91 п.108 п.51 .
5	Чекан\Токту-бек\ правосудный\Сарай\\почитание аллаху и его пророку\ 69?	**693** или **694**	Сарай	Токта	**ЕГ**-14\33	**3**	п.203 п.5 **С**-1981 п.
6	Чекан Укек\\ Вечная слава и продолжающаяся честь	700-706	Укек	Токта	**С**-177 ВЛ-2-4	**10**	п.51(3) п.107 п.60
7	В шестиугольной звезде: Наср-лид-дин\\ в такой же рамке: искаженное - динар	До 671?	Сарай?	?	**ЕГ**-17\39-40	**1**	п.4(ПАЭ)
8	Токтогу(уйгурск) правосудный\\чекан Сарай ал-Махруса, 710	**710**	Сарай	Токта	С-176	**12**	п.199 п.192 п.189 п.29(2)п. 24(2)
9	Султан верховный Узбек, чекан Сарай 714\\ калима	**714**	Сарай	Узбек	**С** -198	**3**	
10	То же, датой 716	**716**	Сарай	Узбек	**С**-198	**1**	
11	То же, с датой717	**717**	Сарай	Узбек	**С**-198	**3**	п.199 п.188(2)
12	Султан Узбек-хан, да продлит аллах\\ калима, Крым.717	**717**	Крым	Узбек	**С**-188	**1**	
13	Тамга\ Султан Гийас-ад-дин Узбек-хан\\Чекан Мохши, 718	**718**	Мохши	Узбек		**1**	п.
14	Султан Мухаммад Узбек-хан\\Сарай ал-Махруса,722	**722**	Сарай	Узбек	**С-201**	**4**	п.188 п.15
15	Султан верховный Мухаммад Узбек-хан\\ калима, Сарай, 726	**726**	Сарай	Узбек	**С-202**	**1**	
16	Джанибек\\Гюлистан, 752	**752**	Гюлистан	Джанибек	**С**-209	**1**	
17	Бердибек\\ Сарай ал-Джедид,	**759**	Сарай	Бердибек	**С**-279	**1**	
18	Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей\\ чекан Крыма	**888**				**1**	
	Итого					**55**	

Медь

19\ 1	В квадратной рамке: 16 таких за данг\\ кутлуг булсун янги пул. В сегментах виньетки	Около 710 г.	Сарай?	Токта или Узбек	К-ЛIII-29\11	10	
20\ 2	То же, в точечном ободке, но без рамки и виньеток	Около 710 г.	Сарай?	Токта или Узбек	КЛIII-7\1	5	
21\ 3	В центре – кружок с шесть точками, вокруг надпись «…султан…»\\ в фигурной рамке: чекан Хорезма в году (715)	715	Хорезм	Узбек	Ф-Д 27	1	
22\ 4	Звезда\\ 16 за данг\ Сарай, 721	721	Сарай	Узбек	К-ЛI -3	26	п.61(2) п.163, ПАЭ(2)
23\ 5	Сокол\\Сарай, 726	726	Сарай	Узбек	К-ЛI -4	27	
24\ 6	16 за данг\\ Сарай, ас-Сарай, Сарай ал-Махруса	731–732	Сарай	Узбек	К-ЛI - 5-8	29	
25\ 7	В точечном ободке-Барс влево\\ кутлуг булсун янги пул, Сарай	730 гг	Сарай	Узбек	К-ЛI-91	12	
26\ 8	Лев с полусолнцем\\ высочайшее повеление	Конец 30-х гг.	нет	Узбек	К-ЛI-12	25	п.108
27\ 9	Двуглавый орел\\ 16 за данг, Сарай ал-Джедид	40-гг	Сарай	Джанибек	К-ЛI – 19-21	1	
28\ 10	Цветочная розетка \\ Сарай ал-Джедид	50-гг	Сарай	Джанибек	К-ЛI-29	12	
29\ 11	Хызр-хан\\Сарай ал-Джедид	762	Сарай	Хызр	К-ЛI 39-40	2	
30\ 12	Кильдибек\\ Сарай ал-Джедид	762	Сарай	Кильдибек	К-ЛI-42	3	
31\ 13	Хаир-Пулад\\ Сарай ал-Джедид	764	Сарай	Хаир-Пулад	К-ЛI-44	4	
32\ 14	Азиз-Шейх\\Сарай ал-Джедид	767	Сарай	Азиз-Шейх	К-ЛIII - 22\19	2	
33\ 15	Барс с ошейником\\Сарай ал-Джедид	768	Сарай	Азиз-Шейх	К-ЛIII-23	1	
34\ 16	Цветочная розетка\\ Сарай ал-Джедид	768	Сарай	Азиз-шейх	К-ЛIII-24	4	
35\ 17	Абдаллах\ \ зверь	Конец 70-х	Нет	Абдаллах	К-ЛIII-28\1	1	
36\ 18	Тулунбек-хатунь\\ Сарай ал-Джедид	773	Сарай		К-ЛIII-23\25	3	
37\ 19	Сидящий зверь с личиной на хвосте\\ 16 пул данг	80-гг	Сарай	Токтамыш	К-ЛIII-29\8	2	
38\ 20	Павлин\\ высочайшее повеление	80-гг	?	Токтамыш	К-ЛI-64	2	
39\ 21	Кувшин\\Сарай	80-гг	Сарай	Токтамыш	К-ЛIII-13\19	1	
40\ 22	Цветок\Орду	80-гг	Орду	Токтамыш	К-ЛIII-25\14	1	
41\ 23	Цветочная розетка\Сарай ал-Джедид	795	Сарай	Токтамыш	К-ЛIII-24\38	1	
42\ 24	Две птицы со скрещенными хвостами\\Сарай ал-Джедид	796	Сарай	Токтамыш	К-ЛIII-24\42	1	
43\ 25	Цянь династии Сун		нет	нет		1	

Комментарий к каталогу. Рассмотрим группы монет, расположив их в хронологической последовательности. Для сравнения мы будем использовать опубликованные монетные комплексы поволжских золотоордынских памятников, без учета кладов. По Нижней Волгой подразумевается территория севера Волгоградской области, Волго-Ахтубинская пойма и дельта.

I группа 9 шт. относятся ко времени правления Менгу-Тимура. Все монеты сарайского чекана. Первая (№ **1**) имеет дату 671г.х.[1] На сегодняшний день она является самой ранней датированной сарайской монетой. Такие монеты стали появляться в публикациях лишь в XXI веке, основной район их находок – современная Саратовская область. В коллекции Саратовского музея находится 5 экз. таких монет. В работе Евстратова и Гумаюнова учтено 7 экземпляров, без указания места находки. На памятниках Нижней Волги таких монет нет, за исключением единственного экземпляра происходящего из курганного могильника округи Царева. В Красном Яру – 2 экз. Далее представлены монеты 677 и 681 годов. (№ 2 и 3) На нижневолжских памятниках они отсутствуют[2]. Особняком стоит монета **№ 7.** Она обнаружена в засыпи погребения, во время работы ПАЭ 2001 г. Это фракция основного номинала (½), и в таком исполнении больше нигде не известна, хотя атрибуция монеты понятна. По всем признакам она входит в большую группу монет и фракций с лакабом «Ан-Наср» и со словом «динар» в шестиугольных рамках, с тамгой или без. У таких монет большой весовой разброс и много вариантов искажения текста. На вариантах монет основного номинала, если указан монетный двор, то это всегда Сарай. Трудность заключается в том, что вся эта группа не имеет сейчас уверенной датировки. Первоначально эти монеты были отнесены к правлению Токты, а лакаб Наср-лид-дин был принят за лакаб Токты, хотя на именных монетах Токты с лакабом это всегда – только Гийяс-ад-дин. В настоящее время такие монеты Евстратов и Гумаюнов датируют временем непосредственно перед выпуском монет Сарая 671 г.[3] Такую же точку зрения высказал В.П. Лебедев и его поддержал в своей последней работе Г.А. Федоров-Давыдов. Авторы указывают, что источником копирования внешнего оформления для таких монет послужили булгарские монеты, которые чеканились еще при Бату. Ни на одном нижневолжском памятнике, кроме Красного Яра, таких монет нет.

II группа монет относится к правлению хана Токты **(№ 4–8**) – 32 экз. Монеты эти встречаются не только в погребениях, но и в подъемном материале. Сначала денежное обращение в этот период поддерживается чеканом сарайского МД. В конце 90-х годов XIII века Сарайский МД перестал работать, и в Красный Яр стало активно поступать серебро Укекского МД. Даже если не учитывать серебряную монету Токты 710 года, которая стала общеордынской монетой следующего поколения, и участвовала в денежном обращении до конца XIV века, то монет Токты в небольшом Красноярском комплексе больше, чем на остальных нижневолжских памятниках ***вместе взятых***. Единственная область, где концентрация монет времени Токты больше – это Укек и его непосредственная округа. Укек был конечной точкой летней кочевки орды Токты. Равио как и Нижняя Волга была южной точкой зимней кочевки. Монеты Токты на Красноярском городище встречаются как в погребениях, так и в подъемном материале.

Пулы **№ 19** и **№ 20**. Эти пулы были впервые введены в научный оборот в конце прошлого века. Они были обнаружены в количестве более 20 шт. на памятниках Саратовской области. На Селитренном городище найден единственный экземпляр. 3 экз. происходят из комплекса Зубовки. На других памятниках Нижней Волги их не обнаружили. Но здесь важно отметить следующее: в Самосделке этих монет известно 10 экз., в Красном Яру – 15 экз., то есть мы снова наблюдаем концентрацию определенного типа монеты в двух районах – округа Укека и дельта Волги. Интервальная датировка этого пула достаточно широкая 710–720 г.х., но в любом случае этот пул выпускался ***до*** пула со звездой 721 г. Обращаю внимание на следующее обстоятельство: на встреченных мною реконструкциях этого пула виньетки в сегментах на обеих сторонах даются одинаково, как мотив «проросшее зерно». На красноярских пулах видно, что это верно только для одной стороны монеты. Виньетки на другой

[1]В ряде научных публикаций, использующих монетный материал могильника МБ, содержится информация о двух монетах 1266 года (665 г.х.), происходящих с этого памятника. По моему мнению, эта информация недостоверна. Датированный чекан Сарая и Булгара начался с 671 г.х.; единственные ордынские монеты имеющие дату 665 это крымские армяки Менгу-Тимура, вне пределов Крыма они почти не встречаются, во всяком случае, находки их на памятниках Поволжья неизвестны; в отчетных материалах по Красноярскому городищу и могильнику МБ таких монеты также нет.

[2] Незначительное количество монет этого времени на Нижней Волге известны только в составе 5-ти кладов, не имеющих точной географической привязки, но все они найдены вне территории Астраханской области.

[3] Евстратов И. В., Гумаюнов С. В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – нач. XIV века // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2005. С. 106

стороне – «проросший узел», а в таком исполнении изображение на пуле фактически становится копией штемпеля сарайской серебряной монеты Токты 710 г., чекана Сарая ал-Махруса. Сходство проявляется во всех элементах композиции. Структура, набор элементов, их расположение в монетном поле, линейные размеры и то, что принято называть почерком резчика – одинаковы. За одним исключением – содержание надписи. Такую же прорисовку этого пула дает Е.Ю. Гончаров для самосдельских экземпляров. Все это позволяет предположить, что и медная, и серебряная монета синхронны и выпускались на одном МД. Пул № 20 это вариант пула № 19, который, помимо основного изображения, имеет несколько вариантов подражаний, обнаруженных на поволжских памятниках.

IV группа монет относится к правлению Узбек-хана. (134 экз.) На Красноярском городище хорошо представлен серебряный чекан Узбека в интервале 714–726 гг.х. и вся линейка нижневолжских пулов его времени. Монетные дворы – Сарай, Мохши, Крым, Укек, Хорезм. Эта группа относится к массовому материалу поволжских памятников и в особых комментариях не нуждается. Отметим два типа: 1) **№ 25,** анонимный сарайский пул «Барс без солнца». На реконструкциях в монетных комплексах других памятников пул имеет несколько разновидностей. Зачастую изображение очень схематично. Обычно животное изображается с открытой пастью и одной звездочкой позади туловища. Такие экземпляры есть и на Красноярском городище. Но среди красноярских материалов есть несколько экземпляров, очень аккуратно выполненного штемпеля, с детальной проработкой деталей. На них отчетливо видно на монетном поле две шестиконечные звездочки, впереди и позади животного, симметричные относительно вертикальной оси. По-видимому, такие монеты являются первоначальной версией этого типа, за которой последовала серия упрощенных подражаний. Укека. 2) **№ 21**, Оборотная сторона пула оформлена также как данги Узбека, чеканенные в Хорезме в первое десятилетие его правления. В нижневолжских комплексах хорезмских пулов раннего Узбека нет. Две такие монеты опубликованы в комплексе Сарайчука. Все прочие находки сосредоточены восточнее.

V группа – монеты времени правления Джанибека. Представлены 13 пулами и одной серебряной монетой.

Для золотоордынских памятников, существовавших в первой половине XIV века, прослеживается следующая закономерность – от десятилетия к десятилетию наращивается денежная масса и медной и серебряной монеты, т.е. монет раннего Узбека всегда меньше, чем монет Узбека позднего, а монет Джанибека больше, чем монет Узбека. Эта тенденция хорошо видна в монетных комплексах Селитренного, Царевского, Водянского городищ и целого ряда других памятников, что хорошо сообразуется с историческими фактами – первая половина XIV в. это время наибольшей экономической и политической стабильности в Орде. Ситуация в Красном Яру – прямо противоположная: монет Джанибека почти нет, а монеты раннего Узбека преобладают над монетами позднего. Особенно показательна ситуация с пулом «Двуглавый орел». Для большинства ордынских памятников XIV в. это самая массовая монета. Его доля в монетных комплексах пулов золотоордынских памятников Поволжья обычно превышает 20 %. Единственный пул с двуглавым орлом найден в центре с. Красный Яр, на ул. Советской.

VI группа. Монеты замятни и времени правления Токтамыша представлены только пулами массовых выпусков преимущественно столичного чекана (30 экз.). После 1360 года денежное обращение на Красноярском городище обеспечивалось только медными деньгами, причем интенсивность его значительно снизилась. Обращает на себя внимание полное отсутствие в Красном Яру монет ближайшего к нему в это время монетного двора – Хаджитархана. Младшей монетой комплекса является пул 796 г.

Пики хронологической гистограммы Красноярского городища приходятся на 90-е гг. XIII в. и на первые два десятилетия XIV в., т.е. на время, когда денежное обращение на других крупных ордынских памятниках Нижней Волги либо отсутствовало, либо только зарождалось.

Дополнительная группа. 1) Китайская монета династии Сун (определение А.В. Пачкалова) Это второй случай находки сунской монеты на ордынских памятниках. Первая была обнаружена на Водянском городище. В Красном Яру известна еще одна находка средневековой китайской монеты. Но зафиксировать ее мне не удалось. 2) Крымский акче Менгли-Гирея, происходит из окрестностей Красного Яра и относятся к другой хронологической эпохе.

Топография находок. Материал получен со всей площади городища и его округи. Предварительно выявляются следующие особенности распределения монет: наиболее старая, для нач. XIV в., часть городища находится на левобережье в районе современного русского кладбища. Наиболее широкая топография находок приходится на первую четверть XIV в.

Подкомплексы монет с золотоордынских памятников непосредственной округи Красноярского городища (Вакуровский, Альча, Барановка и ряда других) находятся в хронологическом диапазоне – 20-е – нач. 30 гг. XIV в.

Диапазон подкомплекса монет из погребений – 1270–1330 гг.

Диапазон монетных находок вне погребений – 1290–1390 гг.

Хронология денежного обращения на Красноярском городище. 1) Денежное обращение началось в начале 70-х г. XIII в. 2) Своей наибольшей интенсивности оно достигло во второй половине правления Токты и в первые два десятилетия правления Узбека. Монеты этого периода преобладают не только количественно, но и территориально. 3) В 30-е г. XIV в. происходит резкое сокращение денежного обращения, а затем – почти полный обрыв его в 40-е гг. 4) В это же время происходит прекращение традиции захоронения с монетами, хотя на прочей территории Орды оно известно гораздо дольше. К примеру – на Царевском городище оно продолжалось столько же, сколько существовал город, до 60-х гг. XIV в. Все окрестные поселения были оставлены в 40-е годы, монет постджанибековского времени на них нет. 5) Обращение монет возобновилось в 50-гг XIV в., но уже на ином качественном уровне. 6) Окончательное прекращение денежного обращения на Красноярском городище произошло в конце XIV в., после разгрома Орды Тимуром.

Из всего вышесказанного следует, что во вторую половину правления Узбека произошли некие события, следствием которых было изменение статуса города, сокращение его территории, изменение социального состава, и, как мы увидим далее - изменение этнического состава и погребального обряда.

Ситуация превалирования меди Узбека, помимо Красного Яра отмечена на трех памятниках Нижней Волги: Зубовка, Самосделка и Лапас. Но нигде падение денежного обращения во время Джанибека не было столь резким. Причем, во всех этих комплексах, кроме Лапаса, присутствует пул 710-х гг. (№ 19–20).

Обратимся к данным археологических исследований, прежде всего могильника Маячный бугор. Материалы этого памятника неоднократно публиковались. Наиболее подробно – в монографии Д.В. Васильева[1]. Выделим основные характеристики этого памятника.

В настоящее время на могильнике «Маячный бугор» вскрыто и исследовано более 700 погребений. Исследованные площади не составляют и половины сохранившейся территории могильника. С учетом того, что могильник значительно разрушен карьерами кирпичного завода и автотрассой, он является не просто крупным, а крупнейшим золотоордынским некрополем на Нижней Волге.

Вокруг городища расположено еще несколько грунтовых могильников, на которых обнаружено от нескольких десятков до нескольких сотен погребений.

Могильник «Маячный бугор» содержит в своем составе захоронения знати с богатым вещевым составом.

На нем находится большое количество захоронений с признаками доисламской и внеисламской обрядности (в т.ч. – христианской)

Из всех золотоордынских могильников на нем обнаружена самая большая серия погребений с монетами – более сорока.

Антропологи отмечают в составе населения красноярского городища аномально высокое присутствие антропологического типа характерного для Юго-Восточной Азии[2].

Основная часть погребений с отклонениями от магометанства находится в восточной части могильника, наиболее близкой к городскому ядру и самой ранней. Оттуда же происходит большинство захоронений с монетами.

Во время полевых работ экспедиции ПАЭ в 2001 г. был исследован объект, наглядно показавший двухвременной период сложения могильника Маячный бугор[3]. Был открыт уникальный сложносоставной погребальный комплекс общей площадью более 300 м². Он представляет собой хорошо нивелированную в древности площадку, обнесенную стеной, сложенной из большеформатного сырцового кирпича. Высота стены 50 см. Толщина 70 см. В центре площадки находилось прямоугольное сырцовое сооружение размером 6,5 × 5,6м (мавзолей). Стены сооружения частично сохранились, а частично были обнаружены в упавшем виде. Высота сооружения в древности была не менее 3 м. Южный фасад был оформлен угловыми пилонами. Вход находился с юга. Внутри мавзолея

[1] Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Астрахань, 2009.

[2] Балабанова М. А., Перерва Е. В. Отчет о результатах исследования антропологического материала полученного в процессе раскопок могильника Маячный бугор. Волгоград, 2006. С. 97.

[3] Отчет об археологических исследованиях могильника «Маячный бугор» в Красноярском районе Астраханской области в 2001 году. Йошкар-Ола, 2007. С. 14.

находились два погребения: одно в центре, а другое примыкало к юго-западному углу помещения. Могильные ямы были обложены по периметру сырцовым кирпичом. Судя по развалу ордынской плинфы, оба сооружения имели кирпичные надгробия. На площадке вокруг мавзолея были обнаружены: помост из сырцового кирпича и два захоронения у северо-западного угла сооружения - взрослое и детское. Над захоронением была сложена надмогильная конструкция в виде двухступенчатой пирамиды, выполненное из иссиня-черного илового кирпича, который имел размеры стандартной ордынской плинфы. Само захоронение было выполнено в глубокой яме, с подбоем. Подбой был заложен большеформатным сырцовым кирпичом. Сырцовая ограда площадки с северной стороны заканчивалась на уровне внешней оси западной стены мавзолея, образуя вход на площадку. Вторую часть входа образовывал однокомнатный золотоордынский дом. В доме обнаружили Г-образную глинобитную лежанку-суфу, которая отапливалась каннами. В развалинах дома были найдены вещи: фрагменты поливной и неполивной посуды, железные предметы – топор, замок и другие. Площадка между торцом ограды и домом была тщательно выровнена, утрамбована и сохранила следы известковой обмазки. На этой площадке, с внешней стороны ограды, точно на оси западной стены мавзолея было обнаружено ритуальное захоронение животного: в прямоугольной яме находился теленок, возрастом около 6 месяцев, голова которого покоилась на сырцовом кирпиче. Кирпич аналогичен кирпичам, из которых был построен мавзолей и ограда. Грудная клетка и брюшная полость животного были набиты плотно утрамбованной травой.

С восточной стороны к мавзолею примыкали множество захоронений, взрослых и детских. По своему типу эти все эти захоронения относятся к обычным мусульманским золотоордынским могилам, хорошо известным по могильникам Селитренного и Царевского городища. Они надежно датируются XIV в. Для нас принципиально важно то, что эти захоронения впущены в ***уже разрушенное в древности*** сооружение, которое также датируется золотоордынским временем. Причем ни внутреннее пространство мавзолея, ни примыкающая к нему с запада огороженная площадка не были затронуты, хотя интенсивность средневековых мусульманских захоронений вокруг этого места исключительно велика.

Еще одним таким косвенным свидетельством служит обнаружение в могилах явно мусульманского толка блоков разрушенных кирпичных сооружений, выполненных из фасонного обожженного кирпича и фрагментов стеновых мозаик. Они использовались в качестве элементов заклада.

Таким образом, есть основания утверждать, что могильник Маячный бугор еще в древности пережил короткий период запустения и разрушения.

Причин событий, произошедших на Красноярском городище в период правления Узбек-хана могло быть **три**. О них в той или иной степени уже упоминалось в научных публикациях.

Первая: естественно-природная. О влиянии катастрофической трансгрессии Каспийского моря XIII – нач. XIV в. на жизненные условия в дельте Волги существует несколько специальных работ, в частности В.П. Лебедев пытался объяснить трансгрессией исчезновение Сарая XIII века. Ту же позицию занимает Пачкалов в ряде работ, локализуя первоначальный Сарай на месте Красноярского городища. Теория трансгрессии была применена для объяснения исторической судьбы Самосдельского городища. Е.В.Шнайдштейн утверждала, что было затоплено городище Мошаик.

Все сторонники теории катастрофической трансгрессии используют данные значений уровня Каспийского моря опубликованных еще в 60-е гг. XX в. Л.Н. Гумилевым, который опирался на некоторые научные материалы нач. XX в. и собственные наблюдения. Он утверждал, что трансгрессия достигла своего пика в первой половине XIV в. и море стояло на уровне -18 метров, т.е. на 12 метров выше современного уровня. По его предположению вся современная дельта Волги, и 60 километров Волго-Ахтубинской поймы были под водой. Сегодня, спустя 50 лет, можно уверенно сказать, что эти оценки являются не более чем фантазией, так как пришли в полное несоответствие с исследованиями в дельте Волги последних десятилетий. Исследования проводились специалистами самых различных научных направлений с применением разнообразных научных методик. Гораздо более объективная оценка трансгрессии дана в монографии Иванова и Васильева[1]. Точно такой же уровень моря существовал в начале XIX в., и надежно обеспечен картами, лоциями и иными письменными источниками. Отметка минус 24 метра совершенно сообразуется с археологическими исследованиями. Приведу только один пример: в Лиманском районе были открыты ряд достаточно крупных золотоордынских поселений, которые хорошо датируются непрерывной линейкой ордынских пулов от времени Узбека до ханов замятни. Одно из них расположено на 70 км ниже Чертова городища, объявленного Гумиле-

[1] Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 10.

вым морским портом XIV в. Вершина бэровского бугра, на котором оно располагалось, находится на отметке -18 метров, а культурный слой остатков жилых домов находится на высотах -20; -22 метра. На сегодняшний день это самые южные и самые близкие к морю ордынские памятники, и они достоверно непрерывно существовали со времени второго десятилетия правления Узбека до 60-х гг. XIV в. [1]

Трансгрессия Каспийского моря XIII–XIV вв. безусловно была, но катастрофического характера не имела, и серьезно повлиять на судьбу Красноярского городища и ряда других памятников дельты не могла.

Вторая: религиозно-политическая. Узбек и поддерживавшая его исламская группировка узурпировали власть, убив потомков Токты. Суть политической реформы Узбека состояла в том, что Улус Джучи, т.е. некое «общее» владение джучидов, стал стремительно превращаться в исламский султанат. Первые годы своего правления он вел ожесточенную борьбу с приверженцами старых порядков. Ставка в это время находилась возле Мохши. Со времени Узбека вхождение в верхние слои власти для немусульман был закрыт. Все, кто сопротивлялся, были уничтожены. Реформы Узбека коснулись всех сторон общественной жизни Орды, включая систему денежного обращения. Во время правления Токты население Красноярского городища, безусловно, имело в своем составе представителей неисламской знати, и оно также могло являться одним из опорных пунктов ставки Токты в дельте Волги. Оно явно было наиболее мощным центром экономической активности в дельте, из известных на сегодняшний день. К нач. 30-х гг. Узбек изменил традиционный маршрут перекочевки ханской ставки вдоль Волги на маршрут Нижнее Поволжье – Пятигорье Северного Кавказа. Уничтожение неисламской знати и противников новой политики хана, а также изменение маршрута перекочевки ханской ставки могло вызвать снижение статуса Красноярского городища в системе ордынских населенных пунктов.

Третья: социально-экономическая. Мы наблюдаем синхронность угасания поселений в дельте Волги и активное создание городов и поселений в средней и верхней Волго-Ахтубинской пойме. Такие работы требовали концентрации материальных и людских ресурсов в районах нового строительства. В большом количестве нужны были строители, всевозможные ремесленники, рабы, которые могли набираться из населения близлежащих районов. Процесс начался в начале правления Узбека или в конце правления Токты, а в середине 30-х гг. Ибн-Баттута уже видел на берегах поймы отстроенные города. Селитренное, Царевское, Водянское городища и Хаджитархан стали крупными транзитными центрами по перевалке товаров из Причерноморья в Хорезм и обратно. На р.Урал возник город Сарайчук. Караванный путь от Селитренного (Сарай) шел по маршруту: Сарай – гора Чапчачи – Малые Узени, и далее через Сарайчук и Устюрт в Хорезм. Это был самый короткий путь, надежно обеспеченный пресной водой и кормами в климатических условиях XIV в. (гораздо более благоприятных, нежели нынешние). Монеты Хаджитархана есть и на Селитренном городище и в Сарайчуке, но неизвестны на Красноярском городище. То есть, отток населения из района Красноярского городища (искусственный или естественный) мог происходить в связи с массированным строительством новых городских центров, и изменением торговых путей, после чего Красноярское городище утрачивает прежнее значение и превращается в небольшой периферийный населенный пункт, что видно по характеру денежного обращения на нем во второй половине XIV в.

Заключение. Монетный комплекс Красноярского городища позволяет несколько по другому взглянуть на некоторые «странности» денежного обращения рубежа XIII–XIV вв.

Сарайский монетный двор, проработав 30 лет, прекращает свое существование в 699 г.х. (1300 г.). Исследователи отмечают ухудшение качества сарайских монет последних выпусков. После чего монетный двор ханского улуса переезжает в Укек, причем со старыми штемпелями[2]. Что могло стать причиной такого переезда после 1299 г.? Вспомним некоторые события, произошедшие в Орде около 1300 г.. Токта только что стал единовластным правителем Орды, победив после нескольких лет войны Ногая. В 1300 г. в Орде начинается жестокая засуха, длившаяся три года. «…Последовал падеж лошадей и овец, и они продавали детей и родичей своих купцам…», как свидетельствует Ал-Макризи[3]. В первые годы XIV в. Токта активно устанавливает свои порядки на территориях, в прошлом подвластных Ногаю, прежде всего в Крыму. Происходят военные столкновения с генуэзцами.

Спустя 10 лет сарайский монетный двор вновь заработал, выпуская монеты уже нового образца.

---

[1] Материалы готовятся к публикации.

[2] Евстратов И. В., Гумаюнов С. В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – нач. XIV века // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2005. С. 107.

[3] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды… С. 436.

С 20–30 гг. XIV в. сарайский монетный двор надежно локализуется на Селитренном городище. Если принять точку зрения сторонников «переноса» столицы, то наиболее вероятное время этого события – это первое десятилетие XIV в. Но в этот период и несколько дольше Красноярское городище жило активной экономической жизнью. Упадок начался в конце правления Узбек-хана. Красноярское городище – единственный памятник на Нижней Волге, где денежное обращение прослеживается ***непрерывно*** с 70-х гг. XIII в.

Благодарю М. Домашенко, А. Штанькова и Д. Занина за помощь в розыске материалов.

М.К. Хабдулина
(ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана)

МАВЗОЛЕИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА БОЗОК (РЕКА ИШИМ)

В последнее десятилетие в Казахстане в связи с принятием государственной программы «Культурное наследие» развернулись масштабные раскопки средневековых городов и некрополей[1]. Практически на каждом объекте Южного и Центрального Казахстана открыты и исследуются мавзолеи из жженого кирпича. В декоре фасадов и надгробий использованы поливные плитки и майолики с растительным и геометрическим орнаментом. По строительно-архитектурным приемам и композиции мавзолеи датируются XIV–XV вв. Следовательно, на это время приходится взлет градостроительства и расцвет средневековой культуры на территории Казахстана. К числу новых поселений и культовых сооружений степной зоны относятся поселение Жайык у г. Уральска[2], некрополь Аулиеколь в низовьях реки Оленты, недалеко от г. Экибастуза[3], возобновлены раскопки мавзолея Ботагай (р. Нура, с. Коргалжын). Комплекс мавзолеев исследован на городище Бозок[4].

Городище Бозок расположено на южной окраине г. Астаны, среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Площадь памятника 30 га. Раскопки памятника ведутся с 1999 г. За 10 полевых сезонов вскрыто 8 тыс.кв.м. Открыты 10 жилищ средневековой эпохи, изучены остатки 5 мавзолеев, двух кирпичеобжигательных печей, исследована архитектура оборонительных сооружений. С городища Бозок получена представительная серия антропологического материала (62 скелета). Особое значение имеет открытая здесь агроирригационная планировка, свидетельствующая о занятии земледелием. Памятник оказался сложным и многослойным. Структурно состоит из четырех частей, возникших в разное время и имевших различное функциональное назначение. Структурные компоненты объекта неоднократно перестраивались, обновлялись. Первая самая древняя часть – это три квадратной формы площадки, обнесенные рвами и валами. Севернее их находится комплекс жилищ-землянок. Это второй структурный компонент городища.

Южнее центральной части расположен некрополь городища Бозок, состоящий из руин мавзолея, кирпичеобжигательной печи и могильных западин. Это третья часть археологического памятника (рис. 1).

С востока и севера к руинам городища прилегает агроирригационная планировка, расширяющая границы обжитой территории. Размеры ее по линии север-юг не выходят за пределы озера Бузукты. Ирригационные сооружения – это четвертая структурная часть городища Бозок.

Руины памятника имеют типично степной облик. Ничего монументального Невысокие земляные валы (высотой 0,6–1,0 м) окружают ровные поверхности площадок квадратной формы. Конфигурация площадок четко выделяется за счет внутренних рвов. Во рвах фиксируются перемычки проходов. То, что памятник расположен среди болот, спасло его от уничтожения в годы целины.

К настоящему времени накопился материал, который датирует появление городища Бозок в древнетюркскую эпоху и существование памятника в течение длительного периода от VII–VIII, возможно, по XVI–XVII вв. В истории городища можно выделить три периода: 1) (VII) VIII–IX вв.; 2) X–XIII вв.; 3) (XIII) XIV–XVI (XVII) вв. Третий этап – это время, когда руины памятника стали

[1] Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2008 году. Алматы, 2009.
[2] Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ахатов Г. А.. Средневековое городище Жайык. Алматы : Кредо, 2005.
[3] Смагулов Т. Н. Археологические исследования на некрополе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 году. Алматы, 2008. С. 223–229.
[4] Бозок в панораме средневековых культур Евразии : мат-лы Междунар. полевого семинара. Астана : Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2008.

местом захоронений. Здесь начинают строить мавзолеи, сырцовые оградки, в оплывший вал и стены жилищ- землянок впускают погребения.

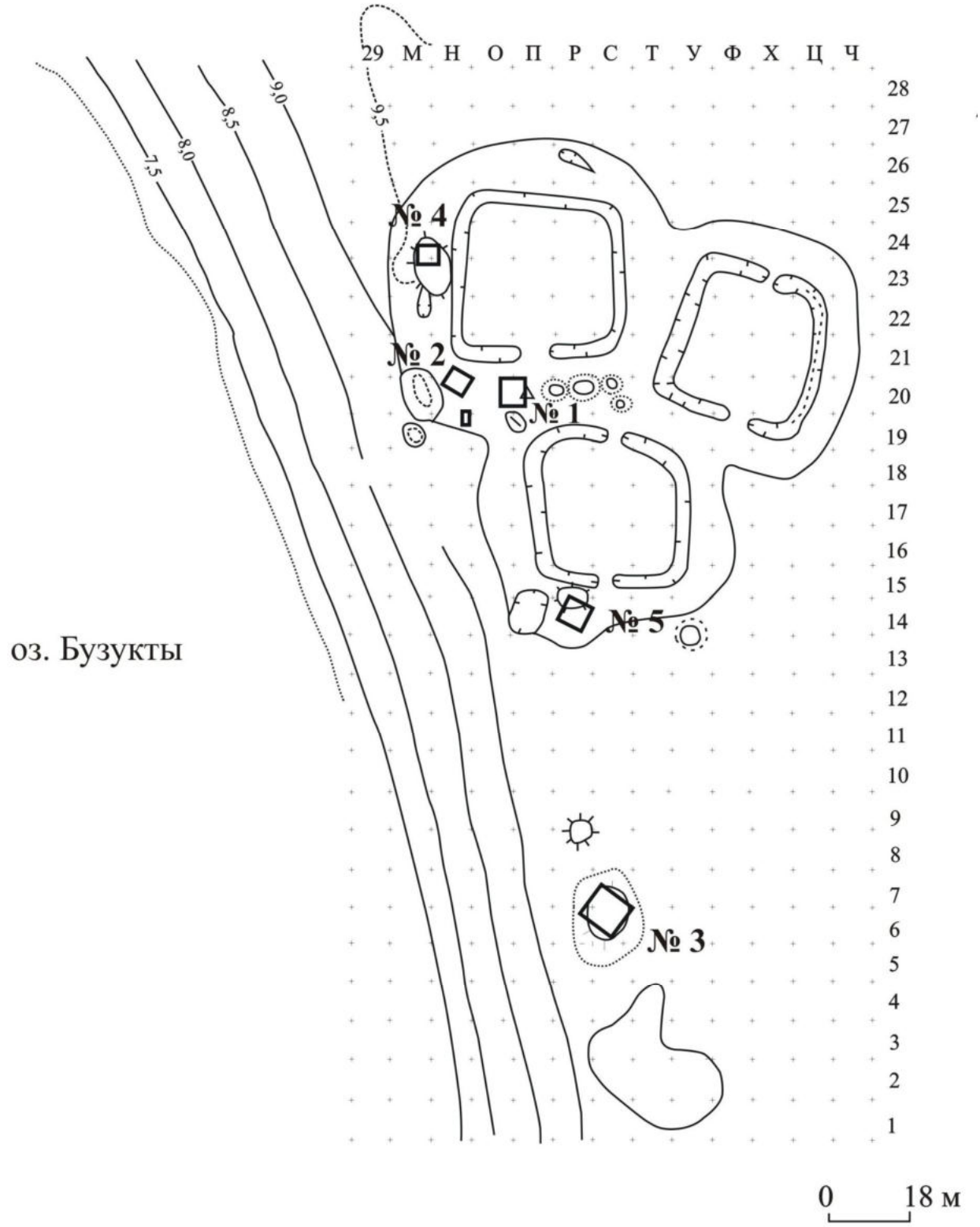


Рис. 1. Городище Бозок. Топоплан с мавзолеями

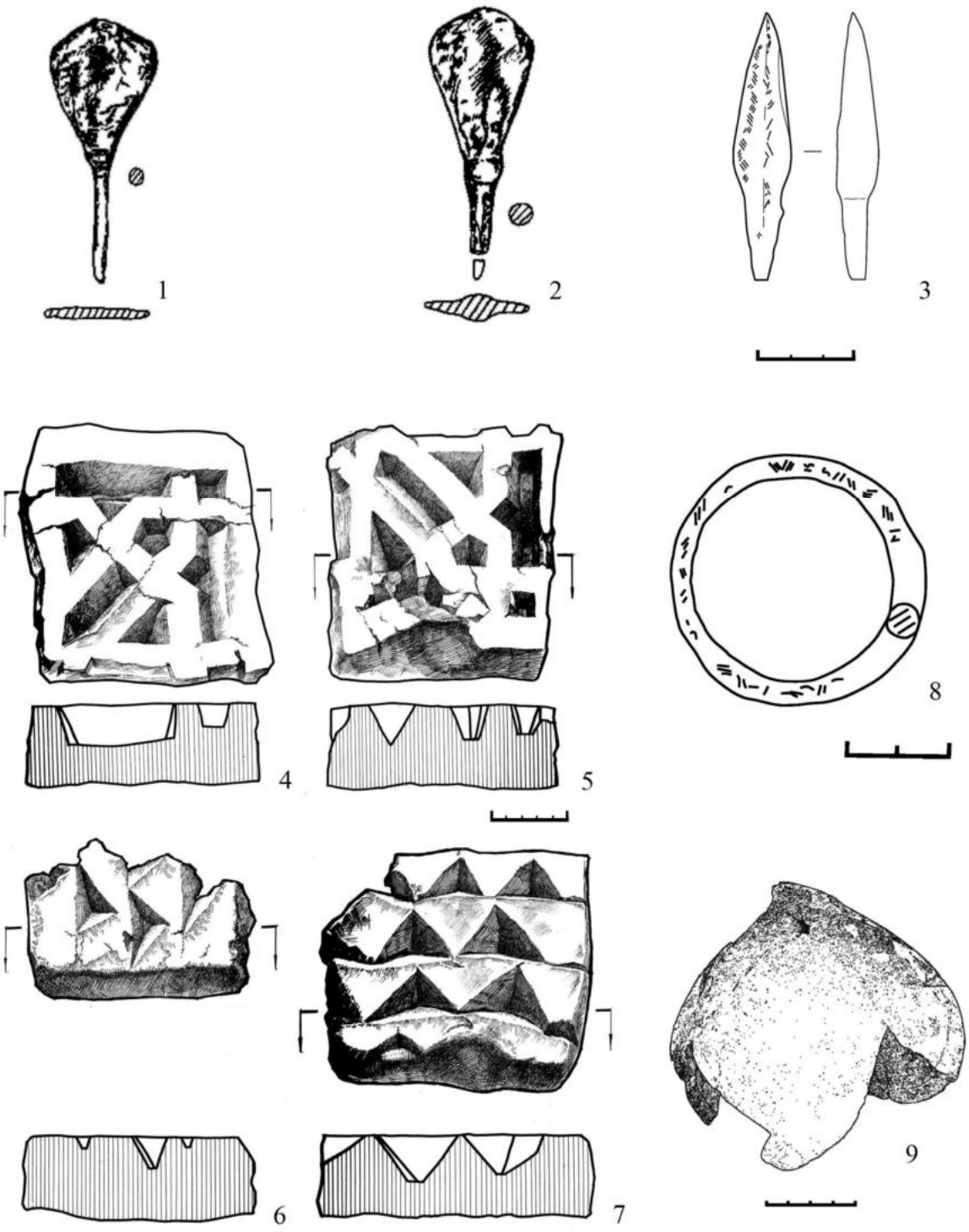


Рис. 2. Городище Бозок. Мавзолей 1. Вещи. 1–3 – железные наконечники стрел, 4–7 – резная терракота, 8 – железное кольцо, 9 – кубба

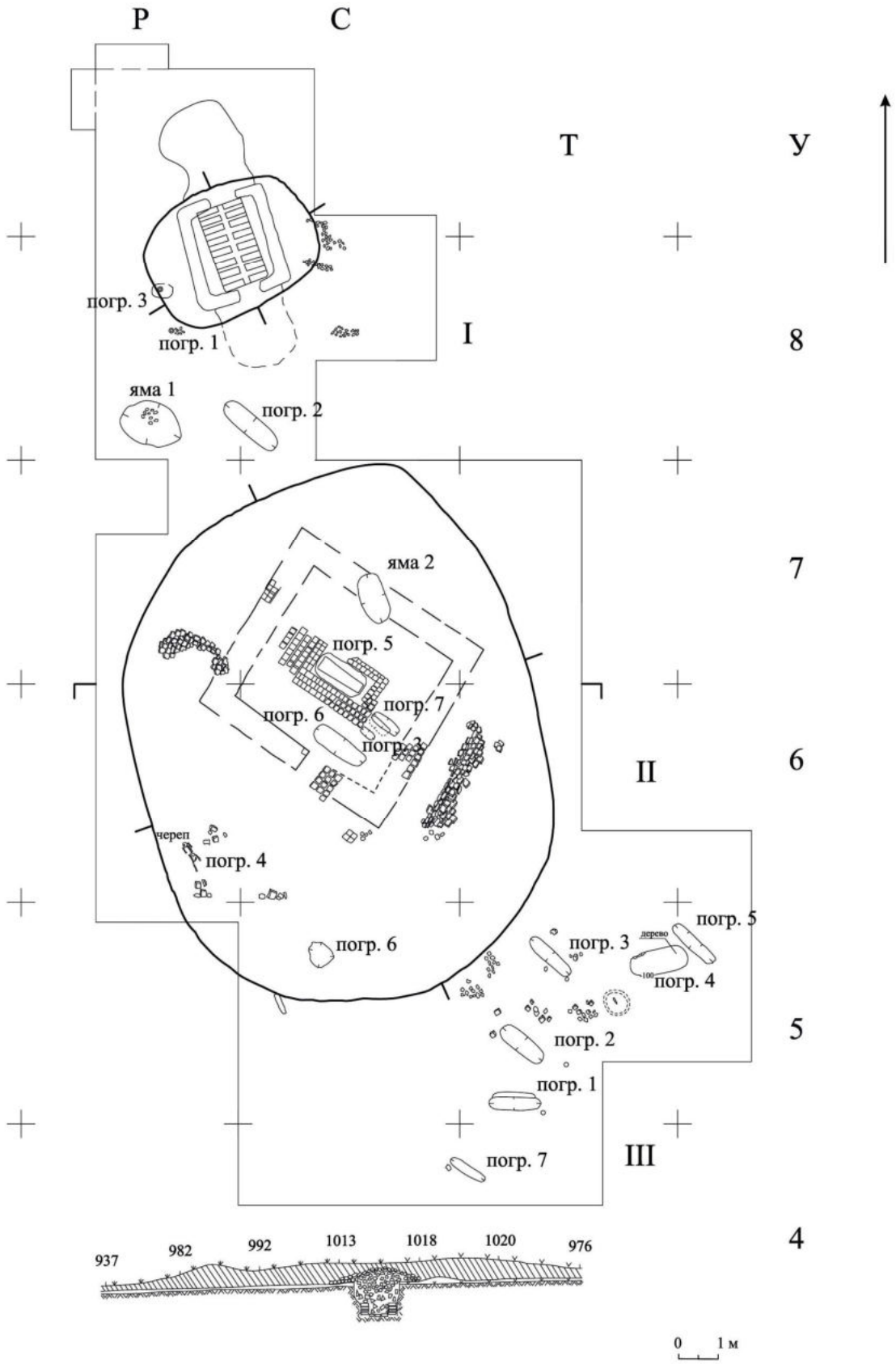


Рис. 3. Городище Бозок. План раскопа № 3. I – кирпичеобжигательная печь; II – мавзолей № 3; III – мусульманские погребения

За годы раскопок на территории городища Бозок исследовано пять мавзолеев. Три из них сложены из жженого кирпича, два – из сырцового. Четыре мавзолея расположены на валах городища. Пятый – наиболее крупный, построен с южной напольной стороны, за пределами развалин городища

(рис. 1). Рядом с двумя кирпичными мавзолеями открыты кирпичеобжигательные печи. Все мавзолеи однокамерные квадратной формы, ориентированы углами или сторонами по странам света. Построены без фундамента.

Два кирпичных мавзолея (№ 1, 2) открыты на центральной самой высокой площадке памятника (раскоп I). **Мавзолей № 1** расположен в квадрате 20/О,П, ориентирован сторонами по странам света. Размеры 6,6 х 6,6 м. Стены выложены квадратными кирпичами в три ряда. Ширина стен 0,88 м. Кирпичи стандарта 25 х 26,5 х5 ,5 см, 26 х 26,5 х 6 см. Вход не прослежен. Восточная сторона мавзолея испорчена опорами триангуляционной вышки. Пол мавзолея выстлан квадратными кирпичами. Под кирпичами пола сделана глиняная заливка толщиной 5–7 см. Вдоль южной и западной части раскопа мавзолея обнаружены целые и фрагментированные кирпичи с резным орнаментом и фрагменты керамического навершия мавзолея с темно-зеленой поливой.

Орнамент на кирпичах представлен двумя видами рисунков. Фрагменты прямоугольных кирпичей формата 30 х 15 х 5 см с рисунком, выполнены глубокой резьбой (до 2–2,5 см) (рис. 2, 4, *5*). Набор из пары прямоугольных кирпичей образует орнамент в виде восьмигранника с вписанными в него прямым и косым крестами. Резной кирпич имеет «ключ» к сборке на плоскости – половинку восьмилучевой звездочки, образующей полную фигуру при правильном расположении кирпичей. Другой мотив орнамента отмечен на фрагментах прямоугольных кирпичей размерами: 21 х 16 х 5 см и 16 х 15 х 5 см. На одном из них представлено пять рядов однонаправленных треугольников (в виде гирлянд), на другом – три ряда (рис. 2, 6, 7).

Внутри мавзолея расчищены две могильные ямы с остатками трех погребений. Могильные ямы ориентированы по линии З-В. Судя по стратиграфии, мавзолей предназначался для могильной ямы № 9•, позднее уничтоженной вводным погребением № 10. Могильная яма № 9 первоначально содержала погребение взрослого человека с тремя железными наконечниками стрел. Стрелы были найдены в заполнении на разных уровнях. Здесь же найдено одно железное кольцо, возможно, от удил (рис. 2, 1–3, 8).

Сверху могила была перекрыта кирпичами пола. Но ее расположение видимо, как-то фиксировалось. По истечении какого-то времени, могила была вскрыта в юго-западной части, кости скелета человека поломаны, некоторые несут следы пожога, часть костей выброшена.

В пространство вкопа размерами 1,3 х 0,3 м сделано вводное погребение подростка головой на запад, лицом на юг (№ 10). Правая рука согнута в локте, кисть положена на бедро. Левая рука согнута, кисть положена на «живот». В изголовье ребенка три бараньих астрагала. В заполнении кроме раздробленных костей человека, фрагментов битого кирпича, трех железных наконечников стрел, найдены фрагменты керамического навершия мавзолея – куббы, покрытой темно-зеленой и ярко-синей плотной глазурью.

Могильная яма № 11 находится в 20 см южнее погребения № 10. Эта могила самая поздняя в мавзолее. Для ее сооружения были вскрыты или прорублены кирпичи пола. Могила трапециевидной формы размерами 2,5 х 0,7 х 0,8 м. На дне расчищено погребение старика головой на запад, лицом на юг. Над погребением фиксировался плотный заклад из трех рядов жженого кирпича. Перекрытие было устроено из двух кирпичей поставленных наклонно и кирпича между ними – горизонтально (тип А2-2б по типологии мусульманских погребений Улуса Джучи)[1]. Кирпичи квадратные, того же стандарта, из которого построен мавзолей.

Скопление резных кирпичей с южной стороны мавзолея позволяет предположить, что вход находился в южной стенке. В 7 м юго-западнее мавзолея исследована кирпичеобжигательная печь, в заполнении которой среди шлака и битых кирпичей также встречаются резные кирпичи. Следовательно, в этой печи обжигали кирпич для постройки мавзолея 1, потому что это единственный мавзолей, в руинах которого найдена резная терракота.

Дату мавзолея определяют железные наконечники стрел. Два плоских черешковых наконечника типа срезня имеют ромбовидную форму пера. Размеры пера: 5 х 4,2 при общей длине 10,4 см; 3,7 х 3,3 см при длине 8,2 см (рис. 2,1–2). Один наконечник четырехгранный черешковый, имеет ланцетовидную форму пера длиной 5 см (рис. 2, 3). Наконечники этого типа датируются XIII–XIV вв.

Мавзолей № 2 расположен в 6 метрах западнее мавзолея № 1 в пределах квадратов 20–21/Н (рис. 1). От него сохранилась часть кирпичей стен мавзолея. Линия стен неровная, видимо, кладка выполнена без разметки шпагатом: «на глазок». В кладке использован кирпич вторично, т.е. даже в осно-

• Здесь и далее нумерация погребений дана по мере открытия в пределах раскопов.

[1] Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. С. 78.

вании стены использованы обломки кирпича. Ширина стен 0,8 м. У западной стенки сохранилась кладка в один кирпич, у северо-западного угла зафиксированы четыре слоя кирпичей на глиняном растворе.

Мавзолей квадратный (5 х 5 м) или прямоугольный (6,5 х 5,0 м) в плане, ориентирован углами по странам света. В центре мавзолея – могила подтреугольной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. В завале – фрагменты сырцовых и обожженных кирпичей, остатки деревянных перекрытий (береза). В заполнении найден маленький фрагмент керамического навершия мавзолея с зеленой глазурью. Размеры ямы в нижней части: 2,25 х 0,8 х 1,0 м. Погребена женщина старческого возраста вытянуто на спине, головой на СЗ, лицом обращена вверх. Вторичное использование кирпича в кладке стен свидетельствует, что мавзолей был построен позже мавзолея № 1.

Мавзолей № 3 расположен в 80 м южнее центральных градообразующих площадок памятника (рис. 1). До раскопок имел вид холма размерами 21 х 16 м, высотой 1 м. Севернее его была исследована кирпичеобжигательная печь. Мавзолей вскрывался одним раскопом с печью, руины которой тоже имели вид холма и содержали вводные погребения (рис. 3).

Мавзолей № 3 почти ромбовидный в плане, ориентирован углами по странам света. Стены его скошены, углы не прямые. Внешние размеры мавзолея 9 х 8,5 м, внутренние 7 х 6,5 м. Стены мавзолея возведены из жженого кирпича на растворе из черного илистого грунта, без фундамента прямо на древней поверхности. Ширина сохранившихся стен от 1,02 до 1,06 м. Они сложены в четыре кирпича, в перевязку. Сохранились участки стен высотой в три-четыре кирпича и упавшие завалы кирпичей вдоль юго-восточной и северо-западной стен мавзолея (рис. 3, II). Кирпич квадратный стандарта 25 х 25 х 5 см, 26 х 25 х 5,5 см, 25,5 х 26 х 6 см.

Вход шириной 0,8 м зафиксирован в юго-западной стенке. В центре мавзолея находится основная могильная яма (№ 5), у южного угла – три вводные могильные ямы (№ 6–8). Основная могила ограблена. Над ней фиксировался холмик из битых кирпичей высотой 0,5 м, размерами 3х1,6 м. После разборки завала выявлена яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Яма имела размеры 2,25х1,1 м. Кладка кирпичного пола обрамляет могильную яму. В заполнении ямы куски обожженного и сырцового кирпича, перемешанный грунт и большое количество фрагментов алебастровой штукатурки. На некоторых из них сохранились следы растительного узора, выполненного синей, красной, светло-зеленой и желтой краской.

Погребальная камера имела вид склепа из сырцового кирпича. Длинные стороны склепа сближаясь, образовывали свод. Пол склепа был выстлан сырцовыми кирпичами толщиной 5 см. Глубина могильной ямы 1,3 м. В западном углу аккуратной кучкой сложены кости неполного скелета человека: кости предплечья, лопатки и несколько ребер. Возможно, из этой могилы были вынуты кости человека, зафиксированные в 5 м южнее входа. Могильная яма №5 имела кирпичное надгробие (тип Б1) по типологии мусульманских могил Улуса Джучи[1].

У южного угла мавзолея расчищены три могильные ямы, расположенные в ряд, ориентированные длинными сторонами СЗ-ЮВ. Одна (№ 6) содержала погребение ребенка, головой на СЗ. Могила № 7 в виде подбоя оказалась кенотафом, но заполнении ее входной ямы найдены ребро и лопатка овцы.

Могила № 8 самая поздняя, устроена прямо на входе в мавзолей. Размеры ямы 2,0х0,74х0,9 м. В заполнении встречаются фрагменты кирпичей. На дне под длинной северной стенкой погребение человека головой на СЗ, руки вдоль туловища. Кисти лежат ниже тазовых костей. Под череп человека подложен квадратный кирпич.

Интерес представляют фрагменты алебастровой штукатурки, найденной в заполнении и завале над центральным погребением № 5. Вероятно, штукатурка покрывала надгробие центральной могильной ямы. Рядом с ямой найдены мелкие фрагменты поливных пиал, украшенные растительным орнаментом, нанесенным коричневой и зеленой глазурью, и фрагменты керамического навершия мавзолея с зеленой поливой.

Мавзолей № 4 исследован не полностью. Расположен на западном валу северного квартала. Представлял собой холм овальной формы размерами 15 х 10 м, высотой 0,5 м. Раскопана северная половина холма, обнаружены 4 могильные ямы. Три из них ориентированы широтно, одна – по линии С-Ю. Мавзолей имел прямоугольную форму, ориентирован сторонами по странам света. Длина северной стенки 5 м. Расчищенная длина западной стенки около 6 м. Мавзолей построен на задернованной поверхности вала. Выбранное место залито тонким слоем светлой глины и выложено сырцовыми кирпичами. Высота и конструкция стен не установлены. Пол мавзолея находится на глубине 0,4 см от верха. Могильные ямы мавзолея впущены в вал городища.

[1] Васильев Д. В. Указ.соч. С. 72

Мавзолей был построен либо для ямы (№ 1) с сырцовым склепом в придонной части, либо для ямы (№ 4), ориентированной по линии север-юг. Две другие ямы (№ 2, 3) сделаны позднее, они разрушили кладку пола мавзолея. Их описания не приводятся.

Яма №1 ориентирована по линии З-В, заполнена чистой глиной, имела сверху надгробие из сырцовых кирпичей. Дно ямы находится в 1,4 м от верха. Размеры ямы 2,25 х 1,0 м. Дно выстлано продольно лежащими досками. На них из разноформатных кирпичей сделана обкладка стен. В кладке высотой 0,5 м насчитывается 6 слоев кирпичей. Нижний ряд продольных стенок составлен из кирпичей 38 х 25 х 8 см, выше идут кирпичи размерами 36 х 25 х 6 см. Торцовые стенки погребальной камеры построены из кирпичей размерами 25 х 20 х 15 см. Кирпичи скреплены желтым глиняным раствором. Сверху кирпичная кладка имела перекрытие из кирпичей, положенных в «елочку» (тип А2-4а)[1]. Часть их обрушилась и сместилась. На дне погребальной камеры расчищен скелет человека, вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на запад, лицом на юг.

Яма 4 расположена западнее параллельного ряда ям, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Сверху яма на уровне пола мавзолея была перекрыта горизонтальной кладкой сырцовых кирпичей. Часть их обвалилась внутрь заполнения. На дне (1,4 м) яма имеет размеры 2,0 х 0,7 м. В центре ее на тонкой деревянной подстилке расчищен скелет человека головой на север, руки вытянуты вдоль туловища. Над погребением в 0,5 м выше дна фиксируются остатки перекрытия сырцовыми кирпичами и блоками (тип А2-2б)[2], среди них найден один целый обожженный кирпич. Погребение сопровождено ритуальной пищей. У северо-восточного угла положен череп лошади, мордой на север. У правого предплечья найден фрагмент нижней челюсти крупного животного, часть от него оказалась между ног. Сверху на костях стопы и голени лежит череп лошади без нижней челюсти. Таким образом, погребение № 4 ориентировано головой на север и сопровождалось двумя черепами лошадей.

Мавзолей № 5 расположен на юго-западном углу вала южного квартала (рис. 1). До раскопок имел вид кургана диаметром 15 м, высотой 1 м. На его поверхности была глубокая воронка, из которой торчал железный штырь – стержень тригонометрического пункта. Могильная яма и центр мавзолея были уничтожены экскаватором.

Мавзолей квадратный в плане, «портальная» стена его сориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Стены мавзолея сложены из черного (илистого) сырцового кирпича на светло – глиняном растворе. Размеры кирпичей: 40–48 х 24–26 см; 38–44 х 22–28 см.

Длина и толщина стен неодинаковая: северная: 6,65 х 1,2 м; западная – 6,2 х 1,2 м; восточная – 6,1 х 1,1 м; южная 6,6 х 0,9 м. Внутренние размеры мавзолея 4,5 х 4,3 м. На участках стен прослежены следы светлой глиняной штукатурки. Пол мавзолея покрыт толстым известковым (алебастровым?) слоем. Вход шириной 0,8 м находится в середине южной стенки. Площадка перед входом 3 х 1 м покрыта белым алебастром. С юга, где начиналось понижение склона вала, послойно подсыпан гумус и глина, на который наклонно поставлены на ложок кирпичи, скрепленные глиняным раствором.

В итоге строительных мер перед входом с южной стороны мавзолея образовалась площадка дугообразной формы, выложенная параллельными рядами кирпичей. Кладка кирпичей комбинированная, есть ряды, положенные плашмя, и ряды из наклонно поставленных кирпичей. Размеры площадки по осям 7,5 х 2,5 м. При зачистке на пространстве шириной 2,5 м перед южной стенкой мавзолея насчитывается до 7–10 рядов кирпичной вымостки. Таким образом, уклон вала и входная часть были дополнительно закреплены.

Мавзолеи городища Бозок относятся к типу однокамерных, квадратных в плане. Стены воздвигнуты без фундамента, толщина стен 0,8–1,2 м. Стены четырех мавзолеев (кроме первого) неровные, разметка их сделана «на глазок». Мавзолеи построены из жженого и сырцового кирпича. Вход с южной стороны. Какие-либо данные по высоте и конструкции перекрытия – не сохранились. Можно утверждать, что перекрытия кирпичных мавзолеев были увенчаны керамическими навершиями – куббами, покрытыми темно-зеленой и ярко-синей глазурью. Куббы по форме были двухступенчатые, шарообразные. Нижняя часть имела диаметр 16 см, толщину стенок 1,5 см (рис.2, *9*). Для обжига кирпичей первого и третьего мавзолея рядом были построены кирпичеобжигательные печи. Следовательно, кирпичи, кубба и полива изготовлялись из местного сырья. В печах, и в заполнении рвов встречаются куски слюды, которая была необходима при изготовлении глазури.

Наиболее нарядным, судя по находкам резных кирпичей, был мавзолей № 1. Его дата (конец XIII – первая половина XIV в.) устанавливается по находкам железных плоских наконечников стрел и стандарту кирпича, характерному для золотоордынских мавзолеев. Он выделяется тщательностью

[1] Васильев Д. В. Указ. соч. С. 77.
[2] Там же.

строительства, украшен резными кирпичами. Возможно, изначально этот мавзолей имел узкий портал с двумя полуколоннами. Об этом свидетельствуют находки лекальных кирпичей с закругленной стороной. Ради этого мавзолея, видимо, было достроено и поднято в высоту межквартальное пространство. Для обжига кирпичей была построена печь. Все это наводит на мысль о принадлежности мавзолея особой личности, сыгравшей значительную роль в распространении ислама в Нура-Ишимском регионе. Непонятно варварское отношение к останкам погребенного в мавзолее человека. Кости его были раздроблены, даже пожжены и выкинуты из могилы. На его месте захоронен ребенок, но тоже с вещами: с игральными альчиками. Такая же участь постигла основное погребение мавзолея № 3. Скелет человека был выброшен из склепа.

К XIII–XIV вв. следует отнести мавзолей № 3, в могильной яме которого была, видима, поливная пиала. Фрагменты ее найдены рядом среди кирпичей пола.

На городище представлены все типы надмогильных конструкций, которые характерны для городских некрополей золотоордынского времени. Распространение мавзолеев и мусульманизация населения в степной зоне относится по данным Южного Приуралья ко второй половине XIV в[1]. При анализе многочисленной выборки курганных погребений развитого средневековья по деталям обряда были выделены языческие и мусульманские погребения. Все исследователи обращают внимание на то, что строгое следование требованиям ислама в погребальной практике населения Улуса Джучи не наблюдается. Отступления касаются таких правил канонического мусульманского обряда как погребение без одежды и вещей, обращение лицом в сторону Мекки (кыблы) с поворотом туловища на правый бок. Даже в крупных мусульманских центрах Средней Азии в мавзолейных склепах встречаются сосуды[2]. На городских некрополях Золотой Орды в мавзолеях исследованы погребения людей в одежде, с предметами вооружения и украшения.

Исключением не являются мавзолеи городища Бозок. В двух кирпичных мавзолеях (№ 1, 3) центральные могилы сопровождались вещами: наконечники стрел, поливные пиалы.

На основании типов наконечников стрел и планировки надмогильных конструкций на центральной площадке, можно высказать осторожное мнение, что эта часть памятника стала обустраиваться под культовые сооружения в конце XIII – начале XIV в. Такая дата косвенно обосновывается тем, что использование руин городища Бозок под культово-мемориальный комплекс продолжалось в течение всего XIV в.

А.Г. Юрченко
(г. Санкт-Петербург)

ОБРАЗ ХАНА ДЖАНИБЕКА В КАТАЛОНСКОМ АТЛАСЕ 1375 г. (ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛОВ ВЛАСТИ)

Каталонский атлас 1375 г. является единственной средневековой картой мира, на которой изображена Монгольская империя[3]. На карте различимы все четыре монгольских улуса: Улус Джучи, Ильханат, Чагатайский улус и империя Юань. Каждый улус представлен фигурой правителя: в Китае – Хубилай (1271–1294), в Улусе Джучи – Джанибек (1342–1357), в Чагатайском улусе – Кебек (1318–1326), а фигура ильхана анонимна, хотя и сказано, что он правитель Тебриза. Территории монгольских улусов обозначены городами, над которыми реют флаги с «геральдическими» знаками правящих династий. На флаге Джанибека – стилизованная тамга Джучидов, ильханский флаг – красный квадрат на желтом фоне, флаг чагатаев – золотой квадрат на белом фоне, и, наконец, флаг Хубилая: три красных полумесяца на коричневом фоне. Этот срез информации давно привлекает к себе внимание историков[4]. В отличие от монгольских флагов с воображаемыми знаками, флаги средиземноморских и малоазийских государственных образований поддаются идентификации[5].

---

[1] Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. С. 24–25.

[2] Немцева Н. Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда // СА. 1981. № 4. С. 133–134.

[3] Юрченко А. Г. Монгольская империя на Каталонском атласе 1375 г. // Mongolica–VIII : сб. ст. СПб., 2008. С. 50–60.

[4] Мартынюк А. В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века // Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XIV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. М., 2008. С. 79–82.

[5] Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XIV в. М., 2007 (приложения. Таблица флагов I, II).

С Каталонским атласом 1375 г. как уникальным историческим источником связано множество загадок. Есть ли у нас путь к их разгадке? По сей день отсутствует общепризнанный словарь знаков, а миниатюры атласа рассматриваются как малосодержательные декоративные элементы. При такой установке никогда не будет найден ключ к композиции атласа. Собственно, композицию никто и не видит, все занимаются частностями, например, одни исследователи ищут город Башкорт[1], другие – армянский монастырь на Иссык-Куле[2], игнорируя остальные части карты мира. Иными словами, Каталонский атлас усилиями историков и археологов дефрагментирован. На деле это означает отрицание какого-либо замысла у создателя атласа, картографа Абрахама Креска (1325–1387).

Заявив тему «Образ хана Джанибека в Каталонском атласе», я тоже займусь частными вопросами. Остаются неразъясненными символы власти монгольских правителей: скипетры, короны, троны и «подушки власти», а также золотой шар в руках Джанибека. В монгольском имперском церемониале ни скипетров, ни корон не было[3], равно, как не было и золотых шаров. Возникает вопрос, с какой целью картограф Абрахам Креск наделяет монгольских ханов этими атрибутами власти; и, второе, каково их происхождение.

Для ответа на эти вопросы требуется панорамный обзор всего Каталонского атласа, чьи размеры составляют 300 на 65 см. Из обзора, предпринятого мною ранее, следует, что признать атлас картой мира можно лишь условно[4]. Я предлагаю рассматривать атлас по форме как космографический трактат, посвященный теме торгового и символического обмена между Западом и Востоком, а по содержанию как футурологический прогноз, связанный с волнами чумных пандемий 1348–1351, 1360–1362, 1366–1369, 1374–1375 гг.

Каталонский атлас имеет трехчастную структуру, которая повторяет структуру средневековых всемирных хроник: в ведении говорится о сотворении мира, затем следует изображение земной поверхности – стран, провинций, городов, морей, островов; далее, на востоке, за непроницаемой горной грядой спрятано царство Гога и Магога. Завершающая часть атласа представляет символическую географию, на которой лежит печать эсхатологии.

В географическом плане Каталонский атлас охватывает пространство от акватории Средиземного моря до Китая. Семнадцать коронованных особ структурируют отдельные сегменты космографического ландшафта. В Эфиопии расположено христианское царство легендарного пресвитера Иоанна, и оно граничит с владениями мамлюкского султана, восточное побережье Индии принадлежит загадочному христианскому правителю Стефану, а остров Ява – воинственной царице. Три царя-волхва странствуют по стране под названием Тарсия (TARSSIA). Попытка разделить всех коронованных персонажей на две группы по критерию «реальные» / «легендарные» лишь затемнит суть проблемы. Здесь нет истории, здесь царит метаистория. Фигура великого хана Хубилая такой же символ, как и царица Савская или Александр Македонский. Пространство мира и время истории неоднородны, что и позволяет картографу моделировать сразу несколько параллельных сценариев. Один из таких сценариев связан с золотым шаром, который держат в своих руках шесть правителей.

Особый взгляд на миниатюры Каталонского атласа 1375 г. изложен в статье немецкой арабистки Сони Брентис. Ее занимает вопрос о визуализации образов трех азиатских правителей: золотоордынского хана Джанибека, султана Рума (*Turchia*) и анонимного правителя Тебриза (*rey dal Tauris*), в котором она видит представителя династии Джалаиридов Увайса ибн Хасан Бузурга. С. Брентис полагает, что картограф располагал сведениями о костюме, коронах, прическах, бородах, а также тронах и подушках названных персонажей. Все перечисленные детали, включая манеру сидения, встречаются, по ее мнению, на миниатюрах, а также на монетах, керамике, стеклянных и металличе-

[1] Мажитов Н. А., Султанова А. Н., Сунгатов Ф. А. Средневековый город Башкорт // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2007. № 1.

[2] Кляйн В. География религий Средней Азии: между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 319–331.

[3] На некоторых персидских миниатюрах монгольского времени ильханы изображены в трехчастных коронах. По мнению М.Г. Крамаровского, «эта фантазийная деталь скорее маркировала уровень комплиментарности, подчеркивая воображаемую царственность», см.: Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. С. 32. Что касается корон на головах восточных правителей, представленных в Каталонском атласе, то они типологически сопоставимы с коронами царственных особ в иллюстрациях «Книги сокровищ» Брунетто Латини, см.: Li Livres dou Tresor Brunetto Latini. Barselona, 2000. (Faksimile).

[4] Юрченко А. Г. Каталонский атлас 1375 г.: коды и символы // Степи Европы в эпоху средневековья : сб. науч. работ. Донецк, 2010. Т. 8.

ских изделиях, предметах из слоновой кости предшествующих исламских династий[1]. Иными словами, визуальные образы Каталонского атласа заданы исламской иконографией. И хотя С. Брентис отмечает анахронизм фигуры Джанибека (1342–1357) на атласе 1375 г., объяснение этому обстоятельству она не дает. С позиции иконографии единичного персонажа загадку Джанибека не раскрыть. Вопрос о золотом шаре С. Брентис не рассматривает.

Если возвратиться к политической географии мира XIV в., то следует напомнить рассказ марокканского путешественника Ибн Баттуты (1304–1368). Ибн Баттута причисляет правителя Улуса Джучи, хана Узбека, к семи великим царям мира. Шестеро из этих царей (вернее, титулованных особ: султан Египта; султан обоих Ираков; султан земель Туркестана и Мавараннахра; султан Индии и султан Китая[2]) изображены на Каталонском атласе 1375 г. Это говорит о совпадении угла зрения и ментальных установок мусульман Северной Африки и каталонских картографов, чем и объясняется перекличка сведений об азиатском сегменте мира.

Каталонский атлас был создан в 1375 г., но отражает реальность первой половины XIV в. Отдавал ли себе отчет Абрахам Креск в хронологической неувязке фигур великого хана Хубилая (1271–1294) и Джанибека (1342–1357)? Определенно, да. Работая над картой, Абрахам Креск пользовался трактатом армянского принца Гайтона, где, в частности, сообщалось, что после смерти Хубилая на трон взошел его внук Тимур-каан (1295–1307): «Le grant empereor des Tartars, celui qui ores tient la seignorie, est nomes Tamor Can, e est le VI empereor»[3]. В таком случае одновременное изображение Хубилая и Джанибека выглядит антиисторично. Разумеется, так оно и есть, если полагать, что картограф создавал исторический атлас. Но упрек в антиисторичности снимается, поскольку в композиции атласа закодирован футурологический прогноз, где фигуры реальных правителей являются элементами послания. Как уже сказано, послание зашифровано в символических композициях. Оно выглядит как предупреждение, связанное с пандемией чумы 1348 г. Вот что напрямую соединило Китай и Европу. Какие основания есть для этой гипотезы?

На пятой панели атласа изображен большой торговый караван. В надписи к нему уточняется: «Этот караван принадлежит правителю Сарая и направляется в *Catayo*». Столица – город Сарай (Дворец) – обозначен графическим символом восточного города в низовьях Волги, над ним флаг с тамгой – (. Имя правителя Сарая также указано на карте, это – *Jambech* (Джанибек, хан Улуса Джучи). Он изображен в тюрбане, с жезлом, увенчаным пятилистником, и золотым шаром в руках, восседающим на подушке; подчеркиваю, на подушке, а не на ковре, как утверждается в большинстве публикаций; в персидских источниках есть устойчивое выражение: «подушка царствования»[4]. Тюрбан – любопытная подробность, указывающая на надежный характер источников картографа и интерес именно к персоне Джанибека. Информаторы картографа не уступают по уровню осведомленности египетским дипломатам, имевшим агентурную сеть в Золотой Орде. В летописной биографии египетского султана ал-Малик ан-Насира Мухаммада имеется рассказ о том, как Джанибек захватил власть и ввел новую моду: «Стал править государством единодержавно, повелел всем татарам (или старшинам?) надеть чалмы и ферязи и приказал не возить (более) рабов в Египет»[5]. Нововведение Джанибека и изображено на карте. Чалма также у мамлюкского султана, правителя Египта, и мусульманских царей Нубии и Органы.

Джанибек изображен босым, что зачастую ставило исследователей в тупик. Чуть ниже мы разъясним эту загадку, но сначала приведу мнение, которое разделяют многие. И.К. Фоменко полагает, что иллюстрации в атласе уточняют сведения о политической ситуации в регионе, а также служат декоративным элементом. «На Каталонском атласе 1375 г. имеется множество различных легендарных и полулегендарных царей и цариц, а реальный «Император» Джанибек (1341–1357) изображен на левобережье Волги, между городами Сарай и Адитархан (Хаджитархан/Астрахань), держа в правой руке скипетр, а в левой – державу, рядом присутствует легенда, в которой указаны границы Золотой Орды (подкрепленные на карте векселографией с Батыевой тамгой): «Вот император северной

[1] Brentjes Sonja. Revisiting Catalan Portolan Charts: Do They Contain Elements of Asian Provenance? // The Journey of Maps and Images on the Silk Road / ed. Ph. Forêt, A. Kaplony. Leiden – Boston, 2008. P. 194–196.

[2] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном (переработанное и дополненное издание). Алматы, 2005. С. 217 (История Казахстана в арабских источниках. Т. I).

[3] Hetoum, Prince. La Flor des estoires d'Orient / Flos historiarum terre orientis // Recueil des Historiens des Croisades: documents arméniens. 1906. Vol. 2, кн. III. 46.

[4] Султанов Т. И. Чингис-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 85.

[5] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном (переработанное и дополненное издание). Алматы, 2005. С. 193–194.

области. Империя этого правителя начинается в провинции Бургария (Болгария) и простирается до города Органцио (Ургенч). Правитель именуется Джанибек, и он является властителем Сарая». <…> В отличие от «Царя Тавриза», не имеющего в руках никаких инсигний власти, «Император Джанибек», восседающий на более роскошном ковре с золотыми кистями, в зеленом с золотом халате и увенчаный высоким белым тюрбаном (почему-то босой), в правой руке держит скипетр, а в левой державу»[1].

В данном случае, босоногость означает приверженность Джанибека суфийским ценностям и демонстрирует смирение на пути к Аллаху. Поразительно выглядит чувствительность европейских наблюдателей к такого рода политическим декларациям монгольских ханов. Знаком почетной мусульманской одежды является декорирующая рукав лента (*tiraz*) желтого цвета. Она также украшает рукава одежды султанов Тебриза, Египта и Рума. Круглый предмет в левой руке Джанибека вовсе не держава. Золотой шар символизирует богатство. Золотой шар держат в руках еще пять персонажей, причем все они располагаются вдоль южной границы атласа. Первый – это султан Муса (1200–1218), царь Мали, властелин Страны золота, далее следует легендарная царица Савская, за ней – правитель Южной Индии, царица острова Ява и правитель Цейлона. Географически это Северная Африка, Аравия, Индия и острова Южных морей. Реальное и воображаемое золото мира находилось в этих областях. Однако для европейцев прямые пути в Индию были закрыты. Пять фигур маркируют вожделенные входы в недоступные зоны. Шестая фигура, хан Джанибек, открыл европейским купцам путь к богатствам Китая, но мы знаем, чем закончился этот кратковременный расцвет континентальной торговли. При Джанибеке в 1348 г. в Европу пришла чума.

На каких основаниях названные пять фигур связаны с темой золота? Что касается султана Мусы, то ходили слухи о его поразительной щедрости во время паломничества, ибо он выступил из своей страны с сотней грузов золота. Египетский чиновник и ученый ал-Умари (ок. 1298–1349), автор обширной энциклопедии «Пути обозрения государств с крупными городами», передает рассказ Ибн Амир Хаджиба, который лично встречался с Мусой. Речь зашла о золотоносных землях, неподвластных султану, ибо «правители этого царства на опыте убедились, что стоило одному из них завоевать какой-нибудь город золота, утвердить там ислам, учредить проповедь веры и призыв к молитве, как сбор золота в ней неизменно уменьшался и сходил на нет, прибывая и увеличиваясь в то же время в соседних странах неверных. Когда это подтвердилось на деле, они оставили страну золота в руках [ее неверных жителей] и удовольствовались подчинением их своей власти и податью, определенной им в золоте». Собеседника интересовало как родится золото и как оно попадает в руки султана. «Ибн Амир Хаджиб сказал: “Султан Муса рассказывал мне, что золото принадлежит исключительно ему и его собирают и взыскивают в его пользу как [царскую] собственность, кроме того, что удастся уворовать жителям этой страны”. Я же приведу слова ал-Дуккали, что он получает только [то, что присылается ему в уплату] дани и что удается приобрести у них путем торговли, потому что у него в стране [золота] совсем нет. Это сообщение ал-Дуккали достовернее. Ибн Амир Хаджиб говорил: стяг этого султана – желтое на красном поле. Когда он едет верхом, над ним развеваются флаги – огромные знамена»[2].

Золотым шаром играет правитель Южной Индии. Рашид-ад-дину[3], везиру ильханов, и Марко Поло было известно, что только в Индии золото было товаром. Марко Поло перечисляет привозные товары индийских портов Маабара, среди которых фигурирует золото. «Купцы из других стран привозят сюда и покупают тут вот что: привозят они на судах медь; ею они грузят свои суда; привозят золотые ткани и шелковые, сандал, золото, серебро, гвоздику и такие пряности, каких тут нет, и все это выменивают на здешние товары. Из многих стран приходят суда и из большой области Манги, отсюда везут товары по разным странам, а потом и в Александрию»[4]. Золото везли и в Тхану, гавань в царстве Гуджарат: «Купцы привозят на судах золото, серебро, медь и другие товары, что нужны в этом царстве, а отсюда везут только такое, от чего ждут прибыли и выгод»[5]. Золото везли также в Камбей. Других городов-портов, где золото названо товаром, в книге Марко Поло нет. Абрахам Креск внимательно читал книгу Марко Поло. Использовал картограф и донесение францисканца Одорика де Пор-

[1] Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XIV в. М., 2007. С. 139.
[2] Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / пер. с араб. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева, М. А. Толмачевой при участии Н. А. Добронравина. М., 2002. Т. 4. С. 466, 472–473.
[3] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса; под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М. – Л., 1946. С. 279.
[4] Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 197.
[5] Там же. С. 198.

деноне, совершившего путешествие в Китай в 1324–1326 гг. По сведениям Одорика, у правителя острова Явы удивительный дворец: лестница, стены и крыша дворца покрыты золотыми пластинами[1].

Стоит обратить внимание и на иконографию фигур правителей с шарами. Султан Муса, сидя на троне, держит шар в вытянутой руке и словно любуется им. Царица Савская также внимательно рассматривает шар. Правитель Южной Индии сидит в свободной позе и держит шар двумя руками. Шар в руке царя Цейлона наполовину заслонен другой рукой. Так с инсигниями не обращаются. Начинает же парад золотых шаров фигура отнюдь не царственная. Слухи о «Золотой реке» у берегов Западной Африки побудили морского капитана Жакме Феррера отправиться в путь 10 августа 1346 г. Экспедиция пропала без вести. Феррер был другом Абрахама Креска, поэтому корабль Феррера изображен на карте[2]. В политической географии каталонского картографа доминирует тема золота.

Вернемся к фигуре Джанибека на Каталонском атласе. Насколько верно наблюдение о том, что на флаге Джанибека представлена тамга дома Бату? Этим вопросом занимался А.В. Мартынюк и пришел к следующему заключению: «Флаг Золотой Орды несет на себе изображение «гребенчатой тамги» (*tarak tamga*) Джучидов, хорошо известной по материалам нумизматики и сфрагистики. На рассматриваемой карте тамга изображена в виде двузубца с ножкой и дополнительным символом: (, цвет тамги черный на темно-сером фоне. Эта форма наиболее близка ордынским монетам первой половины XIV века, времени правления ханов Токты и Узбека. Следует отметить, что изображения тамги на монетах Джанибека не известны, таким образом, есть основания полагать, что данное изображение является единственным изображением личной тамги хана Джанибека»[3]. На мой взгляд, таких оснований нет. Аналогичная тамга на флагах Улуса Джучи появляется значительно раньше. Так, например, она сопровождает фигуру хана Узбека, отца Джанибека, на портолане Ангелино Дульцерта (1339). Настоящая тамга Узбека хорошо известна по монетам этого хана: у двузубца ножка направлена внутрь. Тамгу Джучидов на Каталонском атласе следует признать ошибкой. На фоне активных дипломатических и торговых контактов генуэзцев и венецианцев с чиновниками Улуса Джучи объяснить появление ошибочной ханской тамги трудно.

Считать ли нам рисунок каравана Джанибека украшением атласа, как то полагает А.В. Мартынюк[4], или вслед за С. Брентис[5] поразмышлять о раскраске лошадей, а изображение верблюдов сопоставить с известными миниатюрами к «Макамам» ал-Харири? Если это декорация, то зачем ее сопровождает пространная цитата из книги Марко Поло, где говорится не о торговле, а о наваждениях, преследующих путников в пустыне Гоби? Присмотревшись к рисунку, увидим, что один из всадников уснул. Это отсылка к рассказу Марко Поло: «Случится кому отстать от товарищей поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, заслышит от говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так там он и погибает»[6]. Торговый караван – визуальный знак, указывающий на фатальное приближение к пограничному и тревожному рубежу. Как выглядит эта ситуация в более широком контексте?

Изображение торгового каравана, следующего из Сарая, столичного города Золотой Орды, в Китай, строго симметрично изображению трех волхвов-всадников на этой же панели. Картину усложняет фигура царя Гогов и Магогов. На карте это третий всадник в короне и за ним движется войско Судного дня. Кажется очевидным, что картографа занимала не наивная евангельская легенда, – за царями-волхвами, в чьих руках находились все богатства Востока, он прозревает всадников Апокалипсиса. Итальянские банкиры, участники мировой торговли с Монгольской империей, знали, что пути, по которым к ним текли богатства, привели в Европу Черную смерть. Миниатюра с торговым караваном, идущим в Китай, вовсе не декорация, караваны – та сила, что открыла путь чуме. Нейтрализовать ее должна другая сила. И она изображена в атласе, это цари-волхвы. Напомню, что в композициях «Поклонение волхвов» эпохи Треченто волхвов сопровождают великолепные караваны с восточными сокровищами. В «Истории трех царей» немецкого доктора теологии Иоанна Хильдесхайм-

[1] Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007 (приложение: текст Одорика де Порденоне. Гл. XIII).

[2] Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 275–278.

[3] Мартынюк А. В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века // Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XIV веков : тр. Междунар. нумизматич. конф. Болгар, 2005; Волгоград, 2006; М., 2008. С. 80.

[4] Мартынюк А. В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды… С. 80.

[5] Brentjes Sonja. Revisiting Catalan Portolan Charts: Do They Contain Elements of Asian Provenance? // The Journey of Maps and Images on the Silk Road / Ed. Ph. Forêt, A. Kaplony. Leiden; Boston, 2008. P. 193–194.

[6] Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И. П. Минаева ; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 79–80.

ского (1310/20–1375) отдельная глава посвящена описанию этих сокровищ[1]. По наблюдению И. Пикаловой, «поклонение родившемуся Господу превращается в изящную, полную реальных подробностей сказку, прославляющую блеск придворного празднества. Костюмы волхвов и сопровождающей их свиты отличаются роскошью, они разодеты в парчу и бархат по придворной моде того времени, в то время как сам виновник торжества зачастую оказывается на втором плане. Подобной трактовке могли способствовать праздничные театрализованные шествия волхвов, которые регулярно проводились во Флоренции»[2]. Грандиозный праздник приношения даров призван был избавить от прошлого ужаса и страха грядущих катастроф. Потому-то праздничный сценарий поклонения новорожденному Царю Мира (младенцу Христу) и приобрел такую значимость и размах. В угоду вкусам финансовой элиты волхвы превратились в царей, поскольку в роли этих царей выступали представители этой самой элиты. Сверхзадача праздника заключалась в возобновлении мистического обмена и обретении высшего покровительства. На мой взгляд, это одна из ключевых тем Каталонского атласа.

Юрист из Пьяченцы, Габриэль де Мюсси, живший в Крыму в 1344–1346 гг., полагал, что чума была занесена в Италию из Каффы[3]. Так в Европе думали многие. Вспышка чумы в Улусе Джучи произошла при Джанибеке. Вот почему он изображен на атласе. Джанибек назван «императором северных областей». Торговый караван, направляющийся в Китай, представлен рядом с ханом не случайно. Верблюды с грузом и всадники символизируют «реальный обмен» и композиционно связаны с другим «караваном» – тремя волхвами, направляющимися на Запад. Волхвы, несущие восточные дары младенцу Иисусу, – участники мистического обмена, призванного защитить реальную торговлю от такого масштабного бедствия, каким стала эпидемия чумы. Связь волхвов с фигурой ильхана родилась из деклараций о покровительстве христианам со стороны монгольских правителей Персии. Отсутствие имени у ильхана говорит об утрате властных полномочий (у ильхана нет подушки власти). Со смертью ильхана Абу Са‘ида (1335) монгольское государство в Персии быстро распалось (между 1335 и 1353 гг.) на ряд мелких владений, правители которых ожесточенно враждовали друг с другом. Из вассалов монгольских ханов одним из первых обратился к халифу в Каире с просьбой об инвеституре и принес ему присягу Мубариз ад-дин Мухаммад (ум. 1359), основатель династии Музаффаридов в Южной Персии, эмир ильханов и муж монгольской царевны.

На воображаемой вертикальной линии, связывающей Джанибека и ильхана, в Аравии изображена царица Савская. Она восседает на троне с подушкой и держит в левой руке золотой шар (такой же шар в руке Джанибека). Согласно ветхозаветному преданию, легендарная царица Сабейского царства в Южной Аравии услышав о славе царя Соломона, пришла в Иерусалим испытать его загадками. Теперь же картограф задает загадку нам. В легендах агады государство царицы Савской – волшебная страна, где песок дороже золота и растут деревья из Эдемского сада. В пояснительной надписи на карте уточняется, что Счастливой Аравией некогда владела царица Савская. Теперь эта страна принадлежит сарацинам; там много благовоний, таких как ладан и мирра, а также золота, серебра и драгоценных камней; согласно молве, там обитает птица феникс[4].

Фигуры трех правителей (Джанибека, ильхана, царицы Савской) составляют вертикальную трехчастную композицию, причем истинные сокровища находятся отнюдь не в руках монголов. Путь

---

[1] Иоанн Хильдесхаймский. Легенда о трех святых царях / пер. с нем. А. Ярина. М., 1998. С. 71–77.

[2] Пикалова И. Образ королевского дара: поклонение волхвов в искусстве позднего Средневековья // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 449–450.

[3] Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007. С. 242.

[4] На Херефордской карте мира XIII в. феникс изображен между Египтом и Аравией. В надписи к рисунку птицы, не имеющей ничего общего с цаплей (священной птицей египтян) сообщается: Phenix avis: hec quingentis vivit annis; est autem unica avis in orbe ‘Птица феникс: живет пятьсот лет, поэтому она единственная в своем роде на свете’ (Miller K. Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1896. IV: Die Herefordkarte. S. 31). Автор Эбсторфской карты эту тему освещает более подробно, позаимствовав описание феникса у Исидора Севильского: «Название Аравия означает «святая», потому что эта земля родит фимиам и благовония. Ее же греки называют Eudemon, то есть Счастливой, так как в ее горных лесах произрастают мирра и корица. Здесь же родится птица феникс, пурпурового цвета, откуда и имя ее. Во всем мире она одна единственная и уникальная, потому что арабы называют все единственное «фениксом». Прожив пятьсот и более лет, она, видя, что стареет, собирает себе костер из благовонных кустарников и, повернувшись к солнечным лучам, взмахом крыльев взращивает себе пламя и добровольно сама себя сжигает, а потом, именно в девятый день, птица поднимается из пепла. Золото этой страны наилучшее» (Miller K. Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1896. V: Die Ebstorfkarte. S. 38). В иллюстрированной рукописи середины XIV в., в части, посвященной вымышленному кругосветному путешествию сэра Джона Мандевиля, Египет представлен тремя символами: фениксом на алтаре, кентавром и фигурой св. Антония, см.: Марко Поло. Книга чудес: Отрывок из «Книги чудес света» из Национальной библиотеки Франции (MS. fr. 2810) / Ст. Ф. Авриля. М., 2003. fol. 151r.

к подлинным богатствам ведет к портам Персидского залива и Индийского океана. Изображение двух морских многомачтовых судов под флагом ильханов способно разрушить наше построение. Это не арабские одномачтовые суда, сшитые при помощи растительных волокон. Это большие парусники, предназначенные для океанских плаваний; их описывает Марко Поло[1]. Вносит ясность в ситуацию надпись на карте около главного порта Персидского залива: «Этот город называется Ормуз. Здесь начинается Индия. Знаете, что в этот город прибывают суда, имеющие от восьми до десяти мачт и паруса, плетеные из тростника». Индия не подчинялась монголам, над ее портами реют флаги независимой династии. Ее правитель (*lo rey Delli*) сидит на красной подушке. Возможно, это туглукид Гийяс ад-Дин Мухаммад-шах II (1325–1351). В XIV в. запасы мирового золота были сосредоточены в Индии, чьи купцы контролировали торговлю гвоздикой с Молуккских островов и золотым песком, добываемым в Восточной Африке. В сухопутной торговле европейцев с Китаем (империей Юань) обмен шел исключительно на серебро.

Что позволяет настаивать на вертикальной композиции, не впадая в бред интерпретаций? Приведу два наблюдения. На портолане Ангелино Дульцерта (1339) представлены три аналогичные фигуры: хан Узбек (*Uzbeg*), ильхан Абу Са‘ид (*bon Sayt*) и царица Савская. Узбек сидит на троне с двойной подушкой, в правой руке он держит жезл, увенчанный лилией, а на его левой руке сокол. На двойной подушке сидит и царица Савская, в левой руке у нее такой же жезл с лилией, а золотого шара нет ни у кого из них. Очевидно, что Абрахам Креск использует известный набор символов, дополняя их новыми элементами. Так появляется шар, в котором я предлагаю видеть символ золота как богатства. Любопытно, что шара нет в руках Хубилая, хотя и утверждается, что это самый могущественный император в мире; нет шара и у царя Индии (*lo rey Delli*), согласно же глоссе, во владениях этого султана много золота и драгоценных камней, он распоряжается семьюстами слонами и ста тысячами всадников. В иконографии Каталонского атласа золотой шар в руках правителей не может быть признан символом державы.

Второе наблюдение – из области воображаемой реальности. Иоанн Хильдесхаймский озвучивает один из мифов, тревоживший воображение европейской элиты. Речь идет о символическом присвоении богатств Востока, некогда уже преподнесенных волхвами младенцу Иисусу. «А надлежит вам знать, и о том многажды было сказано, что сии три царя везли с собою, по царскому обычаю, всякие сокровища и богатые дары, дабы поднести их Господу; богатства же сии были те самые, что Александр, царь Македонский, сын царя Филиппа, оставил по себе в Халдее, Индии и Персии. И все богатства, привезенные царицей Савскою Соломону, и многоценные сосуды из царского дома и из храма Господня в Иерусалиме, вывезенные ее предками, когда халдеи и персы разрушили Иерусалим и окружные земли, и завещанные ей от родителей, а также и много других золотых и серебряных уборов, драгоценных камней и жемчуга – все сие трое царей собрали в своих царствах и владениях, дабы поднести Господу, и с торжеством свезли воедино»[2]. Топография этого мифа и его сценарий, а также все персонажи изображены на Каталонском атласе. Картограф не цитирует теолога, оба они разными средствами реализуют один и тот же миф о неисчезающем богатстве.

Иоанну Хильдесхаймскому известна и история золотого шара: «Золотое же яблоко, которое Мельхиор, царь Нубии и Аравии, поднес Христу вместе с золотыми монетами, прежде принадлежало великому царю Александру и величиной было не больше, чем можно охватить рукой, знаменовало же собою Землю; ибо Александр приказал отлить его из золотых монет, собранных со всего света, и носил его с собою повсюду; и как он силою покорил всю землю, так же держал он, обхватив, то яблоко в своей ладони. И оное яблоко, вместе с другими сокровищами, осталось в Индии, когда Александр покинул сей земной рай. Но всемогущий Бог, как ни умалил и как ни унизил себя до падшей человеческой природы, не имел нужды в дарах и жертвоприношениях сих царей, ибо по одному Его слову, Божественной премудростью Его и властью, был создан весь мир. И вот, оное золотое яблоко, по крупицам собранное со всего мира и отлитое, по гордыне, великим царем Александром, в мгновение ока стало пылью и прахом, обратившись в ничто. Что знаменуют собою дары сих трех царей, на разные лады толкуется во многих книгах. Но почему Мельхиор поднес Господу яблоко, о том ведут много споров, знают же не все. Толк же в том, что яблоко кругло, и сия округлость означает бесконечность, ибо не имея ни начала ни конца, она заключает в себе всю мировую сферу: высоту до небес и глубину земли до самой преисподней, молнией обегая все земные пределы. И с той поры, как родилась христианская вера на Востоке, пошел обычай, чтобы кесарям и царям держать в руке золотое

[1] Книга Марко Поло… С. 168–169.

[2] Иоанн Хильдесхаймский. Легенда о трех святых царях / пер. с нем. А. Ярина. М., 1998. С. 72.

яблоко, и так ведется по сей день»[1]. В комментарии переводчика сказано, что имеется в виду императорская регалия – держава (именовавшаяся в средние века также яблоком), символизирующая земной шар и отсюда – власть над миром. В Западной Европе держава являлась атрибутом только императоров. Французские короли, например, при коронации и на торжественных церемониях держали в правой руке скипетр – символ власти, а в левой – так называемую длань правосудия, жезл с навершием в виде ладони – символ справедливости[2].

В нашем случае, для разгадки тайны золотого шара в руках Джанибека и других пяти царей следует вернуться к первоначальной истории этого предмета. Согласно трактату Иоанна Хильдесхаймского, Александр приказал отлить яблоко из золотых монет, собранных со всего света. Золотое яблоко и держит в своих руках хан Джанибек. Признать его императором и главной фигурой среди четырех монгольских ханов, мешает то обстоятельство, что великий хан Хубилай изображен без шара. Нет шара и у Александра Великого.

Эту идею я изложил в докладе в декабре 2009 г. на форуме «Идель–Алтай» в Казани. Проф. Георги Атанасов в ходе дискуссии настаивал на том, что шар Джанибека – это держава, инсигния византийских императоров. В книге Г. Атанасова дана краткая история сферы (глобуса). Он различает четыре типа сфер: с Никой, с трилистником, с крестом и без изображений[3]. Само собой разумеется, сфера была широко известным символом власти, но вопрос в другом: что означает это предмет в системе знаков Каталонского атласа? Изъятый из контекста шар Джанибека можно трактовать как угодно, но оставаясь в контексте, следует признать, что в атласе шар означает обладание золотом, без претензий на власть над миром. И пять коронованных фигур тому порукой.

Подход, отвергающий композиции, является деструктивным. Исследования, где иллюстрации рассматриваются как коллекция чуждых друг другу элементов, демонстрируют, на мой взгляд, тупик. Вот простое доказательство существования композиций: фигура хана Джанибека в два раза больше фигуры султана Рума. Понятно, что картограф сравнивает эти фигуры, а их размеры говорят о статусе правителей. Атлас представляет более широкое поле для сравнений. Если Джанибек сидит на подушке, то Хубилай на троне, однако оба владеют жезлами, а у ильхана жезла нет, впрочем, у него нет и имени. Царь Гога и Магога в правой руке также держит жезл. Жезл увенчан лилией, что, видимо, копирует геральдический знак французских королей. Тем самым Абрахам Креск дает понять, что все три фигуры значимы, но фигура царя Гога и Магога возвышается над земными владыками. И вот почему. В XIV в. в Китае, Индии, Персии и Италии зонт считался инсигнией, знаком высокого положения персоны. На Каталонской карте 1375 г. ханы и султаны изображены без зонтов, за исключением царя Гога и Магога. В таком случае, зонт над головой этого царя выглядит крайне вызывающе. Предводитель войска, несущего гибель миру, предстает царем царей. На мой взгляд, здесь закодировано послание о призрачной власти монгольских ханов на фоне грядущей катастрофы. Не стоит сомневаться в наличии композиций, истинная задача заключается в раскрытии их смысла. Вся карта есть послание, текст, написанный языком символов.

Заключение. Каталонский атлас 1375 г. отражает представления о мире европейской интеллектуальной элиты. С позиции этой элиты показано место Улуса Джучи в мировом пространстве. В футурологическом аспекте Монгольская империя, и Улус Джучи, в частности, играют роковую роль. Джанибек – одна из фигур божественной мистерии. Правители и их символы власти не имеют отношения к обыденной реальности. Короны, скипетры, шары – это условные знаки. Их смысл раскрывается только в цельной композиции. Любая попытка вырвать предмет из контекста влечет смерть знака, то есть превращает символ в декорацию. Использование фрагментов атласа в тех или иных исследовательских целях означает манипулирование знаками, конструирование мертвых миров. Тогда как картограф пытался постичь причины катастрофы, изменившей весь порядок вещей.

[1] Иоанн Хильдесхаймский. Легенда о трех святых царях / пер. с нем. А. Ярина. М., 1998. С. 74–75.
[2] Там же. С. 220, прим. 6.
[3] Атанасов Г. Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999. С. 258.

Л.В. Яворская
(ВолГУ, г. Волгоград)

САМОСДЕЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД ПО ДАННЫМ АРХЕОЗООЛОГИИ[1]

Самосдельское городище, как объект археологического изучения, известно с 80-х гг. XX в. В монографии В.Л. Егорова о нем говорится как о поселении золотоордынского времени[2]. Археологическими исследованиями конца XX – начала XXI в., которые проводятся совместной археологической экспедицией Института этнологии и антропологии РАН и АГУ при финансировании в различные годы Российским Еврейским конгрессом, Российским фондом фундаментальных исследований, АГУ, было выяснено, что на памятнике имеются гораздо более мощные пласты, предшествующие золотоордынскому, и именно об этих пластах, по-преимуществу, и шла речь в публикациях и аналитических статьях о Самосдельском городище. В настоящий момент для данного памятника можно выделить три крупных периода функционирования: период хазарского времени (VIII–X вв.), период существования города Саксина (X–XII вв.), золотоордынский период (вт. пол. XIII – начало XIV в.). Основной «поставщик» артефактов с памятника до последнего времени – раскоп № 1, был заложен в такой ситуации и в такой точке городища, что слои золотоордынского времени оказались практически уничтоженными хозяйственной деятельностью XIX–XX вв. Потому, для получения детальной информации о функционировании города в золотоордынское время, не хватало материалов и именно поэтому стало важным провести планомерные и тщательные исследования на раскопе № 2, заложенном в 300 м от раскопа № 1 в 2006 г.

Археозоологические исследования проводятся мной на данном памятнике с 2005 г. и долгое время касались преимущественно упомянутого раскопа № 1. В 2006 г. удалось обработать небольшую в 2,5 тысячи фрагментов коллекцию с раскопа № 2, образовавшуюся в результате работ Астраханского ГНПУ «Наследие» (автор археологического отчета Т.Ю. Гречкина)[3]. В 2008–2010 гг. исследования на раскопе № 2 продолжились, была расширена его площадь. Образовалась коллекция костей животных из слоев золотоордынского периода функционирования города. На настоящий момент из раскопок 2006 и 2008 гг. исследована коллекция, насчитывающая свыше 6 тысяч фрагментов. Кроме этого уже проведено первичное исследование коллекции из работ 2009 г. на этом же раскопе также из слоев золотоордынского времени, но еще не проведена полная компьютерная обработка этого материала.

Археозоологическое исследование проводилось по методике, разработанной в лаборатории естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН. Естественная сохранность костных фрагментов на данном памятнике хорошая, 3–4 балла по пятибалльной шкале, что позволяет отмечать все следы искусственного воздействия. Изредка встречались отдельные фрагменты плохой сохранности, повергшиеся воздействию едкого вещества. Скорее всего, эти фрагменты подверглись воздействию соли из расположенных неподалеку хозяйственных объектов, связанных с рыбозасолочным промыслом XIX века. Но в целом тафономическое состояние фрагментов мало чем отличается от предшествующих коллекций из раскопа № 1 более ранних этапов существования города.

Искусственная раздробленность костных фрагментов из слоев золотоордынского времени составляет от 12 до 24 фрагментов на стандартную единицу объема (1 дм^3), что также не отличается от уже исследованных коллекций. Такие величины характеризуют «кухонную» раздробленность (от 10 до 70 фрагментов на стандартную единицу объема), причем невысокую. Итак, хорошая сохранность и низкая степень раздробленности делает исследуемую коллекцию золотоордынского времени сопоставимой с предшествующими коллекциями, характеризующими более ранние этапы истории города. Следует оговорить лишь один аспект. В полевых условиях не всегда возможно точно замерять объем небольших, до 100 фрагментов, комплексов. А именно из таких небольших комплексов и состояла большая часть археозоологической коллекции из золотоордынских слоев раскопа № 2. Поэтому точно выяснить степень раздробленности не представляется возможным. Но можно сравнить процент определимости коллекций. Для золотоордынского времени он составляет 83 %. Коллекция из работ 2006 г. на раскопе № 1 оказалась определимой на 91 %. То есть доля определимых фрагментов в коллекции золотоордынского времени снизилась. Скорее всего, это связано именно с повышением раздробленности костей, характерном для золотоордынского времени, что наблюдалось визуально еще при первичном разборе.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00304.
[2] Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.
[3] Яворская Л. В. Специфика мясного потребления жителей городища Самосделка в VIII–XIV вв. (по археозоологическим данным) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Азов, 2009.

Таблица 1

Таксономический состав коллекции золотоордынского периода

Таксоны	Кол-во фрагментов	%
КРС	895	20,9
МРС	2123	49,5
Лошадь	226	5,3
Свинья	2	0,05
Верблюд	54	1,3
Собака	54	1,3
Кошка	38	0,9
Птицы	16	0,4
Рыбы	880	20,5
Моллюск	2	0,05
Всего определимых	4290	83,3[1]
Неопределимые кости крупных млекопитающих	289	33,5[2]
Неопределимые кости средних млекопитающих	574	66,5
ВСЕГО	5153	

Из коллекций 2006 и 2008 гг. были отобраны лишь хорошо датированные комплексы, потому материалы первого штыка были почти полностью исключены из анализа, поскольку часть фрагментов попала в этот слой в результате современной культурно-хозяйственной деятельности. В результате исследуемая коллекция составила 5153 фрагмента.

Если сравнивать таксономическую структуру исследуемой коллекции золотоордынского времени с коллекциями более ранних этапов существования города[3], то следует признать некоторые изменения. В данной коллекции мы не наблюдаем остатков лисы и зайца – традиционных видов пушной добычи. Кроме этого, в таблице № 1 не отражены остатки таких видов как сайга и олень. В коллекции имеются фрагменты исключительно рогов этих животных со следами пиления. Эти фрагменты маркируют остатки производства изделий из рогов и включение их в таблицу видового состава, нецелесообразно. В остальном, таксономическая структура традиционна для памятника в целом.

Рассмотрим остеологические спектры для основных видов в сравнении с коллекциями предшествующих периодов.

Таблица 2

Остеологические спектры основных видов по периодам

Периоды	Хазарский (раскоп I, 2007)	Саксинский (раскоп I, 2006)	Золотоордынский (Раскоп II, 2006 и 2008)
Таксоны	%	%	%
КРС	12,6	11	20,9
МРС	69,3	63	49,5
Лошадь	1,3	4	5,3
Свинья	0	0	0,05
Верблюд	0,01	0,09	1,3
Собака	0,2	0,5	1,3
Кошка	0,08	0,14	0,9
Птицы	0,9	0,4	0,4
Рыбы	15,4	20,6	20,5
Другие	0,3	0,05	0
Всего	100,0	100,0	100,0
Всего определимых-фрагментов в коллекции (шт.)	11 671	14 787	4 290

Из таблицы 2 хорошо видно, что в золотоордынское время основным изменениям подверглись спектры МРС и КРС. Доля КРС существенно возрастает, а доля МРС заметно снижается. Отме-

[1] Процент определимых вычислен от общего количества фрагментов в коллекции.
[2] Процент в строках неопределимых костей млекопитающих вычислен от их суммы.
[3] Яворская Л. В. Специфика мясного потребления жителей городища Самосделка в VIII–XIV вв. (по археозоологическим данным) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Азов, 2009.

тим возросшие в общем спектре в золотоордынское время доли остатков лошади, собаки и кошки. Однако ниже мы покажем причину этого возрастания.

Важно отметить, что для данного памятника традиционно высокой остается доля рыбы в общем остеологическом спектре. В периоды Саксина и Золотой Орды она традиционно велика, достигая 20 %, что совершенно неудивительно для памятника, расположенного в дельте Волги. Определений костей рыб пока нет. Однако визуальные наблюдения показывают, что в коллекции представлены остатки крупных рыб – осетровых и придонных видов.

Остеологические спектры четырех основных мясных видов животных – КРС, лошади, МРС и верблюда, позволяют оценить вклад каждого из них в мясное потребление и отследить изменения в нем по периодам функционирования города. Выстроив соотношения доли каждого вида в остеологическом спектре, умножив долю на соответствующие коэффициенты (для КРС – 6, для лошади – 5,5, овца является эквивалентом – 1, для верблюда – 10) получаем абстрактные «мясные единицы», из которых также выстраиваем процентные соотношения всех видов в мясном потреблении – «спектр мясного потребления» (табл. 3).

Таблица 3

Остеологический спектр и спектр мясного потребления по периодам

Периоды / Таксоны	КРС	Лошадь	МРС	Верблюд
Остеологический спектр				
Хазарский период	15,1	1,6	83,3	0
Период Саксина	14,3	5,1	80,4	0,1
Период Золотой Орды	27,11	6,85	64,31	1,64
Спектр мясного потребления				
Хазарский период	49,6	4,7	45,6	0,1
Период Саксина	43,9	14,4	41,0	0,6
Период Золотой Орды	57,9	13,4	22,9	5,8

Из сведений таблицы 3 изменения в мясном потреблении по периодам очевидны: в золотоордынское время вырастает доля говядины, уменьшается доля баранины и растет доля верблюжатины. Поскольку в материальной культуре и в традициях домостроительства не прослеживается радикальной смены населения города, причины новых приоритетов в мясном потреблении следует искать в изменениях экологической обстановки и окружающего ландшафта. Из материалов памятника и исследований почвоведов понятно, что во второй половине XIII – первой трети XIV в. произошли изменения в режиме обводнения местности: город оказался подтопленным с нескольких сторон[1]. Территория его сократилась и, по-видимому, изменился режим содержания животных в округе, которая поставляла мясо горожанам. Возможно, что сокращение территорий выпаса овец в пойме привело к увеличению роли животных стойлового содержания – крупного рогатого скота и, кроме них, крупных мясных животных, таких как верблюд.

В соответствии с требованиями избранной нами методики археозоологического исследования были зафиксированы различные следы воздействия на костные фрагменты. Для материалов из штыков 2 и 3 характерно обычное «кухонное» дробление костей крупных и средних мясных домашних млекопитающих: расколы и порубы. Погрызов собак традиционно на данном памятнике фиксируется немного, их количество редко достигает 1 % в общем объеме коллекции. Следов воздействия огня и высокой температуры в материалах из штыка 2 и, частично, штыка 3, а также из заполнения ям и сооружений из раскопа № 2 на уровне 2 штыка немного – не выше 5 % от всей совокупности костей. При этом в ямах и заполнениях сооружений обгоревшие фрагменты практически не встречены. Некоторое их количество обнаруживается локально конгломератом в слое 3 штыка и именно за счет них доля фрагментов со следами воздействия огня возрастает до 5 %, а иначе фиксировалось бы не более 1 %, т.е. на уровне штыков 2 и 3 из работ 2006 и 2008 гг. на раскопе № 2 фиксируются преимущественно следы «кухонного» воздействия на костные фрагменты.

Совершенно иная картина вырисовывается на основании фиксации следов воздействия на кости при исследовании материалов из штыков 3 и 4 уже по всей площади раскопа № 2 на уровне 3 и 4 штыков. Доли таких следов воздействия как погрызы, дробление и разрубы костей в общем спектре совершенно не изменились. Принципиально меняется доля следов воздействия огня и высокой температуры. Эта доля на разных участках раскопа вырастает до трети (33 %), а иногда и до двух третей (64 %) от

[1] Бронникова М. А., Зазовская Э. П., Аржанцева И. А. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001, С. 43–48.

всей совокупности фрагментов! О следах «кухонного» воздействия говорить в этом случае не приходится. Цвет фрагментов преимущественно серый. Кости сгоревшие при высокой температуре черного и белого цветов почти не встречены. Серый цвет фрагментов наводит на мысль, что они испытали не воздействие открытого огня, то есть не горели, а скорее длительно находились в слое, где тлели остатки большого пожара, возможно, кости лежали под стенами сгоревших и завалившихся строений.

Гипотеза мощного пожара, которому подвергся исследуемый участок города, подтвердилась при разборе остеологических материалов из сооружения № 5 на уровне 3 и 4 штыков. В различных помещениях этого сооружения, помимо раздробленных костей мясных домашних животных были зафиксированы разрозненные части скелетов двух собак, одной взрослой кошки и одного котенка, трех лошадей (жеребца 6 лет, кобылы 5 лет и жеребенка, в возрасте около 6 месяцев), а также кости эмбриона лошади. Кости этих животных не несут на себе следов кухонного дробления, многие сохранились целыми. Все фрагменты подверглись воздействию высокой температуры – долго лежали под заваленными обгоревшими остатками стен сооружения № 5.

Этот пласт с явными следами пожара соответствует самому началу золотоордынского времени, то есть, скорее всего, пожаром отмечено взятие города монголами. Судя по состоянию фрагментов и археологическому контексту, домашние питомцы не сгорели, а, скорее всего, задохнулись от дыма пожара, полыхавшего в соседнем доме (сооружение № 27). Катастрофа наступила столь внезапно и была столь масштабна, что некому было выпустить животных из закрытых помещений сооружения № 5. Некому было впоследствии убрать трупы животных. Даже трупы людей убраны были не полностью – обнаружено несколько фрагментов длинных костей и обгоревшая нижняя челюсть взрослого человека. Через какое-то время остатки сооружения со всем содержимым задерновались, заросли травой и новые жильцы частично восстановили дом, используя руины прежнего. Все останки оказались погребены под полом нового строения. При разборе этого сооружения археологами в 2009 году были обнаружены остатки еще одного животного – осла. Скелет сохранился практически полностью и на этих костях не фиксируется воздействие огня и высокой температуры.

В исторических источниках имеется свидетельство монаха, оказавшегося на Нижней Волге с дипломатическими целями, – Г. Рубрука о взятии монголами города в дельте Волги. «При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор»[1]. Из сообщения следует, что окруженный водой город в дельте Волги, существовавший в домонгольское время и захваченный монголами, в 1254 году продолжал функционировать. Если довериться автору сообщения, остается строить страшные догадки о том, какому именно разорению подвергнулся город, который столь долго не мог быть захвачен. Напомню, что городище Самосдельское в средневековье имело островное расположение и было полностью окружено водой. Свидетельство об аланском и мусульманском населении в нем также не противоречит имеющимся данным о жителях Самосдельского городища в домонгольскую эпоху[2].

Если принять гипотезу военного нападения на город в начале золотоордынского периода становится объяснимым невысокий индекс раздробленности костных фрагментов в слоях городища этого времени – вследствие катастрофы в коллекции оказалось много целых костей. Ясно также, что повышение доли костей собак, кошек и лошадей в остеологических спектрах золотоордынского периода (табл. 2) также объяснимо для локального участка города, попавшего в зону археологического исследования. Это останки тех же животных, что погибли в момент разорения города за закрытыми дверями сооружения № 5.

Так археозоологическое исследование подвело нас к некоторым заключениям, пригодным для исследования исторического. Изучая последствия одномоментной катастрофы военного нападения на город, можно выявить видовой состав животных, которых содержали непосредственно в самом городе: домашние питомцы – кошки и собаки, также транспортные животные – взрослые лошади и их потомство. Известно также, что в поздние времена функционирования города в нем использовались ослы. Прежде нам не удавалось зафиксировать на Самосдельском городище остатков этого вида.

[1] Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. Перевод А. И. Малеина. Алматы, 1993. С. 164.

[2] Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. Население Нижнего Поволжья в хазарское время по материалам раскопок Самосдельского городища // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009. С. 103–105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВЕС – Археология Восточно-Европейских степей
АГМА – Астраханская государственная медицинская академия
АГОИАМЗ– Астраханский объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
АГУ – Астраханский государственный университет
АНИБ – Археологическое научно-исследовательское бюро
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АФ – Астраханский филиал
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ВАГС – Волгоградская академия государственной службы
ВГИ – Волжский гуманитарный институт
ВГПУ – Волгоградский государственный педагогический университет
ВГТУ – Волгоградский государственный технический университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ГАУК РО – Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИН – Геологический институт Российской академии наук
ДА – Донская археология
ДОКМ – Донецкий областной краеведческий музей
ЕНУ – Евразийский национальный университет
ЖМВД – Журнал министерства внутренних дел
ЗИРАО – Записки Императорского Русского археологического общества
ЗКО ЦИА – Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИМ РАН – Институт микробиологии им. С.Н. Виноградского Российской академии наук
ИФХБПП– Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской Академии наук
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук
КГУ – Казанский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КТИ – Камышинский технологический институт
КФ ИА – Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НАНУ – Национальная Академия наук Украины
НАО – Нижневолжское археологическое общество
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
НП – Некоммерческое партнерство
НТ КГПИ – Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОНТИ ПНЦ – Объединенное научно-техническое издательство Пущинского научного центра Российской Академии наук

ПГУ – Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова
РА – Российская археология
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РК – Республика Казахстан
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САГМУ – Самарская академия государственного и муниципального управления
СГУ – Саратовский государственный университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СтГУ – Ставропольский государственный университет
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАС – Уральское археологическое совещание
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЭКМ – Энгельсский краеведческий музей
ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской Академии наук
ЮФУ – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

СОДЕРЖАНИЕ

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ КАМНЯ

Горащук И.В. (г. Самара)
Модель организации охотничьего хозяйства мезолитических охотников в низовьях Волжского левобережья 3
Мерц В.К. (г. Павлодар)
К вопросу о происхождении позднемезолитических комплексов Северного Прикаспия и Северного Казахстана 8
Наумов И.Н. (г. Волгоград)
Периодизация памятников Нижнего Поволжья и Подонья от мезолита до эпохи ранней бронзы на основе радиоуглеродной хронологии 13
Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. (г. Ростов-на-Дону)
Ранний неолит Нижнего Дона и северо-восточного Приазовья – особенности развития 18
Юдин А.И. (г. Саратов)
Прикаспийская энеолитическая культура Нижнего Поволжья 19

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Александровский А.Л., Долгих А.В. (г. Москва)
Природная среда и процессы формирования культурного слоя 27
Александровская Е.И. (г. Москва)
Антропохимические методы реконструкции среды обитания древнего человека (на примере курганов южнорусских степей) 35
Балабанова М.А. (г. Волгоград)
Катакомбная культура Волго-Донского междуречья по антропологическим данным 42
Бардакова П.А. (г. Волгоград)
Классификация одной из категорий катакомбной керамики 50
Борисов А.В., Мимоход Р.А. (г. Москва)
Палеоэкологические условия и механизмы сложения лолинской культуры 54
Гольева А.А. (г. Москва), Хохлова О.С. (г. Пущино),
Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Обыденнова Г.Т. (г. Уфа)
Новые данные естественнонаучных исследований поселения бронзового века Мурадымово в Башкирии 60
Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С.,
Хомутова Т.Э., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н. (г. Пущино)
Динамика увлажненности климата в степях Нижнего Поволжья эпохи бронзы, раннего железа и Средневековья 65
Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н. (г. Пущино), Демкина Е.В. (г. Москва)
Биологическая активность палеопочв археологических памятников Нижнего Поволжья как показатель изменчивости природных условий за историческое время 72
Захариков А.П. (г. Саратов)
Поселение финала средней бронзы «Сухой Лог 1» в Обливском районе Ростовской области 78
Малов Н.М. (г. Саратов), Сергеева О.В. (г. Энгельс)
Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья 81
Марыксин Д. В., Крыгин А.П. (г. Уральск)
Новое погребение срубной культуры в Западном Казахстане 83
Панасюк Н.В. (г. Москва)
Погребальные наборы восточноманычской катакомбной культуры. Роль курильниц в обряде 86
Перерва Е.В. (г. Волгоград)
Население эпохи средней и поздней бронзы (по материалам могильников Перекопки) 91
Песочина Л.С. (г. Пущино)
Палеоэкологические условия в Волго-Донских степях эпохи бронзы, раннего железа и средневековья 97

Плеханова Л.Н.(г. Пущино)
Отражение древнего воздействия на ландшафты
в почвах неукрепленного поселения Лебяжье VI 101
Плеханова Л.Н. (г. Пущино), Рафикова Я.В. (г. Уфа)
Морфологические исследования палеопочв поселения Ново-Байрамгуловское (Бакшай)
на территории Башкирского Зауралья 104
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (г. Донецк)
Погребение срубной культуры из Комсомольского (Астраханская область):
некоторые аспекты осмысления 107
Рогудеев В.В. (г. Ростов-на-Дону)
Происхождение и распространение колесничества в южнорусских степях 116
Файферт А.В. (г. Ростов-на-Дону)
Происхождение и исчезновение курганных комплексов
ямной культуры эпохи бронзы (по материалам Нижнего Подонья) 121
Федосов М.Ю. (г. Волгоград)
Соотношение среднедонской катакомбной культуры
и криволукской культурной группы 123
Харламов А.В. (г. Волгоград)
Памятники манычского круга в Волго-Донском междуречье 126
Цыбрий Т.В. (г. Ростов-на-Дону)
Комплекс сооружений эпохи поздней бронзы
поселения Ягодинка 2 на Нижнем Дону 133

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В РАННЕМ ЖЕЗЕЗНОМ ВЕКЕ

Глебов В.П. (г. Ростов-на-Дону)
Курильницы раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. 136
Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. (г. Алматы)
Параллели в искусстве населения Волжско-Уральских степей
и Горного Алтая в скифо-сарматское время 142
Ильюков Л.С. (г. Ростов-на-Дону)
Тайник из курганного могильника «Сазонкин бугор» 144
Клепиков В.М., Моисеев В.И. (г. Волгоград)
Погребения раннесарматского времени Донского Левобережья 145
Кокуркина О.В. (г. Волгоград)
Диагональный обряд погребения кочевников Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. 153
Краева Л.А. (г. Оренбург)
Гончарная технология ранних кочевников Южного Приуралья в VI–V вв. до н.э. 162
Кривошеев М.В. (г. Волгоград)
Кинжалы с перекрестиями из позднесарматских погребений 170
Лукпанова Я.А. (г. Уральск)
Погребение прохоровской культуры у с. Майтубек 174
Мамонтов В.И. (г. Волгоград)
Нестандартные погребальные обряды сарматов 179
Парусимов И.Н. (г. Ростов-на-Дону)
К датировке погребения 2 из Журова кургана 185
Полидович Ю.Б. (г. Донецк)
Находки предметов «Античного круга» VI в. до н.э.
на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья 190
Прокофьева Т.Е. (г. Ростов-на-Дону)
Новые раннесарматские комплексы на левобережье Дона 196
Скворцов Н.Б.(г. Волгоград)
Савроматские памятники из курганного могильника «Шляпа» 203
Скрипкин А.С. (г. Волгоград)
К проблеме политической организации сарматов 208
Соколов П.М. (г. Волжский)
Хронология савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья 212

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алпаткина Т.Г. (г. Москва)
Монгольское завоевание и судьба среднеазиатской традиции резьбы по ганчу 215
Алпаткина Т.Г., Ларионова Е.В. (г. Москва)
Сравнительный анализ почерков в эпиграфическом орнаменте резьбы
по ганчу в декоре среднеазиатских и нижневолжских памятников 221
Бабенко В.А. (г. Ставрополь), Обухов Ю.Д. (г. Буденновск)
Монеты в погребениях Маджара и его округи 225
Блохин В.Г. (г. Волгоград)
Средневековый погребальный комплекс с неординарным обрядом
из могильника Аксай-I 229
Болдырева Е.М. (г. Москва)
Китайское влияние на культуру Золотой Орды
(на примере материалов могильника Маячный бугор) 236
Бочаров С.Г. (г. Симферополь)
Находки кашинной керамики в городе Каффа (Крым) 238
Васильев Д.В. (г. Астрахань)
Методика обработки и общая характеристика массового материала
с Самосдельского городища 241
Глухов А.А. (г. Волжский)
О юго-восточной границе Царевского городища 249
Доде З.В. (г. Ставрополь)
Кочевнические погребения эпохи Золотой Орды: поиски критерия знатности 254
Жирова А.Г. (г. Астрахань)
Статистическая обработка погребального обряда кочевников эпохи Средневековья
по материалам Нижнего Поволжья (методика формализации данных) 264
Зиливинская Э.Д. (г. Москва)
К вопросу о датировке нижних слоев Самосдельского городища 268
Зиливинская Э.Д., Ермилов С.В. (г. Москва)
Сооружения из нижних слоев Самосдельского городища 273
Иванов В.А., Иванова М.И. (г.Уфа)
«Дешт-и-Огуз», «Заволжская Печенегия» и «Европейская Печенегия»:
к вопросу о месте огузов и печенегов на этнической карте Восточной Европы 275
Ильина О.А. (г. Камышин)
Даниловское городище, Терновское городище и Терновское селище 280
Кияшко Я.А. (г. Ростов-на-Дону)
Типология подкурганных ровиков в памятниках соколовского типа
(или типа соколовской балки) 284
Котеньков И.С. (г. Астрахань)
Перспективы археологических исследований в зоне российского сектора
Северного Каспия 286
Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. (г. Астрахань)
Элементы язычества в погребальных обрядах грунтовых могильников «Маячный-I-II» –
золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской области 292
Кубанкин Д.А. (г. Саратов)
Жилище мастера на северо-западной окраине Увекского городища 299
Курышова Н.П. (г. Волгоград)
Назначение бус в костюме средневекового кочевника 303
Лифанов Н.А. (г. Самара)
Еще раз о «славянах» на Волге и арабском походе на Хазарию 305
Ляхов С.В. (г. Ставрополь)
Погребение с деталями повозки позднекочевнического
времени Егорлык-Калаусского междуречья 309
Марыксин Д.В. (г. Уральск)
Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I 312

Матвеев А.В. (г. Астрахань)
Проблема подбора методики обработки костей рыб
из слоев средневековых городищ Нижнего Поволжья
(на примере остеологической коллекции Самосдельского городища) 317
Мыськов Е.П. (г. Волгоград)
Русское население Водянского городища 319
Недашковский Л.Ф. (г. Казань)
Клады золотоордынских монет с городища «Царевское»
и «Шареный бугор» и из их округи 324
Пальцева Д.У. (г. Астрахань)
Уникальные изделия из кости с Самосдельского городища 328
Пачкалов А.В. (г. Москва)
К вопросу об имени золотоордынского города,
находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги 332
Перерва Е.В. (г. Волгоград)
Маркеры стресса как индикаторы адаптации средневекового
оседлого населения (по материалам могильника Вакуровский бугор) 340
Пигарев Е.М. (г. Астрахань)
Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге 346
Попов П.В. (г. Астрахань)
О выделении западносибирского компонента
в составе восточноевропейских огузов 351
Попов П.В. (г. Астрахань)
Еще раз о городище Мошаик (читая статью С.А. Пантелеева
«О датировке городища Мошаик») 361
Прокофьев Р.В. (г. Ростов-на-Дону)
Курган с кирпичной наброской на левобережье Нижнего Дона 363
Сингатулин Р.А. (г. Саратов)
Гончарное ремесло средневекового Укека
(по материалам виброакустических исследований круговой керамики) 373
Скисов С.Ю. (г. Астрахань)
Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища
в золотоордынский период 375
Хабдулина М.К. (г. Астана)
Мавзолеи средневекового городища Бозок (река Ишим) 384
Юрченко А.Г. (г. Санкт-Петербург)
Образ хана Джанибека в Каталонском атласе 1375 г.
(визуализация символов власти) 391
Яворская Л.В. (г. Волгоград)
Самосдельское городище в золотоордынский период по данным археозоологии 399

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 403

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ

Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.)

Материалы публикуются в авторской редакции

Техническое редактирование *О.В. Якунина, Ю.А. Повх*
Компьютерная правка, верстка *Ю.А. Ященко, Р.Р. Машаевой*

Заказ № 2236. Тираж 125 экз.
Уч.-изд. л. 31,3. Усл. печ. л. 43,8.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru